

ИСТОРИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

2024, Том 7, №1

Подписано к публикации: 15.01.2024

Главный редактор журнала
Скопа Виталий Александрович
доктор исторических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

- Аккиева Светлана Исмаиловна (РФ, г. Нальчик) – доктор исторических наук*
Акмурзаева Зухра Магомедаминовна (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук, профессор
Бойко Владимир Сергеевич (РФ, г. Барнаул) – доктор исторических наук, доцент
Бруз Владимир Виленович (РФ, г. Москва) – доктор исторических наук, доцент,
Быстренко Валентинова Ивановна (РФ, г. Новосибирск) – доктор исторических наук, профессор
Галиева Зайраш Идрисовна (Кыргызстан, Бишкек) – доктор исторических наук, профессор
Гарсаев Лейчий Магамедович (РФ, г. Грозный) – доктор исторических наук, профессор,
Гашимов Рамис Рамазанович (РФ, г. Дербент) – кандидат исторических наук, доцент
Головашина Оксана Владимировна (РФ, г. Тамбов) – кандидат исторических наук, доцент
Исакиева Зулай Сулимовна (РФ, г. Грозный) – кандидат исторических наук, доцент
Купченко Константин Владимирович (РФ, Смоленск) – кандидат исторических наук, доцент
Макарчук Сергей Владимирович (РФ, г. Кемерово) – доктор исторических наук, профессор,
Мещеряков Константин Евгеньевич (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор исторических наук, доцент,
Мусаева Салихат Ибрагимовна (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук, профессор
Непомнящий Андрей Анатольевич (Респ. Крым, г. Симферополь) – доктор исторических наук, профессор
Пузыня Николай Николаевич (РФ, г. Иркутск) – доктор исторических наук, доцент
Сафин Фаиль Габдуллович (РФ, г. Уфа) – доктор исторических наук, профессор,
Сефербеков Руслан Ибрагимович (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук
Столярова Гузель Рафаиловна (РФ, г. Казань) – доктор исторических наук, профессор,
Терехов Олег Эдуардович (РФ, г. Кемерово) – доктор исторических наук, доцент,
Тонких Владимир Алексеевич (РФ, г. Воронеж) – доктор исторических наук, профессор
Фурсов Владимир Николаевич (РФ, Р. Воронеж) – доктор исторических наук, профессор
Худолеев Алексей Николаевич (РФ, г. Новокузнецк) – доктор исторических наук, доцент
Чайка Евгений Александрович (РФ, г. Славянск-на-Кубани) – кандидат исторических наук, доцент
Шаяхметова Венера Рюзальевна (РФ, г. Пермь) – кандидат исторических наук, доцент
Шкунов Владимир Николаевич (РФ, г. Самара) – доктор исторических наук, доктор педагогических наук
Ярцев Сергей Владимирович (РФ, г. Тула) – доктор исторических наук, доцент

«Исторический бюллетень» включен в перечень ВАК с 25.12.2020г., РИНЦ (Elibrary.ru)
Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-78050 от 4 марта 2020г. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2658-5685 (online)

Е-mail: historical@dgpu-journals.ru

Сайт: <http://hb-journal.ru>

© Исторический бюллетень, 2024

Содержание

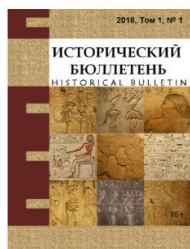
Яо Яо, Чжан Лу История и перспективы сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Россией	7-13
Волков А.С. Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка периода времени строительства культовых сооружений Древнего Египта на плато Гиза – пирамид Хеопса, Хефрена и Микерина	14-19
Демин А.В. За что воевала Россия в Первой мировой войне?	20-25
Сафин Ф.Ф., Шилкин Д.А. Морально-психологическое состояние молодежи Башкортостана в условиях рыночной экономики	26-33
Курков В.В., Асанова Э.С. Причины поражения российского флота в сражениях Русско-японской войны: к вопросу о содержании учебного материала для углубленного изучения в школьном курсе истории	34-39
Молчанова Е.Г. Социально-экономическая ситуация на юге Дальнего Востока и вопрос о порто-франко (вторая половина XIX – начало XX вв.)	40-44
Юрченко Е.С., Кулаков Е.С. Праворадикальные партии и движения в Германии в 1990-2000-е годы	45-53
Бабарико К.Б. Советские специалисты в народном университете КНР	54-59
Бородовский А.И. Итинерарии князя Владимира Андреевича Старицкого (1535-1569)	60-77
Краснокутский В.С. Внутренняя политика по реабилитации воинов на казенных курортах (1914 г.) в истории России	78-87
Муסיнова И.А. Дипломатическая миссия Мин Ёнхвана в Европу в 1897 г.: успехи и неудачи	88-95
Токмаков В.С. Старые некрополи: постановка проблемы (на примере юга Дальнего Востока России)	96-105
Кутищев А.В. Военные кампании 1703 года Великой Северной войны (1700-1721 гг.) и войны за испанское наследство (1701-1714 гг.): общее и особенное	106-119
Скопа В.А. Имперская политика переселения в Степной край: особенности и специфика (конец XIX – начало XX вв.)	120-125
Ковалев Д.В., Омельченко Н.А. Проблема модернизации аграрного строя России в контексте экономической политики государства	126-130

Патракеев А.В. Промышленный травматизм на предприятиях Санкт-Петербургской губернии в начале XX века	131-138
Гапсаламов А.Р., Бочкарева Т.Н., Васильев В.Л., Мухамедов Р.А. Значение коммунистической партии в решении хозяйственных задач первой половины XX века (на материалах Республики Татарстан)	139-143
Желтов А.А. Критический анализ категории «изгой» Русской Правды	144-149
Иванов А.М., Купченко К.В., Федоскин Н.Н. Нарушения правил советской торговли в отчётах комитета партийного контроля при ЦК КПСС в конце 1970-х годов (по материалам Смоленской области)	150-155
Кирчанов М.В. Святые индонезийского ислама: траектории социального и религиозного опыта	156-167
Токарева С.Н. Обеспечение порядка уголовным розыском в 1920-е годы (по материалам Центрального Черноземья России)	168-177
Чижик К.В. Материально-бытовое снабжение социально-уязвимых слоев населения в 1964-1985 гг. (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югра)	178-182
Вахитов Р.Р. Влияние частного коммерческого сектора на развитие кибертехнологий США	183-191
Гетьман Д.И. Историография детской санитарии в г. Санкт-Петербурге во второй половине XIX – начале XX вв.	192-202
Спичак А.В. Многочисленные ссылки в Тобольской епархии во второй половине XIX в.: делопроизводство и наказания	203-212
Хаджиева Б.М., Гациева Т.И., Бондарь И.А. Сирийский конфликт: Россия как субъект процесса урегулирования	213-221
Иванов А.М., Купченко К.В., Федоскин Н.Н. Организация выезда за границу советских граждан в первой половине 1980-х годов по материалам Смоленской области	222-227
Выгодин В.А. Война за испанское наследство 1701-1714: обзор исследований	228-237
Иванов А.О. Мишна Тора Маймонида и другие еврейские источники о европейской иудейской работоторговле VIII-XI веков	238-254
Цзинь Вэйчжоу Влияние русского языка и культуры на язык и культуру местных (других) национальностей в Синьцзяне в Китае	255-261

Contents

Yao Yao, Zhang Lu History and prospects of cooperation between Heilongjiang province and Russia	7-13
Volkov A.S. Historical and chronological study of documentary sources and dating the period of construction of religious buildings of Ancient Egypt on the Giza plateau – the pyramids of Cheops, Khafre and Mikerin	14-19
Demin A.V. Why did Russia fight in the First World War?	20-25
Safin F.F., Shilkin D.A. The moral and psychological state of the youth of Bashkortostan in a market economy	26-33
Kurkov V.V., Asanova E.S. Reasons for the defeat of the Russian navy in the battles of the Russian-Japanese War: on the issue of the content of teaching material for in-depth study in a school history course	34-39
Molchanova E.G. Socio-economic situation in the south of the Far East and the issue of porto-franco (the second half of the XIX – early XX centuries)	40-44
Yurchenko E.S., Kulakov E.S. Right-wing radical parties and movements in Germany in the 1990-2000s.	45-53
Babariko K.B. Soviet specialists at the People’s University of the People’s Republic of China	54-59
Borodovsky A.I. Itineraries of prince Vladimir Andreevich of Staritsa (1535-1569)	60-77
Krasnokutsky V.S. Internal policy on the rehabilitation of soldiers at state-owned resorts (1914) in the history of Russia	78-87
Musinova I.A. Min Yeonghwan’s diplomatic mission to Europe in 1897: successes and failures	88-95
Tokmakov V.S. Old necropolises: problem statement (on the example of the south of the Russian Far East)	96-105
Kutishchev A.V. The 1703’s military campaigns of the Great Northern War (1700-1721) and the War of the Spanish Succession (1701-1714): common and individual	106-119
Skopa V.A. Imperial policy of resettlement in the Steppe region: features and specifics (late 19th – early 20th centuries)	120-125
Kovalev D.V., Omelchenko N.A. The problem of modernization of the agrarian system of Russia in the context of the economic policy of the state	126-130

Patrakeev A.V. Industrial injuries at enterprises of the St.-Petersburg province in the early XX century	131-138
Gapsalamov A.R., Bochkareva T.N., Vasiliev V.L., Mukhamedov R.A. The importance of the Communist Party in solving economic problems of the first half of the twentieth century (based on the materials of the Republic of Tatarstan)	139-143
Zheltoy A.A. Critical analysis of the category «outcasts» of Russian Pravda	144-149
Ivanov A.M., Kupchenko K.V., Fedoskin N.N. Violations of the rules of Soviet trade in the reports of the Party Control Committee under the Central Committee of the CPSU in the late 1970s (based on the materials of the Smolensk region)	150-155
Kirchanov M.V. Saints of Indonesian Islam: trajectories of social and religious experience	156-167
Tokareva S.N. Ensuring the order of criminal investigation in the 1920-s (based on the materials of the Central Chernozem region of Russia)	168-177
Chizhik K.V. Material and household supplies to socially vulnerable segments of the population in 1964-1985 (using the example of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra)	178-182
Vakhitov R.R. Impact of the private commercial sector on the development of USA cyber technologies	183-191
Getman D.I. Historiography of children`s sanitation in St. Petersburg in the second half of the XIX – early XX centuries	192-202
Spichak A.V. Polygamy of exiles in the Tobolsk Diocese in the second half of the 19th century: proceedings and punishments	203-212
Hadzhieva B.M., Gatsieva T.I., Bondar I.A. The Syrian conflict: Russia as a subject of the settlement process	213-221
Ivanov A.M., Kupchenko K.V., Fedoskin N.N. Organization of travel abroad of Soviet citizens in the first half of the 1980s based on the materials of the Smolensk region	222-227
Vygodin V.A. The War of the Spanish Succession 1701-1713: research review	228-237
Ivanov A.O. Mishneh Torah by Rambam and other Jewish sources about European Jewish slave trading of the 8 th – 11 th centuries	238-254
Jin Weizhou Influence of Russian language and culture on the language and culture of Xinjiang local (other) nationalities in China	255-261

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2024, Том 7, № 1 / 2024, Vol. 7, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 339

История и перспективы сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Россией

^{1,2} Яо Яо,
² Чжан Лу,

¹ Институт экономики и менеджмента, Хэйхэский университет, Китай,
² Хэйхэский университет, Китай

Аннотация: в статье приводятся результаты анализа сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян и Россией в различных областях, рассматривается историческая эволюция сотрудничества между двумя странами, и прогнозируются тенденции будущего развития. По результатам исследования было выявлено, что эволюция сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян и Россией берет свое начало с 19 века. В настоящее время, благодаря продвижению реформ и открытости, а также подписанию соглашений, китайско-российское сотрудничество перешло в стадию стратегического партнерства и достигло плодотворных результатов в области экономики, энергетики, сельского хозяйства, науки и техники, культурных обменов и образования. Однако оно по-прежнему сталкивается с такими проблемами, как экономические барьеры, политические и географические факторы, координация двусторонних отношений и несбалансированное развитие. Для решения указанных проблем авторами предложены направления будущего взаимодействия и развития, включая исследование новых областей и моделей сотрудничества, укрепление межправительственного сотрудничества и стратегического взаимодействия, активизация гражданских обменов и гуманитарного сотрудничества, сотрудничества в области охраны окружающей среды и устойчивого развития, содействие строительству инфраструктуры и связи. Это будет способствовать укреплению сотрудничества между провинцией Хэйлунцзян и Россией, что откроет более широкие перспективы развития.

Ключевые слова: провинция Хэйлунцзян, Китай, российско-китайское сотрудничество, международные связи, международная торговля, международное сотрудничество

Для цитирования: Яо Яо, Чжан Лу История и перспективы сотрудничества провинции Хэйлунцзян с Россией // Исторический бюллетень. 2024. Том 7. № 1. С. 7 – 13.

Поступила в редакцию: 12 сентября 2023 г.; *Одобрена после рецензирования:* 16 ноября 2023 г.; *Принята к публикации:* 15 января 2024 г.

History and prospects of cooperation between Heilongjiang province and Russia

^{1,2} Yao Yao,
² Zhang Lu,

¹ School of Economics and Management, Heihe University, China,
² Heihe University, China

Abstract: the article presents the results of the analysis of cooperation between Heilongjiang Province and Russia in various fields, examines the historical evolution of cooperation between the two countries, and predicts future development trends. Early contacts and trade exchanges laid the foundation for cooperation between the two countries, while cooperation and problems during the period of Sino-Soviet relations limited cooperation at the political and economic levels.

Currently, thanks to the promotion of reforms and openness, as well as the signing of agreements, Sino-Russian

cooperation has moved into the stage of strategic partnership and has achieved fruitful results in the fields of economy, energy, agriculture, science and technology, cultural exchanges and education. However, it still faces problems such as economic barriers, political and geographical factors, coordination of bilateral relations and unbalanced development. To solve these problems, the authors propose directions for future cooperation and development, including the study of new areas and models of cooperation, strengthening intergovernmental cooperation and strategic interaction, intensification of civil exchanges and humanistic cooperation, cooperation in the field of environmental protection and sustainable development, assistance to the construction of infrastructure and communications. This will help strengthen cooperation between Heilongjiang Province and Russia, which will open up broader prospects for development.

Keywords: Heilongjiang Province, China, Russian-Chinese cooperation, international relations, international trade, international cooperation

For citation: Yao Yao, Zhang Lu *History and prospects of cooperation between Heilongjiang province and Russia. Historical Bulletin. 2024. 7 (1). P. 7 – 13.*

The article was submitted: September 12, 2023; Approved after reviewing: November 16, 2023; Accepted for publication: January 15, 2024.

Введение

Провинция Хэйлуцзян расположена на северо-востоке Китая и является провинцией с самой протяженной границей между Китаем и Россией. Она граничит с Дальним Востоком России, что делает ее географическое положение очень важным для обеих стран. Исторически обмены и сотрудничество между провинцией Хэйлуцзян и Россией уходят корнями в середину 19 века, когда, с развитием северо-восточной границы Китая и экспансией России, две страны начали налаживать контакты и торговлю в этом регионе. Бассейн реки Хэйлуцзян на северо-востоке Китая стал важным торговым каналом между двумя странами. В период существования СССР сотрудничество стран практически прекратилось по всем направлениям, что было обусловлено закрытостью стран. Впоследствии, с осуществлением реформ и проявлением открытости сотрудничество между Китаем и Россией постепенно восстанавливалось и укреплялось. С конца 1980-х по начало 1990-х годов Китай и Россия подписали ряд соглашений, которые обеспечили стабильную правовую базу для торговли и сотрудничества между двумя странами. Провинция Хэйлуцзян стала важным центром торгового сотрудничества между Китаем и Россией, когда обе стороны осуществляют активное сотрудничество в области экономики, энергетики, науки и техники, сельского хозяйства и культуры. Актуальность исследования обусловлена теми возможными перспективами, которые присущи вышеуказанному сотрудничеству.

Эволюция сотрудничества между провинцией Хэйлуцзян и Россией

В середине 19 века Северо-Восточный Китай и Дальний Восток России установили первые контакты и совершили торговые обмены, которые

ознаменовали формирование и развитие экономических и культурных связей между указанными странами. В этот период Северо-Восточный Китай, являясь воротами в восточную часть азиатского континента, занимал важное геополитическое и стратегическое положение. На этом фоне Китай и Россия подписали «Общие принципы китайско-российской торговли» в 1881 году, установив Хэйлуцзян в качестве основного канала торговли между ними. Соглашение устанавливало основные принципы и конкретные правила торговли, включая обмен товарами, налоговое регулирование и процедуры таможенного оформления. Подписание этого соглашения способствовало развитию торговых обменов между провинцией Хэйлуцзян и Россией и заложило основу для экономического сотрудничества между двумя сторонами. Контакты и торговые обмены в этот период стали важным историческим фоном для развития сотрудничества между провинцией Хэйлуцзян и Россией.

В период китайско-советских отношений сотрудничество между провинцией Хэйлуцзян и Россией было ограничено и зависело от политических факторов. Так, политические трения и идеологические разногласия между Китаем и Советским Союзом создали определенные проблемы для двустороннего сотрудничества. Это включает в себя китайско-советский пограничный спор и различия в позициях по вопросам территориальной целостности и суверенитета. Эти политические факторы в определенной степени ограничили сотрудничество и обмены между провинцией Хэйлуцзян и Россией. Однако в данный период, несмотря на политические вызовы, торгово-экономическое сотрудничество между провинцией Хэйлуцзян и Россией все еще существовало и

развивалось. Это касалось торговли сырьевыми товарами, инвестиционного сотрудничества и технических обменов между двумя сторонами.

Проведение китайских реформ и политики экономической открытости оказала положительное влияние на китайско-российское сотрудничество, а также предоставила возможность для постепенного восстановления и укрепления сотрудничества между провинцией Хэйлуунцзян и Россией в области экономики, торговли и инвестиций. Это касается расширения доступа на рынки между двумя сторонами, снижения торговых барьеров и углубления реформы экономической системы, которая заложила основу для установления стратегического партнерства.

Затем, в конце 1980-х и начале 1990-х годов, Китай и Россия подписали пограничное соглашение, которое обеспечило правовую основу для торговли и сотрудничества между двумя сторонами. Подписание этого соглашения означало установление консенсуса между двумя странами по пограничному вопросу и обеспечило стабильную и надежную основу для сотрудничества между провинцией Хэйлуунцзян и Россией. Подписание соглашения о границе также способствовало развитию бесперебойной торговли, обмену персоналом и инвестиционному сотрудничеству. Также укрепилось сотрудничество в области энергетики, сельского хозяйства, обрабатывающей промышленности и инновационных технологий, развивались культурные обмены и сотрудничество в области образования.

Результаты сотрудничества провинции Хэйлуунцзян с Россией

Экономическое сотрудничество между провинцией Хэйлуунцзян и Россией достигло значимых результатов в области торговли, инвестиций и промышленного сотрудничества и оказало положительное влияние на экономическое развитие обеих сторон. Благодаря торговому сотрудничеству с Россией провинция Хэйлуунцзян приобрела богатые ресурсы и рыночные возможности, а также повысила уровень регионального экономического развития. Также поощрялось инвестиционное сотрудничество между двумя сторонами, включая инвестиционные проекты в области энергетики, инфраструктуры, обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства. Кроме того, было укреплено промышленное сотрудничество, и обе стороны совместно запустили ряд совместных предприятий и проектов сотрудничества, способствующих оптимизации и модернизации промышленной структуры [11].

Сотрудничество в области энергетики является одним из важных направлений взаимодействия

Китая и Россией. Обе стороны осуществляют сотрудничество в нефтегазовой сфере, включая разработку и транспортировку энергоресурсов. Благодаря сотрудничеству с Россией в нефтегазовой сфере провинция Хэйлуунцзян обеспечила стабильное энергоснабжение и поддержала экономическое развитие региона. Кроме того, обе стороны также сотрудничают в области электроэнергетики, включая обмен электроэнергией, строительство трансграничных электросетей и проекты в области экологически чистой энергетики [8]. В последние годы обе стороны также укрепили сотрудничество в области новой энергетики, включая сотрудничество в области солнечной энергетики, энергии ветра и биоэнергетики, и способствовали развитию устойчивой энергетики [10].

Сотрудничество между провинцией Хэйлуунцзян и Россией в области сельского хозяйства и безопасности пищевых продуктов дало значимые результаты. Обе стороны укрепили торговлю сельскохозяйственной продукцией и способствовали распространению и развитию рынка сельскохозяйственной продукции. Кроме того, обе стороны также осуществляли обмен сельскохозяйственными технологиями и сотрудничество, а также делились опытом и технологиями в области посадки, селекции и управления сельским хозяйством. Сотрудничество также включает в себя контроль за безопасностью пищевых продуктов и качеством, укрепляет сотрудничество и обмен мнениями по вопросам безопасности пищевых продуктов между двумя сторонами, а также защищает права и здоровье потребителей [2, 13].

Культурные обмены и сотрудничество в области образования сыграли важную роль в развитии сотрудничества между провинцией Хэйлуунцзян и Россией. Обе стороны работали над укреплением академического обмена, организовывали академические семинары, проводили обменные визиты ученых и совместные исследовательские проекты, а также способствовали академическим обменам и сотрудничеству. Что касается культурных обменов, то две страны проводят художественные выставки, культурные фестивали и мероприятия по культурному обмену, углубляя взаимопонимание и дружбу между двумя народами [6]. Кроме того, были также расширены туристические обмены, способствующие развитию туризма и совместному использованию туристических ресурсов между двумя сторонами [4].

Сотрудничество в области образования является важной частью сотрудничества между двумя сторонами, включая студенческие обмены, подготовку преподавателей и проекты академического сотрудничества. Провинция Хэйлуунцзян и Россия

запустили проект по студенческому обмену, который способствовал взаимопониманию и дружбе между молодыми студентами и укрепил дружеские чувства двух народов. Что касается подготовки учителей, то обе стороны осуществили визиты по обмену учителями и учебные проекты для повышения уровня преподавания и профессиональной грамотности учителей. Кроме того, две страны совместно осуществляли сотрудничество в области научных исследований, а также содействовали научно-техническим инновациям и обмену знаниями [9].

*Текущие проблемы и перспективы
развития сотрудничества*

В настоящее время провинция Хэйлунцзян сталкивается с некоторыми экономическими проблемами в сотрудничестве с Россией. С одной стороны, международная торговая среда нестабильна, с торговыми барьерами и протекционистскими тенденциями, которые могут вызвать определенные ограничения и последствия для торговли между двумя сторонами. С другой стороны, существуют различия в требованиях и стандартах доступа на рынок, для устранения которых требуются совместные усилия обеих сторон. Кроме того, из-за различий в уровне экономического развития и промышленной структуре двух сторон конкуренция также является проблемой [3, 10]. Однако эти вызовы также открывают возможности. Укрепляя торговое сотрудничество, способствуя открытию рынков и укрепляя промышленные связи, обе стороны могут совместно решать проблемы и достигать взаимной экономической выгоды и беспроигрышной ситуации.

Текущие изменения в международной обстановке также могут оказать влияние на сотрудничество между провинцией Хэйлунцзян и Россией. Геополитические факторы, напряженность в международных отношениях и изменения в среде международного сотрудничества – все это может привести определенное давление и неопределенность в сотрудничестве между двумя сторонами. Поэтому обеим сторонам необходимо уделять пристальное внимание развитию международной ситуации и укреплять политический диалог и координацию для обеспечения плавного продвижения сотрудничества. В то же время необходимо активно продвигать многостороннее сотрудничество, расширять сотрудничество и создавать лучшие политические и географические условия для этого.

Сотрудничество между провинцией Хэйлунцзян и Россией необходимо для поддержания координации и стабильности двусторонних отношений. Несмотря на то, что обе стороны создали ме-

ханизмы сотрудничества во многих областях, им по-прежнему необходимо укреплять коммуникацию и координацию, чтобы обеспечить баланс интересов и разногласий. Стабильность двусторонних отношений имеет большое значение для содействия развитию сотрудничества. Необходимо создать механизм взаимного доверия, укрепить обмена на высоком уровне, разрешить существующие проблемы и разногласия и обеспечить устойчивое развитие.

Существует определенный разрыв в экономике и уровне развития между провинцией Хэйлунцзян и Россией, а также дисбаланс в этом развитии. С одной стороны, провинции Хэйлунцзян необходимо активизировать свои усилия по повышению собственного уровня развития и сокращению экономического разрыва с Россией. Это требует усиления строительства инфраструктуры, содействия модернизации промышленности и инновационному развитию, а также повышения экономической конкурентоспособности и потенциала устойчивого развития [7, 12]. С другой стороны, обе стороны могут способствовать скоординированному развитию между регионами и сокращать региональные разрывы посредством проектов сотрудничества и политической поддержки, путем оптимизации распределения ресурсов, содействия мобильности персонала и передаче технологий, реализации взаимодополняющего и синергетического развития ресурсных преимуществ и содействия процессу региональной экономической интеграции.

Также необходимо отметить, что в китайско-российском сотрудничестве устойчивое развитие и охрана окружающей среды являются важными вопросами. Обеим сторонам необходимо совместно решать такие проблемы, как загрязнение окружающей среды и изменение климата, а также принимать эффективные меры по защите экологической среды и рациональному использованию ресурсов. Сотрудничество должно уделять внимание охране окружающей среды, исследованиям и разработкам «зеленых» технологий и использованию возобновляемых источников энергии, а также способствовать скоординированному развитию экономического роста и охране окружающей среды [14]. Обе стороны могут усилить обмен экологической информацией, осуществлять экологический мониторинг и оценку, совместно решать трансграничные экологические проблемы, создавать механизмы сотрудничества в области охраны окружающей среды и обмениваться передовым опытом для достижения целей устойчивого развития [1].

Для решения проблем и реализации возможностей провинция Хэйлунцзян и Россия могут разви-

вать новые области и модели сотрудничества, таких как цифровая экономика, искусственный интеллект, биотехнологии и высокотехнологичное производство, для совместного продвижения инноваций и научно-технического развития [5]. В то же время могут быть изучены новые модели сотрудничества, такие как трансграничная электронная торговля, сотрудничество в промышленных парках, двусторонние инвестиционные фонды и т.д., для содействия экономической интеграции и взаимодополняемости двух сторон.

Провинции Хэйлуцзян и России необходимо укреплять сотрудничество и стратегическую увязку между правительствами, чтобы способствовать углубленному развитию отношений. Обе стороны могут расширять обмен знаниями на высоком уровне. В областях, представляющих общий интерес, таких как экономика и торговля, инвестиции, энергетика, сельское хозяйство, создавать механизмы регулярного диалога для решения проблем в сотрудничестве и повышения эффективности и результатов сотрудничества.

Кроме того, обе стороны могут укреплять гуманитарные обмены на всех уровнях (академические обмены, культурные обмены и туристические обмены). Благодаря культурным фестивалям, художественным выставкам, спортивным мероприятиям и другим мероприятиям взаимопонимание и дружба между двумя народами будут углубляться. В то же время важно укреплять образовательные обмены, поощрять студенческие обмены и подготовку учителей, а также оказывать поддержку в обучении талантов и повышении качества образования с обеих сторон.

В процессе сотрудничества провинция Хэйлуцзян и Россия должны совместно уделять внимание охране окружающей среды и устойчивому развитию. Обе стороны могут усилить обмен экологической информацией и данными, проводить совместный экологический мониторинг и оценку, а также совместно бороться с загрязнением окружающей среды и экологическим ущербом. В то же время важно поощрять разработку и использование экологически чистой энергии, развивать сотрудничество в области возобновляемых источников энергии, снижать зависимость от традиционных источников энергии и реализовывать устойчивое использование энергии.

Таким образом, для решения выявленных проблем провинции Хэйлуцзян и России необходимо укреплять стратегическое взаимодействие и планирование сотрудничества. Обе стороны могут укреплять проектное сотрудничество, поощрять предприятия к участию в кооперации и способствовать углубленному развитию экономического сотрудничества. В то же время важно развивать обмен кадрами и знаниями, а также способностями и талантами с обеих сторон. Кроме того, важно укреплять правовое сотрудничество и защиту интеллектуальной собственности, чтобы обеспечить правовую гарантию и среду для сотрудничества между двумя сторонами. Наконец, необходимо активно участвовать в региональном и международном сотрудничестве, укреплять сотрудничество с другими регионами и странами, что будет способствовать процветанию и устойчивому развитию региональной экономики Хэйлуцзяна.

Финансирование

Проект фонда: Бизнес-расходы на фундаментальные научные исследования высших учебных заведений провинции Хэйлуцзян в 2022 году. Проект: Исследование путей развития трансграничной электронной торговли сельскохозяйственной продукцией в рамках строительства «Цифрового Луцзяна» (Номер: 2022-KYYWF-0388)

Список источников

1. Ван Х., Бай Й. Роль охраны окружающей среды в продвижении китайско-российского экономического сотрудничества: данные из провинции Хэйлуцзян // Журнал Северо-Восточного сельскохозяйственного университета (издание по социальным наукам). 2020. № 23 (4). С. 43 – 48.
2. Ванг Л., Sun Y. Анализ сельскохозяйственного сотрудничества между провинцией Хэйлуцзян и Россией // Журнал Харбинского университета. 2017. № 38 (4). С. 87 – 92.
3. Ли, Х., Ченг, Л. Экономическое и торговое сотрудничество между провинцией Хэйлуцзян и Россией в рамках инициативы "Один пояс, один путь" // Журнал Хэйлуцзянского педагогического колледжа. 2019. № 38 (3). С. 121 – 126.
4. Ли Х., Чжан Х. Анализ культурного обмена и сотрудничества между провинцией Хэйлуцзян и Россией // Журнал Университета Цицикар (издание по философии и социальным наукам). 2021. № 42 (4). С. 121 – 126.
5. Лю З., Го У. Роль научно-технических инноваций в китайско-российском экономическом сотрудничестве: на примере провинции Хэйлуцзян // Научно-технический прогресс и политика. 2018. № 35 (22). С. 71 – 75.

6. Лю Ю., Ванг К. Исследование гуманистического обмена и образовательного сотрудничества между провинцией Хэйлуунцзян и Россией // Российские исследования. 2020. № 38 (6). С. 80 – 85.
7. Сюй С., Ли М. Влияние строительства инфраструктуры на китайско-российское экономическое сотрудничество: на примере провинции Хэйлуунцзян // Журнал Северо-Восточного лесного университета (социальные науки). 2019. № 21 (4). С. 41 – 45.
8. Ху Т., Го М. Исследование энергетического сотрудничества между провинцией Хэйлуунцзян и Россией // Журнал Харбинского технологического института (издание по общественным наукам). 2018. № 20 (2). С. 54 – 59.
9. Чен Дж., Чжао Ю. Текущая ситуация и перспективы научно-технического инновационного сотрудничества между провинцией Хэйлуунцзян и Россией // Журнал Хэйлуунцзянского университета (издание по философии и социальным наукам). 2019. № 36 (5). С. 95 – 100.
10. Чен Й., Ванг Й. Эволюция китайско-российских экономических отношений: от торговли к инвестициям // Международный журнал изучения Китая. 2018. № 9 (3). С. 289 – 308.
11. Чжан Q., Вэй Л. Возможности и вызовы провинции Хэйлуунцзян в китайско-российском экономическом и торговом сотрудничестве // Журнал Даляньского технологического университета (социальные науки). 2020. № 41 (6). С. 124 – 129.
12. Чжан Л., Ванг Дж. Пути и контрмеры для провинции Хэйлуунцзян по развитию сотрудничества с Россией в области строительства инфраструктуры // Научно-техническая информация Хэйлуунцзяна. 2018. № 19 (3). С. 92 – 97.
13. Чжан У., Ванг Л. Исследование торгового сотрудничества в области сельского хозяйства между провинцией Хэйлуунцзян и Россией на фоне китайско-российского сотрудничества // Руководство по бизнесу и торговле в Китае. 2021. № 22 (3). С. 112 – 115.
14. Чжао X., Li Q. Исследование сотрудничества в области охраны окружающей среды между провинцией Хэйлуунцзян и Россией // Журнал Северо-Восточного сельскохозяйственного университета (издание по социальным наукам). 2021. № 26 (1). С. 112 – 118.

References

1. Wang X., Bai Y. The role of environmental protection in promoting Chinese-Russian economic cooperation: evidence from Heilongjiang Province. Journal of the North-Eastern Agricultural University (social science publication). 2020. No. 23 (4). P. 43 – 48.
2. Wang L., Sun Y. Analysis of agricultural cooperation between Heilongjiang Province and Russia. Journal of Harbin University. 2017. No. 38 (4). P. 87 – 92.
3. Li, X., Cheng, L. Economic and trade cooperation between Heilongjiang Province and Russia within the framework of the “One Belt, One Road” initiative. Journal of Heilongjiang Teachers College. 2019. No. 38 (3). P. 121 – 126.
4. Li X., Zhang H. Analysis of cultural exchange and cooperation between Heilongjiang Province and Russia. Journal of Qiqihar University (published on philosophy and social sciences). 2021. No. 42 (4). P. 121 – 126.
5. Liu Z., Guo W. The role of scientific and technological innovation in Chinese-Russian economic cooperation: the example of Heilongjiang Province. Scientific and technological progress and politics. 2018. No. 35 (22). P. 71 – 75.
6. Liu Y., Wang K. Study of humanistic exchange and educational cooperation between Heilongjiang Province and Russia. Russian Studies. 2020. No. 38 (6). P. 80 – 85.
7. Xu S., Li M. The impact of infrastructure construction on Chinese-Russian economic cooperation: the example of Heilongjiang Province. Journal of the North-Eastern Forestry University (social sciences). 2019. No. 21 (4). P. 41 – 45.
8. Hu T., Guo M. Research on energy cooperation between Heilongjiang Province and Russia. Journal of the Harbin Institute of Technology (publication on social sciences). 2018. No. 20 (2). P. 54 – 59.
9. Chen J., Zhao Y. Current situation and prospects of scientific and technological innovative cooperation between Heilongjiang Province and Russia. Journal of Heilongjiang University (published on philosophy and social sciences). 2019. No. 36 (5). P. 95 – 100.
10. Chen Y., Wang Y. Evolution of Chinese-Russian economic relations: from trade to investment. International Journal of Chinese Studies. 2018. No. 9 (3). P. 289 – 308.
11. Zhang Q., Wei L. Opportunities and challenges of Heilongjiang province in Chinese-Russian economic and trade cooperation. Journal of Dalian University of Technology (Social Sciences). 2020. No. 41 (6). P. 124 – 129.

12. Zhang L., Wang J. Ways and countermeasures for Heilongjiang Province to develop cooperation with Russia in the field of infrastructure construction. Scientific and Technical Information of Heilongjiang. 2018. No. 19 (3). P. 92 – 97.

13. Zhang W., Wang L. Study of trade cooperation in the field of agriculture between Heilongjiang Province and Russia against the backdrop of Chinese-Russian cooperation. Guide to Business and Trade in China. 2021. No. 22 (3). P. 112 – 115.

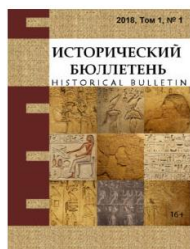
14. Zhao X., Li Q. Study of cooperation in the field of environmental protection between Heilongjiang Province and Russia. Journal of the North-Eastern Agricultural University (social science publication). 2021. No. 26 (1). P. 112 – 118.

Информация об авторах

Яо Яо, доктор философии, преподаватель, Институт экономики и менеджмента, Хэйхэский университет, Китай, 123060625@qq.com

Чжан Лу, Институт экономики и менеджмента, Хэйхэский университет, Китай

© Яо Яо, Чжан Лу, 2024

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2024, Том 7, № 1 / 2024, Vol. 7, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 930.24

Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка периода времени строительства культовых сооружений Древнего Египта на плато Гиза – пирамид Хеопса, Хефрена и Микерина

¹ Волков А.С.,
¹ индивидуальный предприниматель

Аннотация: в статье проводится комплексное историко-хронологическое исследование сохранившихся документальных источников, описывающих исторические события, происходившие в Древнем Египте на промежутке времени от взятия Трои до вторжения Скифов. Целью исследования, в котором применяются специальные методы исторического исследования является установление подлинной датировки периода времени возведения на плато Гиза пирамид Хеопса, Хефрена и Микерина, одних из древнейших культовых сооружений Древнего Египта и всей человеческой цивилизации. Одним из первых Европейских историков вопрос хронологии строительства этих величайших архитектурных памятников Древнего Египта исследовал Евсевий Кесарийский. Он, изучив письменные свидетельства Древнеегипетских историков и жрецов, в частности Манефона, поместил в соответствии со шкалой времени, в своём труде «Хронология» правителей Мемфисской династии Древнего Египта, при которых были построены знаменитые пирамиды в Гизе в 4-ю династию. Большинство современных хронологов, исследующих историю Древнего Египта, несмотря на имеющиеся разногласия, сходятся на том, что этот грандиозный комплекс погребальных сооружений был возведён в Древнем царстве в период правления царей IV-VI династий, а именно между XXVI и XXIII веками до н.э.

Проведённое комплексное историко-хронологическое исследование сохранившихся документальных источников позволило определить достоверный период времени сооружения знаменитых пирамид на плато Гиза в Древнем Египте. Возведение этих погребально-религиозных объектов для фараонов Хуфу, Хафры и Менкауры было осуществлено между 1197 и 1260 годами н.э. Полученная датировка значительно отличается от принятой, в официальной исторической хронологии Древнего Египта, но соответствует по времени полученным в предыдущих исследованиях автора датировкам «Паросской хроники», «Затмения Фалеса», «Взятия Трои» и «Эры Набонассара». Полученная датировка даст возможность уточнить хронологические данные по историческим событиям, происходившим в Древнем Египте, Ассирии и Вавилоне.

Ключевые слова: история, хронология, Древний Египет, Хеопс, Хефрен, Микерин, пирамиды в Гизе, Евсевий Кесарийский, Геродот

Для цитирования: Волков А.С. Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка периода времени строительства культовых сооружений Древнего Египта на плато Гиза – пирамид Хеопса, Хефрена и Микерина // Исторический бюллетень. 2024. Том 7. № 1. С. 14 – 19.

Поступила в редакцию: 12 сентября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 16 ноября 2023 г.; Принята к публикации: 15 января 2024 г.

Historical and chronological study of documentary sources and dating the period of construction of religious buildings of Ancient Egypt on the Giza plateau – the pyramids of Cheops, Khafre and Mikerin

¹ Volkov A.S.,
¹ Individual Entrepreneur

Abstract: the article conducts a comprehensive historical and chronological study of surviving documentary sources describing historical events that took place in Ancient Egypt during the period from the capture of Troy to the Scythian invasion. The purpose of the study, which uses special methods of historical research, is to establish the true dating of the period of construction on the Giza plateau of the pyramids of Cheops, Khafre and Mikerin, one of the most ancient religious buildings of Ancient Egypt and the entire human civilization. One of the first European historians, the question of the chronology of the construction of these greatest architectural monuments of Ancient Egypt was studied by Eusebius of Caesarea. He, having studied the written evidence of Ancient Egyptian historians and priests, in particular Manetho, placed, in accordance with the time scale, in his work «Chronology» the rulers of the Memphis dynasty of Ancient Egypt, under which the famous pyramids in Giza were built in the 4th dynasty. Most modern chronologists studying the history of Ancient Egypt, despite the existing disagreements, agree that this grandiose complex of funerary structures was erected in the Old Kingdom during the reign of the kings of the IV-VI dynasties, namely between the XXVI and XXIII centuries BC.

A comprehensive historical and chronological study of surviving documentary sources made it possible to determine the reliable period of time for the construction of the famous pyramids on the Giza plateau in Ancient Egypt. The construction of these funerary and religious objects for the pharaohs Khufu, Khafre and Menkaure was carried out between 1197 and 1260 AD. The resulting dating differs significantly from that accepted in the official historical chronology of Ancient Egypt, but corresponds in time to the datings of the «Parian Chronicle», «Eclipse of Thales», «Taking of Troy» and «Era of Nabonassar» obtained in the author's previous studies. The resulting dating will make it possible to clarify chronological data on historical events that took place in Ancient Egypt, Assyria and Babylon.

Keywords: history, chronology, Ancient Egypt, Cheops, Khafre, Mikerin, pyramids at Giza, Eusebius of Caesarea, Herodotus

For citation: Volkov A.S. Historical and chronological study of documentary sources and dating the period of construction of religious buildings of Ancient Egypt on the Giza plateau – the pyramids of Cheops, Khafre and Mikerin. *Historical Bulletin*. 2024. 7 (1). P. 14 – 19.

The article was submitted: September 12, 2023; Approved after reviewing: November 16, 2023; Accepted for publication: January 15, 2024.

Введение

Историки, с древних времён делали попытки установить точную датировку периода времени возведения в Древнем Египте на плато Гиза грандиозных культово-погребальных пирамидоидальных сооружений в честь фараона Хеопса (Хуфу), фараона Хефрена (Хафры) и фараона Микерина (Менкауры). Историки считают, что возведение Великой пирамиды продолжалось в течении всего срока правления фараона Хеопса (Хуфу), то есть приблизительно двадцать лет и завершилось около 2540 года до н.э. [1]. Методы астрономической хронологии, использованные профессором Кейт Спенс из университета в Кембридже, для датировки возведения культовых сооружений на плато Гиза [2], позволили установить праздник в честь

начала строительства пирамиды Хеопса 23 августа 2560 года до н.э.

Сообщество египтологов критически отнеслось к этой дате начала строительства пирамиды Хеопса. Стивен Хак из университета Небраски, для указанной даты получил значение 2720 до н.э., у Джуана Антонио Бельмонте из университета астрофизики в Канарисе вышел другой результат 2577 до н.э., а у Поллукса из университета Баумана третий 2708 до н.э. Хронологическая датировка этого исторического события, с использованием радиоуглеродного метода, определяет диапазон между 2680 и 2850 годами до н.э. Приведём результаты современных хронологических исследований по проблематике пирамид в Гизе. Эдвардс И.Э.С. в [3] датирует начало строительства пирамиды Хеопса 2554 годом до н.э., Айслер М. в [4]

датирует начало строительства пирамиды Хефрена 2522 годом до н.э., Арнольд Д. в [5] датирует начало строительства пирамиды Менкаура 2489 годом до н.э.

Кардинально отличную точку зрения на период времени строительства культовых сооружений на плато Гиза высказал Исаак Ньютон [6]. Он датирует начало строительства пирамид: Хеопса 838 годом до н.э., Хефрена 824 годом до н.э., Микерина 808 годом до н.э., а её завершение 801 году до н.э.

Однако все приведённые выше современные и древние датировки возведения пирамид в Гизе не стыкуются на шкале времени с, установленными в предшествующих научных работах автора датировками «Взятия Трои» [7], «Затмения Фалеса» [8], «Эры Набонассара» [9] и «Паросской хроники» [10].

Актуальность рассматриваемого историко-хронологического исследования продиктована возможностью определить подлинную датировку временного периода возведения величественных религиозно-обрядовых сооружений на плато Гиза в Древнем Египте, согласующуюся с приведёнными выше данными астрономической хронологии по истории Древней Греции и Малой Азии. Нахождение дат начала и завершения строительства пирамид Хеопса, Хефрена и Микерина позволит уточнить хронологические данные об важных исторических событиях, происходивших в тот период времени, непосредственно в Древнем Египте, а также в Вавилоне, Ассирии и Древней Греции.

Материалы и методы исследований

Научные принципы исторической науки, такие как объективность, системность и непредвзятое критическое отношение к документальным источникам являются краеугольной методологической основой проводимого исследования. В работе особое внимание обращено на применение следующих методов исторического анализа – системного, сравнительного, типологического и генетического. Совокупное использование данных методов гарантирует всестороннее и качественное исследование хронологии важнейших исторических событий, происходивших в Древнем Египте на промежутке времени от взятия Трои до вторжения Скифов.

Целью проводимого историко-хронологического исследования, является определение, методами и инструментами комплексного анализа сохранившихся документальных исторических источников, зафиксировавших важнейшие события, происходившие в Древнем Египте на временном периоде от взятия Трои до вторжения Скифов, подлинной датировки промежутка времени возведения, по приказу фараонов Хеопса,

Хефрена и Микерина, культовых пирамидоидальных сооружений на плато Гиза в Египте. Для осуществления цели автором будут использованы результаты комплексных историко-хронологических исследований документальных источников по истории Древней Греции, в которых был применён инструментарий астрономической хронологии.

Результаты и обсуждения

Проводимое в работе историко-хронологическое исследование обуславливает необходимость решения ниже следующих задач:

Осуществить комплексный анализ сохранившихся исторических документальных источников, описывающих события, происходившие в Древнем Египте на промежутке времени от взятия Трои (Илиона) греческими войсками до вторжения Скифов, под предводительством царя Мадиеаса.

Определить последовательность царей (фараонов), правивших в Египте в промежутке времени от взятия Трои греками-ахейцами до вторжения Скифов.

Определить промежуток времени после какого и перед каким царём (фараоном) в Египте правили Хеопс, Хефрен и Микерин.

Определить фараона Египта в период правления которого была взята Троя.

Определить фараона Древнего царства в период, правления которого начался поход скифов на Египет.

Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка периода времени строительства культовых сооружений Древнего Египта на плато Гиза – пирамид Хеопса, Хефрена и Микерина.

Главным историческим источником сведений о периоде сооружения этих знаменитых религиозных и культурных памятников Древнего царства в Египте на плато Гиза является «История» Геродота [11].

Книга вторая «Евтерпа» «Истории» Геродота так говорит о правителях Египта на промежутке времени от взятия Трои до вторжения Скифов:

«112. Наследником этого царя, как рассказывали жрецы, был царь из Мемфиса, которого эллины называли Протей ...». [11, с. 113]

«118. После похищения Елены в землю тевкров на помощь Менелаю прибыло большое эллинское войско. Эллины высадились на берег и разбили стан, а затем отправили в Илион послов, среди которых был и сам Менелай. Когда послы прибыли в город, то потребовали возвращения Елены и сокровищ, тайно похищенных Александром, и, сверх того, удовлетворения за нанесенные обиды. Однако тевкры и тогда, и впоследствии клятвенно и без клятв утверждали, что нет у них ни Елены, ни тре-

буемых сокровищ, но что все это – в Египте. Поэтому было бы несправедливо им понести наказание за то, чем владеет Протей, египетский царь. Эллины же, думая, что над ними издеваются, принялись осаждать город и наконец взяли его. А когда взяли город и Елены там действительно не оказалось, и им повторили опять то же самое [ее местопребывания], что и раньше, то эллины в конце концов убедились, что тевкры с самого начала говорили правду. Тогда они отправили Менелая в Египет к Протею» [11, с. 115].

«121. После Протея, рассказывали жрецы, царская власть перешла к Рампсиниту ...» [11, с. 116].

«124. Так вот, до времени царя Рампсинита, рассказывали далее жрецы, при хороших законах Египет достиг великого процветания. Однако его преемник Хеопс вверг страну в пучину бедствий» [11, с. 119].

«127. Царствовал же этот Хеопс, по словам египтян, 50 лет; а после его кончины престол наследовал его брат Хефрен. Он поступал во всем подобно брату и также построил пирамиду, которая, впрочем, не достигает величины Хеопсовой» [11, с. 120].

«129. Затем царем Египта, по словам жрецов, стал Микерин, сын Хеопса ...» [11, с. 120].

«136. После Микерина, как рассказывали жрецы, египетским царем стал Асихис ...» [11, с. 122].

«137. После него, рассказывали жрецы, царствовал слепец из города Анисиса по имени также Анисис ...» [11, с. 123].

«141. После Анисиса царствовал жрец Гефеста по имени Сетос ...» [11, с. 124].

«147. ...После освобождения Египта [от эфиопов] и правления Гефестова жреца египтяне (они ведь не могли жить без царей) разделили весь Египет на двенадцать частей и поставили двенадцать царей» [11, с. 126].

«153. Став царем над всем Египтом, Псамметих воздвиг южные преддверия святилища Гефеста в Мемфисе» [11, с. 128].

Исаак Ньютон упоминает о правителях Египта на промежутке времени после Аменофиса от взятия Трои до вторжения Скифов:

«946. ... Царствование Менеса, или Аменофиса, юного сына Зарая и Киссии» [6, с. 56].

«909. Аменофис, которого греки называли Мемноном, построил Мемнонию в Сузах, пока Египет находился под управлением Протея, его наместника» [6, с. 62].

«887. Аменофис умирает, и ему наследует его сын Рамсес, или Рампсинит, построивший западное преддверие храма Вулкана» [6, с. 63].

«860. Царствование Мерида в Египте» [6, с. 66].

«838. Хеопс царствует в Египте. Он построил

величайшую пирамиду для своего погребения и запретил почитание прежних царей, с намерением ввести почитание себя самого» [6, с. 67].

«824. Хефрен воцаряется в Египте и строит вторую великую пирамиду.

808. Микерин воцаряется и начинает третью великую пирамиду» [6, с. 68].

«801. Нитокрида, сестра Микерина, наследует ему и заканчивает третью великую пирамиду» [6, с. 69].

Хронологическое исследование книги «Евтерпа», «Истории» Геродота [11], а также «Исправленной хронологии древних царств» Исаака Ньютона [6] позволяет сделать следующие выводы:

1) Египтом от Аменофиса до Псамметиха, управляли следующие цари: Протей, Рампсинит, Хеопс, Хефрен, Микерин, Асихис, Анисис, Сетос – жрец Гефеста, 12 царей, Псамметих (при этом царе начался и был остановлен поход скифов в Египет).

2) Согласно, определённой последовательности царствований в Египте, эти знаменитые культовые объекты на плато Гиза были построены в промежуток времени между правлениями в Египте Протея и Псамметиха.

3) Во время правления в Египте царя Протея произошло взятие Трои Греческими войсками в ходе Троянской войны. Проведённое ранее и опубликованное в [7] историко-хронологическое исследование, позволило определить дату этого исторического события, а именно 12 января 1197 года н.э.

Хронологическое исследование книги «Евтерпа», «Истории» Геродота и проведённая ранее датировка взятия Трои греческими войсками в ходе Троянской войны, позволяет сделать следующие выводы: царь Египта Протей, во время жизни которого произошла Троянская война, правил в конце 12-го начале 13-го веков н.э. Знаменитые пирамиды на плато Гиза были построены в промежутке времени после правления в Египте царя (фараона) Протея и до начала правления царя (фараона) Псамметиха.

Книга первая «Клио» «Истории» Геродота говорит о царях Лидии, Киаксаре царе Мидии и царях Египта следующее:

«74. Так как Алиатт, несмотря на требования Киаксара, не захотел выдать скифов, то у лидийцев с мидянами началась война. Пять лет длилась эта война, причем верх одерживали то мидяне, то побеждали лидийцы и однажды – даже в какой-то ночной битве. Так с переменным успехом продолжалась эта затяжная война, и на шестой год во время одной битвы внезапно день превратился в ночь. Это солнечное затмение предсказал ионянам

Фалес Милетский и даже точно определил заранее год, в котором оно и наступило» [11, с. 34].

«103. После кончины Фраорта царство перешло к его сыну, внуку Деиока, Киаксару.

...Это был тот самый Киаксар, который сражался с лидийцами, когда во время битвы день внезапно стал ночью. Всю Азию по ту сторону Галиса он присоединил к своей державе. Со всеми подвластными народами Киаксар выступил против Нина, чтобы отомстить за отца и разрушить город. Тут-то, когда он уже одолел ассирийцев и начал осаду Нина, в пределы его Царства вторглись огромные полчища скифов во главе с царем Мадиесом, сыном Протофия. Скифы вытеснили киммерийцев из Европы и преследовали их в Азии, а теперь вторглись в Мидийскую землю» [11, с. 44].

«105. Затем скифы пошли на Египет. На пути туда в Сирии Палестинской скифов встретил Псамметих, египетским царь, с дарами и просьбами склонил завоевателей не идти дальше ...» [11, с. 45].

«106. 28 лет владычествовали скифы в Азии и своей наглостью и бесчинством привели все там в полное расстройство.

...Тогда Киаксар и мидяне пригласили однажды множество скифов в гости, напоили их допьяна и перебили» [11, с. 45].

Исаак Ньютон упоминает о вторжении скифов в Мидию, Киаксаре царе Мидии, Крезе сыне царя Лидии Алиатта и о Псамметихе царе Египта следующее:

«Вскоре после смерти Фраорта скифы под предводительством Мадия, или Меда, вторглись в Мидию, и разбили в битве Мидян, в 113-м году Набонассара, и оттуда направились в Египет, но в Финикии были встречены Псамметихом, который от них откупился, и по своём возвращении владычествовали над большей частью Азии; однако по прошествии около 28 лет были изгнаны, когда мидяне под предводительством Киаксара, преемника Астиага, перебили на пиру многих из их князей и военачальников» [6, с. 444].

Хронологическое исследование книги «Клио», «Истории» Геродота [11], а также «Исправленной хронологии древних царств» Исаака Ньютона [6] позволяет сделать следующие выводы:

1) Царь Мидии Киаксар и фараон Египта Псамметих правили в одно время, так как их царства последовательно подверглись нашествию Скифов.

2) В соответствии с исследованием [9] первый год эры Набонассара соответствует 1144 году н.э.

3) Учитывая датировку эры Набонассара [9] и исследования Ньютона [6, с. 444], царь (фараон) Египта Псамметих откупился от скифов ориентировочно в 1257 году н.э. (1144 + 113 = 1257).

4) С другой стороны, согласно [8] – 5 июля 1293 году н.э. во время сражения у реки Галис, между царём Мидии Киаксаром и царём Алиаттом, который согласно [10], начал царствовать в Лидии в 1286 году н.э., произошло знаменитое Солнечное затмение, предсказанное одним из семи мудрецов Древней Греции Фалесом Милетским, которое положило конец войне.

5) Война между Мидией и Лидией, согласно Геродоту, продолжалась около 6-лет. Следовательно, она началась в 1287 году н.э., поводом для которой стало бегство из Мидии в Лидию скифов, разбитых царём Киаксаром.

6) Скифы правили в Мидии 28 лет, следовательно, захватили её в 1259 году н.э. (1287 – 28 = 1259). И в этом же или в следующем 1260 году н.э. двинулись на захват Египта где были встречены царём (фараоном) Псамметихом и получив от него дань отказались захватывать Египет и завершили поход.

7) В результате проведённых хронологических вычислений была получена согласованная датировка вторжения скифов в Древний Египет при царе (фараоне) Псамметихе, а именно между 1257-1260 годами н.э.

Хронологическое исследование книги «Клио», «Истории» Геродота и проведённая ранее датировка затмения Фалеса Милетского, позволяет сделать следующий вывод: царь Псамметих, правил в Египте и откупился от скифов в 1257-1260 годах н.э.

Выводы

Осуществлённое в работе комплексное историко-хронологическое исследование сохранившихся документальных источников позволило определить достоверный промежуток времени, в который были возведены религиозно-обрядовые пирамидоидальные сооружения в честь фараонов Хеопса, Хефрена и Микерина. Строительство этих культовых культурно-исторических памятников было осуществлено на плато Гиза в период между 1197 годом н.э., годом взятия Трои, во время царствования в Египте фараона Протея и 1260 годом н.э., годом начала похода скифов на Египет, во время царствования в Египте фараона Псамметиха. Точность последней даты ± 4 года, задана в соответствии с точностью датировки первого года эры Набонассара [9].

Полученная датировка значительно отличается от принятой, в официальной хронологии Египта периода Древних царств, но согласуется по времени с хронологическими данными полученными автором ранее при исследовании и датировках «Паросской хроники», «Взятия Трои», «Затмения Фалеса» и «Эры Набонассара». Полученная датировка даст возможность уточнить хронологические данные по историческим событиям, происшедшим в Древнем Египте, Древней Греции, Ассирии и Вавилоне.

Список источников

1. Атлас чудес света: [Выдающиеся архитектура, сооружения всех времен и народов и памятники: Кн.-альбом: перевод / Авт. текста Р. Бартон и др. Москва: БММ АО, 1995. 239 с.
2. Спенс К. Древнеегипетская хронология и астрономическая ориентация пирамид // Природа. 2000. № 408 (6810). С. 320 – 324. DOI: 10.1038/35042510
3. Эдвардс И.Э.С. Пирамиды Египта. 3-е изд. (Пингвин, Хармондсворт, 1993).
4. Айслер М. Древний метод определения и расширения направления. Дж. Ам. Рес. Центр Египет 26, 191±206 (1989).
5. Арнольд Д. Строительство в Египте: каменная кладка фараонов (Оксфорд. Унив. Пресс, Оксфорд, 1991).
6. Ньютон Исаак. Исправленная хронология древних царств. М.: Издательство «РИМИС», 2007. 656 с.
7. Волков А.С. Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка методом астрономической хронологии взятия Трои – легендарного города из Гомеровского эпоса // Исторический бюллетень. 2023. Т. 6. № 4. С. 43 – 50. URL: <https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/07/istor.-bjul.-tom-6-4-2023.pdf> (дата обращения: 30.07.2023)
8. Волков А.С. Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка «Затмения Фалеса» // Исторический бюллетень». 2023. Т. 6. № 2. С. 171 – 177. URL: <https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/05/istor.-bjul.-tom-6-2-2023.pdf> (дата обращения: 30.07.2023)
9. Волков А.С. Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка первого года эры Набонассара // Исторический бюллетень». 2023. Т. 6. № 5. С. 58 – 65. URL: <https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/10/istor.-bjul.-tom-6-5-2023.pdf> (дата обращения: 30.07.2023)
10. Волков А.С. Астрономическая хронология в литературе Древней Греции и вопросы датировки «Паросской хроники» // Оригинальные исследования (ОРИС)". 2019. Т. 9. Вып. 2. С. 8 – 19. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229725> (дата обращения: 30.07.2023).
11. Геродот. История: пер. и прим. Г.А. Стратановского. Статья В.Г. Боруховича. Л.: Наука, 1972. 600 с.

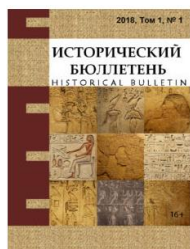
References

1. Atlas of Wonders of the World: [Outstanding Architecture, buildings of all times and peoples and monuments: Book-album: translation. Author. text by R. Barton et al. Moscow: BMM AO, 1995. 239 p.
2. Spence K. Ancient Egyptian chronology and astronomical orientation of the pyramids. Nature. 2000. No. 408 (6810). P. 320 – 324. DOI: 10.1038/35042510
3. Edwards I.E.S. Pyramids of Egypt. 3rd ed. (Penguin, Harmondsworth, 1993).
4. Aisler M. Ancient method of determining and expanding direction. J. Am. Res. Center Egypt 26, 191±206 (1989).
5. Arnold D. Building in Egypt: Pharaonic Masonry (Oxford. Univ. Press, Oxford, 1991).
6. Newton Isaac. Corrected chronology of ancient kingdoms. M.: Publishing house "RIMIS", 2007. 656 p.
7. Volkov A.S. Historical and chronological study of documentary sources and dating using the method of astronomical chronology of the capture of Troy, the legendary city from the Homeric epic. Historical Bulletin. 2023. T. 6. No. 4. P. 43 – 50. URL: <https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/07/istor.-bjul.-tom-6-4-2023.pdf> (access date: 07/30/2023)
8. Volkov A.S. Historical and chronological study of documentary sources and dating of the “Eclipse of Thales”. Historical Bulletin. 2023. T. 6. No. 2. P. 171 – 177. URL: <https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/05/istor.-bjul.-tom-6-2-2023.pdf> (access date: 07/30/2023)
9. Volkov A.S. Historical and chronological study of documentary sources and dating of the first year of the era of Nabonassar. Historical Bulletin. 2023. T. 6. No. 5. P. 58 – 65. URL: <https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/10/istor.-bjul.-tom-6-5-2023.pdf> (access date: 07/30/2023)
10. Volkov A.S. Astronomical chronology in the literature of Ancient Greece and dating issues of the “Parian Chronicle”. Original Research (ORIS)". 2019. Vol. 9. Issue 2. P. 8 – 19. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229725> (date of access: 07/30/2023).
11. Herodotus. History: trans. and approx. G.A. Stratanovsky. Article by V.G. Borukhovich. L.: Nauka, 1972. 600 p.

Информация об авторе

Волков А.С., юрист, индивидуальный предприниматель, fbsystem@yandex.ru

© Волков А.С., 2024

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2024, Том 7, № 1 / 2024, Vol. 7, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94

За что воевала Россия в Первой мировой войне?

¹ Демин А.В.,

¹ Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева

Аннотация: в рамках данной статьи мы попытаемся в первом приближении рассмотреть цели и задачи России в Первой мировой войне, а также некоторые аспекты участия России в коалиционной войне, которой являлось данное противостояние.

В итоге, сделан вывод: в Первую мировую войну русский солдат отстаивал территориальную целостность своей Родины и ее статус великой державы – как Европы, так и мира. И вместе с союзниками России удалось бы прийти к Победе – если бы, к сожалению, не роковое стечение субъективных и объективных факторов, вследствие которых, вынеся бремя войны в самое тяжелое ее время, она, в итоге, лишилась заслуженных лавров победителя.

Статья может применяться в образовательной и научно-исследовательской деятельности.

Методы исследования: архивный, историко-сравнительный, историко-системный.

Ключевые слова: Россия, Антанта, Германский блок, Русский фронт, цели войны, императорские Манифесты, патриотический подъем, коалиционная война, борьба с агрессией, Первая мировая война

Для цитирования: Демин А.В. За что воевала Россия в Первой мировой войне? // Исторический бюллетень. 2024. Том 7. № 1. С. 20 – 25.

Поступила в редакцию: 12 сентября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 16 ноября 2023 г.; Принята к публикации: 15 января 2024 г.

Why did Russia fight in the First World War?

¹ Demin A.V.,

¹ Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

Abstract: within the framework of this article, we will try, as a first approximation, to consider the goals and objectives of Russia in the First World War, as well as some aspects of Russia's participation in the coalition war, which was this confrontation.

As a result, the conclusion was drawn: in the First World War, the Russian soldier defended the territorial integrity of his homeland and its status as a great power – both in Europe and in the world. And together with the allies, Russia would have been able to achieve Victory – if, unfortunately, it were not for the fatal confluence of subjective and objective factors, as a result of which, having endured the burden of the war in its most difficult time, it eventually lost the well-deserved laurels of the winner.

The article can be used in educational and research activities.

Research methods: archival, historical-comparative, historical-system.

Keywords: Russia, Entente, German bloc, Russian front, goals of the war, imperial manifestos, patriotic upsurge, coalition war, fight against aggression, World War I

For citation: Demin A.V. Why did Russia fight in the First World War? Historical Bulletin. 2024. 7 (1). P. 20 – 25.

The article was submitted: September 12, 2023; Approved after reviewing: November 16, 2023; Accepted for publication: January 15, 2024.

Россия и начало Первой мировой войны

Как известно, Первая мировая война, развернувшись между Антантой (и ее союзниками) и Германским блоком, вовлекла в противоборство до четырех десятков государств, а боевые действия развернулись не только в Европе, но и на Кавказе, Востоке и Африке.

Основным международным игроком, претендовавшим на передел мира, стала Германская империя. В итоге, грядущая война стала, во-первых, противостоянием германской гегемонии, во-вторых, результатом неравномерного экономического развития ведущих мировых держав.

Так, главной задачей для Германии был разгром ключевого политико-экономического соперника Великобритании (которая лишалась колоний) и важнейшего континентального оппонента Франции (французов планировалось оттеснить за Вогезы и р. Сомма, а также окончательно закрепить отторгнутые по итогам Франко-Прусской войны Эльзас и Лотарингию). Также важными задачами являлись аннексия Бельгии, создание германской Африканской империи и ослабление России. В последнем случае предполагалось отторжение Прибалтийских губерний, русской Польши, Белоруссии и Украины. Уже в этот период в планах пангерманистов (нашедших отражение в идеологии Второго Рейха в период войны) было отбросить славян за Днепр, высвободив земли для германских колонистов. Совместно с Австро-Венгрией Германия планировала прочно закрепиться на Балканах.

Австро-Венгрии было желательно господство на Балканах (с обязательным порабощением Черногории и Сербии), с перспективным захватом части русской Польши и Румынии.

Великобритания желала не только устранить Германию в качестве конкурента, но и ослабить ... своих союзников по Антанте.

Франции требовалось вернуть отторгнутые германцами Эльзас и Лотарингию, а Сербии и Черногории – отразить австро-венгерскую агрессию.

Для Российской империи война была оборонительной. Россия пыталась сдерживать германо-австрийскую агрессию против западных рубежей империи, сдерживать австро-венгерскую экспансию на Балканах. Нацеленное на Турецкие Проливы босфорское планирование (а именно его часто называют в качестве ключевой причины участия нашего государства в войне) на 1914 г. отсутствовало. Соответствующее планирование появляется лишь в 1915 г. [1], т.е. после агрессивного и без объявления войны начала Турцией боевых действий против Российской империи.

Если военный союз, созданный в 1879 г. Германией и Австро-Венгрией (в дальнейшем он трансформировался: в него вступает и позднее выходит Италия, а в ходе Первой мировой войны блок пополняется Болгарией и Турцией) был нацелен против Франции и России, то суть оформившейся в 1891-1907 гг. Антанты была преимущественно оборонительной (став реакцией на Тройственный союз; причем, механизм Сердечного Соглашения запускался в случае удара со стороны Германии по кому-либо из союзников).

Используя стратегические преимущества, вытекавшие из неготовности к войне ее противников, Германия искала повод для начала войны. Таким стало убийство 15 (28) июня 1914 г. (по одной из версий – при участии германской разведки) сербскими заговорщиками австро-венгерского эрцгерцога Франца Фердинанда.

Австро-Венгрия предъявляет (под нажимом немцев) сербам ультиматум, содержащий тяжелые условия. Но Сербия, несмотря на это, согласилась почти со всеми требованиями (кроме допуска австрийских чиновников на свою территорию). Почти через месяц после убийства Франца Фердинанда – 13 (26) 07. 1914 г. – начинается мобилизация и сосредоточение на границах не только Сербии, но и России австро-венгерских войск. 15 (28) июля Австро-Венгрия объявляет Сербии войну, вторгается на сербскую территорию и бомбардирует Белград.

Антанта предлагает австрийцам разрешить конфликт мирным путем.

Понимая германскую роль в этом вопросе, российский император Николай II предлагает германскому императору передать австро-сербский конфликт на рассмотрение международного суда. Предложение осталось без ответа.

Под давлением сосредотачиваемых австрийских войск в Галиции, 18 (31) июля Россия также объявляет мобилизацию. Здесь в дело включается Вильгельм II, предъявивший России ультиматум, требовавший прекратить мобилизацию. Интересно то, что, требуя прекратить мобилизацию от России, Германия начинает свою в тот же день.

И когда ультиматум Германии (естественно) отвергнут, 19 июля (1 августа) германское правительство объявляет России войну. Россия 20 июля (2 августа) платит немцам той же монетой.

Франции и Бельгии (отвергшей ультиматум о пропуске через свою территорию германских войск) Германия объявляет войну 21 июля (3 августа). Получив от немцев отказ сохранить бельгийский суверенитет (гарантом которого она являлась) Великобритания 22 июля (4 августа) объявляет Германии войну.

О целях и задачах начавшейся войны

Российское общество, особенно в первые дни, охватил патриотический подъем. Это было неудивительно, принимая во внимание даже очевидные обстоятельства.

Во-первых, Германия напала на Россию. Мирнолюбивый тон русского Правительства был широко известен. Кроме того, уже в ночь на 1-е августа (т. е. до объявления войны России) германские войска вторглись на российскую территорию (тем совершив акт агрессии) и захватили г.г. Калиш и Бендин. Т. о., агрессор напал на Россию (это касается и Германии, и Австро-Венгрии, и Турции; причем Турция в октябре 1914 г. напала и вовсе вероломно – без объявления войны нанеся удар по русским черноморским портам) – что было юридическим фактом.

Соответственно, речь шла о борьбе с германской агрессией. Факт, что именно Германия объявила России войну, способствовал восприятию в народе начавшейся войны в качестве Второй Отечественной. А в 1915 г., когда война пришла на собственно российскую землю, война стала Второй Отечественной не только де-юре, но и де-факто.

Еще раз подчеркнем и тот факт, что механизм Антанты приводился в действие при единственном условии – наличии враждебной инициативы Германии. Отторжение территорий от Австро-Венгрии и Германии с включением их в состав России - до войны не планировалось.

И среди основных целей войны, сформулированных российским правительством, главной была борьба с германской агрессией [2. Л. 22 – 22 об.; 3. Л. 16; 4. Л. 35.].

Советская наука в лице фронтовика, доктора наук, профессора Ф.И. Нотовича выявила специфику агрессии Германии [11]. Автор, являясь профессором МГИМО, достаточно долго служил сотрудником Наркомата иностранных дел – и, соответственно, имел доступ к оригинальным документам. Ф.И. Нотович обстоятельно рассмотрел то, как Германская империя готовилась к войне в идеологическом отношении, начав таковую, имея программу покорения Европы – в качестве предпосылки для завоевания мирового господства.

Так, политики и ученые Второго Рейха задолго до войны разработали как теорию полноценности германской расы, так и необходимость покорения последней значительной части мира. Так как германский народ являлся создателем и носителем истинной культуры и государственности, то он был обречен на мировое господство. «Неполноценные» народы должны были быть покорены германцами, которым предстояло установить «но-

вый порядок». «Негосударственные» и «нетворческие» нации должны служить лишь навозом для «государственных» и «творческих».

Французы, испанцы, итальянцы и (особенно) славяне, неспособные к государственной жизни, обречены на подчинение немцам. Последние должны были завоевать континентальную Европу (переселив французов за Сомму и Вогезы), отеснить русских (переселив их Урал), установить протекторат над рядом территорий Дальнего Востока, Передней Азии, создать Африканскую (включая бывшие колонии европейских стран) и Тихоокеанскую империи и Южноамериканский протекторат. В случае противодействия этим планам Британскую империю и США ждало расчленение.

Хоть германское правительство вначале открещивалось от пангерманских планов, они все больше влияли на политику Второго Рейха [6].

Без победы над Россией было невозможно немецкое господство над Европой – в качестве первой фазы рывка к мировому господству.

После начала Первой мировой началась практическая реализация данных установок. Уже в конце августа 1914 г. германское правительство сообщало о намерении аннексировать Льеж, Намюр и Антверпен, а также территории севернее последнего. Впоследствии признавалась целесообразность аннексии Бельгии и ряда французских территорий. Для Бельгии (как указывалось в совместной записке германских министерств) устанавливались ежегодные репарации в пользу Германии. Бельгия лишалась самостоятельного судопроизводства, дипломатии и колоний, обязывалась ввести германское таможенное законодательство (взимание таможенных сборов перешло к германским чиновникам). Вместо бельгийского франка вводилась германская марка.

В 1914-1915 гг. Пангерманский союз, подытожив цели участия Германии в войне, провозгласил отнесение границ империи на западе за линию Булонь – Бельфор, на востоке – за линию Чудское озеро – Псковское озеро – Днепр (Россия лишалась выхода к Балтийскому и Черному морям). Жители завоеванных территорий, лишаясь политических прав и имущества, должны были снабжать Германию продовольствием, продуктами и промышленным сырьем. Причем в секретных переговорах 1915 г. с лидерами партий, германское правительство (хоть и с оговорками) согласилось с данной программой.

Аннексионисты прочно обосновались в Рейхстаге, и Г. Дельбрюк и П. Рорбах выступали за отторжение от России Польши, Прибалтики, Белоруссии и Украины. Отмечалось, что население

России «слишком быстро размножается», и необходимо сокращение населения Российской империи.

Но провал плана А. Шлиффена, победы союзников на Марне, в Галиции, под Варшавой и Ивангородом предрешили разгром Германии – начавшаяся затяжная война означала для нее неизбежное поражение [11, с. 35]. Кампания 1915 г. на Восточном фронте, несмотря на ощутимые оперативные успехи, также ознаменовала крах стратегического планирования Германии. А факт отвлечения огромных ресурсов на восток и тяжелые потери германо-австрийских войск привели к передышке на Западном фронте, изменив военную обстановку коренным образом в пользу Антанты. В 1916 г. в Первой мировой войне наступает коренной поворот – австро-германцы переходят к обороне на всех фронтах.

Правда, германцы считали, что, т. к. занимают значительные чужие территории, то являются «победителями». В итоге, в 1917 г. германское и австро-венгерское правительства договорились аннексировать Прибалтику, Польшу, Люксембург, часть территории Франции, Бельгию и Украину (в целом, объединение России с Украиной трактовалось как трагедия Германии – ликвидация «русской опасности» была возможна лишь после отделения украинской от московской Руси; необходимо добиться расчленения России на части, которые будут связаны с Германией), оккупировать Прибалтику, Польшу, Белоруссию, Черноморье.

В «Брестский период» германо-австрийцы попытались закрепить положения этой программы. Но радоваться иллюзорным успехам им пришлось недолго – победа Антанты ликвидировала брестские соглашения. В Версальском договоре (Ст. 116.) [7, с. 55] союзниками даже было признано право России право на получение германских репараций.

Во-вторых, в основе борьбы лежала необходимость защиты права на существование единого и единокровного сербского народа. Веками русский народ вел за освобождение славян ряд войн с турками. И теперь немцы не только напали на русских, но и хотели уничтожить сербов – что было вполне понятно русскому народу.

Не случайно, в основе императорских манифестов и приказов лежали такие основополагающие установки, как защита Родины и отечественных святынь.

Так, в Манифесте «О войне с Германией» (26. 07. 1914 г.) делался упор на справедливости для России, вставшей на защиту сербов, начинающейся войны. Борьба с германской агрессией (главной угрозой европейскому спокойствию) декларирова-

лась как правое дело.

В Манифесте «О войне с Турцией» (20. 10. 1914 г.) отмечался вероломный удар Турции по российским рубежам, при том, что борьба в данном случае приобретала характер противоборства с притеснителем славянства, давним гонителем христианской веры. Легкомысленное вмешательство турок в войну становилось благоприятным поводом решить древний вопрос Черноморских Проливов.

В Манифест «О войне с Болгарией» (05. 10. 1915 г.) наряду с сожалением о предательстве столь многим обязанным России славянского государства, главным виновником заблуждения «братушек» были названы германцы.

Верность союзническому долгу, необходимость изгнания противника с родной земли – главные мотивы императорских Приказов (после принятия Николаем II поста Верховного Главнокомандующего) по армии и флоту.

Например, приказ от 23. 08. 1915 г., выражая уверенность в конечной Победе, акцентировал внимание на необходимости защиты Родины. Приказ от 12. 12. 1916 г. сообщал о том, что не может быть каких-либо соглашений с врагом, находящимся на территории России и Франции, и лишь полная победа будет (в какой-то мере) компенсацией за кровь и лишения. Указывалось на создание свободной Польши, необходимость обладания Проливами.

Победа действительно была близка: при условии, если Россия не сбавляла в 1917 году военных усилий, то в ходе этой кампании наступал крах Австро-Венгрии и, соответственно, продолжительность войны сокращалась на год. Такое мнение выражали не только специалисты французского Генштаба [12, с. 128], но и генерал-адъютант А. А. Брусилов [5, с. 1760]. Обще-стратегического наступления Антанты в 1917 г. Германский блок опасался как никогда.

Т.о., главные идеологические установки в Приказах: необходимость изгнания врага с российской земли и его разгром, единство с союзниками и вера в полную и скорую победу.

О патриотическом подъеме

После объявления Германией войны России, как вспоминал председатель Государственной Думы М.В. Родзянко, на Дворцовой площади Санкт-Петербурга, где собрались тысячи людей разных сословий, опустившихся на колени перед императорской четой. М.В. Родзянко спросил рабочих: почему они здесь, если еще недавно бастовали? И услышал ответ: дело касается России, и, во имя победы над немцем, пойдём за царем [9, с. 57].

А.Ф. Керенский характеризовал начавшуюся войну как 2-ю войну за национальное выживание [8, с. 88, 89].

Появляется мощное добровольческое движение (ушли добровольцами писатели В.В. Вересаев и А.И. Куприн, поэты Н.С. Гумилев и С.А. Есенин и т.д.). Лишь 4% военнообязанных по первой мобилизации не прибыли в срок к месту приписки, причем рабочий был не меньшим патриотом, как и «классовый враг» [8, с. 89]. Возникает женское добровольческое движение: достаточно вспомнить имена М.Л. Бочкаревой [10, с. 17], А.Т. Пальпиной, М.Р. Коковцевой.

Императрица и ее дочери работали медицинскими сестрами – и их патриотическому примеру последовали другие представительницы аристократии. Появляется целый ряд союзов и комитетов помощи армии и ее воинам.

Представители творческой интеллигенции действовали по принципу «Все для фронта, все для победы».

За что же воевал русский солдат?

Возможный шанс и печальный финал.

Первая мировая война традиционно воспринимается как бессмысленная, и Россия в ней участвовала якобы исключительно в интересах своих союзников.

Да, каждая из стран – участниц войны имела собственные интересы, но эта война была коалиционным противостоянием. А в коалиционной войне союзники должны руководствоваться мотивами пользы всей коалиции – и их вклад необходимо оценивать, исходя из таких усилий. Такая система была, во многом, похожа на сообщающиеся сосуды: Антанта стремилась организовать комплекс общих и максимально одновременных мер воздействия (прежде всего, конечно, наступательных операций) на противника – для того, чтобы помешать врагу (которого отличало наличие преимуществ внутренних операционных линий) громить своих противников по отдельности. Последнее Германскому блоку реализовать и не удалось. Мы знаем, что решающего успеха противнику не удалось добиться ни на одном из главных фронтов. Не случайно, что, лишь когда пал Русский фронт, германское командование сумело сосредоточить 4/5 имевшихся сил к весне 1918 г. во Франции – только вступление в войну США позволило (частично) выправить ситуацию. Соответственно, реализуя стратегию коалиционной войны и руководствуясь интересами своей коалиции, Россия проводила операции, зачастую специально предназначенные облегчить положение ее союзников. Т.о., воюя за победу всей коалиции, рус-

ский солдат сражался и за реализацию национальных задач.

Но реальность такова, что в глобальных и коалиционных войнах ключевое значение имеют не непосредственные межгосударственные противоречия, а перспективы цивилизационного развития.

Несомненно, что в 1914 г., в ситуации отсутствия Русского фронта, союзники на Французском фронте потерпели бы (как позднее в 1940 г.) быстрое поражение. И тогда мощь Германского блока обрушилась бы на восток – реализуя в ходе процесса расчленения России чаяния пангерманистов и пантюркистов. На соответствующем историческом этапе любая империя должна не присоединять новые территории, а удерживать имеющееся. Именно поэтому, не вступив в войну в 1914-м, Россия, сохранившись как великая держава, не могла – она не Америка, чтобы отсидеться за океаном и быть в стороне от европейского глобального конфликта. Вступить в войну когда ей захочется, России просто бы не дали. Соответственно, речь шла о сохранении статуса великой державы.

Т.о., вопрос заключался лишь о том, на стороне какого блока воевать.

Исторический опыт нам говорит о том, что русско-германские союзы были всегда временным явлением – и двум сильнейшим державам континента неизбежно предстояло оспаривать гегемонию в Европе. Вопрос был лишь в стартовой позиции на пороге этой борьбы. Воевать со всем Германским блоком в одиночку Россия, конечно, была в состоянии – но это было крайне тяжело (вспомним опыт 1941-го). В одиночку было тяжело воевать с Германией и Францией (вспомним опыт 1871-го и 1940-го). И чтоб облегчить себе эту задачу, Россией и Францией и была создана достаточно прочная коалиция.

Впрочем, и непосредственные цели начавшейся войны, как мы отметили выше, – очевидны. Россия выполняла свой союзнический долг по отношению к Франции (подвергшейся немецкой агрессии), пришла на помощь Сербии (подвергшейся агрессии Австро-Венгрии), а после того как война пришла на собственно российскую землю, она закономерно стала Второй Отечественной.

Послевоенное устройство Европы, в конструкции которого участвовало императорское правительство, выглядело достаточно стройно. Линия из череды дружественных государств-сателлитов (демилитаризованная Германия; освобожденная и собранная из состава 3 империй пророссийская Польша; Чехия, возглавляемая королем – Романовым; Югославия во главе с Сербией, спасенной Россией; Великая Армения, собранная из армянских территорий России и Турции) гарантировала

послевоенную безопасность. Давно заслуженный Россией контроль над Проливами и общесоюзное управление Константинополем – были важным призом в восточных делах.

Но России, уклонившейся от союзнического долга, после разгрома англо-французов и сербов приходилось бы сражаться в одиночку со всеми силами (получившими боевой опыт) Австро-Венгрии, Германии и Турции. И поэтому русский солдат Первой мировой войны сражался не только

за сохранение статуса своей Родины как великой державы, он бился и за ее территориальную целостность.

Вместе с союзниками Россия уверенно шла и почти пришла к Великой Победе – но роковое стечение как объективных, так субъективных обстоятельств привело к тому, что, вынеся бремя противостояния в наиболее тяжелое время, наша страна осталась без лавров победителя.

Список источников

1. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 501., Д. 502.
2. РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 954.
3. РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 957.
4. РГВИА. Ф. 2583. Оп. 2. Д. 959.
5. Беседа с генералом Брусиловым // Летопись войны 1914-1916 гг. № 110. С. 1760.
6. Бетман-Гольвег Т. Мысли о войне. М.-Л., 1925. 120 с.
7. Версальский мирный договор. Полный перевод с французского подлинника / под ред. проф. Ю.В. Ключникова. М., 1925. 197 С.
8. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. 391 с.
9. Родзянко М.В. Крушение империи // Архив русской революции. М., 1993. Т. 17. С. 5 – 169.
10. Бударин М. Поручик Бочкарева (о судьбе командира женского батальона М.Л. Бочкаревой) // Омская старина. 1993. Вып. 1. С. 16 – 29.
11. Нотович Ф.И. Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914-1918 гг. М., 1947. 240 с.
12. Подполковник Лярше. Некоторые статистические данные войны 1914-1918 гг. // Военный зарубежник. 1934. № 12. С. 109 – 133.

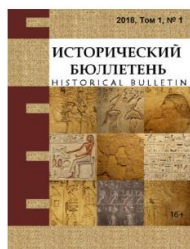
References

1. RGVIA. F. 2003. Op. 1. D. 501., D. 502.
2. RGVIA. F. 2583. Op. 2. D. 954.
3. RGVIA. F. 2583. Op. 2. D. 957.
4. RGVIA. F. 2583. Op. 2. D. 959.
5. Conversation with General Brusilov. Chronicle of the war of 1914-1916. No 110. P. 1760.
6. Bethmann-Hollweg T. Thoughts about war. M.-L., 1925. 120 p.
7. Treaty of Versailles. Complete translation from the French original. ed. prof. Yu.V. Klyuchnikova. M., 1925. 197 p.
8. Kerensky A.F. Russia is at a historical turning point. Memoirs. M., 1993. 391 p.
9. Rodzianko M.V. The collapse of the empire. Archives of the Russian Revolution. M., 1993. T. 17. P. 5 – 169.
10. Budarin M. Lieutenant Bochkareva (about the fate of the commander of the women's battalion M.L. Bochkareva). Omsk antiquity. 1993. Vol. 1. P. 16 – 29.
11. Notovich F.I. The aggressive policy of German imperialism in the East in 1914-1918. M., 1947. 240 p.
12. Lieutenant Colonel Lyarshe. Some statistics of the war of 1914-1918. Military foreign refugee. 1934. No 12. P. 109 – 133.

Информация об авторе

Демин А.В., аспирант, Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева, Deminanderson@yandex.ru, 89378200903

© Демин А.В., 2024

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2024, Том 7, № 1 / 2024, Vol. 7, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.4 Этнология антропология и этнография (исторические науки)

УДК 159.922.27(470.57)

Морально-психологическое состояние молодежи Башкортостана в условиях рыночной экономики

¹ Сафин Ф.Ф.,

² Шилкин Д.А.,

¹ Институт истории, языка и литературы,

Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук,

² Институт этнологических исследований,

Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

Аннотация: в статье рассматривается проблема морально-психологической подготовленности молодежи к условиям рыночной экономики в полиэтническом Башкортостане. Установлено, что большинство молодежи одной из трудностей современной ситуации связало с адаптацией к рыночной экономике. Выявлено, что при оценке молодежью современной ситуации главным показателем «хорошо жить» означал, прежде всего, морально-нравственный аспект. Половина молодежи, независимо от этнической принадлежности, основным критерием при оценке «хорошей жизни» связала с семейными ценностями. Раскрыто, что определенная часть молодежи ориентирована честно трудиться для улучшения своего благосостояния и жизненного уровня. Установлено, что для молодежи более характерна почувствовать себя свободной. Несмотря на то, что значительная часть молодежи в будущее смотрит с надеждой и оптимизмом, также имеется группа молодежи, которая оценила современную ситуацию более прагматично, высказавшись, что она смотрит в свое будущее спокойно, без особых надежд и иллюзий.

Ключевые слова: молодежь, морально-психологическая подготовленность, рыночная экономика, адаптация, Башкортостан, этнические группы

Для цитирования: Сафин Ф.Ф., Шилкин Д.А. Морально-психологическое состояние молодежи Башкортостана в условиях рыночной экономики // Исторический бюллетень. 2024. Том 7. № 1. С. 26 – 33.

Поступила в редакцию: 18 сентября 2023 г.; *Одобрена после рецензирования:* 20 ноября 2023 г.; *Принята к публикации:* 15 января 2024 г.

The moral and psychological state of the youth of Bashkortostan in a market economy

¹ Safin F.F.,

² Shilkin D.A.,

¹ Institute of History, Language and Literature,

Ufa Federal Research Center Russian Academy of Sciences,

² Institute of Ethnological Research,

Ufa Federal Research Center Russian Academy of Sciences

Abstract: the article deals with the problem of moral and psychological preparedness of young people to the conditions of a market economy in multiethnic Bashkortostan. It is established that the majority of young people associated one of the difficulties of the current situation with adaptation to a market economy. It was revealed that when assessing the current situation by young people, the main indicator of "living well" meant, first of all, the

moral aspect. Half of the young people, regardless of ethnicity, associated family values as the main criterion for assessing the "good life". It is revealed that a certain part of the youth is oriented to work honestly to improve their well-being and living standards. It is established that it is more typical for young people to feel free. Despite the fact that a significant part of young people look to the future with hope and optimism, there is also a group of young people who assessed the current situation more pragmatically, saying that they look to their future calmly, without much hope and illusions.

Keywords: youth, moral and psychological preparedness, market economy, adaptation, Bashkortostan, ethnic groups

For citation: Safin F.F., Shilkin D.A. *The moral and psychological state of the youth of Bashkortostan in a market economy. Historical Bulletin. 2024. 7 (1). P. 26 – 33.*

The article was submitted: September 18, 2023; Approved after reviewing: November 20, 2023; Accepted for publication: January 15, 2024.

Введение

Прошедшие годы рыночной экономики по-разному отразились на морально-психологической подготовленности молодежи к данному процессу. Высокие требования для поступления в высшие учебные заведения на основе балльной системы Единого государственного экзамена, высокая конкуренция на рынке труда, а также не устойчивая потребность специалистов в сфере экономики возлагают определенные требования молодежи на современном этапе.

Несмотря на все перипетии молодежь особо не жаловалась на жизненные трудности. Как выяснилось в ходе этносоциологического опроса, проведенного в октябре 2018 г. по исследовательскому проекту «Проявление этничности и адаптация молодежи к новым социально-экономическим реалиям в полиэтничном регионе» [6] каждый пятый респондент башкирской (21,0%), четверть татар-

ской (24,4%), немногим более этого русской и молодежи «иных» национальностей отметили, что «все не так трудно». Вместе с тем, по мнению значительной группы, за исключением молодежи «иных» национальностей, трудно всего приспособиться к новой политической ситуации. Такой маркер по своей значимости был определен на вторую позицию. Большинство молодежи одной из трудностей современной ситуации связало с адаптацией к рыночной экономике. Свою озабоченность по поводу приспособления к рыночным отношениям выразили 14,3% молодежи «иных» национальностей, 12,8% русской, каждый десятый башкирской и татарской национальности. Такие проблемы, как современные межнациональные отношения и новая языковая ситуация не стали такими значимыми, как социально-экономические аспекты адаптации к рыночной системе.

Таблица 1

К чему особенно трудно приспособиться? [6].

Table 1

What is particularly difficult to adapt to? [6].

	башкиры	татары	русские	другие
К современной межнациональной ситуации	8,9	5,7	7,7	14,3
К новым рыночным отношениям	9,6	8,8	12,8	14,3
К новой политической ситуации	13,4	16,6	15,9	11,9
К новой языковой ситуации	10,2	7,8	2,6	9,5
Все не так трудно	21,0	24,4	27,2	26,2
Затрудняюсь ответить	36,9	36,8	33,8	23,8

Несмотря на некоторые негативные моменты современной жизни, по мнению молодежи, они носят временный характер. Как выяснилось в ходе опроса почти половина молодежи башкирской (47,1%), каждой второй татарской и русской, а также немногим менее трети «иных» национальностей «все не так плохо, а скоро будет лучше».

Более того, из общего массива опрошенных более четверти башкир (27,0%), татар (28,0%) и русских (27,2%), а также немногим более трети молодежи «иных» национальностей (35,7%) выразили, что несмотря на трудности современной жизни, терпеть еще можно.

Таблица 2

Какое из высказываний в наибольшей мере соответствует Вашему отношению к современной жизни? [6].

Table 2

Which statement most closely matches your attitude towards modern life? [6].

	башкиры	татары	русские	другие
Все не так плохо, а скоро будет лучше	47,1	42,0	38,5	31,0
Жить трудно, но терпеть можно	27,4	28,0	27,2	35,7
Терпеть наше бедственное положение невозможно	8,3	5,7	7,7	11,9
Затрудняюсь ответить	17,2	24,3	26,7	21,4

Маркер, показывающий самую негативную оценку «о невозможности терпеть бедственное положение» собрал очень незначительную группу молодежи. Вместе с тем, весьма значительная группа молодежи, независимо от этнической принадлежности, осталась в затруднительном положении, не выражая свою позицию, по оценке современной жизненной ситуации.

При оценке молодежью современной ситуации главным показателем «хорошо жить» означал, прежде всего, морально-нравственный аспект [5, с.

23]. Так, половина молодежи, практически всех этнических групп, основным критерием хорошей жизни связала с семейными ценностями.

На второй позиции, но более чем, в два раза меньшим показателем, был отмечен материальный аспект. Как выяснилось в ходе опроса, по мнению четверти башкирской (25,5%), каждой пятой татарской (21,8%) и «иных» национальностей (21,4%), а также 17,4% русской молодежи в сегодняшней ситуации хорошо жить, означал иметь хороший «достаток».

Таблица 3

Что, по Вашему мнению, означает сегодня «хорошо жить»? [6].

Table 3

What do you think it means to “live well” today? [6].

	башкиры	татары	русские	другие
Семья	45,9	52,8	53,8	50,0
Работа	8,9	8,8	7,2	9,5
Покой	1,9	4,1	4,1	4,8
Уважение	4,5	2,1	2,6	4,8
Достаток	25,5	21,8	17,4	21,4
Свобода	8,9	6,2	10,8	2,4
Власть	1,3	0,0	1,5	4,8
Образование	3,2	4,1	2,6	2,4

На третьей позиции у всей молодежи, за исключением русской, оказался маркер «работа», т.е. молодое поколение также, как и старшее ориентировано работать и улучшение своей жизни связывает в честном труде, что также коррелируется с итогами переписи населения 2010 г., согласно которой немногим менее половины населения республики основным источником средств к существованию отметила трудовую деятельность [3]. Вместе с тем для молодежи более характерна почувствовать себя свободной. Такой позиции боль-

ше придерживалась молодежь русской (10,8%), башкирской (8,9%) и в меньшей степени татарской (6,2%) национальностей. Незначительная часть татарской молодежи, «хорошую жизнь» видела в получении достойного образования.

Абсолютное большинство молодежи в момент проведения опроса было занято учебой, небольшая часть – работой. Опрос показал, что 64,3% башкирской, 64,7% татарской 69,7% русской и 64,3% молодежи «иных» национальностей выразили удовлетворение своей учебой и работой.

Таблица 4

Удовлетворены ли Вы своей работой (учебой)? [6].

Table 4

Are you satisfied with your work (study)? [6].

	башкиры	татары	русские	другие
Полностью удовлетворен(а)	19,1	23,8	29,2	21,4
Скорее удовлетворен(а)	45,2	40,9	40,5	42,9
Скорее не удовлетворен(а)	20,4	14,5	8,7	14,3
Полностью не удовлетворен(а)	5,7	6,2	7,2	7,1
Затрудняюсь ответить	9,6	14,5	14,4	14,3

Определенная часть при этом выразила неудовлетворенность своей учебой и работой. Если среди русской молодежи доля таковых составляла 15,9%, то такой точки зрения придерживалась каждая пятая татарской (20,7%) и «иных» национальностей (21,4%). Но, наиболее недовольной своей работой или учебой оказалась башкирская молодежь, доля которой достигла четверти (26,1%) опрошенных респондентов.

Как выяснилось в ходе опроса молодежь республики, независимо от этнической принадлежности, с удовлетворением воспринимает культурно-бытовые условия, имеющиеся в повседневной жизни. Более того, она с удовольствием принимает участие в создании и обновлении культурных центров.

Таблица 5

Удовлетворены ли Вы своими культурно-бытовыми условиями? [6].

Table 5

Are you satisfied with your cultural and living conditions? [6].

	башкиры	татары	русские	другие
Полностью удовлетворен(а)	18,5	14,9	16,4	28,6
Скорее удовлетворен(а)	51,0	48,7	48,2	33,4
Скорее не удовлетворен(а)	8,9	7,8	9,7	14,3
Полностью не удовлетворен(а)	3,8	5,2	1,5	4,8
Затрудняюсь ответить	17,8	24,4	24,1	19,0

В свободное от работы время трудится в клубах и молодежных кафе, оказывая помощь в культурном досуге населения. Имеющимися возможностями для культурно-бытового досуга, как показали данные опроса, молодежь в целом выражает свое удовлетворение. Так, 69,5% башкирская, 63,6% татарская, 64,8% русская и 64,0% молодежь «иных» национальностей была удовлетворена своими культурно-бытовыми условиями в республике.

конкурсном отборе в высшие учебные заведения, трудности устройства на работу для молодежи республики характерно оптимизм и удовлетворенность своим положением. Так, 65,6% молодежи башкирской, 65,8% татарской, 68,5% русской и 59,5% «иных» национальностей выразили полной удовлетворение своим положением в обществе. Данный тезис также подтверждается исследованием ряда авторов, согласно которому «будущее им видится спокойным и стабильным [4, с. 137].

Несмотря на трудности адаптации к рыночной экономике, конкуренции на рынке труда, жестком

Таблица 6

Удовлетворены ли Вы своим положением в обществе? [6].

Table 6

Are you satisfied with your position in society? [6].

	башкиры	татары	русские	другие
Полностью удовлетворен(а)	20,4	25,4	31,4	33,3
Скорее удовлетворен(а)	45,2	40,4	37,1	26,2
Скорее не удовлетворен(а)	13,4	7,3	11,9	11,9
Полностью не удовлетворен(а)	3,2	2,1	4,1	7,1
Затрудняюсь ответить	17,8	24,9	15,5	21,4

Если среди молодежи других национальностей каждый пятый выразил не удовлетворенность своим положением, то среди татарской молодежи данный показатель составил менее 10%. Вместе с тем, весьма значительная доля молодежи (от 15% до 25%) не смогла дать оценку возможностям своей реализации в обществе. Важным условием для повышения своего материального достатка, респонденты всех национальностей видели в упорном каждодневном труде [1, с. 136]. По данным этносоциологического опроса по исследовательскому проекту «Современные этносоциальные процессы в Башкортостане: социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие», проведенного в ноябре 2018 г. [7] почти одна треть башкир, более четверти татар и каждый

пятый русский отметили о существенном улучшении своего экономического и финансового положения [2, с. 176].

Относительно реализации себя в условиях рыночной экономики и перспективных возможностей молодежь республики также чувствует стабильную уверенность. Как показали данные опроса около одной трети молодежи, независимо от этнической принадлежности смело заявило, что у них есть чувство уверенности в завтрашнем дне. Наряду с ними, треть респондентов русской (33,8%) и «иных» национальностей (33,3%), немногим более этого татарской (37,3%) и каждая вторая из пяти опрошенной башкирской (40,8%) молодежи в определенной степени выражали уверенность в перспективе на лучшую жизнь [6].

Таблица 7

Есть ли у Вас чувство уверенности в завтрашнем дне? [6].

Table 7

Do you have a feeling of confidence in the future? [6].

	башкиры	татары	русские	другие
Есть	31,2	31,6	32,3	31,0
Скорее есть, чем нет	40,8	37,3	33,8	33,3
Скорее нет	10,8	8,3	13,8	11,9
Нет	5,7	8,3	8,2	9,5
Затрудняюсь ответить	11,5	14,5	11,9	14,3

Вместе с тем, понимая жесткие условия рынка, молодежь не всегда оптимистично оценивает свои возможности на перспективу. Например, если среди башкирской и татарской молодежи около 16% респондентов выражали чувство неуверенности в завтрашнем дне, то среди русских и «иных» национальностей доля таковых превышала более 21%. Иными словами, морально-нравственные ориентиры среди молодежи разных этнических групп в республике, относительно самооценок своего будущего имеют незначительное расхождение.

Вместе с тем, несмотря на «юношеский пыл» молодежь не особо проявила вдохновение на происходящие перемены, в связи с транзитом власти. В среднем лишь немногим менее 10 % молодежи башкирской и татарской национальности выразили радость, воодушевление и желание включиться

в новые процессы. Среди русской и молодежи «иных» национальностей такое мнение разделили лишь 5,6% и 7,1%, соответственно. Почти каждый пятый респондент, независимо от этнической принадлежности, занял «выжидательный интерес». Разбросанным оказалось мнение молодежи, которая не заметила перемен. Если среди башкирской молодежи лишь каждый десятый не заметил перемен, то среди «иных» национальностей данный показатель оказался почти в два раза выше. Русская и татарская часть молодежи, больше, чем башкирская, но меньше, чем «иных» национальностей также не заметила перемен. Для русских (13,3%) и татар (16,6%) также было характерно больше безразличия, чем раздражения и агрессия, в связи с происходящими событиями в республике, соответственно – 5,1% и 1,6%.

Таблица 8

Какие чувства Вы испытываете в связи с происходящими в Башкортостане переменами? [6].

Table 8

What feelings do you experience in connection with the changes taking place in Bashkortostan? [6].

	башкиры	татары	русские	другие
Радость, воодушевление, желание включиться в новые процессы	9,6	9,3	5,6	7,1
Выжидательный интерес	19,1	18,1	20,5	23,8
Настороженность, беспокойство, тревога	21,7	8,3	8,2	4,8
Страх, беспомощность	3,2	1,6	2,6	2,4
Раздражение, агрессия	4,5	1,6	5,1	0,0
Безразличие	5,7	10,4	12,3	11,9
Не заметили перемен	10,2	16,6	13,3	19,0
Затрудняюсь ответить	26,1	34,2	32,3	31,0

Происходящие события в Башкортостане вызвали у определенной части молодежи настороженность, беспокойство и тревогу. Данный вариант ощущения вызвал широкий разброс мнений среди молодежи разных национальностей. Если очень незначительная часть (4,8%) молодежи

«иных» национальностей к происходящим событиям относилась с настороженностью и тревогой, то среди башкирской, разделяющая такое мнение составляло более 20%, что в 2,6 раза превышало позицию татар 8,3% и русских (8,2%).

Таблица 9

С каким настроением Вы смотрите в будущее? [6].

Table 9

How do you feel about the future? [6].

	башкиры	татары	русские	другие
С надеждой и оптимизмом	53,5	50,3	45,6	45,2
Спокойно, без особых надежд и иллюзий	26,1	25,4	27,7	35,7
С тревогой и неуверенностью	10,2	8,3	9,2	4,8
Со страхом и отчаянием	3,2	3,6	6,2	7,1
Затрудняюсь ответить	7,0	12,4	11,3	7,1

Однако, как показывают данные опроса, они не имеют особо противоречивый характер. Общий настрой молодежи на будущее выглядит более оптимистично. Поскольку более половины респондентов башкирской и татарской молодежи, а также немногим менее этого русской и «иных» национальностей уверенно заявило, что смотрит в будущее с надеждой и оптимизмом. Другая, вместе с тем, достаточно значительная группа молодежи, также прагматично высказалась, заявив, что она смотрит в свое будущее спокойно, без особых

надежд и иллюзий. Лишь очень небольшую группу молодежи, независимо от национальности, тревожила неуверенность о своем будущем. Вместе с тем, для молодежи характерно стремление повышать свой образовательный уровень, при этом трудясь в свободное от работы время [1, с. 138].

Таким образом, морально-нравственное состояние молодежи относительно их адаптации к условиям современной реалии носит стабильный характер, направленный на перспективу.

Финансирование

Исследование выполнено в рамках проекта «Укрепление российского патриотизма как фактора обеспечения единства многонационального народа в условиях современных геополитических вызовов (на примере республик Башкортостан, Татарстан, Удмуртия, Марий Эл, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия)» (руководитель д.г.н. А.В. Псянчин) Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023-2025 гг. (руководитель академик РАН В.А. Тишков)

Список источников

1. Алексеенко С.С., Абрамова С.Р., Сафин Ф.Г. Этносоциальные основы развития русского населения в Башкортостане (по данным этносоциологических исследований). Уфа: ООО «Первая типография», 2018. 189 с.
2. Камалетдинов Д.А., Сафин Ф.Г. Социально-экономическое положение этнических групп в условиях рыночной экономики (по данным этносоциологических исследований в Башкортостане) // этносоциология: поиски и свершения / отв. ред., сост.: Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2022. С. 171 – 181.
3. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. Статистический сборник: в 2 ч. Ч. II. Уфа: Башкортостанстат, 2013. 189 с.
4. Сафин Ф.Г., Ишемгулов М.Н., Камалетдинов Д.А. Социальное настроение и адаптации этнических групп к рыночной экономике (по данным этносоциологических опросов в Башкортостане) // Вестник БИСТ. 2021. № 4. С. 133 – 139.
5. Сафин Ф.Г., Ишемгулов М.Н., Кульшарипов Ф.Р. Трудовые мотивации населения Башкортостана в условиях рыночной экономики (по данным этносоциологических опросов) // Вестник БИСТ. 2021. № 4. С. 20 – 27.
6. Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту «Проявление этничности и адаптация молодежи к новым социально-экономическим реалиям в полиэтничном регионе» был проведен в октябре 2018 г. 585 человек в возрасте от 17 до 20 лет, из них – 195 русских, 157 башкир, 193 татар и 42 представителя других национальностей. Опрошено 585 респондентов в возрасте от 17 до 20 лет, из них – 195 русских, 157 башкир, 193 татар и 42 представителя других национальностей. Руководитель исследования – к.и.н. А.И. Халиулина. Авторы принимали непосредственное участие в проведении опроса.
7. Этносоциологический опрос по исследовательскому проекту «Современные этносоциальные процессы в Башкортостане: социально-экономическая адаптация и социальное самочувствие» (ноябрь 2018 г.). Опрошено 573 респондента, в том числе: русских – 179 чел., башкир – 126, татар – 196, других национальностей – 72 чел. Руководитель исследования – к.и.н. А.И. Халиулина. Авторы принимали непосредственное участие в проведении опроса.

References

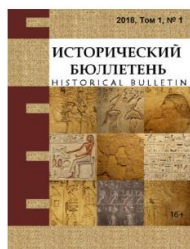
1. Alekseenko S.S., Abramova S.R., Safin F.G. Ethnosocial foundations of the development of the Russian population in Bashkortostan (according to ethnosociological research). Ufa: First Printing House LLC, 2018. 189 p.
2. Kamaletdinov D.A., Safin F.G. Socio-economic position of ethnic groups in a market economy (according to ethnosociological studies in Bashkortostan). ethnosociology: searches and accomplishments. resp. ed., comp.: L.V. Ostapenko, I.A. Subbotina. M.: IEA RAS, 2022. P. 171 – 181.
3. National composition and language proficiency, citizenship of the population of the Republic of Bashkortostan according to the All-Russian Population Census of 2010. Statistical collection: in 2 parts. Part II. Ufa: Bashkortostanstat, 2013. 189 p.
4. Safin F.G., Ishemgulov M.N., Kamaletdinov D.A. Social mood and adaptation of ethnic groups to a market economy (according to ethnosociological surveys in Bashkortostan). Vestnik BIST. 2021. No. 4. P. 133 – 139.
5. Safin F.G., Ishemgulov M.N., Kulsharipov F.R. Labor motivation of the population of Bashkortostan in a market economy (according to ethnosociological surveys). Bulletin of BIST. 2021. No. 4. P. 20 – 27.
6. An ethnosociological survey on the research project “Manifestation of ethnicity and adaptation of youth to new socio-economic realities in a multi-ethnic region” was conducted in October 2018. 585 people aged 17 to 20 years, of which 195 Russians, 157 Bashkirs, 193 Tatars and 42 representatives of other nationalities. 585 respondents aged 17 to 20 years were interviewed, of which 195 Russians, 157 Bashkirs, 193 Tatars and 42 representatives of other nationalities. Head of the study – Ph.D. A.I. Khaliulina. The authors were directly involved in the survey.
7. Ethnosociological survey on the research project “Modern ethnosocial processes in Bashkortostan: socio-economic adaptation and social well-being” (November 2018). 573 respondents were interviewed, including: Russians – 179 people, Bashkirs – 126, Tatars – 196, other nationalities – 72 people. Head of the study – Ph.D. A.I. Khaliulina. The authors were directly involved in the survey.

Информация об авторах

Сафин Ф.Ф., аспирант, Институт истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, floridsafin@mail.ru+7 (937) 353-54-82

Шилкин Д.А., аспирант, Институт этнологических исследований, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

© Сафин Ф.Ф., Шилкин Д.А., 2024

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2024, Том 7, № 1 / 2024, Vol. 7, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 371.3

Причины поражения российского флота в сражениях Русско-японской войны: к вопросу о содержании учебного материала для углубленного изучения в школьном курсе истории

¹ Курков В.В.,

¹ Асанова Э.С.,

¹ Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация: статья посвящена исследованию причин поражения флота Российской империи в русско-японской войне 1904-1905 гг., что, по мнению авторов, позволит преподавателю в условиях современной школы перейти от повествовательно-описательного содержания учебного материала к поисковому и аналитическому и раскрыть важную тему на углубленном уровне (данный военный конфликт сыгравший роль катализатора первой русской революции и положивший начало заключительному кризисному периоду в развитии Российской империи, является одной из ключевых тем в школьном курсе истории). В статье анализируются причины затопления крейсера «Варяг» в итоге боя в корейском порту Чемульпо, поражения владивостокского отряда русских крейсеров в ходе боя в Корейском проливе 1 августа 1904 г., трагической гибели 1-й Тихоокеанской эскадры в Порт-Артуре. Авторы подробно останавливаются на причинах поражения эскадры адмирала Рожественского в Цусимском сражении, которое вошло в историю как крупнейшая катастрофа в отечественной военно-морской летописи. Статья призвана помочь современному учителю в отборе содержания учебного материала для углубленного изучения исследуемой темы.

Ключевые слова: Русско-японская война, Цусимское сражение, причинно-следственные связи, углубленное изучение

Для цитирования: Курков В.В., Асанова Э.С. Причины поражения российского флота в сражениях Русско-японской войны: к вопросу о содержании учебного материала для углубленного изучения в школьном курсе истории // Исторический бюллетень. 2024. Том 7. № 1. С. 34 – 39.

Поступила в редакцию: 18 сентября 2023 г.; *Одобрена после рецензирования:* 20 ноября 2023 г.; *Принята к публикации:* 15 января 2024 г.

Reasons for the defeat of the Russian navy in the battles of the Russian-Japanese War: on the issue of the content of teaching material for in-depth study in a school history course

¹ Kurkov V.V.,

¹ Asanova E.S.,

¹ Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Abstract: the article is devoted to the study of the reasons for the defeat of the fleet of the Russian Empire in the Russo-Japanese War of 1904-1905, which, according to the authors, will allow the teacher in a modern school to move from the narrative and descriptive content of educational material to search and analytical and reveal an important topic on in-depth level (this military conflict, which played the role of a catalyst for the first Russian revolution and marked the beginning of the final crisis period in the development of the Russian Empire, is one of the

key topics in the school history course). The article analyzes the reasons for the sinking of the cruiser "Varyag" as a result of the battle in the Korean port of Chemulpo, the defeat of the Vladivostok detachment of Russian cruisers during the battle in the Korean Strait on August 1, 1904, and the tragic death of the 1st Pacific squadron in Port Arthur. The authors dwell in detail on the causal defeat of Admiral Rozhdestvensky's squadron in the Battle of Tsushima, which went down in history as the largest disaster in Russian naval history. The article is intended to help the modern teacher in selecting the content of educational material for an in-depth study of the topic under study.

Keywords: Russian-Japanese War, Battle of Tsushima, cause-and-effect relationships, in-depth study

For citation: Kurkov V.V., Asanova E.S. Reasons for the defeat of the Russian navy in the battles of the Russian-Japanese War: on the issue of the content of teaching material for in-depth study in a school history course. *Historical Bulletin*. 2024. 7 (1). P. 34 – 39.

The article was submitted: September 18, 2023; Approved after reviewing: November 20, 2023; Accepted for publication: January 15, 2024.

Русско-японская война 1904-1905 гг., сыгравшая роль катализатора первой русской революции и положившая начало заключительному кризисному периоду в развитии Российской империи, является одной из важнейших тем в школьном курсе истории. Однако линейная система изучения истории в современной школе определяет эту тему в число последних уроков в 9 классе и оставляет мало возможностей для ее углубленного изучения. В итоге, учащиеся обычно не осознают масштабы поражения России в 1904-1905 гг. А в ходе данной войны Россия фактически лишилась и Тихоокеанского и Балтийского флотов – империя потеряла восемнадцать эскадренных броненосцев и броненосцев береговой обороны, составлявших стеновой хребет российского флота (для сравнения – Япония потеряла два эскадренных броненосца из шести имевшихся) [1, с. 110]. Поэтому возникает насущная потребность изучения в школьном историческом курсе причинно-следственных связей призванная обеспечить как углубленное изучение предмета, так и развитие логики и критического мышления учащихся. Актуальным становится переход от повествовательно-описательного содержания учебного материала к поисковому и аналитическому – применительно к нашей теме, для преподавателя предлагается четкий акцент на аналитический разбор причин поражения российского флота в основных сражениях русско-японской войны.

Так, гибель крейсера «Варяг» после известного героического боя в корейском порту Чемульпо в первый же день войны не может быть объяснена лишь огромным перевесом в силах со стороны японской эскадры адмирала Уриу (шесть японских крейсеров и восемь миноносцев против одного «Варяга» и устаревшей канонерской лодки «Корец») [6, с. 102]. Важно, чтобы учащиеся задумались над вопросом, почему российский крейсер был отделен от главных сил флота и фактически

оказался в смертельной ловушке в Чемульпо. Для представления интересов Российской империи в корейском порту было вполне достаточно и не имевшего серьезной военной ценности «Корейца». Решение использовать для этой цели новейший крейсер, может считаться серьезным просчетом высшего командования российского флота (в лице адмирала Е.А. Алексеева), а вкупе со слабостью разведки, обусловившей внезапное начало войны, и роковыми просчетами командира «Варяга» В.Ф. Руднева, не решившегося на своевременный прорыв из Чемульпо – комплексом причин, которые привели к гибели героического корабля [6, с. 112-113]. Следует обратить внимание и на недостатки конструкции самого «Варяга», который относился к разряду бронепалубных крейсеров – его борта не были защищены броней, также и артиллерия корабля не имела броневой защиты [8, с. 16] – в итоге даже в поединке против одного флагмана адмирала Уриу (броненосного крейсера «Асама») у «Варяга» просто не было шансов на выживание.

Поражение владивостокского отряда русских крейсеров в ходе боя 1 августа 1904 г. и героическая гибель броненосного крейсера «Рюрик», также стали следствием не только перевеса в силах со стороны японской эскадры адмирала Камимуры: 4 броненосных и 2 бронепалубных крейсера против трех российских броненосных крейсеров [13, с. 186]. Прежде всего, следует обратить внимание учащихся на просчеты российского командования, которые привели к роковой несогласованности действий крейсерского отряда и Порт-Артурской эскадры: главные силы русского флота вышли 28 июля 1904 г. на прорыв из Порт-Артура, а три российских броненосных крейсера из Владивостока, ранее успешно действовавших на японских морских коммуникациях, должны были выйти на встречу эскадре адмирала Витгефта, чтобы отвлечь японцев и тем самым облегчить прорыв основных сил и затем соединиться с Порт-

Артурской эскадрой. Однако телеграмма извещающая о выходе эскадры из Порт-Артура до Владивостока дошла с опозданием на сутки – когда главные силы проиграли сражение в Желтом море и вернулись назад в осажденную крепость (о чем не было предупреждено командование во Владивостоке) – в итоге в Корейском проливе русский крейсерский отряд вместо своего флота натолкнулся на превосходящие силы японцев. Этот бой продемонстрировал разрушительную мощь японских снарядов [14, с. 171-172], к тому же надо учитывать что русские броненосные крейсера «Рюрик», «Россия» и «Громобой» проектировались для действий на торговых коммуникациях Британской империи и в качестве океанских рейдеров не предназначались для эскадренного боя – скорость, вооружение и бронирование этих кораблей приносилось в жертву огромной дальности плавания и мореходности [14, с. 188] – в отличие от японских броненосных крейсеров которые были созданы именно для эскадренных сражений. Сказалось и неудачное бортовое размещение на русских крейсерах артиллерии главного калибра – в отличие от башенной артиллерии японских броненосцев, дававшей им огромный перевес в бортовом залпе [13, с. 185].

Применительно к вопросу о причинах гибели 1-й Тихоокеанской эскадры российского флота в Порт-Артуре от преподавателя необходим комплексный анализ следующих факторов:

– просчеты высшего политического руководства, дипломатической службы и военной разведки Российской империи обусловившие внезапность нападения Японии, и, прежде всего, успешную ночную атаку японских миноносцев на Порт-Артур, парализовавшую русскую эскадру в начале войны, и это при том, что адмирал В.К. Витгефт в своей аналитической записке составленной по итогам японо-китайской войны предупреждал именно об успешном использовании японцами миноносцев [3];

– непрерывные конфликты между командованием российской армией и флотом в Порт-Артуре и порочная идея пожертвовать эскадрой ради спасения крепости (принятая под влиянием аналогичной ситуации при обороне Севастополя в Крымскую войну) [13, с. 174]: в итоге с кораблей начали снимать пушки и людей для боев на сухопутном фронте, что ослабило эскадру перед решающим сражением в Желтом море;

– роковая случайность дважды обезглавившая 1-ю Тихоокеанскую эскадру: гибель адмирала С.О. Макарова на борту флагманского броненосца «Петропавловск», подорвавшегося на японской mine, и гибель его приемника адмирала В.К. Вит-

гефта на мостике броненосца «Цесаревич» от разрыва японского снаряда в разгар решающей битвы в Желтом море;

– неспособность российского командования воспользоваться самой большой неудачей и наиболее серьезными потерями противника за весь период войны (так называемый «черный день» японского флота) – когда два японских броненосца «Ясима» и «Хацусе» погибли, подорвавшись на русских минах, выставленных в результате дерзкой операции минного заградителя «Амур» под командование капитана Ф.Н. Иванова. И в итоге количество современных эскадренных броненосцев, которыми располагала Япония сократилось на треть, а у российского флота появился ощутимый перевес в линейных силах [9], однако адмирал Витгефт не решившись развить успех и атаковать японский флот в этот удобный момент, упустил возможность переломить ход войны;

– ошибки в организации обороны самого Порт-Артура на суше – после того как русские войска не смогли отстоять позицию в самой узкой части Ляодунского полуострова (на Цзиньжоуском перешейке), позволявшей удерживать врага на безопасном расстоянии от города, оборонительные линии крепости проходили вблизи гавани и базы флота, что позволит японцам начать обстрел русских кораблей из тяжелых осадных орудий, что в конце концов и решит судьбу российской эскадры, корабли которой были затоплены в гавани Порт-Артура (а впоследствии подняты и включены в состав японского флота).

Решающим событием в противостоянии на море России и Японии в ходе войны 1904-1905 гг. стало Цусимское сражение – крупнейшая трагедия в истории отечественного флота – и учащиеся должны четко представлять глубину этой драмы. Россия потеряла в этой битве более двадцати боевых кораблей и транспортных судов и более десяти тысяч моряков погибшими и пленными (потери японцев – три миноносца и 116 моряков). По масштабам катастрофы с Цусимой в отечественной истории сравнимы лишь Роченсальмское сражение 1790 г. (потеряно 53 корабля и семь тысяч моряков и солдат) и Таллинский прорыв Балтийского флота в августе 1941 г. (потеряно более ста кораблей и четырнадцать тысяч человек) [6, с. 117-118]. Но обе последние битвы (кстати, практически не получившие отражения в учебной литературе), несмотря на указанные потери, не отменили успешного для нашей страны исхода войн, к которым они относились. Цусимское же сражение поставило кровавую точку в неудачной для Российской империи войне 1904-1905 гг.

Причины поражения эскадры адмирала Роже-

Рожественского в Цусимском сражении являются одним из наиболее обсуждаемых вопросов отечественной военной истории: по количеству публикаций, история Цусимы уступает только историографии крупнейшей в истории войны на море Ютландской битвы 1916 г. [7, с. 33]. Поэтому для преподавателя возникает сложная задача анализа значительного объема источников, достаточно противоречивой историографии [12] и научно-популярной литературы для того, чтобы доступно объяснить учащимся сложный комплекс причин породивших трагедию Цусимы:

– прежде всего требуется анализ вопроса о соотношении сил: российский флот имел перевес в линейных силах и орудиях главного калибра (8 русских эскадренных броненосцев против 4 японских), однако это с лихвой нивелировалось общим перевесом японского флота в численности кораблей (против 38 вымпелов русской эскадры у адмирала Того имелось более 120 кораблей и судов) [16, с. 182], и отдельно следует выделить для учащих абсолютный перевес японцев в тех типах кораблей, которые обеспечивали способность флота успешно маневрировать в ходе сражения – это броненосные и бронепалубные крейсера и миноносцы;

– в эскадре адмирала Рожественского в одном строю шли современные и устаревшие корабли, а также тихоходные транспорты, в итоге у противника было серьезное преимущество в скорости: в ходе дневного артиллерийского боя российская кильватерная колонна двигалась со скоростью в 9 узлов, в то время как отряды адмирала Того – в 16 узлов, что позволяла японскому флоту диктовать ход сражения и навязывать свою инициативу русским;

– участники сражения [15, с. 483-484] и современные исследователи в качестве важнейшего фактора победы флота Японии называют разрушительную мощь японских фугасных снарядов по сравнению с российскими бронебойными, которые содержали меньше взрывчатого вещества, к тому же более слабого нежели японская шимоза;

– еще большее значение для исхода Цусимского сражения имела точность артиллерийского огня, которая определялась уровнем подготовки личного состава, качеством приборов управления огнем и самой системой стрельбы: на броненосцах и крейсерах адмирала Того по ходу учений делали по 500 и даже 600 выстрелов на один ствол, в то время как на кораблях адмирала Рожественского позволяли в ходе тренировок израсходовать всего лишь 2-3 снаряда на орудие, и при этом японское командование сумело внедрить систему стрельбы позволяющую сконцентрировать огонь всей артил-

лерии эскадры на самой важной цели – в итоге по ходу Цусимского сражения противник успешно расстреливал русские флагманские корабли, тем самым парализуя управление нашей эскадры [6, с. 122].

– в то время как японские корабли уже имели маскировочную окраску, корабли российской эскадры были окрашены в черный цвет (с желтыми трубами) что облегчало прицеливание для артиллеристов противника [5, с. 236].

– следует учитывать, и то, что российские моряки, были измотаны трудным семимесячным плаванием через три океана, а на моральные качества экипажей русских кораблей (к тому же, совершенно не имевших боевого опыта) угнетающе действовали известия о капитуляции Порт-Артура и гибели 1-й Тихоокеанской эскадры [2, с. 601] (эти факторы, возможно объясняют прискорбный факт сдачи в плен в этом сражении целого ряда русских кораблей), в то время как японские моряки, одержав победы над русскими эскадрами в Порт-Артуре и Владивостоке, приобрели бесценный военный опыт и уверенность в победе;

– итогом беспримерного перехода в восемнадцать тысяч миль с Балтики на Дальний Восток (при этом российских баз по пути не имелось) стала критическая перегрузка боевых кораблей эскадры адмирала Рожественского, которая серьезно ослабила их боевые качества и способность противостоять повреждениям от артиллерийского огня японцев (бронированный пояс кораблей просто уходил под воду и не выполнял защитную функцию);

– в конечном итоге ответственность за гибельный исход Цусимского сражения ложится на командующего русской эскадрой – адмирала З.П. Рожественского, противоречивая личность которого и его спорные решения в качестве флотоводца вызывают устойчивый интерес и постоянно не затихающие дискуссии в отечественной историографии [4, 5, 11, 17].

Для всех морских сражений русско-японской войны характерно влияние и общих детерминирующих факторов, обусловивших поражение Российской империи на море.

Так, следует обратить внимание учащих на катастрофическую нехватку военного опыта у российских адмиралов и офицеров флота (последний крупный военный конфликт в этом плане для отечественного флота – это русско-турецкая война 1877-1878 гг., со времен которой военно-морская техника и тактика претерпели серьезные изменения). В то время как командный состав японского флота опирался на опыт крупных морских сраже-

ний недавней японо-китайской войны 1894-1895 гг. [10].

Не менее важным, для понимания общих причин, почему Россия проиграла войну с Японией 1904-1905 гг. является и сравнение итогов реформ и процесса модернизации общества в XIX в. для истории двух стран: «революция Мэйдзи» проводилась более глубоко и последовательно нежели реформы Александра II (на смену которым при-

шла политика контрреформ Александра III) – отсюда, например, и более высокий уровень грамотности японских солдат и матросов (образование в стране Восходящего солнца уже стало обязательным: это было крайне важно в условиях усложнения военной техники – особенно на флоте) и более успешная система обновления правящей элиты, гарантировавшая наличие талантов на высших военных и политических постах.

Список источников

1. Балакин С.А. Триумфаторы Цусимы. Броненосцы японского флота. М.: Яуза: ЭКСМО, 2013. 160 с.
2. Быков П.Д. Действия на море в русско-японскую войну // Русско-японская война. М.: Изд-во Эксмо, Изографус; СПб.: Terra Fantastika, 2003. 672 с.
3. Витгефт В.К. Японский и китайский флоты в последнюю китайско-японскую войну // Бриз. 1995.06. URL: <http://keu-ocr.narod.ru/Vitgeft/>
4. Грибовский В.Ю., Познахирев В.П. Вице-адмирал З.П. Рожественский. СПб.: Цитадель. 1999. 279 с.
5. Грибовский В.Ю. Последний парад адмирала. Судьба вице-адмирала З. П. Рожественского. М.: Вече, 2013. 320 с.
6. Доценко В.Д. Мифы и легенды Российского флота. СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2002. 352 с.
7. Ивкова А.М., Чебряк Е.В. Цусимская катастрофа // Россия и АТР. 2005. № 2. С. 33 – 40.
8. Катаев В.И. Крейсер «Варяг». Легенда российского флота. М.; Коллекция, Яуза, ЭКСМО, 2008. 128 с.
9. Курков В.В. «Черный день» японского флота: уроки боевой операции минного транспорта «Амур» // Военная история России: проблемы, поиски, решения: материалы IV междунар. науч. конф. посвящ. 75-летию победы в Сталинградской битве, Волгоград 20-21 октября 2017 г.: в 2 ч. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. Ч. 2. С. 215 – 223
10. Курков В.В. Адмиралы России и Японии в противостоянии от Порт-Артура до Цусимы: боевой опыт как решающий фактор в исходе войны 1904-1905 гг. на море // Альманах Казачество. 2022. № 59. С. 44 – 54
11. Лихарев Д.В. Вице-адмирал З.П. Рожественский в оценках советских и российских историков // Вестник ДВО РАН. 2008. № 2. С. 86 – 94
12. Лихарев Д.В. О некоторых характерных тенденциях в современных российских исследованиях цусимской темы // Россия и АТР. 2009. № 4. С. 76 – 86.
13. Мельников Р.М. «Рюрик» был первым. Л.: Судостроение, 1989. 256 с.
14. Пахомов Н.А. Океанский крейсер «Рюрик». М.: ЭКСМО: Яуза, 2017. 208 с.
15. Семенов В.И. Трагедия Цусимы. М.: Яуза, Эксмо, 2008. 640 с.
16. Чаплыгин В.А. Цусимское сражение: ход боя // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3-2 (19). С. 182 – 188.
17. Шабущкая Н.В. Военно-государственная деятельность вице-адмирала З.П. Рожественского. 1870-1909: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007. 21 с.

References

1. Balakin S.A. Triumphants of Tsushima. Battleships of the Japanese fleet. M.: Yauza: EKSMO, 2013. 160 p.
2. Bykov P.D. Actions at sea during the Russo-Japanese War. Russian-Japanese War. M.: Eksmo Publishing House, Izografus; St. Petersburg: Terra Fantastika, 2003. 672 p.
3. Vitgeft V.K. Japanese and Chinese fleets in the last Sino-Japanese war. Breeze. 1995.06. URL: <http://keu-ocr.narod.ru/Vitgeft/>
4. Gribovsky V.Yu., Poznakhirev V.P. Vice Admiral Z.P. Rozhdestvensky. SPb.: Citadel. 1999. 279 p.
5. Gribovsky V.Yu. The Admiral's last parade. The fate of Vice Admiral Z. P. Rozhestvensky. M.: Veche, 2013. 320 p.
6. Dotsenko V.D. Myths and legends of the Russian fleet. St. Petersburg: Polygon Publishing House LLC, 2002. 352 p.
7. Ivkova A.M., Chebryak E.V. Tsushima disaster. Russia and the Asia-Pacific region. 2005. No. 2. P. 33 – 40.
8. Kataev V.I. Cruiser "Varyag". Legend of the Russian fleet. M.; Collection, Yauza, EKSMO, 2008. 128 p.

9. Kurkov V.V. "Black day" of the Japanese fleet: lessons from the combat operation of the mine transport "Amur". Military history of Russia: problems, searches, solutions: materials of the IV international. scientific conf. dedicated 75th anniversary of the victory in the Battle of Stalingrad, Volgograd October 20-21, 2017: at 2 o'clock. Volgograd: VolGU Publishing House, 2017. Part 2. pp. 215 – 223

10. Kurkov V.V. Admirals of Russia and Japan in the confrontation from Port Arthur to Tsushima: combat experience as a decisive factor in the outcome of the war of 1904-1905. at sea. Almanac Cossacks. 2022. No. 59. P. 44 – 54

11. Likharev D.V. Vice Admiral Z.P. Rozhestvensky in the assessments of Soviet and Russian historians. Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 2008. No. 2. P. 86 – 94

12. Likharev D.V. On some characteristic trends in modern Russian studies of the Tsushima theme. Russia and the Asia-Pacific region. 2009. No. 4. P. 76 – 86.

13. Melnikov R.M. "Rurik" was the first. L.: Shipbuilding, 1989. 256 p.

14. Pakhomov N.A. Ocean cruiser "Rurik". M.: EKSMO: Yauza, 2017. 208 p.

15. Semenov V.I. The tragedy of Tsushima. M.: Yauza, Eksmo, 2008. 640 p.

16. Chaplygin V.A. The Battle of Tsushima: the course of the battle. Scientific notes: electronic scientific journal of Kursk State University. 2011. No. 3-2 (19). P. 182 – 188.

17. Shabutskaya N.V. Military-state activities of Vice Admiral Z.P. Rozhestvensky. 1870-1909: abstract. dis. ...cand. ist. Sci. Voronezh, 2007. 21 p.

Информация об авторах

Курков В.В. кандидат исторических наук, доцент, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, 89056408229, vkyrkova@gmail.ru

Асанова Э.С., Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

© Курков В.В., Асанова Э.С., 2024

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2024, Том 7, № 1 / 2024, Vol. 7, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(571.6)

Социально-экономическая ситуация на юге Дальнего Востока и вопрос о порто-франко (вторая половина XIX – начало XX вв.)

¹ Молчанова Е.Г.,
¹ Тихоокеанский государственный университет

Аннотация: статья посвящена изучению формирования таможенной политики государства на юге Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX вв., в зависимости от социально-экономической ситуации в регионе. Отмечается, что введение здесь порто-франко в середине XIX в. было мерой необходимой и вынужденной, так как отсутствовало регулярное транспортное сообщение с центральной частью страны, доставка товаров сухопутным путем через Сибирь была делом трудоемким и убыточным, и российские предприниматели не имели достаточного количества капиталов для организации торговли в столь отдаленном от центра страны регионе. В статье прослеживается, как по мере развития края, увеличения здесь населения, появления транспортных возможностей сообщения юга Дальнего Востока с центральной частью России менялась политика властей по вопросу о порто-франко. Подчеркивается, что вопрос о возможных изменениях таможенной политики в регионе внимательно изучался властями и широко обсуждался в предпринимательской среде. Автор отмечает, что решение вопроса о порто-франко в разное время, в первую очередь рассматривалось властями с точки зрения целесообразности и полезности для развития региона и поддержки населения края.

Ключевые слова: порто-франко, торговля на Дальнем Востоке России, российские предприниматели, иностранные предприниматели, Владивосток, Приамурский край

Для цитирования: Молчанова Е.Г. Социально-экономическая ситуация на юге Дальнего Востока и вопрос о порто-франко (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Исторический бюллетень. 2024. Том 7. № 1. С. 40 – 44.

Поступила в редакцию: 18 сентября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 21 ноября 2023 г.; Принята к публикации: 15 января 2024 г.

Socio-economic situation in the south of the Far East and the issue of porto-franco (the second half of the XIX – early XX centuries)

¹ Molchanova E.G.,
¹ Pacific National University

Abstract: the article is devoted to the study of the formation of the customs policy of the state in the south of the Russian Far East in the second half of the XIX – early XX centuries, depending on the socio-economic situation in the region. It is noted that the introduction of porto-franco here in the middle of the XIX century. It was a necessary and forced measure, since there was no regular transport connection with the central part of the country, the delivery of goods by land through Siberia was a labor-intensive and unprofitable business, and Russian entrepreneurs did not have enough capital to organize trade in such a remote region from the center of the country. The article traces how, with the development of the region, the increase in the population here, the emergence of transport opportunities for communication between the south of the Far East and the central part of Russia, the policy of the authorities on the issue of portofranco changed. It is emphasized that the issue of possible changes in customs poli-

cy in the region has been carefully studied by the authorities and widely discussed in the business environment. The author notes that the solution of the issue of porto-franco at different times was primarily considered by the authorities from the point of view of expediency and usefulness for the development of the region and the support of the population of the region.

Keywords: porto-franco, trade in the Russian Far East, Russian entrepreneurs, foreign entrepreneurs, Vladivostok, Amur Region

For citation: Molchanova E.G. Socio-economic situation in the south of the Far East and the issue of porto-franco (the second half of the XIX – early XX centuries). *Historical Bulletin*. 2024. 7 (1). P. 40 – 44.

The article was submitted: September 18, 2023; Approved after reviewing: November 21, 2023; Accepted for publication: January 15, 2024.

50-е гг. XIX в. стали временем возвращения русских в Приамурье и началом его освоения. Этот регион был значим с точки зрения военно-стратегических и политических интересов России, для которой было важно укрепить свои позиции на Тихом океане. Крымская война, нападение англо-французской эскадры на Камчатку, сделали этот вопрос особенно актуальным. С 1854 г. начинаются сплавы по Амуру, в ходе которых основывались первые поселения. В 1858 г. был заключен Айгуньский договор с Китаем, юридически оформивший вхождение Приамурья в состав России. Государство предпринимало усилия для интеграции новых территорий в общероссийское пространство. Для этого создавалась система управления краем, началось формирование здесь русского населения, разрабатывались правила, законы и льготы, которые должны были способствовать развитию региона.

Важной задачей была организация снабжения населения, войск продовольствием и всеми необходимыми товарами. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев старался привлечь на Амур купцов из Сибири. Однако обеспечить силами только российских предпринимателей растущее население региона не получилось. Отсутствовало регулярное транспортное сообщение Приамурского края с центром страны. Российский торговый флот в то время не был развит, а доставка товаров через Сибирь была делом трудоёмким и убыточным. Многим российским предпринимателям не хватало капиталов для организации торговли в Приамурье. Принимая во внимание эти обстоятельства, российское правительство решило привлечь иностранных предпринимателей для снабжения региона и стало поощрять их деятельность. Постановлениями Амурского комитета, утвержденными Александром II 1 ноября 1856 г. и 4 ноября 1857 г., был установлен режим беспошлинного ввоза иностранных товаров в портах Приамурского края, на устье Амура и вверх по реке [6, с. 1]. В 1860 г., после присоединения Юж-

но-Уссурийского края к России, порто-франко было распространено на гавани Приморской области [6, с. 8].

Введение режима порто-франко в Приамурье в середине 50-х гг. XIX в. было мерой вынужденной и направленной на поддержку освоения и заселения региона. Причем эти льготы устанавливались и допускались лишь в той мере, которая была полезна для развития края. В частности, регламентировалась доставка иностранных товаров вглубь страны. Их можно было перевозить по Амуру на судах только под русским флагом, а выше Маринска (с 1858 г. выше Софийска) только на российских судах [9, с. 2-3].

Введение порто-франко позитивно отразилось на снабжении населения всем необходимым. В край в значительном количестве стали доставляться иностранные товары. Однако воспользоваться беспошлинным ввозом зарубежных товаров в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. смогли, в основном, только иностранные коммерсанты. Это были, в основном, американские и немецкие предприниматели. В их числе Д. Кушинг, Г. Чейз, Г. Дикман, Ф. Люддорф, немецкая фирма «Кунст и Альберс» и др. Они содержали лавки и магазины, вели оптовую торговлю с российскими коммерсантами, поставляли продовольствие и необходимые товары для казенных учреждений, а также для войск. Американские и немецкие купцы, в отличие от российских, имели возможность доставлять товары на иностранных морских судах. И более того, они имели коммерческие связи за границей, что значительно облегчало их бизнес. В 50-70-х гг. в регион доставлялись в основном товары из США, Китая, Японии и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона. С конца 70-х гг. иностранцы начали организовывать прямые рейсы для доставки товаров из Европы. Так, в 1878 г. немецкая фирма «Кунст и Альберс» стала фрахтовать суда от Гамбурга до Владивостока без перегрузки в Шанхае или Нагасаки [3, с. 92].

Однако уже в конце 60-х гг. XIX в. российское правительство установило первые ограничения в режим порто-франко. В 1867 г. были введены таможенные пошлины на иностранный спирт, вино, пиво [7, с. 2]. В официальных документах указывалось, что это делается в целях «покровительства российской промышленности и торговли». Действительно, некоторые спиртные напитки российского производства, в частности водка, доставлялась по Амуру из Забайкалья, и ром, джин и другие напитки, ввозившиеся из-за границы, составляли ей конкуренцию [4, с. 443]. Однако, причиной ограничений стало и то, что многие торговцы, гонясь за легкой прибылью, стали продавать в своих лавках преимущественно не необходимые и полезные для населения товары, а алкоголь. Это, в свою очередь, способствовало распространению в крае пьянства. В 1863 г. в журнале «Русский Вестник» в статье «Жизнь в Амурской станице» отмечалось: «Главный и самый надежный предмет торговли у нас спиртные напитки. Их-то преимущественно и привозят в Николаевск иностранцы. Большая часть денег наших казаков идет на эти напитки... вообще пьянство распространено у нас в значительной степени [4, с. 444].

В 1880 г. было установлено регулярное пароходное сообщение между портами Европейской России и Дальнего Востока силами российской компании «Добровольный флот». Это было важным событием в жизни Приамурского края. Началось переселение крестьян морем, в регион стали поставляться товары из европейских портов России. Впервые российские купцы получили возможность конкурировать с иностранными предпринимателями. Весьма значимым последствием рейсов Добровольного флота стало то, что в дальневосточные порты стали доставляться товары, произведенные на российских фабриках и заводах. Иностранные предприниматели для того, чтобы сохранить конкурентоспособность своего бизнеса, также стали организовывать поставки российских товаров. Население региона часто предпочитало именно привычные для них отечественные продукты и изделия. Их привозили, даже несмотря на то, что они часто были дороже импортных. Например, кусковой сахар, произведенный в России, стоил почти на половину дороже, чем поставившиеся до этого во Владивосток фирмой «Кунст и Альберс» «сахарные головы» из Германии, но это роли не играло, так как российские жители региона хотели пить чай так как они привыкли [3, с. 98-99]. И этот немецкий торговый дом, как и большинство других крупных предприятий, организовал поставки продовольствия, мануфактуры, одежды и других товаров из городов европейской

части России. Если до конца 70-х гг. XIX в. иностранные предприниматели ввозили в российские дальневосточные порты только товары импортного производства, то в 1889 г. среди доставленных во Владивосток для европейских и американских фирм грузов, российские изделия составили уже 39,5% [5, с. 13].

Ситуация, связанная с частичной переориентацией торгового рынка юга Дальнего Востока на товары российского производства, сподвигла обратиться к вопросу об отмене порто-франко. Этот вопрос внимательно изучался и широко обсуждался. На Втором съезде губернаторов и других представителей Приамурского края, состоявшемся в 1886 г. введение пошлин на импортные товары, было признано мерой преждевременной, так как это могло привести к повышению цен. Однако съезд предложил постепенно вводить пошлины на те виды зарубежных товаров, которые могли быть заменены на российские без последствий для населения края. В 1887 г. были введены пошлины на табачные изделия, в 1888 г. на сахар и изделия из него, а также медь, дрожжи, керосин, нефтяные осветительные масла, спички [7, с. 2].

В середине 90-х гг. XIX в. в правящих кругах России, под нажимом буржуазии ее европейской части, стало преобладать мнение, что существование для Приамурского края порто-франко не соответствует государственной политике. Для этого были веские основания. Сооружалась Сибирская железная дорога, которая сыграла важнейшую роль в интеграции дальневосточного региона в общероссийское пространство, более того она давала возможность стабильного снабжения региона отечественными товарами. Необходимость в сохранении беспошлинного ввоза иностранных товаров для снабжения региона сходилась на нет, и вопрос об отмене порто-франко практически был решен. Однако, правительство осторожно подходило к определению своей таможенной политики в регионе. Этот вопрос изучали чиновники, работали специальные комиссии. В 1895 г. во Владивостоке было созвано совещание представителей местной торговли и промышленности по вопросу о порто-франко. На нем обсуждался перечень товаров, на которые могли бы быть установлены пошлины и размеры таможенного тарифа [7, с. 39]. Узнав о предстоящей отмене порто-франко, дальневосточные фирмы стали в большом количестве завозить в регион иностранные товары, чтобы создать их запас. Например, стоимость товаров на складах фирмы «Кунст и Альберс» составляла на конец 1900 г. чуть более 5 млн. руб., что было на 2 млн. руб. больше, чем годом ранее. Владельцам

фирмы пришлось даже построить несколько дополнительных складов [3, с. 173-174].

27 мая 1900 г. Николай II утвердил мнение Государственного Совета об обложении таможенной пошлиной иностранные товары, ввозимые в Приамурский край. Это решение вступило в силу 1 января 1901 г. [7, с. 103]. С этого момента к иностранным товарам, ввозившимся в Приамурский край через порты, расположенные в устье Амура и к югу от него, а также по сухопутной границе применялся таможенный тариф. Китайские товары, привозимые через сухопутную границу, таможенной пошлиной не облагались. Был сохранен и беспошлинный ввоз для тех товаров, которые были необходимы для развития экономики региона, а также на продукты питания, которые не могли в достаточном количестве и по доступным ценам ввозиться в Приамурский край из России. К их числу были отнесены: сельскохозяйственные машины, вещества и механизмы, необходимые для развития фабрично-заводской промышленности, а также чугун, железо, сталь, цемент, стекло и т.п.

После отмены порто-франко дальневосточные предприниматели стали закупать большую часть облагаемых пошлиной товаров в России. Также некоторые крупные фирмы пытались обойти таможенные барьеры, создавая собственные предприятия. Например, торговый дом «Кунст и Альберс» организовал производство красок. Ранее готовые краски ввозили из Германии и Англии. После отмены порто-франко импортировали лишь основные компоненты и жечь для банок, которые не облагались пошлиной [3, с. 174].

Однако, в конце XIX – начале XX вв. ситуация сложилась не в пользу южных районов Дальнего Востока. Российское правительство решило провести восточный участок Транссибирской магистрали по территории Китая, и взяло в аренду часть Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и Дальним. Это оказало существенное влияние на социально-экономическую ситуацию в регионе. Проблема состояла в том, что в портах Дальнем и Порт-Артуре порто-франко было сохранено. Оттуда по Южно-Маньчжурской и Китайско-Восточной железным дорогам иностранные товары контрабандой, либо под видом китайских товаров, провозились на российский Дальний Восток. Помимо этого, правление КВЖД ввело повышенные тарифы на провоз товаров от Владивостока к

Харбину и льготные ставки на провоз товаров по ЮМЖД к Харбину [2, с. 281]. Владивосток стал терять свое значение как транзитный порт. Владивостокский биржевой комитет в записке на имя министра финансов от 26 сентября 1902 г. отмечал: «Данные крупнейших фирм показывают, что их оптовая торговля снизилась на 60-70% в сравнении с предыдущими годами» [8, с. 84].

Центр деловой активности из Владивостока переместился на Ляодунский полуостров. В развитие Порт-Артура и Дальнего вкладывались значительные средства. Многие предприниматели перенесли туда свой бизнес. Ошибочность такой политики подтвердила русско-японская война, которая началась в 1904 г. Во время этой войны практически были перекрыты все пути доставки товаров в южные районы края. Транссибирская магистраль была забита военными грузами, морская доставка товаров стала опасной из-за возможного нападения неприятеля на суда. В регионе начался дефицит товаров, цены на них резко возросли. Указом императора Николая II от 1 мая 1904 г. порто-франко в Приамурском крае было восстановлено.

После окончания русско-японской войны деловыми кругами Европейской России был поставлен вопрос об отмене порто-франко на Дальнем Востоке. Однако в течении трех лет российское правительство сохраняло в крае беспошлинный ввоз иностранных товаров, так как последствия русско-японской войны еще были не преодолены. К тому же в 1907 г., в результате столыпинской аграрной реформы, увеличилось количество переселенцев в Приамурский край, которых необходимо было снабжать всем необходимым. Так население Южно-Уссурийского уезда за несколько лет выросло на 30% [10, с. 7].

Окончательно порто-франко было отменено в портах юга Дальнего Востока с 1 марта 1909 г. К этому моменту уже были в основном преодолены последствия русско-японской войны и имелась возможность в полной мере снабжать регион, даже при наличии пошлин на иностранные товары.

В целом, можно сделать вывод, что таможенная политика на юге Дальнего Востока определялась, исходя из социально-экономической ситуации в регионе, и в большинстве случаев была направлена на удовлетворение потребностей населения и развитие края.

Список источников

1. Второй Хабаровский съезд 1886 года / сост. И.В. Надаров. Владивосток: Тип. Штаба портов Восточного океана, 1886. 79 с.
2. Григорцевич С.С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906-1917 гг. Изд-во Томского университета, 1965. 607 с.

3. Деег Л. Кунст и Альберс Владивосток. История немецкого торгового дома на российском Дальнем Востоке (1864-1924). Владивосток: Изд-во Примполиграфкомбинат, 2002. 336 с.
4. Жизнь в Амурской станице // Русский Вестник, 1863. Т. 48. № 11. С. 417 – 454.
5. Обзор Приморской области за 1889 г. Владивосток, Типография Приморского областного правления, 1891. 32 с.
6. РГИА Ф.1265. Оп.9. Д. 169.
7. РГИА Ф. 1153. Оп.1. Д. 114.
8. РГИА ДВ Ф.28. Оп.1. Д. 298.
9. РГИА ДВ Ф.87. Оп.1. Д.4 95.
10. РГИА ДВ Ф.702. Оп. 2. Д. 467.

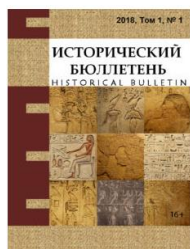
References

1. Second Khabarovsk Congress of 1886. comp. I.V. Nadarov. Vladivostok: Type. Headquarters of the ports of the Eastern Ocean, 1886. 79 p.
2. Grigortsevich S.S. Far Eastern policy of the imperialist powers in 1906-1917. Tomsk University Publishing House, 1965. 607 p.
3. Deeg L. Kunst and Albers Vladivostok. History of a German trading house in the Russian Far East (1864-1924). Vladivostok: Primpoligrafkombinat Publishing House, 2002. 336 p.
4. Life in the Amur village. Russian Bulletin, 1863. Т. 48. No. 11. P. 417 – 454.
5. Review of the Primorsky region for 1889. Vladivostok, Printing house of the Primorsky regional government, 1891. 32 p.
6. RGIA F.1265. Op.9. D. 169.
7. RGIA F. 1153. Op.1. D. 114.
8. RGIA DV F.28. Op.1. D. 298.
9. RGIA DV F.87. Op.1. D. 495.
10. RGIA DV F.702. Op. 2. D. 467.

Информация об авторе

Молчанова Е.Г., кандидат исторических наук, доцент, Тихоокеанский государственный университет, lenmolch@mail.ru, 89147717585

© Молчанова Е.Г., 2024

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2024, Том 7, № 1 / 2024, Vol. 7, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94(430).087

Праворадикальные партии и движения в Германии в 1990-2000-е годы

¹ Юрченко Е. С.,

² Кулаков Е. С.,

¹ Высшая школа педагогики и истории,

Тихоокеанский государственный университет,

² Хабаровский краевой музей имени Н.И. Гродекова

Аннотация: в статье рассматриваются основные тенденции развития праворадикальных партий и движений в Германии в 1990-2000-е годы. Ключевое внимание уделяется факторам, влияющим на эволюцию правого радикализма и расширение его социальной базы: кризис политики мультикультурализма, рост нелегальной миграции, усугубление социально-экономических противоречий и падение авторитета правительства. Анализ развития отдельных групп и движений позволяет выявить закономерности, обусловившие рост влияния правых среди электората традиционных системных партий и их стремление использовать механизмы парламентской демократии для укрепления своих позиций. В работе прослеживается развитие различных направлений экстремистских ультраправых движений в восточногерманских землях. Особое внимание уделено росту влияния правопопулистских движений Альтернатива для Германии и ПЕГИДА в условиях миграционного кризиса.

Ключевые слова: правый радикализм, неонацизм, популизм, экстремизм, миграция, «новые правые»

Для цитирования: Юрченко Е.С., Кулаков Е.С. Праворадикальные партии и движения в Германии в 1990-2000-е годы // Исторический бюллетень. 2024. Том 7. № 1. С. 45 – 53.

Поступила в редакцию: 20 сентября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 23 ноября 2023 г.; Принята к публикации: 15 января 2024 г.

Right-wing radical parties and movements in Germany in the 1990-2000s

¹ Yurchenko E.S.,

² Kulakov E.S.,

¹ Higher School of Pedagogy and History,

Pacific National University

² Khabarovsk Regional Museum named after N.I. Grodekov

Abstract: the article examines the main trends in the development of right-wing radical parties and movements in Germany in the 1990s-2000s. The key attention is paid to the factors influencing the evolution of right-wing radicalism and the expansion of its social base: the crisis of multiculturalism policy, the growth of illegal migration, the aggravation of socio-economic contradictions and the decline in the authority of the government. The analysis of the development of individual groups and movements allows us to identify patterns that led to the growth of the influence of the right among the electorate of traditional systemic parties and their desire to use the mechanisms of parliamentary democracy to strengthen their positions. The work traces the development of various directions of extremist far-right movements in the East German lands. Particular attention is paid to the growing influence of the right-wing populist movements Alternative for Germany and PEGIDA in the context of the migration crisis.

Keywords: right-wing radicalism, neo-Nazism, populism, extremism, migration, «the new right»

For citation: Yurchenko E.S., Kulakov E.S. Right-wing radical parties and movements in Germany in the 1990-2000s. *Historical Bulletin*. 2024. 7 (1). P. 45 – 53.

The article was submitted: September 20, 2023; *Approved after reviewing:* November 23, 2023; *Accepted for publication:* January 15, 2024.

Неотъемлемой составляющей общественно-политического развития Западной Германии после Второй мировой войны стала борьба с угрозой неонацизма и правого радикализма. Сделав выбор в пользу либеральной демократии и социально-ответственного государства, власти ФРГ на протяжении десятилетий осуществляли планомерную работу по предотвращению распространения идеологии политического экстремизма, тоталитаризма и расизма. Однако неонацизм продемонстрировал не только возможность адаптироваться к изменяющимся условиям, но и способность эволюционировать. Это обусловило все возрастающий интерес исследователей к изучению причин устойчивости данного явления.

Исследователи советского периода искали истоки неонацизма в развитии капиталистической системы, что было обусловлено доминированием формационного подхода в марксистской историографии [2, 6]. В постсоветский период авторы стали активнее использовать комплексный подход. Анализ особенностей перехода от тоталитаризма к демократии в Германии, противоречий неонационализма, влияния негативных аспектов глобализации и других факторов позволили исследователям выявить ряд закономерностей, которые повлияли на рост числа праворадикальных групп и стремление отдельных правых партий стать в глазах избирателей консервативной альтернативой коалиции ХДС/ХСС [1, 4]. Как отечественные, так и зарубежные специалисты отмечают появление так называемых «новых правых», усиление правого популизма в и экстремизма Западной Европе и США на фоне кризиса неонационализма. В этой связи обращение к проблеме эволюции праворадикальных партий и движений в Германии в 1990-2000-е гг. позволяет выявить основные тенденции данного процесса и его влияние на изменение общественно-политической системы страны.

На рубеже 1980-1990-х гг. Германия переживала кардинальную трансформацию, обусловленную целым рядом внутри и внешнеполитических аспектов: воссоединение ФРГ и ГДР, вступление в ЕС, изменения на международной арене после развала СССР и рост числа мигрантов. Все это поставило под вопрос возможность сохранения социально-ответственного государства и его способность обеспечивать эффективные механизмы интеграции выходцев из стран с разными обще-

ственно-политическими системами в западногерманское общество. В этот период уровень безработицы в восточных землях достигал 60 % [29]. Необходимость в ускоренном темпе адаптироваться к рыночной системе и ценностям либеральной демократии затронула широкие слои населения, обусловив рост политического радикализма. Немаловажным фактором стал наплыв на территорию Восточной Германии представителей праворадикальных движений из западных областей, стремившихся расширить свою социальную базу за счет выходцев из ГДР.

В большинстве своем это были стихийно возникшие группы, вербовавшие сторонников из числа молодежи и придерживавшиеся тактики индивидуального террора. Целями атак правых экстремистов становились, как правило, представители левых партий и движений, мигранты и лица нетрадиционной ориентации. Стремясь обойти запрет на создание неонацистских партий, экстремисты объединялись, в так называемые «свободные товарищества». В большинстве случаев, это были небольшие по численности молодежные группировки, организованные по территориальному признаку, без четкой структуры и официального руководства. «Товарищество Оберхавель» («Kameradschaft Oberhavel»), «Гамбургский шторм» («Hamburger Sturm»), «Товарищество Юг» («Kameradschaft Süd») и другие, в большинстве своем, стояли на позициях, приближенных к штрассеризму.

Приверженность экстремизму и терроризму являлась общей отличительной чертой праворадикальных групп и движений. Однако наибольшей агрессивностью отличались скинхеды. Движение «бритоголовых» стало активно развиваться в ФРГ в 1980-х гг., где они попали под влияние правых экстремистов и приняли на вооружение неонацистскую символику и идеологию.

Массовое недовольство жителей бывшей ГДР жизнью в условиях капитализма стало благодатной почвой для роста влияния правых радикалов. Демонтаж политико-правовой системы ГДР, экономический упадок, рост безработицы и дискредитация социалистической идеологии способствовали притоку молодежи в ряды скинхедов. Как охарактеризовал суть движения один из его участников: «Нас называют правыми экстремистами, неонацистами или фашистами, мы видим себя

национал-социалистами или национальной молодежью» [22]. В большинстве своём, скинхеды 1990-х, – бунтари-анархисты, для которых насилие являлось самоцелью. Наибольшее распространение эти группы получили в городах, где остро ощущалось социальное расслоение. Поджоги, нападения со смертельным исходом зачастую являлись результатом выплеска немотивированной агрессии. Так в 1999 г. тремя неонацистами был до смерти избит 58 летний Э. Эффертц, согласно признанию подозреваемых просто «из чистой жажды охоты» [24]. Росток-Лихтенхаген, Хойерсверда, Мельн – эти города в 1990-е гг. стали печально знамениты вспышками насилия на почве расизма. Преступлением, вызвавшим наибольший общественный резонанс, стало нападение скинхедов в ноябре 1990 г. на группу иностранцев в городе Эберсвальде. Одной из жертв стал выходец из Анголы А. Кайова, скончавшийся от ножевых ранений. Обвиняемые получили от двух до четырех лет тюрьмы. Мягкость приговора вызвала широкую дискуссию. Многие сочли, что подобное отношение может трактоваться как поощрение насилия [25]. Особенное возмущение вызывало стремление властей замалчивать тот факт, что участники нападения являлись неонацистами. Пик насилия пришелся на 1992 г. Скинхеды совершали убийства, поджоги, избивание людей по национальному, расовому, политическому или сексуальному признакам [15].

Рост числа преступлений, совершенных ультраправыми, их активное стремление вовлекать молодежь в движение посредством приобщения к особой субкультуре и распространения нацистской символики заставило общественных деятелей Германии заговорить о «коричневой угрозе». Особую озабоченность вызывал тот факт, что молодежь вовлекалась в экстремистскую деятельность через интернет ресурсы и социальные сети. Наиболее эффективным способом пропаганды ультраправых среди молодежи являлась организация концертов популярных музыкальных групп: «Разрушительная сила» («Landser, Störkraft»), «Штурмовая бригада» («Sturmwehr»), «Северный ветер», («Nordwind»). Не менее важным средством популяризации идей скинхедов стало использование неонацистской символики [32]. Созданный в 1998 г. «Фонд Амадеу Антония» объединил сторонников активного противодействия правому экстремизму, сосредоточившись на продвижении в средствах массовой информации, на интернет платформах информации о преступлениях неонацистов. По мнению представителей фонда, «особую жестокость акта нельзя увидеть без учета идеологии преступника» [21]. Это побудило Фонд

к осуществлению широких исследовательских программ, с целью выявить факторы развития современного неонацизма в Германии и его связь с международными организациями правого толка.

Помимо скинхедов значительную роль в развитии правого радикализма в Германии 1990-х годов играли религиозно-националистические секты. В отличие от восточноевропейских стран и США, в ФРГ правый радикализм не вбирал в себя догмы христианского фундаментализма. Идеология большинства таких организаций базировалась на германском неоязычестве. Это было связано со стремлением подражать национал-социализму с его языческим оккультизмом. Неоязычники вернулись к вотанизму, переплетая его с постулатами доктрины «Кровь и почва». Несмотря на неприкрытый расизм и антихристианство, такие религиозные объединения как «Общность рода» («Artengemeinschaft»), «Языческая общность» («Heidnische»), «Нордическое кольцо» («Nordischer Ring») и другие привлекали сторонников таинственными оккультными ритуалами и отсылкой к древней германской истории. При этом нельзя ставить знак равенства между неоязычеством как религиозным течением и неонацизмом. По мнению немецкого исследователя Грюндера Рене, современное германское неоязычество – это сложный социо-культурный феномен. Последователями подобных религиозных учений, чаще всего становятся успешные, хорошо образованные представители среднего класса, которые не нашли ответа на экзистенциальные вопросы в традиционных духовных практиках. Тогда как неонацисты в первую очередь вербуют сторонников среди безработной молодежи, привлекая внешней атрибутикой ритуального оккультизма и антиисламскими лозунгами [7].

Несмотря на общее снижение числа экстремистских неонацистских групп в начале 2000-х, часть из них продолжила свое существование и в начале XXI в. По данным Федерального ведомства по охране Конституции, в Германии на начало 2000-х насчитывалось около 150 региональных и межрегиональных товариществ, в каждом из которых состояло от пяти до двадцати человек. Самой известной неонацистской группировкой этого периода стало «Национал-социалистическое подполье», которое было основано в 1998 г. Борьба с мигрантами являлась ключевым направлением их деятельности. Данная организация была причастна к нескольким терактам. В 2011 г. некоторые члены данной организации были ликвидированы в ходе задержания. Уголовные методы, стихийный характер деятельности и откровенная

неспособность повлиять на политику государства дискредитировали организации подобного рода в глазах либеральной общественности. Но на смену старым сообществам пришли новые группировки, такие как «Автономные националисты» и «Имперские граждане».

«Автономные националисты» появились в 2002 г. Центрами их деятельности стали Берлин и Дортмунд. Социальной базой данного движения была молодежь в возрасте от 14 лет. Новшеством, привнесенным данными группировками в среду неонацизма, являлся лозунг «свобода самовыражения». Они объявили целями своих атак полицию и политических оппонентов [17]. Однако добиться существенной поддержки у населения правые экстремисты не смогли. В своем докладе Федеральное ведомство по охране Конституции отметило, что причинами падения популярности правых экстремистов являются их склонность к насилию, а также эффективность контрмер со стороны государства. Уже к 2010 г. в стране наблюдалось значительное падение численности «Автономных националистов». Отчасти этому способствовал экономический подъем и рост благосостояния немцев. Значительно выросла доля среднего класса, разделявшего либеральные ценности и стремившегося к политической стабильности и сохранению демократического режима. Тем не менее, сохранялась диспропорция в развитии «старых» и «новых» регионов. В восточных землях уровень безработицы оставался высоким. По результатам опросов населения, 21% граждан в восточных землях в начале 2000-х «чувствовали себя беднее, чем ранее». Продолжающееся снижение уровня жизни в этих регионах привело к спаду рождаемости и демографическому кризису. Одновременно наблюдался значительный рост числа мигрантов. При этом 30 % от общего числа мигрантов были выходцами из мусульманских стран [9, С.579-583]. Уже в 1997 г. на страницах журнала «Культурная хроника» («Kulturchronik») подчеркивалось, что «ислам стал третьей после католичества и протестантизма религиозной конфессией в Германии» и этой силой нельзя пренебрегать [26]. К вышеперечисленным факторам в начале 2000-х гг. добавились проблемы евроинтеграции и глобализации, которые вызвали кризис национального самосознания. Германия стала активным проводником политики мультикультурализма. Одновременно с этим возросло давление евробюрократии на процесс принятия решений по ключевым аспектам внутренней и внешней политики, в первую очередь, в вопросах миграции. В 2007 г. страна

присоединилась в Лиссабонскому договору, обозначив свое стремление и дальше следовать курсу на углубление евроинтеграции, несмотря на рост евроскептицизма в немецком обществе.

В 2008 г. разразился мировой экономический кризис, который затронул и Германию. Он привел к росту безработицы и увеличению числа банкротств предприятий. В 2010 г. страну потряс миграционный кризис, вызванный неконтролируемым притоком мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки. Этот кризис привел к всплеску праворадикальных, ксенофобских и антимусульманских настроений в обществе. Канцлер А. Меркель была вынуждена признать, что политика мультикультурализма провалилась [11].

В этих условиях в ФРГ активизировались правые организации, выступавшие за сохранение национальной идентичности, ужесточение миграционной политики, принудительную депортацию нелегальных иммигрантов. Национал-демократическая партия Германии в своей программе старалась демонизировать мусульман-иммигрантов, заявляя, что «радикальные исламские салафиты агрессивно распространяют копии Корана и призывают к насилию против «неверных» в Германии» [27].

Антиэмигрантская повестка взбудоражила электорат, что в свою очередь, способствовало формированию новых политических организаций правого спектра. Самыми значимыми являлись правопопулистская партия «Альтернатива для Германии» и «Патриотические европейцы против исламизации Запада» («ПЕГИДА»).

«Альтернатива для Германии» (АдГ) возникла в 2013 г. в ФРГ в результате отделения от Христианско-демократического союза группы альтернативной политики. Идейным вдохновителем выступил бывший член ХДС М. Реннер. На съезде в Штутгарте 1 мая 2017 г. была утверждена программа, в которой содержались призывы бороться с исламским нашествием, отказаться от евро, добиться включения Германии в Совет безопасности ООН, отказаться от зеленой повестки и развивать атомную энергетику, защищать традиционные ценности [10]. Однако, после миграционного кризиса основной акцент в программных документах был сделан на борьбу с политикой правительства в вопросах миграции и отрицании мультикультурализма [13]. Указывалось, что миграция должна жестко регулироваться, а приезжие должны интегрироваться в германское общество. Лидеры партии во многом усматривали причину невозможности выйти из миграционного кризиса в давлении евробюрократов. Поэтому евроскептицизм стал неотъемлемой составляющей идеологии АдГ. Ис-

ламское вторжение рассматривалось лидерами партии как угроза национальной идентичности и либеральной-демократии. Эмиграция людей из других культур признавалась основной причиной растущей криминогенной ситуации в Германии. По мнению членов партии, такие структуры как Аль-Каида, Братья-мусульмане, Хезболла стремятся разрушить «свободную демократическую и правовую систему и заменить на исламскую теократию» [16]. В 2021 г. партия получила 10% голосов избирателей на выборах в Бундестаг и заняла 83 мест в парламенте [18]. Характерно, что представители партии стремились дистанцироваться от национал-социализма. Так один из лидеров партии А. Гаулянд заявил в интервью, что «А. Гитлер и нацисты являются лишь пятном птичьего помета на нашей более чем тысячелетней истории» [33]. В целом, «Альтернатива для Германии» придерживалась ревизионистского взгляда на историю Третьего Рейха и стремилась сформировать у населения отказ от вины за национал-социалистическое прошлое.

Поддержка правых популистов и рост их представительства как в общенациональном парламенте, так и в парламентах земель показала успешность подобной тактики и способствовала дальнейшей консолидации правого лагеря. Правый популизм стал ответом на запрос той части электората, которая стремилась к сохранению национальной идентичности, но не готова была поступиться достижениями демократии. Избирателями правых в западных регионах ФРГ как правило являются мужчины в возрасте от 35 до 59 лет, имеющие малоприбыльные домохозяйства или занятые в промышленности. На востоке позиции АдГ сильны в сельской местности и областях, которые наибольшим образом страдают от миграции и социальных проблем. В 2021 году партия стала сильнейшей по результатам выборов в Тюрингии и Саксонии [20]. Доля рабочих и безработных у партии не более четверти в то время, как остальную часть электората составляла интеллигенция и средний класс [19].

Еще одним представителем правого популизма является движение «Патриотические европейцы против исламизации Запада» (*Patriotische Europäer gegen Islamisierung des Abendlandes*). «ПЕГИДА» возникла в 2014 г. в Саксонии как следствие миграционного кризиса. Главную цель движения сформулировал его лидер Л. Брахман: «Германия – это земля не для иммиграции. Интеграция означает не просто жить рядом друг с другом, а жить вместе на основе наших христианско-иудейских ценностей, нашей конституции и нашей немецкой культуры с её христианско-иудейскими

корнями, которые определяют христианство, гуманизм и просвещение» [8]. В манифесте движения были представлены пункты об интеграции мусульман в немецкое общество, депортация религиозных фанатиков и исламистов, а также «мирное сосуществование европейцев без контроля со стороны Брюсселя» [23]. В 2015 г. на улицы крупнейших германских городов вышли сторонники движения, добивавшиеся отказа от миграционной политики Меркель. Многотысячные демонстрации прошли в Дрездене, Ганновере, Берлине, Лейпциге, Мюнхене, Дюссельдорфе и Саарбрюккене. Представители движения отрицают неонацизм, акцентируя внимания не на ксенофобии и полном запрете въезда для выходцев из исламских стран, а на изменении характера миграционной политики ФРГ. Представители ПЕГИДА обращают внимание на тот факт, что за 12 лет правления Меркель было подано 37,64% от числа всех заявлений о предоставлении убежища, поданных за 64 года. По подсчетам представителей ПЕГИДА в год содержание мигрантов Евросоюзу обходится в сумму 50 млрд, еще столько же идет на рассмотрение дел по отклоненным ходатайствам о предоставлении убежища. Характерно стремление правых популистов поставить знак равенства между исламом и терроризмом. Представители ПЕГИДА неоднократно заявляли, что в «стране из-за волны мигрантов тысячи и десятки тысяч обученных уличных боевиков и террористов ждут своего часа. Те, кто знает, как захватить и задержать уличное шествие, те, кто знает, как создавать бомбы и мины-ловушки, и те, кто знает, как подавить население» [28]. Представители германского руководства усмотрели в этом попытку спекулировать настроениями избирателей, потрясенных терактами в других странах.

Примечательно, что попытки АдГ пойти на сближение с ПЕГИДА не получили поддержки. По мнению представителей ПЕГИДА, в АдГ слишком много тех, кто использует партию в личных корыстных целях, стремясь получить «теплое место» в парламенте. Тем не менее, «Альтернатива для Германии» уверенно увеличивала свое присутствие как в региональных, так и в общегерманском парламенте. На выборах 2021 г. Она смогла получить 10,3% голосов избирателей и занять 83 места в Бундестаге. По данным опросов в 2023 г. число сторонников приблизилось к 20%. Значительная часть тех, кто решил поддержать партию – это бывшие сторонники ХДС и СДПГ, разочаровавшиеся в политике правящей коалиции. Их выбор в пользу правых популистов – форма выражения

протеста, а не окончательный выбор в пользу правых. Немаловажным фактором является и внутренний раскол в партии. Крайне правое крыло, использующее неонацистскую риторику, делает партию уязвимой для обвинений в экстремизме [12].

В условиях роста влияния правых популистов «старые» партии правого толка в 2000-е гг. продолжали терять поддержку населения, что в свою очередь вынудило их объединяться. В 2010 г. на съезде праворадикальной Национал-демократической партии Германии (НДПГ) большинство проголосовало за объединение с Немецким народным союзом (ННС). Объединение позволило уменьшить отток электората, наблюдавшийся в начале 2000-х гг. и увеличило представительство членов партии в региональных парламентах Саксонии, Тюрингии, Бранденбурга, Померании [30]. В 2014 г. партия участвовала в выборах в Европейский Парламент и получила одно место, которое занимал вплоть до 2019 г., ее бывший лидер У. Фойгт. Представители другой правой партии «Республиканцев» продолжили терять электорат. На федеральных выборах в Бундестаг в 2013 г. партия получила всего 0,2 % голосов [20].

Анализ развития правого радикализма в Германии в 1990-2000-е годы позволяет выделить несколько факторов, обусловивших устойчивость данного явления. В первую очередь прямую зависимость между уровнем благосостояния и политической радикализацией. Наибольшее число сторонников правых радикалов проживает в хронических депрессивных районах Германии. Наиболее значимым фактором в 2000-е годы стал приток мигрантов, исповедующих ислам и политика мультикультурализма. Эти процессы не только усугубили социально-экономические противоречия, но и поставили под угрозу сохранение германской национальной идентичности, что, с учетом исторического опыта, воспринимается значительным числом граждан ФРГ как экзистенциальный вызов. Вместе с тем, большая часть среднего класса сохраняет приверженность демократическим завоеваниям и разделяет сформированное после войны чувство ответственности за преступления германского фашизма. Однако в условиях продолжающегося миграционного кризиса и падения авторитета системных партий «новые правые» становятся все более привлекательной альтернативой для избирателей.

Список источников

1. Антонов А.Е. Правый экстремизм и радикализм в Федеративной Республике Германия: Национал-демократическая партия и «движение за Германию»: дис... канд. ист. наук. Томск, 2018. 235 с.
2. Бессонов Б.Н. Фашизм: идеология, практика. М.: Высш. шк., 1985. 279 с.
3. Берг Р. Неонацист наотрицался на шесть лет // Jewish, 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://jewish.ru/ru/events/world/7702/> (дата обращения: 27.09.2022)
4. Вититнев С.Ф. Экологические проблемы индустриального общества как фактора генезиса левого и правого радикализма в ФРГ // Постсоветский материк. 2016. № 2. С. 65.
5. Ворх К. Был я в Дахау, и что? // Газета «Труд». 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.trud.ru/> (дата обращения: 27.09.2022)
6. Галкин А.А. Германский фашизм. М.: Наука, 1989. 198 с.
7. Гюнтер Р. Неоязычество в Германии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/neoyazychestvo-v-germanii> (дата обращения: 2.03.2023)
8. Движение «Пегида» – кошмар для немецкого правительства // Военное обозрение, 16 января 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://topwar.ru/> (дата обращения: 17.12.2022)
9. История Германии: учебное пособие: в 3 т. / Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю.В. Галактионова. М.: КДУ, 2008. Т. 3. 592 с.
10. Кротов А. «Альтернатива для Германии» обрела программу // Партнер, 2016. № 6 (225) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.partner-inform.de/partner/detail/2016/6/170/8003/alternativa-dlja-germanii-obrela-programmu> (дата обращения: 20.10.2022)
11. Меркель признала провал политики мультикультурализма // Euromag. 18 октября 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.euromag.ru/germany/> (дата обращения: 24.08.2022)
12. Мишутин Г. Германские крайне правые впервые победили на местных выборах // Ведомости. 27 июня 2023. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/06/27/982437-germanskie-kraine-pravie-vpervie-pobedili-na-mestnih-viborah?> (дата обращения: 12.12.2022)

13. Программа партии «Альтернатива для Германии» // AfD. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.afd.de/> (дата обращения: 12.12.2022)
14. Щербаков В.Ю. Партия «республиканцев» ФРГ: между правым консерватизмом и правым радикализмом // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11 (61). С. 209 – 213.
15. Anzahl der politisch motivierten Straftaten und Gewalttaten mit rechtsextremistischem Hintergrund in Deutschland von 2010 bis 2022 // Statista. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/4032> (дата обращения 27.10.2022)
16. AfD-fraction in Bundestag // AfDbundestag. 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://afdbundestag.de/> (дата обращения: 6.12.2022)
17. Autonome Nationalist Innen // Belltower. 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.belltower.news/autonome-nationalist_innen-50780/ (дата обращения: 20.12.2022)
18. Deutschland bundestagswahl // Tagesschau. 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.tagesschau.de/> (дата обращения: 12.12.2022)
19. Decker F. Wahlergebnisse und Wählerschaft der AfD. Zur Startseite // BPB. 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bpb.de/themen/> (дата обращения: 6.12.2022)
20. Ergebnisse der Bundestagswahlen // Wahlergebnisse [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.wahlrecht.de/ergebnisse/index.htm> (дата обращения: 12.12.2022)
21. Effertz E. Todesopfer rechter Gewalt // Amadeo Antonio Stiftung. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.amadeo-antonio-stiftung.de/todesopfer-rechter-gewalt/> (дата обращения: 27.10.2022)
22. Gewalt macht aufmerksam // Der Spiegel. 1992. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.spiegel.de/politik/> (дата обращения: 26.10.2022)
23. Gretemeier A.B. Sechs-Punkte-Plan soll Profil von Pegida schärfen // STERN. 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.stern.de/politik/deutschland/pegida-in-dresden> (дата обращения: 01.04.2023)
24. Jansen F. 156 Schicksale // Zeit online. 2015. P.11. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2010-09/todesopfer-rechte-gewalt/seite-11> (дата обращения: 27.10.2022)
25. Kinzer S. Light Sentences Against Germans Who Killed Foreigner Stir Debate // The New York Times. September 16, 1992 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nytimes.com/1992/09/16/> (дата обращения: 12.12.2022)
26. Kulturchronik. 1997. №3. P. 21 – 24.
27. Nationaldemokratische Partei. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.npd.de/themen/> (дата обращения: 22.11.2022)
28. PEGIDA. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pegida.de/>(дата обращения: 22.11.2022)
29. Statistisches // Bundesamtwissen.nutzen. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.destatis.de/Home/> (дата обращения: 12.12.2022)
30. Stimmenanteile der NDP bei den jeweils letzten Landtagswahlen in den Bundesländern // Statista. 2021. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://de.statista.com/statistik/> (дата обращения: 12.11.2022)
31. The extreme right in Germany: strong in the east, weak in the West // Economist. 18 July 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.economist.com/europe/2019/07/18/> (дата обращения: 02.10.2021)
32. Verbotmaßnahmen // BfV. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.verfassungsschutz.de/DE/themen/rechtsextremismus/verbotmassnahmen/verbotmassnahmen_node.html (дата обращения: 27.10.2022)
33. Wortlaut der umstrittenen Passage der Rede von Alexander Gauland. Berlin: Beim Kongress der Jungen Alternative, 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://afdbundestag.de/> (дата обращения: 1.12.2022)

References

1. Antonov A.E. Right-wing extremism and radicalism in the Federal Republic of Germany: National Democratic Party and the “movement for Germany”: dissertation... cand. ist. Sci. Tomsk, 2018. 235 p.
2. Bessonov B.N. Fascism: ideology, practice. M.: Higher. school, 1985. 279 p.
3. Berg R. Neo-Nazi denied for six years. Jewish, 2009. [Electronic resource]. Access mode: <https://jewish.ru/ru/events/world/7702/> (access date: 09.27.2022)

4. Vititnev S.F. Environmental problems of industrial society as a factor in the genesis of left and right radicalism in Germany. Post-Soviet continent. 2016. No. 2. P. 65.
5. Worch K. I was in Dachau, and so what? Newspaper "Trud". 2007. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.trud.ru/> (date of access: 09.27.2022)
6. Galkin A.A. German fascism. M.: Nauka, 1989. 198 p.
7. Gunter R. Neopaganism in Germany [Electronic resource]. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/neoyazychestvo-v-germanii> (access date: 03/2/2023)
8. The Pegida movement is a nightmare for the German government. Military Review, January 16, 2015. [Electronic resource]. Access mode: <https://topwar.ru/> (access date: 12/17/2022)
9. History of Germany: textbook: in 3 volumes. Under general ed. B. Bonvecha, Yu.V. Galaktionova. M.: KDU, 2008. T. 3. 592 p.
10. Krotov A. "An Alternative for Germany" has acquired a program. Partner, 2016. No. 6 (225) [Electronic resource]. Access mode: <http://www.partner-inform.de/partner/detail/2016/6/170/8003/alternativa-dlja-germanii-obrela-programmu> (access date: 10/20/2022)
11. Merkel admitted the failure of the policy of multiculturalism. Euromag. October 18, 2010. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.euomag.ru/germany/> (date of access: 08/24/2022)
12. Mishutin G. German far right won local elections for the first time. Vedomosti. June 27, 2023. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/06/27/982437-germskie-kraine-pravie-vpervie-pobedili-na-mestnih-viborah?> (access date: 12/12/2022)
13. Program of the "Alternative for Germany" party. AfD. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.afd.de/> (access date: 12/12/2022)
14. Shcherbakov V.Yu. The "Republican" Party of Germany: between right-wing conservatism and right-wing radicalism. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art studies. Questions of theory and practice. 2015. No. 11 (61). pp. 209 – 213.
15. Anzahl der politisch motivierten Straftaten und Gewalttaten mit rechtsextremistischem Hintergrund in Deutschland von 2010 bis 2022. Statista. [Electronic resource]. Access mode: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/4032> (access date 10/27/2022)
16. AfD-fraction in Bundestag. AfDbundestag. 2017. [Electronic resource]. Access mode: <https://afdbundestag.de/> (access date: 12/6/2022)
17. Autonome Nationalist Innen. Belltower. 2008. [Electronic resource]. Access mode: https://www.belltower.news/autonome-nationalist_innen-50780/ (access date: 12/20/2022)
18. Deutschland bundestagswahl. Tagesschau. 2021. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.tagesschau.de/> (access date: 12/12/2022)
19. Decker F. Wahlergebnisse und Wählerschaft der AfD. Zur Startseite. BPB. 2017. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.bpb.de/themen/> (access date: 12/6/2022)
20. Ergebnisseder Bundestagswahlen. Wahlergebnisse [Electronic resource]. Access mode: <http://www.wahlrecht.de/ergebnisse/index.htm> (access date: 12/12/2022)
21. Effertz E. Todesopfer rechter Gewalt. Amadeo Antonio Stiftung. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.amadeu-antonio-stiftung.de/todesopfer-rechter-gewalt/> (access date: 10.27.2022)
22. Gewalt macht aufmerksam. Der Spiegel. 1992. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.spiegel.de/politik/> (access date: 10/26/2022)
23. Gretemeier A.B. Sechs–Punkte–Plan soll Profil von Pegida schärfen. STERN. 2015. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.stern.de/politik/deutschland/pegida-in-dresden> (access date: 04/01/2023)
24. Jansen F. 156 Schicksale. Zeit online. 2015. P.11. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2010-09/todesopfer-rechte-gewalt/seite-11> (access date: 10/27/2022)
25. Kinzer S. Light Sentences Against Germans Who Killed Foreigner Stir Debate. The New York Times. September 16, 1992 [Electronic resource]. Access mode: <http://www.nytimes.com/1992/09/16/> (access date: 12/12/2022)
26. Kulturchronik. 1997. No. 3. P. 21 – 24.
27. Nationaldemokratische Partei. [Electronic resource]. Access mode: <http://www.npd.de/themen/> (access date: 11/22/2022)
28. PEGIDA. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.pegida.de/> (access date: 11/22/2022)
29. Statistisches. Bundesamtwissen.nutzen. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.destatis.de/Home/> (access date: 12/12/2022)

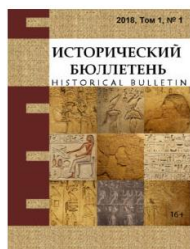
30. Stimmenanteile der NDP bei den jeweils letzten Landtagswahlen in den Bundesländern. Statista. 2021. [Electronic resource]. Access mode: <https://de.statista.com/statistik/> (access date: 11/12/2022)
31. The extreme right in Germany: strong in the east, weak in the West. Economist. 18 July 2019. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.economist.com/europe/2019/07/18/> (access date: 10/02/2021)
32. Verbotsmaßnahmen. BMI. [Electronic resource]. Access mode: https://www.verfassungsschutz.de/DE/themen/rechtsextremismus/verbotsmassnahmen/verbotsmassnahmen_node.html (access date: 10/27/2022)
33. Wortlaut der umstrittenen Passage der Rede von Alexander Gauland. Berlin: Beim Kongress der Jungen Alternative, 2018. [Electronic resource]. Access mode: <https://afdbundestag.de/> (access date: 12/1/2022)

Информация об авторах

Юрченко Е.С., кандидат исторических наук, доцент, Высшая школа педагогики и истории, Тихоокеанский государственный университет, y-k22@yandex.ru, 9141502622

Кулаков Е.С., методист, Хабаровский краевой музей имени Н.И. Гродекова

© Юрченко Е.С., Кулаков Е.С., 2024

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2024, Том 7, № 1 / 2024, Vol. 7, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 93.24

Советские специалисты в народном университете КНР

¹ Бабарико К.Б.,

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: в статье рассматриваются основные направления и формы деятельности советских специалистов Народном университете КНР. Определено значение работы советских специалистов для развития Народного университета КНР. Выявлено, что после образования КНР в 1949 году остро встал вопрос о проведении преобразований, о создании сильного социалистического государства. Отмечено, что Китай выбрал политику «уклона в одну сторону», что означало установление прочных связей с Советским Союзом и построение схожей модели государственного и политического устройства. Выявлено, что одной из многочисленных форм помощи стала отправка большого количества специалистов, оказывавших содействие в самых различных сферах государственного строительства: промышленность, экономика, военное дело и др. Отмечено, что сфера высшего образования также не обошлась без внимания советских экспертов, поскольку молодому развивающемуся социалистическому государству требовались многочисленные и хорошо подготовленные кадры. Определено, что одним из важнейших мероприятий советских специалистов в сфере высшего образования Китая стало участие в создании Народного университета – пилотного проекта в сфере вузовского образования КНР, в котором воплотились многие советские практики и принципы организации высшего образования. Сделан вывод о том, что в ходе своей деятельности (с 1950 по 1957 гг.) советские специалисты сыграли ключевую роль в создании Народного университета, в разработке его образовательной, научной и управленческой структуры, в подготовке квалифицированных преподавательских кадров и создании учебных пособий. Отмечено, что благодаря советским экспертам данный университет стал одним из ведущих учебных заведений Китая в сфере социально-политических дисциплин, статус Народного университета был признан и закреплен на государственном уровне.

Ключевые слова: советские специалисты, советский опыт, Народный университет, социально-политические науки

Для цитирования: Бабарико К.Б. Советские специалисты в народном университете КНР // Исторический бюллетень. 2024. Том 7. № 1. С. 54 – 59.

Поступила в редакцию: 20 сентября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 24 ноября 2023 г.; Принята к публикации: 15 января 2024 г.

Soviet specialists at the People's University of the People's Republic of China

¹ Babariko K.B.,

¹ St. Petersburg State University

Abstract: the article examines the main directions and forms of activity of Soviet specialists at the People's University of the People's Republic of China. The significance of the work of Soviet specialists for the development of the People's University of the People's Republic of China is determined. It was revealed that after the formation of the People's Republic of China in 1949, the question of carrying out reforms and creating a strong socialist state arose. It is noted that China chose a policy of “one-way bias”, which meant establishing strong ties with the Soviet Union and building a similar model of state and political structure. It was revealed that one of the many

forms of assistance was the sending of a large number of specialists who provided assistance in various spheres of state construction: industry, economics, military affairs, etc. It was noted that the field of higher education also did not go without the attention of Soviet experts, since the young developing socialist state needed numerous and well-trained personnel. It has been determined that one of the most important activities of Soviet specialists in the field of higher education in China was participation in the creation of the People's University - a pilot project in the field of higher education in the PRC, which embodied many Soviet practices and principles of organizing higher education. It was concluded that during their activities (from 1950 to 1957), Soviet specialists played a key role in the creation of the People's University, in the development of its educational, scientific and administrative structure, in the training of qualified teaching staff and the creation of teaching aids. It is noted that thanks to Soviet experts, this university has become one of the leading educational institutions in China in the field of socio-political disciplines, the status of the People's University was recognized and secured at the state level.

Keywords: Soviet specialists, Soviet experience, People's University, socio-political sciences

For citation: Babariko K.B. Soviet specialists at the People's University of the People's Republic of China. *Historical Bulletin*. 2024. 7 (1). P. 54 – 59.

The article was submitted: September 20, 2023; Approved after reviewing: November 24, 2023; Accepted for publication: January 15, 2024.

Введение

История деятельности советских специалистов в КНР активно изучается в Китае. Здесь особо следует выделить работы Шэнь Чжихуа – одного из крупнейших китайских историков периода Холодной войны, автора фундаментальной монографии «Советские специалисты в Китае (1948-1960)», переведенной на русский язык.

Деятельность советских специалистов в сфере высшего образования, в ведущих китайских университетах остается малоизученной. Мы можем выделить здесь лишь отдельные статьи таких авторов как: У Хуэйфань, Лю Сянбин, У Циминь, Гэн Хуаминь, а также ряд статей американского исследователя Дугласа Стиффлера. В России данная тема не получила должного исследования.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования послужили нормативные документы, архивные данные, публикации в журналах.

Методами исследования являются сравнительно-исторический, статистический, хронологический методы, контент-анализ.

Результаты и обсуждение

В первые годы существования КНР стояла острая потребность в реформировании системы образования, особенно высшего, поскольку существовавшие тогда высшие учебные заведения, преподавание в которых в основном велось по модели английских и американских университетов [8, с. 10], не отвечали потребностям молодого социалистического государства в подготовке большого количества профессиональных кадров. В связи с этим остро встала потребность в создании новых высших учебных заведений, отвечающих современным реалиям. Необходимый опыт организации

подобных учебных заведений был у СССР. Идея создания полноценного университета, целью которого была бы подготовка строителей нового Китая при активном участии советских специалистов, активно лоббировал Лю Шаоци. Еще во время своего визита в СССР в июле-августе 1949 г. он активно обсуждал этот вопрос с советской стороны, и была достигнута принципиальная договоренность о создании подобного университета [5, с. 110].

Датой создания Народного университета считается 16 декабря 1949 года, когда на заседании Госсовета КНР было принято «Постановление о создании Народного университета Китая», в котором указывалось, что «для удовлетворения потребностей государственного строительства Госсовет Центрального Народного правительства принял решение учредить Народный университет Китая, перенять передовой опыт СССР в строительстве, а также пригласить советских профессоров и, последовательно, по плану осуществлять подготовку разнообразных кадров строителей нового государства» [9, с. 215].

3 октября 1950 года состоялась торжественная церемония открытия Народного университета, на которой присутствовали Лю Шаоци, Чжу Дэ и другие ответственные партийные и государственные работники, а также первая группа прибывших на работу советских специалистов во главе с советником Андриановым [9, с. 230].

Основная деятельность советских специалистов в Народном университете приходится на 1950-1957 гг, после этого из-за ухудшения советско-китайских отношений все советские специалисты были отозваны из КНР.

В 1950-х гг. советские специалисты, работавшие в университете, как по профессиональному уровню, так и количеству и представленным научным дисциплинам, занимали самые передовые позиции среди специалистов во всех вузах КНР. По имеющимся в нашем распоряжении данным, в 1950-51 гг. в Народном университете работал 41 советский специалист, в 1951-52 гг. – 48, 1952-53 гг. – 42. [11, с. 10]. Эти три года были периодом наибольшей активности советских экспертов, когда они помогали настраивать работу университета по многим направлениям. Затем число советских специалистов в связи с изменениями политической обстановки начинает уменьшаться. Так, в 1953-1954 гг. их количество сократилось до 21 человека, а уже в 1956-1957 гг. осталось только 7 человек [10, с. 5]. Таким образом, согласно сохранившимся архивным данным, в период с 1950 г. по 1957 г. в Народном университете Китая работали 98 специалистов из СССР, самое большое количество советских специалистов среди всех вузов Китая [10, с.6]. Архивные данные также позволяют увидеть распределение этих специалистов по научным областям: 4 советника ректора, 5 преподавателей философии, 7 преподавателей политэкономии, 10 преподавателей основ марксистско-ленинской теории, 5 преподавателей плановой статистики, 5 преподавателей экономики промышленности, 15 специалистов по финансам и торговле, 10 преподавателей юриспруденции, 5 специалистов по дипломатическим отношениям, 2 преподавателя журналистики, 1 специалист по архивному делу и 26 преподавателей русского языка [12, с. 3].

Советские специалисты внесли весомый вклад в создание и развитие Народного университета как одного из ключевых вузов по общественно-политическим дисциплинам. По нашему мнению, можно выделить четыре основных направления их деятельности.

*Новая модель и методика
университетского обучения*

Основная суть советской модели обучения была сформулирована советским советником Андриановым на Первой Всекитайской научно-практической конференции по вопросам высшего образования, прошедшей в Пекине в июне 1950 г.: «Сущность высшего образования в СССР – воспитание не отвлеченных и абстрактных талантов, а конкретных, специализированных кадров на базе институтов и кафедр» [8, с. 240]. Иными словами, обучение осуществлялось в соответствии с текущими, реальными потребностями государства путем подготовки профессиональных специалистов по конкретным специальностям на базе специали-

зированных факультетов и кафедр и в соответствии с четко прописанными планами. Именно данные принципы были применены на практике при создании Народного университета, особенно на начальном этапе. Так, в 1949-1950 гг. приняли активное участие в создании основных факультетов университета и разработке рабочих программ по самым важным для текущего государственного строительства областям. Так, при участии советских экспертов были созданы факультеты экономики, экономического планирования, финансов, торговли, кооперации, управления предприятием, юриспруденции и международных отношений [7, с. 310]. Были также организованы специальные курсы по указанным выше специальностям. Кроме того, под руководством советских специалистов были созданы первые кафедры как базовые структурные подразделения для организации учебного и управленческого процесса по смежным дисциплинам. Всего была создана 41 кафедра [7, с. 311]. И на первоначальном этапе создания университета почти во всех структурных подразделениях присутствовали советские специалисты, которые активно участвовали в текущей деятельности кафедр и помогали создавать учебные планы и программы дисциплин, разрабатывать учебные материалы, готовиться к учебным занятиям, осуществлять практическую и исследовательскую деятельность.

Советские специалисты, базируясь на своем собственном опыте, также заложили новые методики обучения. Так, советские учебные планы для конкретных специальностей базировались на принципах «сочетания профессиональных и политических дисциплин, органичном сочетании марксистско-ленинской философии и общенаучных знаний», а также «необходимости общих знаний для понимания существующего политического режима и уважения к нему» [2, с. 58].

В конкретном плане это выражалось в обязательном преподавании общественно-политических дисциплин (основы марксистско-ленинской философии, политэкономия, диалектический и исторический материализм) на всех специальностях. В этом отношении Народный университет стал эталоном для высших учебных заведений по всей стране, где было так же введено преподавание данных предметов. Кроме того, советские специалисты также внедрили новые практические методы обучения: семинары, устные экзамены по билетам, бальную систему оценок (неудовлетворительно, удовлетворительно, хорошо, отлично), что должно было послужить примером для заимствования другими вузами страны.

*Подготовка профессиональных кадров
и научно-педагогических работников*

Советская модель обучения также считала рабочих и крестьян базовой силой государства, декларировали необходимость «повышения их культурного уровня и предоставление им возможности на получение высшего образования» [1, с. 18]. Эти принципы совпадали с потребностями КНР в многочисленных квалифицированных кадрах и принципами Народного университета на «открытость по отношению к рабочим и крестьянам» [8, с. 10].

Советский союз накопил богатый опыт в реализации подобного рода программ. При поддержке советских специалистов в Народном университете, помимо стандартной университетской системы, была также реализована система по подготовке профессиональных кадров и повышению культурного уровня представителей рабочих и крестьян. Были реализованы следующие формы обучения: учеба с отрывом и без отрыва от производства, подготовительные курсы, рабочие факультеты для подготовки рабочих и крестьян для поступления в высшие учебные заведения, курсы по повышению управленческих и политических навыков чиновников.

Другой важной задачей советских специалистов стала подготовка квалифицированных научно-педагогических кадров, на что были брошены основные силы. В начальный период существования университета (до 1953 г.) в связи со сложившимися условиями сформировалась особая модель обучения – «учеба и преподавание» [8, с. 6]. По такой модели советские специалисты сначала читали лекции китайским преподавателям и аспирантам, после занятий они уточняли и корректировали полученную информацию, приводили ее в соответствии с китайскими реалиями, а затем вели занятия уже непосредственно у студентов. После 1953 г. роль советских специалистов была скорректирована, им надлежало выполнять функции «главного механизма работы» [8, с. 7]. Теперь они в основном занимались чтением спецкурсов, чтением лекций по классическим трудам марксизма-ленинизма, а также руководством аспирантами.

Согласно имеющимся данным, с 1950 г. по 1957 г. советские специалисты обучили 2574 аспиранта, что имело большое значение для выполнения университетом задачи подготовки молодых преподавательских кадров [10, с. 16]. Ряд специалистов остались работать в университете и в дальнейшем стали кадровым ядром по различным дисциплинам. Остальные выпускники были распределены в другие вузы страны и сыграли большую роль в становлении учебного и научного строительства данных вузов, особенно по таким дисциплинам, как: финансы, экономика, юриспруденция и философия [8, с. 15].

Преподаватели из других вузов КНР также приезжали в Народный университет и посещали лекция и занятия советских экспертов. Ряд вузов (Пекинский университет, Университет китайской медицины, Хэнаньский университет, Дунбэйский народный университет и другие) систематически присылали большие делегации преподавателей, научно-педагогических и административных работников для учебы у советских экспертов [4, с. 220]. Это стало еще одним важным каналом подготовки научно-педагогических работников, поскольку, таким образом, осуществлялась трансляция знаний и перенос советской модели в другие вузы КНР.

Подготовка учебных материалов

В период работы в Народном университете Китая советские специалисты также внесли большой вклад в подготовку учебных материалов для университета, поскольку почти все преподаваемые дисциплины опирались на советские учебные пособия, содержавшие передовые достижения марксистско-ленинской философии и накопленный за 30 лет богатый опыт.

Можно выделить несколько каналов подготовки учебных пособий.

Во-первых, ряд советских специалистов приезжали со своими собственными учебными материалами и научными трудами, которые переводились на китайский язык.

Во-вторых, рекомендованные советскими специалистами материалы, широко применявшиеся в советских вузах. В основном это были труды классиков марксизма-ленинизма, их использовали для преподавания студентам после перевода на китайский язык или в качестве материала для чтения для студентов, уже владевших основами русского языка.

В-третьих, лекции советских специалистов переводились на китайский язык, распечатывались и служили материалом для составления учебников китайскими преподавателями. Они использовались как в Народном университете, так и в других вузах.

В-четвертых, советские специалисты в период работы в университете часто выступали с публичными речами и докладами по разным научным темам или по вопросам организации университетской работы и жизни. Эти материалы систематизировались, печатались учебными отделами и предоставлялись как сотрудникам Народного университета, так и других вузов. Кроме того, советские специалисты консультировали китайских преподавателей и руководили процессом создания учебников, отвечающих китайской действительности. Однако некоторые китайские преподаватели

ли по собственной инициативе, опираясь на советские учебники, составляли свои учебные пособия.

Согласно статистическим данным, в период с 1950 по 1957 годы советскими специалистами и китайскими преподавателями под их руководством всего было составлено 101 учебное пособие общим количеством 55 млн. печатных знаков [12, с. 23].

Лекции, учебные материалы по политике, экономике, финансам и другим отраслям имели огромное значение для теоретической и практической работы как Народного университета, так и других вузов КНР.

Стимулирование научных исследований

Еще одним важным аспектом деятельности советских специалистов в Народном университете являлась организация и стимулирование практики проведения регулярных научных исследований. Они рассматривали научную деятельность как «важный фактор повышения качества образования, и неотъемлемую часть научного процесса» [1, с. 158]. Данным принципам они учили китайских преподавателей и студентов. Во-первых, советские специалисты часто выступали с различными докладами и речами по организации научного процесса, в которых акцентировали внимание на важности проведения научных исследований, детально знакомили с основными этапами и принципами проведения научных исследований, которые сейчас являются базовыми: выбор темы, подбор и обработка источников и литературы, составление плана исследования, написание работы, обсуждение и внесение исправлений. Кроме того, они акцентировали внимание на важности использования научного опыта других стран.

Во-вторых, под руководством советских специалистов осуществлялось написание первых курсовых работ, дипломных работ и других научных публикаций. Они также инициировали создание регулярных периодических университетских изданий (преподавание и исследования), на страницах которых регулярно публиковались исследования китайских преподавателей и студентов [6].

В-третьих, советские специалисты организовали регулярную и централизованную научную работу в Народном университете. Под их руководством для каждой кафедры разрабатывался план научных исследований, каждому преподавателю и аспиранту давались научно-исследовательские задания, и в конце каждого года организовывались общеуниверситетские научные конференции, на которых представлялись результаты исследований. Первая такая конференция была проведена

уже в октябре 1950 г. [6] в дальнейшем они приобрели регулярный характер. Кроме того, по инициативе советских специалистов началось регулярное проведение конференций, посвященных различным памятным датам, таким как: годовщина Октябрьской революции, годовщина заключения Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР. По результатам данных конференций публиковались сборники научных работ. Таким образом, советские специалисты внесли огромный вклад в стимулирование начальных научных исследований в Народном университете, а многие практики и формы проведения исследований были заимствованы и другими вузами КНР.

Выводы

В целом, советские специалисты, распространяя в Народном университете научные знания, знакомя китайских коллег с опытом советской революции и советского строительства, передавая богатый опыт образования в советских высших учебных заведениях, сыграли огромную стимулирующую роль в деле строительства Народного университета. Работа и практическая деятельность советских специалистов по подготовке педагогических кадров на начальном этапе строительства Народного университета также имела огромное значение.

Под руководством и с помощью советских специалистов Народный университет Китая соединил советскую модель образования с китайскими реалиями и разработал новую систему научных дисциплин. Эти новые дисциплины стали первоначальной моделью научного строительства не только в Народном университете, но и во всех высших учебных заведениях Китая. Впоследствии многие специальности и научные дисциплины Народного университета Китая, были признаны сильнейшими в стране и стали эталоном для других вузов.

Так, в 2013 году Центр развития высшего и послевузовского образования Министерства образования КНР опубликовал рейтинг образовательных специальностей первой категории. Девять специальностей Народного университета (теоретическая экономика, прикладная экономика, юриспруденция, политология, социология, журналистика, статистика, деловое администрирование, государственное управление) были признаны лучшими в стране, а три другие специальности (философия, теория марксизма, управление сельским хозяйством) заняли второе место [13]. Более того, по количеству дисциплин первой категории, вошедших в данный перечень, Народный университет занял третье место среди всех вузов КНР.

Список источников

1. Зиновьев М.П. Коммунистическая партия и повышение культурно-технического уровня рабочего класса. Л., Изд-во Ленинг. ун-та, 1977. 312 с.
2. Иовчук М.Т. Советская социалистическая культура. Исторический опыт и современные проблемы. М., Политиздат, 1979. 208 с.
3. Бажанов Е.П. Китай и внешний мир. М., Междунар. отношения, 1990. 351 с.
4. Шэнь Чжихуа Советские специалисты в Китае (1948-1960). М.: Наука- Вост. лит. 2015. 423 с.
5. Shen Zhihua Mao and the Sino-Soviet partnership, 1945-1959: A New History. New York, Lexington Books, 2015. 417 p.
6. Shen Zhihua, Guy Alitto A historical examination of the issue of Soviet experts in China: Basic situation and policy changes // Russian History. 2002. Vol. 29. P. 377 – 400.
7. Stiffler Douglas Three Blows of the Shoulder Pole: Soviet Experts at Chinese People's University, 1950-1957 // China learns from the Soviet Union 1949- Present. London: Lexington Books, 2010. P. 303 – 325.
8. 20 世纪 50 年代苏联专家在中国人民大学.北京. 中国人民大学出版社.2017 年.161 页.
9. 中国人民大学纪事 (1937-2007), 上卷.北京. 中国人民大学出版社.2007 年.503 页 (1937-2007).
10. «中国人民大学 1950-1957 年的苏联专家工作情况的报告» 中国人民大学档案: 1960-XZ11-XB-24.001
11. «吴玉章校长 1953 年 5 月 12 日关于聘请苏联专家问题给周恩来总理的报告» 中国人民大学档案: 1953-DQ11-DB-13. 1953-DQ11-DB-13] (На кит. языке)
- 12 «关于 1950-1957 年聘请苏联专家工作的报告»中国人民大学档案: 1960-DQ11-DB-5
13. 中国学位与研究生教育信息网. URL: www.chinadegrees.cn (дата обращения: 27.09.2023)

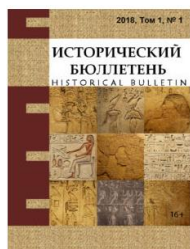
References

1. Zinoviev M.P. The Communist Party and raising the cultural and technical level of the working class. L., Lening Publishing House. Univ., 1977. 312 p.
2. Iovchuk M.T. Soviet socialist culture. Historical experience and modern problems. M., Politizdat, 1979. 208 p.
3. Bazhanov E.P. China and the outside world. M., Intern. relations, 1990. 351 p.
4. Shen Zhihua Soviet specialists in China (1948-1960). M.: Nauka-Vost. lit. 2015. 423 p.
5. Shen Zhihua Mao and the Sino-Soviet partnership, 1945-1959: A New History. New York, Lexington Books, 2015. 417 p.
6. Shen Zhihua, Guy Alitto A historical examination of the issue of Soviet experts in China: Basic situation and policy changes. Russian History. 2002. Vol. 29. P. 377 – 400.
7. Stiffler Douglas Three Blows of the Shoulder Pole: Soviet Experts at Chinese People's University, 1950-1957. China learns from the Soviet Union 1949- Present. London: Lexington Books, 2010. P. 303 – 325.
8. 20 世纪 50 年代苏联专家在中国人民大学.北京. 中国人民大学出版社.2017 年.161 页.
9. 中国人民大学纪事 (1937-2007), 上卷.北京. 中国人民大学出版社.2007 年.503 页 (1937-2007).
10. “中国人民大学 1950-1957 年的苏联专家工作情况的报告”中国人民大学档案: 1960-XZ11-XB-24.001
11. “吴玉章校长 1953 年 5 月 12 日关于聘请苏联专家问题给周恩来总理的报告” 中国人民大学档案: 1953-DQ11-DB-13. 1953-DQ11-DB-13] (In Chinese)
- 12 “关于 1950-1957 年聘请苏联专家工作的报告”中国人民大学档案: 1960-DQ11-DB-5
13. 中国学位与研究生教育信息网. URL: www.chinadegrees.cn (access date: 09/27/2023)

Информация об авторе

Бабарико К.Б., аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, babariko.kirill@yandex.ru

© Бабарико К.Б., 2024

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2024, Том 7, № 1 / 2024, Vol. 7, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(47).043

Итинерарии князя Владимира Андреевича Старицкого (1535-1569)

¹ *Бородавский А.И.,
Северо-Западный институт управления,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы*

Аннотация: в статье рассмотрены итинерарии удельного князя Владимира Андреевича Старицкого: его участие в паломничествах, военных походах, поездки в свое княжество и пребывание в Москве. Изучение этого вопроса позволит лучше понять положение одного из последних удельных князей в русском государстве XVI в. Целью статьи является составление подробной картины итинерариев Владимира Старицкого, их места, времени, обстоятельств, круга сопровождавших лиц. Для этого были проанализированы различные источники, включая летописи, разрядные книги, жалованные грамоты, дипломатические документы, сочинения иностранных авторов. По результатам исследования делается вывод, что жизнь и деятельность Владимира Старицкого были связаны в большей степени с Москвой. Здесь удельный князь участвовал в различных церемониях (свадьбы, крещения, похороны), присутствовал на военных советах, выдавал грамоты. Значительная церемониальная роль Владимира Андреевича (как близкого родственника царя) оставалась неизменной, несмотря на его участие в династическом кризисе 1553 г. и опалу 1563 г. Возможно, ситуация изменилась в последние два года жизни удельного князя, что было связано с так называемым «делом о заговоре Ивана Федорова». Также важно отметить довольно редкие визиты Владимира Андреевича в свое княжество. Отсутствие прочных связей князя со своим уделом позволило впоследствии царю ликвидировать этот удел без какого-либо сопротивления.

Ключевые слова: Владимир Андреевич Старицкий, Иван IV, Старицкое удельное княжество, итинерарии, поездки, военные походы, паломничества, церемонии

Для цитирования: *Бородавский А.И. Итинерарии князя Владимира Андреевича Старицкого (1535-1569) // Исторический бюллетень. 2024. Том 7. № 1. С. 60 – 77.*

Поступила в редакцию: 20 сентября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 24 ноября 2023 г.; Принята к публикации: 15 января 2024 г.

Itineraries of prince Vladimir Andreevich of Staritsa (1535-1569)

¹ *Borodovsky A.I.,
North-Western Institute of Management,
Russian Academy of National Economy and Public Administration*

Abstract: the article examines the itineraries of the appanage prince Vladimir Andreevich of Staritsa: his participation in pilgrimages, military campaigns, trips to his principality and stays in Moscow. Studying this issue will allow us to better understand the position of one of the last appanage princes in the Russian state of the 16th century. The purpose of the article is to compile a detailed picture of the itineraries of Vladimir of Staritsa, their place, time, circumstances, and circle of accompanying persons. For this purpose, various sources were analyzed, including chronicles, rank books, letters of grant, diplomatic documents, and works of foreign authors. Based on the results of the study, it is concluded that the life and activities of Vladimir of Staritsa were largely connected with Moscow. Here the appanage prince participated in various ceremonies (weddings, baptisms, funerals), attended

military councils, and issued letters. The significant ceremonial role of Vladimir Andreevich (as a close relative of the tsar) remained unchanged, despite his participation in the dynastic crisis of 1553 and disgrace in 1563. Perhaps the situation changed in the last two years of the appanage prince's life, which was associated with the so-called «case of the conspiracy of Ivan Fedorov». It is also important to note the rather rare visits of Vladimir Andreevich to his principality. The lack of strong ties between the prince and his appanage allowed the king to subsequently liquidate this appanage principality without any resistance.

Keywords: Vladimir Andreevich of Staritsa, Ivan IV, Staritsa appanage principality, itineraries, trips, military campaigns, pilgrimages, ceremonies

For citation: Borodovsky A.I. *Itineraries of prince Vladimir Andreevich of Staritsa (1535-1569). Historical Bulletin. 2024. 7 (1). P. 60 – 77.*

The article was submitted: September 20, 2023; Approved after reviewing: November 24, 2023; Accepted for publication: January 15, 2024.

Деятельность удельного князя Владимира Андреевича Старицкого давно привлекает внимание исследователей, главным образом, в контексте его отношений с Иваном Грозным. Однако до настоящего времени не выходило специальных работ о таком вопросе, как итинерарии Владимира Старицкого. Под этим термином (образованным от латинского *itineror* – «путешествовать») необходимо понимать поездки удельного князя, а также его пребывание в Москве и в своем уделе. Данная тема представляет безусловный интерес для историков. Сохранились сведения об участии Владимира Андреевича в военных походах, паломничествах, придворных церемониях. Изучение этих событий поможет лучше понять, какое место занимал один из последних удельных князей в Русском государстве XVI в. Цель данной статьи – составить целостную картину итинерариев Владимира Андреевича, включая их время, места, причины, круг сопровождавших лиц. Главным источником по этой теме являются летописи. Важные сведения сохранились в таких памятниках, как Никоновская летопись [24, 25], Львовская летопись [26], Постниковский летописец [29], Летописец начала царства [27], Новгородские и Псковские летописи [21, 22] и ряд других. Информацию о об участии Владимира Андреевича в военных походах содержат также разрядные книги [31, 32]. Заслуживают внимания также актовые источники, поскольку в некоторых из них указано место составления той или иной грамоты [1, 2, 3, 4, 5, 6, 14].

Родился Владимир Андреевич, по данным Постниковского летописца, 9 июля 1535 г. в Старице, бывшей центром удела его отца [29, с. 25]. 2 мая 1537 г. князь Андрей Иванович бежал из Старицы, что стало началом его прямого противостояния с московским правительством. Согласно летописным свидетельствам, Андрея Старицкого при этом сопровождали жена, княгиня Евфросинья

Андреевна, и сын Владимир. Покинув Старицу, они приехали в село Берново Новоторжского уезда [23, с. 293]. Летописи не сообщают, была ли семья Андрея Ивановича рядом с ним во время его дальнейшего похода к Новгороду. После неудачи «мятежа» двухлетнего наследника удельного князя доставили в Москву. Вначале Владимира «дали блюсти» Федору Карпову, но спустя короткое время его отправили к матери в тын на Берсеневский двор [29, с. 25-26]. В декабре 1540 г. Владимир и Евфросинья Старицкие были освобождены из заключения по «печалованию» митрополита и бояр. Владимир Андреевич получил московский двор, которым когда-то владел Андрей Иванович (в Постниковском летописце указана дата 20 декабря, на память Петра Чудотворца) [24, с. 135; 27, с. 456; 27, с. 39; 29, с. 26]. Годом позже, 25 декабря 1541 г., великий князь «пожаловал» Владимира и Евфросинью, «очи свои дал им видети», после чего Владимиру Андреевичу был возвращен отцовский удел [24, с. 139; 26, с. 459; 27, с. 41].

В мае 1542 г. летописи фиксируют первый выезд Владимира Старицкого из Москвы. Вместе с Иваном IV и братом великого князя Юрием Васильевичем, а также с не названными поименно «многими князьями и боярами» шестилетний удельный князь посетил Троице-Сергиев монастырь. Поездка заняла неделю (с 25 по 31 мая) [24, с. 142; 26, с. 460; 27, с. 43]. Традиция регулярных поездок в эту обитель («Троицкие походы») установилась в конце правления Василия III. Ивана IV впервые привозили «к Живоначальной Троицы в Сергиев монастырь» летом 1536 г., когда великому князю было пять лет. По мнению Н. С. Борисова, эти поездки имели не только религиозное, но также познавательное и воспитательное значение (подобно путешествиям по стране наследников престола Российской империи в XIX в.). Инициатором «Троицких походов», ученый считает настоятеля Троице-Сергиева монастыря Иоасафа,

впоследствии (1539-1542 гг.) занимавшего московскую митрополичью кафедру. Позднее традицию поддержал митрополит Макарий [9, с. 28-31]. Следующий раз Владимир Андреевич покидает столицу в конце того же 1542 г. Это путешествие также имело религиозный характер, но было более дальним и длительным. С 8 по 20 декабря Владимир вместе с великим князем, Юрием Васильевичем и «многими боярами» ездил помолиться в Боровск, Можайск и на Волок [24, с. 144; 26, с. 462; 27, с. 44]. В 1543-1544 гг. Владимир Андреевич, вероятно, не покидал столицу. Рассказывая о паломнических поездках Ивана IV осенью 1543 г. и в марте 1544 г., летописцы отмечают рядом с ним Юрия Васильевича и бояр, но не Владимира [24, с. 145-146]. 5 мая 1544 г. в Москве Владимир Андреевич выдал жалованную несудимую грамоту старицкому землевладельцу Афанасию Карачеву [38, с. 57].

21 мая 1545 г. Владимир Старицкий сопровождал Ивана IV и Юрия Васильевича во время посещения Троице-Сергиева монастыря в честь праздника Троицы. Оттуда все они поехали «по чудотворцем молиться» в Переяславль. Затем великий князь отпустил Владимира и Юрия в Москву, а сам продолжил поездку по монастырям [24, с. 147; 26, с. 465; 27, с. 145-146]. Как предположил И.И. Полосин, эта поездка могла иметь, помимо религиозного, еще и военно-политическое значение, поскольку включала объезд территорий, важных при отражении набегов казанцев. Историк считает не случайным тот факт, что она состоялась вскоре после начала похода на Казань (апрель 1545 г.) [19, с. 73-74]. Летом 1546 г., согласно Постниковскому летописцу, Владимир Старицкий был в Коломне вместе с Иваном IV, Юрием Васильевичем, многими воеводами и большим количеством войск (как отмечено в источнике, «сколько кажут людей на Коломне от начала не бывало») [29, с. 27]. Другие летописи, хотя и не отмечают присутствие Владимира Андреевича, но дают более подробную информацию об этой поездке. Причиной похода в Коломну были сведения о возможном нападении крымского хана (в итоге не состоявшемся). Великий князь вышел из Москвы 6 мая, причем отправился к Коломне речным путем («на судах»), по дороге посетив Николо-Угрешский монастырь. Вернулся Иван IV в Москву 18 августа [24, с. 149]. Таким образом, Владимир Старицкий, которому тогда исполнялось 11 лет, впервые принял участие в военном мероприятии.

Вскоре Владимир Андреевич вновь покинул Москву совместно с великим князем. Сведения об этой поездке в различных летописях не вполне идентичны. Постниковский летописец сообщает,

что 16 сентября 1546 г. Иван IV, Юрий Васильевич и Владимир Старицкий поехали в Троице-Сергиев монастырь. Далее источник пишет только о великом князе. Его маршрут выглядит так: Воробьево (подмосковное село) – Волок – Ржева – Старица – Тверь – Новгород – Псков – Псково-Печерский монастырь – Вороноч (псковский пригород) – Псков – Руса – Новгород – Тихвин – Волочек – Москва (вернулся 10 декабря) [29, с. 28]. Следовательно, во время путешествия Иван IV посетил в том числе Старицкое удельное княжество, хотя из летописного рассказа не вполне понятно, сопровождал ли это в данном случае Владимир Андреевич. В Никоновской летописи эта поездка упомянута несколько иначе. 15 сентября Иван IV выехал из Москвы в Троице-Сергиев монастырь, далее посетил свои села Воробьево, Денисьево и Починки, затем поехал в Можайск «к Николе помолиться», затем по монастырям на Волок, в Ржеву, Тверь, Новгород, Псков, в Печерский монастырь, снова в Псков и Новгород, в Тихвин и 12 декабря вернулся в Москву [24, с. 149]. Владимир и Юрий здесь не упоминаются. Дополнительные подробности сохранило новгородское и псковское летописание. По сообщению Новгородской II летописи, Иван IV, Юрий Васильевич и Владимир Андреевич приехали в Новгород 14 ноября. Указано даже место проживания Владимира Старицкого – «на Радятине улице в Ивановом дворе Афанасьева сына». Далее летопись говорит о поездке великого князя и Юрия в Псков, но Владимира при этом не упоминает. Также в летописном рассказе сообщается о посещении Иваном IV, Юрием и Владимиром Кириллова монастыря по дороге из Москвы в Новгород [21, с. 67-68, 75]. Псковская I летопись пишет о прибытии Владимира Старицкого в Псков совместно с Иваном IV и Юрием (в одном из списков это событие датировано 28 ноября, в другом – 28 декабря). Далее великий князь посетил Вороноч и Печерский монастырь, вернулся в Псков и вскоре отправился к Москве вместе с Владимиром Андреевичем, в то время как Юрий еще некоторое время был в Пскове [22, с. 306-307]. Я. Н. Рабинович, исследовавший эту поездку, пришел к выводу, что царь выехал из Новгорода 24 ноября, а в Псков прибыл 28 ноября, затем посетил Вороноч и Печеры, 1 декабря вернулся в Псков, оттуда в Новгород и далее в Москву. Относительно посещения Вороноча исследователь отмечает, что оно, видимо, не было случайным. Это был весьма крупный город (второй по величине в Псковском земле), с многолюдным богатым посадом и ямским двором [30, с. 15-20]. Если принять сведения Псковской I летописи, то можно предположить, то маршрут Владимира

Андреевича совпадал с маршрутом царя. В то же время, в разрядных книгах утверждается, что во время посещения Пскова Иван IV оставил Юрия Васильевича и Владимира Андреевича в Новгороде [32, с. 320]. Завершая рассказ о поездке 1546 г., необходимо упомянуть предположение И. И. Полосина, согласно которому она являлась не только паломничеством, но и военным объездом приграничных земель в связи с обострением отношений с Ливонским орденом [19, с. 97-98].

Следует отметить, что 11 и 13 ноября в Москве от имени Владимира Андреевича были выданы две грамоты. Обе они касались Симонова монастыря. В первой, направленной городовому приказчику в Верее Ивану Бурцову, говорилось о взимании вместо всех податей оброка с одного из монастырских сел на территории Вышегородского уезда, входившего в состав Старицкого удельного княжества. Вторая жалованная грамота симоновскому архимандриту Трифону давала ряд привилегий монастырским селам в замосковной волости Раменейце [6, с. 97-99]. По всей видимости, во время поездки Владимира Старицкого в столице оставались какие-то высокопоставленные удельные придворные, возможно также княгиня Евфросинья, которые выдали эти грамоты именем князя.

В 1547 г. источники фиксируют пребывание Владимира Андреевича в Москве. В феврале старицкий князь присутствует в чине тысяцкого на свадьбе Ивана IV. В церемонии принимала участие и мать Владимира княгиня Евфросинья [31, с. 10]. В июле, когда царь ходил с войсками в Коломну, Владимир Андреевич вместе с Юрием Васильевичем оставались в столице [31, с. 110-112]. В сентябре Владимир выполняет роль тысяцкого на свадьбе Юрия Васильевича [31, с. 11]. В декабре Иван IV отправляется во Владимир и Нижний Новгород «для казанского дела». В этот раз Юрий поехал с царем во Владимир, а старицкий князь, как и прежде, остался в Москве [31, с. 112-115]. 1 января 1548 г. в Москве Владимир Андреевич выдает жалованную грамоту игумену Троице-Сергиева монастыря Ионе на вотчину в Верейском уезде [8, с. 137].

В мае 1548 г., по сообщению разрядной книги, Владимир Андреевич вместе с царскими воеводами находился в войсках в Коломне [31, с. 116] (в другой редакции это назначение отмечено маем 7055 (1547 г.), но с указанием, что «в ыных розрядах пишет тот розряд был 7056-го году» [32, с. 331]). 15 июля того же года в Москве именем Владимира Андреевича была выдана грамота старицкому землевладельцу Федору Бороздину, подтверждавшая привилегии, пожалованные ранее князем Андреем Ивановичем. «Приказал» грамоту удель-

ный боярин Юрий Андреевич Оболенский, поэтому неизвестно, вернулся ли к тому времени в столицу сам Владимир Старицкий [4, с. 214]. К ноябрю 1549 г. относится участие Владимира Андреевича в совете с царем насчет войны с Казанью (также присутствовали Юрий Васильевич, митрополит Макарий, бояре). 24 ноября Иван IV вышел в поход, взяв с собой Юрия, а Владимира оставив в столице [24, с. 158-159; 26, с. 475-476; 27, с. 57]. Согласно Разрядной книге, Владимир Андреевич провожал царя «до первого стану, до Танинского» [31, с. 121]. В марте 1550 г. царь вернулся в Москву, и вскоре после этого состоялся совет, на котором было принято решение об основании города-крепости Свияжска. Среди присутствовавших был и Владимир Андреевич, наряду с Юрием Васильевичем, боярами, касимовским правителем Шигаеем и казанскими князьями на русской службе [24, с. 160, 162; 27, с. 59-60, 157, 159]. 18 мая 1550 г. Владимир Старицкий взял в жены княгиню Евдокию Александровну Нагую. Свадьба прошла на царском дворе. Венчание совершал митрополит Макарий [24, с. 160; 26, с. 477-478]. В церемонии участвовали сам Иван IV, Юрий Васильевич, многие царские бояре и боярские жены. Присутствовали и удельные старицкие придворные, например, боярин Юрий Пенинский Меньшой, конюший Юрий Лыков, несколько боярских детей, а также мать Владимира княгиня Евфросинья [15, с. 46-57; 31, с. 14-15]. В июле 1550 г. Владимир Андреевич также находился в Москве. Вместе с царем, Юрием Васильевичем, митрополитом Макарием и боярами он участвовал в совете, на котором было принято решение об ограничении местничества во время военных походов [31, с. 125-126]. 21 июля Владимир Старицкий вместе с Иваном IV и царскими воеводами вышел в Коломну «по крымским вестем». Позднее царь получил сведения о возможном нападении крымцев на рязанские земли и 7 августа отправился из Коломны в Рязань, перед этим заехав помолиться «к Николе Зарайскому». Владимир Андреевич при этом сопровождал государя. 16 августа Иван IV из Рязани поехал обратно в Москву (как можно предположить, вместе с Владимиром Старицким) [31, с. 127-129].

В 1552 г. старицкий князь принял участие в важнейшем событии общерусского значения – взятии Казани. В апреле Владимир вместе с Юрием Васильевичем был на совете, во ходе которого царь принял решение о военном походе [24, с. 177-178; 26, с. 493-493; 27, с. 72-73]. В июне Владимир Андреевич вместе с Иваном IV идет к Коломне для защиты от набега крымских татар [24, с. 187; 26, с. 502; 27, с. 80]. После прибытия в Коломну 19

июня царь ездил к реке Оке для подготовки к сражению, взяв с собой Владимира Андреевича и «мало бояр искусных на ратех» [24, с. 187; 26, с. 502; 27, с. 82]. Однако принять участие в битве удельному князю в данном случае не пришлось. Поход крымцев окончился неудачной попыткой штурма Тулы и последующим отступлением [18, с. 537-540]. 1 июля Иван IV советуется с Владимиром Андреевичем и боярами о походе на Казань, а 3 июля отправился в путь, велел старицкому князю «быти с собою в полку». 8 июля они были во Владимире, 13 июля – в Муроме [24, с. 191-192; 26, с. 505-506; 27, с. 85-86]. 13 августа Владимир Старицкий был вместе с царем в Свяжске. Здесь он присутствовал на совете о дальнейших действиях [24, с. 201; 26, с. 514-515; 27, с. 93-94]. Перед выходом к Казани 23 августа Иван IV, согласно летописным сведениям, обратился с речью к Владимиру Андреевичу. В летописях также дан ответ Владимира [24, с. 203-204; 26, с. 516-517; 27, с. 95-96]. Во время осады Казани Владимир Андреевич находился в большом полку вместе с царем. Следует обратить внимание, что вместе с ним были удельные бояре и дети боярские. Некоторые из них названы поименно: князь Юрий Пенинский Оболенский, Иван Угримов Заболоцкий [24, с. 215; 31, с. 136-137]. После взятия Казани 2 октября Владимир Андреевич въехал в город вместе с царем и Шигалеем [24, с. 220; 26, с. 531; 27, с. 109]. 11 октября Иван IV, посоветовавшись с Владимиром и с боярами, решил возвращаться в Москву. На следующий день царь и старицкий князь сели в ушкулы и поплыли по Волге в Свяжск. Далее царь поплыл в Васильгород и Нижний Новгород, а оттуда поехал на конях в Балахну и Владимир. Затем государь посетил Суздаль, Юрьев, Троице-Сергиев монастырь, в своем подмосковном селе Танинском встретился с братом Юрием, после чего прибыл в Москву, где его встретил митрополит Макарий [24, с. 222-223; 26, с. 533-534; 27, с. 111-112]. Владимир Андреевич после Свяжска не упоминается, но можно предположить, что он сопровождал царя в этом маршруте. 8 ноября Владимир Старицкий был на пиру у царя в Грановитой палате. Также там были Юрий Васильевич, митрополит Макарий и другие представители духовенства, бояре и воеводы, которые «мужествовали во бранех». Иван IV жаловал присутствовавшим различные подарки. Владимир Андреевич получил шубы, фряжские кубки и золотые ковши [24, с. 227-228; 26, с. 538; 27, с. 115].

26 февраля 1553 г. Владимир Старицкий был в Москве на крещении бывшего казанского хана Едигера, получившего имя Семион. Также присутствовали Иван IV, Юрий Васильевич, митрополит

Макарий, духовные лица и бояре [24, с. 229-230; 26, с. 539-540; 27, с. 215]. В начале марта того же года Иван IV тяжело заболел. К этому времени относится известный летописный рассказ о придворной борьбе, в которой Владимир Андреевич выступил как претендент на престол. Историки по-разному расценивали эти события. Так, И. И. Смирнов писал об открытом «боярском мятеже» в пользу Владимира Андреевича [39, с. 264-286]. По мнению Д.Н. Альшица, сообщения о «мятеже» являются позднейшими тенденциозными приписками, в действительности же имел место тайный заговор княжат с активным участием княгини Евфросиньи Старицкой. В отличие от ряда других историков, Д.Н. Альшиц не видит достоверных свидетельств ухудшения отношений между царем и удельным князем после марта 1553 г [7, с. 147-155]. В цели данной статьи не входит подробный разбор этих событий, но следует отметить, что Владимир Андреевич, а также его мать княгиня Евфросинья находились в тот момент в Москве. Из летописных данных следует также пребывание в столице удельных детей боярских (Владимир и Евфросинья раздавали им тогда жалование, что вызвало недовольство ряда бояр) [25, с. 523-526; 27, с. 211-214].

В июле 1553 г. Владимир Старицкий был отправлен царем в Серпухов после получения сведений о возможном нападении крымского хана (сам Иван IV пошел в Коломну) [26, с. 543]. Вместе с Владимиром Андреевичем в Серпухове стояли царские воеводы и удельные дети боярские (разрядная книга относит эти события к июню 1553 г.) [31, с. 141]. В октябре того же года при нашествии ногайцев Владимир Андреевич, согласно разрядам, должен был находиться в Коломне вместе с царем. Однако поход не состоялся. Тогда же в Серпухов были отправлены воевода Владимира Старицкого князь Юрий Андреевич Пенинский и удельные дети боярские [31, с. 143]. В ноябре Владимир Андреевич и его мать княгиня Евфросинья были на свадьбе бывшего казанского хана Симеона Касаевича. Церемония проходила у Ивана IV «в брусяной столовой избе». Присутствовали также Юрий Васильевич и представители московской аристократии [31, с. 12-13].

В апреле-мае 1554 г. Владимир Старицкий, очевидно, находился в Москве, где были составлены две крестоцеловальные записи, в которых удельный князь подтверждал свою преданность государю и наследнику и свои обязательства перед ними [40, с. 462-468]. Первая из подобных записей относится к марту 1553 г., когда Иван IV тяжело заболел. Причина появления новых крестоцеловальных записей заключалась в том, что за про-

шедшее время сменился наследник престола: умер царевич Дмитрий и родился царевич Иван. В октябре 1554 г. Иван IV посетил принадлежавшее Владимиру Андреевичу село Городен и пировал там вместе со старицким князем. Как следует из летописного текста, Владимир Андреевич встретил царя уже в этом селе, то есть он, вероятно, раньше выехал из Москвы и некоторое время жил на территории своего удела [24, с. 252; 26, с. 557-558; 27, с. 236]. 3 февраля 1555 г. Владимир Андреевич был в Москве на поставлении казанского архиепископа Гурия, вместе с царем, Юрием Васильевичем, духовенством и боярами [24, с. 250; 26, с. 556; 27, с. 234]. 10 марта, также находясь в столице, удельный князь выдал грамоту игумену Никольского Песношского монастыря Варсонофию на беспощинную покупку соли [13, с. 21]. В следующем месяце состоялась вторая свадьба Владимира Старицкого. Судьба его первой супруги точно неизвестна, по одной из версий, она ушла в монастырь после ранней смерти ребенка [16, с. 100-101]. Второй женой старицкого князя стала княжна Евдокия Романовна Одоевская. На свадьбе, состоявшейся 28 апреля, присутствовали царь, Юрий Васильевич, московские бояре и боярыни, а также представители удельного двора (боярин Василий Темкин, конюший Борис Хованский и ряд других) [15, с. 80-83; 24, с. 253-254; 26, с. 556; 27, с. 236; 31, с. 15]. В июле Владимир Андреевич ходил вместе с царем для отражения нападения крымского хана в Коломну, а затем в Тулу [24, с. 256; 26, с. 561; 27, с. 238; 31, с. 150]. Принять непосредственное участие в боевых действиях Владимиру Старицкому в этот раз не довелось. Войска Девлет Гирея понесли серьезные потери в сражении с войсками воеводы Ивана Шереметева при Судьбищах, в результате чего были вынуждены отступить, не дожидаясь подхода основных русских сил [17, 94-95].

В мае – июне 1556 г. Владимир Старицкий вместе с Иваном IV, Семионом Казанским и воеводой ездил в Серпухов «для крымского царя приходу» и провели там большой смотр войск [24, с. 270-271; 26, с. 572-573; 27, с. 247-248; 31, с. 156; 32, с. 510]. В июле 1557 г. царь отправляет Владимира Андреевича вместе с Семионом Касаевичем в Коломну из-за угроз со стороны Крымского ханства [31, с. 162]. В июне 1558 г. царь с той же целью посылал Владимира в Калугу [31, с. 167]. В конце 1558 г. Владимир Андреевич находился в своем уделе. 10 декабря в Старице он отправил грамоту землевладельцу Борису Оболеншеву. Как следует из содержания этого документа, к Владимиру Андреевичу обратился настоятель Богословского Холохоленского монастыря Герасим с жа-

лобой на Оболеншеву, который брал лошадей у монастырских людей вопреки ранее полученной грамоте. Владимир Андреевич в данном споре встал на сторону монастыря [14, с. 132]. Той же зимой Владимир Старицкий вернулся в столицу. Известно, что в феврале 1559 г. он был в Чудовом монастыре на крещении своего двоюродного племянника Василия, сына Юрия Васильевича [25, с. 317; 26, с. 611; 27, с. 278]. В марте Владимир Андреевич присутствовал на совете у царя, где обсуждалась противостояние с крымским ханом Девлет Гиреем [31, с. 178]. В том же году, согласно разрядам, удельный князь должен был сопровождать Ивана IV при походе к Туле (который в итоге не состоялся) [32, с. 53-56]. 27 июля в Москве Владимир Старицкий выдал жалованную грамоту Думашу Сумарокову на земли в Алексинском уезде [1, с. 246-248].

Большую часть 1560 г. Владимир Андреевич провел в столице. 20 февраля у старицкого князя и его жены Евдокии Одоевской родилась дочь Евдокия. На следующий день царь вместе с наследником Иваном Ивановичем и многими боярами пришел на московский двор Владимира Андреевича, где они вместе праздновали и «овощи кушали» [25, с. 325-326; 27, с. 285]. 17 и 19 июля в Москве произошли крупные пожары. Владимир Андреевич и Иван IV руководили борьбой с огнем [25, с. 327-328; 27, с. 287]. В августе Владимир Старицкий был на погребении царицы Анастасии Романовны в московском Вознесенском монастыре [25, с. 328; 27, с. 287-288]. Согласно сведениям позднего Мазуринского летописца, в ноябре того же года удельный князь вместе с царем, царевичами Иваном и Федором, Юрием Васильевичем и митрополитом Макарием встречал прибывших в Москву монахов русского монастыря святого Пантелеимона на Афоне [28, с. 137]. Вероятно, вскоре после этого Владимир Андреевич выехал в свой удел. 20 декабря в Старице он выдал жалованную грамоту настоятелю Богословского Холохоленского монастыря Герасиму на земли Старицкого уезда. Выдаче этой грамоты предшествовал земельный обмен с великокняжескими детьми боярскими, на котором сторону Старицкого князя представляли удельный боярин князь Борис Петрович Хованский и дьяк Савлук Иванов [14, с. 135-136].

В следующем 1561 г. сведений о поездках Владимира Андреевича нет. 17 июня в Москве старицкий князь выдал грамоту с привилегиями игумену Богоявленского монастыря Феодосию на земли в Гуслицкой волости Московского уезда [3, с. 162-163]. 21 августа Владимир Андреевич присутствовал на свадьбе царя и Марии Темрюковны [25, с. 333; 27, с. 292].

В мае 1562 г. Иван IV отправился в Можайск «на свое дело литовское», а Владимира Андреевича с несколькими воеводами послал в Серпухов [25, с. 341; 27, с. 298; 31, с. 195]. В ноябре Владимир участвует в совете о войне, вместе с царем, Юрием Васильевичем, митрополитом Макарием [25, с. 345; 27, с. 302]. Вскоре после этого Владимир Андреевич выехал в свой удел. В начале декабря он в Старице собирал своих детей боярских [25, с. 347; 27, с. 303]. Согласно разрядной книге, Владимир был определен в большой полк вместе со своими боярами и приказными людьми, а также с царскими воеводами Иваном Бельским, Петром Шуйским, Василием Серебряным [31, с. 197-198]. 5 января 1563 г. Владимир Андреевич и Иван IV встретились в Луках. 13 января царь отпустил Владимира вместе с боярами и воеводами большого полка. 31 января войско подошло к Полоцку. Владимиру Андреевичу царь велел «перешед Полоту-реку, стати у Спаса в Шорошкове» [25, с. 348-350; 27, с. 304-306]. 15 февраля Полоцк сдался. Владимир Старицкий при этом участвовал в переговорах с владыкой Арсением и воеводой Довоино, а затем въехал в город [25, с. 357-358; 27, с. 311-314]. 23 февраля старицкий князь присутствовал на совете у царя, где обсуждали ответ литовскому посланнику, прибывшему с предложением перемирия [35, с. 121-124]. 26 февраля Иван IV пошел обратно в Луки, велел Владимиру Андреевичу и воеводам идти обратно в тех же полках, как они шли к Полоцку [25, с. 364]. Разрядная книга Полоцкого похода добавляет, что 3 марта царь отпустил Владимира Андреевича из Невеля на подводах, отправив вместе с ним пристава Ивана Очина [10, с. 65]. Владимир Андреевич отправился не в Москву, а в свой удел. Это следует из летописного сообщения, согласно которому царь на обратном пути, до возвращения в столицу 20 марта, посетил Старицу, где пировал у Владимира Андреевича и княгини Евфросиньи [25, с. 365; 27, с. 319].

В том же году Владимира Андреевича и его мать постигла опала. Согласно летописным сведениям, в июне Иван IV (находившийся тогда в Александровой слободе) получил письмо от удельного дьяка Савлука Иванова, утверждавшего, что Старицкие «многие неправды ко царю и великому князю чинят», а его самого держат в тюрьме. Царь велел прислать дьяка к нему и провести расследование по его словам. Затем Иван IV вызвал уже самих Старицких, которым объявил «неисправление их и неправды», но тут же «для отца своего Макария митрополита и архиепископов и епископов гнев свой им отдал». В итоге княгиня Евфросинья 5 августа была пострижена в мо-

нахини (как утверждается в летописи, по собственному желанию) и отправилась в монастырь на Белоозеро, а Владимиру Андреевичу царь оставил удел, но забрал у него бояр, детей боярских и дьяков, заменив их новыми людьми [25, с. 368; 27, с. 321-322]. Вряд ли возможно с точностью установить, где происходили описанные события. Известно, что до 17 июля царь находился в Александровой слободе, затем выехал в Москву, куда прибыл 20 июля [25, с. 368-369; 27, с. 322]. Исходя из этой информации, можно предположить, что Владимир и Евфросинья Старицкие были вызваны в Слободу. Однако их обвинение царем проходило в присутствии митрополита Макария и высшего духовенства, которые находились в Москве. Постиг княгини Евфросиньи был также совершен в столице. Следует отметить, что нет сведений о возвращении Владимира Андреевича в Москву весной 1563 г., после его пребывания в уделе в марте. Вполне возможно, что Владимир Старицкий несколько месяцев жил в своем княжестве, и именно отсюда был вызван вместе с матерью к царю. Это согласуется с фактами из карьеры дьяка Савлука Иванова, служба которого проходила в том числе непосредственно на территории Старицкого уезда [14, с. 133-135].

В октябре 1563 г. Старицкое княжество посетил Иван IV. Летописи сообщают, что 21 сентября царь выехал из Москвы в Троице-Сергиев монастырь, 3 октября был на освящении церкви в Можайске, а затем отправился в Старицу. Вместе с Владимиром Андреевичем Иван IV ездил по селам Старицкого уезда, далее они пировали в Верее, после этого царь ездил по селам в Верейском и Вышегородском уездах. 1 ноября царь вернулся в Москву [25, с. 370; 27, с. 323]. В конце ноября Владимир Андреевич был уже в столице. 24 ноября скончался князь Юрий Васильевич, и Владимир Старицкий присутствовал на похоронах своего двоюродного брата в Архангельском соборе [25, с. 372; 27, с. 325]. 26 ноября Владимир Андреевич и Иван IV обменялись землями: удельный князь отдал царю Вышегород и волости в Можайском уезде, получив взамен город Романов на Волге с уездом [25, с. 372; 27, с. 325]. По мнению П. А. Садикова, этот обмен и предшествовавшие ему поездки Ивана IV в удел Владимира Андреевича были частью подготовки к будущим государственным реформам [34, с. 15]. Данную точку зрения разделял и А. А. Зимин [11, с. 106]. Существует также версия И. И. Полосина, согласно которой эта поездка царя была вызвана приближением срока окончания перемирия с Великим княжеством Литовским (заклученным после взятия Полоцка) и представ-

ляла собой объезд значимых в военном отношении территорий [19, с. 89].

1 января 1564 г. Владимир Старицкий был в Москве на погребении митрополита Макария [25, с. 374; 27, с. 327], а 5 марта – на поставлении нового митрополита Афанасия [25, с. 380-381; 27, с. 332]. 30 апреля Владимир Андреевич вместе с царской семьей провожал в Новодевичий монастырь княгиню Ульяну, вдову Юрия Васильевича, решившую принять постриг [25, с. 382; 27, с. 334]. 7 мая старицкий князь сопровождал Ивана IV, царицу Марию и царевича Ивана Ивановича при поездке в Никитский монастырь в Переяславле Залесском. Они побывали на освящении церкви митрополитом Афанасием. Затем царь поехал в Троице-Сергиев монастырь, в Можайск, а в конце поездки посетил удел Владимира Старицкого (летописи называют Верею, а также недавно приобретенные царем Олешню и Вышегород). Вернулся Иван IV с женой и сыном в Москву 8 июля [25, с. 383; 27, с. 334-335]. Посещение царем Можайска могло быть связано со слухами о приближении к русским границам польско-литовских войск [11, с. 120]. Возможно, Владимир сопровождал царя все время этой поездки (хотя летопись прямо отмечает только посещение удельным князем Переяславля). 17 октября Владимир Андреевич (очевидно, находясь в столице) участвовал в военном совете об отправке воевод для защиты от крымцев [31, с. 211].

Сведений о деятельности Владимира Андреевича в 1565 г. немного. По летописным данным известно, что 1 февраля во время пожара в Москве сгорел двор старицкого князя [25, с. 396; 27, с. 345]. В разрядной книге сообщается, что 15 сентября Владимир Андреевич был определен в Тулу вместе с царскими воеводами [31, с. 222]. С января по март 1566 г. прошли три новых земельных обмена между Владимиром Старицким и царем. Владимир Андреевич отдал Ивану IV свой прежний удел (Старицу, Алексин, Верею и ряд других территорий), а вместо этого получил Дмитров, Боровск, Звенигород, Стародуб Рязоловский [25, с. 400; 27, с. 348-349]. Далее в 1566 г. Владимир Андреевич находился в Москве. 23 марта и 17 апреля в столице Владимир выдает две жалованные грамоты архимандриту Симонова монастыря Феоктисту. Очевидно, это было связано с вышеупомянутым земельным обменом, поскольку в грамотах идет речь о новоприобретенных территориях (Звенигородский и Дмитровский уезды) [6, с. 185-187]. 28 июня 1566 г. в Москве открылся Земский собор, в котором принимал участие и Владимир Андреевич [25, с. 402; 27, с. 350-351]. 25 июля Владимир был вместе с царем и царевичами на по-

ставлении митрополита Филиппа [25, с. 403; 27, с. 351]. 1 и 25 августа в Москве Владимир Андреевич выдавал жалованные грамоты Троице-Сергиеву монастырю на земли в своем новом уделе. Одну из грамот подписал удельный дьяк Иван Гаврилов [2, с. 308-311]. Также известно, что в том же году Владимир Андреевич получил от царя место для нового двора в Москве взамен сгоревшего [25, с. 401; 27, с. 350].

В феврале 1567 г. Владимир Андреевич в Москве выдал грамоту с рядом привилегий митрополиту Филиппу. Она касалась территорий Дмитровского, Боровского, Звенигородского уездов [5, с. 32-34]. Как считал А.А. Зимин, это была попытка удельного князя укрепить политический союз с главой Русской церкви [11, с. 248]. В разрядных книгах под этим годом отмечено пребывание Владимира Андреевича с царскими воеводами в Коломне [31, с. 224]. Даты в данном случае не указаны, но, вероятно, это событие имело место летом, как и предыдущие походы Владимира Старицкого к Коломне. 20 сентября 1567 г. Иван IV вместе со наследником отправились из Москвы «против своего недруга литовского короля». Как отмечено в разрядной книге, царь взял в поход и Владимира Старицкого, велел ему «с собою сходить в Твери» [32, с. 221-222]. Из этого сообщения можно сделать вывод, что Владимира Андреевича на момент начала похода не было в столице. Возможно, он находился в своем уделе. Не исключено, что он был послан туда для сбора своих служилых людей, как это было накануне Полоцкого похода (с той разницей, что вместо Старицы теперь был Дмитров). 5-6 октября в селе Медне Владимир Андреевич вместе с Иваном IV, царевичем Иваном Ивановичем и боярами принимал литовского посланника Юрия Быковского [35, с. 554-561]. Затем царь, наследник и удельный князь отправились в Новгород, прибыв туда 24 (по данным посольской книги) либо 22 (по летописным сведениям) октября [21, с. 97; 35, с. 561-562]. Как сообщают новгородские летописи, их встречал архиепископ Пимен. Владимир Андреевич во время пребывания в Новгороде стоял на Холопьевой улице. Пребывание в городе продолжалось 8 дней [21, с. 97]. Посольская книга сообщает, что из Новгорода царь поехал к немецким городам Луже (Люцен) и Резице (Розиттен). 12 ноября на Ршанском яму состоялся совет, в котором участвовали Владимир Андреевич, а также ряд бояр и воевод (Иван Мстиславский, Иван Пронский, Петр Серебряный и другие). Итогом этого совета стало решение отложить поход, поскольку не успевал подойти наряд (артиллерия). Владимир Андреевич вместе с царем и царевичем поехал в Луки, а отту-

да вернулся в Москву [35, с. 562-563]. Возможно, главная причина прекращения похода в действительности состояла в том, что Иван IV получил в это время сообщение о заговоре в земщине во главе с боярином и конюшим Иваном Федоровым с целью посадить на престол Владимира Андреевича. Сведения об этом содержатся в сочинениях двух иностранцев, служивших в России, Генриха Штадена и Альберта Шлихтинга, причем оба утверждают, что сам Владимир Старицкий выдал заговорщиков царю [41, с. 62; 42, с. 87-89]. В историографии нет однозначного мнения о реальности этого заговора. Так или иначе, данные события послужили поводом к репрессиям против земщины, жертвами которых стали в том числе близкие к Владимиру Андреевичу лица [37, с. 316-341].

Летом следующего года Владимир посещает свой удел. 31 августа 1568 г. в Дмитрове им была выдана грамота архимандриту Чудова монастыря Левкию, подтверждавшая монастырское право владения рыбными ловлями на территории удела [43, с. 531]. В 1569 г. Иван IV велел Владимиру Андреевичу быть с войсками в Нижнем Новгороде вместе с царским воеводой Петром Морозовым [31, с. 230]. Поводом для этого была защита от турецких войск, которые с весны этого года готовились к походу на Астрахань (состоялся в августе-сентябре и в итоге окончился неудачей) [37, с. 349-350]. Затем, согласно сведениям Пискаревского летописца, царь приказал Владимиру ехать «на ям на Богону» вместе с женой и детьми. Здесь Иван IV «опоил зелием» удельного князя, княгиню и их старшую дочь [29, с. 191]. По наиболее распространенной версии, гибель Владимира Старицкого и членов его семьи произошла 9 октября (в Кирилло-Белозерском монастыре этим числом поминали Старицкого князя на его «преставление») [37, с. 387]. В то же время, Новгородский летописец называет датой убийства Владимира Андреевича 6 января (на Крещение) [21, с. 336-337]. Следует отметить, что в январе 1570 г. произошел разгром Новгорода опричниками, причем царь прибыл в город 6 января [21, с. 339]. Можно предположить, что с этим связано появление в летописце ошибочной даты смерти Владимира Андреевича. Помимо русских источников, о пребывании Владимира Старицкого в Нижнем Новгороде незадолго до гибели сообщает послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе, ливонцев, попавших в плен и перешедших на русскую службу, а позднее бежавших в Польшу. В нем подтверждается, что удельный князь был отправлен туда под предлогом защиты от турок, причем по дороге также посетил Кострому. Спустя некоторое время царь велел Владимиру ехать к Александровой слободе.

Владимир Андреевич, его жена, дети и слуги прибыли в лагерь, расположенный в Москатине (в полумиле от слободы), где и произошла расправа над князем и членами его семьи (Таубе и Крузе пишут о четырех погибших детях Старицких) [20, с. 45-47]. Из-за противоречивых данных источников среди ученых нет однозначного мнения, сколько всего детей было в семье Старицких и сколько из них стали жертвами расправы 1569 г. Согласно исследованиям Т. Д. Пановой, вместе с Владимиром Андреевичем и его женой погибли, скорее всего, двое их детей, а трем другим сохранили жизнь [16, с. 107]. По предположению Ю. Д. Рыкова, погибли трое детей удельного князя, а выжили четверо [33, с. 9-18]. Возможно, оставшиеся в живых дети Владимира Старицкого не сопровождали его в последней поездке. Погребен Владимир Андреевич был в Архангельском соборе, рядом с отцом Андреем Ивановичем (впоследствии рядом появилось захоронение его старшего сына Василия, умершего около 1574 г.). Исследователь Архангельского собора Е. С. Сизов высказал мнение (основанное на расположении могил), что опальный князь мог быть похоронен в этом месте не сразу, а спустя несколько лет после смерти (предположительно, перезахоронен при погребении сына) [36, с. 90]. Жена Владимира Евдокия Романовна и несколько их детей были погребены в Вознесенском соборе [16, с. 102-105].

Завершив исследование, можно сделать вывод, что судьба князя Владимира Андреевича Старицкого была в большей степени связана с Москвой, а не с его уделом. Источники многократно отмечают пребывание удельного князя в столице. Здесь он участвует в различных церемониях (свадьбы, крещения, похороны), в военных советах, здесь же он чаще всего выдает жалованные грамоты. Среди выездов Владимира Андреевича из Москвы можно выделить паломнические поездки, военные походы и посещения своего удела. Зафиксированные в источниках паломничества Старицкого князя относятся главным образом к периоду его детства. Всего в летописях обнаружены упоминания о 5 таких поездках, из них 4 приходятся на 1542-1546 гг., когда Владимиру было приблизительно 6-11 лет. Единственное отмеченное паломничество во взрослом возрасте относится к 1564 г., причем данная поездка имела, вероятно, не только религиозные причины (поскольку на обратном пути царь осматривал удельные земли). Можно предположить, что Владимир Андреевич продолжал ездить по монастырям, но уже без сопровождения царя, поэтому эти поездки остались незамеченными летописцами. В источниках также отмечено более 10 военных походов с участием Владимира

Андреевича. Самый ранних из них относится к 1546 г., когда Владимиру было около 10 лет, самый поздний – к последнему году жизни удельного князя (1569 г.). Наиболее значимыми были походы на Казань в 1552 г. и на Полоцк в 1563 г. Остальные военные мероприятия были связаны главным образом с защитой от набегов Крымского ханства. Отдельно следует сказать о посещениях Владимиром Андреевичем своего удельного княжества. Возможно, впервые Старицкий князь посетил свой удел во время большой поездки вместе с царем в 1546 г. Однозначно можно говорить о пребывании Владимира Андреевича в своем княжестве осенью 1554 г., когда он принимал там царя. Затем Владимир был в Старице 1558 г. и 1560 г. (в обоих случаях – в декабре). Зимой 1562-1563 гг. Владимир Андреевич собирал в уделе войска для Полоцкого похода. Далее источники отмечают несколько эпизодов посещения Владимиром удела совместно с царем (март и октябрь 1563 г., возможно, июнь 1564 г.). Известно также, что Владимир бывал и в своем новом уделе, Дмитровском (август 1568 г.). Вполне вероятно, что некоторые другие поездки Владимира Андреевича в удельное княжество не были отмечены в источниках. Однако, сопоставив эти данные с зафиксированными свидетельствами о пребывании князя в Москве, можно утверждать, что основным местом жительства Владимира Андреевича была столица Русского государства.

Следует также остановиться на лицах, сопровождавших Старицкого князя в его поездках. Все отмеченные в источниках путешествия по монастырям Владимир Андреевич совершал совместно с царем. В четырех поездках вместе с ними был также брат Ивана IV князь Юрий Васильевич. Ко времени последней поездки (1564 г.) он уже умер, зато упоминаются царица и наследник. В некоторых случаях летописцы отмечают также бояр (очевидно, царских). В военные походы Владимир Андреевич отправлялся как с Иваном IV, так и без него. Обычно Старицкого князя сопровождали государевы воеводы, но во время Казанского похода 1552 г. отмечены и двое удельных воевод. В некоторых других походах вместе с Владимиром участвовали удельные дети боярские. Что касается пребывания Владимира Андреевича в уделе, то князь упоминается при этом как один, так и совместно с царем. Грамота 1560 г. указывает на присутствие в Старицком княжестве представителей удельного двора (боярина и дьяка). Один раз (март 1563 г.) в Старицком уделе отмечено пребывание матери Владимира княгини Евфросиньи. Жена и дети удельного князя упоминаются в связи с его

поездками единожды (последняя поездка к царю перед их гибелью в 1569 г.). Если посмотреть на людей, окружавших Владимира Старицкого во время его проживания в Москве, можно увидеть что обычно источники упоминают удельного князя вместе с Иваном IV, Юрием Васильевичем, боярами, духовенством. На свадьбах Старицкого князя в 1550 г. и 1555 г. отмечено присутствие ряда удельных придворных. Пребывание в Москве представителей Старицкого двора подтверждают и акты источники (например, грамота 1548 г., выданная от имени князя удельным боярином). Несколько раз вместе с Владимиром в столице упомянута его мать Евфросинья, один раз (не считая свадьбы) – вторая жена Евдокия Одоевская (а также их новорожденная дочь).

В заключение следует сказать, что изучение поездок Владимира Старицкого показывает значительную церемониальную роль удельного князя в Русском государстве середины XVI в., которую он играл как близкий родственник царя, причем ни события династического кризиса 1553 г., ни опала 1563 г. не оказали негативного влияния на его внешнее положение. Существует мнение, высказанное в работе современного исследователя В.А. Аракчеева [8, с. 133], что с середины 1560-х гг. наблюдается падение церемониальной активности удельного князя. Если посмотреть на два последних года жизни Владимира Старицкого (1568 и 1569 гг.), действительно, можно отметить отсутствие сведений о его участии в каких-либо мероприятиях (за исключением оправки в Нижний Новгород и последующего вызова к царю на расправу). Однако до этого ситуация выглядела иначе: в 1566 г. Владимир находился рядом с Иваном IV во время открытия Земского собора и поставления нового митрополита, в 1567 г. сопровождал государя в военном походе и на приеме посла. Из этого можно сделать вывод, что перемена в положении Владимира Старицкого могла быть обусловлена делом о «заговоре Ивана Федорова», сведения о котором царь получил как раз во время похода 1567 г. Также важно обратить внимание на относительно редкие визиты Владимира Андреевича в свой удел. Историками давно было отмечено, что удельные элиты были связаны с московской аристократией и в то же время обособлены от местного провинциального дворянства [12, с. 293]. Следовательно, сам Старицкий князь в этом отношении вполне соответствовал своим придворным. Отсутствие прочных связей Владимира Андреевича со своим княжеством позволило впоследствии царю ликвидировать Старицкий удел без какого-либо сопротивления.

Таблица 1

Итинерарии князя Владимира Андреевича Старицкого.

Table 1

Itinerary of Prince Vladimir Andreevich Staritsky.

Дата	Место	Сопровождавшие лица	Примечания	Источники
1535 г., 9 июля	Старица		Рождение Владимира Андреевича	29, с. 25
1537 г., 2 мая	Старица, село Берново Новоторжского уезда, возможно далее к Новгороду	Андрей Иванович Старицкий, княгиня Евфросинья	Бегство из Старицы во время «мятежа»	23, с. 293
1537 г., июнь – 1540 г., декабрь	Москва	Вначале Федор Карпов, затем Евфросинья	Находился в заключении	29, с. 25-26
1540 г., 20 декабря	Москва	Евфросинья	Освобожден из заключения	24, с. 135; 26, с. 456; 27, с. 39; 29, с. 26
1541 г., 25 декабря	Москва	Евфросинья, Иван IV	Принят царем	24, с. 139; 26, с. 459; 27, с. 41
1542 г., 25-31 мая	Троице-Сергиев монастырь	Иван IV, Юрий Васильевич, бояре	Паломническая поездка	24, с. 142; 26, с. 460; 27, с. 43.
1542 г., 8-20 декабря	Боровск, Можайск, Волок	Иван IV, Юрий Васильевич, бояре	Паломническая поездка	24, с. 144; 26, с. 462; 27, с. 44.
1544 г., 5 мая	Москва		Выдал жалованную грамоту	38, с. 57
1545 г., с 21 мая	Троице-Сергиев монастырь, Переяславль	Иван IV, Юрий Васильевич	Паломническая поездка	24, с. 147; 26, с. 465; 27, с. 145-146.
1546 г., май-август	Коломна	Иван IV, Юрий Васильевич, воеводы	Военный поход	24, с. 149; 29, с. 27.
1546 г., сентябрь-декабрь	Троице-Сергиев монастырь, Кирилло-Белозерский монастырь, Новгород, Псков (возможно также Волок, Ржева, Старица, Тверь, Псково-Печерский монастырь, Воронач, Руса, Тихвин, Волочек)	Иван IV, Юрий Васильевич	Паломническая поездка	21, с. 67-68, 75; 22, с. 306-307; 24, с. 149; 29, с. 28.
1547 г., февраль	Москва	Иван IV, царица Анастасия Романовна, Юрий Васильевич, бояре и боярыни, княгиня Евфросинья	Свадьба Ивана IV	31, с. 10.
1547 г., июль	Москва	Юрий Васильевич	Остался в столице во время военного похода царя	31, с. 110-112.
1547 г., сентябрь	Москва	Иван IV, Юрий Васильевич, бояре и боярыни	Свадьба Юрия Васильевича	31, с. 11.
1547 г., декабрь	Москва	Бояре	Остался с столице во время военного похода царя	31, с. 112-115.
1548 г., 1 января	Москва		Выдал жалованную грамоту	8, с. 137.

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

1548 г., май	Коломна	Воеводы	Военный поход	31, с. 116.
1549 г., ноябрь	Москва	Иван IV, Юрий Васильевич, митрополит Макарий, бояре	Военный совет	24, с. 158-159; 26, с. 475-476; 27, с. 57.
1549 г., 24 ноября	Танинское	Иван IV, Юрий Васильевич	Провожал царя, отправлявшегося в военный поход	24, с. 158-159; 26, с. 475-476; 27, с. 57; 31, с. 121.
1550 г., весна	Москва	Иван IV, Юрий Васильевич, бояре, Шигалей, казанские князья	Военный совет	24, с. 160, 162; 27, с. 59-60, 157, 159.
1550 г., 18 мая	Москва	Иван IV, Юрий Васильевич, митрополит Афанасий, Евдокия Нагая, Евфросинья, бояре и боярыни, удельные придворные (боярин Юрий Пенинский, конюший Юрий Лыков и др.)	Свадьба Владимира Андреевича	15, с. 46-57; 24, с. 160; 26, с. 477-478; 31, с. 14-15.
1550 г., июль	Москва	Иван IV, Юрий Васильевич, митрополит Макарий, бояре	Военный совет	31, с. 125-126.
1550 г., июль-август	Коломна, Зарайск, Рязань	Иван IV, воеводы	Военный поход	31, с. 127-129.
1552 г., апрель	Москва	Иван IV, Юрий Васильевич, бояре	Военный совет	24, с. 177-178; 26, с. 493-494; 27, с. 72-73.
1552 г., июнь-октябрь	Коломна, Владимир, Муром, Свяжск, Казань (возможно на обратном пути также Васильгород, Нижний Новгород, Балахна, Суздаль, Юрьев, Троице-Сергиев монастырь, Танинское)	Иван IV, воеводы (в т.ч. удельные – Юрий Пенинский, Оболенский, Иван Угримов, Заболоцкий)	Военный поход	24, с. 187, 191-192, 201, 203-204, 215, 220, 222-223; 26, с. 502, 505-506, 514-517, 531, 533-534; 27, с. 80, 82, 85-86, 93-96, 109, 111-112; 31, с. 136-137.
1552 г., 8 ноября	Москва	Иван IV, Юрий Васильевич, митрополит Макарий, бояре и воеводы	Пир в честь взятия Казани	24, с. 227-228; 26, с. 538; 27, с. 115.
1553 г., 26 февраля	Москва	Иван IV, Юрий Васильевич, митрополит Макарий, Едигер (Семион), бояре, духовенство	Крещение бывшего казанского хана Едигера	24, с. 229-230; 26, с. 539-540; 27, с. 215.
1553 г., март	Москва	Иван IV, бояре, Евфросинья, удельные дети боярские	Болезнь царя и династический кризис	25, с. 523-526; 27, с. 211-214.
1553 г., июль	Серпухов	Воеводы, удельные дети боярские	Военный поход	26, с. 543; 31, с. 141.

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

1553 г., ноябрь	Москва	Иван IV, Юрий Васильевич, Семион Касаевич, бояре, Евфросинья	Свадьба Семиона Касаевича	31, с. 12-13.
1554 г., апрель-май	Москва		Крестоцеловальные записи с обязательствами перед царем	40, с. 462-468.
1554 г., октябрь	Городен	Иван IV	Принимал царя в своем уделе	24, с. 252; 26, с. 557-558; 27, с. 236.
1555 г., 3 февраля	Москва	Иван IV, Юрий Васильевич, духовенство, бояре	Поставление казанского архиепископа Гурия	24, с. 250; 26, с. 556; 27, с. 234.
1555 г., 10 марта	Москва		Выдал жалованную грамоту	13, с. 21.
1555 г., 28 апреля	Москва	Иван IV, Юрий Васильевич, Евдокия Одоевская, бояре и боярыни, удельные придворные (боярин Василий Темкин, конюший Борис Хованский и др.)	Свадьба Владимира Андреевича	15, с. 80-83; 24, с. 253-254; 26, с. 556; 27, с. 236; 31, с. 15.
1555 г., июль	Коломна, Тула	Иван IV, воеводы	Военный поход	24, с. 256; 26, с. 561; 27, с. 238; 31, с. 150.
1556 г., май-июнь	Серпухов	Иван IV, Симеон Касаевич	Военный поход, смотр войск	24, с. 270-271; 26, с. 572-573; 27, с. 247-248; 31, с. 156; 32, с. 510.
1557 г., июль	Коломна	Симеон Касаевич	Военный поход	31, с. 162.
1558 г., июнь	Калуга	Воеводы	Военный поход	31, с. 167.
1558 г., 10 декабря	Старица		Находился в своем уделе, выдал указную грамоту	14, с. 132.
1559 г., февраль	Москва	Иван IV, Юрий Васильевич, Василий Юрьевич, митрополит Макарий	Крещение княжича Василия Юрьевича	25, с. 317; 26, с. 611; 27, с. 278.
1559 г., 11 марта	Москва	Иван IV, бояре	Военный совет	31, с. 178.
1559 г., 27 июля	Москва		Выдал жалованную грамоту	1, с. 246-247.
1560 г., 21 февраля	Москва	Иван IV, царевич Иван Иванович, Евдокия Одоевская, Евдокия Владимировна, бояре	Празднование рождения дочери Владимира Андреевича	25, с. 325-326; 27, с. 285.
1560 г., 17-19 июля	Москва	Иван IV, бояре, стрельцы	Тушение пожаров	25, с. 327-328; 27, с. 287.

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

1560 г., август	Москва	Иван IV, Юрий Васильевич, митрополит Макарий, бояре, духовенство	Погребение царицы Анастасии	25, с. 328; 27, с. 287-288.
1560 г., ноябрь	Москва	Иван IV, царевичи Иван и Федор, Юрий Васильевич, митрополит Афанасий	Принимал монахов с Афона	28, с. 137.
1560 г., 20 декабря	Старица	Удельный боярин Борис Хованский, удельный дьяк Савлук Иванов (на предшествовавшем земельном обмене)	Находился в своем уделе, выдал жалованную грамоту	14, с. 135-136.
1561 г., 17 июня	Москва		Выдал жалованную грамоту	3, с. 162-163.
1561 г., 21 августа	Москва	Иван IV, царица Мария Темрюковна, Юрий Васильевич, бояре	Свадьба Ивана IV	25, с. 333; 27, с. 292.
1562 г., май	Серпухов	Воеводы	Военный поход	25, с. 341; 27, с. 298; 31, с. 195.
1562 г., ноябрь	Москва	Иван IV, Юрий Васильевич, митрополит Макарий, бояре	Военный совет	25, с. 345; 27, с. 302.
1562 г., декабрь	Старица	Удельные дети боярские	Собирал войска в своем уделе	25, с. 347; 27, с. 303.
1563 г., январь-март	Луки, Полоцк, Невель, Старица	Иван IV, воеводы, удельные дети боярские, в уделе вместе с матерью княгиней Евфросиньей	Военный поход, на обратном пути принимал царя в своем уделе	10, с. 65; 25, с. 348-350, 357-358, 364-365; 27, с. 304-306, 311-314, 319; 31, с. 197-198; 35, с. 121-124.
1563 г., июнь-август	Александрова слобода и/или Москва	Иван IV, Евфросинья, удельный дьяк Савлук Иванов	Вызван к царю из-за доноса	25, с. 368; 27, с. 321-322.
1563 г., октябрь	Села Старицкого уезда, Верея, села Вереяского и Вышегородского уезда (возможно до этого был в Троице-Сергиевом монастыре и Можайске)	Иван IV	Принимал царя в своем уделе	25, с. 370; 27, с. 323.
1563 г., ноябрь	Москва	Иван IV, бояре, духовенство	Погребение Юрия Васильевича	25, с. 372; 27, с. 325.
1563 г., 26 ноября	Москва	Иван IV	Обмен землями с царем	25, с. 372; 27, с. 325.
1564 г., 1 января	Москва	Иван IV, бояре, духовенство	Погребение митрополита Макария	25, с. 374; 27, с. 327.
1564 г., 5 марта	Москва	Иван IV, царевичи Иван и Федор, бояре, духовенство	Поставление митрополита Афанасия	25, с. 380-381; 27, с. 332.

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

1564 г., 30 апреля	Москва	Иван IV, царевич Иван, царица Мария, митрополит Афанасий, бояре, духовенство	Провожал княгиню Ульяну Дмитриевну в Новодевичий монастырь	25, с. 382; 27, с. 334.
1564, май-июль	Никитский монастырь в Переяславле Залесском (возможно затем был в Троице-Сергиевом монастыре, Можайске, Верее, Олешне, Вышегороде)	Иван IV, царица Мария, царевич Иван, митрополит Афанасий	Паломническая поездка, возможно на обратном пути посетил с царем свой удел и обменные земли	25, с. 383; 27, с. 334-335.
1564 г., 17 октября	Москва	Иван IV, бояре	Военный совет	31, с. 211.
1565 г., сентябрь	Тула	Воеводы	Военный поход	31, с. 222.
1566 г., 23 марта	Москва		Выдал жалованную грамоту	6, с. 185.
1566 г., 17 апреля	Москва		Выдал жалованную грамоту	6, с. 185-187.
1566 г., 28 июня	Москва	Иван IV, духовенство, бояре, дети боярские, приказные люди, купцы	Земский собор	25, с. 402; 27, с. 350-351.
1566 г., 25 июля	Москва	Иван IV, царевичи Иван и Федор, духовенство	Поставление митрополита Филиппа	25, с. 403; 27, с. 351.
1566 г., 1 и 25 августа	Москва	Удельный дьяк Иван Гаврилов	Выдал жалованные грамоты	2, с. 308-311.
1567 г., февраль	Москва		Выдал жалованную грамоту	5, с. 32-34.
1567 г. (лето?)	Коломна	Воеводы	Военный поход	31, с. 224.
1567 г., октябрь-ноябрь	Тверь, Медня, Новгород, Ршанский ям, Луки (возможно до этого Дмитровский удел)	Иван IV, царевич Иван, бояре	Участвовал в приеме литовского посланника, затем военный поход (в итоге отложен)	3, с. 97; 32, с. 221-222; 35, с. 554-563.
1568 г., 31 августа	Дмитров		Находился в своем уделе	43, с. 531.
1569 г., с весны до 9 октября	Нижний Новгород, ям на Богоне (возможно ранее Кострома)	Воевода Петр Морозов (в Нижнем Новгороде), жена Евдокия Одоевская и дети (при поездке к царю)	Военный поход, затем вызван к царю и был казнен	20, с. 45-47; 29, с. 191; 31, с. 230.

Список источников

1. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / Сост. А.В. Антонов, К.В. Баранов. М.: Археологический центр, 1997. Т. I. 432 с.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археологической экспедицией Императорской академии наук. Т. 1. СПб., 1836. 548 с.
3. Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начала XVII вв. / отв. ред. В.Д. Назаров. М.: Янус-К, 1998. 734 с.
4. Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 2. / Сост. А.А. Зимин, отв. ред. Л.В. Черепнин. М.: Изд. АН СССР, 1956. 663 с.
5. Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 3. / Сост. Л.В. Черепнин. М.: Изд. АН СССР, 1961. 443 с.

6. Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты московского Симонова монастыря (1506-1633 гг.) / Сост. Л.И. Ивина. Л.: Наука, 1983. 352 с.
7. Альшиц Д.Н. Крестоцеловальные записи Владимира Старицкого и недошедшее завещание Ивана Грозного // История СССР, М., 1959. № 4. С. 147 – 155.
8. Аракчеев В.А. Иван IV и Владимир Старицкий: политическая борьба или состязание в благочестии? // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Религиоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 3. С. 129 – 142.
9. Борисов Н.С. Троицкие походы Ивана Грозного // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Сергиев Посад, 2010. С. 24 – 35.
10. Витебская старина / сост. и изд. А.П. Сапунов. Т. 4. Витебск, 1885. 768 с.
11. Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М.: Мысль, 1964. 535 с.
12. Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.: Наука, 1988. 350 с.
13. Иванов П.И. Сборник палеографических снимков с почерков древнего и нового письма разных периодов времени, изданной для воспитанников Межевого ведомства. М., 1844. 142 с.
14. Маштафаров А.В. Старицкие монастыри в документах XVI века // Русский дипломатарий. Вып. 4. М.: Археографический центр, 1998. С. 129 – 151.
15. Новиков Н.И. Древняя российская вивлиофика. Изд. 2. Ч. 13. М., 1790. 459 с.
16. Панова Т.Д. Состав семей старицкого князя Владимира Андреевича // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 4 (37). С. 98 – 108.
17. Пенской В.В. Сражение при Судьбищах 3-4 июля 1555 г. – эпизод русско-крымского противостояния // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. № 7 (62). Вып. 10. С. 87 – 95.
18. Пенской В.В., Пенская Т.М. «Большая игра» в Восточной Европе: тульская экспедиция Девлет-Гирея I летом 1552 г. и начало «Войны двух царей» // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 3. С. 524 – 544.
19. Полосин И.И. Социально-политическая история России XVI – начала XVII в. М.: Изд. АН СССР, 1963. 384 с.
20. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. Книга 8: пер. М. Г. Рогинского. Пг., 1922. С. 8 – 59.
21. ПСРЛ. Т. 3. Новгородские летописи (так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). Вып. 2. СПб., 1879. 628 с.
22. ПСРЛ. Т. 4. V. Новгородская и Псковская летописи. СПб., 1848. 360 с.
23. ПСРЛ. Т. 8. VII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859. С. 301.
24. ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскую летописью. СПб., 1904. 302 с.
25. ПСРЛ. Т. 13. 2-я половина. I. Дополнения к Никоновской летописи. II. Так называемая Царственная книга. СПб., 1906. С. 303 – 532.
26. ПСРЛ. Т. 20. 2-я половина. Львовская летопись. Ч. 2. СПб., 1914. С. 420 – 686.
27. ПСРЛ. Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александроневская летопись. Лебедевская летопись. М.: Наука, 1965. 390 с.
28. ПСРЛ. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука, 1968. 263 с.
29. ПСРЛ. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: Наука, 1978. 304 с.
30. Рабинович Я.Н. Город Вороноч в составе единого Русского государства (первая половина – середина XVI века) // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 53. Псков: Псковский государственный университет, 2020. С. 15 – 20.
31. Разрядная книга 1475-1598 гг. / Подг. текста, вв. статья и ред. В.И. Буганова, отв. ред. М.Н. Тихомиров. М.: Наука, 1966. 614 с.
32. Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. I. Ч. 2 / Сост. Н. Г. Савич. М.: Институт истории АН СССР, 1977. С. 189-406.
33. Рыков Ю.Д. Потомки князя Владимира Андреевича Старицкого и судьба его дочери Марии (в иночестве – Марфы), королевы Ливонской // Российская генеалогия: Научный альманах. М.: Старая Басманная, 2020. С. 7 – 45.
34. Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М., Л.: Изд. АН СССР, 1950. 594 с.
35. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1892. Т. 71. 807 с.

36. Сизов Е.С. Ещё раз о трёх "неизвестных" гробницах Архангельского собора // Государственные музеи Московского кремля: Материалы и исследования. Т. 1. М.: Искусство, 1973. С. 86 – 94.
37. Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб.: Наука, 1992. 576 с.
38. Смирнов И.И. Жалованная грамота князя Владимира Андреевича Старицкого // Исторический архив. Т. П. М., Л.: Изд. АН СССР, 1939. С. 51 – 59.
39. Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30-50-х годов XVI века. М., Л.: Изд. АН СССР, 1958. С. 516.
40. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М., 1813. 643 с.
41. Шлихтинг А. Новое известие о времени Ивана Грозного: пер. А.И. Малеина. Л.: Изд. АН СССР, 1934. 63 с.
42. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного: записки немца-опричника: пер. и вступ. ст. И.И. Полосина. М., 1925. 182 с.
43. Шумаков С.А. Обзор «Грамот коллегии экономии». Вып. 4. М., 1917. 688 с.

References

1. Acts of service landowners of the 15th – early 17th centuries. Comp. A.V. Antonov, K.V. Baranov. M.: Archaeographic Center, 1997. Т. I. 432 p.
2. Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences. Т. 1. St. Petersburg, 1836. 548 p.
3. Acts of the Russian state. Archives of Moscow monasteries and cathedrals of the 15th – early 17th centuries. answer ed. V.D. Nazarov. M.: Janus-K, 1998. 734 p.
4. Acts of feudal land tenure and farming. Part 2. Comp. A.A. Zimin, rep. ed. L.V. Cherepnin. M.: Publishing house. Academy of Sciences of the USSR, 1956. 663 p.
5. Acts of feudal land tenure and farming. Part 3. Comp. L.V. Cherepnin. M.: Publishing house. Academy of Sciences of the USSR, 1961. 443 p.
6. Acts of feudal land tenure and economy. Acts of the Moscow Simonov Monastery (1506-1633). Comp. L.I. Ivina. L.: Nauka, 1983. 352 p.
7. Alshits D.N. Cross-kissing records of Vladimir Staritsky and the unfinished will of Ivan the Terrible. History of the USSR, M., 1959. No. 4. P. 147 – 155.
8. Arakcheev V.A. Ivan IV and Vladimir Staritsky: political struggle or competition in piety? Bulletin of VolSU. Episode 4. History. Religious Studies. International relationships. 2022. Т. 27. No. 3. P. 129 – 142.
9. Borisov N.S. Trinity campaigns of Ivan the Terrible. Trinity-Sergius Lavra in the history, culture and spiritual life of Russia. Sergiev Posad, 2010. pp. 24 – 35.
10. Vitebsk antiquity. comp. and ed. A.P. Sapunov. Т. 4. Vitebsk, 1885. 768 p.
11. Zimin A.A. Oprichnina of Ivan the Terrible. M.: Mysl, 1964. 535 p.
12. Zimin A.A. Formation of the boyar aristocracy in Russia in the second half of the 15th – first third of the 16th century. M.: Nauka, 1988. 350 p.
13. Ivanov P.I. A collection of paleographic photographs from the handwriting of ancient and modern writing from different periods of time, published for students of the Land Survey Department. M., 1844. 142 p.
14. Mashtafarov A.V. Staritsky monasteries in documents of the 16th century. Russian Diplomat. Vol. 4. M.: Archaeographic Center, 1998. P. 129 – 151.
15. Novikov N.I. Ancient Russian vivliofika. Ed. 2. Part 13. M., 1790. 459 p.
16. Panova T.D. Composition of the families of Staritsky Prince Vladimir Andreevich. Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "History. Philology. Culturology. Oriental Studies". 2018. No. 4 (37). P. 98 – 108.
17. Pensko V.V. The Battle of Sudbischi on July 3-4, 1555 – an episode of the Russian-Crimean confrontation. Scientific bulletins of BelSU. Ser. Story. Political science. Economy. Computer science. 2009. No. 7 (62). Vol. 10. P. 87 – 95.
18. Pensko V.V., Penskaya T.M. "The Great Game" in Eastern Europe: the Tula expedition of Devlet-Girey I in the summer of 1552 and the beginning of the "War of the Two Kings". Golden Horde Review. 2019. Т. 7. No. 3. P. 524 – 544.
19. Polosin I.I. Socio-political history of Russia in the 16th – early 17th centuries. M.: Publishing house. Academy of Sciences of the USSR, 1963. 384 p.

20. Message from Johann Taube and Elert Kruse. Russian Historical Journal. Book 8: trans. M. G. Roginsky. Pg., 1922. P. 8 – 59.
21. PSRL. T. 3. Novgorod Chronicles (so-called Novgorod Second and Novgorod Third Chronicles). Vol. 2. St. Petersburg, 1879. 628 p.
22. PSRL. T. 4. V. Novgorod and Pskov Chronicles. St. Petersburg, 1848. 360 p.
23. PSRL. T. 8. VII. Continuation of the chronicle according to the Resurrection list. St. Petersburg, 1859. P. 301.
24. PSRL. T. 13. 1st half. VIII. A chronicle collection called the Patriarchal or Nikon Chronicle. St. Petersburg, 1904. 302 p.
25. PSRL. T. 13. 2nd half. I. Additions to the Nikon Chronicle. II. The so-called Royal Book. St. Petersburg, 1906. P. 303 – 532.
26. PSRL. T. 20. 2nd half. Lviv Chronicle. Part 2. St. Petersburg, 1914. P. 420 – 686.
27. PSRL. T. 29. Chronicler of the beginning of the kingdom of the Tsar and Grand Duke Ivan Vasilyevich. Alexander Nevsky Chronicle. Lebedev Chronicle. M.: Nauka, 1965. 390 p.
28. PSRL. T. 31. Chroniclers of the last quarter of the 17th century. M.: Nauka, 1968. 263 p.
29. PSRL. T. 34. Postnikovskiy, Piskarevskiy, Moscow and Belsky chroniclers. M.: Nauka, 1978. 304 p.
30. Rabinovich Ya.N. The city of Voronoch as part of a single Russian state (first half – mid-16th century). Pskov. Scientific-practical, historical and local history journal. No. 53. Pskov: Pskov State University, 2020. P. 15 – 20.
31. Rank book 1475-1598. Prep. text, centuries article and ed. IN AND. Buganov, rep. ed. M.N. Tikhomirov. M.: Nauka, 1966. 614 p.
32. Rank book 1475-1605. T. I. Part 2. Comp. N. G. Savich. M.: Institute of History of the USSR Academy of Sciences, 1977. P. 189-406.
33. Rykov Yu.D. Descendants of Prince Vladimir Andreevich Staritsky and the fate of his daughter Maria (monastically Martha), Queen of Livonia. Russian Genealogy: Scientific Almanac. M.: Staraya Basmannaya, 2020. P. 7 – 45.
34. Sadikov P.A. Essays on the history of the oprichnina. M., L.: Publishing house. Academy of Sciences of the USSR, 1950. 594 p.
35. Collection of the Imperial Russian Historical Society. St. Petersburg, 1892. T. 71. 807 p.
36. Sizov E.S. Once again about the three “unknown” tombs of the Archangel Cathedral. State Museums of the Moscow Kremlin: Materials and Research. T. 1. M.: Art, 1973. P. 86 – 94.
37. Skrynnikov R.G. Reign of Terror. St. Petersburg: Nauka, 1992. 576 p.
38. Smirnov I.I. Letter of complaint from Prince Vladimir Andreevich Staritsky. Historical archive. T. II. M., L.: Publishing house. Academy of Sciences of the USSR, 1939. P. 51 – 59.
39. Smirnov I.I. Essays on the political history of the Russian state of the 30-50s of the 16th century. M., L.: Publishing house. Academy of Sciences of the USSR, 1958. P. 516.
40. Collection of state charters and agreements stored in the State Collegium of Foreign Affairs. Part 1. M., 1813. 643 p.
41. Schlichting A. New news about the time of Ivan the Terrible: trans. A.I. Maleina. L.: Ed. Academy of Sciences of the USSR, 1934. 63 p.
42. Staden G. About Ivan the Terrible’s Moscow: notes of a German oprichnik: trans. and entry Art. I.I. Stripeon. M., 1925. 182 p.
43. Shumakov S.A. Review of the “Certificate of the Board of Economy”. Vol. 4. M., 1917. 688 p.

Информация об авторе

Бородовский А.И., Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, aleksanderborodovski@yandex.ru, +79818116497

© Бородовский А.И., 2024

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2024, Том 7, № 1 / 2024, Vol. 7, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(47).083

Внутренняя политика по реабилитации воинов на казенных курортах (1914 г.) в истории России

¹ Краснокутский В.С.,

¹ Филиал Ставропольского государственного педагогического института в г. Железноводске

Аннотация: в статье раскрывается государственная внутренняя политика Российской империи по реабилитации воинов в период Первой мировой войны с использованием казенных курортов. Впервые исследуется роль курирующего ими министерства торговли и промышленности и основные аспекты, затронутые на междоветовом Совещании под председательством министра в Пятигорске (с 29 ноября по 8 декабря 1914 г.) в решении первоочередных задач военного времени на примере одного из крупных курортов – Кавказских Минеральных Вод. Данное Совещание имело функции организационно-административного органа, носило мобилизационный характер, влияло на оперативный ход переустройства подведомственных министерству курортов в интересах обороны страны. Исследование подготавливает к восприятию последующего за ним периода – развертывания Всероссийской госпитальной базы на базе государственных курортов.

Впервые определяются внутренние резервы по принятию экстренных мер в расширении возможностей приема, лечения и улучшения условий содержания больных и раненых воинов, направляемых с фронта, к сезону 1915 г. Анализируется трансформация деятельности здравницы с сезонного цикла работы на круглогодичный; увеличения емкости курорта – за счет возведения легких барачных корпусов с отоплением; введения двух грязелечебниц; двухсменной работы. Исследование восполняет слабо изученный аспект в истории России периода Первой мировой войны о роли центральных органов управления в организации реабилитационной базы для больных и раненых воинов на казенных курортах. Обосновывается, что без организационной роли ведающего казенными курортами министерства вопросы расширения возможностей доставки, приема, реабилитации и обслуживания в целом вряд ли можно было решить.

Результаты анализа организации курортного дела центральными органами власти послужил опытом в других условиях периода Великой Отечественной войны и иных военных конфликтах. Имеет непреходящее значение в современности.

Ключевые слова: совещание, правительство, центральные органы, ведомство, управление, казенные курорты, министерство торговли и промышленности

Для цитирования: Краснокутский В.С. Внутренняя политика по реабилитации воинов на казенных курортах (1914 г.) в истории России // Исторический бюллетень. 2024. Том 7. № 1. С. 78 – 87.

Поступила в редакцию: 13 сентября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 14 ноября 2023 г.; Принята к публикации: 15 января 2024 г.

Internal policy on the rehabilitation of soldiers at state-owned resorts (1914) in the history of Russia

¹ Krasnokutsky V.S.,

¹ Branch of the Stavropol State Pedagogical Institute in Zheleznovodsk

Abstract: the article reveals the state internal policy of the Russian Empire on the rehabilitation of soldiers during the First World War using state-owned resorts. For the first time, the role of the Ministry of Trade and Industry in charge of them and the main aspects touched upon at the interdepartmental Meeting chaired by the Minister in Pyatigorsk (from November 29 to December 8, 1914) in solving wartime priorities is investigated on the example of one of the major resorts – Caucasian Mineral Waters. This Meeting had the functions of an organizational and administrative body, was of a mobilization nature, influenced the operational course of the reorganization of resorts subordinate to the Ministry in the interests of the country's defense. The study prepares for the perception of the period following it – the deployment of the All-Russian hospital base on the basis of state resorts.

For the first time, internal reserves are determined to take emergency measures to expand the possibilities of receiving, treating and improving the conditions of sick and wounded soldiers sent from the front by the 1915 season. The transformation of the health resort's activity from a seasonal cycle of work to a year-round one is analyzed; the increase in the capacity of the resort is due to the construction of light barracks with heating; the introduction of two mud baths; two-shift work. The study makes up for a poorly studied aspect in the history of Russia during the First World War about the role of central government bodies in organizing a rehabilitation base for sick and wounded soldiers at state-owned resorts. It is proved that without the organizational role of the ministry in charge of state-owned resorts, the issues of expanding the possibilities of delivery, reception, rehabilitation and service in general could hardly be solved.

The results of the analysis of the organization of the resort business by the central authorities served as an experience in other conditions during the Great Patriotic War and other military conflicts. It has an enduring significance in modern times.

Keywords: meeting, government, central bodies, department, management, state resorts, Ministry of Trade and Industry

For citation: Krasnokutsky V.S. *Internal policy on the rehabilitation of soldiers at state-owned resorts (1914) in the history of Russia. Historical Bulletin. 2024. 7 (1). P. 78 – 87.*

The article was submitted: September 13, 2023; Approved after reviewing: November 14, 2023; Accepted for publication: January 15, 2024.

Введение

Исследование посвящено роли центральных органов управления, в форме особых совещаний по организации реабилитации защитников Отечества в лечебных местностях, на казенных курортах в один из сложнейших периодов истории России в годы войн.

С 70-х годов XIX в. в аппарате правительства Российской империи для решения вопросов государственной важности сложилась практика организации межведомственных совещаний, часто имевших чрезвычайные полномочия в управлении делами страны. С началом Первой мировой войны создавались они для оперативного решения различных вопросов государственной важности по инициативе отдельных министерств при личной поддержке императора Николая II и их созыв был характерен для большинства ведомств. Постановления их свидетельствуют о направляющей роли

властных структур страны в мобилизации всех ресурсов на борьбу с врагом. Совещания первого тревожного года участия Российской империи в Первой мировой войне 1914-1918 гг., несмотря почти на 110-летие со дня их проведения, до сих пор не все введены в научный оборот. Вместе с тем, решения этих совещаний, носивших функцию организационно-административных органов, часто носили мобилизационный характер, влияли на оперативный ход переустройства подведомственных министерствам отраслей в интересах обороны страны.

Теме развертывания госпитальной базы в условиях казенных курортов в период Первой мировой войны касался целый ряд исследователей О.И. Серегина [5], Б.Т. Ованесов, Н.Д. Судавцов [9], коллектив авторов под редакцией Ю.А. Шевченко и О.П. Щепкина [8], Краснокутская Л.И., Михайленко В.И. [6], Шевченко Г.А. [19], Костин А.Н.,

Горшколепов С.А., Поляков С.А. [3], Копылова Е.Э., Краснокутская Л.И. [2], Краснокутский В.С. [4] и др.

Казенные курорты – это курорты, находившиеся в ведении правительственных органов, финансируемые из государственной казны [7, 2]. На период Первой мировой войны в ведении Министерства торговли и промышленности находились: Кавказские, Старорусские, Кеммернские, Сергиевские, Липецкие, Бусские. Они служили в основном для реабилитации гражданского населения, где находились также и Дома для офицерского состава и небольшие госпитали для нижних чинов и офицеров. Большую часть, из лечившихся, составляло офицерство [2].

В исследованиях периода Первой мировой войны авторы раскрывается в основном сам процесс размещения и обслуживания на курортах больных и увечных воинов, делаются попытки обобщить его в статистических данных, указывается на вклад в эти процессы в большей степени руководителей регионального и местного управлений, начальников тыла фронтов, военных округов. Очевидно, что сложность административного механизма, функционировавшего в казенных лечебных местностях в этот период, требуют более пристального изучения. Однако на роль Центральные органы власти, междуведомственных Совещаний под председательством Министра торговли и промышленности во второй половине 1914 г. в организации по подготовке казенных курортов к масштабному приему больных и раненых с фронта не останавливается ни один из авторов.

Рассмотрение в целом этой проблемы в плане роли государственных органов в решении первоочередных задач военного времени по реабилитации и восстановлению личного состава вооруженных сил страны в условиях курортов остается слабо изученным. Он не нашел отражение в трудах исследователей до настоящего времени, не освещается ни в школьном курсе, ни в вузовских учебниках истории. В связи с этим утрачивается историческая память о самоотверженной работе организаторов курортного дела на государственных курортах в борьбе за жизнь защитников Отечества, больных и увечных воинов армии Российской империи. Требуется своей конкретизации, полного раскрытия в этом вопросе вклад в этот процесс ведающего Министерства торговли и промышленности.

В результате централизованного управления была разработана и осуществлена целая программа, по которой сформированы и действовали в условиях лечебных мест сотни лазаретов для лечения воинов. Обеспечена целенаправленная эва-

куация в них железнодорожным транспортом. Получила широкое развитие бальнеологическая служба с новыми и дополнительными средствами лечения. Административно-управленческая роль правительственных органов, прежде всего, министерства торговли и промышленности, в отношении казенных здравниц недостаточно освещена в плане развертывания на их территории широкой сети военно-медицинских учреждений не только государственными органами власти в лице министерств и ведомств, но и во взаимодействии с местными органами власти, частными лицами и общественными организациями.

Особая роль в этом вопросе принадлежала междуведомственным совещаниям министерства промышленности и торговли и Совещанию по вопросу о благоустройстве курортов, состоящих в его ведении в конце ноября – начале декабря 1914 года в Пятигорске для изучения готовности казенных курортов для нужд воюющей армии [7]. Материалы правительственного Совещания убеждают нас в ошибочности бытующего мнения отдельных исследователей о том, что в России до 1917 г. не было центрального органа, который бы координировал деятельность и влиял на развитие казенных лечебных местностей.

Исследование этой темы представляет интерес еще и потому, что накопленный опыт организации государственных лечебных местностей в первый год Первой мировой войны для восстановления здоровья больных и раненых воинов был применен и обогащен в других условиях, в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. и представляет практическую значимость в поддержке и реабилитации воюющей армии в военных конфликтах современности.

Первые месяцы участия Российской империи в Первой мировой войне крайне обострили вопрос об отечественных лечебных местностях (курортах). Ощущалась настоятельная необходимость в принятии чрезвычайных мер для их приспособления к ожидаемому «усиленному наплыву» особого контингента посетителей – больных и раненых с фронта.

В планах на военный период в военно-санитарной системе реабилитации воинов роль лечебным местностям отводилась второстепенная наряду с медицинскими учреждениями военного ведомства. Вместе с тем, в военном ведомстве был накоплен опыт их использования. Он был наиболее результативным в летний период. На Юге страны, начиная с XIX в. в лечебных местностях организовывалось лечение на базе специально выстроенных зданий военных госпиталей и лазарет-

тов, а также в палаточных лагерях в основном для нижних чинов.

Использовать такую возможность стало необходимым с началом Первой мировой войны в тылу военных округов. В этот период тыл стал значительной госпитально-реабилитационной базой русской армии. По данным Ставки Главнокомандующего, до 1 сентября 1917 г. в них было эвакуировано 1425 тысяч больных и 2845 тыс. раненых солдат и офицеров [13, с. 20]. Какова доля в целом из этих данных, пришлось на реабилитацию в условиях казенных курортов, требует дополнительного уточнения.

Особое место в управлении курортным делом страны в период Первой мировой войны лежало на Министерстве торговли и промышленности, в ведомстве которого и находились государственные лечебные местности (курорты). Министр торговли и промышленности С.И.Тимашов лично много сделал для развития горно-санитарного дела, был убежден, что грамотная эксплуатация природных отечественных богатств, принесет реальную пользу защитникам Отечества [4, с. 2].

В свою очередь другое ведомство – Министерство внутренних дел Н.А. Маклаков, обеспокоенное положением дел с восстановлением здоровья больных и увечных воинов, направляемых с фронта, с целью поиска резервов для их реабилитации в лечебных местностях принимает решение провести съезд. 25 октября 1914 г. МВД публикует в печати «Программу Всероссийского съезда по улучшению Отечественных лечебных местностей 5-11 января 1915г. в Петрограде»[18]. Владельцы всех форм собственности лечебных местностей стали готовиться к обсуждению и принятию мер организационного и финансового характера – приспособлению целебных местностей для реабилитации воинов.

Несомненно, это решение повлияло на повышение активности в руководстве казенными курортами, в плане организации двух совещаний в ноябре-декабре 1914 г. Петрограде и Пятигорске. Потребовалось определить срочные меры, но крайне необходимые, для подготовки к сезону 1915 г. и ближайшую перспективу для создания необходимых условий для реабилитации участников войны с действующего фронта.

Рассмотрим ход обсуждения и некоторые принятые решения на основе материалов «Краткого протокола Заседаний Совещания по вопросу о благоустройстве курортов, состоящих в ведении Министерства торговли и промышленности. Заседания 29 ноября, 1, 4 и 8 декабря 1914года» (1914). Этот документ, раскрывающий, управленческую роль правительственных органов в подготовке ка-

зенных курортов к масштабному приему больных и раненых с фронта.

Форуму в Пятигорске предшествовало Совещание руководителей казенных курортов в Петрограде в 20 числах ноября 1914 г. Оно было проведено по рекомендации Совета министров [7]. Горный департамент Министерства торговли и промышленности созвал руководителей курорта с целью обсудить мероприятия в каждой из лечебных местностей, которые необходимо осуществить немедленно, до наступления сезона 1915 г. К 300-летию Дома Романовых каждым из курортов были разработаны подробные планы развития на ближайшее десятилетие. Теперь же они подверглись пересмотру на первую пятилетнюю перспективу.

В конце ноября Министерство торговли и промышленности инициировало 10-дневное правительственное совещание, междуведомственное, непосредственно на месте, на одном из курортов. Это Совещание, по мнению его участников, должно было решить первоочередные вопросы курортного дела в связи с нуждами военного времени.

Оценка состояния государственных курортов по уровню готовности их к более масштабному обслуживанию больных и раненых воинов с фронта стала критерием для привлечения к участию в этой важной оборонной работе местных органов управления, частных лиц и общественных деятелей, владевших лечебными местностями, но не имеющих статуса казенных.

Если учесть, что основное назначение курортов – быть местом отдыха для гражданского населения, то станет ясным, какая работа должна была быть проделана, чтобы перевести их на рельсы военного времени в массовом обеспечении нужд военнослужащих. Статистика первых месяцев войны о больных и раненых воинах на полях сражений подтверждала, что это нужно было сделать незамедлительно. Сеть государственной военно-медицинской службы не в состоянии была удовлетворить эти потребности без дополнительной помощи тыла, а именно, организации стационарного лечения на базе курортов. Встал вопрос о готовности казенных курортов страны к приему военнослужащих с фронта и механизмах перевода их на нужды войны с целью формирования необходимой лечебной базы.

В среднем посещаемость названных казенных курортов в год с 1909 по 1913 гг., по подсчетам А.Д. Стопневича, составляла 53 191 человек [17, с. 22-23]. На Кавказских Минеральных Водах посещаемость курорта составляла 33,5тыс. человек. По отчету директора КМВ за 1914 г., число лечившихся, было – 41 192 [10, с. 2]. Это и стало определяющим фактором, на наш взгляд, для выбора

места для проведения правительственного совещания в Пятигорске, в центре известного курортного района.

В связи с тем, что в правительстве еще только готовилось открытие Министерства здравоохранения, то руководство этой отраслью согласно Врачебному Уставу с конца XVIII в. возложено на Медицинский департамент Военной коллегии, а по правопреимственности – Министерства внутренних дел. Закон «О санитарной и горной охране лечебных местностей» (принят в апреле 1914 г.) прописал ведомственную подчиненность лечебных местностей: по медицинской части – за Медицинским департаментом МВД, а по горнотехнической и эксплуатационной частям – за Горным департаментом Министерства торговли и промышленности [14].

Это дало возможность создать единую систему управления казенными курортами, разработать нормативно-правовую основу сохранения недр земли в лечебных местностях, ввести единую шкалу финансирования с учетом специфики каждого из курортов, осуществлять административный и финансовый контроль.

Во второй части Закона, в «Положении о санитарной и горной охране лечебных местностей» были определены основные нормы права, касающиеся установления, соблюдения режима округов горной охраны и санитарной охраны курортов. Предполагалось ужесточение наказания за нарушение установленных правил [18]. Эти меры были направлены на разрешение одной задачи – обеспечение бесперебойной работы казенных курортов.

Коллегиальное собрание министерств и ведомств по приспособлению казенных курортов для нужд военного времени было вызвано тем, что заканчивалось первое полугодие Первой мировой войны. Травматизм на фронте превзошел все ожидания. Впервые за всю историю страны возникла потребность широкого использования отечественных лечебных местностей. А решать, связанные с этим проблемы необходимо было на правительственном уровне.

Другое «Положение об установлении границ округа санитарной охраны и об их изменениях» регламентировало порядок решения этих вопросов в отношении каждого из курортов. Все вопросы на рассмотрение вышестоящих органов вносились Министерством внутренних дел после заключения Медицинского совета и по согласованию с Министром торговли и промышленности. Принятие экстренных мер переустройства курортов в связи с потребностями военного времени требовало контроля, четкого выполнения прописанных норм

эксплуатации лечебных местностей [14]. Поэтому для работы Совещания важным было присутствие председателя Медицинского совета МВД, академиком медицины Г.Е. Рейна, чиновник особых поручений, доктор медицины – Н.Г. Фрайенберг, а также председателя и членов комиссии при МВД «Об упорядочении русских лечебных местностей» – Н.Н. Сименовский – председатель и члены: И.С. Иорданов П.С., Кукуракен, статс-секретарь, член Госсовета – А.С.Ермолов, от Совета Министров – О.П. Черкашин.

Солидным было представительство от Горного департамента во главе с руководителем – директором В.И.Арендаренко. Несомненно, ценным и значимым стало участие в работе представителей министерства Земледелия и государственных имуществ: министра С.И.Тумашев и его заместителя Д.П. Коновалов. Участвовали в работе представители от Главного военно-санитарного управления военного ведомства (ГВСУ) – И.И. Майеншевич и от наместника Кавказского – представитель 1 отделения канцелярии – К.И. Курагин.

Непосредственное участие в работе принимали участие и первые лица курортов, директора или заведующие казенными курортами минеральных вод: Кавказских – С.В. Теличев, Липецких – В.С. Борисовский, Кеммернских – А.А. Лезирский, Сергиевских – А.А. Фальк, Старорусских – С.Н. Пареный. Руководитель Бусских минеральных вод отсутствовал, т.к. на территории Варшавского округа уже шли военные действия.

Представление уже самого состава участников свидетельствует об уровне Совещания, содержания и мерах, которые предполагались для решения в сложной обстановке.

На Совещании в Пятигорске с учетом принятого Закона «О горной и горно-санитарной охране лечебных местностей» рассматривали существующее положение вещей на каждом из курортов и возможности их переустройства из-за предстоящих событий – приема особого контингента посетителей – больных и раненых воинов с фронтов войны: дополнительного строительства объектов, благоустройство территорий, где первоочередными оставался учет вопросов горной и санитарной охраны. Обсуждались следующие вопросы: снабжение бюветов и бальнеологических учреждений достаточным количеством пресной и минеральной воды, расширение бальнеологических учреждений, увеличение дебита минеральной воды источников и другие. Ведомство местного хозяйства Министерства торговли и промышленности, отвечавшее в целом за состояние казенных курортов, обязано было решать вопросы оздоровления курортов путем устройства водоснабжения и канали-

зации; размещения приезжих больных; их питания; предоставления им необходимых условий совместно с управлениями курортов во взаимодействии с местными органами власти. Отдельно рассматривался вопрос участия Министерства путей сообщения – «удобств сообщений с курортами», т.е. железнодорожное сообщение: обсуждены беспересадочные пути сообщения вблизи от эвакуационных и распределительных пунктов, питание по пути следования.

Финансирование работ всецело инициировало Министерство торговли и промышленности, а определялось совместно с Министерством финансов [11, с. 2-3]. В целом на повестке дня Совещания было 9 вопросов. Такой круг вопросов был выработан предварительно, исходя из запросов от администраций казенных курортов [7, с. 2].

Активное участие работе приняли отдельные представители медицинской и геологической наук, специалисты в области курортного дела (по приглашению организаторов); общественных организаций: РОКК, Русского общества охранения народного здоровья, Всероссийского общества для развития и усовершенствования русских лечебных местностей, Русского Бальнеологического Общества в Пятигорске.

В первую очередь остановились на обсуждении положения на Кавказских водах как наиболее крупном из казенных курортов. Раскроем лишь три вопроса из всех: обеспечение всех четырех его групп (Пятигорск, Кисловодск, Ессентуки, Железноводск) достаточным количеством минеральной воды, увеличение пропускной способности бальнеоучреждений для водолечения и грязелечения, что было одной из первых задач правительства в его заботах военного времени на отечественных курортах; перевод курортов на круглогодичный цикл работы.

В связи с этим стоял остро вопрос горной и санитарной охраны, который находился под контролем Министерства внутренних дел. Однако решать его должен был Горный департамент Министерства торговли и промышленности.

Второй, также являлся главным, основным, – о необходимых мерах развития КМВ для нужд военного периода: рассмотрение состояния капитальных бальнеологических сооружений и их оборудование с целью расширения числа лечащихся уже к сезону 1915 г.

Совещание отметило, что осуществляемая Горным ведомством Министерства торговли и промышленности общая программа переустройства КМВ, утвержденная в период подготовки к 300-летию Дома Романовых (1912 г.) предполагала оснастить курорты дополнительными капиталь-

ными бальнеологическими сооружениями постепенно в течение десяти лет [7]. Однако по указанию Совета министров Министерству торговли и промышленности планирование работ скорректировано на ближайшее пятилетие. Введение в строй новых объектов планировалось в зависимости от наличия свободных специальных средств. Изменение сроков требовало разрешение на предоставление ссуд со стороны правительства. Поэтому весомым в оценке этого вопроса было мнение участвовавших в Совещании представителей Министерства финансов и Государственного контроля.

Горное ведомство доложило Совещанию, что число минеральных и грязевых ванн по сравнению с отпуском в 1914 г. может быть увеличено. Вместе с тем, Совещание детально рассмотрело положение на каждой группе по увеличению количества ванн казенных курортов.

К началу его работы в Пятигорске были закончены работы, намеченные в 1913 г. на 1914 год: возведены за счёт капитала курорта КМВ ванны здания на западной подгруппе в Железноводске (Минеральные ванны) и на Провале (Теличевские ванны) в Пятигорске.

Расширение емкости курорта в плане бальнеолечения – второй из первостепенных вопросов повестки в работе Совещания. Для оперативного решения проблемы по расширению возможностей бальнеолечения в количественном отношении требовалось наряду с изменением графика работы (2-смены) и устройство временных помещений: пристроек барачного типа, где можно было установить дополнительное оборудование и отопление [7, с. 13].

Изучив резервы, предполагалось, что общее увеличение числа ежедневно отпускаемых минеральных ванн на всех группах должно быть достигнуто цифры – 3227, при этом пределы этого увеличения были различны. Так, например, в Кисловодске возможное увеличение числа отпускаемых нарзанных ванн можно было увеличить лишь на 100 ванн в день. Более значительное увеличение невозможно вследствие недостатка минеральной воды. Совещание остановилось на возможности увеличения числа нарзанных ванн в Кисловодске. Резерв определен – закрыть один из двух бассейнов в Нарзанной галерее. Таким способом представлялась возможным удовлетворить потребность в нарзанных ваннах.

Ещё одним шагом в достаточном обеспечении минеральной воды – была здесь экономия воды. В Кисловодске, например, Совещание обратило внимание на то, что, например, у имеющихся нарзанных бюветов не установлены краны, из-за чего

расход Нарзанной воды «непроизводительно» увеличивался. Поэтому необходимо было оснастить нарзанные бюветы соответствующим оборудованием [7, с. 14, 15].

В Железноводске суточный дебит источников стал настолько велик, что при увеличении количества рабочих часов ежедневный отпуск ванн возможно было довести с 1066 до 2500 ванн при условии каптажа нового источника 16 (открыт в 1914 г.).

Для сравнения, рассмотрим емкость Пятигорского курорта без учета новой грязелечебницы. Во всех 7 ваннных зданиях количество предполагаемого увеличения ежедневно отпускаемых ванн было возможным довести до 244 против отпускаемых ежедневно 200. Таков результат, мог быт, достигнут лишь путём изменения графика рабочего времени до 1.5 смен [7, с. 14].

Увеличение емкости курорта представлялось значительным с запуском двух грязелечебниц в Пятигорске и в Ессентуках. Так, соответственно на первой курортной группе возможен отпуск 3600 минеральных ванн 800 грязевых [7, 13]. Кроме того, поиск дополнительных резервов еще на одну тысячу процедур возможен только путем пристройке к ней 20 дополнительных лечебных отапливаемых барakov [7, с. 15].

Встал вопрос о дополнительном ресурсе минеральной воды для грязелечебницы Романовской в Пятигорске. Впервые для этого необходимо было пойти на риск: провести коммуникационные сети минеральной воды с Ново-Сабанеевских ванн к грязелечебнице – расстояние 3,5 км и не потеряется ли в связи с этим качество воды? Предлагалась, как временная мера грязевые ванны отпускать с использованием пресной воды, что дало бы возможность решить проблему таких ванн в Ессентуках в Николаевских (на 227 посещений) и Ермоловских лечебницах в Пятигорске, которые одновременно использовались для грязелечения и в самих грязелечебницах [7, с. 13]. Однако Горное ведомство раскрыло не состоятельность такого решения, ибо вода реки Подкумок никаких целебных свойств не имеет. Курорт жил ожиданием открытия двух новых грязелечебниц в этих городах.

В целом Совещание приняло решение, что при введении их в строй удовлетворение потребностей в оздоровлении может быть повышено на Кавказских Минеральных Водах в день до 10 тыс. 600 человек [7, с. 14].

В связи с этим, Совещание рекомендовало, чтобы Горное ведомство приняло все зависящие от него меры к введению грязелечебниц к назначенному сроку.

В Кисловодске и в Железноводске специальных зданий для грязелечения не было построено. Общей Программой Горного ведомства по развитию КМВ не предусматривалось сооружение грязелечебницы в Кисловодске. Однако Совещание, учитывая интересы больных, рекомендовало оборудовать для этой цели отдельные кабины в Нарзанном ванном здании. Обсуждён также вопрос об ассигновании средств на строительство здания грязелечебницы в Железноводске. Совещание вынесло решение об ускорении внесения Горным ведомством представления заявки на финансирование по этому вопросу [7, 14].

Такое решение было связано со стратегией Министерства торговли и промышленности комплексного развития каждого из четырех курортов. Поэтому отмечается стремление министерства добиваться, чтобы каждая группа курорта «удовлетворяла запросам посетителей на бальнеолечение и располагала теми лечебными средствами, на которые был спрос» [7].

Другая очень важная проблема, поднятая на совещании – переход казенных курортов на круглогодичный цикл работы. Небольшой опыт на Кавказских Минеральных Водах в этом вопросе уже был накоплен в Кисловодске и Пятигорске [11, 12]. Большинство же лечебных учреждений Железноводска и Ессентуков были рассчитаны на работу только в тёплое время года. Гостиницы, частные дачи, доходные дома не являлись собственностью КМВ. Вопрос устройства в них отопления всецело зависел от принятия мер их собственниками.

В связи с создавшимися условиями военного времени не планировалось возведение капитальных ваннных сооружений и дополнительных зданий для лазаретов. Ведомство учитывало, что средняя температура лета на КМВ составляла 25-30 градусов по Цельсию а зимняя – 5-7, что вполне могло обеспечить дополнительное лечение и места для проживания организовать путем строительства только лёгких сооружений – барakov. Второй причиной выбора именно таких построек стало сокращение времени на их возведение и небольшая стоимость планируемых объектов по сравнению с капитальными сооружениями. Война внесла свои коррективы: лечить нужно было круглогодично. В связи с этим, в срочном порядке нужно было решать и вопросы возведения для больных и увечных воинов барakov с отоплением.

Итак, решение первоочередных вопросов по введению казенных курортов в число организаций, имеющих непосредственное отношение к решению военно-медицинских задач русской армии в тыловой части страны, повлияло на формирование

дополнительной лечебной базы для русского воинства и позволило внести значительный вклад в реабилитацию больных и раненых воинов, спасение их жизней и восстановление для дальнейшей службы. Исследовав внутреннюю политику Российской империи в период Первой мировой войны: проблемы реабилитации воинства в истории России (правительственное совещание, декабрь, 1914 г.), приходим к выводам, что Совещание под председательством министра С.И. Тимашова «По вопросу о благоустройстве курортов, состоящих в ведении Министерства торговли и промышленности» с участием других заинтересованных представителей министерств и ведомств, медицинской общественности, созданное по вопросу благоустройства казенных курортов в связи с нуждами военного времени (конец ноября – начало декабря 1914 г.) смогло выявить наиболее важные вопросы и принять по ним конкретные решения, повлияв на целый ряд положений, принятых затем Всероссийским съездом по улучшению Отечественных лечебных местностей, проведенный в Петрограде 5-11 января 1915 г.[5]:

- показана роль правительства в подготовке лечебных местностей для нужд реабилитации военных с фронта;

- впервые казенные курорты рассматриваются в едином комплексе как взаимосвязанные структурные компоненты;

- был поставлен вопрос о состоянии курортного дела и намечена программа по трансформации его для реабилитации участников войны;

- выявлены возможности бальнеологического обслуживания больных и раненых воинов за счет увеличения пропускной способности курортов и использование лечебных ресурсов исключительно на научной основе;

- впервые на примере одного из казенных курортных регионов – Кавказских Минеральных Вод проанализирован процесс готовности к приему и реабилитации эвакуированных с фронта;

- раскрыта правительственная стратегия комплексного развития четырех курортных групп КМВ в плане предоставления возможности на каждой из них равных и полноценных услуг, включая дополнительные ресурсы для проживания, в течение круглого года;

- выявлены возможности бальнеологического обслуживания больных и раненых воинов за счет увеличения пропускной способности курорта и использование лечебных ресурсов исключительно на научной основе;

- в решении проблем бальнеолечения по сравнению с мирным временем показана административно-организационная роль с целью доведения числа отпускаемых ванн с 3227 до 10 тысяч 600 в сутки;

- сконцентрировано внимание на рациональное отношение к расходованию имеющихся минеральных ресурсов и их экономии.

Список источников

1. Кавказские курорты. 20 декабря 1914. С. 3.
2. Копылова Е.Э., Краснокутская Л.И. Становление и развитие военно-медицинской службы на Кавказских Минеральных Водах (2003-2007 гг.). Ессентуки: ООО «Издательский Дом», 2007. 222 с.
3. Костин А.Н., Горшколепов С.А., Поляков С.А. Исторические аспекты развития военной курортологии: монография. М.: «Ньютон», 2007. 111 с.
4. Краснокутский В.С. Курорты Кубани, Терека, Ставрополя в годы Первой мировой войны (на примере КМВ): монография. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. 164 с.
5. Краснокутский В.С. Проекты Всероссийского съезда по улучшению отечественных лечебных мест в формировании условий по реабилитации воинов на курортах Терской области (1915г.). Клио, 2022. № 10 (190). С. 120 – 125.
6. Краснокутская Л.И., Михайленко В.И. Управление Кавказскими Минеральными Водами: страницы Российской истории 1802-2003. Пятигорск: Вестник Кавказа, 2003. 160 с.
7. Краткий протокол Заседаний Совещания по вопросу о благоустройстве курортов, состоящих в ведении Министерства торговли и промышленности. Заседания 29 ноября, 1, 4, и 8 декабря 1914 года. Пятигорск: Типография Дзахова, 1914. 36с.
8. Курорты Кавказских Минеральных Вод – национальное достояние: становление и развитие (1803-2003) / под ред. академиков РАМН Ю.А. Шевченко и О.П. Щепкина. М.: Б/Н, 2003. С. 184 – 193.
9. Ованесов Б.Т., Судавцов Н.Д. Здравоохранение Ставрополя в конце XVIII – начале XIX в. Ставрополь: ГУП «Ставропольская краевая типография», 2002. С. 125 – 169.
10. Отчет директора Кавказских Минеральных Вод за 1914 год. Пятигорск: Типо-литография В. Дзахова и И.Кмита, 1916. 149 с.

11. Отчет о зимнем лечебном сезоне в Кисловодске 1911-1912года: Сборник документов. Кисловодск в исторических документах 1803-1917гг. Ставрополь: Издательство «Институт развития образования», 1997. 191 с.
12. Пятигорск в исторических документах. 1803-1917 гг. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1986. 350 с.
13. Россия в мировой войне 1914-1918 годов (в цифрах). М.: Издание ЦСУ, 1925. 105 с.
14. Самарина Т.В. Краткий правовой анализ закона о санитарной и горной охране лечебных местностей от 24 апреля 1914 года // Юридическая наука: Проблемы и перспективы развития (региональный аспект): сборник статей по итогам II Международной научно-практической конференции. Великий Новгород, 8-9 октября, 2009 г.: в 3-х т. Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2011, Т. 2.
15. Серегина О.И. Курортная жизнь Северного Кавказа в конце XVIII – начале XX вв. в экономическом, политическом и правовом аспекте. Кисловодск: Тьютор, 2002. 188 с.
16. Синиченко В.В. Особое совещание как институт чрезвычайного управления Российской империи в годы Первой мировой войны // Сибирский юридический вестник. 2021. № 4 (95)
17. Стопневич А.Д. Богатство России. Минеральные воды. Петроград: Издательство Российской Академии наук, 1920. 180 с.
18. Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате... 1914, отдел 1, 1-е полугодие. 24 апреля. Ст. 1212. Пг. Тип. Правительствующего Сената, 1915.
19. Труды состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Съезда по улучшению отечественных лечебных местностей» (7-11 января 1915г.) в Петрограде. Петроград: Типография путей сообщения, 1915. Т. 1-4. 300 с.
20. Шевченко Г.А. Благословенный край – Пятигорье. История управления Кавказских Минеральных Вод. Ч.1.: Северо-Кавказское издательство «МИЛ», 2005. 424 с.

References

1. Caucasian resorts. December 20, 1914. P. 3.
2. Kopylova E.E., Krasnokutskaya L.I. Formation and development of the military medical service in the Caucasian Mineral Waters (2003-2007). Essentuki: Publishing House LLC, 2007. 222 p.
3. Kostin A.N., Gorshkolepov S.A., Polyakov S.A. Historical aspects of the development of military spa medicine: monograph. M.: "Newton", 2007. 111 p.
4. Krasnokutsky V.S. Resorts of Kuban, Terek, Stavropol during the First World War (on the example of the CMS): monograph. Stavropol: Design Studio B, 2017. 164 p.
5. Krasnokutsky V.S. Projects of the All-Russian Congress to improve domestic medical places in the formation of conditions for the rehabilitation of soldiers at the resorts of the Terek region (1915). Clio, 2022. No. 10 (190). P. 120 – 125.
6. Krasnokutskaya L.I., Mikhailenko V.I. Management of Caucasian Mineral Waters: pages of Russian history 1802-2003. Pyatigorsk: Vestnik Kavkaza, 2003. 160 p.
7. Brief minutes of the Meetings of the Meeting on the issue of improvement of resorts administered by the Ministry of Trade and Industry. Meetings on November 29, December 1, 4, and 8, 1914. Pyatigorsk: Dzakhov Printing House, 1914. 36 p.
8. Resorts of the Caucasian Mineral Waters - a national treasure: formation and development (1803-2003). ed. Academicians of the Russian Academy of Medical Sciences Yu.A. Shevchenko and O.P. Shchepkina. M.:B/N, 2003. P. 184 – 193.
9. Ovanesov B.T., Sudavtsov N.D. Health care of Stavropol at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries. Stavropol: State Unitary Enterprise “Stavropol Regional Printing House”, 2002. P. 125 – 169.
10. Report of the director of Caucasian Mineral Waters for 1914. Pyatigorsk: Typo-lithography by V. Deakhov and I. Kmit, 1916. 149 p.
11. Report on the winter treatment season in Kislovodsk 1911-1912: Collection of documents. Kislovodsk in historical documents 1803-1917. Stavropol: Publishing house "Institute for Educational Development", 1997. 191 p.
12. Pyatigorsk in historical documents. 1803-1917 Stavropol: Stavropol Book Publishing House, 1986. 350 p.
13. Russia in the World War of 1914-1918 (in numbers). M.: Publishing house TsSU, 1925. 105 p.

14. Samarina T.V. Brief legal analysis of the law on sanitary and mountain protection of medical places of April 24, 1914. Legal science: Problems and development prospects (regional aspect): collection of articles based on the results of the II International Scientific and Practical Conference. Veliky Novgorod, October 8-9, 2009: in 3 volumes. Veliky Novgorod: NovGU Publishing House. Yaroslav the Wise, 2011, T. 2.

15. Seregina O.I. Resort life in the North Caucasus at the end of the 18th – beginning of the 20th centuries. in economic, political and legal aspects. Kislovodsk: Tutor, 2002. 188 p.

16. Sinichenko V.V. Special meeting as an institution of emergency management of the Russian Empire during the First World War. Siberian Legal Bulletin. 2021. No. 4 (95)

17. Stopnevich A.D. The wealth of Russia. Mineral water. Petrograd: Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 1920. 180 p.

18. Collection of laws and orders of the Government, published under the Government Senate... 1914, section 1, 1st half of the year. April 24. Art. 1212. Pg. Type. Governing Senate, 1915.

19. Proceedings of the Congress on the Improvement of Domestic Medical Areas under the Highest Patronage of His Imperial Majesty” (January 7-11, 1915) in Petrograd. Petrograd: Printing house of railways, 1915. T. 1-4. 300 p.

20. Shevchenko G.A. The blessed land is Pyatigorye. History of the management of Caucasian Mineral Waters. Part I: North Caucasian publishing house "MIL", 2005. 424 p.

Информация об авторе

Краснокутский В.С., кандидат исторических наук, доцент, Филиал Ставропольского государственного педагогического института в г. Железноводске, kurasnokutsky.v@mail.ru, 8962 005 83 61

© Краснокутский В.С., 2024

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2024, Том 7, № 1 / 2024, Vol. 7, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94(519)

Дипломатическая миссия Мин Ёнхвана в Европу в 1897 г.: успехи и неудачи

¹ Мусинова И.А.,
¹ Уральский гуманитарный институт,
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Аннотация: в настоящей статье предпринята попытка рассмотреть ключевые результаты дипломатической миссии корейского высокопоставленного чиновника Мин Ёнхвана в Великобританию (март-июнь 1897 г.), проанализировать ее успехи и неудачи. Дипломат был направлен за границу в важный для корейской истории период, когда решался вопрос о независимости государства в контексте борьбы великих держав за гегемонию в Восточной Азии. В 1897 г. на Корейском полуострове было создано новое государство – Корейская империя (1897-1910 гг.), произошел отказ от следования принципу «садэчжуй» (служения старшему) в отношении Китая. Во время визита в Великобританию в 1897 г. перед ним стояла непростая задача в условиях нарастающего японского давления продемонстрировать внешнеполитическую самостоятельность нового корейского государства, найти союзников в деле сохранения независимости страны и противодействия японской экспансии на Корейском полуострове, а также получить экономическую и военную помощь.

Ключевые слова: Корейская империя, Мин Ёнхван (Мин Ёнь Хван), посольство в Великобританию

Для цитирования: Мусинова И.А. Дипломатическая миссия Мин Ёнхвана в Европу в 1897 г.: успехи и неудачи // Исторический бюллетень. 2024. Том 7. № 1. С. 88 – 95.

Поступила в редакцию: 13 сентября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 10 ноября 2023 г.; Принята к публикации: 15 января 2024 г.

Min Yeonghwan's diplomatic mission to Europe in 1897: successes and failures

¹ Musinova I.A.,
¹ Ural Humanitarian Institute,
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

Abstract: the aim of the article is examining the key results of the diplomatic mission of the Korean high-ranking official Min Yeonghwan to the British Empire in 1897, its successes and failures. The diplomat was sent abroad during an important period of Korean history. In 1897 the Korean Empire (1897-1910) was created on the Korean peninsula, Korean king refused to follow the principle of “sadae” in relation to China. During his visit to Great Britain in 1897, Min Yeonghwan faced a difficult task to demonstrate the foreign policy independence of the new Korean state under increasing Japanese pressure, to find powerful ally in preserving the independence of the country and countering Japanese expansion on the Korean peninsula, as well as to receive economic and military assistance.

Keywords: Korean Empire, Min Yeong-hwan, Embassy to the British Empire

For citation: Musinova I.A. Min Yeonghwan's diplomatic mission to Europe in 1897: successes and failures. Historical Bulletin. 2024. 7 (1). P. 88 – 95.

The article was submitted: September 13, 2023; Approved after reviewing: November 10, 2023; Accepted for publication: January 15, 2024.

12 октября 1897 г. было провозглашено создание Великой корейской империи (кор. 대한제국, ханм. 大韓帝國). Ван Коджон принял титул императора, что формально подчеркивало отказ от следования принципу «служения сильному» в отношении Китая, проигравшего японо-китайскую войну, а также политический курс на сохранение независимости страны. Отказавшись от прежнего названия «Чосон», данного китайцами, корейская правящая элита стремилась укрепить свой внешнеполитический статус и добиться формального равенства с империями Цин, Японской и Российской империей, европейскими державами. Были начаты реформы *кванму* («светлая воинственность»), название они получили в соответствии с новым девизом правления [7, с. 132].

Важным шагом на пути установления равного с европейскими державами статуса стала отправка нескольких ключевых корейских посланников в Российскую империю в 1896 г. и в Великобританию в 1897 г. Наиболее известным среди них был племянник королевы Мин Мин Ёнхван (кор. 민영환, ханм. 閔泳煥), который возглавил обе дипломатические миссии.

Кандидатура Мин Ёнхвана (1861-1905 гг.) была выбрана для этой цели не случайно, так как он был представителем могущественного аристократического клана Мин из Ёхына, видным корейским политиком и дипломатом, генералом, сторонником консервативной прокитайской политики. При этом он официально не принадлежал ни к одной из придворных группировок, а также ни к одной политической партии, которые появились в Корее в то время. Таким образом, он устраивал и сторонников реформ, и консервативную политическую элиту. Мин Ёнхван занимал целый ряд ключевых должностей при корейском дворе: военный министр (1888, 1890, 1896-1897 гг.), министр юстиции и губернатор Сеула (1893 г.), министр внутренних дел (1904 г.), министр образования (1904 г.). 3 апреля 1896 г. Мин Ёнхван был назначен специальным посланником в Россию для участия в коронации царя Николая II, а 11 января 1897 г. он был направлен в Европу в качестве полномочного представителя Корейской империи на 60-летний юбилей правления королевы Виктории (Бриллиантовый юбилей королевы Виктории). Назначение для выполнения таких ответственных заданий стало поворотной точкой в его политической карьере, а также серьезно повлияло на его мировоззрение и мировоззрение

других представителей корейской консервативной политической элиты [4, с. 145-146].

В первую свою поездку в Российскую империю Мин Ёнхван отправился на коронацию российского императора Николая II в апреле 1896 г. и находился за границей в течение шести месяцев. Его путь в Российскую империю проходил через Китай, Японию, Канаду, США, Англию, Ирландию, Нидерланды, Германию и Польшу. Цель визита состояла в том, чтобы заручиться поддержкой Российской империи в сохранении независимости страны, противодействии японской экспансии на Корейском полуострове, получении экономической и военной помощи, получение новых технологий для развития корейской экономики. Подробно об этом визите корейской делегации говорится в работах американского исследователя М. Финча [4] и российской исследовательницы Б.Б. Пак [2, 3], Д.Е. Гришиной [1], а также южнокорейского исследователя Ким Ёнсу [10].

В январе 1897 г. Мин Ёнхван был направлен в Европу на Бриллиантовый юбилей британской королевы Виктории. В рамках второго визита Мин Ёнхван стал полномочным послом Корейской империи на юбилей и дипломатическим представителем Кореи в шести европейских государствах. Путь корейских дипломатов в Лондон проходил через Шанхай, Порт-Саид, Одессу, Санкт-Петербург, Берлин и Амстердам. Цель делегации заключалась в том, чтобы заручиться поддержкой Британии, Германии и Франции в сохранении независимости страны, противодействовать японской экспансии на Корейском полуострове, а также получить экономическую и военную помощь [13].

Подробная информация об этих дипломатических миссиях и характеризующих их исторических источниках представлена в исследованиях М. Финча [4, 5]. Он также подготовил политическую биографию Мин Ёнхвана [4]. Записи о первой поездке содержатся в официальной хронике путешествия «Хэчхон чубом» (кор. 해천추범, «Небеса и моря. Записи об осеннем путешествии») [11], подготовленной под руководством Мин Ёнхвана официальным секретарем дипломатической миссии Юн Чихо. Помимо официальных записей, он также оставил свой личный дневник путешествия «Юн Чихо ильги» (кор. 윤치호 일기) [14].

Записи о втором путешествии в Европу в 1897 г. представлены в четвертой части путевых дневников «Мин чунчжонгон юго» (кор.

민충정공유고, «Рукописное наследство князя Мин»), получившей название «Сагу сокчо» (кор. 사구석초, «Дополнительные сведения, касающиеся посольства в Европу») [13]. Записи представляют собой ежедневный отчет о поездке из Чемульпо в страны Западной Европы через Шанхай, Порт-Саид и Одессу. Из Одессы Мин Ёнхван отправился по железной дороге в Санкт-Петербург, а затем в Лондон, по пути посетив также Германию и Голландию. Вполне вероятно, что эти ежедневные записи помогали вести секретарь посольства Ли Ки или другие члены делегации, но они были отредактированы Мин Ёнхваном и начинаются с его личного предисловия. В своем предисловии корейский посланник объясняет причины ведения ежедневных записей следующим образом: «В течение последних нескольких лет я путешествовал по многим странам по повелению правителя. Эта книга – отчет об этих путешествиях, хотя и не очень красноречивый. Увы, с древних времен обязанности посланников были тесно связаны с трудностями взаимоотношений между народами... Мои речи и планы были продиктованы ожиданием мира и надеждой на то, что, выполняя свои обязанности, я смогу принести пользу стране. Однако описать и записать все многообразие гор, рек и географических особенностей чужого климата, а также людей, вещей и мест было непросто» [4, с. 150].

Политическое руководство государства Чосон пыталось направить дипломатическую миссию в Европу еще в августе 1887 г., но все подобные попытки были сорваны вмешательством китайского генерал-резидента в Сеуле Юань Шикая. Три корейских высокопоставленных чиновника Сим Санхак, Чо Синхи и Пак Чжесун по очереди были назначены на пост полномочного посланника в пяти европейских государствах – Великобритании, Франции, Германии, Российской империи и Италии. Сим Санхак в скором времени подал в отставку из-за проблем со здоровьем, Чо Синхи сумел добраться до Гонконга, но был вынужден отказаться от выполнения служебных обязанностей под давлением Китая. После возвращения в Чосон в феврале 1890 г. он был отстранен от службы и направлен в ссылку за то, что не смог уехать в Европу, и был заменен Пак Чжесуном, которому Юань Шикай также запретил покидать Сеул [4, с. 153-154].

Таким образом, назначение Мин Ёнхвана чрезвычайным полномочным посланником в январе 1897 г. стало осуществлением давнего желания политической элиты корейского государства самостоятельно представлять свои

интересы в крупнейших европейских странах. Миссия 1896 г. была организована при активной поддержке российской стороны, по инициативе К. Вебера. Миссия 1897 г. для участия в церемонии, посвященной Бриллиантовому юбилею королевы Виктории, реализовывалась в условиях значительного противодействия со стороны генерального консула Великобритании в Корее Д. Джордана [2].

Решимость корейского правителя Коджона направить Мин Ёнхвана для участия в юбилее королевы Виктории укрепилась после публикации Меморандума Вебера-Комуры и протокола Ямагаты-Лобанова между 24 февраля 1897 г. Эти документы, заключенные тайно между Российской империей и Японией в 1896 г., были опубликованы по инициативе японской стороны. Похожие дипломатические маневры Япония проводила в отношении Цинского Китая в 1880-е гг. с целью подорвать доверие корейцев к предполагаемому сопернику. Публикация документов японской стороной способствовала подрыву доверия к Российской империи со стороны корейской политической элиты и поиску других партнеров среди крупных европейских держав [6, с. 147-148].

Участниками дипломатической миссии 1897 г. стали Мин Ёнхван, Ли Ки, Мин Санхо, Ким Чохён, Ким Пёнок и Сон Пёнгюн [12, 13]. Мин Санхо получил образование в США, владел английским языком, а впоследствии занимал пост корейского министра сельского хозяйства и промышленности; Ким Чохён получил образование во французском учебном заведении и владел французским языком; Ким Пёнок был переводчиком с русского на корейский язык, впоследствии преподавал корейский язык на восточном факультете Санкт-Петербургского императорского университета.

Важно отметить, что Мин Ёнхван учел опыт предыдущей дипломатической миссии, во время визита в Российскую империю на церемонию коронации Николая II, когда по причине соблюдения национальных традиций (невозможности для корейского аристократа публично снимать традиционный головной убор) он не смог присутствовать непосредственно на церемонии в православном храме. Перед своей поездкой в Европу Мин Ёнхван сменил корейский костюм на военный мундир, сшитый в европейском стиле, а также обрезал волосы, нарушив корейскую неоконфуцианскую традицию.

Пробыв несколько недель в Санкт-Петербурге, 1 июня 1897 г. Мин Ёнхван направил депешу в МИД России, в которой сообщил о своем

намерении покинуть Санкт-Петербург на три или четыре месяца для участия в торжествах по случаю юбилея британской королевы в Лондоне, а затем продолжить путешествие по Европе, чтобы вручить верительные грамоты в Германии, Франции, Италии и Австрии [4, с. 153-154].

Путешествие в Германию прошло без происшествий. В Берлине, поскольку оставалось время до пересадки на следующий поезд, Мин Ёнхван отправился в зоопарк, где был впечатлен тем, как были благоустроены вольеры с животными. Особое внимание он обратил на жирафа [13, Т. 4, с. 214]. Скорее всего, это произошло из-за сходства животного с мифическим существом «цилин» (кирин), о котором нередко говорили представители стран Восточной Азии.

В 11 часов вечера Мин Ёнхван и его спутники сели в поезд, по дороге слушали рассказы сопровождавшего их германского дипломата об истории и культуре Германии. Рассказ о реформе системы призыва на военную службу, как и рассказ о системе образования в Германской империи, произвели на Мин Ёнхвана особенно сильное впечатление. Мин Ёнхван отмечал в своих записях, что после назначения Бисмарка на пост канцлера «в населении поощрялся воинственный дух», так как даже потомки аристократов в возрасте от пятнадцати до двадцати пяти лет служили в армии около трёх лет, а «в случае необходимости в течение трех дней можно было собрать от трех до пяти миллионов солдат со всей страны». С другой стороны, Мин Ёнхван писал о немцах, что их обычаи экстравагантны, а многие люди «выглядят бедно» [13, с. 141]. Прежде чем отправиться в Великобританию, представители корейской делегации также совершили короткую экскурсию по достопримечательностям Голландии. Мин Ёнхван отметил успехи голландцев в торговле. В 10 часов вечера они отплыли в Великобританию и прибыли туда уже на следующий день.

В Лондоне представители корейской делегации остановились в отеле «Сесиль», расположенном недалеко от набережной Виктории и всего в нескольких минутах ходьбы от Трафальгарской площади [13, с. 168-169]. Следующие несколько дней были туманными и дождливыми, Мин Ёнхван и сопровождающие его корейцы не выходили из гостиницы. Из-за плохой погоды записи первых дней пребывания в столице Британской империи включают в себя впечатления от проживания в гостинице, краткий обзор британской истории и беседу с гостями о современных методах обороны береговой линии.

Мин Ёнхван был очень впечатлен гостиничным лифтом, отделением банка, телеграфным отделением, наличием телефонов в гостинице и открытием от того, что «по всему Лондону проложены телефонные линии, которые соединяют несколько миллионов домов». Наличие роскошного обеденного зала, курительной комнаты и читального зала с электрическим освещением заставило его написать, что войти в такое место – это «все равно что войти во дворец Цветочной жемчужины» [13, с. 174-175].

8 июня 1897 г. Мин Ёнхван направил две депеши в Министерство иностранных дел Британской империи, приложив к первой копии своих верительных грамот, а ко второй – личное письмо корейского правителя Коджона на китайском и английском языках. В первой депеше сообщалось, что Мин прибыл в столицу и попросил аудиенции у королевы Виктории, чтобы вручить свои верительные грамоты; второй попросил аудиенции, чтобы вручить личное письмо. Мин Ёнхван, возможно, надеялся таким образом получить две аудиенции у британской королевы, как он это сделал в Российской империи годом ранее. В полдень представитель Министерства иностранных дел сообщил, что министр иностранных дел лорд Роберт Г. Солсбери отсутствует в Лондоне, и что он вернется через несколько дней. Часть дневниковой записи от 8 июня посвящена краткой истории Соединенного королевства [13, с. 176-177].

Несколько дней спустя МИД Британской империи пригласил Мин Ёнхвана и его сопровождающих переехать из гостиницы «Сесиль» в дом в Кенсингтоне, где они размещались за счет британской стороны, а также выделил позолоченный экипаж для перемещений по городу. Также Министерство иностранных дел выделило в качестве помощника корейской стороне военного чиновника майора Альфреда Эдварда Джона Кавендиша (англ. Alfred Edward J. Cavendish, корейская сторона называла его «Кабинниси»). Майор Кавендиш был военным атташе китайской армии в 1894 г. и британского легиона в Пекине в 1895 г. В 1891 г., когда он служил в Гонконге, Кавендиш посетил Корею и написал книгу «Корея и священная белая гора» (англ. «Korea and the Sacred White Mountain»). Позже в тот же день Мин Ёнхван нанес свой первый визит британскому министру иностранных дел лорду Солсбери [14].

На следующий день, 20 июня 1897 г., Мин Ёнхван был занят посещением других иностранных представительств в Лондоне, и поскольку ожидалось, что он поедет верхом на

юбилейной процессии по Лондону, он воспользовался возможностью попрактиковаться на близлежащей площадке для верховой езды в Гайд-парке. В тот день Мин Ёнхвана также посетил лорд Солсбери, но в своем дневнике он не упомянул о том, что они обсуждали [9].

21 июня майор Кавендиш сопровождал Мин Ёнхвана и его спутников в Букингемский дворец на их первую аудиенцию у британской королевы. Во дворце проходил банкет для пятидесяти посланников, которые в тот день получали личные аудиенции. После окончания банкета Мин Ёнхвана проводили в зал для аудиенций. Поскольку сопровождающим лицам не разрешалось входить вместе с послами, Мин Ёнхван был без своего младшего брата, который выступал в качестве переводчика на аудиенции у Николая II, и вручал документы самостоятельно: «Я вошел в личные покои императрицы, держа в руках верительную грамоту и личное письмо. Она уже стояла в ожидании. Я увидел, что у императрицы было круглое лицо и округлый подбородок, она была энергичной, хоть и были видны признаки старения. Я выступил вперед и вручил верительную грамоту и личное письмо, императрица приняла их. Императрица спросила, в безопасности ли находится Его Величество государь нашей страны. Я ответил утвердительно и затем удалился» [13, с. 179]. В тот вечер Мин и его спутники вернулись во дворец на ужин со всеми остальными послами и британской королевской семьей. Посланники ждали перед залом для аудиенций, прежде чем снова предстать перед императрицей, которая их поприветствовала, наклонив голову [14, Т. 5, с. 80-81].

Следующий день, 22 июня, был днем празднования Бриллиантового юбилея. Мин и его спутники оделись в соответствии с протоколом и отправились в Букингемский дворец в сопровождении майора Кавендиша. После салюта из двадцати пушек процессия покинула дворец. Карета королевы Виктории, окруженная со всех сторон кавалерией, ехала впереди, в то время как Мин Ёнхван следовал за ней в процессии рядом с другими посланниками. the National Film and Television Archive, British Film Institute, London. Sagu sokch'o, p. 180. За юбилейными церемониями в Вестминстерском аббатстве последовала еще одна процессия по усыпанным цветами улицам Лондона. Мин Ёнхван, зная о трагедии на Ходынском поле, был особенно впечатлен организованностью толпы в Лондоне: «Сегодня было не менее миллиона зрителей. Все они заняли

свои места, не было ни малейшего беспорядка». [13, с. 180].

Как и в Санкт-Петербурге в 1896 г., у Мин Ёнхвана и членов корейской делегации было достаточно времени для осмотра достопримечательностей без необходимости вести переговоры. Вместе с майором Кавендишем представители Корейской империи осмотрели достопримечательности Лондона, включая Тауэрский мост и Британскую библиотеку. Они также посетили большую оранжерею в парке, а затем Британский музей естественной истории, который в записях получил название «музей десяти тысяч стран» («мангук панмульвон»). В музее на всеобщее обозрение были выставлены обувь, шляпы и бамбуковые трубки из Кореи, а также «сухожилия, кости и внутренности людей, погруженные в особую минеральную воду» [13, с. 182-183].

Следующие несколько дней Мин Ёнхван посещал банкеты, устраиваемые принцем Уэльским. 26 июня Мин присутствовал на военном смотре в Спитхедде, где он поднялся на борт парохода вместе с другими иностранными послами и проплыл среди огромной флотилии военных кораблей [14, Т. 5, с. 92].

27 июня 1897 г. Мин Ёнхван стал свидетелем приема, оказанного королеве многочисленной толпой по пути из Букингемского дворца в Виндзор, в тот вечер он снова мельком увидел королеву, прогуливаясь по Кенсингтонскому саду. Он восторженно писал, что целью мероприятий было «дать государыне и ее народу возможность праздновать вместе» [13, с. 181]. А 29 июня он был свидетелем возвращения королевы из Виндзора и снова отметил, возможно, для корейского правителя Коджона, который позднее должен был прочитать записи, что «по западному обычаю, когда монарх выходит из дома, нет разницы между ним и обычными гражданами» [13, с. 185; 14, Т. 5, с. 77].

Следующие несколько дней были дождливыми и туманными, и члены делегации, похоже, никуда не выходили. Вместо этого дневниковые записи посвящены различным статистическим данным о Британии и Лондоне, а также очень лестному описанию британцев: «Они высокого телосложения и крупные, у них белый цвет лица. Их волосы, борода и зрачки либо черные, либо коричневые. Их ум точен, и они работают с твердой выдержкой. У них храбрый, воинственный дух, и они лучшие из всех европейских наций». Sagu sokch'o, p. 189 Далее были перечислены некоторые характерные черты британского общества – например, равное

распределение наследства между мужчинами и женщинами; запрет на вторых жен; обычай снимать шляпу и пожимать друг другу руки в знак приветствия; отсутствие поклона при встрече с монархом; тот факт, что аристократы и простолюдины сидели за одними столами на банкетах; и обычай произносить тосты в честь королевы перед началом банкета [14. Т. 5, с. 77; 12].

Торжества подошли к концу 5 июля. В этот день Мин наградил серебряными медалями весь обслуживающий персонал, выделенный для их группы. На этих медалях были выгравированы слова «Великий Чосон: Второй год блестящей инаугурации». Следующие дни были посвящены осмотру достопримечательностей, посетили Хрустальный дворец, бал, данный мэром Лондона, Виндзорский замок, Национальную галерею, фабрику по производству торпед и пулеметов, а также заключительный бал для иностранных посланников в честь королевы Виктории.

После торжественных мероприятий, посвящённых юбилею правления британской королевы, Мин Ёнхван неожиданно отказался от запланированного посещения других европейских государств и начал готовиться к отъезду на родину. Перед отъездом он был награжден памятной золотой медалью, а представители делегации - серебряными медалями. 17 июля Мин Ёнхван и его спутники покинули Лондон, на этом моменте путевые записи «Сагу сокчо» внезапно обрываются, сведений о путешествии обратно нет [14, Т. 4, с. 214]. Вместо того, чтобы отправиться в Корею, Мин Ёнхван по собственной инициативе принял решение отправиться в США.

Как известно, корейский правитель Коджон был разочарован, узнав о заключении секретных соглашений между Российской империей и Японией. Секретные протоколы были опубликованы по инициативе япо и в мае 1897 г. обратился одновременно к Франции и Германии. Францию, в частности, он просил прислать береговую охрану и военный сторожевой корабль в Чемульпо. Вполне вероятно, что Мин Ёнхвану было поручено вступить в переговоры с этими двумя странами, пока он находился в Европе. Внезапный отъезд корейского посланника из Европы явно противоречил пожеланиям корейского правителя. Королевский указ о его увольнении содержал следующую информацию: «Нам сообщили, что чрезвычайный посланник и полномочный представитель Корейской империи в Великобритании, Германской империи, Российской империи, Италии, Греции и Австрии Мин Ёнхван возвращается домой до завершения

своей миссии без соответствующего приказа. Мы расцениваем его действия как крайнюю наглость. Настоящим указом мы освобождаем его от должности» [6, Т.2, с. 652; 10, с. 117].

Неожиданный отказ Мин Ёнхвана от своих официальных обязанностей в Европе также был прокомментирован в корейской газете «The Independent» («Тоннип синмун»): «Мы, как и многие другие, озадачены внезапным отъездом посланника Мин Ёнхвана. Должна быть какая-то скрытая причина, которая заставила его совершить это действие, поскольку ни один здравомыслящий человек не стал бы умышленно ставить себя в такое положение. Очевидно, что его поступок вызвал недовольство Его Величества и кабинета министров, так что теперь он находится в очень незавидном положении» [8].

М. Финч в своей книге приводит версию о том, что Мин Ёнхван был отозван не из-за какой-либо неудачи в Британской империи, а потому, что отказался ехать во Францию и в Германскую империю для проведения секретных переговоров. Он не вернулся в Корею раньше срока, а оставался в добровольном изгнании в США более года [4, с. 151]. Скорее всего, корейская правящая элита стремилась узнать точку зрения правительства Великобритании и, возможно, других европейских держав относительно возможности заключения соглашения о нейтрализации Кореи или ее защиты от японской интервенции силами одной из европейских держав, как на это рассчитывал корейский монарх. Крайне маловероятно, что Мин Ёнхван смог затронуть этот вопрос на одной из своих двух кратких встреч с министром иностранных дел Великобритании лордом Солсбери и, тем более, с британской королевой. Нет никаких записей о том, что обсуждалось на этих встречах, по, всей вероятности, не произошло ничего более значительного, чем обмен любезностями [4, с. 151-152].

Таким образом, по целому ряду причин вторая корейская дипломатическая миссия в Европу оказалась unsuccessful. Мин Ёнхван отказался посещать Германию и Францию и выполнять поручение корейского монарха Коджона, ограничившись лишь посещением Лондона и отказавшись от визита в Германию и Великобританию. Не дожидаясь официальных указаний, он отправился в «добровольное изгнание» в США сроком на 1 год, пока не был лично помилован корейским правителем. Через несколько лет Мин Ёнхван вернулся в Корею и начал целый ряд реформ в военной сфере и в области образования.

Очевидным стал провал корейской дипломатической линии, направленной на нейтрализацию страны по образцу Швейцарии, а также на поиск союзников в Европе, отражение с их помощью агрессивных действий Японии на Корейском полуострове. Тем не менее, визит в Европу представителя корейской аристократии и сбор информации об экономических успехах европейских стран помог изменить представление наиболее консервативных корейских политических кругов о реформах и необходимости проводить экономическую модернизацию, хотя

эти реформы начали проводиться слишком поздно и не могли своевременно дать необходимый результат. Определенный опыт взаимодействия с европейскими державами получила и корейская дипломатия, были подготовлены квалифицированные специалисты, созданы соответствующие дипломатические службы, способные самостоятельно представлять корейское государство на международной политической арене. Этот опыт был использован вплоть до аннексии Кореи Японией, а также после освобождения Кореи от японской оккупации.

Список источников

1. Гришина Д.Е. Мин Ёнь Хван: восприятие внешней политики корейской империи на личном опыте дипломатических миссий в Россию (1896 г.) и Англию (1897 г.) // «Новая волна» корееведения в Дальневосточном федеральном университете: сборник научных трудов. С. 117 – 124.
2. Пак Б.Б. Корейская миссия Мин Ёнхвана в Россию (1896 г.) // 100 лет петербургскому корееведению. Материалы междунар. конф. Спб., 1997.
3. Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. 1888-1897. М: Институт востоковедения РАН, 2004. 271 с.
4. Finch M. Min Yŏnghwan (1861~1905): Statesman, diplomat, and patriot. A Political Biography. Seoul, 2005.
5. Finch M. (translator), Min Yŏnghwan, The Selected Writings of a Late Chosŏn Diplomat (Berkeley, CA: Institute of East Asian Studies, 2008).
6. Lensen G.A. Balance of intrigue. international rivalry in Korea & Manchuria, 1884-1899. 1975. Vol. 2.
7. Lew Young-Ik. Korea: Modern History. Seoul, 2013.
8. The Independent, 24 October 1897.
9. The Independent, 17 August 1897.
10. 김영수. 100 년전의 세계 일주. 대한제국의 공민영환의 비밀외교. 서울: EBS Books, 2022. [Ким Ёнсу. «Секретная дипломатия», решившая судьбу Корейской империи 100 лет назад. История первых корейских дипломатических миссий в Европу. Сеул, 2022.
11. 민영환. 해천추범: 1896 년 민영환의 세계일주. [Мин Ёнхван. Хэчхон чубом (Небеса и моря. Записи об осеннем путешествии): дневниковые записи кругосветного путешествия Мин Ёнхвана]. URL: <https://www.krpia.co.kr/product/main?plctId=PLCT00005197> (дата обращения: 01.09.2023)
12. 민영환. 민충정공유고 (閔泳煥, 閔忠正公遺稿). 서울, 1958 Мин Ёнхван. «Рукописное наследство князя Мин». Сеул, 1958.
13. 민영환. 사구속초 Мин Ёнхван. Дополнительные сведения, касающиеся посольства в Европу.
- 14.尹致昊. 윤치호일기 1~11, 윤치호서한집. 서울, 1973~1989. Юн Чжихо. [Юн Чжихо ильги (Ежедневные записи Юн Чжихо). Сеул, Т. 1-11. 1973-1989.

References

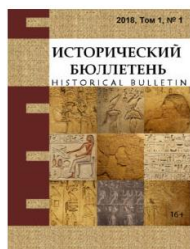
1. Grishina D.E. Min Yong Hwan: perception of the foreign policy of the Korean Empire based on personal experience of diplomatic missions to Russia (1896) and England (1897). “New Wave” of Korean Studies at the Far Eastern Federal University: collection of scientific works. P. 117 – 124.
2. Pak B.B. Korean mission of Min Yonghwan to Russia (1896). 100 years of St. Petersburg Korean studies. Materials of the international conf. St. Petersburg, 1997.
3. Pak B.B. Russian diplomacy and Korea. 1888-1897. M: Institute of Oriental Studies RAS, 2004. 271 p.
4. Finch M. Min Yŏnghwan (1861~1905): Statesman, diplomat, and patriot. A Political Biography. Seoul, 2005.
5. Finch M. (translator), Min Yŏnghwan, The Selected Writings of a Late Chosen Diplomat (Berkeley, CA: Institute of East Asian Studies, 2008).
6. Lensen G.A. Balance of intrigue. international rivalry in Korea & Manchuria, 1884-1899. 1975. Vol. 2.
7. Lew Young-Ik. Korea: Modern History. Seoul, 2013.
8. The Independent, 24 October 1897.

9. The Independent, 17 August 1897.
10. 김영수. 100 년전의세계일주. 대한제국의 공민영환의 비밀외교. 서울: EBS Books, 2022. [Kim Yong-soo. "Secret diplomacy" that decided the fate of the Korean Empire 100 years ago. The history of the first Korean diplomatic missions to Europe. Seoul, 2022.
11. 민영환. 해천추범: 1896 년 민영환의 세계일주. [Min Younghwan. Haecheon chubum (Heaven and Sea. Records of an Autumn Journey): diary entries from Min Yonghwan's trip around the world]. URL: <https://www.krpia.co.kr/product/main?plctId=PLCT00005197> (access date: 09/01/2023)
12. 민영환. 민충정공유고 (閔泳煥, 閔忠正公遺稿). 서울, 1958 Min Yonghwan. "The handwritten legacy of Prince Ming." Seoul, 1958.
13. 민영환. 사구속초 Min Yonghwan. Additional information regarding the embassy to Europe.
- 14.尹致昊. 윤치호일기 1~11, 윤치호서한집. 서울, 1973~1989. Yoon Jiho. [Yoon Zhiho ilgi (Yoon Zhiho's Daily Entries). Seoul, T. 1-11. 1973-1989.

Информация об авторе

Муסיнова И.А., старший преподаватель, Уральский гуманитарный институт (УГИ), Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, irina.musinova@gmail.com, +79126376494

© Муסיнова И.А., 2024

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2024, Том 7, № 1 / 2024, Vol. 7, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1.Отечественная история (исторические науки)
УДК 726.8 (571.12)

Старые некрополи: постановка проблемы (на примере юга Дальнего Востока России)

¹ Токмаков В.С.,

¹ Амурская государственная медицинская академия

Аннотация: в статье рассматриваются перспективы исследования истории старинных кладбищ юга Дальнего Востока России, городских и сельских. Некрополь представляет собой многослойный исторический, культурный памятник, способный подробно раскрыть особенности и специфику того общественного уклада, при котором был создан. В нашем случае идет речь, главным образом, о погребениях второй половины XIX - начале XX вв. и о захоронениях советского периода. Погребальные комплексы, способы захоронения, стилистика памятных надгробий, территориальное размещение в пространстве города или села, именитые жители, захороненные на погостах, сохранность и процесс разрушения кладбищ составляют основные компоненты исследовательского интереса. Могильники подробно изучались археологами. Некрополи нескольких последних столетий изучаются не археологическими методами. В круг интересующих объектов включены, как полностью, так и частично утраченные кладбища, реконструкция истории которых возможна по письменным архивным источникам, иногда путем визуального осмотра. Подчеркнут междисциплинарный характер рассматриваемой проблематики, включающий культурологические, правовые, градостроительные, философские и иные аспекты. Избранная тематика имеет не только научную, но и общественную значимость, поскольку стремление сохранить утрачиваемые погосты привлекает различных специалистов и активистов общественных объединений. Намечены контуры дальнейших исследований в данной области. Некрополеведение, научная дисциплина на стыке истории, краеведения и других наук, достаточно новая для современной российской историографии в целом, в настоящий момент актуальна и перспективна в отношении изучения различных кладбищ региона, разнообразных по конфессиональному, статусному, архитектурно-планировочному составу.

Ключевые слова: некрополь, кладбище, погребальный комплекс, надгробие, захоронение, похоронный обряд, конфессиональная принадлежность, культура погребений, некрологи, дореволюционные могилы, советские захоронения, гражданские погребения, воинские погребения, мемориальные традиции, коллективная память, места памяти, места забвения, реконструкция кладбищ, Дальний Восток России

Для цитирования: Токмаков В.С. Старые некрополи: постановка проблемы (на примере юга Дальнего Востока России) // Исторический бюллетень. 2024. Том 7. № 1. С. 96 – 105.

Поступила в редакцию: 27 сентября 2023 г.; *Одобрена после рецензирования:* 29 ноября 2023 г.; *Принята к публикации:* 15 января 2024 г.

Old necropolises: problem statement (on the example of the south of the Far East of Russia)

¹ Tokmakov V.S.,
¹ Amur State Medical Academy

Abstract: the article discusses the prospects for researching the history of ancient cemeteries in the south of the Russian Far East, both urban and rural. The necropolis is a multi-layered historical and cultural monument capable of revealing in detail the features and specifics of the social order in which it was created. In our case, we are talking mainly about the burials of the second half of the 19th - early 20th centuries and about the burial places of the Soviet period. Burial complexes, burial methods, the style of memorial tombstones, territorial distribution in the space of a city or village, eminent residents buried in graveyards, the preservation and destruction of cemeteries are the main components of research interest. The cemeteries have been studied in detail by archaeologists. The necropolises of the last few centuries have been studied by non-archaeological methods. The range of objects of interest includes both completely and partially lost cemeteries, the reconstruction of the history of which is possible according to written archival sources, sometimes by visual inspection. The interdisciplinary nature of the problem under consideration, including cultural, legal, urban planning, philosophical and other aspects, is emphasized. The chosen topic has not only scientific, but also social significance, since the desire to preserve the lost graveyards attracts various specialists and activists of public associations. The contours of further research in this area are outlined. Necropolis studies, a scientific discipline at the intersection of history, local history and other sciences, quite new to modern Russian historiography as a whole, is currently relevant and promising in relation to the study of various cemeteries in the region, diverse in confessional, status, architectural and planning composition.

Keywords: necropolis, cemetery, burial complex, tombstone, burial, funeral rite, confessional affiliation, culture of burials, obituaries, pre-revolutionary graves, Soviet burials, civil burials, military burials, memorial traditions, collective memory, places of memory, places of oblivion, reconstruction of cemeteries, Far East of Russia

For citation: Tokmakov V.S. *Old necropolises: problem statement (on the example of the south of the Russian Far East)*. *Historical Bulletin*. 2024. 7 (1). P. 96 – 105.

The article was submitted: September 27, 2023; Approved after reviewing: November 29, 2023; Accepted for publication: January 15, 2024.

Некрополь представляет собой многослойный памятник, призванный сохранять и транслировать коллективную память об ушедших поколениях людей. Надгробия на кладбищах регионах часто объединяют погребальную культуру трех эпох. Дореволюционные памятники встречаются все реже, большой массив составляют советские обелиски. На некоторых могилах, за которыми ухаживают еще живые потомки, установлены современные типовые надгробия из черного и серого мрамора. Наличие как обелисков, так и крестов свидетельствует о разной степени сохранности могил, как индивидуальных, так и семейных захоронений.

В период 2019-2023 гг. мы посетили различные некрополи в городах и селах Амурской, Еврейской автономной областей, Хабаровского и Приморского краев. Визуальный осмотр позволил выявить общий архитектурно-планировочный ландшафт кладбищ, специфику погребальных комплексов, степень сохранности погостов.

Под старыми кладбищами мы понимаем, как

правило, некрополи, возраст которых, от момента основания составляет более 100 лет, включающие погребения разных культур и эпох. Среди них есть, как закрытые, так и действующие по сей день. Исследовательский интерес охватывает частично и полностью утраченные некрополи. В работе мы анализируем состояние, историко-культурную значимость не только старых кладбищ, но и тех погостов, что функционируют менее века, среди которых, как благоустроенные, так и фактически заброшенные.

Проблематика старых и новых кладбищ имеет выраженный междисциплинарный характер. Как памятники истории и культуры, некрополи являются объектом исследований соответствующих гуманитарных дисциплин. Надгробные памятники зачастую относятся к объектам культурного наследия, от местного до федерального уровня. Старинные погосты являются неотъемлемой частью архитектурно-планировочной среды городов и сел. Но часто находятся в конфликте с развивающимися пространствами населенных пунктов,

вплоть до непосредственного соседства жилой застройки и мест захоронений. Философские аспекты заключается в сущностной характеристике категорий: память, забвение, и в определении значения форм ее увековечивания в различных формах погребений.

Актуальное законодательство РФ предусматривает различные типы кладбищ: общественные, веерообразные, военные, семейные, а также стены скорби и крематории. Захоронения погибших в военных конфликтах и жертв массовых политических репрессий отнесены к категории старых военных и ранее неизвестных захоронений [16]. Правовые аспекты затрагивают проблему защиты кладбищ, в качестве мест, ликвидация которых недопустима. Места погребений, как создаваемые, так и существующие не могут быть снесены, только перенесены ввиду угрозы их сохранения вследствие стихийных бедствий, в соответствии со ст. 4 ФЗ-8 [16]. Использование территории мест погребения (ст. 16, п. 6) запрещается для строительства зданий и сооружений даже спустя 20 лет после переноса захоронения [16]. Увы, некрополи, особенно закрытые для новых погребений, часто страдают от вандализма, служат прибежищем для криминальных и других антисоциальных элементов. В отсутствии финансового и материального содержания, надлежащей охраны многие из них обречены на постепенное разрушение.

Еще одной особенностью проблематики старых некрополей является, не только научная, но и общественная, краеведческая значимость. Последние зачастую превышают роль научных исследований истории погостов. Большая заслуга в их сбережении родственников, органов власти, активистов общественных организаций, краеведов. С краеведением тесно соприкасается специализированная дисциплина – некрополеведение.

Проводящиеся на территории кладбищ субботники, посещение в «родительский» день позволяет поддерживать хотя бы минимальный порядок на их площадях. Помимо научных, научно-популярных публикаций, в открытом доступе, в сети интернет размещено множество блогерских постов, также привлекающих внимание общественности к проблеме.

Целью данной статьи является определение рамок и перспектив исследований некрополей юга Дальнего Востока, преимущественно городских, не исключая сельских кладбищ, возраст которых значительно превышает длительность существования захоронений в северных округах краев и областей ДФО. Также нам предстоит перспективное изучение некрополей Забайкальского края и

республики Бурятия, официально отнесенных к Дальнему Востоку несколько лет назад. Среди задач: обзор имеющейся историографии в федеральном масштабе, определение круга источников и методов исследований, краткая характеристика наиболее ранних некрополей регионов. Как и в других, аналогичных работах, обращают на себя внимание, прежде всего, территориальные границы погостов, способы захоронений и особенности погребальных обрядов, известные захороненные персоны, историческая судьба и современное состояние некрополей.

С начала 2000-х гг. отечественная историография истории некрополей активно развивается, перенимая богатый опыт зарубежных историков. Опубликованы, как диссертационные, так и иные научные работы, объект и предмет которых локализован в различных хронологических и территориальных рамках. Труды посвящены истории кладбищ разнообразных регионов: европейской части страны, Сибири, Дальнего Востока.

Кандидатские диссертации по истории раскрывают как непосредственно историю развития отдельных некрополей [13, 15], так и источниковедческие, историографические аспекты изучения эволюции мест погребений [18, 19]. Некрополи сибирских городов подробно охарактеризованы в статьях Е.И. Красильниковой [11, 12], культура русских погребений, в т.ч. на примере Тюмени в работах И.И. Колосовой и А.Б. Медведевой [9, 10]. Сложная, продолжительная история отдельных некрополей, например, Спасо-Яковлевского Дмитриева монастыря [3], Морского кладбища г. Владивостока [8] также получили обстоятельное отображение в научных статьях. Авторами на высоком уровне проработана методика исследований, накоплен богатый опыт изучения отдельных некрополей, обозначенные концептуальные подходы, что востребованы и в нашей работе.

Большое количество работ, что не перечислить в полном объеме, не умаляет значение поставленной проблематики, поскольку каждый труд, от небольшой статьи до диссертационного исследования ограничивается либо рамками сравнительного небольшого территориального объекта, либо узкими некрополеведческими вопросами. Дальневосточные некрополи получили наименьшее освещение в современной историографии.

Среди главных исторических источников официального характера, ценных для восстановления полной истории старых кладбищ, прежде всего, стоит отметить: метрические книги, газетные некрологи, документацию местных и региональных органов власти о строительстве и содержании некрополей, исторические карты и планы городов,

сел, реестры захоронений. Из числа неофициальных источников наиболее ценными являются фрагменты мемуаров, газетные публикации на широкую тематику кладбищ и др.

При исследовании истории некрополей применяются базовые принципы историзма и объективности, общенаучные и специально исторические методы. Кроме того, привлекаются микро исторический и культурологический походы, теория повседневности. Широкий методологический арсенал будущих исследований позволит создать наиболее емкие и содержательные работы по обозначенной проблематике.

Используя широкий арсенал письменных источников, визуальный осмотр объектов мы можем в целом реконструировать процесс зарождения, развития и упадка, как старых, так и современных кладбищ. Истории отдельных кладбищ, например, Вознесенского в Благовещенске или Морского во Владивостоке, заслуживают самостоятельных публикаций, вплоть до отдельных книг. Также актуально рассмотрение комплекса некрополей на примере конкретных городов Дальнего Востока, будь то Хабаровск, Биробиджан, Чита и др.

Обратимся к наиболее крупным, значительным кладбищам регионов юга Дальнего Востока России. Старейшим некрополем г. Благовещенска является Вознесенское кладбище, основанное в первые годы его существования, первоначально далеко за городом. Позже находилось в границах улиц: Графской (совр. – Калинина) – Офицерской (Мушина) – Северной – Вознесенской (Красноармейской). В 1888 г. вокруг погоста была сооружена деревянная ограда, на рубеже XIX – XX вв. кладбище обнесено кирпичной оградой. На территории находилась церковь во имя Страшного Суда, а также частная часовня (обе не сохранились). Рядом с погостом располагалось Центральное бюро похоронных процессий. Участки еврейских и японских захоронений находились здесь же (сохранились лишь отдельные могилы). В 1930-е гг. уничтожена южная часть кладбища [1, с. 32, 105]. На этой части кладбища упокоились, к примеру, доктор А.П. Еремич (1876-1920), один из пионеров применения внутривенного наркоза [14], П.Д. Баллод (1837-1918), золотодобытчик, меценат, поддерживавший издание местных газет [20, с. 60].

Рис. 1. Православное надгробие на Вознесенском кладбище. г. Благовещенск. Фото автора. 2019 г.
Fig. 1. Orthodox gravestone at the Voznesenskoye cemetery. Blagoveshchensk. Photo by the author. 2019.

Рис. 2. Иудейское надгробие на Вознесенском кладбище. г. Благовещенск. Фото автора. 2019 г.
Fig. 2. Jewish tombstone at the Ascension Cemetery. Blagoveshchensk. Photo by the author. 2019.

Сегодня на этой территории проходит автодорога (ул. Октябрьская), расположены 2 АЗС, до недавнего времени стояли самовольно установленные металлические гаражи. Хоронили горожан тут вплоть до середины 1960-х гг. Самое позднее, из увиденных нами, датировано 1975 г. (семейное до захоронение мужчины). Далекая городская окраина, вместе с Вознесенским кладбищем, сегодня находится едва ли не в центре деловой активности, офисные здания, хозяйственные и производственные корпуса плотно окружили старый

погост. Нынешний центральный вход на кладбище, со стороны ул. Мухина, приводит прохожего на окраину некрополя, с наиболее поздними захоронениями. Здесь, вместе с женой погребен известный краевед – Г.С. Новиков-Даурский (1881-1961). С восточного края, за пределами основного ограждения, на братской могиле медиков медсанбата 3-й Крымской дивизии, убитых японцами в августе 1945 г. у китайского поселка Хамалендзы установлен памятник в честь завершения Второй мировой войны [7].

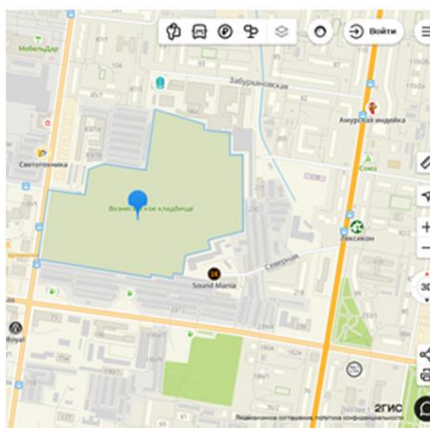

Рис. 3. Вознесенское кладбище г. Благовещенка. Совр. Состояние. Источник: [7].

Fig. 3. Voznesenskoye cemetery in Blagoveshchensk. Modern state. Source: [7].

Рис. 4. Памятник в честь окончания Второй мировой войны на братской могиле медиков, погибших в августе 1945 г. в Маньчжурии. Окраина Вознесенского кладбища. г. Благовещенск. Фото автора. 2019 г.

Fig. 4. Monument in honor of the end of World War II at the mass grave of doctors who died in August 1945 in Manchuria. Outskirts of the Voznesensky cemetery. Blagoveshchensk. Photo by the author. 2019.

Еще большую часть, не менее половины, утратило Молоканское кладбище. В период расцвета находилось в пределах улиц: Графской (Калинина) – Вокзальной – Мастерской (Шевченко) – Высокой. Молокане, ортодоксальным православием считавшиеся сектантами активно покидали родные места, осели в Приамурье, благодаря фактически действовавшей в регионе религиозной свободе, и хозяйственным интересам. Представители данного религиозного движения отличались высокой нравственностью, трезвым образом жизни и

деловой хваткой. Зажиточные молоканские семьи обладали большим влиянием в городе, обладали весомым капиталом и значительным имуществом, часто и на могилах стремились увековечить память знаменательным надгробием.

Основной массив памятников, как и на Вознесенском кладбище, сегодня здесь составляют советские обелиски, изготовленные из стали и бетона, но чаще из стальных листов, снабжены навершием или без них [6, с. 6]. Встречаются весьма оригинальные навершия, например, с изображением

ем мотоциклиста на могиле 18-летнего парня. На некоторых есть кресты, находятся эпитафии, выгравированные на металлических листах. Уцелевший участок некрополя сегодня занимает небольшой клочок земли в районе пересечения улиц Богдана Хмельницкого и Рабочей. Сумбурное смеше-

ние разнородных вероисповедальных символов, образцов религиозного и светского погребения, с преобладанием советского типа захоронений существенно снижают историко-культурную ценность уцелевшего участка молоканского кладбища Благовещенска

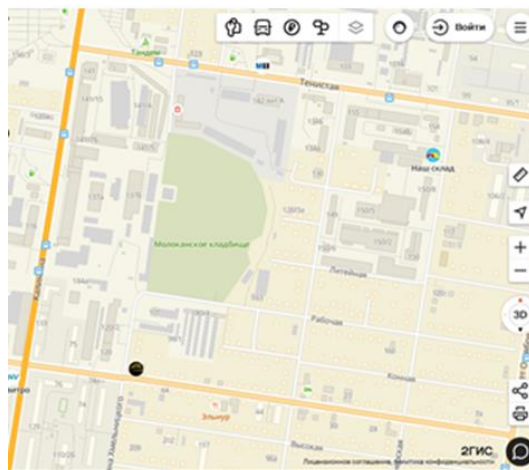

Рис. 5. Молоканское кладбище г. Благовещенска. Совр. Состояние. Источник: [7].
Fig. 5. Molokan cemetery in Blagoveshchensk. Modern state. Source: [7].

В сельской местности, преимущественно в Благовещенском, Тамбовском районах Амурской области, сегодня на кладбищах встречаются надгробия-тумбочки, гораздо чаще столбики, впитавшие некоторые традиции молоканской погребальной культуры. Жившие в деревнях и селах молokane, очень сдержанно относились к похоронному обряду и кладбищам, места захоронения посещали редко. Умерших хоронили в простых гробах, несли к месту погребения на жердях. После ставили скромные деревянные памятники в форме тумбочек, если не оставляли камней, кресты не ставили принципиально. В могиле, над гробом сооружали нишу из досок, чтобы земля не сыпалась на него, данная традиция существовала в бывших молоканских селах вплоть до начала 1990-х гг. [2, с. 228-229].

Неподалеку от городского молоканского кладбища, между Садовой (50 лет Октября) – Литейной – Вокзальной – Мастерской (Шевченко) был мусульманский (магометанский) некрополь [1, с. 105]. Военное кладбище располагалось до революции за городом, с западной стороны [1, с. 105], район совр. ул. Нагорной, где упокоились погибшие в Русско-китайском военном конфликте 1900-1902 гг., Русско-японской 1904-1905 гг. и Первой мировой войнах. Среди них казачий сотник, один из первых поэтов Приамурья – Л.П. Волков (1870-

1900). Открыто в 1899 г., в 1904 г. здесь освящена кладбищенская церковь. В 1970-е гг. на месте погоста появились учебные корпуса ПТУ-24 [4, с. 70]. От последних двух некрополей не осталось ничего, спустя десятилетия после их закрытия, в процессе строительства жилых и производственных зданий периодически находили человеческие кости. К 1922 г. на территории Благовещенска и его окрестностей насчитывалось 8 кладбищ, занимавших общую площадь в 27 десятин [1, с. 105].

В Биробиджане старейшее городское кладбище, находится возле микрорайона «Мясокомбинат», в районе пересечения ул. Советской и дороги 99К-12, состоит из двух участков [7]. Первый, меньших размеров, почти полностью уничтожен, практически не имеет надгробий, представляет собой необустроенный участок леса. Очевидно, что здесь хоронили жителей станции Тихонькая, еще до учреждения города. Второй, через дорогу, известен в городе как «Старое кладбище», на большей территории сохранился, но стремительно разрушается. На нем хоронили первостроителей города, ветеранов Великой Отечественной войны, других почетных жителей Биробиджана [17]. Погребения осуществлялись здесь также, как и на Вознесенском некрополе в Благовещенске, до середины XX в.

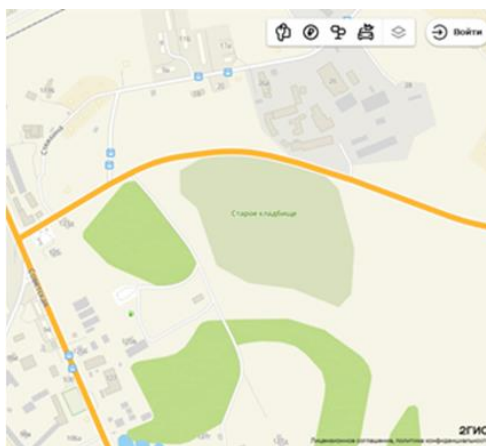

Рис. 6. Старое кладбище г. Биробиджана. Современное состояние. Источник: [7].
Fig. 6. Old cemetery in Birobidzhan. Current state. Source: [7].

Заросший бурьяном участок, лишь местами изрезанный протоптанными тропинками, характеризуется наличием большого количества покосившихся, проржавевших памятников, многие из которых не сохранили даже имен упокоившихся. Часто вместо каких-либо атрибутов могил видны лишь провалившиеся участки земли. Местные активисты бьют тревогу по поводу состояния погоста, сохранения памяти первых горожан, однако привлечь бюджетные средства, финансы меценатов не удается. Ухаживать за могилами чаще всего некому, одни родственники эмигрировали в Израиль и другие страны, многие оставшиеся в области умерли. Прозванное местными жителями «еврейским» данное кладбище не является таковым, на советском некрополе многочисленные иудейские захоронения перемешаны с сугубо светскими [17].

Действующие кладбища Биробиджана, под №№ 1-4, расположены в нескольких км. на юг от первого некрополя. В Благовещенске сегодня хоронят на 8-м и 17-м км. Новотроицкого шоссе. Старые погосты двух областных столиц в большей

степени демонстрируют процесс превращения кладбищ из мест памяти в места забвения, которые без регулярного ухода заинтересованных лиц, прежде всего в отсутствии родственников первых колен, обречены на постепенное исчезновение.

В более лучшем состоянии находятся старейшие из действующих кладбища Хабаровска (Центральное) и Владивостока (Морское), сохранившие мемориальные участки, успешно выполняющие функции мест памяти. Но их не минула утрата части погребальных комплексов, кладбищенских храмов в советский период истории.

На центральном кладбище Хабаровска погребения осуществляются с 1930-х гг., несмотря на высокую заполняемость, речи о его закрытии не идет. Площади некрополя расширяются, в т. ч. за счет засыпанных оврагов, активно используются и семейные захоронения. Погост разбит на сектора, хорошо благоустроен, так же ведется работа по оцифровке захоронений и составлению интерактивной карты кладбища [5].

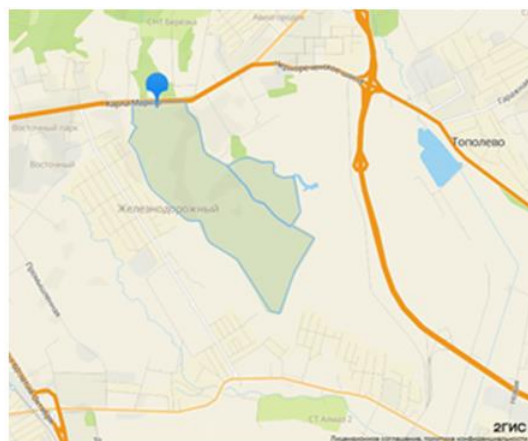

Рис. 7. Центральное кладбище г. Хабаровска. Современное состояние. Источник: [7].
Fig. 7. Central cemetery of Khabarovsk Current status. Source: [7].

Морское кладбище Владивостока на сегодня функционирует 120 лет, включает погребения самых различных эпох, посмертно примеряя красных и белых (есть захоронения чехов и канадцев), чередуя военных и гражданских чинов, упокоив сражавшихся за Отечество, от моряков Русско-японской войны до бойцов, погибших в зоне СВО.

Размещенный первоначально на склоне Монастырской сопки (ранее – Гнилой угол) некрополь включает, как мемориальную, собственно историческую часть, так и современные участки захоронений, разбитые на сектора, вытянувшись с северо-востока на юго-запад [7], в пространственном и временном измерении.

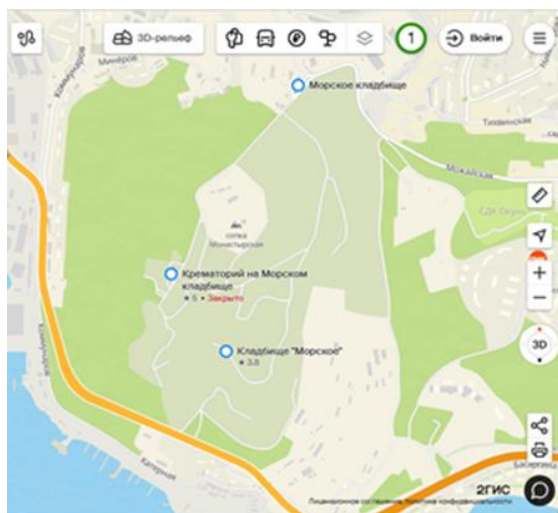

Рис. 8. Морское кладбище г. Владивостока. Современное состояние. Источник: [7].
Fig. 8. Marine cemetery of Vladivostok Current state. Source: [7]

Среди объектов, разрушенных на кладбище в 1920-х гг.: церковь «Всех скорбящих радость», часовня, женский монастырь [8, с. 49-50]. На фоне ликвидации старых погостов при советской власти, Морское кладбище, тем не менее, приросло перенесенными сюда в 1954 г. захоронениями бойцов ОКДВА, павших в бою под Мишань-Фу и у оз. Хасан, так же прах исследователя Приморья В.К. Арсеньева (1872-1930) с закрытого военного кладбища района Эгершельда. Данные объекты являются памятниками историко-культурного значения Федерального уровня [8, с. 55-56]. Встречаются здесь надгробия в форме обрубленного дерева, что есть и на Вознесенском кладбище Благовещенска, устанавливавшиеся на могилах последних в роду людей [8, с. 52]. Помимо каменного креста на братской могиле моряков с крейсера «Варяг», интереснейший памятник в виде рубки подводной лодки С-178, в честь погибших на ней в 1981 г. подводников установлен на почетном месте некрополя. В советскую и постсоветскую эпохи здесь были похоронены именитые горожане: А.И. Щетинина (1908-1999) – первая в мире женщина-капитан дальнего плавания, Ш.Г. Надибаидзе (1907-1964) - организатор рыбной промышлен-

ности в регионе, академик (историк) А.И. Крушанов (1921-1991).

Написание истории некрополей регионов Дальнего Востока должно идти бок о бок с деятельностью волонтеров по восстановлению мест захоронений, увековечиванию памяти об уничтоженных погостах, на месте которых целесообразно установление памятных знаков. Некрополеведение – перспективное направление региональной историографии, способное существенно дополнить и обогатить ее новыми данными и обобщениями. В ее рамках актуально написание и публикация статей и книг, краеведческого, академического и справочного характера, посвященных истории отдельных старых кладбищ, пространственно-планировочной структуре действующих кладбищ, эволюции погребального обряда в XIX – XX вв. Архивные источники, от планов и карт города до губернских отчетов, иногда воспоминания старожилы позволяют реконструировать значительный массив разрушенного пространства старых некрополей, натуральный осмотр дополнить общую картину сохранившимися участками кладбищ. Выбранные источники и методы исследования в целом помогают восстановить историю некрополей от момента появления до их закрытия.

Список источников

1. Холкина Т.А., Чаюн Л.А. Архитектурное наследие Благовещенска. Серия: «Благовещенск. Из века в век». Благовещенск: ОАО «Амурская ярмарка», 2006. 112 с.
2. Буянов Е.В. Духовные христиане молокане в Амурской области во второй половине XIX – первой трети XX вв. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2013. 396 с.
3. Грудцына Н.В., Виденева А.Е. История некрополя Спасо-Яковлевского Дмитриева монастыря // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С. 266 – 271.
4. Дмитриев Н.В. Военные церкви Приамурья в конце XIX – начале XX вв. // Военно-исторический журнал. 2012. № 2. С. 67 – 71.
5. Загорская Е. Новая история старого кладбища: в Хабаровске оцифруют погосты [Электронный ресурс] // Habinfo – интернет-журнал Хабаровска: сайт. Режим доступа: <https://habinfo.ru/tsentralnoe-kladbische/?ysclid=ll0drniy3483581810> (дата обращения: 07.08.2023)
6. Ижендеев А.В. Обелиски на кладбищах города Благовещенска Амурской области // Наукосфера. 2022. № 9 (2). С. 1 – 7.
7. Карта городов России: Благовещенск, Биробиджан, Хабаровск, Владивосток. [Электронный ресурс] // 2ГИС – городской справочник: сайт. Режим доступа: <https://2gis.ru/> (дата обращения: 09.08.2023)
8. Кирсанова Е.С. Морское кладбище: о памяти и забвении // Известия Восточного института. 2019. № 3 (43). С. 46 – 68.
9. Колосова И.И. Медведева А.Б. История формирования культуры захоронений русского государства в X – начале XX вв. // Вестник ТГАСУ. 2014. № 3. С. 35 – 47.
10. Колосова И.И. Медведева А.Б. Развитие пространственной среды некрополей г. Тюмени // Вестник ТГАСУ. 2015. № 1. С. 23 – 43.
11. Красильникова Е.И. Исторический некрополь Новосибирска: преемственность традиций и политика памяти советской власти (конец 1919 – начало 1941 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 380. С. 80 – 91.
12. Красильникова Е.И. Кладбища Томска как места памяти жителей города (конец 1919 – начало 1941 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 363. С. 115-122.
13. Озеров Ю.В. История погребальной культуры российской провинции в конце XVIII – начале XX вв.: на примере Курской губернии. Диссертация кандидата исторических наук. Курск, 2004. 230 с.
14. Основные даты из биографии А.П. Еремича. [Электронный ресурс] // Русский наркоз. Сайт о А.П. Еремиче и его наследниках. Режим доступа: <http://www.eremich.ru/index.htm> (дата обращения: 09.08.2023)
15. Ткаченко В.А. Некрополь Троице-Сергиевой лавры конца XIV – XVII вв. Диссертация кандидата исторических наук. М., 2006. 172 с.
16. ФЗ-8 «О погребении и похоронном деле» от 12.01.1996. [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: сайт. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8919/?ysclid=ll0cgo8m5i349068719 (дата обращения: 07.08.2023)
17. Черненко В. Старейшее кладбище Биробиджана под угрозой исчезновения [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. Хабаровск: сайт. Режим доступа: <https://www.hab.kp.ru/daily/27127/4212414/?ysclid=ll0ctn31xob76297807> (дата обращения: 07.08.2023)
18. Шилов Д.Н. «Русский некрополь» великого князя Николая Михайловича: история создания, неопубликованные материалы и проблемы их изучения и издания: дис. ... канд. историч. наук. СПб., 2004. 174 с.
19. Шокарев С.Ю. Московский некрополь XV – начала XX вв. как социокультурное явление: историко-коведческий аспект: дис. ... канд. историч. наук. М., 2000. 295 с.
20. Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX – XXI вв.: к 155-летию образования Амурской области / под ред. А.В. Урманова. Благовещенск: БГПУ, 2013. 484 с.

References

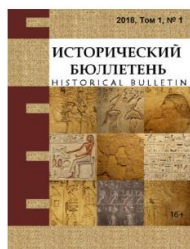
1. Kholkina T.A., Chayun L.A. Architectural heritage of Blagoveshchensk. Series: “Blagoveshchensk. From century to century.” Blagoveshchensk: JSC “Amur Fair”, 2006. 112 p.
2. Buyanov E.V. Spiritual Christian Molokans in the Amur region in the second half of the 19th – first third of the 20th centuries. Blagoveshchensk: Amur State. Univ., 2013. 396 p.
3. Grudtsyna N.V., Videneva A.E. History of the necropolis of the Spaso-Yakovlevsky Dmitriev Monastery. Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2010. No. 3. P. 266 – 271.

4. Dmitriev N.V. Military churches of the Amur region at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. *Military historical magazine*. 2012. No. 2. P. 67 – 71.
5. Zagorskaya E. New history of the old cemetery: graveyards will be digitized in Khabarovsk. [Electronic resource]. *Habinfo – online magazine of Khabarovsk: website*. Access mode: <https://habinfo.ru/tsentralnoe-kladbische/?ysclid=ll0drnny3483581810> (access date: 08/07/2023)
6. Izhendeev A.V. Obelisks in the cemeteries of the city of Blagoveshchensk, Amur Region. *Science sphere*. 2022. No. 9 (2). P. 1 – 7.
7. Map of Russian cities: Blagoveshchensk, Birobidzhan, Khabarovsk, Vladivostok. [Electronic resource]. 2GIS - city directory: website. Access mode: <https://2gis.ru/> (access date: 08/09/2023)
8. Kirsanova E.S. Marine Cemetery: about memory and oblivion. *News of the Eastern Institute*. 2019. No. 3 (43). pp. 46 – 68.
9. Kolosova I.I. Medvedeva A.B. History of the formation of the burial culture of the Russian state in the 10th – early 20th centuries. // *Bulletin of TGASU*. 2014. No. 3. P. 35 – 47.
10. Kolosova I.I. Medvedeva A.B. Development of the spatial environment of necropolises in Tyumen. *Bulletin of TGASU*. 2015. No. 1. P. 23 – 43.
11. Krasilnikova E.I. Historical necropolis of Novosibirsk: continuity of traditions and politics of memory of Soviet power (late 1919 - early 1941). *Bulletin of Tomsk State University*. 2014. No. 380. P. 80 – 91.
12. Krasilnikova E.I. Tomsk cemeteries as places of memory for city residents (late 1919 – early 1941). *Bulletin of Tomsk State University*. 2012. No. 363. P. 115-122.
13. Ozerov Yu.V. History of the funeral culture of the Russian province at the end of the 18th – beginning of the 20th centuries: using the example of the Kursk province. *Dissertation of a candidate of historical sciences*. Kursk, 2004. 230 p.
14. Key dates from the biography of A.P. Eremicha. [Electronic resource]. *Russian anesthesia. Website about A.P. Eremiche and his heirs*. Access mode: <http://www.eremich.ru/index.htm> (access date: 08/09/2023)
15. Tkachenko V.A. Necropolis of the Trinity-Sergius Lavra of the late XIV – XVII centuries. *Dissertation of a candidate of historical sciences*. M., 2006. 172 p.
16. Federal Law-8 “On burial and funeral business” dated January 12, 1996. [Electronic resource]. *Consultant Plus: website*. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8919/?ysclid=ll0cgo8m5i349068719 (date of access: 08/07/2023)
17. Chernenko V. The oldest cemetery in Birobidzhan is under threat of extinction. [Electronic resource]. *Komsomolskaya Pravda. Khabarovsk: website*. Access mode: <https://www.hab.kp.ru/daily/27127/4212414/?ysclid=ll0ctn31xo676297807> (access date: 08/07/2023)
18. Shilov D.N. “Russian Necropolis” of Grand Duke Nikolai Mikhailovich: history of creation, unpublished materials and problems of their study and publication: dis. ... cand. of history Sci. St. Petersburg, 2004. 174 p.
19. Shokarev S.Yu. Moscow necropolis of the 15th – early 20th centuries. as a sociocultural phenomenon: source-study aspect: dis. ...cand. historical Sci. M., 2000. 295 p.
20. *Encyclopedia of literary life of the Amur region in the 19th – 21st centuries: to the 155th anniversary of the formation of the Amur region*. ed. A.V. Urmanova. Blagoveshchensk: BSPU, 2013. 484 p.

Информация об авторах

Токмаков В.С., кандидат исторических наук, доцент, Амурская государственная медицинская академия, tokmakov-valeriyu@rambler.ru, 89145856088

© Токмаков В.С., 2024

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2024, Том 7, № 1 / 2024, Vol. 7, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94

Военные кампании 1703 года Великой Северной войны (1700-1721 гг.) и войны за испанское наследство (1701-1714 гг.): общее и особенное

¹ Кутищев А.В.,

¹ Уральский государственный университет путей сообщения

Аннотация: статья посвящена военной истории и военному делу начала XVIII века. Цель исследования – выявить общее и особенное в военном искусстве армии Петра Великого и западноевропейских армий данной эпохи. Статья развивает историософский дискурс о вековом соперничестве западноевропейского и русского миров, о приоритетах самобытного и заимствованного в отечественной культуре, и, по большому счёту, поднимает вопрос о национально-культурной идентичности россиян.

В центре внимания события 1703 года Великой Северной войны (1700-1721 гг.) и войны за испанское наследство (1701-1714 гг.). Рассмотрены такие элементы военного искусства, как выбор цели, виды боевых действий, тыловое обеспечение, осадное искусство и др. Акцентируется внимание на роли в достижении победы на театрах войны превосходства в силах и средствах. Именно этот фактор стал определяющим в успехах русских в Прибалтике. В то же время в Италии и в Нидерландах численное превосходство не сыграло заметной роли из-за общей нерешительности и пассивности противников. В отличие от европейцев, русские отдавали предпочтение активным наступательным действиям. Неудачи французов и англо-голландцев в Италии и Нидерландах объясняются их чрезмерным увлечением маневрированием и борьбой за коммуникации. Более успешны были французы на Рейне, где им удавалось сочетать маневрирование и стремительные наступательные действия.

Военная кампания 1703 года продемонстрировала чрезмерное внимание канонам методической маневренной стратегии, увлечение позиционной тактикой и осадной борьбой, излишнюю осторожность и нерешительность участников войны за испанское наследство, определив основные тенденции развития западноевропейского военного дела вплоть до конца XVIII века. Военная кампания 1703 года представляла собой важный этап формирования российского национального военного искусства на основе сплава самобытных традиций и прогрессивных европейских заимствований.

Ключевые слова: Великая Северная война 1700-1721 гг., Война за испанское наследство 1701-1714 гг., Пётр Великий, Людовик XIV, военное искусство XVII-XVIII вв.

Для цитирования: Кутищев А.В. Военные кампании 1703 года Великой Северной войны (1700-1721 гг.) и войны за испанское наследство (1701-1714 гг.): общее и особенное // Исторический бюллетень. 2024. Том 7. № 1. С. 106 – 119.

Поступила в редакцию: 17 сентября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 15 ноября 2023 г.; Принята к публикации: 15 января 2024 г.

The 1703's military campaigns of the Great Northern War (1700-1721) and the war of the Spanish Succession (1701-1714): common and individual

¹ Kutishchev A.V.,

¹ Ural State University of Railway Transport.

Abstract: this article is devoted to military history and military affairs of the early 18th century. The purpose of the study is to identify the common and special in the military art of the army of Peter the Great and Western European armies of this era. In this regard, the article develops a historiosophical discourse about the age-old rivalry between the Western European and Russian worlds, about the priorities of the original and borrowed in Russian culture, and, by and large, raises the question of the national-cultural identity of Russians.

The focus is on the events of only one year, 1703, of the Great Northern War (1700-1721) and the War of the Spanish Succession (1701-1714). Such elements of military art as choice of target, types of combat operations, logistics support, siege art, etc. are considered. Creating superiority in forces played a special role in achieving victory. It was this factor that became decisive in the successes of the Russians in the Baltic states. At the same time, in Italy and the Netherlands, with general indecision and passivity, numerical superiority did not play a noticeable role. Unlike the Europeans, the Russians preferred active offensive actions. At the same time, the army of Peter I fought in the old fashioned way, devastating and ruining the occupied territories. The French and Anglo-Dutch passion for maneuvering communications led to failures in Italy and the Netherlands. The French were more successful on the Rhine, combining maneuvering and rapid offensive actions.

Frozen methodism, excessive attention to maneuvering and lines of communication, excessive caution and indecisiveness of the French, Dutch and other participants in the War of the Spanish Succession would become a typical feature of Western European military affairs until the end of the 18th century. The fusion of original traditions and progressive borrowings will subsequently become the basis of Russian national military art.

Keywords: Great Northern War 1700-1721, War of the Spanish Succession 1701-1714, Peter the Great, Louis XIV, 17th – 18th centuries's military art

For citation: Kutishchev A.V. *The 1703's military campaigns of the Great Northern War (1700-1721) and the War of the Spanish Succession (1701-1714): common and individual. Historical Bulletin. 2024. 7 (1). P. 106 – 119.*

The article was submitted: September 17, 2023; Approved after reviewing: November 15, 2023; Accepted for publication: January 15, 2024.

В последнее время война за испанское наследство 1701-1714 гг. вызывает всё более пристальный интерес у отечественных исследователей. Спектр внимания чрезвычайно широк: от общего военно-политического анализа [10] до участия в войне отдельных стран [5]. Внимание исследователей вызывают деятельность видных военачальников [11, 12, 13 15], заметные военные, а также военно-морские события [9, 19]. Разнообразный и весьма интересный материал представляют современные интернет-издания. Вместе с тем, эта общеевропейская война до сих пор не нашла систематизированного военно-профессионального отражения. Последние посвящённые ей военно-исторические исследования вышли в свет во второй половине XIX – начале XX вв. и только выборочно освещали отдельные, наиболее значительные боевые эпизоды [8, 20, 25, 26].

Настоящая статья призвана отчасти восполнить обозначенный выше пробел, представляя сравнительный анализ боевых действий на театрах Вели-

кой Северной войны (1700-1721 гг.) и войны за испанское наследство (1701-1714 гг.). В настоящей работе исследованы военные кампании 1703 года в Прибалтике, Северной Италии, Нидерландах и на Верхнем Рейне. Сопоставляя западноевропейское и российское военное искусство, работа актуализирует исторический дискурс о роли в истории западноевропейской и русской цивилизаций, о приоритетах самобытного и заимствованного в отечественной культуре, и, по большому счёту, поднимает вопрос о национально-культурной идентичности россиян.

Русские в Ингерманландии:

Кампания Петра I в Прибалтике проводилась в рамках общей стратегии, принятой после нарвского поражения 1700 г. Благоприятная для русских обстановка, превосходство в силах, хорошее знание противника и местности способствовали простым и быстрым решениям. Лаконичные, чёткие указания царя фактически требовали от главнокомандующего русской армией, Б.П. Шереметева,

одного – решительной, но осмотрительной, активности: «С весны поступать оборонительно, а если способ будет, то наступление чинить некоторыми частями войска, смотря по времени, а генерально о наступлении писать, ...также если увидишь зело добрый и безопасный способ, наступать и генерально, не описываясь» [23 т. 2, с. 27]. Вместе с тем, не сковывая инициативу командования на местах, Пётр ограничивался общими указаниями: «Неприятеля к падению всякими возможностями приводити...» [23, т. 2, с. 28], «частное наступление...для поднятия духа войска» [20, с. 79], «идти вдаль для лучшего вреда неприятелю» [23 т. 1, с. 411], «обвыкнуть...» в войне против грозного врага, «...вселить в них уверенность в возможность победы над ними» [20, с. 287]. Конкретное наполнение эти указания приобретали уже во Пскове и Ладогe, главных опорных пунктах русских на театре войны. Эта стратегия была несколько скорректирована после оставления Карлом XII Лифляндии и Эстляндии. Шведы не просто покинули прибалтийский театр войны. По меткому выражению Петра, противник так «увяз...в Польше, что ему не только сего лета, но, чаю, ни будущего возвратиться невозможно» [23, т. 2, с. 77].

В этот период окончательно складывается стратегия всего, так называемого Ингерманландского периода Великой Северной войны (1700-1704 гг.) [1, с. 189; 3, т. 2]. От беспорядочных sporadических набегов русские войска переходят к целенаправленному планомерному завоеванию Ингерманландии. Замысел был простым и понятным – овладеть рубежом Шлиссельбург – Ямбург – Нарва: «Русский царь обнаруживал... твердые намерения укрепиться на берегах Балтийского моря» [25, с. 283].

Уже с конца 1701 года Пётр вынашивает идею по овладению Шлиссельбургом, правым флангом намеченного рубежа. Её удалось реализовать только осенью 1702 года. Венцом всей стратегии стал 1704 год, когда пали шведские твердыни Дерпт и Нарва. Кампания 1703 года является промежуточной стадией, когда русские широким фронтом вышли и закрепились на балтийском побережье, овладев шведскими крепостями Ниеншанцем, Ямбургом и Копорьем [14, с. 19-20; 24, ч. 1. с. 170-179, 182-184].

Необходимо отметить важную, если не определяющую, роль дипломатии на этом этапе войны. Её целью было удержание Карла XII в Польше, срыв сепаратных переговоров, укрепление и расширение антишведской коалиции, что было совсем нелегким делом. Главные усилия предпринимались для поддержки союзников, отчаянно сопротивлявшихся шведам в Литве и Польше. Но-

вым договором 1703 года союз с Августом II был упрочен обещаниями финансовых вливаний и военной помощи [23 т. 2, с. 283, 576; 7, с. 235]. Россия всячески способствует укреплению позиций Августа II на польском престоле и привлечению на свою сторону колеблющейся Речи Посполитой [23, с. 145, 155, 546-549, 556, 557]. Оказывается активная помощь гетманам Огинскому и Вишневецкому, срываются попытки примирения Литвы с Карлом XII [7, с. 331; 23, с. 118, 124, 125]. Все эти меры, в конце концов, нашли окончательное оформление в союзном договоре с Великим Княжеством Литовским [23, с. 331]. Многогранная дипломатическая активность способствовала тому, что эти очаги сопротивления шведам, по крайней мере, окончательно не затухали, отвлекая внимание Карла XII от Ингерманландии.

Некоторые военные историки рассматривали действия Петра I в Прибалтике через призму обеспечения операционных направлений и коммуникационных линий [18, с. 93-94; 22, с. 157-158], пытаясь этим самым подчеркнуть, что русская стратегия и тактика является неотъемлемой частью европейского военного искусства. Анализ военной корреспонденции заставляет усомниться в этом. Если в переписке командования воюющих сторон общеевропейской войны тема обеспечения линий сообщений является сквозной, то в военной корреспонденции Петра, Б.П. Шереметева, П.М. Апраксина, Н.И. Репнина она не поднимается ни разу. И дело совсем не в отсталости русских военачальников. Просто она оказалась совершенно неактуальной для русско-шведского театра войны. Огромные расстояния при низкой плотности населённых пунктов делали русские тыловые пути практически недоступными для противника. Основная коммуникация Москва – Тверь – Новгород (Псков) пролегла в глубине и была надёжно обеспечена значительной удалённостью от позиционных районов шведов (Рига, Нарва, Выборг). Фланговое положение лифляндской группировки шведов парировалось превосходящими русскими силами, развернувшимися на рубеже Печеры – Псков – Новгород. Вообще, ещё не распрощавшаяся со старомосковскими обычаями русская армия не была так зависима от централизованного снабжения, как, например, французы или голландцы. Рейды вглубь территории противника проходили при полной автономности. Б.П. Шереметев в Лифляндии, П.М. Апраксин в Карелии чувствовали себя полными хозяевами, неоднократно пронизывая стремительными набегами вражескую территорию с севера на юг и с запада на восток. При этом снабжение из тыловых районов, как правило, не предполагалось. Запас провизии и фуража на

всё время операции находился с собой, в обозе. Так Пётр сообщает дипломатам об успешном походе Шереметева: «Борис Петрович пошёл генерально, взяв на два месяца запасов с собой...». Сам фельдмаршал указывал полкам, чтобы в поход к Шлиссельбургу «запасов было бы с ними на 3 месяца», Ф. М. Апраксин докладывает царю: «А у меня, государь, на все полки хлебных запасов велено было взять на два месяца, на август и на сентябрь...». Пётр ставит задачу Н. И. Репнину: «Изволь Ваша милость со всеми полками быть сюды..., чтоб печеного хлеба взять на две недели». Это не значит, что русская армия в Прибалтике не испытывала проблем со снабжением. Скорее наоборот. Забота о продовольствии и фураже остро и постоянно слышится в военной переписке той поры [6, т. I. ч. III. с. 126; 23, с. 78, 148, 396, 407].

Что касается участников войны за испанское наследство, то запастись провизией на всё время операции – случай для них беспрецедентный. Отправляясь в глубокий рейд по тылам французов, 2000-ный отряд Вабонна запасается продовольствием на 6 дней [31, b. V, s. 150]. Во время марша австрийской армии Штеремберга в Пьемонт солдаты имели при себе запас сухарей на 8 дней, всадник – на 12 дней [31, b. V, s. 263]. В поход на Новый Бризах армия герцога Бургундского выступала, имея при себе провизии на 3 дня [34, v. III. p. 418]. Во – первых, их марши по расстоянию и продолжительности не шли ни в какое сравнение с русскими походами. (См. таблицу № 4) Во – вторых, расчёт всегда был на снабжение из расположенных неподалеку тыловых магазинов.

Заметную роль в снабжении русской армии, изрядную долю которой составляли малороссийские и донские казаки, татарские, московские и новгородские дворянские сотни, играла военная добыча, а по сути, откровенный грабёж местного населения. Ослабление противника осуществлялось неумолимо и жестоко, но не пресечением его коммуникаций, как на Западе, а беспощадным разорением его владений. Так, перед рейдом Пётр в очередной раз наказывает Шереметеву: «...извольте Вы ещё довольное время там побывать и, как возможно, землю разорить..., дабы неприятелю пристанища и сикурсу своим городам подать было невозможно» [23 т. 2, с. 82]. Об этих же печальных обстоятельствах сообщает князь Г. Долгоруков: «И так землю их опустошили, что малая некоторая только часть круг Ревеля осталась» [23 т. 2, с. 407].

Французы и имперцы в Италии

Военная кампания 1703 года в Италии развёртывалась по классическим канонам борьбы за коммуникации. Снабжение многотысячных армий при удалённости театра войны от метрополий и

лоскутной фрагментарности европейских держав представляло собой нелёгкую задачу. Например, ресурсы для французской армии поступали через Швейцарию, альпийские перевалы Пьемонта, территорию Милана, а также морем – из Тулона до Вадо, Финале, далее – через Александрию – в Милан и Мантую, центры районов расположения войск [31, V b. s. 134-135]. Пути сообщений австрийцев были ещё сложнее – через верхнюю Австрию, Зальцбург, горными дорогами Тироля, водою по оз. Гарда. Другой путь лежал от Триеста через Адриатический залив – и далее рекой По [31, b. V, s. 101] – к главным их магазинам, располагавшимся в районе Мантуи, Мирандоллы, Модены [31, b. V, s. 100]. Линии сообщений часто пересекали владения нейтральных, а иногда и враждебно настроенных итальянских князей, и потому представляли собой постоянную головную боль для военачальников. Достаточно было перекрыть поток снабжения, чтобы тем самым вынудить противника очистить занимаемые территории. Маршал Вандом, главнокомандующий франко-испанскими силами в Италии, считался наиболее последовательным сторонником этой стратегии. В начале 1703 года он пытается захватить порты на оз. Гарда и прервать транспортировку военных грузов австрийцев через Тироль [31, b. V, s. 143-144]. Главная операция в мае – июне 1703 года фактически проводилась с целью отрезать район расположения неприятеля от тирольских путей сообщения. Маршал так формулирует свой замысел в письме Людовику XIV от 1 апреля 1703 года: «Я намерен выдвинуться на р. Адиге и занять позицию выше Леньяго. Этот маневр вынудит врага или самим покинуть район расположения между рр. По, Секкией и Панаро или же ... отступить на правый берег По, что, по-моему, равноценно нашей победе» [34, v. III, p. 168 - 169]. Летом 1703 года Вандом предпринимает поход в Южный Тироль. Эта операция, хотя и осуществлялась для соединения с баварскими союзниками, решала задачи и в интересах французов в Италии, т.е. – прервать сообщения австрийцев [31, b. V, s. 170-214]. Противник не уступал французам в борьбе за коммуникации. Так, австрийский главнокомандующий, граф Г. Штаремберг, ставит задачу генералу Вабонну: «...занять позицию между Адиге и оз. Гарда, постоянно тревожить тылы французов, нарушая их сообщение между Мантуей и французским лагерем, ... направлять рейдовые партии на территорию французов, а также прикрывать наши рубежи в Тироле» [31, b. V, s. 151].

Вандому нельзя было отказать в целеустремлённости и настойчивости, но, в конце концов, он

сам столкнулся с угрозой собственным коммуникациям. Пьемонт, через чью территорию осуществлялась главная связь с метрополией, внезапно перешёл в стан неприятеля. Весь оставшийся 1703 год французам пришлось вести упорную борьбу за восстановление утраченных там позиций.

Борьба за сообщения определяла позиционный характер военных действий. Разгром живой силы противника становится второстепенной целью кампании, уступая приоритетное место овладению выгодными позициями. Контроль над важными районами, укрепленными пунктами, высотами, дорогами, портами, судоходными реками, переправами, стал играть важную роль. Главными объектами французов в кампании 1703 последовательно выступали: крепость Бречело, препятствовавшая навигации вдоль По, г. Остилья, важное звено противника в логистической цепи, связывающей их с Тиродем.

Иногда методичная размеренность позиционной борьбы озарялась вспышками активности. Таковыми были рейд корпуса Вабона по французским тылам, марш корпуса Висконти в Пьемонт и, наконец, поход самого Штаремберга на помощь Виктору – Амадею Савойскому. Это были дерзкие прорывы через районы, контролируемые противником. Они сопровождалась преследованием, ожесточёнными арьергардными боями и завершились частичным успехом [31, b. V, s. 149 – 150, 164 – 167, 222 – 235, 246 – 256].

Англо-голландцы и французы в Нидерландах

Этот регион считался главным театром войны за испанское наследство. Здесь были сосредоточены самые многочисленные силы воюющих сторон. На боевые действия в Нидерландах влияли чрезвычайно высокая плотность крепостей и сильно пересечённая местность при сравнительно небольших размерах самого театра военных действий. Командующий англо-голландской армии, герцог Дж. Мальборо, считал Нидерланды кратчайшим путём для вторжения во Францию и принуждению Людовика XIV к миру. Он был горячим приверженцем наступательной стратегии, планируя разгромить армию маршала Вильруа и вторгнуться вглубь Франции. Но его решительность не была оценена союзниками - голландцами, у которых он находился на содержании. Гаага выступала против рискованных действий, и смелым решительным замыслам Мальборо предпочитала методичное осторожное вытеснение противника. Поэтому на деле, по словам военного историка второй XIX века Н.М. Голицына «...образ ведения войны был в высшей степени методический, медленный и нерешительный» [8, Т. 2, с. 177], что в

полной мере относится к кампании 1703 года. Разработанный Мальборо, так называемый «Гранд проект» «сводился к тому, чтобы стремительным наступлением перенести войну в центр Брабанта и Западной Фландрии» [29, v. 1, p. 118]. Направление главного удара – на Антверпен. «Всем сердцем и душой я – за атаку Антверпена», – делился Мальборо с голландским генералом Кохорном [36, v. 1, p. 105]. Но его замысел, сочетавший решительные удары с отвлекающими демонстрациями, был фактически саботирован голландцами. Вся кампания свелась к неуклюжему бесплодному маневрированию в районе Маастрихт – Юи – Антверпен. Мальборо стремился обойти французов с флангов, пытаясь застать их в невыгодной позиции и атаковать. Осторожный маршал Вильруа парировал каждое его движение, стараясь занять сильную позицию и прикрыть собой Брабант (См. Таблицу №3). Неспешные марши и контрмарши чередовались с продолжительными паузами, заполненными фуражировками, проводкой продовольственных конвоев и малой войной. Четырежды за кампанию противники буквально сталкивались друг с другом, но каждый раз, казалось бы, неминуемое сражение так и не случилось. Войска расходились в разные стороны, и всё повторялось сначала [34, v. III, p. 3 - 146]. Разочарованный Мальборо вынужден был обратить внимание на отдалённые французские крепости. Фактически кампания 1703 года свелась к захвату союзниками периферийных городов Бонна, Юи и Лимбурга. Это несколько улучшало пути сообщений между морскими державами и Империей Габсбургов. Впоследствии кампания 1703 года в Нидерландах вызовет особо критические замечания военных теоретиков и станет символом пассивности, нерешительности и малоэффективности военного искусства данной эпохи [16].

Французы и имперцы на Рейне

На Рейне типичная для Западной Европы позиционная борьба на коммуникациях сочеталась с несвойственными ей решительными агрессивными действиями. Главной целью Людовика XIV на этом направлении остается оборона и удержание Эльзаса. Но в 1703 году эта задача усложнялась вновь открывшимися обстоятельствами. В связи с успехами баварского курфюрста, союзника Людовика XIX, открылась многообещающая перспектива перенести боевые действия в центр Германии. Мнение короля разделяли его маршалы: «...это, пожалуй, единственный путь вынудить императора просить мира...» [27, v. I. p. 25].

Стратегические приоритеты переносились с Рейна на Дунай. Французы проявили решительность и стремительность. В марте Вильяр внезап-

но форсировал Рейн, овладел Келем и захватил плацдарм на правом берегу реки. В апреле он с боями прорвался через горные перевалы Шварцвальда и соединился с баварцами, что расценивалось, как крупный успех для коалиции Бурбонов. Стратегическая инициатива склонялась на сторону Людовика XIV. Объединённая франко - баварская армия готовилась к походу на Вену. 1703 год стал началом стремительной карьеры маршала Вильяра, с именем которого будут связаны громкие победы французского оружия и который станет достойным соперником блестящих полководцев эпохи, Евгения Савойского и Мальборо. Его агрессивная манера контрастировала с пассивностью, методичностью и осторожностью большинства полководцев этой войны.

После ухода Вильяра война на Рейне вернулась в рамки общепринятых догм и канонов. Первостепенной задачей стало обеспечение коммуникаций армии Вильяра, действовавшей на ту сторону Шварцвальда, и поддержание его связи с Эльзасом. Другой, задачей локального значения, стало обеспечение сообщений вдоль Рейна, Страсбург – Брейзах и Страсбург – Ландау. Пути сообщений обеспечиваются захватом господствующих на местности крепостей. Оживлённая переписка между Людовиком XIV, военным министром Шамильяром, герцогом Бургундским и маршалом Тальяром этого периода была посвящена выбору главной цели атаки – Ландау, Фрейбург или Новый Бризах. Король настаивал на захвате Фрейбурга, «... так как нет никакой надежды на надёжное сообщение с Германией, пока этим местом владеет противник» [34, v. III, p. 415]. Но в завязавшейся полемике убедительнее оказался маршал Тальяр, который отстоял в качестве цели Новый Бризах. Он неожиданно легко взял эту крепость, затем – после упорного сопротивления – Ландау. При этом попытка деблокады крепости была отражена им у Шпирбаха 18 ноября 1703 года.

На театрах общеевропейской войны в 1703 году была широко продемонстрирована такая типичная черта эпохи, как увлечение фортификационными укреплениями. Линия Штольхоффен – Бюльль, разработанная и возведённая маркграфом Баденским, с одной стороны, позволила дважды отразить попытки французов прорваться в правобережные рейнские земли. С другой стороны, фактически всю кампанию армия Баденского провела за валами и окопами Штольхоффена, полностью уступив инициативу французам. Оборонительные линии имперцев, возведённые по рубежу р. Лаутер, не смогли выполнить своего предназначения и были легко преодолены французами. В Нидерландах вся кампания разворачивалась вдоль так называемой

Брабантской линии, протянувшейся от берегов Северного моря через Антверпен до Намюра. В случае опасности французы ловко ускользали за её укрепления. Прорыв линии составлял главную цель Мальборо. Он несколько раз подходил к ней, но штурмовать её так и не решился. В Италии позиции в районе Остилья – Ровере, у Мирандоллы, у Сан-Бенедетто, рубежи р. Танаро, Секкьи и По-наро во многом напоминали укрепления периода Первой мировой войны 1914-1918 гг [31, v. V, s. 140-142]. Здесь и там тянулись фортификационные линии, состоявшие из рвов, земляных валов, редутов и реданов, укрепленных артиллерийских батарей. На рубеже рр. Секкьи и Танаро противники практически весь 1703 год провели за земляными укреплениями. Их активность сводилась лишь к постоянному совершенствованию занимаемых позиций. Увлечение укрепленными фортификационными линиями станет характерной чертой позиционного военного искусства, символом пассивности и нерешительности.

По мере затягивания войны за испанское наследство впереди всё отчетливее проявлялась угроза бюджетного дефицита и государственного банкротства. По мере осознания этого, оперативные соображения всё чаще заслонялись финансовыми резонами и логистическими расчётами. Экономия средств за счёт вражеских ресурсов постепенно становится смыслом и целью военных замыслов. Всё настойчивее Людовик XIV прибегает к принципу «война должна кормить себя сама». Бремя содержания дорогостоящих армий максимально перекладывается на плечи захваченных земель. В той или иной мере эта тактика применялась на всех театрах, но на Рейне она приобрела наиболее организованный и системный характер. Активные наступательные действия французов в Вюртемберге и Швабии сопровождались систематическими контрибуциями, фактически, организованным грабежом территорий противника, а также массовым захватом заложников. Сам Людовик XIV был инициатором обеспечения армии за счёт врага: «действовать таким образом, чтобы ... с помощью контрибуций максимально удовлетворить нужды моей армии» [32, p. 283]. С лёгкой руки маршала Шамлё королевские взгляды обрели вид чётких оперативных распоряжений: «Королевской армии оккупировать Пфальц по эту сторону Рейна, чтобы там существовать за счёт местных ресурсов...» [34, v. III, p. 144]. Только собранные Вильяром контрибуции в 1703 году составили 460 тыс флоринов, выкупы за заложников 160 тыс флоринов, что составило 42% общих затрат на содержание его армии [32, p. 282]. В этом усматриваются определенные параллели с

разорительной тактикой русских в Лифляндии. Но если набеги Шереметева имели целью подорвать ресурсную базу противника, то Людовик XIV таким образом обеспечивал свои войска. Всё популярнее становится идея размещения армии на территории врага. Так 22 июня 1703 г. Людовик XIV указывает герцогу Бургундскому о «важности взятия Ландау, что обеспечило бы мне нижний Эльзас и Лотарингию, и что дало бы возможность моим войскам расположиться на зимних квартирах в Пфальце» [34, в. III, р. 403]. Маршал Тальяр в письме от 2 сентября 1703 года представляет королю свои взгляды на завершение кампании 1703 года: «Захват этого пункта даст возможность зимовать в Шпейере, Нойштадте и в других городах по всему нижнему Эльзасу, что значительно сэкономит наши запасы в Хомбурге и Кайзерлаутерне» [34, в. III, р. 436].

Таким образом, военные кампании 1703 года в Прибалтике, Нидерландах, Италии и на Рейне продемонстрировали общие и особенные черты в военных действиях. В очередной раз была подтверждена необходимость централизации командования и сосредоточения управления в одних руках. Абсолютная власть Людовика XIV, Карла XII, Петра I или Макса-Эммануила Баварского обеспечивала уверенное управление войсками и являлась залогом будущего успеха. Там, где монаршая власть сочеталась с личным упорством, целеустремленностью и энергичностью, например, у Петра I или Карла XII, победа была гарантирована. Коалиционное командование, как управленческий механизм, значительно уступало в эффективности централизованному руководству. Подтверждением этому является низкая результативность союзников в Нидерландах, не смотря на военные дарования Мальборо. Неудачи имперцев на Рейне также объясняются слабостью верховного командования, ослабленного трениями между Веной и германскими князьями, в первую очередь, Людвигом Баденским (табл. 1).

Целью русских в Прибалтике был разгром живой силы противника и овладение его территорией. Замысел отличался простотой и ясностью, способности достижения носили решительный наступательный характер. Тактика основывалась на превосходстве и здоровой оценке создавшейся обстановки. Немаловажное значение имел самобытный опыт и русские военные обычаи. Над военными замыслами участников войны за испанское наследство довели концептуальные догмы и каноны. Замысел предполагал сложные в исполнении, не всегда соответствующие реальным усло-

виям и тактическим возможностям решения. Поэтому операции, основанные на сочетании основных и отвлекающих ударов, завершались с сомнительным результатом.

Само по себе превосходство в силах на театре войны ещё не гарантировало военного успеха. Петр I, сосредоточив превосходящие войска на главном направлении, действовал агрессивно, что предопределило его победы в 1703 году. В то же время, в Италии и в Нидерландах, где господствовала нерешительная маневренная тактика и борьба за коммуникации, численное превосходство не сыграло заметной роли (табл. 1). Маршал Вильруа в Нидерландах выводил в поле лишь 60% пехоты, распылив остальные силы по крепостям и укреплениям. Как следствие, наступление французов на Маастрихт, сначала довольно успешное, в конце концов, захлебнулось. В Нидерландах и на Рейне все отчётливее проявлялись такие черты стратегии, как борьба на истощение и приоритет материально-логистических факторов над - оперативными.

Важная роль в кампании 1703 года уделялась крепостям, выгодным позициям, рубежам и районам. Важной задачей на всех театрах стала борьба за крепости, полевые фортификационные сооружения и укрепленные линии. Захват таких крепостей, как Ниеншанц, Копорье, Ям или Ландау обеспечивал контроль над стратегически важными районами. Значение большинства крепостей на западноевропейских театрах, таких как Фрейбург, Новый Бризах, Кель, Бонн, Юи, Лимбург заключалось в обеспечении линий коммуникаций. Основным методом овладения крепостей оставалась методичная осада с применением траншейной тактики и тяжёлой артиллерии. Из 13 крепостей, осажённых в 1703 году, 12 были сданы противнику на капитуляцию (табл. 4).

Как русская армия, так и участники войны за испанское наследство, имели сильные и слабые стороны. Армия Петра Великого, ещё не перешедшая полностью на современное регулярное устройство, воевала по-старинке, опустошая и разоряя захваченные территории, уводя население в неволю. Сочетание старомосковской самобытности и заимствованной регуляторной организации будет положено в основу национального русского военного искусства. Методизм, повышенное внимание маневрированию и линиям сообщений, излишняя осторожность и нерешительность участников войны за испанское наследство станут типичной чертой западноевропейского военного дела вплоть до конца XVIII века.

Таблица 1

Цели и итоги кампании 1703 года.

Table 1

Goals and results of the 1703 campaign.

Театр военных действий, участники кампании	Цели	Итоги
Ингерманландия, Пётр I	Овладеть прибрежной полосой Финского залива	Завоевана прибрежная полоса вдоль Финского залива 150 км на 40-60 км, взяты крепости Ниеншанц, Копорье, Ямбург, возведена Петропавловская цитадель.
Нидерланды, Великий Альянс, Мальборо	Разгромить франко-испанскую армию, вторгнуться во Фландрию и Брабант.	Задачи не выполнены. Успехи ограничены упрочением тыловых коммуникаций по Рейну и Маасу взятием Бонна, Юи и Лимбурга.
Италия, французы, Вандом	Окончательно вытеснить имперские войска с левобережья р. По, разорвав их сообщения с Империей.	Задачи не выполнены. Позиции противников фактически не изменились.
Верхний Рейн, Французы, герцог Бургундский	Оборона Эльзаса, обеспечение действий франко-баварской армии на Дунае.	Задачи выполнены. Французы соединились с баварцами и приступили к совместным операциям на Дунае. В Эльзасе положение французов упрочилось после взятия Нёф-Бризаха и Ландау.

Таблица 2

Численный состав войск, принимавших участие в боевых действиях в 1703 году [4].

Table 2

The numerical composition of the troops that took part in the hostilities in 1703 [4].

№ п/п	ТВД	Участник военных действий, командующий	Численный состав
	Ижорская земля, Лифляндия, Карелия	Русские, Б.П. Шереметев, П.Ф. Апраксин	63 тыс.
		Шведы, Шлиппенбах, Кронгиорт	8 тыс. – Лифляндия 7 тыс. – Карелия, Ижорская земля
	Нидерланды	Англо-голландская армия, Д. Мальборо	100 тыс.
		Франко-испанская армия, Ф. Вильруа	64 тыс.
	Италия	Имперская армия, Г. Штеремберг	33 тыс.
		Франко-испанская армия, Вандом	50 тыс.
	Верхний Рейн, Дунай	Французы, Тальяр, герцог Бургундский.	66 тыс.
		Баварцы, Макс-Эммануил	34 тыс.
		Имперская армия, Л. Баденский, Шлик,	64 тыс.

Таблица 3

Походы и маневрирование действующих армий (основные силы) [7].

Table 3

Campaigns and maneuvering of active armies (main forces) [7].

Театр военных действий	Командующий, численность войск.	Маршрут	Дата	Расстояние (в км)	
Ингерманландия Поход на Ниеншанц.	Шереметев	Псков – Шлиссельбург.	выступили 18.03	470	
	2 гвард. полка, 4000	Москва – Новгород – Шлиссельбург.	выступили в конце февраля.	550	
	Репнин, 2 гвард., 4 солд. полка.	Новгород – Ладога – Шлиссельбург	4 – 17.04	270	
	Апраксин, 3 солдат. полка.	Ладога – Шлиссельбург.	Выступил 5.04	85	
	Главные силы.	Шлюссельбург – Ниеншанц.	23 – 26.04	70	
Поход на Ям.	Верден, 9820.	Псков – Ям.	5 – 13.05	125	
Поход на Копорье.	Шереметев, 5 солдат. полков, 1000 конницы.	Ниеншанц – Копорье.	11.05 – 23.06	100	
	Англетер, 3 солдат., 3 драгун. полка.	Ям - Копорье	прибыли 23.05	55	
	Шереметев, 3 солдат., 2 драгун. полка.	Копорье – Ям.	3 – 4.06	55	
Поход на Кронгиорта	Пётр, 2 полка гвардии, 4 драгун. полка.	Ниеншанц – р.Сестра	6 – 7.07	20	
Набег на Нарву	Верден, 2 кав. полка, «низовые» сотни.	Ям – Нарва.	14 – 15.08	25	
Поход в Эстляндию.	Шереметев, 9 драгун. полков, рейтары, дворяне, 11 тыс.	Ям – Ракобор	22.08 – 5.09	505	
		Ракобор – Феллин	6 – 11.09		
		Феллин – Нейгаузен	14 – 26.09		
		Нейгаузен – Псков	26 – 30.09		
Нидерланды. Голландская армия, немецкие союзные отряды, поход на Бонн	Мальборо, 50 тыс.	Маастрихт – Бонн	апрель	124	
		Кобленц – Бонн		85	
Нидерланды. Англо-голландская армия, Маневрирование.	Мальбро, 70 бтн., 120 эск. (65 – 70 тыс.)	Маастрихт – Монмаль – Лимон – Анеф	24.05 – 11.06	55	
		Анеф – Веллем – Беринген – Брехт	27.06 – 24.07	140	
Нидерланды. Англо-голландская армия, поход на Юи.	Мальбро (60 тыс.)	Брехт – Тонгр – Винамон – Юи	2 – 19.08	125	
Нидерланды. Англо-голландцы, поход на Лимбург.	Мальбро (60 тыс.)	Сен-Трон – Лимбург	4 – 8.10	50	
Нидерланды, французы, наступление на Маастрихт	Вильруа, 60 бтн., 100 эск. (40 тыс.)	Дист – Монтенак	Апрель – май	170	
		Намюр – Монтенак			
		Монтенак – Тонгр			9 – 10.05
		Тонгр – Маастрихт			14 – 15.05
Нидерланды, французы, Маневрирование	Вильруа, 60 бтн., 100 эск. (40 тыс.)	Отход Маастрихт – Тонгр	15.05	180	
		Тонгр – Хассельбрук – Варем – Лёвен – Лир – Антверпен	25.05 – 9.07		
Нидерланды, французы, бросок на помощь Антверпену	Буффлер, 30 тыс.	Дист – Эккерен	В ночь 29 – 30.06	60	

Продолжение таблицы 3
Continuation of table 3

Италия, французы, наступление на Остилию.	Вандом, 30 бтн., 79 эск. (25 тыс.)	Сан-Бенедетто – Ногара	19 – 21.05	180
		Ногара – Кастаньеро	22.05 – 2.06	
		Кастаньеро – Остилья	2 – 6.06	
		Остилья – Зело	10.06	
		Зело – Леньяго – Ногара	11.06 - 4.07	
Италия, французы, Демонстрация на Мирандоллу.	Альберготти, 2500	Буонпорте – Сан-Феличе – Финале – Сан-Пеллегрино	30.05 – 10.06	45
		Сан-Пеллегрино - Финале - Бастилья	13.06 – бой у Сан-Пеллегрино.	50
Италия, австрийцы, рейд по тылам французов	Вабонн, 1000 кавалерии	Квистелло – р. Тонаро (Тречента) – Пескантина – Риволи – Буссоленго – Валледжио	июнь	160
Италия, французы, поход в Южный Тироль	Вандом, 32 бтн., 29 эск. (20 тыс.)	Ногара – Риволи	4-22.07	240
		Риволи – Монте – Бальдо	22-27.07	
		Монте – Бальдо – Рива	22.07-3.08	
		Рива – Тренте	22.08-1.09	
		Тренте – Рива	8-13.09	
Рива – Сан – Бенедетто	15 – 29.09			
Италия, имперцы, поход на помощь Савойе.	Висконти, 1230 кавал.	Ревере – Генуя – Миллезимо - Кариньяно	18.10 – 26.11	360
Италия, французы, преследование Висконти	Вандом, отдельные отряды	Сан – Бенедетто – Страделла – Тортона – Изола	Октябрь-ноябрь	280
Италия, имперцы, поход на помощь Савойе.	Штеремберг, 15 тыс.	Конкордия – Парма	24 – 31.12	330
		Парма – Страделла	31.12 – 2.01.04	
		Страделла – Тортона	3– 6.01	
		Тортона – Канелли	6 – 14.01	
		Канелли – Альба	1 – 5.01. 1704	
Италия, французы, преследование Штеремберга	Вандом, 15 бтн., 2 кав., 1 драгун. полки (15 тыс.)	Сан – Бенедетто – Карпи – Корреджио – Страделла – Тортона – Асти - Изола	Декабрь - январь	300
Верхний Рейн, французы, поход на Кель.	Вильяр, 28 тыс.	Юнинген (переправа через Рейн) – Мюльхайм – Кинциг	12 – 18.02	90 – 120
		Нойенбург (переправа через Рейн) – Мюльхайм – Кинциг	15 – 18.02	
		Алтенхайм (переправа через Рейн) – Кинциг	18.02	
		Кинциг (переправа) – Бюль	19 – 22.02	
		Бюль – Кель	22 – 24.02	
		Осада Келя	24.02 – 12.03	
		Кель – Страсбург	13 – 18.03	
		Страсбург – Кель (переправа через Рейн)	13 – 15.04	
Верхний Рейн, Германия, французы, поход на соединение с баварцами.	Вильяр	Рейн – Ахерн – Зацбах.	15 – 17.04	320 – 340
		Зацбах – Ханзах.	17 – 28.04	
		Ханзах – Хорнберг.	28.04 – 2.05	
		Хорнберг – Рейтлинген (соединение с баварцами)	2 – 9.05	
		Рейтлинген – Диллинген, Лавинген.	май	

Продолжение таблицы 3
Continuation of table 3

Имперцы, Поход через Шварцвальд в Германию	Людвиг Баденский, 16 тыс.	Бюльль – Дурлах – Пфорцхейм - Геппинген	3 – 16.06	150
Верхний Рейн, французы, поход на Брейзах.	Тальяр, 50 бтн., 59 эск. (27 тыс.)	Вильштетт - Шюттерн – Эттенхайм – Ригель – Брейзах	10 – 15.08	80
Верхний Рейн, французы, поход на Ландау	Тальяр, (30 тыс.)	Страсбург - Ландау		100

Таблица 4

Осада крепостей в 1703 году [6].

Table 4

Siege of fortresses in 1703 [6].

Крепость	Осаждающие, командующий, силы	Осаждённые, комендант, силы	Дата осады
Нисеншанц	Русские, Шереметев, 20 тыс., 32 пушки и мортиры	Шведы, Опалев, 600	26.04-1.05
Копорье	Русские, Шереметев 2 тыс. конницы, 4 пех. полка, 5 пушек	Шведы, Опалев, 1 бтн.	25-27.05
Ямбург	Русские, Верден 10 тыс. 23 пушки, 9 гаубиц и 5 мортир.	Шведы, 80, 4 пушки.	6-14.05
Бречелло	Французы, Де Торральба, Сенеттер, 4 батальона и 5 эскадронов	Австрийцы, Вендт 2235 пехоты, 111 конницы.	2.01-26.07
Наго	Французы, Вандом, 2 тыс., 10 пушек.	Австрийцы, тирольцы, 150, 5 пушек.	31.07-4.08
Арко	Французы, Медави, 16 бтн, 7 эск., 15 пушек	Австрийцы, тирольцы, Фрезен, 600, 14 пушек	8-18.08
Тренте	Французы, Вандом, 10 тыс.	Австрийцы, тирольцы, Вабонн	2-8.09 (осада снята)
Бонн	Англо-голландцы, Мальборо, 40 тыс.	Французы, Д'Аллегре 3600	27.04-15.05
Юи	Англо-голландцы, Ангальт-Дессау, 42 тыс.	Французы, Де Мило, 7500.	15-26.08
Лимбург	Англо-голландцы, Мальборо 16 тыс.	Французы, Реньяк, 1400	10-27.09
Кель	Французы, Виллар, 20 тыс., 24 пушки, 10 гаубиц и 21 мортира.	Имперцы, Энценберг, 2177, 28 пушек.	24.02 – 12.03
Новый Бризак	Французы, герцог Бургундский, Тальяр 24 тыс., 120 пушек и 32 мортиры	Имперцы, Д'Арко, 3458, 80 пушек и мортир.	11.08-7.09
Ландау.	Французы, Тальяр 26 тыс., 40 пушек.	Имперцы, Фризен, 5600, 86 пушек 37 мортир.	13.10-17.11

Список источников

1. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. Военное издательство МО СССР. Москва. 1958. 662 стр.
2. Беспалов А.В. Сражение при Альмансе 25 апреля 1707 года. Бурбоны против Габсбургов // Известия Смоленского университета. 2012. № 3. С. 150 – 167.
3. Бобровский П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка: в 4-ех томах. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1904. Т. 2. 308 с.
4. Бутурлин Д.П. Военная история походов россиян в XVIII веке: в 2-х т. СПб.: Военная типография главного штаба Его Императорского Величества. 1819. Т. 1. 672 с.
5. Великанов В.С. Савойское герцогство в войне за Испанское наследство // Воин. 2005. № 2. С. 20 – 25.

6. Военно-походный журнал (с 3 июня 1701-го года по 12 сентября 1705 года) генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева // *Материалы Военно-Ученого Архива Главного Штаба* / под ред. Бычкова А.Ф. СПб: Типография главного штаба, 1871. Т. I. ч. III, 846 стб.
7. *Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого)* / сост. Майкова Т. С. М.: Кругъ, 2004. Вып. 1. 2004. 631 с.
8. Голицын Н.С. Великие полководцы истории. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1875. Т. 2. 222 с.
9. Ивонина Л.И. Битва при Мальпляке 11 сентября 1709 года // *Новая и новейшая история*. 2010. № 1. С. 216 – 222.
10. Ивонина Л.И. *Война за испанское наследство*. М.: Росконсульт, 2009. 288 с.
11. Ивонина Л.И. *Герцог Мальборо: человек, полководец, политик*. М.: Ломоносовъ, 2019. 264 с.
12. Ивонина Л.И. *Маршал Виллар / Преподавание истории в школе*. 2012. № 6. С. 32 – 39.
13. Ивонин Ю.Е. *Евгений Савойский* // *Вопросы истории*. 2006. № 6. С. 48 – 69.
14. *Книга Марсова или воинских дел от войск царского величества российских*. СПб., 1713. 165 с. <https://kp.rusneb.ru/item/reader/kniga-marsova-ili-voinskih-del-ot-voisk-carskogo-velichestva-rossiiskih-1> (дата обращения: 07.02.2022)
15. Кутищев А.В. *Герцог Мальборо и его время*. М.: Кучково поле. 2012. 544 с.
16. Кутищев А.В. *Военная кампания 1703 года в Нидерландах по корреспонденции и воспоминаниях её участников* // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*, 2022. Т. 21. № 1. С. 9 – 21.
17. Марков М.И. *История конницы*. Тверь: Типо – Литография Ф. С. Муравьёва, 1887. Кн. 3. 480 с.
18. Масловский Д.Ф. *Записки по истории военного искусства в России*. Вып. I. 1683-1762. СПб.: Тип. Безобразова и Комп. 1891. С. 93 – 94.
19. Махов С.П., Созаев Э.Б. *Борьба за испанское наследство*. М.: Вече, 2010. 352 с.
20. Михневич Н.П. *История военного искусства с древнейших времен до начала девятнадцатого столетия*. СПб.: Паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1896. 539 с.
21. Морозов Е.В. *Захват Англией Гибралтара и его последствия* // *Исторический бюллетень*. 2021. Т. 4. № 1. С. 97 – 99.
22. Павленко Н.И. *Петр Великий*. Москва: Мысль, 1990. 591 с.
23. *Письма и бумаги Петра Великого*. СПб.: Государственная типография, 1889. Т. 2. 821 с.
24. *Письма к государю императору Петру Великому от генерал-фельдмаршала графа Б.П. Шереметева*. Москва: Типография императорского университета, 1778. Ч. 1. 305 с.
25. Пузыревский А.З. *Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого*. СПб.: Типография Балашова, 1889. 348 с.
26. Свечин А.А. *Эволюция военного искусства*. М.; Л.: Государственное издательство, 1929. 400 с.
27. *Campagne de Monsieur le Maréchal de Villars en Allemagne l'an 1703 contenant les letters de ce Maréchal et celles de plusieurs autres Officiers Generaux au Roi* // Marc Michel Rey édité par. Amsterdam. 1762. Vol. 1. 372 p.
28. Chandler D. *Marlborough as a Military commander*. London: Charles Scribner's Sons, 1973. 416 p.
29. Coxe W. *Memoirs of the Duke of Marlborough with original correspondence. A new ediction, revised by John Wade*. London: Georg Bell and Sons, 1905. Vol. 1. 567 p.
30. Falkner J. *Marlborough' Sieges*. The Mill, Brimscombe Port, Stroud, Gloucestershire: Spellmount Ltd, 2007. 268 p.
31. *Feldzuge des Prinzen Eugen von Savoyen. Feldzug 1703*. Wien: Verlag des K. K. K. Generalstabes, 1878. I Serie, V Band. 1145 s.
32. *Feldzuge des Prinzen Eugen von Savoyen. Feldzug 1701*. Wien: Verlag des K. K. K. Generalstabes, 1876. I Serie, III Band. 664 s.
33. Linn A.J. *The Wars of Louis XIV 1667-1714*. London and New York: Longman, 1999. 421 p.
34. *Mémoires du marechal de Villars. De Vogué édité par*. Paris: Librairie de la Société de l'histoire de France, 1887. Vol. 2. 392 p.
35. Pelet J.J.G., Vault F.E. de le. *Mémoires militaires relatifs à la Guerre de la Sucession d'Espagne*. Paris: Imprimerie Royale, 1838. Vol. 3. 1070 p.
36. Robert Parker and Comte de Merode-Westerloo. Chandler D. edit. London, Longmans, Green and Co Ltd, 1968, 276 p.
37. *The Letters and Dispatches of John Churchill, First Duke of Marlborough from 1702 to 1712* / Murrey G. edit. London: John Murrey, Albemarl Street, 1845. Vol. 1. 660 p.

References

1. Beskrovny L.G. Russian army and navy in the 18th century. Military publishing house of the USSR Ministry of Defense. Moscow. 1958. 662 p.
2. Bepalov A.V. Battle of Almansa on April 25, 1707. Bourbons against the Habsburgs. News of Smolensk University. 2012. No. 3. P. 150 – 167.
3. Bobrovsky P.O. History of the Life Guards Preobrazhensky Regiment: in 4 volumes. St. Petersburg: Expedition for the procurement of state papers, 1904. T. 2. 308 p.
4. Buturlin D.P. Military history of Russian campaigns in the 18th century: in 2 volumes. St. Petersburg: Military printing house of the main headquarters of His Imperial Majesty. 1819. T. 1. 672 p.
5. Velikanov V.S. The Duchy of Savoy in the War of the Spanish Succession. Warrior. 2005. No. 2. P. 20 – 25.
6. Military marching journal (from June 3, 1701 to September 12, 1705) of Field Marshal Boris Petrovich Sheremetev. Materials of the Military Scientific Archive of the General Staff. ed. Bychkova A.F. St. Petersburg: Printing house of the main headquarters, 1871. T. I. part III, 846 stb.
7. History of the Suan War (Peter the Great's Daily Note). comp. Maykova T.S.M.: Krug, 2004. Vol. 1. 2004. 631 p.
8. Golitsyn N.S. Great commanders of history. St. Petersburg: Printing house of the partnership "Public Benefit", 1875. T. 2. 222 p.
9. Ivonina L.I. Battle of Malpljak on September 11, 1709. New and recent history. 2010. No. 1. P. 216 – 222.
10. Ivonina L.I. War of the Spanish Succession. M.: Roskonsult, 2009. 288 p.
11. Ivonina L.I. Duke of Marlborough: man, commander, politician. M.: Lomonosov, 2019. 264 p.
12. Ivonina L.I. Marshal Villar. Teaching history at school. 2012. No. 6. P. 32 – 39.
13. Ivonin Yu.E. Evgeny Savoysky. Questions of history. 2006. No. 6. P. 48 – 69.
14. Book of Mars or military affairs from the troops of the Russian Tsar's Majesty. St. Petersburg, 1713. 165 p. <https://kp.rusneb.ru/item/reader/kniga-marsova-ili-voinskih-del-ot-voisk-carskogo-velichestva-rossiiskih-1> (date of access: 02/07/2022)
15. Kutishchev A.V. The Duke of Marlborough and his time. M.: Kuchkovo field. 2012. 544 p.
16. Kutishchev A.V. Military campaign of 1703 in the Netherlands according to correspondence and memories of its participants. Bulletin of NSU. Series: History, Philology, 2022. T. 21. No. 1. P. 9 – 21.
17. Markov M.I. History of the cavalry. Tver: Tipo – Lithography by F. S. Muravyov, 1887. Book. 3. 480 pp.
18. Maslovsky D.F. Notes on the history of military art in Russia. Vol. I. 1683-1762. SPb.: Type. Bezobrazova and Comp. 1891. pp. 93 – 94.
19. Makhov S.P., Sozaev E.B. The fight for the Spanish inheritance. M.: Veche, 2010. 352 p.
20. Mikhnevich N.P. History of military art from ancient times to the beginning of the nineteenth century. St. Petersburg: Steam printing press P.O. Yablonsky, 1896. 539 p.
21. Morozov E.V. The seizure of Gibraltar by England and its consequences. Historical Bulletin. 2021. T. 4. No. 1. P. 97 – 99.
22. Pavlenko N.I. Peter the Great. Moscow: Mysl, 1990. 591 p.
23. Letters and papers of Peter the Great. St. Petersburg: State Printing House, 1889. T. 2. 821 p.
24. Letters to Emperor Peter the Great from Field Marshal Count B.P. Shere-meteva. Moscow: Printing house of the Imperial University, 1778. Part 1. 305 p.
25. Puzyrevsky A.Z. The development of standing regular armies and the state of military art in the age of Louis XIV and Peter the Great. St. Petersburg: Balashov Printing House, 1889. 348 p.
26. Svechin A.A. The evolution of military art. M.; L.: State Publishing House, 1929. 400 p.
27. Campagne de Monsieur le Maréchal de Villars en Allemagne l'an 1703 contenant les lettres de ce Ma-réchal et celles de plusieurs autres Officiers Generaux au Roi. Marc Michel Rey édité par. Amsterdam. 1762. Vol. 1. 372 p.
28. Chandler D. Marlborough as a Military commander. London: Charles Scribner's Sons, 1973. 416 p.
29. Coxe W. Memoirs of the Duke of Marlborough with original correspondence. A new edition, revised by John Wade. London: Georg Bell and Sons, 1905. Vol. 1. 567 RUR
30. Falkner J. Marlborough's Sieges. The Mill, Brimscombe Port, Stroud, Gloucestershire: Spellmount Ltd, 2007. 268 p.
31. Feldzuge des Prinzen Eugen von Savoyen. Feldzug 1703. Wien: Verlag des K. K. K. Generalstabes, 1878. I Serie, V Band. 1145 s.
32. Feldzuge des Prinzen Eugen von Savoyen. Feldzug 1701. Wien: Verlag des K. K. K. Generalstabes, 1876. I Serie, III Band. 664 s.
33. Linn A.J. The Wars of Louis XIV 1667-1714. London and New York: Longman, 1999. 421 p.

34. Mémoires du marechal de Villars. De Vogué edité par. Paris: Librairie de la Société de l'histoire de France, 1887. Vol. 2. 392 p.

35. Pelet J.J.G., Vault F.E. de le. Mèmoires militaires relatifs à la Guerre de la Sucession d'Espagne. Paris: Imprimerie Royale, 1838. Vol. 3. 1070 rub.

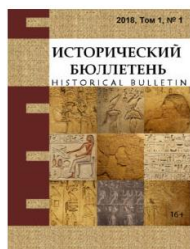
36. Robert Parker and Comte de Merode-Westerloo. Chandler D. edit. London, Longmans, Green and Co Ltd, 1968, 276 p.

37. The Letters and Dispatches of John Churchill, First Duke of Marlborough from 1702 to 1712. Murrey G. edit. London: John Murray, Albemarl Street, 1845. Vol. 1. 660 p.

Информация об авторе

Кутищев А.В., кандидат исторических наук, доцент, Уральский государственный университет путей сообщения, ORCID ID: 0000-0001-6921-3344, akutishev@usurt.ru, 8-908-924-55-23

© Кутищев А.В., 2024

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2024, Том 7, № 1 / 2024, Vol. 7, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94 (47).066

Имперская политика переселения в Степной край: особенности и специфика (конец XIX – начало XX вв.)

¹ Скопа В.А.,

¹ Алтайский государственный педагогический университет

Аннотация: тема взаимоотношений Российской империи и казахской степи на протяжении всего XX – начала XXI столетий оставалась одной из приоритетных в исторических исследованиях. Данная проблема сохранила свою актуальность и сегодня. На протяжении XIX – начала XX столетий именно крестьянство в различных аспектах оставалось для Российской империи основным колонизационным элементом. Российское государство возлагало на переселенческое движение решение важнейших геополитических, экономических, национальных задач. Процесс организации переселенческого дела в Семипалатинскую область представлял собой достаточно сложную систему, в которой интегрируются все административно-хозяйственные единицы: процесс переселения, врачебная и ветеринарная помощь, агрономическое развитие, социокультурная адаптация переселенцев и их финансовое обеспечение. Переселенческое дело определялось рядом работ: деятельность землеотводных партий и образование переселенческих участков посредством межевания, вопросы социально-экономического характера, урегулирование проблем взаимоотношений местного населения и переселенцев. Начиная с 1906 года Семипалатинская область была выделена в отдельный переселенческий район. Функционал и полномочия переселенческой партии были расширены, очерчены новые задачи по части организации водворения крестьян. Выработанные механизмы центральных властей по вопросам переселения способствовали мирному процессу данной политики на территорию степного Казахстана.

Ключевые слова: Степной край, история, переселенческая политика, Семипалатинская область, статистический учет, Казахстан

Для цитирования: Скопа В.А. Имперская политика переселения в Степной край: особенности и специфика (конец XIX – начало XX вв.) // Исторический бюллетень. 2024. Том 7. № 1. С. 120 – 125.

Поступила в редакцию: 17 сентября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 20 ноября 2023 г.; Принята к публикации: 15 января 2024 г.

Imperial policy of resettlement in the Steppe region: features and specifics (late 19th – early 20th centuries)

¹ Skopa V.A.,

¹ Altai State Pedagogical University

Abstract: the topic of the relationship between the Russian Empire and the Kazakh steppe throughout the 20th – early 21st centuries remained one of the priorities in historical research. This problem remains relevant today. Throughout the 19th and early 20th centuries, it was the peasantry in various aspects that remained the main colonizing element for the Russian Empire. The Russian state entrusted the resettlement movement with solving the most important geopolitical, economic, and national problems. The process of organizing resettlement in the Semipalatinsk region was a rather complex system in which all administrative and economic units are integrated: the resettlement process, medical and veterinary care, agronomic development, sociocultural adaptation of settlers and

their financial support. The resettlement business was determined by a number of works: the activities of land allotment parties and the formation of resettlement areas through land surveying, issues of a socio-economic nature, and the settlement of problems of relations between the local population and settlers. Beginning in 1906, the Semipalatinsk region was allocated as a separate resettlement area. The functionality and powers of the resettlement party were expanded, new tasks were outlined in terms of organizing the resettlement of peasants. The developed mechanisms of the central authorities on resettlement issues contributed to the peaceful process of this policy on the territory of steppe Kazakhstan.

Keywords: Steppe region, history, resettlement policy, Semipalatinsk region, statistical accounting, Kazakhstan

For citation: Skopa V.A. Imperial policy of resettlement in the Steppe region: features and specifics (late 19th – early 20th centuries). *Historical Bulletin*. 2024. 7 (1). P. 120 – 125.

The article was submitted: September 17, 2023; Approved after reviewing: November 20, 2023; Accepted for publication: January 15, 2024.

Введение

К наиболее сложным и актуальным аспектам колонизации казахской степи имперской Россией остается история переселенческого движения, поскольку за этим прослеживается стремление царских властей решить политические, экономические и социальные задачи. Проблема взаимоотношений Российской империи и казахской степи оставалась и остается одной из приоритетных в исторических изысканиях. Она сохранила свою актуальность и сегодня, как с теоретической точки зрения, так и практикоориентированной.

Актуальность заявленной темы подчеркивается еще и тем, что проблема колонизации и заселения степного Казахстана рассматривается с различных позиций: экономики, политического устройства, социокультурного освоения территории, что находит отражение как у отечественных исследователей, так и казахстанских коллег [1, 2, 3, 4, 7, 8, 9].

Материалы и методы исследований

Исследование выполнено в русле теории модернизации как историософской парадигмы и цивилизационного подхода. Важной стороной методологии исторического познания, выражающей общие черты общенаучных и специфически-исторических методов, являются принципы научного познания – объективности, системности, историзма и ценностного подхода. Научная историческая методология представляет собой сложную систему взаимосвязанных и взаимопроникающих методов философско-логического, общенаучного и специально-научного уровня.

Результаты и обсуждения

Переселение в Степной край в начале XX в. представляло собой массивный поток, и чтобы не допустить массовых неразберих и беспорядков были созданы землеотводные партии,

которые занимались обследованием земель в регионе, а в последствии стояли у истоков формирования переселенческих участков [4].

Процесс организации переселенческого дела в Семипалатинскую область представлял собой достаточно своеобразную и весьма сложную систему, в которой интегрируются все административно-хозяйственные единицы: организация и сам процесс переселения, врачебная и ветеринарная помощь, агрономическое развитие, социокультурная адаптация, финансовое обеспечение. Во всем периоде колонизации можно выделить несколько этапов:

Первый – 1893-1905 годы. В данный период переселенческое дело определялось из ряда работ подготовительного характера. Сюда можно отнести работу землеотводных партий, которая заключалась, главным образом, в обследовании земель в области и образованием переселенческих участков посредством межевания [10, 11]. Что касается зачисления, водворения и устройства переселенцев, то данные проблемы возлагались на плечи местной областной и уездной администрации, которая тесным образом взаимодействовала с представителями переселенческой партии [14].

Второй этап – 1906-1913 годы. В силу большого наплыва переселенцев и масштабов работ начиная с 1906 году, Семипалатинская область, как часть Степного края, была выделена в отдельный переселенческий район с широкомасштабной переселенческой организацией. Функционал и полномочия переселенческой партии были расширены, очерчены новые задачи по части организации водворения крестьян [4]. Самая крупная волна переселившихся, пришлось на 1906-1908 годы, где переселенческой организации пришлось «столкнуться с важнейшими запросами, предъявляемыми к ней самой жизнью: устроить большой наплыв русского

крестьянства, упорно и настойчиво стремившегося в новый край, часто не считаясь ни с какими правительственными мероприятиями» [13]. Условия были очень непростые как с финансовой точки зрения, так и административно-правовой. Районная организация вплоть до 1908 года «едва успевала удовлетворить неотложные запросы на переселенческие участки» [5]. К тому же, деятельность районной организации, помимо образования участков, сводилась, главным образом, и к зачислению и водворению переселенцев, и выдаче им ссуд на хозяйственное устройство, а также социальное обеспечение и адаптацию [6]. Учитывая колоссальный массив работы во многом указанные мероприятия оставались не решенными, на заботы о водворенных переселенцах сравнительно мало обращалось внимания.

После 1908 года переселенческая волна значительно упала. Со стороны вновь прибывших переселенцев начали проследиваться более высокие требования к участкам, а от водворенных поступали просьбы об их благоустройстве. Между тем, условия для образования участков год от года ухудшались, на что указывают регулярные статистические отчеты статистической партии. На первый взгляд все лучшее было взято в оборот, оставшиеся не занятыми под переселенческие участки обширные площади в области не были «достаточно и всесторонне обследованы, а на некоторые из них и совсем не подлежали никакому обследованию» [5]. Переселенцам действительно, приходилось садиться на менее подходящих к их требованию землях, при том, более удаленных от хороших путей сообщения и от того колонизационного базиса, каким являлись города и старожильские поселки. Данная нерешенность и волокита препятствовали системному процессу колонизационной политике государства.

Кроме того, качественный состав переселенцев ухудшался: на переселение двинулись «серою переселенческой массой гораздо менее сильные и энергичные элементы, переселяющиеся, в значительной мере, в расчете на казенные пособия» [5]. При таких условиях ухудшение результатов переселения было совершенно неизбежным явлением. Ввиду этого, вопрос о необходимости изменить характер дальнейшей колонизации области считался вполне назревшим. Поэтому в основу переселенческой политики в Семипалатинской области был принят принцип колонизации в ее широком смысле. Местная переселенческая организация широко использовала этот принцип в период 1909-1913 годов,

который можно определить как широкомасштабный.

В основу колонизации было положено:

- хозяйственно-статистическое и агрономическое обследование. Правильное использование государственных земель при помощи обследования их почвенно-ботаническими экспедициями и повторным статическим обследованием, а также устройством по оседлому положению киргиз, которые при «помощи этого приобщались к культурной жизни и освобождались от рабской зависимости небольшой группы крупных скотоводов – сородичей»;

- социокультурная адаптация и региональная социализация. Поднятие уровня общей культурного и экономического положения переселенцев посредством постройки приходов, церквей, медицинских и ветеринарных пунктов, выдачи ссуд и пособий на общепользовательские надобности для развития частного предпринимательства. Отдельное внимание было обращено на внутринадельное размежевание, а также создание торгово-промышленных центров, оживление пустынных берегов Иртыша путем обмена – войсковых земель на областные, образование казенно-оборочных статей для сдачи их без торгов коневодам и скотоводам на льготных условиях;

- расширение сети ирригации и дорог, что способствовало бы переселенческой централизации;

- урегулирование хаотического водопользования, что представляло собой немаловажную проблему.

Кроме обычных мер по благоустройству переселенцев можно выделить и ряд «новых явлений в деле заселения области» за период 1909-1913 года: заселение переселенческих участков единоличного пользования; возникновение торгово-промышленных поселений; реализация закон от 5 июля 1912 года о ссудах на хозяйственное устройство; образование казенно-оборочных статей; распространение мелкого кредита и меры по обеспечению переселенцев продовольствием [5, 9, 12].

Оформление хуторских участков началась с 1909-1910 годов в результате усилившегося стремления к установлению единоличного владения и вследствие расширения запасов устроившихся переселенцев. В следствии этого, все хуторские участки, пригодные к немедленному заселению, были разобраны переселенцами. Свободные от заселения хуторские участки, оставались не занятыми те, которые были

слишком удалены от заселенных мест и не имели устройства «в водном отношении» [5]. Форсированные темпы переселения явились во многом катализатором в активизации экономической жизни региона. Так, в 1912 году на Иртыше было образовано два торгово-промышленных поселка – Ермак и Иртыш, а в Зайсанском уезде две казенно-оброчные статьи в устье реки Кальджира [13]. Начиная с 1912 года главноуправляющему землеустройством и земледелием было предоставлено право сдавать в аренду без торгов под застройку в этих поселках усадебные участки казенной земли. Таким образом, Иртыш и Ермак являлись первыми в области поселениями торгово-промышленного характера на левом берегу большой судоходной реки Иртыш, на которой было развито большое товарное и пассажирское движение. К этим поселкам в последствии тяготели многочисленные переселенческие поселки и киргизские аулы левого берега. Данные поселения были образованы на землях, уступленных в переселенческий фонд Сибирским казачьим войском в обмен на областные земли. Размер усадебных участков в Иртыше и Ермаке устанавливался в размере около 900 квадратных сажен. Участки сдавались в аренду «на срок до 36 лет по цене от 1/2 до 2 копеек за квадратную сажень лицам всех сословий и только коренным русским православного вероисповедания» [13]. На основе выявленных статистических данных до 1912 года «усадебные места в поселках Иртыш и Ермак разбирались в аренду слабо» во многом это объяснялось отдаленностью и малой адаптированностью территорий для переселенцев [5, 9].

Географическое положение Иртыша и Ермака обеспечивало серьезное экономическое значение для колонизируемых районов. Усадебные участки и участки для пристаней на казенно-оброчных статьях, образованные в Зайсанском уезде для торгово-промышленных целей, на первых порах не имели особой востребованности, так как еще не были окончательно устроены, хотя расположение имело важную экономическую функциональность. В процессе переселенческой политики большую роль играли домообзаводственные ссуды, которые обеспечивали основу благоприятного устройства переселенцев. В тоже время помимо своего прямого назначения, ссуды в руках правительства служили могучим средством, при помощи которого регулировался поток переселенческого движения в различные районы водворения [6, 7].

При помощи ссудных норм правительство легко регулировало движение переселенцев:

«повышение ссуд приводило к приливу переселенцев в отдаленные и трудные для заселения места, а при понижении или даже отмене ссуд, наоборот, отвлекается избыток переселенцев из мест, наиболее заселенных» [13]. Данного рода мероприятия решались новым о ссудах законом от 5 июля 1912 года, устанавливающим размер ссуд в соответствии с государственной важностью заселения тех или иных пограничных местностей и с трудностью водворения в них. Начиная с 1909 года активизировались мероприятия по образованию казенно-оброчных статей в целях сдачи их под выпас на льготных условиях обществам переселенцев и киргизам скотоводам. Как отмечалось в отчетах переселенческой партии «главным основанием к образованию казенно-оброчных статей послужила наличность в области зажиточных, с большим количеством скота, переселенческих поселков и крупных скотоводов-киргиз, которые при все увеличивающейся колонизации области могут нуждаться в аренде обширных пастбищных земель» [5, 13]. Фактически до 1913 года все казенно-оброчные статьи находились в распоряжении Омского управления государственными имуществами и сдавались в аренду на срок не больше одного года с торгов за крайне низкую плату.

Учитывая особенности сельского хозяйства региона для поддержания и развития отечественного коннозаводства в 1912 году было утверждено положение Совета Министров «о сдаче в аренду без торгов участков казенной земли в Сибири, в степных областях и в Туркестанском крае для коневодства и скотоводческого хозяйства» [13]. С начала реализации данного положения 35 казенно-оброчных статей площадью 84332 десятины были изъяты из ведения Омского управления государственными имуществами и переданы в распоряжение местной переселенческой организации для сдачи их коневодам и скотоводам, что имело существенно благоприятные последствия в деле ведения сельского хозяйства. Согласно журналу общего присутствия Семипалатинского областного правления от 16 мая 1913 года, за №98 для этих казенно-оброчных статей были установлены: «арендная плата в зависимости от качества их и удаленности от населенных мест от 8 до 15 копеек за десятину общей площадью; количество голов скота, которые арендатор обязывается содержать на статье» [13]. Все поступающие прошения о сдаче казенно-оброчных статей на основании правил рассматривались общим присутствием Семипалатинского областного правления и на

основании постановлений общего присутствия о сдаче, утвержденных Степным генерал-губернатором сдавались в аренду заведующим Семипалатинским районом на основании условий, утвержденных 30 марта 1913 г. главноуправляющим землеустройством и земледелием [5]. До 1913 года заведующему районом было предоставлено право сдать 11 казенно-оброчных статей. Таким образом, движение в Степной край и развитие скотоводства находило себе выход из создавшегося положения путем аренды указанных казенно-оброчных статей.

Процесс освоения степных территорий не мог не оказать влияние и на местное население. Среди киргизского населения области, вследствие изменения местных, бытовых и экономических условий, наблюдался постепенный переход кочевников к полуоседлой и оседлой жизни. По данным статистических обследований за 1910-1912 годы было установлено, что во всех уездах часть киргизского населения «ведет полуоседлый – полукочевой образ жизни» [6, 13]. Статистические обследования по образованию участков для оседлого устройства киргиз широкомасштабно начались с 1909 года на основании особых правил о землеустройстве киргиз, одобренных Советом Министров 11 июня 1908 года. Опубликование этих правил в связи с личным разъяснением их значения главным начальником края «воодушевило киргизскую бедноту, которая стремилась перейти от невыгодного для нее, при ограниченном числе скота, кочевания к более доходному земледелию» [13]. Из этой именно среды и были поданы первые

прошения о землеустройстве. Находясь в экономической зависимости от состоятельных баев и под влиянием различных слухов, бедняки-киргизы, заявившие желание получить надел, часто отказывались от отведенного для них участка. Бывали нередко случаи, когда, «пользуясь страхом и ненавистью богачей к землеустройству, противная им партия, в виде угрозы, заявляла желание перейти в оседлость, а затем, добившись своего и помирившись с ними, отказывалась от отведенного участка» [13]. Часто таким же образом поступали киргизы, смотрящие на свое заявление о переходе в оседлость, как на средство противодействовать делу образования переселенческих участков. Эти борющиеся силы и влияния, эта смена настроений у киргиз, уже заявивших желание получить надел, сильно тормозили землеустройство киргиз и самым неблагоприятным образом отражались на успехе работ землеотводной партии [9].

Выводы

Процесс организации переселенческого дела и устройство переселенцев в Семипалатинской области в начале XX века представлял собой достаточно сложный и неоднозначный механизм. Водворение в Степной край крестьян переселенцев привело к появлению новых форм хозяйственной деятельности и способствовало выходу скотоводства из кризисного состояния. Разработанные механизмы центральных властей по части переселения способствовали более сглаженному и мирному прибытию крестьян на территорию казахской Степи.

Список источников

1. Бельбаева А.А. Переселенческая политика царизма в Казахстане в конце XIX – начале XX вв. // Мысль. 2000. № 4. С. 112 – 115.
2. Брусникин Е.М. Переселенческая политика царизма в конце XIX в. // Вопросы истории. 1965. № 1. С. 28 – 38.
3. Кусайнулы К., Халидуллин Г.Х. Социально-экономическая история Казахстана на рубеже XIX-XX веков. Алматы, 2005. 215 с.
4. Мырзахметова А.Ж. История образования и деятельности органов Переселенческого управления в Казахстане в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 2007. 24 с.
5. Протоколы совещания статистиков Переселенческого управления на 1915 год. Омск, 1915. 91 с.
6. Рахимбекова А.К. Роль имперского фактора в трансформации казахского общества: дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2004. 241 с.
7. Симонова М.С. Политика царизма в крестьянском вопросе накануне революции 1905-1907 гг. // Исторические записки. М., 1965. Т. 75. С. 211 – 243
8. Скопа В.А. Исследования переселенческих поселков Обществом любителей исследования Алтай в конце XIX века: особенности организации и механизмы проведения // Исторический бюллетень. 2021. Т. 4. № 3. С. 168 – 172.

9. Скопа В.А. Особенности проведения землеотводных и гидротехнических работ в переселенческих районах Степных областей в конце XIX – начале XX в. // Успехи современной науки и образования. 2017. № 9. С. 123 – 125.

10. Скопа В.А. Финансовое обеспечение переселенцев и их хозяйственное устройство в начале XX в. (по материалам Семипалатинской области) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 11. Ч. С. 162 – 164.

11. Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России. Алма-Ата, 1981.

12. Трегубов А.Л. По новым местам. СПб., 1913. 154 с.

13. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК) Ф. 469. Оп. 1 Д. 110, 112

14. Черников В.С. Крестьянская колонизация Северного Казахстана в эпоху империализма // История СССР. 1982. № 6. С. 85 – 89.

References

1. Belbaeva A.A. The resettlement policy of tsarism in Kazakhstan at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. Thought. 2000. No. 4. P. 112 – 115.

2. Brusnikin E.M. The resettlement policy of tsarism at the end of the 19th century. Questions of history. 1965. No. 1. P. 28 – 38.

3. Kusaynuly K., Khalidullin G.Kh. Socio-economic history of Kazakhstan at the turn of the 19th-20th centuries. Almaty, 2005. 215 p.

4. Myrzakhmetova A.Zh. History of the formation and activities of the bodies of the Resettlement Administration in Kazakhstan at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries: abstract of thesis. dis. ...cand. ist. Sci. Karaganda, 2007. 24 p.

5. Minutes of the meeting of statisticians of the Resettlement Administration for 1915. Omsk, 1915. 91 p.

6. Rakhimbekova A.K. The role of the imperial factor in the transformation of Kazakh society: dis. ...cand. ist. Sci. Almaty, 2004. 241 p.

7. Simonova M.S. The policy of tsarism in the peasant question on the eve of the revolution of 1905-1907. Historical notes. M., 1965. T. 75. P. 211 – 243

8. Skopa V.A. Research of resettlement settlements by the Altai Research Amateur Society at the end of the 19th century: features of organization and implementation mechanisms. Historical Bulletin. 2021. T. 4. No. 3. P. 168 – 172.

9. Skopa V.A. Features of land acquisition and hydraulic engineering works in the resettlement areas of the Steppe regions at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. Advances in modern science and education. 2017. No. 9. P. 123 – 125.

10. Osprey V.A. Financial support for settlers and their economic structure at the beginning of the 20th century. (based on materials from the Semipalatinsk region). Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2017. No. 11. Ch. P. 162 – 164.

11. Suleimenov B.S., Basin V.Ya. Kazakhstan is part of Russia. Alma-Ata, 1981.

12. Tregubov A.L. To new places. St. Petersburg, 1913. 154 p.

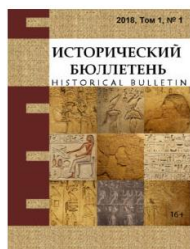
13. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK) F. 469. Op. 1 D. 110, 112

14. Chernikov V.S. Peasant colonization of Northern Kazakhstan in the era of imperialism. History of the USSR. 1982. No. 6. P. 85 – 89.

Информация об авторе

Скопа В.А., доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет, sverhtitan@ Rambler.ru, 89095072907

© Скопа В.А., 2024

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2024, Том 7, № 1 / 2024, Vol. 7, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 332.12

Проблема модернизации аграрного строя России в контексте экономической политики государства

¹ Ковалев Д.В.,
² Омельченко Н.А.,

¹ Государственный социально-гуманитарный университет,
² Государственный университет управления

Аннотация: статья посвящена изучению различных направлений модернизации сельского хозяйства, как одного из ключевых вопросов государственной экономической политики. Очевидно, что устойчивый рост агропромышленности невозможен без обеспечения основ экономической деятельности государства, которая играет важную роль в обеспечении не только национальной и продовольственной безопасности, но она также должна поддерживаться государством чтобы иметь возможность развиваться и обогащаться. Отсутствие активного центрального органа, подобного Министерству сельского хозяйства, возможно, препятствовало трансформации российского сельскохозяйственного сектора, ограничивая координацию научных исследований и усилий по распространению знаний в провинциях. Однако в данной статье основное внимание уделено очевидным и, возможно, неожиданным успехам местной агрономии, но точные последствия для экономической траектории России еще предстоит исследовать.

Ключевые слова: модернизация, сельское хозяйство, аграрная политика, государство

Для цитирования: Ковалев Д.В., Омельченко Н.А. Проблема модернизации аграрного строя России в контексте экономической политики государства // Исторический бюллетень. 2024. Том 7. № 1. С. 126 – 130.

Поступила в редакцию: 17 сентября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 16 ноября 2023 г.; Принята к публикации: 15 января 2024 г.

The problem of modernization of the agrarian system of Russia in the context of the economic policy of the state

¹ Kovalev D.V.,
² Omelchenko N.A.,

¹ State University of Humanities and Social Studies,
² State University of Management

Absrtact: the article is devoted to the study of various directions of modernization of agriculture as one of the key issues of state economic policy. It is obvious that the sustainable growth of the agro-industry is impossible without ensuring the foundations of the economic activity of the state, which plays an important role in ensuring not only national and food security, but it must also be supported by the state in order to be able to develop and enrich itself. The absence of an active central body like the Ministry of Agriculture may have hindered the transformation of the Russian agricultural sector, limiting the coordination of scientific research and knowledge dissemination efforts in the provinces. However, this article focuses on the obvious and perhaps unexpected successes of local agronomy, but the exact consequences for Russia's economic trajectory have yet to be explored.

Keywords: modernization, agriculture, agrarian policy, states

For citation: Kovalev D.V., Omelchenko N.A. The problem of modernization of the agrarian system of Russia in the context of the economic policy of the state. Historical Bulletin. 2024. 7 (1). P. 126 – 130.

The article was submitted: September 17, 2023; Approved after reviewing: November 16, 2023; Accepted for publication: January 15, 2024.

Введение

Помогало ли российское государство экономическому развитию в досоветскую эпоху или препятствовало ему? Согласно классической формулировке отечественных исследователей, царское государство предприняло попытку преодолеть отсталость России [5]. Это повлекло за собой государственные кредиты и гарантии для промышленности, защитные тарифы и заимствование иностранных технологий. Примечательно, что многие ученые рассматривали государство как использующее налоговую политику для выкачивания ресурсов из сельского хозяйства для поддержки промышленности. Отчасти это было сделано через институт крестьянина коммуны, что также способствовало ограничению мобильности рабочей силы из сельского хозяйства и снижению стимулов к улучшению земельных владений. Результатом стала стагнация в сельской местности – как в плане уровня жизни, так и в плане роста производительности сельского хозяйства.

Однако многие исследователи отмечали, что уровень жизни в сельской местности, вероятно, был выше, чем предполагалось в более старой литературе об аграрном “кризисе” [2]. Негативное стимулирующее воздействие коммуны, возможно, было ограничено на практике. Несмотря на то, что оно менее хорошо документировано, налоговое бремя крестьян, вероятно, было менее обременительным, чем часто утверждается, и задолженность не увеличивалась [6]. Это не значит, что российская сельская местность была невероятно благополучной; по сравнению с более развитыми странами того времени, на деле это было не так.

Но сельскохозяйственный сектор начинал вставать на путь технологической модернизации в контексте глобальной торговли. Крестьяне постепенно осваивали новые культуры, методы возделывания, искусственные удобрения и технику; рынки сельскохозяйственного кредитования расширялись; и фермерский сектор все больше подключался к международным рынкам зерна. В то время как сельские районы России медленно переживали сельскохозяйственные преобразования до 1917 года.

Земства были созданы таким образом, чтобы включать в себя представительство местных владельцев собственности, включая недавно эмансипированное крестьянство. Исследуя межрайонные

различия в электоральной власти различных владельцев хозяйств показывает, что земства с большим представительством крестьян не только тратили больше на душу населения, но и взимали более низкие ставки налога на коммунальную собственность и тратили относительно больше на начальное образование в деревнях [6]. Медленный процесс структурных изменений характеризовал экономический рост в поздней царской России. Хотя совокупный экономический рост в этот период был сопоставим с более развитыми экономиками, к Первой мировой войне уровни доходов практически не совпадали с мировыми лидерами [6].

Материалы и методы исследований

Развитие сельского хозяйства в позднюю царскую эпоху шло по резко отличающимся региональным траекториям. Улучшение транспортной системы и повышение мобильности рабочей силы после отмены крепостного права привели к региональной специализации, при этом центральные провинции показали гораздо более низкий рост сельскохозяйственного производства, чем Поволжье, Украина и южные провинции. ‘Центральный промышленный регион’ вокруг Москвы, простирающийся до Нижегородской области, был известен высоким уровнем несельскохозяйственных работ. Специализация была очевидна и в сельскохозяйственном секторе, поскольку северные провинции, такие как Вологда и Новгород, все больше ориентировались на молочное животноводство и различные формы смешанного земледелия [3, с.89].

Очевидная низкая производительность российского крестьянского сельского хозяйства до 1917 года также объяснялась особенностями культуры или систем верований сельской России. Согласно исследованиям [1], крестьяне целенаправленно игнорировали лучшие практики и проявляли мало интереса к повышению производительности. Исследователи утверждали, что такой крестьянский менталитет ограничивал способность внешних экспертов убеждать крестьян в непригодности их путей.

Какова была роль российского государства в поощрении или сдерживании этих и других элементов сельскохозяйственного развития? Многие советские ученые указывали, что царская налоговая политика перераспределяла ресурсы из сель-

ского хозяйства в поддержку промышленности, хотя существует мало свидетельств того, что сельскохозяйственный сектор был особенно ущемлен в налоговом отношении.

Было очевидно, что царский режим неоднократно проявлял интерес к "аграрной реформе", но его усилия в конечном счете были подорваны политическими и финансовыми обстоятельствами во времена кризиса. В целом, центральное правительство относительно мало делало для прямой поддержки сельского хозяйства в досоветскую эпоху [10].

На раннем этапе предпринимались некоторые косвенные усилия, такие как создание различных сельскохозяйственных школ и академий под эгидой Министерства образования и основание крестьянского и дворянского земельных банков в 1880-х годах. Возможно, это повлияло на производительность труда, но имеющиеся данные свидетельствуют о том, что финансовое участие центрального правительства в таких делах было довольно ограниченным или, по крайней мере, не увеличивалось как доля в общем объеме центрального бюджета до самого конца периода. Расходы различных министерств сельского хозяйства включали относительно небольшое прямое финансирование агрономических мероприятий – вероятно, менее 5% от суммы, заложенной в бюджете соответствующих министерств [5, с. 46].

Результаты и обсуждения

Сельскохозяйственный кризис 1891 года и голод в центральных сельскохозяйственных регионах действительно привели к некоторому росту интереса царских чиновников к аграрным условиям. Помощник министра внутренних дел Вячеслав Плеве выступал за более активную государственную поддержку сельского хозяйства в начале 1890-х годов, включая расширение деятельности государственных кредитных учреждений и прямое финансирование агрономии. Впоследствии была созвана специальная конференция по экономическим условиям в сельской местности под председательством Сергея Витте, бывшего премьер-министра [7].

Столыпинские земельные реформы стали кульминацией растущего интереса к развитию сельского хозяйства. Хотя эти меры не предполагали большого использования бюджетных ресурсов, были предприняты определенные усилия по разработке агрономических программ [4]. В результате в период с 1905 по 1914 год возросла поддержка небольшого числа опытных станций (в основном за пределами Европы России), специализированных научно-исследовательских инсти-

тутов, выставочных ферм и экспертов по сельскому хозяйству в Санкт-Петербурге.

К 1917 году российское сельское хозяйство достигло пределов экстенсивного роста. Перенос сельскохозяйственного производства в более продуктивные южные провинции в основном завершился по мере замедления развития железнодорожной сети. Столыпинские реформы, хотя, возможно, и ослабили некоторые институциональные ограничения на рост производительности, не уничтожили коммуну. В предыдущие несколько десятилетий крестьяне и некрестьянские фермеры во всех частях империи все шире применяли механизацию, новые орудия труда, семена, искусственные удобрения и усовершенствованные севообороты.

Результатом стало медленное повышение урожайности и рост производства, несмотря на очевидное замедление роста затрат рабочей силы и земли. Перед лицом возможных культурных и институциональных ограничений и ограниченной поддержки центрального правительства до довольно позднего периода, помогая управлять медленным процессом модернизации сельского хозяйства.

Механизмы того, как и почему фермеры в развивающихся странах внедряют новые технологии производства, часто неясны и могут быть связаны либо с какой-то неизвестной неоднородностью, либо с несовершенством рынка [9]. Относительно бедные фермеры, не склонные к риску, могут рассматривать затраты на новые технологии как превышающие неопределенные выгоды. Более того, возможные положительные побочные эффекты от внедрения – будь то путем передачи новых знаний соседям или с помощью других механизмов – могут привести к тому, что фермеры не будут осуществлять социально оптимальный уровень инвестиций в новые технологии. Недостатки в кредитовании, вводимых ресурсах (часто из-за концентрации поставщиков) или на рынках сбыта продукции могут привести к увеличению предполагаемых или фактических издержек для потенциальных пользователей.

Наконец, даже для тех фермеров, которые могли бы внедрить новые технологии, доступ к новым знаниям о технологиях может оказаться непомерно трудным в условиях низкого уровня образования и высоких затрат на транспорт и связь. Все эти факторы определяют роль учреждений государственного сектора в снижении издержек и стимулировании частных инвестиций для достижения социально оптимального уровня внедрения.

Агрономические программы включают усилия правительства по стимулированию технологиче-

ских изменений и включают усилия правительства по содействию технологическим изменениям, распространению полученных знаний о новых технологиях и методах производства и поддержке внедрения передовых сельскохозяйственных культур, ресурсов и техники. Государственное финансирование научных исследований, как правило, оправдывается ссылкой на стандартные внешние эффекты НИОКР, особенно когда эксперименты приводят к неопределенным результатам и при создании новых технологий существуют большие различия [8]. Государственная поддержка сети исследовательских станций и экспериментальные фермы могут быть особенно необходимы, когда агроклиматические условия неоднородны, а (местная) частная отдача от инноваций относительно ограничена. Распространение информации среди общественности – отдельное, но часто связанное с исследованиями – направлено на преодоление разрыва между фактическими и текущими передовыми практиками, последняя из которых эволюционирует с технологическими изменениями. Это влечет за собой различные методы распространения сельскохозяйственных знаний среди производителей (особенно среди пользователей традиционных методов) и снижения затрат на внедрение для заинтересованных фермеров. При финансировании образования; облегчая коммуникацию между новаторами, поставщиками технологий и фермерами; и даже субсидируя внедрение, государственные расходы на распространение приносят высокую социальную отдачу [5].

Но не каждый член законодательного собрания поддерживал расширение финансирования агрономии. Некоторые представители земельной и городской элиты проявляли более стереотипный консерватизм, утверждая, по сути, что использование средств для поддержки агрономии принесло им мало чистой выгоды. Другие, такие как А.А. Демидов, который был одним из крупнейших землевладельцев в губернии, утверждали, что агрономия неэффективна, потому что «крестьянское хозяйство ведется в соответствии с натуральными, а не экономическими условиями» [3, с. 78].

Возможно, еще более важно то, что отчеты ассамблеи содержат примеры того, как сами крестьяне утверждали, что расширенные усилия в области агрономии принесут мало пользы. Например, С.А. Козлов утверждал, что крестьяне, общаясь между собой, лучше всего передают сельскохозяйственные знания. На том же собрании другой член крестьянской курии – К.Э. Переделин – утверждал, что более «осторожные» фермеры уже знали о кормовых травах и передовых методах

возделывания, и не было особой необходимости в дополнительных расходах на агрономов [5].

Все это оказывает дополнительную поддержку и важность политических предпочтений в отношении некрестьян, которые, наряду с растущим финансированием со стороны центрального правительства, обеспечили поддержку агрономии в последние десятилетия царской эпохи.

Даже когда Нижние собрания не были готовы финансировать конкретные предложения, дискуссии часто вращались вокруг стандартных экономических обоснований агрономии. Внешние эффекты распространения знаний о новых семенах, инструментах и культурах; распределение экспериментальных и рекламных участков с учетом изменений почвы и климата; необходимость улучшения кредитования и субсидирования внедрения новых технологий – эти и другие вполне современные соображения составили суть дебатов в этих и других земствах в последнее время – Царская Россия. Хотя центральные власти начали проявлять больше интереса к содействию переменам в сельском хозяйстве после кризиса 1891-1892 годов, они инвестировали в такие усилия относительно немного ресурсов, а когда они все-таки увеличили финансирование, то направили большую его часть через земства. Хотя имеющиеся данные слишком ограничены, чтобы напрямую проверить связь между расходами на агрономию и развитием сельского хозяйства, имело место показательное совпадение во времени увеличения расходов земств, технологических изменений среди крестьян-производителей и роста урожайности сельскохозяйственных культур. Это было очевидно в Нижегородской губернии, и, вероятно, это было верно для остальной части Европейской России.

Выводы

Было ли оптимальным оставить земству значительную поддержку в проведении сельскохозяйственных исследований и распространении знаний? С одной стороны, более тесные связи между налоговыми органами и основными избирателями, возможно, улучшили мониторинг и облегчили выражение местных предпочтений в отношении уровня и направленности государственных расходов. Такие рассуждения подкрепляют обоснования децентрализации политики в различных контекстах. Поскольку крестьяне получили новый политический выход (пусть и ограниченный), а также растущий интерес по крайней мере со стороны более либеральной местной элиты, давление на темпы расширения государственных услуг росло по всей России. С другой стороны, район и, возможно, даже провинция, возможно, не были

подходящим уровнем для интернализации агрономических внешних эффектов.

Отсутствие активного центрального органа, подобного Министерству сельского хозяйства, возможно, препятствовало трансформации российского сельскохозяйственного сектора, ограничивая координацию научных исследований и уси-

лий по распространению знаний в провинциях. Однако в данной статье основное внимание уделено очевидным и, возможно, неожиданным успехам местной агрономии, но точные последствия для экономической траектории России еще предстоит исследовать.

Список источников

1. Данилов В.П. История крестьянства в России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Москва, 2011.
2. Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX в. Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 608 с.
3. Ковалёв Д.В. Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона (по материалам Московской губернии). М., 2004.
4. Ковалёв Д.В. Правовые компромиссы в земельной политике П.А. Столыпина // Вопросы истории. 2018. № 7. С. 43 – 49.
5. Козлов С.А. Аграрная модернизация Центрально-Нечерноземной России в конце XIX – начале XX в.: по материалам экономической печати. М.: изд. Дом ИРИ РАН, 2012. 567 с.
6. Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика в России (XVIII – XX вв.). Москва, 1995.
7. Омельченко Н.А. и др. В поисках общественного идеала: проблемы российской государственности в общественно-политической мысли России (X – начало XXI вв.): монография. М.: Издательский дом ГУУ, 2015.
8. Рогалина Н.Л. Власть и аграрные реформы в России XX века. М., 2010.
9. Россия сельская. XIX – начало XX века / отв. ред. А.П. Корелин. М., РОССПЭН 2004г. 368 с.
10. Щагин Э.М. Очерки истории России, ее историографии и источниковедения (конец XIX – середина XX вв.). М.: Владос, 2008. 880 с.

References

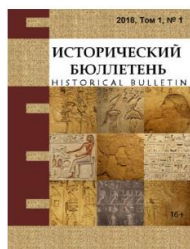
1. Danilov V.P. History of the peasantry in Russia in the twentieth century. Selected works: in 2 parts. Moscow, 2011.
2. Kitaniina T.M. Grain trade in Russia at the end of the 19th – beginning of the 20th century. Survival strategy, modernization processes, government policy. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2011. 608 p.
3. Kovalev D.V. Agrarian transformations and the peasantry of the capital region (based on materials from the Moscow province). M., 2004.
4. Kovalev D.V. Legal compromises in land policy P.A. Stolypin. Questions of history. 2018. No. 7. P. 43 – 49.
5. Kozlov S.A. Agrarian modernization of Central Non-Black Earth Russia at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries: based on materials from the economic press. M.: ed. House of IRI RAS, 2012. 567 p.
6. Nikonov A.A. The spiral of a centuries-old drama: agricultural science and politics in Russia (XVIII – XX centuries). Moscow, 1995.
7. Omelchenko N.A. and others. In search of a social ideal: problems of Russian statehood in the socio-political thought of Russia (X – early XXI centuries): monograph. M.: State University Publishing House, 2015.
8. Rogalina N.L. Power and agrarian reforms in Russia of the twentieth century. M., 2010.
9. Rural Russia. XIX – early XX century. resp. ed. A.P. Korelin. M., ROSSPEN 2004 368 p.
10. Shchagin E.M. Essays on the history of Russia, its historiography and source studies (late 19th – mid-20th centuries). M.: Vlados, 2008. 880 p.

Информация об авторах

Ковалев Д.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный социально-гуманитарный университет, dmitrij-kovalev@yandex.ru

Омельченко Н.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного управления и политических технологий, Государственный университет управления, dmitrij-kovalev@yandex.ru

© Ковалев Д.В., Омельченко Н.А. 2024

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2024, Том 7, № 1 / 2024, Vol. 7, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 930.2

Промышленный травматизм на предприятиях Санкт-Петербургской губернии в начале XX века

¹ Патракеев А.В.,
¹ Вологодский государственный университет

Аннотация: в статье проводится анализ показателей производственного травматизма на промышленных предприятиях Санкт-Петербургской губернии в начале XX века, рассматриваются мероприятия по снижению уровня промышленного травматизма. Исследование, в основном, выполнено на архивных материалах. Цель исследования – изучение истории промышленного травматизма в начале XX века на материалах по Санкт-Петербургской губернии. Выбор территориальных границ обусловлен тем, что входящий в ее состав Петербург являлся одним из самых развитых промышленных районов России. В статье показаны особенности ведения статистического учета показателей промышленного травматизма в начале XX века. В процессе исследования установлено, что владельцы предприятий особых мер для снижения промышленного травматизма не предпринимали, и вопрос охраны труда, практически полностью, решался на уровне государства. В связи с этим было изучено развитие законодательной базы в области охраны труда в комплексе с развитием нормативной базы социального страхования рабочих, в первую очередь от несчастных случаев на производстве. Данная статья будет полезна исследователям вопроса положения рабочих в России в начале XX века.

Ключевые слова: уровень промышленного травматизма, статистический учет, социальное страхование, охрана труда

Для цитирования: Патракеев А.В. Промышленный травматизм на предприятиях Санкт-Петербургской губернии в начале XX века // Исторический бюллетень. 2024. Том 7. № 1. С. 131 – 138.

Поступила в редакцию: 14 сентября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 16 ноября 2023 г.; Принята к публикации: 15 января 2024 г.

Industrial injuries at enterprises of the St.-Petersburg province in the early XX century

¹ Patrakeev A.V.,
¹ Vologda State University

Abstract: the article analyzes the indicators of industrial injuries at industrial enterprises of the St. Petersburg province at the beginning of the twentieth century, considers measures to reduce the level of industrial injuries. The research is mainly based on archival materials. The purpose of the study is to study the history of industrial injuries in the early twentieth century based on materials from the St. Petersburg province. The choice of territorial boundaries is due to the fact that St. Petersburg, which is part of it, was one of the most developed industrial regions of Russia. The article shows the features of statistical accounting of industrial injury rates in the early twentieth century. In the course of the study, it was found that the owners of enterprises did not take special measures to reduce industrial injuries, and the issue of labor protection was almost completely resolved at the state level. In this regard, the development of the legislative framework in the field of labor protection was studied in conjunction with the development of the regulatory framework for social insurance of workers, primarily against industrial accidents.

This article will be useful to researchers of the situation of workers in Russia at the beginning of the twentieth century.

Keywords: the level of industrial injuries, statistical accounting, social insurance, labor protection

For citation: *Patrakeev A.V. Industrial injuries at enterprises of the St.-Petersburg province in the early XX century. Historical Bulletin. 2024. 7 (1). P. 131 – 138.*

The article was submitted: September 14, 2023; Approved after reviewing: November 16, 2023; Accepted for publication: January 15, 2024.

Введение

В начале XX века на промышленных предприятиях Санкт-Петербургской губернии и, соответственно, Петербурга, был высокий уровень производственного травматизма, который являлся следствием процессов развития и интенсификации производства, а также отсутствия элементарных норм техники безопасности. Выбор периода исследования, с 1902 по 1913 годы, обусловлен появлением важнейших законодательных актов в области охраны труда и социального страхования. В частности, 01 января 1904 года был введен в действие закон от 02 июня 1903 года, и с этого момента началась более полная регистрация происшествий. В 1905 году уже возможно было делать выводы о работе закона в первый год его существования, анализируя достоверные показатели травматизма. В 1912 году произошли изменения в вопросе вознаграждения при несчастных случаях, вследствие изменения законодательной базы в области социального страхования. Основным источником фабричного законодательства, закрепившим правовое развитие охраны труда, стал в 1913 году Устав «О промышленном труде» – синтез всех существовавших в России к этому периоду законов в области безопасности труда.

Источниковедческая база представлена двумя группами источников, дополняющими друг друга: законодательными источниками и архивными материалами.

Анализ показателей производственного травматизма на промышленных предприятиях Санкт-Петербургской губернии в начале XX века

В ходе проведения исследования были проанализированы данные по производственному травматизму на промышленных предприятиях Санкт-Петербургского округа в целом, Санкт-Петербургской губернии, и Петербурга, в частности. Существовало три категории предприятий: подчиненные фабричной инспекции; не подчиненные надзору фабричной инспекции, но подлежащие действию закона от 2 июня 1903 года и не подчиненные надзору фабричной инспекции.

В 1905 году в Санкт-Петербургской губернии было 16 промышленных заведений, с численностью 118 человек, не подчиненных надзору фабричной инспекции, но подлежащих действию закона от 2 июня 1903 года. Заявлений о несчастных случаях не зафиксировано. В этот же период не было заявлено ни одного несчастного случая со служащими.

В целом, в Санкт-Петербургской губернии в 1905 году было зафиксировано 7.964 несчастных случаев на производстве. В Санкт-Петербургском округе – 13.974.

Данные о численности рабочих, количестве несчастных случаев на предприятиях, поднадзорных фабричной инспекции и относительные показатели координации по Санкт-Петербургскому округу за период с 1902 по 1905 годы представлены в табл. 1.

Таблица 1

Численность рабочих промышленных предприятий и показатели уровня травматизма по Санкт-Петербургскому округу в 1902-1905 годах.

Table 1

The number of workers at industrial enterprises and injury rates in the St. Petersburg District in 1902-1905.

Годы	Число рабочих	Количество несчастных случаев	Количество несчастных случаев на 1000 рабочих
1902	293.755	5.463	18,6
1903	296.060	5.799	19,6
1904	299.871	12.498	41,7
1905	296.558	13.974	47,1

Очевидно, что рост уровня травматизма приходится именно на период начала действия закона 1903 года, когда началась более полная регистрация происшествий фабричными инспекторами.

Сопоставление числа несчастных случаев с общим числом рабочих достаточно относительно, в силу того, что случаи травматизма распределялись по всему протяжению года, а число рабочих в записях инспекторов фиксировалось на определенный момент времени, как правило, на конец года. Колебания состава и численности рабочих, таким образом, в учете не отражались, что могло привести к искажению итоговых данных по совокупности. Более точным инструментом определения степени опасности осуществления работ могло послужить распределение несчастных случаев по производствам [4].

Основная масса несчастных случаев на производстве приходилась на промышленные предприятия Петербурга. Так, например, на Балтийском судостроительном казенном заводе в 1902 году зафиксировано 3.504 случаев травматизма, в 1903 году – 3.149, в 1904 году – 2.980 случаев, что составило, соответственно, 64%, 54%, 24% от общего количества зарегистрированных несчастных случаев по всему округу [14, с.129].

Примечательно, что в начале XX века статистический учет промышленного травматизма вели по характеру повреждений, по месяцам, дням недели и времени суток.

Если говорить о характере повреждений, то на первом месте были поражения мягких частей, пе-

реломы костей, а также внутренние повреждения в области черепа, груди и живота без видимых повреждений, на втором месте – ушибы и вывихи, на третьем – ожоги. Несмотря на резкое увеличение количества несчастных случаев, вследствие улучшения процесса их регистрации, начавшегося в 1904 году, число относительно легких случаев снизилось. В среднем, несчастных случаев было гораздо меньше с начала года до конца весны. Резкий спад приходился на Новый год и на Пасху. Значительно возрастал травматизм летом, затем уровень травматизма снижался, в связи с уходом определенной части рабочих на полевые работы. В ноябре показатели повышались. То есть, на данном этапе исследования, в качестве двух основных факторов снижения показателей травматизма, можно выделить сезонность работ и наличие большого количества праздничных дней.

Распределение несчастных случаев в течение недели было равномерным, за исключением понедельника, когда уровень травматизма заметно снижался. Это было связано с тем, что воскресенье у большинства трудящихся являлось выходным днем, и они выходили на работу в понедельник немного отдохнувшими. В табл. 2 приведены данные по уровню промышленного травматизма по дням недели в 1905 году по Санкт-Петербургской губернии и в процентном отношении к итоговой величине и к показателям по Санкт-Петербургскому округу.

Таблица 2

Показатели статистического учета производственного травматизма на промышленных предприятиях Санкт-Петербургской губернии в 1905 году.

Table 2

Indicators of statistical accounting of industrial injuries at industrial enterprises of the St. Petersburg province in 1905.

День недели	Кол-во несчастных случаев по С.-Пб. округу	Кол-во несчастных случаев по С.-Пб. губернии	Удельный вес кол-ва случаев травматизма по С.-Пб. губернии в общей сумме, %	Процент кол-ва случаев травматизма по С.-Пб. Губернии по отношению к показателям по С.-Пб. округу
1	2	3	4	5
Понедельник	334	207	2,6	62
Вторник	2.306	1.274	16	55
Среда	2.350	1.328	16,7	56
Четверг	2.264	1.349	17	59
Пятница	2.221	1.282	16	58
Суббота	2.245	1.288	16,1	57
Воскресенье	2.101	1.136	14,3	54
Не установлено	153	100	1,3	65
Итого	13.974	7.964	100	-

Анализируя данные можно сделать вывод, что больше половины несчастных случаев, произошедших на промышленных предприятиях Санкт-Петербургского округа, приходится на Санкт-Петербургскую губернию, поскольку Петербургская промышленность отличалась высокой интенсификацией труда, применением большого количества машин и механизмов.

С начала рабочего дня (5-7 часов) число несчастных случаев неуклонно росло и достигало наибольшей величины к обеденному перерыву. С 12 до 15 часов случаев было гораздо меньше. Второго максимума уровень травматизма достигал к 18-19 часам.

Всего в 1905 году фабричными инспекторами было получено 17.422 извещений о несчастных случаях в Санкт-Петербургском округе. 3.448 извещений было получено от предприятий, не поднадзорных фабричной инспекции [4].

Численность рабочих промышленных предприятий и показатели уровня травматизма по Санкт-Петербургскому округу в 1909-1911 годах.

Таблица 3

Table 3

The number of workers at industrial enterprises and injury rates in the St. Petersburg District in 1909-1911.

Годы	Число рабочих	Число несчастных случаев	Число несчастных случаев на 1000 рабочих
1909	309.390	13.248	42,8
1910	320.098	14.692	45,8
1911	370.485	18.219	49,2

С увеличением общего числа рабочих, занятых в фабрично-заводских предприятиях увеличилось и число несчастных случаев. По округу показатели координации были одними из самых высоких в России, уступая место лишь Харьковскому. Абсолютные величины количества несчастных случаев были выше московских, хотя численность рабочих Московского округа вдвое превышала численность рабочих Санкт-Петербургского [5].

В 1912 году в Санкт-Петербургской губернии уже не было зарегистрировано ни одного предприятия, не подчиненного надзору фабричной инспекции, но при этом подлежащего действию закона от 2 июня 1903 года [6].

В продолжение изучения истории производственного травматизма на промышленных предприятиях Санкт-Петербургской губернии в начале XX века, были проанализированы показатели 1909-1912 годов.

В 1911 году в Санкт-Петербургской губернии было 91 промышленное заведение, с численностью 2.444 человека, не подчиненное надзору фабричной инспекции, но подлежащее действию закона от 2 июня 1903 года. На 7-ми предприятиях с численностью 1.185 человек произошло 34 несчастных случая.

Данные о численности рабочих, количестве несчастных случаев на предприятиях, поднадзорных фабричной инспекции и относительные показатели координации по Санкт-Петербургскому округу за период с 1909 по 1911 годы представлены в табл. 3.

Все промышленные предприятия в России в начале XX века классифицировались в применении к статистике несчастных случаев. Всего существовало XIV групп производств, и, соответственно, столько же классов опасности [5].

В Санкт-Петербургской губернии в 1912 году вели статистический учет несчастных случаев по производствам и по возрастам работников.

Данные о количестве несчастных случаев и количестве смертельных исходов по категориям производств представлены в табл. 4. Номер группы соответствует классу опасности. Неполный перечень классов опасности говорит об отсутствии определенного рода производств в начале XX века в Петербурге.

Таблица 4

Общие статистические данные о производственном травматизме на промышленных предприятиях Санкт-Петербургской губернии в 1912 году.

Table 4

General statistical data on industrial injuries at industrial enterprises of the St. Petersburg province in 1912.

Номер группы	Название производства	Подгруппы производств	Кол-во несчастных случаев	Кол-во смертей
1	2	3	4	5
I	Обработка хлопка	-	901	4
II	Обработка шерсти	-	224	-
IV	Обработка льна, пеньки и джута	-	132	
V	Смешанные производства по обработке волокнистых веществ	-	85	1
VI	Производство бумажное, изделий из бумаги и полиграфическое	а) бумаги и обоев б) типографское и литографское в) прочие	242	4
VII	Механическая обработка дерева	а) лесопильное и фанеропильное б) прочие	361	6
VIII	Обработка металлов, производство машин, аппаратов и орудий ремесел	а) сталелитейное и железолитейное б) машиностроительное в) прочие	4785	13
IX	Обработка минеральных веществ	а) стеклянное и зеркальное в) каменной посуды г) прочие	191	4
X	Обработка животных продуктов	-	235	4
XI	Обработка пищевых и вкусовых веществ	а) мукомольное б) сахароварное и сахарорафинадное в) прочие	544	7
XII	Химические производства	а) химическое б) нефтяных продуктов	321	2
		в) пороха г) прочие		
XIV	Прочие производства	а) электрические станции б) прочие	33	1
		Итого	8.054	46

Всего на промышленных предприятиях Санкт-Петербургской губернии в 1912 году произошло 8.054 несчастных случая, 46 из них со смертельным исходом, причем в 27 случаях смерть наступила в течение первых суток. Временно утратили трудоспособность 6.208 рабочих, число несчастных случаев с постоянной частичной утратой трудоспособности составило 1.115. Полными инвалидами стали 2 человека. Исход остался неизвестен по 683 ситуациям.

В целом, наибольшие показатели травматизма приходились на возрастную группу от 18 до 24 лет: 1941 несчастный случай, из которых 13 оказались смертельными. 9 человек скончались в течение первых суток [7].

В ходе исследования было установлено, что показатели травматизма на промышленных предприятиях Санкт-Петербургской губернии были удручающими. Число рабочих подвергшихся увечьям было чрезвычайно высоко из-за отсутствия мер по охране труда [1, с. 44].

Принимаемые меры по снижению уровня промышленного травматизма

В первую очередь, решать проблему минимизации уровня промышленного травматизма необходимо было на законодательном уровне.

2 июня 1903 года появился закон «Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств, в предприятиях фабрично-заводской,

горной и горнозаводской промышленности». Этот закон возлагал на владельцев предприятий обязательство не только выплачивать денежные средства за потерю трудоспособности вследствие получения производственной травмы, но и назначать пенсию в тех случаях, если эта травма не позволяла человеку продолжать трудиться. Рабочие могли получить хоть какую-то компенсацию при травмировании во время выполнения функциональных обязанностей. И если теперь, при получении увечья рабочими за это нужно было платить, владельцам предприятий следовало задуматься о решении вопроса техники безопасности. Основным недостатком закона – его действие распространялось на ограниченный круг предприятий, так как исчерпывающий перечень производств уже был заложен непосредственно в его название [3].

Отметим, в начале XX века в России существовала постоянная организационная связь между социальным страхованием и охраной труда, и их вопросы были очень тесно связаны между собой. Социальное страхование от несчастных случаев на производстве, а в дальнейшем и от заболеваний, в том числе профессиональных, рассматривалось как важный элемент системы охраны труда.

Наибольшее развитие социальное страхование получало как раз там, где больше всего происходило несчастных случаев, в частности, в Петербургском промышленном районе с его высокоразвитыми отраслями [1, с. 53].

Особая роль в вопросе социального страхования отводилась Обществу Санкт-Петербургских фабрикантов для взаимного страхования рабочих и служащих от несчастных случаев [8].

Владельцы предприятий обязаны были уплачивать страховые взносы на страхование своих рабочих от несчастных случаев. Для промышленных предприятий ставка составляла в среднем 3% от общей суммы заработка. Страховые премии, рассчитываемые на основе ставок страховых взносов, являлись неким регулятором уровня травматизма. Для предприятий, где ситуация с травматизмом ухудшалась, Общество Санкт-Петербургских фабрикантов для взаимного страхования рабочих и служащих от несчастных случаев, суммы премий увеличивало, так как объем страховых выплат им был больше. Также эта мера могла служить стимулом владельцам предприятий для пересмотра вопроса техники безопасности. Улучшение условий труда снижало промышленный травматизм, предприятия реже обращались за страховыми выплатами, ставки взносов для них уменьшались, как следствие уменьшались суммы страховых премий. Но, владельцам предприятий выгоднее было за-

платить страховые взносы, чем финансировать мероприятия по охране труда [9].

Поскольку предприниматели не хотели тратить лишней копейки сверх издержек производства, законодатель должен был выступить на защиту общественного интереса и народного блага и создать санитарно-гигиеническую охрану труда [10].

Значимым стал 1912 год, когда был принят комплекс из четырех законов, датированных 23-м июня. Два закона: «Об учреждении присутствий по делам страхования рабочих» [2, с. 847-850] и «Об учреждении совета по делам страхования рабочих» [2, с. 851-855] входили в организационный блок комплекса. Еще два закона: «Об обеспечении рабочих на случай болезни» [2, с. 855-868] и «О страховании рабочих от несчастных случаев» [2, с. 868-882] входили в содержательный блок комплекса и предписывали обязательное страхование различных категорий рабочих. Теперь рабочие имели право на получение пособия по болезни (независимо от того, было ли заболевание профессиональным или нет), оно выплачивалось по страховому принципу, то есть за счет невозвращаемых взносов. Трудящиеся получили право на бесплатную медицинскую помощь. Выплаты в связи с несчастными случаями на производстве стали осуществляться страховыми товариществами [2].

Отметим важность института охраны труда. Она включала в себя совокупность норм, обеспечивающих правовую основу для реализации мер по сохранению жизни и здоровья работников в процессе выполнения трудовых функций [15, с. 297].

Социальное страхование обеспечивалось через систему охраны труда, которая была подконтрольна государственным органам.

Еще в октябре 1911 года Министерство торговли и промышленности разработало проект «Правил о мерах безопасности работ». Они были переданы на рассмотрение Санкт-Петербургского Общества заводчиков и фабрикантов, члены которого внесли изменения [11].

Используя проект «Правил о мерах безопасности работ», с учетом внесенных в него изменений членами Санкт-Петербургского Общества заводчиков и фабрикантов, окончательный вариант «Правил о мерах безопасности работ в заведениях фабрично-заводской промышленности» выпустило Главное по фабричным и горнозаводским делам присутствие 19 февраля 1913 года, утверждены они были Министерством торговли и промышленности 31 марта 1913 года. Присутствие внесло свои коррективы, максимально сохранив вариант,

предлагаемый Санкт-Петербургским Обществом заводчиков и фабрикантов [12].

«Правила о мерах безопасности работ в заведениях фабрично-заводской промышленности» обязывали владельцев предприятий проводить мероприятия по обеспечению безопасных условий труда. Обращаем внимание, что статья 30 дает отсылку на «Правила устройства и содержания лечебных заведений для участников больничных касс, а также норм подачи лечебной помощи», что в очередной раз подтверждает взаимосвязь вопросов социального страхования и охраны труда, равно как и то, что в Устав «О промышленном труде», который состоял из нескольких разделов, были включены и все нормы о социальном страховании работников и документы в области обеспечения безопасности труда. Отдельные статьи Устава регламентировали порядок надзора за промышленными предприятиями и возможные взыскания за нарушения Постановлений о промышленном труде; устанавливали требования к условиям труда; предусматривали различные виды обеспечений рабочим и служащим промышленных предприятий, в том числе вознаграждения пострадавшим вследствие несчастных случаев. Приложениями являлись Инструкции и Правила в

области охраны труда, социального страхования и деятельности фабричной инспекции [16].

Основной проблемой данного нормативно-правового акта являлось регулирование узкой сферы правоотношений. При этом, нельзя не отметить социальную направленность и значимость данного документа. Он защищал права рабочих на безопасные условия труда и гарантировал социальное страхование [13, с.3].

Выводы

В ходе исследования установлено, что показатели травматизма на промышленных предприятиях Санкт-Петербургской губернии в начале XX века с каждым годом возрастали. Воздействовать на ситуацию возможно было путем изменения ставок страховых взносов и на законодательном уровне. При всем своем несовершенстве и ограниченности, законодательство в области социального страхования базировалось на страховых принципах. Законодательство в области охраны труда было более совершенным. На это повлияла качественная его подготовка и разработка, стремление продумать и предотвратить потенциальные травматические производственные ситуации, принять меры к минимизации их неблагоприятных последствий.

Список источников

1. Крузе Э.Э. Условия труда и быта рабочего класса России в 1900-1914 гг. Ленинград: Наука: Ленингр. отд-ние, 1981. 143 с.
2. Об учреждении присутствий по делам страхования рабочих, Об учреждении совета по делам страхования рабочих, Об обеспечении рабочих на случай болезни, О страховании рабочих от несчастных случаев: Комплекс из четырех законов 23.06.1912 г. / Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXII. Отделение 1. Санкт-Петербург: Государственная типография.
3. Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств, в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности: Закон от 2 июня 1903 г. / Полное собрание законов Российской империи. Т. XXIII. Отделение 1. Санкт-Петербург: Государственная типография.
4. Российский государственный исторический архив. г. Санкт-Петербург (РГИА). Ф. 23. Оп. 16. Д. 11.
5. РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 50.
6. РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 64.
7. РГИА. Ф. 23. Оп. 16. Д. 58.
8. РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 585.
9. РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 604.
10. РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 585. Л. 28-29.
11. РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 607.
12. РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 703.
13. Савенко П.Н. Юридический анализ защиты прав рабочих в Уставе о Промышленном труде 1913 года // Современный юрист. 2021. № 4 (37) октябрь-ноябрь. С. 1 – 9.
14. Семанов С.Н. Петербургские рабочие накануне первой русской революции. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1966. 171 с.
15. Сопшина Н. В. Развитие охраны труда: история и современность // Молодой ученый. 2022. № 15 (410). С. 295 – 298.
16. Устав о промышленном труде / Сост. В.В. Громан. Петербург: Типография Правда, 1915. 439 с.

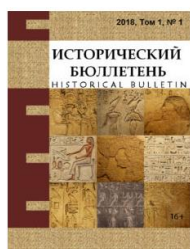
References

1. Kruse E.E. Working and living conditions of the Russian working class in 1900-1914. Leningrad: Science: Leningrad. department, 1981. 143 p.
2. On the establishment of offices for insurance of workers, On the establishment of a council for insurance of workers, On provision of workers in case of illness, On insurance of workers against accidents: A set of four laws 06/23/1912. Complete collection of laws of the Russian Empire. T. XXXII. Department 1. St. Petersburg: State Printing House.
3. Rules on remuneration for victims of accidents of workers and employees, as well as members of their families, in enterprises of the factory, mining and mining industries: Law of June 2, 1903. Complete collection of laws of the Russian Empire. T. XXIII. Department 1. St. Petersburg: State Printing House.
4. Russian State Historical Archive. St. Petersburg (RGIA). F. 23. Op. 16. D. 11.
5. RGIA. F. 23. Op. 16. D. 50.
6. RGIA. F. 23. Op. 16. D. 64.
7. RGIA. F. 23. Op. 16. D. 58.
8. RGIA. F. 150. Op. 1. D. 585.
9. RGIA. F. 150. Op. 1. D. 604.
10. RGIA. F. 560. Op. 26. D. 585. L. 28-29.
11. RGIA. F. 150. Op. 1. D. 607.
12. RGIA. F. 150. Op. 1. D. 703.
13. Savenko P.N. Legal analysis of the protection of workers' rights in the Charter on Industrial Labor of 1913. Modern lawyer. 2021. No. 4 (37) October-November. P. 1 – 9.
14. Semanov S.N. St. Petersburg workers on the eve of the first Russian revolution. Leningrad: Science. Leningrad. department, 1966. 171 p.
15. Sopshina N.V. Development of labor protection: history and modernity. Young scientist. 2022. No. 15 (410). P. 295 – 298.
16. Charter on industrial labor. Comp. V.V. Groman. St. Petersburg: Printing house Pravda, 1915. 439 p.

Информация об авторе

Патракеев А.В., аспирант, Вологодский государственный университет, patrakeev2012@mail.ru, 8-921-534-99-49

© Патракеев А.В., 2024

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2024, Том 7, № 1 / 2024, Vol. 7, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94

Значение коммунистической партии в решении хозяйственных задач первой половины XX века (на материалах Республики Татарстан)

¹ Гапсаламов А.Р.,

¹ Бочкарева Т.Н.,

¹ Васильев В.Л.,

¹ Мухамедов Р.А.,

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет,

² Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова

Аннотация: *введение:* представленное исследование затрагивает вопросы становления и деятельности коммунистической партии Татарской АССР. В статье обозначены две основные линии повествования, связанные с организационными аспектами работы партийной организации в крае, особенностями привлечения в партию новых сторонников, их этнической составляющей, а также непосредственной деятельностью, связанной с координацией и поддержкой хозяйственных органов в осуществлении мероприятий в промышленной сфере. *Материалы и методы.* Применение принципа историзма требует исследования любой составляющей исторического процесса в ее развитии. *Анализ.* Последовательность партии позволяла реализовывать масштабные задачи по организации промышленной индустрии отдельных ее регионов. Опыт развития советской государственности служит наглядным подтверждением значительной их роли в решении многих вопросов региональной промышленной политики. *Результаты.* По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в условиях экономической и организационной разрухи, неразберихи во взглядах и политических убеждений, и наконец, открытой гражданской войны, боязни потерять власть, большевики смогли организовать целенаправленную работу по созданию действующего аппарата управления. В исследовании показано значение партии в организации промышленной сферы на территории Татарской АССР, а также мероприятия по ее активизации.

Ключевые слова: большевики, коммунистическая партия, промышленность, Казанская губерния, Татарская АССР, промышленная политика, советская государственность

Для цитирования: Гапсаламов А.Р., Бочкарева Т.Н., Васильев В.Л., Мухамедов Р.А. Значение коммунистической партии в решении хозяйственных задач первой половины XX века (на материалах Республики Татарстан) // Исторический бюллетень. 2024. Том 7. № 1. С. 139 – 143.

Поступила в редакцию: 14 сентября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 16 ноября 2023 г.; Принята к публикации: 15 января 2024 г.

The importance of the Communist Party in solving economic problems of the first half of the twentieth century (based on the materials of the Republic of Tatarstan)

¹ Gapsalamov A.R.,

¹ Bochkareva T.N.,

¹ Vasiliev V.L.,

² Mukhamedov R.A.,

¹ Kazan (Volga Region) Federal University,

² Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov

Abstract: *introduction:* the presented research touches upon the issues of the formation and activity of the Communist Party of the Tatar ASSR. The article identifies two main lines of narrative related to the organizational aspects of the work of the party organization in the region, the peculiarities of attracting new supporters to the party, their ethnic component, as well as direct activities related to the coordination and support of economic bodies in the implementation of measures in the industrial sphere. *Materials and methods.* The application of the principle of historicism requires the study of any component of the historical process in its development. *Analysis.* The sequence of the party made it possible to implement large-scale tasks for the organization of the industrial industry of its individual regions. The experience of the development of Soviet statehood is a clear confirmation of their significant role in solving many issues of regional industrial policy. *Results.* According to the results of the study, it can be concluded that in the conditions of economic and organizational devastation, confusion in views and political beliefs, and finally, open civil war, fear of losing power, the Bolsheviks were able to organize purposeful work to create an effective management apparatus. The study shows the importance of the party in the organization of the industrial sphere in the territory of the Tatar ASSR, as well as measures to activate it.

Keywords: Bolsheviks, Communist Party, industry, Kazan province, Tatar ASSR, industrial policy, Soviet statehood

For citation: Gapsalamov A.R., Bochkareva T.N., Vasiliev V.L., Mukhamedov R.A. *The importance of the Communist Party in solving economic problems of the first half of the twentieth century (based on the materials of the Republic of Tatarstan).* Historical Bulletin. 2024. 7 (1). P. 139 – 143.

The article was submitted: September 14, 2023; Approved after reviewing: November 16, 2023; Accepted for publication: January 15, 2024.

Введение

Ведущая роль партийной организации стала вырисовываться уже в первые постреволюционные месяцы. Определяющими факторами успеха советской власти в центре и на местах являлись заманчивые идеи, с которыми большевики пришли к власти, а также внутривластные и экономические условия в которых им приходилось функционировать. В условиях экономической и организационной разрухи, неразберихи во взглядах и политических убеждений, и наконец, открытой гражданской войны, новая власть путем проб и ошибок стала проводить организационную работу по созданию действующего аппарата управления, постепенно концентрируя в своих руках экономические ресурсы и перенаправляя их на восстановление разрушенного производства.

Материалы и методы исследований

Методологической основой представленного исследования является подход на основе использования принципа историзма. Он позволяет анали-

зировать исторические этапы в соответствии с конкретной исторической обстановкой в их диалектической взаимосвязи и обусловленности.

Результаты и обсуждения

Проведение глобальных мероприятий было возможным только при условии поддержки широких масс населения. Опора на городской и сельский пролетариат становилась залогом успеха большевистской организации, возможностью претворять в жизнь все начинания. Казань стала тем городом, где октябрьские события 1917 года население встретило с одобрением. Нам думается эта поддержка была не случайной. Лозунги и идеалы большевиков завораживали массы. Советская система государственного устройства предполагала переход на новый, альтернативный капиталистическому, экономический уклад, и предлагала отсутствие частной собственности и широкие возможности для всех слоев российского общества. Примера такого рода государств в мире еще не было. К тому же и общество, измотанное Первой

мировой войной, революционными событиями и гражданской войной, требовало перемен. Но надо понимать, что массовое одобрение было в столице губернии, население остальных преимущественно сельскохозяйственных территорий было аполитично. Эти слои представляли значительный интерес для большевиков с позиции привлечения их на свою сторону.

Начало индустриализации и коллективизации, несколько позже и массовых репрессий еще больше закрепили роль партии в решении хозяйственных вопросов республики. Именно в этот период был заложен традиционализм системы, полная ее ориентация на концепции, сформулированные трудами К. Маркса и В.И. Ленина. Произведения В.И. Ленина становились настольными книгами для партийных функционеров, указателями дальнейших действий. Но, в этом крылась и ошибка советской партийной элиты, ее замыкание на устоявшихся клише, в то время как мир с быстрой скоростью менялся, трансформировались его институты, совершенствования же содержания партийной идеологии практически не происходило.

Коммунистическая партия, используя идеологический компонент, фактически подчинила своему влиянию весь хозяйственный, политический и общественный уклад советского общества. Воздействие ее институтов на хозяйственные вопросы было очень широким, решение важных организационных или производственных вопросов не осуществлялось без одобрения центральных, республиканских или местных партийных комитетов или ячеек. Партийное руководство вырабатывало не только стратегию экономического развития, определяя направления государственной или региональной промышленной политики, оно регламентировало даже незначительные вопросы, не требующие специальных заседаний.

В структурном плане с течением времени выстраивалась пирамидальная система организации партийного аппарата, конечным звеном которого становились партийные ячейки. И если организация системы управления промышленностью достаточно часто подвергалась реформированию, то система партийного руководства в своей деятельности в большей степени сохраняла консервативность, лишь в редких случаях корректировалась. Примером могут служить события начала Великой Отечественной войны, когда в Татарской АССР существующую структуру сохранили, добавив дополнительные отраслевые отделы.

Принцип коллективности, заложенный еще в первые годы установления советской власти, сохранялся и в последующий период. Он становился определяющим в программных документах пар-

тии, что позволяло уйти от субъективизма (волюнтаризма) при принятии тех или иных решений. Принцип коллективизма стал использоваться не только во взаимоотношениях внутри партийной среды или воздействию партии на общество, схожие механизмы стали применяться во всех сферах общества, даже в некоторых случаях без участия партии. Особенно четко реализация данного принципа проявилась в период первых пятилеток, когда на основе слаженной работы партийной организации республики, а также коллективов строительных и промышленных предприятий удалось достичь впечатляющих результатов. В первую пятилетку в Татарской АССР появились заводы Пишмаш, «Штамповщик», Силикатный завод, Фанерный завод № 3, лесозавод «Национал», завод обозных деталей, валяная фабрика, фабрика гражданского платья, фабрика индивидуальных заказов, шорно-седельная фабрика, мехкомбинат, граммофонная фабрика, кетгутный завод, маслозаводы в районах, саговый завод, КазГРЭС, Арская электростанция [3]. В годы войны партия возглавила работу по эвакуации предприятий и населения, обеспечения людей жильем и продовольствием.

Сегодняшним современникам сложно определить все факторы и условия, которые привели к таким впечатляющим результатам. Несомненно, это был комплекс причин, который давал взрывной, мультипликативный эффект роста отечественной экономики. Однако, при всем при этом, большое значение в подъеме индустрии страны и республики оказали социалистические соревнования, которые стали проходить в Татарской АССР с начала первой пятилетки.

Социалистические соревнования проявлялись в разных организационных формах – это могли быть соревнования по выполнению плановых показателей между отдельными бригадами или предприятиями, а могли выражаться в виде движения ударничества или проведения конкурсов. На профсоюзы легли вопросы организации социалистических соревнований. Они должны были не только проводить, но и распространять успешный опыт в массы, для чего профессиональные союзы вынуждены были взять на себя функцию контроля за состоянием производственных дел на предприятиях Татарской АССР.

В республике уже в феврале 1929 года появились первые ударные бригады, а уже к марту было издано постановление Татарского обкома ВКП(б) юридически закрепившее в Татарской АССР создание такой формы организации труда. В работе нет необходимости перечислять предприятия, в стенах которых проводились социалистические

соревнования. В той или иной мере они стали реализовываться на каждой фабрике или заводе, подчиненных государственной промышленности. С течением времени выявилась основная форма соревнований, которой стало движение рабочих-передовиков. Она стремительно внедрялась (насаждалась) на предприятия страны и республики. По некоторым данным только за период с октября 1930 и по начало 1931 года процент участвующих рабочих в ударничестве возросло с 54% до 70%. Активно участвовали и комсомольцы, количество участников которых доходило до 90%. Важно, что по мере выполнения одних показателей партией стали требоваться усиленные показатели на будущее, приводившие не только к увеличению плана, но, даже, к пересмотру технических норм.

Национальная политика по «взрачиванию» местных кадров, проводимая коммунистической партией, при несомненной активной текущей работе, участии в социалистических соревнованиях, полной самореализации на благо страны, позволило сформировать уже к 1930-м годам партийных лидеров-управленцев из числа татарского населения. Яркими примерами стали К.А. Абрамов, ставший председателем СНК ТАССР, А.И. Искандеров, народный комиссар земледелия. В завершающий период войны и вплоть до 1957 года первым секретарем Татарского областного комитета партии был Зиннат Ибятович Муратов.

Особое место в работе партии отводилось подготовке квалифицированных кадров управленцев и специалистов, что было следствием их постоянной нехватки (в условиях революционных пертур-

баций, роста экономики в период модернизационного рывка второй половины 1920-х – 1930-е годы и Великой Отечественной войны). Этот компонент работы не упускался из фокуса партийного руководства на протяжении всего периода существования советского государства. Только за период 1919 – 1920 годов были созданы следующие курсы: в 1919 году Казанский ГСНХ открыл курсы по народному хозяйству [1], далее, в октябре – открыты бухгалтерские курсы второй степени для служащих в губернских и уездных советских учреждениях [4], в апреле 1920 года – двухнедельные курсы для практикантов, окончивших партийную школу [1], а также курсы по деревообработке для руководящих работников союзов. Отдельное место занимали подготовительные курсы для партийного актива. Для них были организованы краткосрочные курсы, на которых изучались устав и программа партии. Более углубленная подготовка коммунистических кадров давалась в Институте марксизма-ленинизма при обкоме партии. В завершающий период пятилетки теми или иными курсами было охвачено более 60 тыс. человек в Татарской АССР [2].

Выводы

В целом, несмотря на противоречивую роль коммунистической партии, она стала цементирующим механизмом, позволяющим соединить интересы власти и хозяйственного механизма страны и республики. Деятельность партийных ячеек позволило решить многие глобальные проблемы, которые стояли перед советские экономикой в период ее создания и последующее время.

Финансирование

Работа выполнена за счет средств Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета

Список источников

1. Знамя революции. 1919. 3 сентября.
2. Центральный государственной архив историко-политической документации Республики Татарстан. Ф. 15. Оп. 14. Д. 13. Л. 49.
3. Центральный государственной архив историко-политической документации Республики Татарстан. Ф. 15. Оп. 14. Д. 154. Л. 3.
4. Центральный государственной архив историко-политической документации Республики Татарстан. Ф. 787. Оп. 2. Д. 4. Л. 56.

References

1. Banner of the revolution. 1919. September 3.
2. Central State Archive of Historical and Political Documentation of the Republic of Tatarstan. F. 15. Op. 14. D. 13. L. 49.
3. Central State Archive of Historical and Political Documentation of the Republic of Tatarstan. F. 15. Op. 14. D. 154. L. 3.
4. Central State Archive of Historical and Political Documentation of the Republic of Tatarstan. F. 787. Op. 2. D. 4. L. 56.

Информация об авторах

Гапсаламов А.Р., кандидат экономических наук, доцент, ORCID: 0000-0002-8045-623X, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Елабужский филиал, 423600, Елабуга, ул. Казанская, д. 89, garsalamov@yandex.ru

Бочкарева Т.Н., кандидат педагогических наук, доцент, ORCID: 0000-0002-1232-1886, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Елабужский филиал, tatyana-n-boch@mail.ru

Васильев В.Л., кандидат экономических наук, доцент, ORCID: 0000-0003-2779-8342, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Елабужский филиал, vasvladlev@mail.ru

Мухамедов Р.А., доктор исторических наук, профессор, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, 432071 г. Ульяновск, д. 4, площадь Ленина, rasit56@mail.ru

© Гапсаламов А.Р., Бочкарева Т.Н., Васильев В.Л., Мухамедов Р.А., 2024

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2024, Том 7, № 1 / 2024, Vol. 7, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки)

УДК 94(47): 347.177

Критический анализ категории «изгои» Русской Правды

¹ Желтов А.А.,

¹ Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний

Аннотация: при всей изученности Русской Правды ряд представленных в ней понятий и явлений повседневной жизни Древней Руси можно отнести к неправильно понятым или неточно интерпретированным. В частности, достаточно много спорных моментов присутствует при рассмотрении состава древнерусского населения. В данной статье рассматривается лишь одна группа, упоминавшаяся в Русской Правде, – изгои. Общепринятая трактовка предполагает, что под этой группой подразумевалось местное население, изгнанное из общины. Подобное допущение вступает в противоречие с правовым статусом, которым наделяет изгоев Русская Правда. Изгои, исходя уже из самого понятия, должны быть ограничены в правах. Однако, Русская Правда наделяет их полными правами свободного человека. В данной статье выдвинуто предположение, что под изгоями в Русской Правде подразумевались варяги-наемники, фигурировавшие в русских летописях в 1015-1016 годах. Именно с событиями этого времени исследователи связывают появление вставки в статье 1 Русской Правды об изгоях. Скандинавские саги описывают варягов, поступивших на службу к Ярославу Мудрому, как изгнанников из своей страны. В местах прежнего проживания они были лишены всяческих прав, что как раз соответствует положению изгоев. На Руси скандинавские изгои, благодаря заинтересованности в них княжеской власти, получили равные права со свободным населением. Наряду с изгоями в Русской Правде упоминаются и варяги, под которыми подразумевались не воины-изгнанники, а купцы, державшие торговые фактории в Новгороде. Косвенно на это указывает упоминание варягов в статьях Русской Правды вместе с колбьягами.

Ключевые слова: Древняя Русь, Русская Правда, изгои, варяги, колбьяги, торговые связи Древнего Новгорода

Для цитирования: Желтов А.А. Критический анализ категории «изгои» Русской Правды // Исторический бюллетень. 2024. Том 7. № 1. С. 144 – 149.

Поступила в редакцию: 19 сентября 2023 г.; *Одобрена после рецензирования:* 19 ноября 2023 г.; *Принята к публикации:* 15 января 2024 г.

Critical analysis of the category «outcasts» of Russian Pravda

¹ Zheltov A.A.,

¹ Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service

Abstract: despite all the knowledge of Russian Pravda, a number of concepts and phenomena of everyday life in Ancient Rus' presented in it can be classified as misunderstood or inaccurately interpreted. In particular, there are quite a lot of controversial issues when considering the composition of the Old Russian population. This article examines only one group mentioned in Russian Pravda – outcasts. The generally accepted interpretation suggests that this group meant the local population expelled from the community. Such an assumption conflicts with the legal status that Russian Truth gives to outcasts. Outcasts, based on the very concept, should have limited rights. However, Russian Truth gives them the full rights of a free person. This article suggests that the outcasts in Russian Pravda meant the Varangian mercenaries who appeared in Russian chronicles in 1015-1016. It was with the events of

this time that researchers linked the appearance of the insertion in Article 1 of the Russian Truth about outcasts. Scandinavian sagas describe the Varangians who entered the service of Yaroslav the Wise as exiles from their country. In their former places of residence they were deprived of all rights, which exactly corresponds to the position of outcasts. In Rus', Scandinavian outcasts, thanks to the interest of the princely authorities in them, received equal rights with the free population. Along with outcasts, the Russian Pravda also mentions the Varangians, by whom they meant not exiled warriors, but merchants who ran trading posts in Novgorod. This is indirectly indicated by the mention of the Varangians in the articles of Russkaya Pravda together with the kolbyags.

Keywords: Ancient Rus', Russian Pravda, outcasts, Varangians, Kolbyagi, trade relations of Ancient Novgorod

For citation: Zheltov A.A. Critical analysis of the category «outcasts» of Russian Pravda. *Historical Bulletin*. 2024. 7 (1). P. 144 – 149.

The article was submitted: September 19, 2023; Approved after reviewing: November 19, 2023; Accepted for publication: January 15, 2024.

В тексте Русской Правды упоминаются различные социальные группы древнерусского населения. Ценность этой информации в качестве исторического источника обусловлена тем, что в отношении многих категорий населения представлены сведения об их социальном статусе и положении, иногда о правах и обязанностях, отраженных в правовых нормах. По этой причине исследователи российской истории уделяли Русской Правде пристальное внимание, начиная от момента обнаружения первых её списков. Однако, несмотря на значительные осмысления и заключения, сделанные по вопросам категорий древнерусского населения, в этой области еще остаются как спорные моменты, так и возможности для продолжения изысканий. В данной статье остановимся на одной из упомянутых в Русской Правде категорий населения, общепринятое понимание которой вполне можно оспорить.

В первой статье Русской Правды перечисляются разные категории населения, выделенные или по территориальному признаку (русин и словенин), или по видам занятий (купец, ябедник, гридин, мечник). Кроме них в этом списке представлена и совершенно отдельная категория – изгой. За убийство представителей всех этих групп назначается вира в 40 гривен. В отношении русинов и словенинов существуют две версии. По мнению С.В. Юшкова, данными терминами обозначили жителей городов и сельской местности, тогда как М.Н. Тихомиров полагал, что первые – жители Киевской области, а вторые – новгородской округи [1, с. 86].

В списке, приведенном в статье 1 Русской Правды, больше других вопросы вызывает социальная группа изгой. В том кто такие изгой как раз споров и расхождений во мнениях не наблюдается. Все исследователи соглашаются, что значение слова легко расшифровывается из его звучания: изгой – изгнанник. Изгой – это люди, изгнанные

из племени, рода, общины, а значит значительно потерявшие в правах и в статусе. Поэтому если само значение слова каких-либо споров не вызывало, то недоумение вызывает правовой статус изгоев, ничем не ограниченный и уравниваемый в правах со всеми категориями свободного и полноправного населения Древней Руси. Этому разными авторами были придуманы разнообразные объяснения, обзор которых приводится в статье Е.Ю. Калининой [2, с. 15-20]. Однако на наш взгляд, все эти обоснования были не нужны, т.к. они исходили из первоначально неверной посылки. Причем, объяснение кажущегося несоответствия «лежит на поверхности», но так и осталось незамеченным исследователями Русской Правды. Следует задать вопросы: какие вообще категории населения выделяются в статье 1; и почему среди них не выделены, например, такие группы как землепашцы, ремесленники, кузнецы и т.д.? В данной статье упоминаются: во-первых, купцы, которые скорее всего являлись иностранными гостями (и их особое выделение вполне уместно); во-вторых, мечники, гридины и ябедники, которых можно соотнести со служащими княжеской и городской администрации; в-третьих, все прочее население, обозначенное двумя территориальными группами – русины и словенины. Получается, что нет смысла отдельно выделять изгоев из прочего населения. Однако почему-то их выделили. Ответ скрывается в маленьком факте уже давно известном исследователям Русской Правды. Еще в середине XX века Л. В. Черепнин выдвинул предположение о наличии в первой статье вставки «аще изъгой боудеть, любо словенинь», которая им отнесена к 1015-1016 годам [3, с. 131-133]. Появление дополнения в данную законодательную норму вызвано произошедшими в это время событиями. В 1014 (6522) году князь Ярослав Владимирович (более известный как Ярослав Мудрый), поставленный отцом управлять Новгородом, отказался высылать

ему в Киев новгородскую дань. В 1015 году, готовясь к противостоянию с отцом, он пригласил отряды варягов. Однако, в 1016 (6524) году варяги начали творить насилие над женами горожан, и новгородцы над ними учинили самосуд. Ярослав же заманил к себе знатных новгородцев, где варяги их и перебили. Буквально той же ночью он получил известие о смерти отца, и был вынужден обратиться с просьбой к новгородцам о военной помощи для борьбы за власть с братом [4, с. 168-175].

Версия о том, что упоминание изгоев и словенин в Русской Правде являются вставкой, вызванной данными событиями, стала общепризнанной в отечественной исторической науке [5, с. 91-92]. Выводы о связи данной вставки с событиями 1016 года могут послужить подсказкой для определения тех, кто подразумевался под изгоями. Однако исследователи не смогли преодолеть стереотип об изгоях, как представителей местного населения, изгнанных из общины. Так, А.А. Зимин предполагал, что изгой это «необщинник», а славянин – «общинник» [5, с. 135]. А.А. Тихомиров в своей монографии 1941 года предполагал, что изгой выделены благодаря близости к новгородскому епископу [6, с. 75]. При этом под изгоями он также понимал местных изгнанников из общины. Такой вывод он сделал на основании «Устава князя Ярослава о мостех». Впрочем, Устав, регулировавший обязанности разных групп населения мостить улицы в Новгороде, датируется временем XIII века (по мнению В.Л. Янина, с 1265 по 1267 г.). В нем упоминаются обязанность епископа мостить улицу вместе с изгоями: «А владыце сквозе городнаа ворота с изгой и с другими изгой до Острой Городне» [7, с. 95]. Из данного текста вывод о близости (и подчиненности) изгоев новгородскому епископу представляется излишне поспешным. Наоборот, судя по тексту, епископ и изгой выступают самостоятельными субъектами. Дальше в тексте Устава упоминается обязанность тысяцкого мостить от «софьян» до «вощник», а посадника от «вощник» до «великого ряду», при том не указывается, кто вместе с ними выполняет работы. Таким образом, посадник и тысяцкий должны были обходиться подчиненными им людьми (которые и не упоминаются), а епископ кооперироваться для проведения работ с двумя группами изгоев.

Благодаря существующей версии о связи вставки об изгоях с событиями 1016 года можно высказать предположение, что под изгоями тогда подразумевались варяги – наемники князя Ярослава. Из скандинавских саг известно, что они полностью соответствовали термину изгой, т.к. были изгнаны из своей земли и были вынуждены искать времен-

ное место проживания и средства к существованию на чужбине.

Предводителем отряда варягов, нанявшегося на службу к князю Ярославу Владимировичу, саги называют Эймунда Рингссона (иначе Эймунда Хрингссона). В «Пряди об Эймунде Хрингссоне» Эймунд говорит конунгу Ярислейфу (князю Ярославу): «... а мы позорно изгнаны из [нашей] страны и пришли сюда на восток в Гардарики ...» [8, с. 308-309].

Различные саги по-разному трактуют происхождение Эймунда и его предысторию. В одних («Прядь об Эймунде») он является праправнуком норвежского короля Харальда Прекрасноволосого и сыном норвежского конунга Хринга, в других («Сага об Ингваре Путешественнике») происходит из шведской знати [9, с. 37-54]. Существует некоторая вероятность, что речь идет о разных людях (имя Эймунд в начале XI века в высших кругах Скандинавии было весьма распространено), служивших конунгу Ярислейфу, и принявших участие в событиях противоборства его со своим братом Бурицлейвом. Тем более что описания их дальнейшего жизненного пути после этих событий расходятся. Вполне возможно, они независимо друг от друга поступили на службу в Ярославу в 1016 году со своими отрядами. Общим в обеих сагах было положение персонажей с именем Эймунд в качестве изгоев. В «Саге об Ингваре Путешественнике» Эймунд убил двенадцать воинов шведского короля Олава, собиравших дань на землях его отца (которые Эймунд считал своими), за что и был приговорен на тинге к изгнанию и объявлен вне закона. Его изгнание из страны датируют 1013 годом. В соответствии со скандинавским законодательством человек, совершивший тяжкое преступление, объявлялся вне закона, лишался имущества и должен был покинуть страну навсегда. За менее тяжкие преступления изгнание могло ограничиваться тремя годами [10, с. 251, 281-282]. «Сага об Ингваре» повествует, что после изгнания Эймунд оправился в грабительский поход, а через несколько зим уехал к Ярислейфу, узнав, что тот женился на Ингигерд.

Таким образом, варяги во времена Ярослава Мудрого на Руси полностью соответствовали понятию изгой, т.к. они были изгнаны из своих земель и стран. Многие потом, возвращались обратно. Как подметила в своей статье Т.Н. Джаксон, перечислив всех скандинавских конунгов, пребывавших в X-XI веках в Гардарики: «Хотя обстоятельства появления на Руси норвежских конунгов весьма различны, однако все они ищут здесь временного прибежища и обретают его» [11, с. 284]. По-видимому, и в дальнейшем в Новгороде про-

должали существовать общины изгоев (как это показывает в XIII веке «Устав князя Ярослава о мостех»), являвшихся временными переселенцами из стран вокруг Балтийского моря.

Если признать, что под изгоями в ст. 1 Русской Правды понимались варяги, которых Ярослав Мудрый пытался законодательно защитить от новгородцев, то понятным станет и появление там словен. Внесение в статью только изгоев (варягов) после происшествия с насилием викингов в отношении местного населения выглядело не очень корректно. Ярослав не мог себе позволить ссориться новгородцами (как и с варягами), нуждаясь в их военной силе. Поэтому вставка включала как изгоев, так и словенинов. К началу XI века термины русины уже распространился на всю территорию Древней Руси для обозначения ее населения, но местные локальные названия были должно быть еще памятны.

Поэтому здесь нет и противопоставления русинов и словенинов. Словене новгородские были выделены среди русинов особо, к чему Ярослава принуждала политическая необходимость. Русины присутствовали в изначальном тексте статьи, и добавив в нее только изгоев, Ярослав подорвал бы доверие к себе новгородцев и подчеркнул защиту интересов только последних.

Ярослав Мудрый, как утверждают исследователи, был последним русским князем, активно привлекавшим викингов на территорию Руси [12, с. 289]. Наемники из скандинавов составляли заметную часть в его войске. Их ошутимое присутствие в городах нуждалось в правовом регулировании.

Впрочем, в Русской Правде есть еще упоминания викингов не как изгоев, а как варягов. В Краткой Правде это статья 10, в которой устанавливается, что для варягов и колбягов не нужно было представлять видаков (свидетелей), а вместо того следовало давать роту (клятву) и статья 11: «Аще ли челядинь съкрыется любо у варяга, любо у кольбяга ...». Примечательно, что в обоих случаях варяги упомянуты вместе с колбягами. Кто такие колбяги до сих пор окончательно не известно и на этот счет существует разные версии. Предположения, что это социальная группа, или племя, жившее на Новгородской Земле, можно сразу отбросить, т.к. в статьях речь явно идет об иностранцах. Большинство исследователей Русской Правды сходятся во мнении, что не обязательность предоставления свидетелей была вызвана тем, что варяги и колбяги были чужаками, которым сложно найти поручителей. Наиболее вероятной является версия, что колбяги это пока не идентифицированный народ, проживавший в прибрежных райо-

нах Балтийского моря и известный в Скандинавии с конца IX до начала XII века как кюльфинги. Та-тищев высказал предположение об идентичности колбягов и жителей Поморья в районе Колобжега. Название Колобжег на польском языке означает «около берега».

Сходное название народа в XI веке упоминалось в византийских источниках, при перечислении европейских народов. В 1075 и 1079 годах он записан как «халпингон» (Χουλίγγων), а в 1088 году как «кулпиннон» (κουλίπινων). При этом данные «кулпины» (халпиги) в списке упоминаются всегда рядом с русью («рос» (Ρως), «росон» (ρώσων) и варягами («варагон» (Βαράγγων) «варанон» (βαράννων) [13, с. 348-349].

В отношении упомянутых в Русской Правде варягов и колбягов следует допустить предположение, что это были купцы данных народов, находившиеся в городах Руси (в первую очередь в Новгороде) с торговыми целями. В более позднем (относящемся к XIII веку) «Уставе князя Ярослава о мостех» помимо изгоев упоминаются немцы и готы. На них также возлагались обязанности по мощению улиц рядом со своими резиденциями: «немцем до Ивана вымола, гтом до Алфердова вымола». В данном случае речь идет о купцах, державших свои торговые дворы (фактории) в Новгороде – «Немецкий двор» и «Готский двор» [7, с. 106]. Конечно, за прошедшее с XI века время торговые маршруты и основные торговые партнеры могли поменяться, но «Готским берегом» в XII-XIII веках на Руси называли остров Готланд, а готами – его жителей, т.е. шведов (скандинавов), которые ранее назывались варягами. Впрочем, это последнее название к ним (наряду с готами) продолжало применяться. Так, в «Договоре Новгорода с Готским берегом и с немецкими городами», подписание которого относят к интервалу между 1191 и 1195 годами, представлена статья 10: «Оже емати скот варягу на русине или русину на варязе, а ся его заприть, то 12 мужь послухы, и деть роте, възметь свое» [14, с. 126]. Статья выглядит архаичной – вместо кун, гривен или марок упоминается скот в значении денег (что встречается только в ст. 18 КП). По смыслу статья соответствует ст. 47 ПП о взыскании денег с запирающегося должника, но в той не упоминаются варяги и русины. Конечно, можно допустить, что текст данной статьи воспроизведен из более раннего источника с сохранением вышедшего из употребления наименования варяги. Однако исследователи документа предполагают, что появление нового договора вызвано происшествием, зафиксированном в Новгородской первой летописи под 1188 (6696) годом [14, с. 127]. В Новгородской первой летописи

старшего извода (Синодальный список) оно описано в следующем образом: «В то же лето рубоша новгородьце Варязи в Гьтехъ, Немьце в Хоружьку и в Новотържьце; а на весну не пустиша из Новгорода своих ни одного мужа за море, ни съла въдаша Варягомъ, нь пустиша я без мира» [15, с. 39]. Аналогичный текст с незначительными особенностями написания содержится в Новгородской первой летописи младшего извода (Комиссионный список) [16, с. 229-230]. Различные варианты переводов анализирует в своей статье Е.А. Рыбина [16, с. 45-47]. Значение слова «рубоша» так и остается под вопросом. Его переводят как посажение в погреб (поруб) или как конфискацию имущества. Таким образом, общий смысл сообщения летописи будет выглядеть как «В лето [1188 года] варяги посадили в поруб новгородца [или конфисковали у него имущество] на Готланде, [в ответ] немцев посадили в поруб в Хоружьке и в Торжке».

Таким образом, наименование варяги в «Договоре Новгорода с Готским берегом и с немецкими городами» использовалось для обозначения купцов из Швеции (и с о. Готланд), прибывавших на Русь. Это может служить дополнительным подтверждением версии о том, что варяги, упомянутые в статьях Русской Правды, являлись купцами. На это же указывает упоминание их вместе с колбьягами, которые тоже находились на Руси с торго-

выми функциями. Торговых представительств иностранных купцов в Новгороде в XIII веке было два, что, по-видимому, было и характерно и для X-XI веков. Более того, остров Готланд имел обширную торговлю с Русью (которая шла через Новгород) еще в IX веке. Об этом косвенно свидетельствуют многочисленные находки серебряных арабских дирхемов в кладах. В том числе, в кладе конца IX века была обнаружена монета с нанесенным знаком Рюриковичей [17, с. 31], что уже конкретно указывает на территорию, с которой поступили монеты. По заключению Е.А. Мельниковой, в 1030-х – в начале 1040-х годов в Новгороде на «варяжском подворье» была построена церковь св. Олафа [17, с. 32].

Подводя итог всему вышеизложенному, можно констатировать, что под «изгоями» в Русской Правде подразумевались варяги – изгнанники с территории Скандинавии. Об этом свидетельствует их правовой статус, уравнивающий их со свободным полноправным населением. На соответствие наемников воинов-скандинавов на службе Ярослава Мудрого и понятия изгоев Русской Правды указывают установленные исследователями события, легшие в основу появления данного понятия в правовой статье. Под варягами, отдельно упоминавшимися в Русской Правде, следует видеть скандинавских купцов, чьи торговые дворы присутствовали в Новгороде.

Список источников

1. Памятники русского права / под ред. С.В. Юшкова. М., 1952. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X-XII вв. / сост. А.А. Зимин. М., 1952.
2. Калинина Е.Ю. Реконструкция социально-правового статуса изгоя в Древней Руси // Новгородика-2015. От «Правды Русской» к российскому конституционализму: материалы V междунар. науч. конф. 24-25 сентября 2015 г./ сост.: Е.В. Торопова и др. Ч. 2. Великий Новгород, 2016. С. 15 – 20.
3. Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. и др. Древнерусское государство и его международное значение. Москва, 1965.
4. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / отв. ред. М.Н. Тихомиров. М.; Л., 1950.
5. Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999.
6. Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.; Л., 1941.
7. Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород: учебн. пособие. М., 1977.
8. Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе: Тексты, перевод, комментарий. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2012.
9. Самонова М.Н. «Эймунд конунг» на службе у Брячислава: шведский след в истории Полоцкого княжества // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. / редкол.: А.В. Мартынюк, Г.Я. Голенченко (отв. ред.) [и др.]. Вып. 8. Минск, 2015. С. 37 – 54.
10. Глазырина Г.В. Сага об Ингваре Путешественнике: Текст, перевод, комментарий. М., 2002. С. 201 – 249.
11. Джаксон Т.Н. Скандинавский конунг на Руси // Восточная Европа в древности и средневековье: сб. статей. М., 1978. С. 282 – 288.
12. Мельникова Е.А. «Сага об Эймунде» о службе скандинавов в дружине Ярослава Мудрого // Восточная Европа в древности и средневековье: сб. статей. М., 1978. С. 289 – 295.
13. Труды В.Г. Васильевского. Издание Императорской Академии наук. СПб., 1908. Т. 1.

14. Договор Новгорода с Готским берегом и с немецкими городами // Памятники русского права / под ред. С.В. Юшкова. М., 1953. Вып. 2: Памятники права феодально-раздробленной Руси XII-XV вв. / сост. А.А. Зимин. М., 1953. С. 124 – 131.
15. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / отв. ред. М.Н. Тихомиров; под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950.
16. Рыбина Е.А. О двух древнейших торговых договорах Новгорода // Новгородский исторический сборник. Вып. 3(13). Л., 1989. С. 43 – 50.
17. Мельникова Е.А. Существовал ли двусторонний новгородско-готландский договор доганзейского времени? // Петербургский исторический журнал. 2019. № 4. С. 27 – 41.

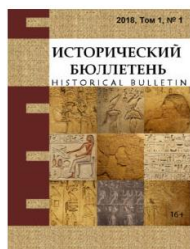
References

1. Monuments of Russian law. ed. S.V. Yushkova. M., 1952. Issue. 1: Monuments of the law of the Kiev state of the X-XII centuries. comp. A.A. Zimin. M., 1952.
2. Kalinina E.Yu. Reconstruction of the social and legal status of an outcast in Ancient Rus'. Novgorodika-2015. From "Russian Pravda" to Russian constitutionalism: materials of the V international. scientific conf. September 24-25, 2015. comp.: E.V. Toropova and others. Part 2. Veliky Novgorod, 2016. P. 15 – 20.
3. Novoseltsev A.P., Pashuto V.T., Cherepnin L.V. et al. Old Russian state and its international significanc. Moscow, 1965.
4. Novgorod first chronicle of the older and younger editions. rep. ed. M.N. Tikhomirov. M.; L., 1950.
5. Zimin A.A. Russian truth. M., 1999.
6. Tikhomirov M.N. Research about Russian Truth. Origin of the texts. M.; L., 1941.
7. Yanin V.L. Essays on comprehensive source studies. Medieval Novgorod: textbook. allowance. M., 1977.
8. Jackson T.N. Icelandic royal sagas about Eastern Europe: Texts, translation, commentary. Ed. 2nd, rev. and additional M., 2012.
9. Samonova M.N. "Eymund King" in the service of Bryachislav: the Swedish trace in the history of the Principality of Polotsk. Studia Historica Europae Orientalis = Studies on the history of Eastern Europe: scientific. Sat. editor: A.V. Martynyuk, G.Ya. Golenchenko (responsible editor) [and others]. Vol. 8. Minsk, 2015. P. 37 – 54.
10. Glazyrina G.V. The Saga of Ingvar the Traveler: Text, translation, commentary. M., 2002. P. 201 – 249.
11. Jackson T.N. Scandinavian king in Rus'. Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages: collection. articles. M., 1978. P. 282 – 288.
12. Melnikova E.A. "The Saga of Eymund" about the service of the Scandinavians in the squad of Yaroslav the Wise. Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages: collection. articles. M., 1978. P. 289 – 295.
13. Works of V.G. Vasilievsky. Published by the Imperial Academy of Sciences. St. Petersburg, 1908. T. 1.
14. Treaty of Novgorod with the Gothic coast and with German cities. Monuments of Russian law. ed. S.V. Yushkova. M., 1953. Issue. 2: Monuments of the law of feudal-fragmented Rus' of the XII-XV centuries. comp. A.A. Zimin. M., 1953. P. 124 – 131.
15. Novgorod first chronicle of the older and younger editions. rep. ed. M.N. Tikhomirov; edited by and with a preface. A.N. Nasonova. M.; L., 1950.
16. Rybina E.A. About the two oldest trade agreements of Novgorod. Novgorod historical collection. Vol. 3(13). L., 1989. P. 43 – 50.
17. Melnikova E.A. Was there a bilateral Novgorod-Gotland treaty in pre-Hansean times? St. Petersburg Historical Journal. 2019. No. 4. P. 27 – 41.

Информация об авторе

Желтов А.А., кандидат исторических наук, доцент, Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, ztv73@mail.ru, +7-964-303-18-49

© Желтов А.А., 2024

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2024, Том 7, № 1 / 2024, Vol. 7, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 328.188

Нарушения правил советской торговли в отчётах комитета партийного контроля при ЦК КПСС в конце 1970-х годов (по материалам Смоленской области)

^{1,2} Иванов А.М.,
^{1,3} Купченко К.В.,
¹ Федоскин Н.Н.,

¹ Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

² Смоленский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,

³ Смоленская государственная сельскохозяйственная академия

Аннотация: данная статья посвящена освещению деятельности комиссии партийного контроля в конце 1970-х годов по материалам Смоленского обкома КПСС. Исследование проведено на базе архивных источников, хранящихся в Государственном архиве новейшей истории Смоленской области (далее ГАНИСО), многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Авторы показывают серьёзные нарушения правил советской торговли и неправильного поведения отдельных руководителей со стороны Коммунистической партии, которые рассматривались и находились на партийном контроле, приводятся примеры партийных взысканий, не только рядовых членов, но и партийных руководителей.

Ключевые слова: партийный контроль, партийные руководители, советская торговля, социалистическая собственность, трудовая дисциплина

Для цитирования: Иванов А.М., Купченко К.В., Федоскин Н.Н. Нарушения правил советской торговли в отчётах комитета партийного контроля при ЦК КПСС в конце 1970-х годов (по материалам Смоленской области) // Исторический бюллетень. 2024. Том 7. № 1. С. 150 – 155.

Поступила в редакцию: 19 сентября 2023 г.; *Одобрена после рецензирования:* 21 ноября 2023 г.; *Принята к публикации:* 15 января 2024 г.

Violations of the rules of Soviet trade in the reports of the Party Control Committee under the Central Committee of the CPSU in the late 1970s (based on the materials of the Smolensk region)

^{1, 2} Ivanov A.M.,
^{1, 3} Kupchenko K.V.,
¹ Fedoskin N.N.,

¹ Smolensk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

² Smolensk branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation,

³ Smolensk State Agricultural Academy

Abstract: this article is devoted to the coverage of the activities of the party control commission in the late 1970s based on the materials of the Smolensk Regional Committee of the CPSU. The study was carried out on the basis of archival sources stored in the State Archive of Contemporary History of the Smolensk Region (hereinafter referred to as GANISO), many of which are introduced into scientific circulation for the first time. The authors show serious violations of the rules of Soviet trade and the wrong behavior of individual leaders on the part of the Communist Party, which were considered and under the control of the Party, and give examples of Party penalties, not only of ordinary members, but also of Party leaders.

Keywords: Party control, party leaders, Soviet trade, socialist property, labor discipline

For citation: Ivanov A.M., Kupchenko K.V., Fedoskin N.N. Violations of the rules of Soviet trade in the reports of the Party Control Committee under the Central Committee of the CPSU in the late 1970s (based on the materials of the Smolensk region). *Historical Bulletin*. 2024. 7 (1). P. 150 – 155.

The article was submitted: September 19, 2023; Approved after reviewing: November 21, 2023; Accepted for publication: January 15, 2024.

Введение

В экономике Советского Союза с середины 70-х годов XX столетия стали быстро накапливаться негативные процессы в виде падения уровня производственной и технологической дисциплины, воровства со стороны рядовых работников и руководства социалистических предприятий, приписок, нарушения сроков ввода в строй запланированных объектов и т.п. [5, с. 135]. Руководство страны понимая величину ущерба для общества и необходимость противодействия данным явлениям, предприняло определенные усилия по повышению эффективности экономики посредством укрепления дисциплины на местах, усиления контроля за производством и распределением [9, с. 196]. По всей стране развернулась кампания по осуществлению проверок с целью повышения эффективности различных отраслей экономики [8, с. 121]. Волна проверок коснулась в числе прочих регионов и Смоленскую область.

Материалы и методы исследований

Авторы статьи по архивным источникам, хранящихся в Государственном архиве новейшей истории Смоленской области (далее ГАНИСО), анализируют деятельность комиссии партийного контроля в конце 1970-х гг. и показывают серьезные

нарушения правил советской торговли и неправильное поведение отдельных руководителей со стороны Коммунистической партии на примере Кардымовского района Смоленской области. В работе использовались методы научного исследования: анализ, синтез, индукция, системный подход, метод формальной логики, и другие.

Результаты и обсуждения

Комиссия партийного контроля при Смоленском обкоме КПСС в конце 1970-х годов проделала определенную работу по осуществлению контроля за соблюдением коммунистами требований Программы и Устава КПСС, норм партийной жизни. Так в начале 1979 г. в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС стали поступать заявления, в котором сообщалось, что руководители Кардымовского района Смоленской области грубо нарушали правила советской торговли, по их указаниям дефицитные изделия и продовольственные товары повышенного спроса отпускались непосредственно с базы райпотребсоюза (далее РАЙПО) или продавались «из-под прилавка» магазинов по знакомству [2, л. 167]. Часто таким же образом приобретались дефицитные товары для личного пользования самими районными руководителями. Сообщалось о распределении и продаже

легковой автомобилей рыночного фонда по знакомству и личным связям. В письмах указывалось, что такие действия руководителей Кардымовского района создавали условия для различного рода злоупотреблений и появления взяточничества [1, л. 189].

Проверкой, проведенной Комитет партийного контроля при Смоленском обкоме КПСС были установлены многочисленные случаи нарушения правил торговли руководящими работниками района. Так, например, в январе 1978 г. в универмаг поселка Кардымово поступила партия изделий из золота на сумму свыше 13 тысяч рублей. При этом значительная часть золотых изделий, пользовавшаяся наибольшим спросом, в продажу не поступала, а отпускалась заведующей отделом магазина Гришиной В.А. «с черного хода» из подсобного помещения. В числе других таким путем приобрели ювелирные изделия секретарь райкома КПСС Кузьмина И.А. (4 золотых перстня с последующей оплатой), председатель районного комитета народного контроля Кубекин А.М., заместитель председателя райисполкома Уленков Л.Г., председатель Кардымовского сельского Совета народных депутатов Селезнев И.А. и другие.

Особенно значительные нарушения правил торговли и злоупотребления были допущены при продаже ковровых изделий. За 1978 г. и первый квартал 1979 г. на базу РАЙПО поступило свыше 400 ковров, из этого количества по очереди покупателям было продано немногим более 60, остальные ковры распродавались по указанию заместителей председателя райисполкома Уленкова Л.Г. и Дроздова В.В., а также председателя правления РАЙПО Иваненкова А.П. и заведующей торговым отделом Алибековой В.А. их знаковым и «нужным лицам». Часто реализация ковровых изделий производилась непосредственно с базы, минуя магазины. При такой закрытой продаже покупатели были лишены возможности знать истинную цену приобретаемых товаров, то есть создавались все условия для злоупотребления и реализации изделий по завышенным ценам.

Большая часть ковровых изделий, поступивших в РАЙПО в мае-августе 1979 г., также реализовывались не через магазины, а непосредственно с базы. Злоупотребляя своим служебным положением, в нарушение правил советской торговли, заместитель председателя райисполкома Дроздов неоднократно давал указания работникам торговли об отпуске с базы ковровых изделий вне всякой очереди, сам для работников приобрел три ковровых изделия. Незаконным путем приобрели ковровые изделия секретарь райисполкома Уштык В.К., председатель районной плановой комиссии

Брезгунова В.С., зав.общим отделом Антонова А.В. и другим работникам исполкома. Причем, некоторые из них приобретали ковры не один раз [1, л. 190-191].

По личному указанию председателя районного комитета народного контроля Кубекина А.М. был отпущен один ковер с базы РАЙПО инспектору Смоленского областного комитета народного контроля Улыбышевой Л.Н. По заявлению председателя райпо Иваненкова А.П., секретарь райкома партии Кузьмина И.А. приобретала золотые изделия из каждой партии и неоднократно ковровые изделия. Проверкой было установлено, что Кузьмина И.А. в июне 1978 г. оформила кредит на приобретение в магазине телевизора «Горизонт» и магнитолы «Романтика». Но фактически эти товары не получила, а истребованы от магазина наличные деньги в сумме 700 рублей. Такое фиктивное оформление понадобилось Кузьминой для того, чтобы спасти от ответственности за растрату свою подругу Мартьянову М.П., у которой в отделе «Одежда» универмага была обнаружена недостача [1, л. 191].

Неправильное поведение руководителей района поощряло некоторых торговых работников к совершению нарушений и злоупотреблений. Так, например, перед переоценкой меховых изделий в связи с изменениями цен с 1 июля 1979 г. руководящие работники РАЙПО и районного производственного управления бытового обслуживания, используя служебное положение в корыстных целях, скупали поступающие в последние дни июня месяца 1979 г. все изделия из меха. Допускались грубые нарушения и при уценке товаров. Отдельные промышленные товары необоснованно уценивались до минимальной стоимости и тут же приобретались самими «уценщиками». Так, например, пальто женское выпуска 1977 г. стоимостью 199 рублей уценивалось до 20 рублей, джемпера мужские и женские стоимостью 30 рублей уценивались до 10 рублей, часы дамские «Эра» с 95 рублей уценивались до 20 рублей и т.д. [1, л. 192].

Проверкой были установлены такие случаи разбазаривания руководителями РАЙПО специальных фондов на продовольственные товары, предназначенные для обеспечения больниц, детских учреждений и туберкулезного санатория. В условиях бесконтрольности со стороны райкома партии и райисполкома значительные фонды на продовольственные товары (мясо и мясопродукты, сливочное масло и яйцо), предназначенные для указанных учреждений, не выбирались с баз в г. Смоленске. Те же продукты, которые поступали в большом количестве, приобретались через «чер-

ный ход» работниками РАЙПО, их близкими и знакомыми для личного потребления. Кардымовская школа-интернат, например, за январь – июль 1979 г. для питания учащихся недополучила 2047 кг. мяса, 367 кг. сливочного масла. Из поступивших с базы 28 июня 1979 г. 446 кг. колбасных изделий учащимся досталось только 17 кг., а все остальное было распродано на сторону. Более одной трети утиного мяса (584 кг.), поступившего в июле 1979 г., было также оторвано от детей и реализовано по усмотрению торговых работников. Подобные примеры можно было продолжать [1, л. 192].

В Кардымовском районе были вскрыты серьёзные недостатки при распределении и продаже легковых автомобилей рыночного фонда. По результатам проверки Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС 28 декабря 1977 г. бюро обкома КПСС приняло постановление «О грубых нарушениях правил торговли легковыми автомобилями в потребительской кооперации Смоленской области». Как показала проверка, указанное постановление руководителями Кардымовского района выполнялось неудовлетворительно. Они не установили строгого контроля за деятельностью должностных лиц, имевших отношения к реализации в личное пользование автомобилей [1, л. 193]. По распределению исполкома райсовета за 1977-1979гг. было продано 152 автомобиля. Вместо первоочередного обеспечения легковыми автомобилями передовиков и специалистов сельского хозяйства Кардымовского района райисполком санкционировал выделение 53 автомашин работникам различных организаций г. Смоленска и других городов Смоленской области, а несколько автомобилей предоставил лицам, место работы которых было неизвестно. Из числа автомобилей, проданных жителям Кардымовского района, 14 машин на учете не значились. Административные органы не осуществляли надзора за использованием автомобилей по назначению, не пресекали фактов их перевозки [1, л. 193].

Грубые нарушения правил советской торговли, злоупотребления отдельных должностных лиц при реализации промышленных и продовольственных товаров повышенного спроса вызывали недовольство и возмущение жителей Кардымовского района, служили поводом для различного рода суждений о нечестности отдельных руководящих работников района. Райком партии и его первый секретарь Чертков А.И., зная о некоторых случаях нарушений правил советской торговли и неправильного поведения отдельных руководящих работников, не давал им принципиальной партийной

оценки и не приняли необходимых мер по их пресечению. Учитывая опасность и распространенность допущенных нарушений, а также отрицательные последствия неправильных действий отдельных руководящих работников Кардымовского района для воспитания кадров, данная записка была направлена Смоленскому обкому КПСС для рассмотрения и принятия мер. О результатах проверки Комиссии партийного контроля был проинформирован первый секретарь Смоленского обкома КПСС Клименко И.Е. [3, л. 28].

Записка Комитета партийного контроля при ЦК КПСС «О серьезных недостатках правил советской торговли и неправильном поведении отдельных руководителей Кардымовского района Смоленской области» была рассмотрена на бюро Смоленского обкома КПСС 19 декабря 1979 г. Изложенные в постановлении факты и выводы, были признаны правильными. В связи с неправильным поведением и допущенными фактами злоупотребления своим служебным положением в корыстных целях бюро обкома партии решило считать невозможным дальнейшее исполнение Кузьминовой И.А. в должности секретаря Кардымовского района КПСС. За серьезные нарушения правил советской торговли и допущенные факты злоупотребления служебным положением заместителю председателя райисполкома Дроздову В.В. был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку. Райкому партии было поручено рассмотреть вопрос о партийной ответственности председателя Комитета народного контроля Кубекина А.М. и председателя Кардымовского сельского Совета народных депутатов Селезнева И.А. Первому секретарю райкома КПСС Черткову А.И. и председателю исполкома райсовета Баринову В.А. было указано на их беспринципность и непринятие своевременных мер по пресечению случаев нарушения правил торговли и непартийного поведения некоторых руководящих работников Кардымовского района [1, л. 194-195].

Бюро обкома КПСС приняло к сведению, что заместитель председателя Кардымовского райисполкома Уленков Л.Г., председатель РАЙПО Иваненков А.Т. и заведующим торговым отделом РАЙПО Алибекова В.А. за незаконную продажу легковых автомобилей и других дефицитных товаров были освобождены от занимаемых должностей и наказаны в партийном и дисциплинарном порядке [2, л. 168].

Бюро Смоленского обкома КПСС обязало УВД облисполкома, облпрокуратуру установить надлежащий надзор за правилами продажи легковых автомобилей и товаров, пользовавшихся большим

спросом у населения, а также требовало от облпотребсоюза усилить контроль за деятельностью подведомственных предприятий и организаций, обратив особое внимание на подбор руководящих кадров в районных потребительских обществах. Горкомам и райкомам КПСС было предложено усилить контроль за работой торгующих организаций, принять необходимые меры к устранению нарушений правил советской торговли, улучшить воспитательную работу в коллективах предприятий сферы обслуживания, повысить роль первичных партийных организаций [1, с. 195].

Несмотря на требования ЦК КПСС, причастность коммунистов к посягательствам на государственное имущество следовало рассматривать как преступление перед партией и правительством [10, с. 126]. Несовместимой с пребыванием в ее рядах, первичные партийные организации в большинстве своем ограничивались объявлением партийных взысканий, а городские и районные партийные комитеты их своевременно не поправляли [3, л. 26].

Выводы

По результатам проверок Комитета партийного контроля при ЦК КПСС а конце 1970-х гг. было установлено, что прокурорские органы не осуществляли должного надзора за исполнением за-

конодательства по охране социалистической собственности на предприятиях и не предпринимали необходимых мер по привлечению к ответственности хозяйственных руководителей, допускавших преступно-халатное отношение к своим обязанностям [2, л. 169]. Однако к ответственности привлекались и руководящие работники региона, которые не обеспечивали полноценное выполнение задач партии и правительства [7, с. 164]. Так, председателю исполкома областного Совета народных депутатов Филатову Д.И. был объявлен выговор за серьезные недостатки и упущения в работе по наведению должного порядка и организованности в подведомственных облисполкому организациях, низкий уровень контроля за выполнением народнохозяйственных планов и неукоснительным соблюдением плановой и государственной дисциплины [6, с. 175].

С приходом Ю.В. Андропова на пост Генерального секретаря началась кампания по укреплению дисциплины в советских и партийных органах, на предприятиях и организациях страны [4, с. 66]. В связи с этим была поставлена задача по повышению трудовой дисциплины и социального положения трудящихся в РСФСР в целом и Смоленской области в частности [9, с. 146].

Список источников

1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее ГАНИСО). Ф. 6. Оп. 47. Д. 50. Информации обкома партии о выполнении постановлений ЦК КПСС 1979 г. Л. 189-195.
2. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 62. Д. 69. Материалы обкома партии, направляемые в ЦК КПСС. 1984 г. Л. 166-169.
3. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 65. Д. 67. Материалы обкома партии, направляемые в ЦК КПСС. Т. 1. 1985 г. Л. 26-28.
4. Аксенова Е.К., Иванов А.М. Необоснованное отвлечение трудящихся с производства и борьба с нетрудовыми доходами в 1980-х гг. (по материалам Смоленской области) // На пути к гражданскому обществу. 2021. № 2 (42). С. 66 – 69.
5. Асриев С.А., Тимофеева И.Ю., Федоскин Н.Н., Якутин А.В. История государственного управления советского периода: 1917-1991 гг.: учебное пособие. Смоленск: Универсум, 2017. 188 с.
6. Иванов А.М., Ягнешко М.В. Деятельность партийных органов по контролю за строительством промышленных объектов в Смоленской области в 1980-х годах // Modern Science. 2021. № 12-1. С. 171 – 175.
7. Купченко К.В., Иванов А.М., Лаврова Е.В., Муравицкий А.И., Тимофеева И.Ю., Федоскин Н.Н. История государственности России: с древнейших времен до современности. Смоленск, 2021. 193 с.
8. Купченко К.В., Иванов А.М., Ковалева А.Е. История развития бухгалтерского дела в России советского периода (1917-1991 гг.) Смоленск, 2021. 140 с.
9. Купченко К.В., Федоскин Н.Н., Якутин А.В. Отечественная история советского периода (1917-1991 гг.). Смоленск, 2018. 170 с.
10. Федоскин Н.Н. История отечественного государства и права. Смоленск, 2011. Ч. 2. 224 с.

References

1. State Archive of Contemporary History of the Smolensk Region (hereinafter GANISO). F. 6. Op. 47. D. 50. Information from the regional party committee on the implementation of the resolutions of the CPSU Central Committee of 1979, L. 189-195.
2. GANISO. F. 6. Op. 62. D. 69. Materials of the regional party committee, sent to the CPSU Central Committee. 1984 L. 166-169.
3. GANISO. F. 6. Op. 65. D. 67. Materials of the regional party committee, sent to the CPSU Central Committee. T. 1. 1985 L. 26-28.
4. Aksenova E.K., Ivanov A.M. Unreasonable diversion of workers from production and the fight against unearned income in the 1980s. (based on materials from the Smolensk region). On the way to civil society. 2021. No. 2 (42). P. 66 – 69.
5. Asriev S.A., Timofeeva I.Yu., Fedoskin N.N., Yakutin A.V. History of public administration of the Soviet period: 1917-1991: textbook. Smolensk: Universum, 2017. 188 p.
6. Ivanov A.M., Yagneshko M.V. Activities of party bodies to control the construction of industrial facilities in the Smolensk region in the 1980s. Modern Science. 2021. No. 12-1. P. 171 – 175.
7. Kupchenko K.V., Ivanov A.M., Lavrova E.V., Murovitsky A.I., Timofeeva I.Yu., Fedoskin N.N. History of Russian statehood: from ancient times to the present. Smolensk, 2021. 193 p.
8. Kupchenko K.V., Ivanov A.M., Kovaleva A.E. History of the development of accounting in Russia during the Soviet period (1917-1991) Smolensk, 2021. 140 p.
9. Kupchenko K.V., Fedoskin N.N., Yakutin A.V. Domestic history of the Soviet period (1917-1991). Smolensk, 2018. 170 p.
10. Fedoskin N.N. History of domestic state and law. Smolensk, 2011. Part 2. 224 p.

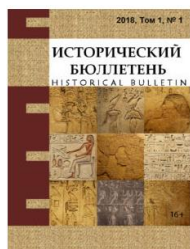
Информация об авторах

Иванов А.М., кандидат исторических наук, доцент, Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Смоленский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Aleks-I-82@yandex.ru, 8-910-763-94-25

Купченко К.В., кандидат исторических наук, доцент, Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Смоленская государственная сельскохозяйственная академия

Федоскин Н.Н., кандидат педагогических наук, доцент, Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

© Иванов А.М., Купченко К.В., Федоскин Н.Н., 2024

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2024, Том 7, № 1 / 2024, Vol. 7, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 323.1 + 28.3

Святые индонезийского ислама: траектории социального и религиозного опыта

¹ *Кирчанов М.В.,*

¹ *Воронежский государственный университет*

Аннотация: автор анализирует культ святых в развитии ислама Индонезии. Методологической основой статьи являются междисциплинарные концепции, включая концепции «воображения сообществ» и «изобретения традиций». Результаты развития социальной и культурной антропологии также использованы автором статьи. Предполагается, что 1) генезис культа святых в истории индонезийской уммы стал результатом деятельности проповедников и других активистов ислама, 2) историческая динамика истории культа святых в Индонезии актуализировала противоречия между развитием мусульманской религиозности и секуляризации, 3) социальная и культурная динамика, процессы модернизации и секуляризации существенно влияют на развитие культа святых в современном исламе в Индонезии. Автором статьи показано, что история культа святых актуализировала в Индонезии противоречия мусульманской уммы в контекстах соразвития «высокого» («ученого») и «низкого» («народного») ислама.

Ключевые слова: ислам, социальная и культурная история ислама, святые, культ святых, Индонезия, традиции, традиционализм

Для цитирования: Кирчанов М.В. Святые индонезийского ислама: траектории социального и религиозного опыта // Исторический бюллетень. 2024. Том 7. № 1. С. 156 – 167.

Поступила в редакцию: 21 сентября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 24 ноября 2023 г.; Принята к публикации: 15 января 2024 г.

Saints of Indonesian Islam: trajectories of social and religious experience

¹ *Kirchanov M.V.,*

¹ *Voronezh State University*

Abstract: the author analyses the cult of saints in the development of Islam in Indonesia. The methodological basis of the article is interdisciplinary concepts, including “imagination of communities” and “invention of traditions”. The results of the development of social and cultural anthropology are also used by the author in the article. It is assumed that 1) the genesis of the cult of saints in the history of the Indonesian Ummah was the result of the activities of preachers and other activists of Islam, 2) the historical dynamics of the cult of saints history in Indonesia actualized the contradictions between the development of Muslim religiosity and secularization, 3) social and cultural dynamics, processes of modernization and secularization influence significantly the development of the cult of saints in modern Islam in Indonesia. The author of the article shows that the history of the cult of saints in Indonesia actualized the contradictions of the Muslim Ummah in the context of the co-development of “high” (“scholarly”) and “low” (“folk”) Islam.

Keywords: Islam, social and cultural histories of Islam, saints (wali), cult of saints, Indonesia, traditions, traditionalism

For citation: Kirchanov M.V. *Saints of Indonesian Islam: trajectories of social and religious experience. Historical Bulletin. 2024. 7 (1). P. 156 – 167.*

The article was submitted: September 21, 2023; Approved after reviewing: November 24, 2023; Accepted for publication: January 15, 2024.

Введение

Важной особенностью современного ислама является наличие культа святых. Представления о «святых» в исламе обладают рядом существенных особенностей, которые в значительной степени отличают их от аналогичных явлений, например, в христианстве, хотя сравнения между религиозными практиками в историографии в подобной ситуации представляются неизбежными [35]. Если в христианстве практикуется сознательная и целенаправленная канонизация святых за совершенные ими определенные действия – чудеса, подвижничество, мученичество, исцеление, благочестие – то механизм формирования как самого культа святых, так и представлений о них в исламе в большей степени связан с традиционными формами религиозности.

Восприятие святых в мусульманской мысли существенно отличается от теологических практик современного христианства, так как «святые, обогатившие популярную практику досовременного ислама, почитаются мусульманами и сегодня в различных частях мира, но верно также и то, что растет противодействие почитанию святых. Среди его оппонентов – фундаменталистские и исламистские движения, которые пытаются навязать нам образ ислама, который дистанцируется от почитания святых» [12, р. 12]. Тем не менее, несмотря на столь различные восприятия как самих святых, так и традиций их почитания, культ мусульманских святых заслуживает того, чтобы быть предметом изучения современной историографии.

Функционирование культа святых является отражением реальных процессов, связанных с распространением и усилением ислама в тех или иных регионах. Одним из уникальных регионов, где ислам является доминирующей религией, стала Индонезия. Исторически на территории Индонезии сложилась уникальная версия культа святых, который связан, как правило, с историей исламизации и распространения ислама на территории будущей Индонезии. Поэтому основой формирования культа святых и представлений о святости в исламе стала детальность отдельных поведенческих ислама.

Цели и задачи статьи. Именно культ святых на территории Индонезии будет в центре авторского внимания в представленной статье. Поэтому целью автора является анализ культа святых в исла-

ме на территории Индонезии. В число задач автора входит 1) выяснение особенностей генезиса и исторического развития культа святых и представлений о святости в исламе на территории Индонезии, 2) изучение системных особенностей и характеристик культа святых в индонезийском исламе, 3) анализ перспектив развития культа святых в условиях современной секуляризации, с одной стороны, и исламского возрождения в Индонезии, с другой.

Материалы и методы исследований

Несмотря на то, что «на русском языке тема «культа святых в исламе» исследуется больше столетия» [1, с. 3], в историографии «до сих пор культ святых остается “белым пятном” для науки» [1, с. 5]. Поэтому сохраняются значительные лакуны, связанные с неравномерностью и диспропорциями в изучении мусульманских концептов святости и религиозных практик, которые с ней связаны.

Современная историография предлагает уникальные эпистемологический инструментарий, который может быть использован для изучения как истории, так и современных состояний, социальных и религиозных практик, связанных с функционированием культа святых в исламе. В представленной статье автор использует концепции «воображения сообществ» и «изобретения традиций». Американский социолог Талал Асад, комментируя социальные, культурные и антропологические подходы к изучению ислама, подчеркивает, что «разные вещи, к которым сами мусульмане относятся как к исламским, должны быть рассмотрены в контексте жизни и развития их обществ, действительно может служить здоровым социологическим правилом, но не помогает идентифицировать ислам как исследовательский объект» [2, с. 43]. Феномен святых в исламе, вероятно, указывает на верность подобного допущения. Как анализ историй святых, так и более поздних практик их почитания неизбежно ставит историка в ограниченные рамки, сковывая его возможности для исследовательского маневра как географическими границами объекта изучения, так и разного рода методологическими подходами, которые могут восприниматься в качестве (не)формальных предписаний для изучения проявлений «святости» в исламе.

*Индонезийские «wali» как
историографический конструкт*

Несмотря на то, что в целом «ислам как монотеистическая религия теоретически абсолютно исключает поклонение любым святыням, кроме “единого Аллаха”, что постоянно подчеркивается коранической традицией» [5], представления о святости в индонезийском исламе, тем не менее, генетически восходят к аналогичным идеям в классическом исламе. Одним из источников представлений о святости является Коран. В Коране святые фигурируют как те, кто, с одной стороны, «приносит в жертву душу свою, желая заслужить благоволение Божие... те, которые уверовали... и не следуют по стопам Шайтана» [7], а, с другой, «творят добро родителям, родственникам, сиротам, беднякам, соседям, как родственникам, так и не состоявшим в родстве с вами» [7]. Святые в Коране – это те, «кому покровительствует Аллах» и, поэтому, им «нечего страшиться и не изведуют они горя. Тем, которые уверовали и были богобоязненны, предназначена радостная весть [о доле благой] в этой жизни и будущей – слова Аллаха не подлежат отмене – это и есть великое преуспевание» [7]. Святой в Коране – прежде всего верующий, который «поминает Аллаха и стоя, и сидя, и [лежа] на боку и размышляет о сотворении небес и земли» [7]. Такие люди, согласно Корану, не только те, кто «уверовал и творил деяния добрые» [7] но и «повинуются Аллаху и Посланнику Его», стремясь «обрести прощение Господа и Рай. Уготован он для благочестивых, которые расходуют средства [свои на дела богоугодные]» [7].

Святым в Коране приписывается особая роль, так как именно им «верным обетам своим... дающим пищу бедным, сиротам и пленникам» [7], отведено «возвыситься над нечестивцами» [7]. Именно таким людям Коран приписывает положительные качества, так как именно они «терпеливы, правдивы, смиренны, тратят на подаяние и на заре просят [у Аллаха] прощения» [7]. В этом контексте святые в Коране в большей степени фигурируют как праведники, что существенно повлияло на опыт «исторических» мусульманских святых, которые проявили себя, в отличие от христианских, не мученичеством и позднее приписываемым им чудесами, но реальной активностью, связанной с проповедью ислама.

Подобная традиция восприятия святых как реальных фигур, связанной с историей уммы (особенно с ее институционализацией в результате обращения населения в ислам [19]), характерна для большинства регионов, где ислам является доминирующей религией, включая – арабский мир [6]. В целом, ислам, «возникший в результате про-

роческой проповеди, не дает точного определения понятию “святость”, отдавая предпочтение понятию “пророчество”: эти два термина, охватывающие две дифференцированные, но иногда пересекающиеся реальности, поддерживают сложные отношения, как на теоретическом уровне, так и на практике» [38]. Поэтому мусульманские святые, в отличие от святых в христианстве, не воспринимаются в качестве мучеников, но осознаются как реальные фигуры, культ почитания в отношении которых был институционализирован позднее.

Исторически современный ислам сформировал свою собственную традицию как почитания святых [26], так и отношения к ним [44]. Генетически практики почитания святых в Индонезии восходят к религиозным и социальным практикам раннего ислама [37]. Практики, тактики и стратегии почитания святых в мусульманском мире, которые формируют уникальную культуру святости, существенно отличаются от других форм развития религии, например, в христианстве. По мнению американского социолога религии А. Сальваторе, культ святых в исламе исторически возник как проявление «синдрома примирения того, что социологически несовместимо и даже не поддается сведению к классической социологической антиномии, т.е. примирения между индивидуумом и обществом, движением и институтом, рациональностью и аутентичностью, абстрактными рациональными системами и местными культурами... это синдром... символическая сила, локализуемая между самодостаточностью страдания и искупления» [45, р. 91]. В такой ситуации мусульманский культ святых оказывается в большей степени интегрированным в региональные формы ислама, в особенности – низового.

Английский социолог и культуролог Эрнест Геллнер в своей монографии «Мусульманское общество» подчеркивал, что «наиболее характерным религиозным институтом сельского, племенного ислама является живущий святой» [24, р. 40]. В рамках такого восприятия феномена культа святых его развитие в Индонезии, вероятно, следует интерпретировать через призму «формирования коллективных субъективностей» [14], так как функционирование коллективных представлений о святых на уровне народного, «низового», ислама отражает материальные, институциональные и дискурсивные измерения представлений о святости. Поэтому в рамках такого «народного» ислама «почитание святых принимает разные формы» [54, р. 43]. При этом «святой» в такой системе координат необязательно должен быть живым физически, так как предполагается, что он в состоянии «обес-

печить преемственность» [24, р. 120] между различными поколениями уммы.

На подобную особенность восприятия святых в исламе указывал Б. Тёрнер, который подчеркивал, что «южный, мусульманский берег Средиземного моря зеркально отражал северный, европейский». Если на северном берегу доминировала «центральная религиозная традиция», которая по своей социальной природе была «иерархична, ритуалистична, сильно связана с деревней», а ее «краеугольным камнем» являлся культ святых, то на южном берегу «ислам переворачивал схему с ног на голову». Если «христианские святые ортодоксальны, индивидуальны, мертвы, канонизированы центральной властью», то в исламе они «гетеродоксальны, принадлежат к племенам или союзам племен, живут в признанном согласии с локальным окружением» [55, р. 40]. Поэтому условия мусульманского восприятия исторического времени как перманентной современности, покойные святые могли восприниматься в коллективной памяти уммы как ее члены. Память о святых в такой культурной ситуации может сохраняться и в силу специфического восприятия исторического времени в современном исламе.

Комментируя отношение к последнему, российский мусульманский философ Гейдар Джемаль подчеркивал, что «в исламе нет прошлого. То, что происходило в первые годы исламской истории – это перманентно актуальный архетип, сакральная модель, которая вновь и вновь осмысливается как суть реальности – причем именно текущей ежедневности. Нет временного зазора, нет перевода пластов истории в разряд легенд и в неактуальную архаику. С 622 года по Р.Х. (первого года Хиджры) мировая исламская община живет в вечном настоящем, в современности... только современность, заданная в своем содержании 1400 лет назад» [8, с. 8]. Именно в подобную систему координат, основанную на особом восприятии времени в мусульманском мире [16], в современность и перманентное настоящее, могут трансплантироваться образы индонезийских мусульманских святых, которые начинают восприниматься вне истории, но осознаваться в качестве современников, членов уммы, как и другие верующие.

Святые в исламе Индонезии известны как “Wali Songo” [50]. Понятие “Wali Songo” имеет смешанную, арабо-индонезийскую, этимологию. Арабское слово “wali” имеет несколько значений, но в данном контексте наиболее уместным переводом является “святой” [52]. Слово “songo” в яванском языке используется для обозначения числа “девять”. Буквально речь должна идти о «деяти святых» [29], но большинство почитаемых индоне-

зийскими мусульманами святых жили в разное время и их было явно больше девяти. В этом контексте понятие “Wali Songo” фактически используется для обозначения группы исторических деятелей, активность которых, в той или иной степени, бала связано с проповедью ислама и его распространением, то есть сводилась к исламизации территории будущей Индонезии [17]. “Wali Songo” не являются единственными мусульманскими святыми в Индонезии. Наряду с этими девятью святыми, почитаемыми на Яве, известны также и “Wali Pitu” – семь святых, традиция поклонения которым практикуется на Бали [47].

Основным источником о деятельности “Wali Songo” является хроника «Sejarah Banten» («История Бантена») [39] и сборник «Babad Tanah Jawi» («История земли Явы») [41], датировка появления которого является спорной [42]. Эти тексты интересны тем, что их описание жизни и деятельности мусульманских святых не содержит шахады – произнесения исповедания веры, обязательного для принятия ислама [34]. “Wali Songo”, таким образом, родовое понятие для обозначения реальных исторических фигур [36]. “Wali Songo” представляет собой историографический конструкт, предложенный историками для обозначения тех исторических деятелей, которые принимали участие в распространении ислама.

Концепция святости в исламе имеет прочную основу в Коране и хадисах [49]. Святые в классическом исламе – это люди, достигшие совершенного познания в понимании Аллаха [32]. Функционирование культа святых в исламе существенно отличается от аналогичных практик в христианстве. Что касается ислама в целом, то в историографии высказывалось мнение о близости культа святых в Индонезии с аналогичными культурными и религиозными практиками Северной Африки [57]. По мнению Э. Геллнера, именно культ святых был «наиболее характерным для сельского ислама институтом... который, однако, существенно отличался от аналогичных культов распространенных, скажем, на католическом побережье Средиземноморья. Исламские святые были не столько фигурами, которых почитали за их давно минувшие деяния и использовали для связи с миром иным, сколько – живыми персонажами, совершающими службу лично, здесь и теперь... В народном исламе святые пребывают (или пребывали) в добром здравии. Святые и были священниками... Широко раскинутая сеть святых скрепляла... прошлое и настоящее... узы родства и неизбежность веры» [4, с. 28]. Подобные функциональные ограничения в целом характерны и для культа святых в Индонезии, где отношение к по-

следним в рамках народного, «низового», ислама отражало не только отношения к святости и ее понимание со стороны верующих, но и свидетельство о специфике восприятия времени в его историческом, социальном и культурном измерении. Вместе с тем, во внимание следует принимать и то, что некоторые историки полагают, что деление ислама на «высокий» / «элитарный» и «низкий» / «народный», предложенное во второй половине 1950-х гг. Г. фон Грюнебаумом [25], кажется в значительной степени искусственным, так как «является частью попыток исламской элиты доминировать в дискурсе о том, что представляет собой настоящая религия» [33, р. 6]. В рамках такого восприятия концепт как «святости», так и «святых» оказывается исключен из социально мотивированных объяснений ислама, становясь частью мусульманской религиозной традиции в целом.

“Wali Songo” и “Wali Pitu” не являются единственными мусульманскими святыми в Индонезии, чье почитание и влияние ограничено соответственно Явой и Бали. Наряду с этими девятью и семью условно региональными святыми, почитаемыми на Яве и Бали, в современной Индонезии практикуется почитание и условно общеиндонезийских, национальных святых, чья активность связана с новейшей историей. Среди таких святых особое место принадлежит Абдурахману Вахиду, известному как Гус Дур – Президенту Индонезии с 1999 по 2001 г. (1420-1422 гг. по Хиджре) Если девять и семь святых были «ответственными» за исламизацию Индонезии в исторической перспективе, то Гус Дур – за демократизацию страны, что существенно повлияло на основные векторы развития политического ислама.

Функционирование культа мусульманских святых в разных регионах мира имеет свои особенности, которые, тем не менее, позволяют выделить общие элементы этого явления. Российская исследовательница Ю.Н. Гусева в отношении региона Средней Волги указывает на следующие компоненты религиозных практик мусульман, связанных с культом святых: «1) могилы суфийских шейхов и тех, кого народная память причислила к “святым” [...]; 2) могилы шахидов-мучеников за веру, погибших в процессе христианизации или в атеистическое советское время [...]; 3) могилы первопоселенцев, что объясняется связью культа святых с традициями архаического культа предков [...]; 4) анимизированные деревья, водные источники, камни [...]» [5].

Не все эти элементы характерны для культа святых в индонезийском исламе. Трансплантируя теоретическую модель, предложенную Ю.Н. Гусе-

вой, в индонезийские социальные, политические и культурные контексты, вероятно, мы можем предложить следующую типологию: 1) могилы первых проповедников ислама, почитаемых в качестве святых – соответственно девять и семь святых на Яве и на Бали; 2) могилы политиков XX века, которые были связаны с уммой и внесли значительный вклад в развитие политического ислама (Гус Дур); 3) образы сторонников радикального ислама, которые живы, но находятся в заключении, так как вокруг них сложилась практика почитания и приписывания им особых способностей; 4) предметы с места захоронения мусульманских деятелей (например, Гус Дура), которым приписываются особые свойства.

*“Исторические” индонезийские
мусульманские «wali»: траектории
социального и религиозного опыта*

Анализируя феномен индонезийских святых, во внимание следует принимать то, что в качестве святых воспринимаются реальные исторические личности [31, р. 10 – 23], активность которых была связана преимущественно с распространением ислама [53], хотя на раннем этапе исламизации этот процесс ограничивался территорией Явы [48]. Первым в ряду “Wali Songo” следует упомянуть Малика Ибрагима, который жил в первой половине 14 века. Скорее всего, Малик Ибрагим являлся Махдумом Ибрагимом ас-Самарканди и не был яванцем, но родился предположительно на территории современного Ирана. Малик Ибрагим активно использовал торговые связи для распространения ислама. Малику Ибрагиму приписывается совершение чудес, в частности – спасение девушки, предназначенной для жертвоприношения. Согласно индонезийской традиции почитания мусульманских святых, Малик Ибрагим совершил намаз, что привело к дождю, спасению девушки и обращению в ислам местного населения [13, р. 13].

В целом, происхождение первого индонезийского мусульманского святого спорно, так как некоторые авторы указывают на его возможные китайские корни. В пользу этой версии свидетельствует то, что Яву в 1405-1407 гг. (808-810 гг. по Хиджре) посетила китайская экспедиция, среди участников которой были мусульмане, частично оставшиеся на архипелаге. Известно, что такие мусульманские святые как Сунан Амел (Бонг Сви Хо, 1401-1481 / 804-886 гг. по Хиджре), Сунан Бонанг (Бон Ан, 1465-1525 / 870-932 гг. по Хиджре) и Сунан Калиджага (Ган Си Цан) имели китайское происхождение. Сунан Гресик, другой почитаемый святой, не был яванцем, но являлся, скорее всего, купцом-мусульманином из Китая и

прибыл на остров в 1404 г. (807 г. по Хиджре), где и умер в 1419 г. (822 г. по Хиджре).

Мусульманские святые известны прежде всего проповедью ислама [20], но их активность могла не ограничиваться только этим. Сунан Гири (1442-1506 / 846-912 гг. по Хиджре), известный проповедью ислама на Сулавеси и в Ломбоке, стал основателем одной из первых школ, ученики которой изучали ислам. Сунан Бонанг и Сунан Драджат, например, были поэтами и композиторами [30]. Именно Сунану Бонангу принадлежит текст песни, которая фактически стала наставлением для новообращенных мусульман, регулярно исполняясь в современной Индонезии. Яванцам, принявшим ислам, мусульманский святой предлагал «читать Коран и понимать его смысл, совершать ночную молитву, собираться с благочестивыми людьми, регулярно держать пост, совершать зикр» [51], подчеркивая, что «любой, кто сможет следовать хотя бы одному из этих заветов, будет благословен Аллахом» [51]. Сунан Кудус и Сунан Калиджага известны как создатели традиции театра теней [43].

Если девять святых были современниками и в их активности, направленной на проповедь и распространение ислама, заметна определенная преемственность и последовательность, то другие почитаемые мусульманские святые, известные как Wali Pitu, жили в разное время, хотя сравнивая эти две группы святых, мы можем выделить некоторые общие характеристики в их социальных траекториях.

Абдул Кадир Мухаммад (Кван Пау Ли) имел китайские корни, проповедуя ислам преимущественно на территории Бали. Хабиб Али Бин Умар бин Абу Бакар Бафаких (1890-1997 / 1308-1418 гг. по Хиджре), в отличие от девяти и других семи почитаемых святых, жил в XX веке, получил образование в Мекке, а в Индонезии занимался проповедью ислама и развитием религиозного просвещения [59]. Некоторые из девяти мусульманских святых (например, Пангеран Мас Сепух или Раден Амангурат) были связаны с политическими элитами. Сунан Гунунг Джати (1448-1568 / 852-976 гг. по Хиджре) фактически был правителем султана Чиребон и инициатором его исламизации, содействуя распространению ислама в Северной Яве. Святые внесли существенный вклад в строительство мечетей. Предполагается, что Сунан Амел стал инициатором строительства Большой мечети в Демаке [21], построенной в яванском стиле [46, р. 41], Сунан Калиджага – Большой мечети в Чиребоне, Сунан Джарат – мечети в Джеллаге, Сунан Кудус – мечети в Кудусе [52].

Важной особенностью в деятельности мусульманских святых на территории Явы было то, что они смогли в значительной степени изменить векторы и траектории развития социальной идентичности местного населения, которое принимало ислам. Как полагал В. Бартольд, исторически в исламе «подвижничество и тесно связанный с ним культ святых развивались... под влиянием все усиливавшегося разлада между верой и действительностью» [3, с. 53]. По мнению современных индонезийских историков, «судя по историческому контексту исламской культуры на Яве, период с 15 по 16 века был отмечен ростом новой культуры, которая представляла собой синтез элементов индуистско-буддийской культуры и элементов исламской культуры» [15, р. 244]. В этом контексте деятельность проповедников и распространителей ислама в Индонезии, позднее ставших мусульманскими святыми, была в определенной степени направлена именно на ликвидацию такого противоречия, так как исламизация фактически стимулировала как социальные изменения, так и формирование новой идентичности, содействовавшей консолидации локальных групп, их осознанию себя в качестве части уммы.

Если в доисламский период статус «kula», «kawula», «abdi», «saya», «sahaya», «hamba» или «ambo» свидетельствовали о влиянии индуизма и кастовости [18], указывая на низкое происхождение и подчиненное положение их носителей, но принятие ислама ими изменило статус в направлении его повышения. Последнее было невозможно не только без активной проповеди ислама, но и без кризиса существовавшей ранней социальной, политической и экономической структуры общества, основанной на индуизме [27]. Поэтому «новые» статусы «ingsun», «aku», «kulun» и «awak» [22] для обозначения новообращенных мусульман содействовали консолидации идентичности не на сословной, но религиозной основе [40]. В подобной ситуации нельзя исключать, что процессы распространения ислама, связанные с деятельностью святых, хронологически совпали и с экономическими трансформациями [9]. Подобные последствия, связанные фактически с миксацией двух культурных моделей – исламской и доисламской – в индонезийской историографии воспринимаются различно. Азиз Мохаммад Зин, комментируя активность проповедников ислама из числа мусульманских святых, полагал, что «их метод имел свои слабости, поскольку он приводил мусульман к синергии в религиозной практике» [58], не содействуя распространению более чистого ислама.

Такая модель распространения ислама проповедниками, которые позднее стали восприниматься как святые, по мнению Синдунга Харьянто [28], актуализировала системную особенность ислама в Индонезии как социального фактора выстраивания и конструирования идентичности, основанной на синтезе ислама с предшествующими религиозными формами. Подобная стратегия исламизации, когда принятие ислама означало смену не только религиозной и сословной идентичности в направлении перемещения из социальной группы кастового типа в умму [23], претендующей на универсальность, фактически вело к тому, что святые демонтировали и разрушали целостность индуистско-буддийской цивилизации и ее самодостаточность, заменяя последнюю универсальностью ислама.

В этом контексте проповедническая активность мусульманских святых, вынужденных действовать в условиях синкретизма различных культур [11] и связанных с ними религиозных идентичностей, актуализировала социальные измерения исламизации, стимулируя «коренизацию ислама» [56], то есть генезис той модели, которая позднее будет определена как «ислам Нусантара». Более того, опыт распространителей ислама на территории Индонезии, которые позднее стали восприниматься как мусульманские святые, характеризовался их пребыванием на культурном и религиозном фронтире, так как идентичность участников проповеди ислама была смешанной, что содействовало в будущем институционализации мультикультурности [10] как одной из системных характеристик уммы в Индонезии.

Распространение ислама на территории Юго-Восточной Азии фактически стало социальной и экономической трансформацией местных доисламских обществ, сравнимой по последствиям с модернизацией. Именно поэтому под влиянием запущенных распространителями и проповедниками ислама изменений «прежние святые потеряли многие (хотя и не все) свои функции. Они стали не нужны в качестве посредников между социальными группами, ибо сами эти группы в значительной мере распались... лучший способ продемонстрировать свое восхождение по социальной лестнице – дезавуировать этих святых-посредников, которые и прежде выбивались из рамок ортодоксальной теории, а теперь еще и перестали быть полезными» [4, с. 31]. Таким образом, святые не только запустили механизмы социальной и культурной модернизации, но и стимулировали перемены, которые спустя несколько столетий существенно изменили их восприятие в обществе потребления, предпочитающим не толь-

ко поклоняться святым, но и рационально монетизировать последних.

Запуск механизмов социального обновления в результате исламизации, с одной стороны, и политико-экономическая модернизация XX века, которая, как правило, протекала в рамках авторитарной модели, с другой, оказали существенное влияние на умму, стимулируя процессы религиозного воображения в отношении конструирования и изобретения образов святых, в число которых оказываются интегрированными политические фигуры новейшей политической истории. В такой ситуации в числе святых оказывается диаметрально противоположные фигуры с разным политическим и идеологическим опытом такие как Гус Дур и Хабиб Ризик Шихаб. Если Гус Дур скончался, и его фигура начала мигрировать в направлении святости после смерти, то Хабиб Ризик Шихаб воспринимается в качестве нового «святого» в актуальной политической ситуации, связанной с поисками радикального ислама места в современном индонезийском обществе.

Выводы

Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов, связанных с историей и современным состоянием культа святых в индонезийском исламе.

Если в христианстве святые являются священниками и мучениками за веру, то в исламе формирование и развитие культа святых связано с процессами конструирования образов святых, к которым могли относиться реальные исторические личности, связанные с распространением ислама. Примечательно и то, что наделение таких исторических деятелей атрибутами и характеристиками святости проходило, как правило, после их смерти и без участия представителей уммы, наделенных правом вынесения решений по вопросам, связанным с верой.

Святые в исламе должны соответствовать определенным идеальным качествам, которые фактически проецируются на них в рамках народной религиозности. Как правило, качествами, проецируемыми на мусульманских святых, являются участие в распространении ислама. Поэтому процессы канонизации в исламе носили «стихийный» характер, протекая снизу и, отражая, таким образом развитие именно народной религиозности. Кроме этого, культ святых в исламе связан с сопутствующими явлениями и пространствами, на которые так же могли проецироваться характеристики святости. Это, например, относится к культу могил мусульманских святых. Представления об особой значимости могил связано с различными практиками посещения и паломничества, которые характерны именно для народного ислама.

Список источников

1. Абашин С.Н., Бобровников В.О. Соблазны культа святых // Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе / сост. С.Н. Абашин, В.О. Бобровников. М.: Восточная литература, 2003. С. 3 – 17.
2. Асад Т. Идея антропологии ислама // *Islamology*. 2017. Т. 7. № 1. С. 41 – 60.
3. Бартольд В.В. Ислам. Культура мусульманства. Мусульманский мир. М.: Книжный Клуб «Книгобек», 2012. 352 с.
4. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Ad Marginem, 1995.
5. Гусева Ю.Н. Ишанизм как суфийская традиция Средней Волги в XX веке: формы, смыслы, значение / ред. О.Н. Сенюткина; общ. ред. Д.В. Мухетдинов. М.: ИД «Медина», 2013. 218 с. URL.: <https://idmedina.ru/books/regions/?5837>
6. Ибрагимов Н. Культ «святых» в исламе по арабским источникам XII – XIV вв. (арабская народная сира и «Путешествие» Ибн Батутты) // Ислам в истории народов Востока: Сборник статей. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981. С. 170 – 176
7. Коран / пер. с араб., коммент. М.-Н.О. Османова. М. – СПб.: Диля, 2016.
8. Магомедов А. Вступительное слово // Джемаль Г. Логика монотеизма. Избранные лекции. М.: Эксмо, 2021. С. 8. С. 7 – 11.
9. Abdullah T. Tradisi dan Kebangkitan Islam di Asia Tenggara. Jakarta: LP3ES, 1989. hlm. 94 – 100.
10. Abidin M.Z. Islam Dan Tradisi Lokal Dalam Perspektif Multikulturalisme // *Millah*. 2009. Vol. 8. No 2. P. 297 – 309.
11. Agussalim. Javanese Religion, Islam or syncretism: Comparing Woodward's Islam in Java and Beatty's Varieties' of Javanese Religion // *International Journal of Islam and Muslim Societies*. 2013. Vol. 3. No 2. P. 223 – 266.
12. Akahori M. Islamic Saints and the Islam of Saints: A Study of Popular Religion // *The Journal of Sophia Asian Studies*. 2013. No 31. P. 4 – 16.
13. Akbar U. Kisah Seru 9 Pejuang Islam. Bandung: Mizan, 2009.
14. Anderson B. Nationalism, Identity and the logic of seriality // Anderson B. *The Spectre of Comparisons: Nationalism, Southeast Asia and The World*. L.: Verso, 1998. P. 29 – 45.
15. Anita D. Walisongo: mengislamkan tanah Jawa (suatu kajian pustaka) // *Wahana Akademika: Jurnal Studi Islam dan Sosial*. 2016. Vol. 1. No 2. P. 243-266. DOI: <https://doi.org/10.21580/wa.v1i2.815>
16. Bashir S. On Islamic time: rethinking chronology in the historiography of Muslim societies // *History and Theory*. 2014. Vol. 53. No 4. P. 519 – 544. DOI: <https://doi.org/10.1111/hith.10729>
17. Chambert-Loir H. Saints and Ancestors: The Cult of Muslim Saints in Java // *The Potent Dead: Ancestors, Saints, and Heroes in Contemporary Indonesia* / eds. H. Chambert-Loir, A. Reid. Honolulu: Allen & Unwin and University of Hawai'i Press, 2002. P. 132 – 140.
18. Coedès G. *The Indianized States of Southeast Asia*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1975.
19. Dermenghem É. *Le Culte des saints dans l'Islam maghrébin*. Paris: Gallimard, 1982. 351 p.
20. Drewes G.W.J. New Light on the Coming of Islam at Indonesia? // *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde*. 1968. Vol. CXXIV. No 4. P. 433 – 459.
21. Florida N.K. The Demak Mosque: A Construction of Authority // Florida N.K. *Babad Jaka Tingkir: Writing the past, inscribing the future: history as prophesy in colonial Java*. Durham, N. C.: Duke University Press, 1995. P. 319 – 351. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv11314px.13>
22. Galbinst Y. Sejarah perkembangan Islam di Nusantara // *Kurauking Blog*. 2018. December. URL.: <https://kurauking.blogspot.com/2018/12/sejarah-perkembangan-islam-di-nusantara.html>
23. Garadian E.A. Para Wali Nyentrik: Rekontekstualisasi Islamisasi di Tanah Jawa, Menantang Fundamentalisme Islam // *Studia Islamika*. 2019. Vol 26. No 2. P. 389 – 406. DOI: <https://doi.org/10.15408/sdi.v26i2.12789>
24. Gellner E. *Muslim Society*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
25. Grunebaum G.E. von, *Unity and Variety in Muslim Civilization*. Chicago: University of Chicago Press, 1955.
26. Harmakaputra H.A. Friends of God and Sainthood in Islam: An Introduction // *A Christian-Muslim Comparative Theology of Saints* / ed. H.A. Harmakaputra. Leiden: Brill, 2022. P. 63 – 86. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004526839_005
27. Haryanto J.T. *Walisongo Mengeja Tradisi Merajut Masa Depan*. Semarang: Pustakindo Pratama, 2003. hlm. 10 – 12.

28. Haryanto S. *The Sociological Context of Religion in Indonesia // Research in the Social Scientific Study of Religion*. Leiden: Brill, 2020. Vol. 30. P. 67 – 102. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004416987_006
29. Hasanu S. *Misteri Syekh Siti Jenar peran Wali Songo dalam mengislamkan tanah Jawa*. Jakarta: Pustaka Pelajar, 2004. URL.: https://www.google.co.id/books/edition/Misteri_Syekh_Siti_Jenar/5uPXAAAAMAAJ?hl=en&gbpv=
30. Husnul H. *Sejarah Lengkap Islam Jawa*. Laksana, 2022. URL.: https://www.google.co.id/books/edition/Sejarah_Lengkap_Islam_Jawa/-5FzEAAAQBAJ?hl=
31. Kersten C. *A History of Islam in Indonesia. Unity in diversity*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. P. 10 – 23.
32. Kurniawan A.F., Hasan N., Arifin A.Z. *Wali and karāma. A Discourse and Authority Contestation in al-Tarmasi's "Bughyat al-Adhkiyā"* // *Al-Jāmi'ah: Journal of Islamic Studies*. 2019. Vol. 57. No 2. P. 287 – 328. DOI: <https://doi.org/10.14421/ajis.2019.572.287-328>
33. Lukens-Bull R.A. *Between Text and Practice: Considerations in the Anthropological Study of Islam // Marburg Journal of Religion*. 1999. Vol. 4. No 2. P. 1 – 21.
34. Macam, Walisongo, Java's Muslim Saints // Bjorn Grotting Blog. 2010. June 25. URL.: <http://www.bjorngrotting.com/travel/walisongo-javas-muslim-saints/>
35. Mayeur-Jaouen C. *Saints coptes et saints musulmans de l'Égypte du XXe siècle // Revue de l'histoire des religions*. 1998. No 1. P. 139 – 186.
36. Ooi K.G. *Wali Songo // Southeast Asia: A Historical encyclopedia, from Angkor Wat to East Timor*. Vol. 2. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2004. P. 1415 – 1416.
37. Palmer A. *Sainthood and Authority in Early Islam: Al-Ḥakīm al-Tirmidhī's Theory of wilāya and the Reenvisioning of the Sunnī Caliphate*. Leiden: Brill, 2020.
38. Pignon T. *Le culte des saints en islam // Les clés du Moyen-Orient*. 2012. Novembre 5. URL.: <https://www.lesclesdumoyenorient.com/Le-culte-des-saints-en-islam.html>
39. Pudjiastuti T. *Perang, dagang, persahabatan: surat-surat Sultan Banten*. Jakarta: Yayasan Obor Indonesia, 2007. hlm. 305 – 307.
40. Quinn G. *Bandit Saints of Java: How Java's eccentric saints are challenging fundamentalist Islam in modern Indonesia*. Leicestershire: Monsoon Books Pte. Ltd., 2019. 432 p.
41. Ras H. *The Babad Tanah Jawi and its reliability. Questions of content, structure and function // Cultural contact and textual interpretation. Papers from the Fourth European Colloquium on Malay and Indonesian Studies, held in Leiden in 1983 / eds. C.D. Grijns, S.O. Robson*. Dordrecht: Foris Publications, 1986. P. 246 – 273.
42. Ras H. *The genesis of the Babad Tanah Jawi. Origin and function of the Javanese court chronicle // Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde*. 1987. Vol. 143. No 2. P. 343 – 356. DOI: <https://www.doi.org/10.1163/22134379-90003331>
43. Ras H. *The historical development of the Javanese shadow theatre // Review of Indonesian and Malayan Affairs*. 1976. Vol. 10. No 2. P. 50 – 76.
44. *Sainthood. Its Manifestations in World Religions / eds. R. Kieckhefer, G.D. Bond*. Berkeley: University of California Press, 1990.
45. Salvatore A. *Notes on Locality, Connectedness, and Saintliness // Dimensions of Locality Muslim Saints, their Place and Space / eds. G. Stauth, S. Schielke*. Mainz: Johannes Gutenberg-Universität Mainz, 2008. P. 91. P. 89 – 102.
46. Schoppert P., Damais S., Sosrowardoyo T. *Java Style*. Tokyo: Tuttle Publishing, 1998.
47. Slama M. *From Wali Songo to Wali Pitu: The Travelling of Islamic Saint Veneration to Bali // Between Harmony and Discrimination: Negotiating Religious Identities within Majority-Minority Relationships in Bali and Lombok / eds. B. Hauser-Schäublin, D.D. Harnish*. Leiden: Brill, 2014. P. 112 – 143. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004271494_006
48. Sofwan R. *Islamisasi di Jawa Penyebaran Islam di Jawa Menurut Penuturan Babad*. Jakarta: Pustaka Pelajar, 2004.
49. Stauth G. *'Abdallah b. Salam: Egypt, Late Antiquity and Islamic Sainthood // Islam in Process. Historical and Civilizational Perspectives / eds. J.P. Arnason, A. Salvatore, G. Stauth*. Bielefeld: transcript Verlag, 2015. P. 158 – 189. DOI: <https://doi.org/10.14361/9783839404911-007>
50. Sulistiono, *Mengenal Jejak Langkah Walisongo*. Semarang: Magenta, 2009.
51. Sunan Bonang, Tombo Ati. URL.: <https://www.youtube.com/watch?v=94M4luONmV0>
52. Sunyoto A. *Atlas Wali Songo: Buku Pertama yang Mengungkap Wali Songo Sebagai Fakta Sejarah*. Depok: Pustaka IIMaN, 2014. URL.: <http://opac.perpusnas.go.id/DetailOpac.aspx?id=1106062>

53. Suwirta A. Sejarah Islam: Tasawuf dan Proses Islamisasi di Indonesia. Bandung: Jurusan Pendidikan Sejarah FPIPS UPI, 2000.
54. Syliwoniuk-Wapowska A. Sainthood as a Form of Capital: The Case of Maraboutism in Morocco // *Asian and African Studies*. 2023. Vol. 32. No 1. P. 38 – 59. DOI: <https://doi.org/10.31577/aassav.2023.32.1.03>
55. Turner B. Weber and Islam. L.: Routledge and Kegan Paul, 1974.
56. Wasitaatmadja F.F., Susetio W. Philosophical Sufism and Legal Culture in Nusantara: An Epistemological Review // *Al-Risalah: Forum Kajian Hukum dan Sosial Kemasyarakatan*. 2020. Vol. 20. No 1. P. 75 – 86. URL.: <https://shariajournals-uinjambi.ac.id/index.php/al-risalah/article/view/558> DOI: <https://doi.org/10.30631/alrisalah.v20i1.558>
57. Werbner P. Sufi Regional Cults in South Asia and Indonesia: Towards a Comparative Analysis // *Dimensions of Locality Muslim Saints, their Place and Space* / eds. G. Stauth, S. Schielke. Mainz: Johannes Gutenberg-Universität Mainz, 2008. P. 25 – 46. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783839409688-001>
58. Zin M.A.A. Metod Da'wah Wali Songo // *Jurnal Usuluddin*. 1998. No 7. P. 33 – 46. URL.: <https://ejournal.um.edu.my/index.php/JUD/article/view/3223>
59. Zuhri S. Wali Pitu and Muslim pilgrimage in Bali, Indonesia: inventing a sacred tradition. Leiden: Leiden University Press, 2022. 313 p.

References

1. Abashin S.N., Bobrovnikov V.O. Temptations of the cult of saints. Devotees of Islam: The cult of saints and Sufism in Central Asia and the Caucasus. comp. S.N. Abashin, V.O. Bobrovnikov. M.: Eastern literature, 2003. P. 3 – 17.
2. Assad T. The idea of the anthropology of Islam. *Islamology*. 2017. T. 7. No. 1. P. 41 – 60.
3. Bartold V.V. Islam. Muslim culture. Muslim world. M.: Book Club “Knigovok”, 2012. 352 p.
4. Gellner E. Conditions of freedom. Civil society and its historical rivals. M.: Ad Marginem, 1995.
5. Guseva Yu.N. Ishanism as a Sufi tradition of the Middle Volga in the 20th century: forms, meanings, significance. ed. O.N. Senyutkina; total ed. D.V. Mukhetdinov. M.: Publishing House "Medina", 2013. 218 p. URL: <https://idmedina.ru/books/regions/?5837>
6. Ibragimov N. The cult of “saints” in Islam according to Arabic sources of the 12th – 14th centuries. (Arab folk Sira and Ibn Batutta’s “Journey”). Islam in the history of the peoples of the East: Collection of articles. M.: Main editorial office of oriental literature of the publishing house “Nauka”, 1981. P. 170 – 176
7. Koran / trans. from Arabic, comment. M.-N.O. Osmanova. M. – St. Petersburg: Dilya, 2016.
8. Magomedov A. Introductory speech. Dzhemal G. Logic of monotheism. Selected lectures. M.: Eksmo, 2021. P. 8. P. 7 – 11.
9. Abdullah T. Tradisi dan Kebangkitan Islam di Asia Tenggara. Jakarta: LP3ES, 1989. hlm. 94 – 100.
10. Abidin M.Z. Islam Dan Tradisi Lokal Dalam Perspektif Multikulturalisme. Millah. 2009. Vol. 8. No. 2. P. 297 – 309.
11. Agussalim. Javanese Religion, Islam or syncretism: Comparing Woodward’s Islam in Java and Beatty’s Varieties’ of Javanese Religion. *International Journal of Islam and Muslim Societies*. 2013. Vol. 3. No. 2. P. 223 – 266.
12. Akahori M. Islamic Saints and the Islam of Saints: A Study of Popular Religion. *The Journal of Sophia Asian Studies*. 2013. No. 31. R. 4 – 16.
13. Akbar U. Kisah Seru 9 Pejuang Islam. Bandung: Mizan, 2009.
14. Anderson B. Nationalism, Identity and the logic of seriality. Anderson B. *The Specter of Comparisons: Nationalism, Southeast Asia and The World*. L.: Verso, 1998. P. 29 – 45.
15. Anita D. Walisongo: mengislamkan tanah Jawa (suatu kajian pustaka). *Wahana Akademika: Jurnal Studi Islam dan Sosial*. 2016. Vol. 1. No. 2. P. 243-266. DOI: <https://doi.org/10.21580/wa.v1i2.815>
16. Bashir S. On Islamic time: rethinking chronology in the historiography of Muslim societies. *History and Theory*. 2014. Vol. 53. No. 4. P. 519 – 544. DOI: <https://doi.org/10.1111/hith.10729>
17. Chambert-Loir H. Saints and Ancestors: The Cult of Muslim Saints in Java. *The Potent Dead: Ancestors, Saints, and Heroes in Contemporary Indonesia*. eds. H. Chambert-Loir, A. Reid. Honolulu: Allen & Unwin and University of Hawai'i Press, 2002. P. 132 – 140.
18. Coedès G. *The Indianized States of Southeast Asia*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1975.
19. Dermenghem É. *Le Culte des saints dans l’Islam maghrébin*. Paris: Gallimard, 1982. 351 p.
20. Drewes G.W.J. New Light on the Coming of Islam at Indonesia? *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde*. 1968. Vol. CXXIV. No. 4. P. 433 – 459.

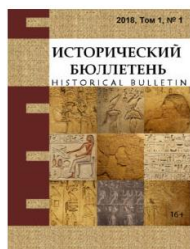
21. Florida N.K. *The Demak Mosque: A Construction of Authority*. Florida N.K. *Babad Jaka Tingkir: Writing the past, inscribing the future: history as prophesy in colonial Java*. Durham, N.C.: Duke University Press, 1995. pp. 319 – 351. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv11314px.13>
22. Galbinst Y. Sejarah perkembangan Islam di Nusantara. *Kurauking Blog*. 2018. December. URL: <https://kurauking.blogspot.com/2018/12/sejarah-perkembangan-islam-di-nusantara.html>
23. Garadian E.A. Para Wali Nyentrik: Rekontekstualisasi Islamisasi di Tanah Jawa, Menantang Fundamentalisme Islam. *Studia Islamika*. 2019. Vol. 26. No. 2. R. 389 – 406. DOI: <https://doi.org/10.15408/sdi.v26i2.12789>
24. Gellner E. *Muslim Society*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
25. Grunebaum G.E. von, *Unity and Variety in Muslim Civilization*. Chicago: University of Chicago Press, 1955.
26. Harmakaputra H.A. *Friends of God and Sainthood in Islam: An Introduction. A Christian-Muslim Comparative Theology of Saints*. ed. H.A. Harmakaputra. Leiden: Brill, 2022. P. 63 – 86. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004526839_005
27. Haryanto J.T. *Walisongo Mengeja Tradisi Merajut Masa Depan*. Semarang: Pustakindo Pratama, 2003. hlm. 10 – 12.
28. Haryanto S. *The Sociological Context of Religion in Indonesia. Research in the Social Scientific Study of Religion*. Leiden: Brill, 2020. Vol. 30. P. 67 – 102. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004416987_006
29. Hasanu S. *The mystery of Sheikh Siti Jenar's role in the Islamization of Java*. Jakarta: Student Pustaka, 2004. URL: https://www.google.co.id/books/edition/Misteri_Syekh_Siti_Jenar/5uPXAAAAMAAJ?hl=en&gbpv=
30. Husnul H. *Complete History of Javanese Islam*. Laksana, 2022. URL: https://www.google.co.id/books/edition/Sejarah_Lengkap_Islam_Jawa/-5FzEAAAQBAJ?hl=
31. Kersten C. *A History of Islam in Indonesia. Unity in diversity*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. P. 10 – 23.
32. Kurniawan A.F., Hasan N., Arifin A.Z. Wali and karāma. A Discourse and Authority Contestation in al-Tarmasi's "Bughyat al-Adhkiyā". *Al-Jāmi'ah: Journal of Islamic Studies*. 2019. Vol. 57. No 2. P. 287 – 328. DOI: <https://doi.org/10.14421/ajis.2019.572.287-328>
33. Lukens-Bull R.A. *Between Text and Practice: Considerations in the Anthropological Study of Islam*. *Marburg Journal of Religion*. 1999. Vol. 4. No. 2. P. 1 – 21.
34. Macam, Walisongo, Java's Muslim Saints. *Bjorn Grotting Blog*. 2010. June 25. URL.: <http://www.bjorngrotting.com/travel/walisongo-javas-muslim-saints/>
35. Mayeur-Jaouen C. Saints coptes et saints musulmans de l'Égypte du XXe siècle. *Revue de l'histoire des religions*. 1998. No 1. P. 139 – 186.
36. Ooi K.G. *Wali Songo. Southeast Asia: A Historical encyclopedia, from Angkor Wat to East Timor*. Vol. 2. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2004. P. 1415 – 1416.
37. Palmer A. *Sainthood and Authority in Early Islam: Al-Ḥakīm al-Tirmidhī's Theory of wilāya and the Reenvisioning of the Sunnī Caliphate*. Leiden: Brill, 2020.
38. Pignon T. *Le culte des saints en islam. Les clés du Moyen-Orient*. 2012. Novembre 5. URL.: <https://www.lescledumoyenorient.com/Le-culte-des-saints-en-islam.html>
39. Pudjiastuti T. *War, trade, friendship: letters from the Sultan of Banten*. Jakarta: Indonesian Obor Foundation, 2007. P. 305 – 307.
40. Quinn G. *Bandit Saints of Java: How Java's eccentric saints are challenging fundamentalist Islam in modern Indonesia*. Leicestershire: Monsoon Books Pte. Ltd., 2019. 432 p.
41. Ras H. *The Babad Tanah Jawi and its reliability. Questions of content, structure and function. Cultural contact and textual interpretation. Papers from the Fourth European Colloquium on Malay and Indonesian Studies, held in Leiden in 1983*. eds. CD. Grijns, S.O. Robson. Dordrecht: Foris Publications, 1986. P. 246 – 273.
42. Ras H. *The genesis of the Babad Tanah Jawi. Origin and function of the Javanese court chronicle*. *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde*. 1987. Vol. 143. No. 2. P. 343 – 356. DOI: <https://www.doi.org/10.1163/22134379-90003331>
43. Ras H. *The historical development of the Javanese shadow theater. Review of Indonesian and Malayan Affairs*. 1976. Vol. 10. No 2. P. 50 – 76.
44. *Sainthood. Its Manifestations in World Religions*. eds. R. Kieckhefer, G.D. Bond. Berkeley: University of California Press, 1990.

45. Salvatore A. Notes on Locality, Connectedness, and Saintliness. *Dimensions of Locality Muslim Saints, their Place and Space*. eds. G. Stauth, S. Schielke. Mainz: Johannes Gutenberg-Universität Mainz, 2008. P. 91. P. 89 – 102.
46. Schoppert P., Damais S., Sosrowardoyo T. *Java Style*. Tokyo: Tuttle Publishing, 1998.
47. Slama M. From Wali Songo to Wali Pitu: The Traveling of Islamic Saint Veneration to Bali. *Between Harmony and Discrimination: Negotiating Religious Identities within Majority-Minority Relationships in Bali and Lombok*. eds. B. Hauser-Schäublin, D.D. Harnish. Leiden: Brill, 2014. P. 112 – 143. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004271494_006
48. Sofwan R. *Islamization in Java The Spread of Islam in Java According to the Chronicle*. Jakarta: Student Library, 2004.
49. Stauth G. 'Abdallah b. Greetings: Egypt, Late Antiquity and Islamic Sainthood. *Islam in Process. Historical and Civilizational Perspectives*. eds. J.P. Arnason, A. Salvatore, G. Stauth. Bielefeld: transcript Verlag, 2015. P. 158 – 189. DOI: <https://doi.org/10.14361/9783839404911-007>
50. Sulistiono, *Getting to Know Walisongo's Footsteps*. Semarang: Magenta, 2009.
51. Sunan Bonang, Tombo Ati. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=94M4luONmV0>
52. Sunyoto A. *Atlas of Wali Songo: The First Book to Reveal Wali Songo as Historical Fact*. Depok: IIMaN Library, 2014. URL: <http://opac.perpusnas.go.id/DetailOpac.aspx?id=1106062>
53. Suwirta A. *History of Islam: Sufism and the Islamization Process in Indonesia*. Bandung: Department of History Education, FPIPS UPI, 2000.
54. Syliwoniuk-Wapowska A. Sainthood as a Form of Capital: The Case of Maraboutism in Morocco. *Asian and African Studies*. 2023. Vol. 32. No 1. P. 38 – 59. DOI: <https://doi.org/10.31577/aassav.2023.32.1.03>
55. Turner B. *Weber and Islam*. L.: Routledge and Kegan Paul, 1974.
56. Wasitaatmadja F.F., Susetio W. Philosophical Sufism and Legal Culture in the Archipelago: An Epistemological Review. *Al-Risala: Forum for Legal and Social Studies*. 2020. Vol. 20. No 1. P. 75 – 86. URL: <https://shariajournals-uinjambi.ac.id/index.php/al-rilahan/article/view/558> DOI: <https://doi.org/10.30631/alrilahan.v20i1.558>
57. Werbner P. *Sufi Regional Cults in South Asia and Indonesia: Towards a Comparative Analysis. Dimensions of Locality Muslim Saints, their Place and Space / eds. G. Stauth, S. Schielke*. Mainz: Johannes Gutenberg-Universität Mainz, 2008. P. 25 – 46. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783839409688-001>
58. Zin M.A.A. Wali Songo Da'wah Method. *Usuluddin Journal*. 1998. No 7. P. 33 – 46. URL.: <https://ejournal.um.edu.my/index.php/JUD/article/view/3223>
59. Zuhri S. *Wali Pitu and Muslim pilgrimage in Bali, Indonesia: inventing a sacred tradition*. Leiden: Leiden University Press, 2022. 313 p.

Информация об авторе

Кирчанов М.В., доктор исторических наук, доцент, Воронежский государственный университет, maksymkyrchanoff@gmail.com, 89805447525

© Кирчанов М.В., 2024

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2024, Том 7, № 1 / 2024, Vol. 7, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1 Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94

Обеспечение порядка уголовным розыском в 1920-е годы (по материалам Центрального Черноземья России)

¹ Токарева С.Н.,
¹ Курский государственный университет

Аннотация: в статье рассмотрен механизм обеспечения порядка в первое десятилетие становления уголовного розыска в советском государстве. Проанализированы нормативные правовые акты указанного периода, организующие деятельность угрозыска в масштабе всей страны. Приведены архивные данные по созданию и деятельности этих структур в Центральном Черноземье.

Целью данной работы является анализ деятельности органов советского уголовного розыска в 1920-е гг. на примере Центрального Черноземья России. Для этого перед автором стоят задачи выявления правовых оснований формирования и функционирования данных структур, а также действительная реализация их положений на практике.

По материалам центральных и местных архивов, источников того периода восстанавливаются отдельные аспекты обеспечения порядка и противодействия преступности в регионе. В работе приведены сведения о численности органов уголовного розыска на территории Центрального Черноземья, изменения их системы в результате реформ, указаны руководители местного розыска. Автор раскрывает ряд способов раскрытия преступлений и следственных действий. В итоге сделаны выводы об отрицательных и положительных сторонах в организации угрозыска в регионе. Представлена статистика преступности в стране и на территории Центрального Черноземья, а также процент и процедура раскрываемости уголовных деяний, а также способы стимулирования работы и социальной поддержки служащих.

Ключевые слова: милиция, уголовный розыск, обеспечение порядка, Центральное Черноземье

Для цитирования: Токарева С.Н. Обеспечение порядка уголовным розыском в 1920-е годы (по материалам Центрального Черноземья России) // Исторический бюллетень. 2024. Том 7. № 1. С. 168 – 177.

Поступила в редакцию: 21 сентября 2023 г.; *Одобрена после рецензирования:* 24 ноября 2023 г.; *Принята к публикации:* 15 января 2024 г.

Ensuring the order of criminal investigation in the 1920-s (based on the materials of the Central Chernozem region of Russia)

¹ Tokareva S.N.,
¹ Kursk State University

Abstract: the article considers the mechanism of ensuring order in the first decade of the formation of the criminal investigation department in the Soviet state. The normative legal acts of the specified period, organizing the activities of the criminal investigation department throughout the country, are analyzed. Archival data on the creation and activities of these structures in the Central Chernozem region are presented.

The purpose of this work is to analyze the activities of the Soviet criminal investigation authorities in the 1920s on the example of the Central Chernozem region of Russia. To do this, the author is faced with the task of identifying the legal grounds for the formation and functioning of these structures, as well as the actual implementation of their provisions in practice.

According to the materials of the central and local archives, sources of that period, certain aspects of ensuring order and combating crime in the region are being restored. The paper provides information on the number of criminal investigation agencies in the Central Chernozem region, changes in their system as a result of reforms, and the heads of the local investigation department are indicated. The author reveals a number of ways to solve crimes and investigative actions. As a result, conclusions were drawn about the negative and positive sides in the organization of criminal investigation in the region. Crime statistics in the country and on the territory of the Central Chernozem region are presented, as well as the percentage and procedure for the detection of criminal acts, as well as ways to stimulate work and social support for employees.

Keywords: police, criminal investigation, ensuring order, Central Chernozem region

For citation: Tokareva S.N. Ensuring the order of criminal investigation in the 1920-s (based on the materials of the Central Chernozem region of Russia). *Historical Bulletin*. 2024. 7 (1). P. 168 – 177.

The article was submitted: September 21, 2023; *Approved after reviewing:* November 24, 2023; *Accepted for publication:* January 15, 2024.

Введение

Существование уголовного розыска (далее угрозыск, УРО) в структуре органов советской рабоче-крестьянской милиции привело к тому, что ученые освещали этот вопрос, изучая деятельность последней как в целом по стране, так и в Центральном Черноземье. Обособленно история розыска действительно изучалась меньше, но есть труды в рамках историко-правовой науки, например, развитию угрозыска с XI по XX вв. в России посвящено исследование М.В. Шутовой [39]. Также существуют несколько исторических диссертаций о борьбе с преступностью в других регионах. В последние годы наблюдается тенденция применения метода хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения и такой подход прослеживается при раскрытии вопроса о предметности советского уголовного розыска в статье Т.Л. Матиенко [17].

В рамках Центрального Черноземья были проведены исследования по истории становления милиции, затрагивая вопросы деятельности угрозыска [40]. Также справедливо отметить книгу, написанную авторским коллективом, освещающую трехсотлетнюю историю органов правопорядка и уголовного розыска в частности в Курске [16]. Аналогичные научно-публицистические и юбилейные издания были в Орле и Белгороде. Ряд авторов изучали преступность и борьбу с ней в исследуемом регионе, например, проведено исследование и опубликовано ряд статей по Тамбовской губернии С.Н. Захарцевым [13]. Через призму борьбы с преступностью в Воронежской и Курской губерниях также издана работа С.В. Богданова и П.М. Ельчанинова [1].

В итоге мы можем констатировать факт рассмотрения проблемы становления советского угрозыска в рамках историко-правовой и следом исторической наук при изучении органов милиции

или анализа преступности и противодействия ей. В данной статье поставим акцент на организации и функционировании органов уголовного розыска и их функционирования в Центральном Черноземье.

Материалы и результаты исследований

Нормативно-правовое начало новым органам охраны общественного порядка положено Постановлением НКВД РСФСР «О рабочей милиции» [28] от 10 ноября (28 октября) 1917 г., но в нем ничего не говорилось об угрозыске. С апреля 1918 г. в составе Отдела местного управления был подотдел милиции. В НКВД РСФСР 5 июля 1918 г. образован отдел по руководству милицией, 1 августа его переименовали в управление, а 7 октября – в Главное управление советской рабоче-крестьянской милиции (Главмилиция), которое в этот же день создано Центральное управление уголовного розыска (Центророзыск) – г. Москва, Пименовский переулок, дом 14 [9, Л. 9].

Коллегия НКВД РСФСР 5 октября 1918 г. утвердила Положение «Об организации отдела уголовного розыска» при всех губернских управлениях милиции в населенных пунктах с 40-45 тыс. жителей [18, Л. 47]. Нарком юстиции Д.И. Курский 12 декабря 1918 г. разрешил ввести отделения угрозыска в Воронежской губернии, позже опыт был распространен по стране. Воронежский уголовный розыск относился к 1-й категории, где работали 84 сотрудника (15 руководили отделениями по губернии и 69 числились при воронежской городской милиции) [26, с. 78, 80-83].

В феврале 1919 г. Центророзыску предоставили право открывать отделения в пунктах с населением менее 40 тыс. чел. [24, с. 107], если там была развита преступность. Требовалось согласие губисполкомов и утверждение Главмилиции. В итоге к ноябрю 1919 г. по стране насчитывали 38 отделений угрозыска [15, с. 87]. Органы розыска

проводили предварительное следствие по уголовным делам, поэтому произвели слияние с органами следствия. Но в апреле 1920 г. после введения народных следователей в системе Наркомюста милиция перестала выполнять эти функции.

В Положении ВЦИК и СНК о рабоче-крестьянской милиции от 10 июня 1920 г. в числе разных видов указана и розыскная милиция. В этом же году Приказами Главмилиции № 6 и № 11 определены штаты уголовно-розыскных учреждений на местах (отделение уголовного розыска губернского управления милиции, уголовно-следственные столы в уездах, отделы угрозыска линейных управлений милиции и уголовный розыск районных управлений милиции на железных дорогах) и предметы их ведения. Из 12 приказов Главмилиции за 1920 г. к угрозыску относилось 5.

В июле 1920 г. Главное управление милиции НКВД РСФСР направило органам милиции требование очистить страну от опасных преступников и рецидивистов. Приказом № 6 Главмилиции от 1 августа 1920 г. издана «Инструкция для точного руководства при производстве розысков». В связи с этим проводили разные компании, например, Центрозыск объявил «неделю ловли преступников» [40, с. 130].

Приказом № 342/с НКВД РСФСР определен порядок организации секретных частей в угрозыске, а 2 ноября 1921 г. утверждена инструкция по организации секретной агентуры в учреждениях УРО. В качестве дополнения разработана «Инструкция о порядке отпуска и расходования секретных сумм органами милиции, составления и проверки отчетности» [23, с. 142].

Объединение угрозыска и уточнение его компетенции продолжилось Положением об НКВД от 10 июня 1921 г. В составе Главмилиции санкционирован главный руководящий орган Отдел уголовного розыска. В начале 1922 г. прошел первый съезд работников милиции, где признано необходимым построение уголовно-розыскной организации по принципу наибольшей централизации. С упразднением в феврале 1922 г. Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем круг дел для угрозыска значительно расширился. В приказе народного комиссара внутренних дел Ф.Э. Держинского от 10 апреля 1922 г. за № 57 подчеркнута необходимость усиления угрозыска и проводится реорганизация внутренней структуры НКВД, выделив Управление уголовного розыска Республики, а на местах губернские и уголовные розыски в общедминистративном отношении подчинили Губернским и Уездным отделам управления. Обращалось внимание на привлечение к розыску собак-ищейек.

На места периодически командировали специалистов для работы с ним. В декабре 1922 г. (декрет СНК от 17 октября) уголовный розыск был переведен на местные средства [37, с. 44-45].

Приказом НКВД № 107 от 13 августа 1923 г. образовано Центральное административное управление (ЦАУ) НКВД [18, с. 70], просуществовавшее до 1928 г. Его структурные подразделения – административный отдел, отделы милиции и уголовного розыска, секретариат. Местными органами ЦАУ являлись административные отделы исполкомов губернских и уездных советов.

Постановление ВЦИК от 7 июля и 3 ноября 1923 г. отменяло приказ НКВД № 57 и упрощало местные административные аппараты. Угрозыски вошли в состав административного аппарата в уездах как отделение уездной милиции, в губернском городе – как подотдел Губернского административного отдела. К этому времени уголовный розыск находился в двойном подчинении: в административном и оперативном отношениях вышестоящему ведомственному органу и в порядке административного надзора – начальнику данного административного органа [37, с. 45-46].

Для повышения заинтересованности в службе начали применять стимулирующие выплаты. По декрету СНК РСФСР «О введении процентного отчисления с разысканного при содействии уголовного розыска похищенного имущества» [29] от 20 июля 1922 г. создавали особый фонд, из которого премировали сотрудников за раскрытие преступлений и за задержание преступников. В дальнейшем сотрудникам угрозыска была введена 50 % надбавка к окладу за тяжелые и опасные условия работы. Вхождение с 1923 г. в профсоюз дало возможность денежной компенсации строевому составу милиции и активному составу УРО за работу в ночное время, выходные и праздничные дни [24, с. 122].

Обратимся к практике реализации на общих правовых актов в регионе. Так, Курский губернский отдел управления в 1921 г. состоял из подотделов: информационно-инструкторский (организационный), общий (административный), ЗАГС, принудработ, хозяйственный, сметно-счетный, милиции и эвакуации [3, Л. 2]. Подотдел милиции состоял из политсекретариата, административно-строевого отдела, отдела уголовного розыска и отдела снабжения. На основании приказа начальника губернской милиции от 24 июля 1921 г. была проведена новая реорганизация, при которой структура стала такой: канцелярия, административно-строевой отдел, строевое отделение, отделение службы милиции, отдел уголовного розыска, материальный отдел,

политсекретариат. В октябре 1921 г. сократили штаты губмилиции, в связи с чем несколько изменилась ее структура, а именно административно-строевой отдел включал: строевое отделение, отделение службы милиции, отдел снабжения, канцелярию, хозяйственное отделение, интендантское отделение, артиллерийско-инженерное отделение, политсекретариат, санитарно-медицинскую часть, уголовный розыск, губернский резерв, школу командного состава [19, с. 89, 90].

В течение 1921 г. курским губернским розыском было зарегистрировано 10 586 преступлений, из которых удалось раскрыть 5 857 (более 55%). При вооруженном столкновении бандитов убито 13 и ранено 5, сотрудников милиции 6 и 1, из граждан 43 и 5 соответственно. Зарегистрировано 1 824 преступника-рецидивиста и 147 обнаружено. С ноября 1921 г. по июнь 1922 г. начальником Курского губернского управления уголовного розыска был Георгий Петрович Воробьев, пришедший на службу в милицию в июле 1919 г. на должность начальника 3-го районного городского отделения милиции г. Курска.

В связи с выделением уголовного розыска изменения произошли и в регионе. Так, для более успешной борьбы с преступностью, по данным на май 1922 г. на основании приказа Центроузска учреждены розыскные столы в Белгородском, Щигровском и других уездах [3, Л. 167].

Курской уездно-городской милицией за январь-июнь 1922 г. было зафиксировано 297 преступлений, 202 пьянства, драка и неподчинение власти, 97 неисполнений обязательных постановлений и др. Летом случаев нарушения порядка становилось в 6 раз больше, чем зимой. Раскрытие преступлений составляло 50%. Но после разрешения президиумом курского губисполкома взыскивать с каждой раскрытой кражи 10% для премирования сотрудников процент значительно увеличился (с 30% до 70%). Средняя продолжительность производства дознания и следствия по всем делам составляла от 10 до 20 дней с надлежащего разрешения органов юстиции. Были случаи задержания арестованных свыше суток по причине неявки свидетелей на допрос по первому приглашению и путанице, вызываемой арестованными. Все поступающие заявления о преступлениях поручались заведующим районами по месту происшествия для дознания, которые делали распределение между агентами. При более серьезных делах на место выезжали инспектора и начальник. Вся работа велась под главным руководством начальника и

его заместителя. Производились ночные обходы улиц города и пригорода, усиленная проверка притонов, воров и приёмщиков краденого и других подозрительных квартир. Усилено вели наблюдение в местах скопления народа (базарах, садах). Производили облавы и задержанных высылали на места приписки для выяснения личности, а преступников – в нарсуды для привлечения к ответственности. Проводили дознания по заметкам, размещенным в газете «Курская правда». Секретная агентура была учреждена по единой системе бывшей ЧК, которая давала существенный материал по уголовному розыску. Но в 1922 г. в связи с отказом в пайках для агентуры и отсутствием достаточных денежных сумм она была только в Белгородском уезде. Фотография и дактилоскопирование при губернном розыске находились в удовлетворительном состоянии, а в уездах их не было.

В феврале 1923 г. производится очередная реорганизация милиции, обслуживающей г. Курск и его окраины. В каждом из пяти районов были агенты уголовного розыска [36, с. 2]. Аппарат УРО Курской губернии к началу 1924 г. насчитывал 22 чел., начальником подотдела уголовного розыска был Борисенко. В 1924 г. по г. Курску среди мелких преступлений розыском раскрывались 72%, а крупные полностью. На строгий учет был взят весь преступный элемент города, притоны, подозрительные места и т.п. Через секретную часть угрозыска велось конспиративное наблюдение, особенно за общественными местами (театры, пивные, столовые, гостиницы и т.п.). В 1923 г. секретной части почти не существовало, а в 1924 г. по г. Курску стало 71 осведомов, кроме наружной и внутренней разведки. Регистрационное бюро губернского розыска вело официальный учет преступников путем фотографирования и дактилоскопии. Завели стенные и настольные альбомы преступников. В 1924 г. при регбюро был оборудован уголовный музей, насчитывавший 265 экспонатов преступной техники [8, Л. 95-95а].

В дальнейшем декретом ВЦИК и СНК 11 августа 1924 г. утверждено «Положение об административном отделе губернских и областных исполнительных комитетов» [25], действовавшее до издания Постановления ВЦИК и СНК РСФСР 30 августа 1930 г. Адмотдел делился на подотделы: общий, милиции, уголовного розыска (активно-секретная часть и регистратура) и управление местами заключения (инспекция) [25, Ст. 11, 12]. По подотделу угрозыска административный отдел:

- принимал меры к предупреждению, обнаружению и расследованию преступлений и нарушений революционного порядка и безопасности;
- осуществлял дознания по преступлениям с производством обысков, арестов, выемок и т.д.;
- разыскивал и задерживал преступников;
- производил предварительное дознание на месте преступления до прибытия следственных властей;
- направлял дела по законченным дознаниям и расследованиям в судебно-следственные органы;
- вел учет и регистрацию уголовного элемента и выдавал справки о судимости;
- руководил действиями агентов и органов угрозыска, исполнял распоряжения и директивы центральных органов по уголовно-розыскному делу [25, Ст. 16].

В 1924 г. в Воронежской губернии было 9 отделений уголовного розыска, являющихся отделениями подотдела. Особое внимание уделяли обучению работников угрозыска. Для их подготовки на местах организовывали курсы дактилоскопии, инструктировали агентуру [2, Л. 58 об.].

На 1 октября 1924 г. в Курской губернии было 100 милицеских объединений с 1 937 работниками, из которых 244 были в уголовном розыске [4, Л. 1-1 об.]. В 1922 г. в Курской губернии было зарегистрировано 9 510 преступлений, раскрыто 53 %, в 1923 г. – 7 046 и 47% (ликвидировано 38 банд), в 1924 г. – 11 426 и 49,2% (уничтожено 10 банд), в 1925 г. – 44 888 и 56% (к преступлениям стали относить административные проступки, только 30,3 % связано с самогоноварением). Показатель раскрываемости по разным преступлениям был неравномерен. Начальником губернского розыска с 10 сентября 1926 г. был Иван Митрофанович Мазин.

По Тамбовской губернии существовало 6 уездных управлений милиции, в состав которых в качестве подотдела входил уголовный розыск. Согласно постановлениям Президиума ГИКа от 10 и 17 августа 1925 г. было решено открыть в губернии 24 уголовно-розыскных стола (по 4 в каждом уезде). Уже в 1-ом квартале 1925-1926 операционного года (октябрь-декабрь) процент раскрытия по сравнению с предыдущим кварталом увеличился на 11% и достиг 66%, а в следующем квартале составил 75,8%. Из запланированных 24-х уголовно-розыскных столов по губернии было открыто 21 (не было двух в Моршанском и одного в Тамбовском уездах). Однако в силу скудности губернского бюджета 15 марта 1926 г. удалось сохранить только три стола в Тамбовском уезде за счет ставок конного резерва. При каждом управлении уездной милиции имелся конный резерв для про-

ведения серьезных операций и чрезвычайных ситуаций. Низшим звеном являлась волостная милиция, в которой в 1922 г. состоял один сотрудник уголовного розыска, если население волости было более 25 тыс. человек) [12, с. 14-15].

15 января 1925 г. в здании Тамбовского губисполкома состоялось Губернское совещание административных работников об улучшении низового административного аппарата и о работе его в деревне. На нем заслушали доклад начальника подотдела уголовного розыска Потапова о борьбе с преступностью в сельских местностях. Решено строго относится к приему лиц на службу в милицию и угрозыск, руководствуясь приказом начальника ЦАУ НКВД 1923 г. № 122 и не допускать их без испытательной комиссии. Отмечено, что активные сотрудники уголовного розыска в нескольких уездах не получают установленной законом 50 % надбавки. Просили Губисполком дать распоряжение уездным исполкомам создавать специальный резервный фонд на операционные расходы и секретные надобности [21, С. 52, 53-54].

Из общего числа преступлений по РСФСР за первую половину 1925 г. на уголовный розыск приходилось 14,5%, а на милицию 85,5%. В отношении крупных преступлений милиция превосходила угрозыск только на 6%, т.к. в ее ведении 40% дел относилось «на самогон» и значительная часть на мелкие преступления. Милиция имела превосходство над уголовным розыском только по уездам, а в губернских городах угрозыск по важнейшим видам преступлений имел в полтора-два раза больше дел [10, Л. 38 об.-39].

Преобразования в структуре госорганов продолжались. Так, 19 ноября 1926 г. ВЦИК РСФСР упразднил уездные управления милиции и образовал уездные административные отделы, начальники которых являлись начальниками милиции уезда. В их составе создали подотделы милиции и уголовного розыска [30]. А 3 января 1927 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли Постановление «Об утверждении положения об административном отделе уездного исполкома» [31], который руководил милицией и розыском. Так, в 1927 г. создан Орловский уездный административный отдел (подотделы: общий, милиции, уголовного розыска), просуществовавший до ликвидации Орловской губернии в 1928 г.

16 декабря 1927 г. упразднили Центральное административное управление. В НКВД создали самостоятельные отделы милиции, уголовного розыска и административного надзора. Начальник отдела милиции являлся начальником милиции

республики, а начальник отдела угрозыска – его заместителем [18, с. 77-78].

В январе 1926 г. в Москве прошло Всероссийское совещание начальников секретных частей. На нем была принята программа по переходу в работе на научные методы. Так, в 1923 г. было 58 регистрационных бюро, к началу 1925 г. – 283, и в 1927 г. – 358, не считая союзные республики и розыски, не имевшие дактилоскопических бюро, но составлявшие дактилоскопические карты. Были введены новые регистрации неопознанных трупов и монодактилоскопическая регистрация, последняя в пять раз сокращала работу по сравнению с принятой за границу. Принимали меры по проведению в единообразную систему регистрации по способу совершения преступлений и по кличкам. Так как отсутствовала специальная школа, то для правильной регистрационной работы на местах были необходимы занятия в помещении Научно-технического подотдела. Поэтому требовалось создать в центре кабинет научно-технической экспертизы и содействовать организации таких же на местах. В феврале 1926 г. на втором съезде судебно-медицинских экспертов было решено оказывать помощь научно-техническим кабинетам путем участия в них местных специалистов. Из-за границы были выписаны аппараты системы Бертильона для фиксирования пальцевых отпечатков и кровавых следов (на местах уже 218), дактилоскопические приборы (219), распределено 200 луп, изготовленных по заказу ОУР мастерскими Главвоздухфлота. С 1 января предстояло открытие специальной школы научной техники исследования и раскрытия преступлений с 6-ти месячным сроком обучения [22, с. 39, 40-42].

Циркуляром НКВД РСФСР № 357 от 15 октября 1926 г. местным органам власти рекомендовано предоставлять строевому составу милиции и оперативному составу угрозыска право использовать свободный автотранспорт и конные экипажи для задержания преступников, препровождения пострадавших в лечебные заведения [40, с. 87].

В середине 1920-х гг. для подготовки и переподготовки работников милиции и уголовного розыска создали школы среднего и младшего начсостава и краткосрочные курсы. С 1927 г. в школах организовали уголовно-розыскные группы подготовки [38, с. 10-13].

В 1928-1929 гг. страна перешла на областное, окружное и районное административное деление. В ходе этих изменений в качестве руководящего окружного центра создавался окружной адм.отдел (ОкРАО, окрадм.отдел) [5, Л. 9]. Он выполнял функции административного надзора и охраны

общественного порядка и безопасности. Начальник ОкРАО одновременно являлся и начальником милиции округа. По решению II Всероссийского Съезда административных работников он имел помощников по отдельным отраслям работы: милицейской, уголовно-розыскной, исправительно-трудовой и общей. Помимо этих направлений и соответствующих им подотделов, позже появился подотдел ЗАГС [20, с. 391].

На территории некоторых округов преобразования вводили в первую очередь. К примеру, в конце 1929 г. по Курскому округу проводили опыт выделения в сельской местности специальных милицейских работников для ведения расследования [6, Л. 15]. В Курском показательном округе постановлением президиума окрисполкома 22 декабря 1929 г. упразднили окружной угрозыск и ввели городское розыскное отделение (12 чел. на 90 000 населения) при горадмотделе и по 3 чел. в районах (инспектор, агент и регдактилоскоп). И при окрисполкоме в состав админспекции ввели инспектора по милиции и розыску и информатора [35; 7, Л. 152].

За январь-апрель 1929 г. по Курскому округу было совершено 2 454 и раскрыто 2 254 (91,85%) преступления. Отмечалось увеличение террористических актов в деревне – совершено 79 убийств, покушений на убийство и поджоги, раскрываемость составила 85-90 %. В 1929 г. в Курском округе было 818 осведомителей и поступило 907 сводок. К маю 1930 г. Курский округ в отношении развития бандитизма считался вполне благоприятным, несмотря на появление малочисленных групп. Для улучшения криминогенной ситуации был предпринят ряд мер, в частности, «изыятие рецидива» (72 чел.).

По РСФСР кадры уголовного розыска на 1 мая 1923 г. составляли 10 500 чел., 1 октября 1925 г. – 5 151 чел., в 1929 г. – 4 722 чел. [24, С. 120], таким образом, мы видим постепенное сокращение штата, видимо, в связи с результативным противодействием преступности.

В начале 1930-х гг. на местах проводили разгрузку мест заключения. И уголовный розыск, как оперативно-боевая единица по борьбе с преступностью, должен был усилить свою работу в соответствии с директивой от 24 января 1930 г. №195/с [6, Л. 79-84].

Для привлечения общественности СНК РСФСР 25 мая 1930 г. принял постановление «Об обществах содействия органам милиции и уголовного розыска» [32]. Они образовались при административно-правовых секциях Советов и работали под их руководством [33, 34]. При аппарате курского городского розыска имелась специальная показа-

тельная ячейка осодмила № 1 из 25-30 человек. Её члены выполняли не менее 20% рядовой работы сотрудников УРО.

8 августа 1930 г. ВЦИК утвердил Положение об административных управлениях край- и обласполкомов, на которые руководили органами правопорядка и административными органами [18, С. 80].

В это время НКВД и ОГПУ конкурировали между собой. В постановлении ЦИК и СНК СССР «О ликвидации наркоматов внутренних дел союзных и автономных республик» [27] от 15 декабря 1930 г. расформирование НКВД РСФСР оправдывалось трудностью его управления. Принято секретное постановление «О руководстве органами ОГПУ деятельностью милиции и уголовного розыска», по которому управление и его местные подразделения могли назначать, перемещать и увольнять руководящий и оперативный состав милиции и угрозыска, инспектировать и контролировать их деятельность и использовать гласных сотрудников и негласную сеть в интересах ОГПУ. Исполнительным органом для руководства милицией и УРО стала Главная инспекция милиции и уголовного розыска, образованная приказом ОГПУ от 30 декабря 1930 г. [18, с. 81].

Расформировать НКВД союзных и автономных республик предполагали до 31 декабря 1930 г. Милицию и угрозыск передавали в ведение СНК республик, при которых создавали управления милиции. Ликвидационные комиссии завершили работу к февралю 1931 г. В этом году управления преобразовали в народные комиссариаты [14, с. 231].

Одним из главных способов борьбы с преступностью был точный учет всех преступников. Например, его осуществляло в Курском горрозыске регистрационное бюро, где работало 2 человека. Оформление производилось по столу привода, дактилоскопии и фотографии. Регистрационным бюро выдавались справки о судимости и компрометирующие сведения. В январе 1930 г. в Курском округе проводились недельные курсы с редактилоскопами. В 1931 г. в Курском округе 44 чел. было подвергнуто дактилоскопической регистрации. Один раз применяли фотографии для сравнения отпечатков пальцев и других следов и один раз сфотографированный труп. Практика применения собак при раскрытии преступлений оказалась эффективной. Всего в 1922-1923 гг. было 10 питомников розыскных собак, а к 1927 г. – 60 со 120 ра-

ботающими собаками [22, с. 40]. До 12 декабря 1930 г. в курском горрозыске не было питомника собак-ищеек, потом появилась одна собака. В 1931 г. в Курском округе имелось 2 собаки и 2 щенка.

Выводы

В итоге в начале 1920-х гг. наблюдается частая реорганизация госорганов – идет поиск оптимальной модели системы управления, что в результате приводит к выделению в общероссийском масштабе угрозыска в самостоятельную службу по приказу НКВД 10 апреля 1922 г. Было создано Главное управление уголовного розыска НКВД РСФСР с непосредственным подчинением Народному комиссару внутренних дел.

На основе правовых актов в Центральном Черноземье создавали систему административных и правоохранительных органов. В местностях с развитой преступностью в середине 1920-х гг. в регионе открывали новые уголовно-розыскные структуры, в штат милиций на селе вводили агентов угрозыска.

Уголовный розыск преимущественно занимался противодействием преступности. В его компетенцию входили борьба с бандитизмом, раскрытие совершенных преступлений и их предупреждение, а также учет преступников. Работе розыска препятствовали отсутствие достаточного количества средств передвижения, сумм на секретно-оперативные расходы, фототехнические надобности и приобретение научной литературы, подходящих помещений, питомника собак-ищеек.

В целом по данным на конец 1920-х гг. в работе местных органов угрозыска отмечены положительные стороны: увеличение штата в уездах; приближение к крестьянским массам путем прикрепления агентов к волостным центрам; повышение зарплаты; пополнение оборудованием регбюро; увеличение секретно-операционных средств; оборудование кабинетов для научно-технической экспертизы. Вместе с этим отмечались и отрицательные аспекты: текучесть личного состава; слабая квалификация работников активного состава на периферии; отсутствие страхования от несчастных случаев при боевых операциях; слабая деятельность секретных частей [11, Л. 72] и др.

Снижение количества преступных деяний к концу 1920-х гг. связано с уменьшением социальных конфликтов внутри страны, улучшением экономической ситуации и укреплением аппарата органов правопорядка и организации системы противодействия преступности.

Список источников

1. Богданов С.В., Ельчанинов П.М. Преступность и борьба с ней на территории Центрального Черноземья в 1920-е годы (на материалах Курской и Воронежской губерний) М.: Русайнс, 2017. 273 с.
2. Государственный архив Воронежской области. Ф. Р-5. Оп. 2. Д. 36.
3. Государственный архив Курской области. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 792.
4. Государственный архив Курской области. Ф. Р-1287. Оп. 1. Д. 466.
5. Государственный архив Курской области. Ф. Р-2638. Оп. 1. Д. 59.
6. Государственный архив Курской области. Ф. Р-2638. Оп. 1. Д. 101.
7. Государственный архив Курской области. Ф. Р-2638. Оп. 1. Д. 106.
8. Государственный архив общественно-политической истории Курской области. П-2878. Оп. 1. Д. 86.
9. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-393. Оп. 6. Д. 56.
10. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-393. Оп. 66. Д. 124.
11. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-393. Оп. 73. Д. 27.
12. Захарцев С.Н. Борьба с преступностью органов милиции и уголовного розыска Тамбовской губернии в 1921-1928 гг.: монография / под ред. д.и.н., проф. С.А. Есикова. СПб.: Нестор, 2005. 102 с.
13. Захарцев С.Н. Преступность в Тамбовской губернии и борьба с ней правоохранительных органов в период НЭПа (1921-1928 гг.): дис. ... к.ист.н. Тамбов, 2003. 290 с.
14. История государства и права СССР. Ч. 2 / под ред. Г.С. Калинина и Г.В. Швекова. М.: Юридическая литература, 1981. 520 с.
15. Кирнос А.В., Никитяев В.В., Плеханова А.В. История органов внутренних дел России: учеб.-метод. пос. Воронеж: Воронеж. инст. МВД России, 2006. 170 с.
16. Курская полиция: взгляд через столетия / под ред. Г.П. Кулика; авт. кол.: д.и.н., проф. В.В. Коровин (рук.); д.и.н., проф. Г.А. Салтык; к.и.н., доц. Н.А. Постников; к.и.н., доц. С.Н. Токарева; к.и.н. А.Н. Гуляев; к.и.н., А.Н. Манжосов; д.и.н., проф. К.В. Яценко. Курск: Полстар, 2018. 576 с.
17. Матиенко Т.Л. Советский уголовный розыск: рожденный пролетарской революцией или приемник сыскной полиции Российской империи? К вопросу об эволюции организационных и правовых форм правоохранительной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 174 – 179.
18. Моруков Ю.Н. История органов правопорядка России в точных датах: Хронологический справочник. М.: Объединенная редакция МВД России, 2007. 189 с.
19. На страже порядка. Из истории органов внутренних дел Курского края / Сост. Н.А. Постников. Под ред. А.Н. Волкова. Курск: ФГУИПП «Курск», 2002. 560 с.
20. Нелидов А.А. История госучреждений СССР. 1917-1936 гг. М.: Московский гос. историко-архивный институт, 1962. 746 с.
21. Николаев Г.И. Совецание работников Тамбовского Адмотдела // Административный вестник. 1925. № 4. С. 52 – 56.
22. Николаевский Н.А. К десятилетию организации и деятельности органов уголовного розыска // Административный вестник. 1927. № 10-11. С. 39 – 42.
23. Павлов А.Н. Борьба милиции с преступностью в годы НЭПа // Вопросы истории. 2004. № 10. С. 135 – 144.
24. Борисов А.В., Дугин А.Н., Малыгин А.Я. и др. Полиция и милиция России: страницы истории. М.: Наука, 1995. 318 с.
25. Положение об административном отделе губернских и областных исполнительных комитетов от 11.08.1924 // СУ РСФСР. 1924. № 70. Ст. 690.
26. Смирных В.М. Почти военная организация: очерки истории Воронежской милиции 20-х годов 20 века. К 200-летию МВД России. Воронеж: изд-во Воронежского государственного архитектурно-строительного университета, 2002. 190 с.
27. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. № 60. Ст. 640.
28. Собрание узаконений РСФСР. 2-е изд. 1917. № 1. Ст. 15.
29. Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 45. Ст. 563.
30. Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 90. Ст. 655.
31. Собрание узаконений РСФСР. 1927. № 1.
32. Собрание узаконений РСФСР. 1930. № 25. Ст. 324.
33. Токарева С.Н. Деятельность обществ содействия органам милиции и уголовного розыска на примере Курского округа ЦЧО // Известия Юго-западного государственного университета. Серия: История и право. 2016. № 3. С. 159 – 166.

34. Токарева С.Н. К вопросу о противодействии преступности в СССР в 1930-е годы (организация Обществ содействия милиции и уголовному розыску в ЦЧО) // История: факты и символы. 2016. № 2. С. 132 – 139.
35. Хомяков Ф. Построение розыскных органов в Курском показательном округе // Административный вестник. 1930. № 1. С. 47.
36. Чегодаева А. Откуда пошла курская милиция // Городские известия. 11 января 1996 г. № 4 (807). С. 2.
37. Шумахер. Организационные формы Уголовно-Розыскных Учреждений в 1917-1924 г.г. // Рабоче-крестьянская милиция. 1924. № 5. С. 43 – 46.
38. Школы начсостава рабоче-крестьянской милиции и угро: справочник для командирующих организаций и поступающих в школы / сост. И.Ю. Цветопольский, В.Г. Постников; под ред. н-ка отд. мил. ЦАУ НКВД И.Ф. Киселева, нар. ком. вн. дел. М.: изд-во НКВД, 1927. 56 с.
39. Шутова М.В. Организационно-правовое становление и развитие службы уголовного розыска с IX-XX вв.: Историко-правовое исследование: дис. ... к.юр.н. Ростов-на-Дону, 2005. 251 с.
40. Щендригин Е.Н., Булыжкин А.В. Орловская милиция (1917-1928 гг.): Ист.-правовой очерк. Орел: Труд, 2003. 198 с.

References

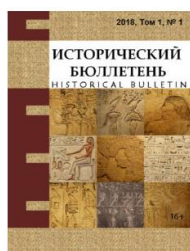
1. Bogdanov S.V., Elchaninov P.M. Crime and the fight against it in the territory of the Central Black Earth Region in the 1920s (based on materials from the Kursk and Voronezh provinces) M.: Rusayns, 2017. 273 p.
2. State Archives of the Voronezh Region. F. R-5. Op. 2. D. 36.
3. State Archive of the Kursk Region. F. R-323. Op. 1. D. 792.
4. State Archive of the Kursk Region. F. R-1287. Op. 1. D. 466.
5. State archive of the Kursk region. F. R-2638. Op. 1. D. 59.
6. State Archive of the Kursk Region. F. R-2638. Op. 1. D. 101.
7. State Archives of the Kursk Region. F. R-2638. Op. 1. D. 106.
8. State archive of socio-political history of the Kursk region. P-2878. Op. 1. D. 86.
9. State Archive of the Russian Federation. F. R-393. Op. 6. D. 56.
10. State Archive of the Russian Federation. F. R-393. Op. 66. D. 124.
11. State Archive of the Russian Federation. F. R-393. Op. 73. D. 27.
12. Zakhartsev S.N. The fight against crime by the police and criminal investigation departments of the Tambov province in 1921-1928: monograph. ed. ed. Doctor of History, Prof. S.A. Esikova. St. Petersburg: Nestor, 2005. 102 p.
13. Zakhartsev S.N. Crime in the Tambov province and the fight against it by law enforcement agencies during the NEP period (1921-1928): dis. ... Ph.D. Tambov, 2003. 290 p.
14. History of state and law of the USSR. Part 2. ed. G.S. Kalinin and G.V. Shvekova. M.: Legal literature, 1981. 520 p.
15. Kirnos A.V., Nikityaev V.V., Plekhanova A.V. History of the internal affairs bodies of Russia: educational method. village Voronezh: Voronezh. inst. Ministry of Internal Affairs of Russia, 2006. 170 p.
16. Kursk police: a look through the centuries. ed. G.P. Kulika; auto Col.: Doctor of Historical Sciences, prof. V.V. Korovin (manager); Doctor of History, Prof. G.A. Saltyk; Ph.D., Associate Professor ON THE. Postnikov; Ph.D., Associate Professor S.N. Tokarev; Ph.D. A.N. Gulyaev; Ph.D., A.N. Manzhosov; Doctor of History, Prof. K.V. Yatsenko. Kursk: Polstar, 2018. 576 p.
17. Matienko T.L. Soviet criminal investigation: born of the proletarian revolution or successor to the detective police of the Russian Empire? On the issue of the evolution of organizational and legal forms of law enforcement. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1. P. 174 – 179.
18. Morukov Yu.N. History of law enforcement agencies in Russia in exact dates: Chronological reference book. M.: United editorial office of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007. 189 p.
19. Keeping order. From the history of the internal affairs bodies of the Kursk region. Comp. ON THE. Postnikov. Ed. A.N. Volkova. Kursk: FGUIPP "Kursk", 2002. 560 p.
20. Nelidov A.A. History of government institutions of the USSR. 1917-1936 M.: Moscow State. Historical and Archival Institute, 1962. 746 p.
21. Nikolaev G.I. Meeting of employees of the Tambov Administrative Department. Administrative Bulletin. 1925. No. 4. P. 52 – 56.
22. Nikolaevsky N.A. To the tenth anniversary of the organization and activities of criminal investigation bodies. Administrative Bulletin. 1927. No. 10-11. P. 39 – 42.

23. Pavlov A.N. The fight of the police against crime during the years of the New Economic Policy. Questions of history. 2004. No. 10. P. 135 – 144.
24. Borisov A.V., Dugin A.N., Malygin A.Ya. and others. Police and militia of Russia: pages of history. M.: Nauka, 1995. 318 p.
25. Regulations on the administrative department of provincial and regional executive committees dated 08/11/1924. SU RSFSR. 1924. No. 70. Art. 690.
26. Smirnykh V.M. Almost a military organization: essays on the history of the Voronezh police of the 20s of the 20th century. To the 200th anniversary of the Russian Ministry of Internal Affairs. Voronezh: publishing house of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering, 2002. 190 p.
27. Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR. No. 60. Art. 640.
28. Collection of laws of the RSFSR. 2nd ed. 1917. No. 1. Art. 15.
29. Collection of laws of the RSFSR. 1922. No. 45. Art. 563.
30. Collection of laws of the RSFSR. 1926. No. 90. Art. 655.
31. Collection of laws of the RSFSR. 1927. No. 1.
32. Collection of laws of the RSFSR. 1930. No. 25. Art. 324.
33. Tokareva S.N. Activities of societies for assistance to police and criminal investigation authorities on the example of the Kursk district of the Central Black Sea Region. News of the South-Western State University. Series: History and Law. 2016. No. 3. P. 159 – 166.
34. Tokareva S.N. On the issue of combating crime in the USSR in the 1930s (organization of Societies for Assistance to the Police and Criminal Investigation in the Central Black Sea Region). History: facts and symbols. 2016. No. 2. P. 132 – 139.
35. Khomyakov F. Construction of search authorities in the Kursk demonstrative district. Administrative Bulletin. 1930. No. 1. P. 47.
36. Chegodaeva A. Where did the Kursk police come from. City news. January 11, 1996 No. 4 (807). P. 2.
37. Schumacher. Organizational forms of Criminal Investigation Institutions in 1917-1924. Workers' and Peasants' Militia. 1924. No. 5. P. 43 – 46.
38. Schools of command staff of the workers' and peasants' militia and the Ugro: a reference book for sending organizations and applicants to schools. comp. I.Yu. Tsvetopolsky, V.G. Postnikov; edited by n-ka dep. mil. TsAU NKVD I.F. Kiseleva, Nar. com. ext. business M.: NKVD publishing house, 1927. 56 p.
39. Shutova M.V. Organizational and legal formation and development of the criminal investigation service from the 9th-20th centuries: Historical and legal research: dis. ... Ph.D. Rostov-on-Don, 2005. 251 p.
40. Shchendrigin E.N., Bulyzhkin A.V. Oryol police (1917-1928): Historical and legal essay. Orel: Trud, 2003. 198 p.

Информация об авторе

Токарева С.Н., кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Курский государственный университет, tokareva_sn@mail.ru

© Токарева С.Н., 2024

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2024, Том 7, № 1 / 2024, Vol. 7, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94

Материально-бытовое снабжение социально-уязвимых слоев населения в 1964-1985 гг. (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югра)

¹ Чижик К.В.,
¹ Сургутский государственный университет

Аннотация: в статье предпринимается попытка анализа формирования государственной социальной политики и ее реализации в Ханты-Мансийском автономном округе в годы его активного нефтегазового освоения. В ней исследуется работа отделов социального обеспечения в сфере материально-бытового снабжения социально-уязвимых слоев населения автономного округа. Автор показывает процесс оказания его гражданам услуг, направленных на улучшение их жилищно-коммунальных условий, медицинского обслуживания и продовольственного снабжения, отмечая как положительные, так и отрицательные стороны его осуществления.

Методы: логический, историзма, объективности, анализ, синтез, историко-сравнительный, идеографический, типологизации, периодизации.

Выводы: анализ материально-бытового обеспечения социально-уязвимых слоев населения Ханты-Мансийского автономного округа в исследуемый период, свидетельствует о том, что система социального обеспечения региона в целом обеспечивала решения проблем, путём осуществления им пенсионных выплат, предоставления льгот, улучшения жилищно-бытовых условий и трудоустройства.

Ключевые слова: социальная политика, социальное обеспечение, пенсионные выплаты, трудоустройство, инвалидность, жилищно-бытовые условия, медицинское обслуживание, продовольственное обеспечение, жизнедеятельность

Для цитирования: Чижик К.В. Материально-бытовое снабжение социально-уязвимых слоев населения в 1964-1985 гг. (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югра) // Исторический бюллетень. 2024. Том 7. № 1. С. 178 – 182.

Поступила в редакцию: 14 сентября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 12 ноября 2023 г.; Принята к публикации: 15 января 2024 г.

Material and household supplies to socially vulnerable segments of the population in 1964-1985 (using the example of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra)

¹ Chizhik K.V.,
¹ Surgut State University

Abstract: the article attempts to analyze the formation of state social policy and its implementation in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug during the years of its active oil and gas development. It examines the work of social security departments in the field of material and household supplies for socially vulnerable segments of the population of the autonomous okrug. The author shows the process of providing its citizens with services aimed at improving their housing and communal conditions, medical care and food supplies, noting both the positive and negative sides of its implementation.

Methods: logical, historicism, objectivity, analysis, synthesis, historical-comparative, ideographic, typologization, periodization.

Conclusions: the analysis of the material and household provision of socially vulnerable segments of the population of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug during the study period indicates that the social security system of the region as a whole provided solutions to problems by making pension payments, providing benefits, improving housing and living conditions and employment.

Keywords: social policy, social security, pension payments, employment, disability, housing and living conditions, medical care, food security, vital activity

For citation: Chizhik K.V. *Material and household supplies to socially vulnerable segments of the population in 1964-1985 (using the example of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra). Historical Bulletin. 2024. 7 (1). P. 178 – 182.*

The article was submitted: September 14, 2023; Approved after reviewing: November 12, 2023; Accepted for publication: January 15, 2024.

Введение

Материально-бытовое снабжение социально-уязвимых слоев являлось одной из главных функций органов социального обеспечения в СССР. Оно регламентировалось рядом законодательных актов и реализовывалась посредством осуществления пенсионных выплат, предоставления льгот, решения трудовых и жилищно-бытовых вопросов.

Историография. В отечественной историографии исследование советской социальной политики нашло лишь косвенное отражение в незначительном числе работ. Так, например, контекстуально эти вопросы затрагиваются в работе О.С. Шек «Механизмы воспроизводства вторичного социального статуса инвалидов в СССР» [6, с. 241-250], в которой автор справедливо отмечает, что в СССР социальная политика была направлена на обеспечение базисных условий жизнедеятельности советских людей и гарантировала правовую защищенность гражданам с ограниченными физическими возможностями.

В работе «Социальное обеспечение, защита и поддержка инвалидов в России; Советский период и современность» Н.Ф. Басов аргументированно свидетельствует о том, что последовавший после победоносного окончания Великой Отечественной войны период «характеризуется новыми подходами в организации социального обеспечении. Углубляется процесс специализации услуг для нетрудоспособных, что позволило сосредоточить внимание на трудоустройстве и профессиональном обучении инвалидов, их медицинском обслуживании и уходе в домах-интернатах для инвалидов и престарелых» [1, с. 60].

Научно обоснованным подтверждением последовательного усиления внимания советского государства к организации системы социальной защиты нетрудоспособного населения в 1950-е – 1970-

гг. является вышедшая в 1986 г. фундаментальная работа Я.М. Фогеля [5].

Материалы и методы исследований

В данной статье были использованы общенаучные и конкретно-исторические методы исследования. Основными методами исследования являлись логический, исторический, объективности, анализа и синтеза, историко-сравнительный и идеографический.

Результаты и обсуждения

Социально-уязвимые слои населения со стороны государства получали не только пенсии и пособия. Им предоставлялись льготы по оказанию различных услуг. В 1965 г. в отчете о работе Исполнительного комитета Ханты-Мансийского городского Совета депутатов трудящихся было указано, что в своей деятельности отдел социального обеспечения исполкома руководствовался Постановлением Совета Министров СССР от 26.03.1965 г. и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31.12.1964 года, в процессе осуществления которой 80 инвалидам Отечественной войны было предоставлено право бесплатным проездом в Сургуте на городском транспорте [2].

В Нефтеюганске в 1975 г. в магазинах, столовых, и горбыткомбинате инвалиды обслуживались вне очереди [2]. В Сургуте в этот же период инвалидам Отечественной войны I и II групп предоставлялись льготы в размере 50% по уплате за квартиру и коммунальных услуг [2].

В соответствии с приказами здравоотдела автономного округа в 1975 г. в каждом городе и районе были выделены ответственные врачи за медицинское обслуживание инвалидов Отечественной войны. Они обслуживались вне очереди в поликлиниках и аптеках, им было выделено специально 30 коек в больницах [2]. Ежегодно врачами проводился углубленный медицинский осмотр инвалидов. В округе постоянным диспансерным

наблюдением и контролем врачей-специалистов было охвачено 165 нуждающихся в медицинской помощи инвалидов. В городах округа в 1975 г. инвалидам I и II групп преклонного возраста практиковалась доставка медикаментов на дом [2].

В Березовском районе в 1983 г. в поликлиниках и больницах для участников Великой Отечественной войны было установлено время внеочередных приёмов, выделялся резерв медикаментов и коек для стационарного лечения [2]. В Нефтеюганске в том же году предоставлялись льготы инвалидам и участникам войны для медицинского и санаторно-курортного лечения, протезирования зубов, оплате коммунальных услуг, внеочередного торгового обслуживания, пользования транспортом и другие виды социальных услуг [2].

На протяжении всего исследуемого периода сохранял актуальность вопрос трудового устройства инвалидов, их социализация и предоставление возможностей самореализации.

На 1 января 1965 г. в Ханты-Мансийском автономном округе насчитывалось 1664 человека инвалидов III группы, из которых на производстве было занято 1204 чел. (72,5%). Трудовой деятельностью не было охвачено 460 инвалидов, включавших пенсионеров преклонного возраста, граждан, не имевших права на пенсию по старости, женщин старше 40 лет, занятых уходом за детьми. В ходе работы районных, городских и окружного отделов социального обеспечения за год было трудоустроено 102 инвалида [2].

В 1975 г. в Ханты-Мансийском автономном округе из числа инвалидов войны III группы не работало только 17, из них по причине болезни – 5 чел, из-за преклонного возраста – 10 чел, по другим причина – 2 чел. Из 1225 инвалидов труда III группы не работало 279 чел. (22,8%), из которых люди преклонного возраста составляли 180 чел. В связи с болезнью не работало 56 чел., материальной обеспеченностью – 26 чел., по другим причинам – 15 чел. [2]. В 1975 г. в Ханты-Мансийском автономном округе силами отделов социального обеспечения было трудоустроено 165 чел., из них 31 чел. являлись инвалидами Великой Отечественной войны, в том числе инвалидами II группы – 9 чел., III – 22 чел. Кроме этого, было трудоустроено 134 инвалида труда, из которых 37 чел. были инвалидами II группы, а 97 чел. – III группы [2].

К началу 1985 г. в округе на учете состояло 2420 инвалидов труда II группы и 2400 инвалидов III группы. Из них работало 265 чел. (11%) и 2056 чел. (85,6%) соответственно. Инвалидов войны в округе насчитывалось 325 чел., из них работало 113 чел. (34,8%) их которых инвалидом I группы

являлся 1 чел. из 17, II группы – 42 чел. из 218, III группы – 70 чел. из 90 [2].

Обращаясь к анализу отчётов деятельности окружного собеса, можно констатировать рост количества работающих инвалидов труда и войны на 13%. Это было связано с увеличением их численности и подтверждает повышение активности собесов в решении данного вопроса.

Профессии, которые предлагались инвалидам III группы, относились, в основном, к сферы обслуживания и включали в себя кладовщиков, диспетчеров, вахтеров, сторожей, техничек, санитарок, счетоводов, бухгалтеров, гардеробщиц, слесарей по ремонту, сапожников и швей. Для их профессиональной подготовки применялись специальные методики обучения [2].

Инвалидам детства, имевшим желание и физические возможности вести трудовую деятельность, предлагалось обучение в профтехучилищах. Но в большинстве случаев они отдавали предпочтение иным формам профессиональной подготовки. Так, в начале 1970-х гг. в Кондинском районе проживало 30 инвалидов детства. Им было противопоставлено обучение в профессиональных училищах и некоторые из них были направлены для специального обучения в Ирбит [2]. В Сургуте в это время проживало 23 инвалида детства, никто из них не был направлен в профтехучилища, в связи с отсутствием желания [2].

В силу серьезных заболеваний, трудоустройство инвалидов детства I-II групп происходило не столь успешно. В Ханты-Мансийском автономном округе в 1975 г. насчитывалось 198 человек, из которых трудоустроенными являлись всего 18 человек. Остальные по состоянию здоровья работать не могли [2].

Для инвалидов, нуждавшихся в облегченных условиях труда, в округе предпринимались попытки создания специализированных участков в цехах предприятий. Однако, в окружном отчёте собеса за 1969 г. отмечается, что специальных цехов для инвалидов на предприятиях округа нет в силу отсутствия потребности в них [2]. Ситуация к 1975 г. не изменилась, что зафиксировано в очередном отчете окружного собеса [2].

Важным направлением работы системы социального обеспечения округа являлось улучшение жилищно-бытовых условий пенсионеров и инвалидов. Материально-бытовые условия их проживания систематически подвергались проверке, как со стороны органов социального обеспечения, так и общественных советов и внештатных инспекторов.

В начале нефтегазового освоения региона его населенные пункты застраивались индивидуаль-

ными деревянными домами с печным отоплением, без водоснабжения и порой без электроосвещения. Во второй половине 1960-х гг. в базовых городах Ханты-Мансийского автономного округа начала производиться капитальная застройка, но жилья катастрофически не хватало [4, с. 299]. В связи с этим, в этот период собесы были не в силах решить жилищный вопрос пенсионеров и инвалидов, о чём свидетельствует отсутствие данных в отчётах по их деятельности. Необходимо также учитывать и то, что в начальный период нефтегазового освоения количество инвалидов в регионе было значительно меньше. В связи с этим в то время данная проблема не являлась столь актуальной по сравнению с другими вопросами жизнедеятельности лиц с ограниченной трудоспособностью.

К числу их относились пенсионеры. Начиная с конца 1960-х гг., районные и городские собесы округа активизировали работу по их обеспечению благоустроенными квартирами и ремонту мест проживания. Так, в 1969 г. отделами социального обеспечения округа и профсоюзными организациями было представлено 28 квартир пенсионерам, а 42 пенсионерам был произведен ремонт в квартирах [2].

В 1970 г. в округе в улучшении жилищных условий нуждались 104 семьи, в том числе инвалидов Отечественной войны – 72 семьи, погибших военнослужащих – 32 семьи. 14 мая 1970 г. вышло постановление Совета Министров СССР «О дальнейшем улучшении материально-бытовых условий инвалидов Отечественной войны и семей погибших военнослужащих». В ходе его выполнения в 1970 - 1975 гг. в округе семьям участников войны было выделено 282 квартиры, в том числе благоустроенных – 208 [2]. В 1975 г. в Ханты-Мансийском округе было выделено 49 квартир инвалидам труда, 106 – пенсионерам по старости. Всего было предоставлено нуждающимся в соци-

альной поддержке гражданам Югры 242 квартиры [2].

В Кондинском районе отделом социального обеспечения в 1975 г. из 9 инвалидов войны, которые нуждались в ремонте квартир, трем из них был произведен ремонт, а двоим, имеющим индивидуальные дома, райисполкомом была предоставлена материальная помощь в размере 200 рублей [2]. В 1979 г. после проверки комиссии, созданной при исполкоме райсовета Кондинского района, в течение года было выделено 6 благоустроенных квартир для инвалидов войны [2].

Обеспечение жильём инвалидов Отечественной войны и семей погибших военнослужащих по Ханты-Мансийскому автономному округу в 1983 г. характеризуется следующими показателями: выделено 17 квартир, в том числе инвалидам Отечественной войны – 12, семьям погибших – 5.

Однако, следует обратить внимание на то, что в это время в регионе состояло на учёте 25 человек, из которых 10 чел. являлись инвалидами войны, а 11 чел. являлись членами семей погибших воинов [2]. Это свидетельствует о нерешенности в тот период вопроса обеспечения жильём этой категории населения автономного округа.

Выводы

Таким образом, анализ материально-бытового обеспечения социально-уязвимых слоев населения Ханты-Мансийского автономного округа в исследуемый период, свидетельствует о том, что система социального обеспечения региона в целом обеспечивала решения проблем, путём осуществления им пенсионных выплат, предоставления льгот, улучшения жилищно-бытовых условий и трудоустройства. В течение 1964-1985 гг. при росте числа пенсионеров в 6 раз сумма социальных выплат и пенсий возросла в 12,5 раз, что свидетельствует об интенсивном развитии системы социальной защиты на территории Ханты-Мансийского автономного округа в 1964- 1984 гг.

Список источников

1. Басов Н.Ф. Социальное обеспечение, защита и поддержка инвалидов в России; Советский период и современность //Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер.4: Педагогика. Психология. 2010. № 19. С. 56 – 69.
2. Государственный архив Югры (ГАЮ) Ф. Р. 11.
3. Зориткуева А.В. Социальная защита ветеранов Великой Отечественной войны как объект государственного управления // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 2. С. 116 – 120.
4. Стась И.Н. Эволюция жилищных условий горожан Ханты-Мансийского округа в 1960-х годах // Иркутский историко-экономический ежегодник. 299 с.
5. Фогель Я.М. Социальное обслуживание инвалидов. М.: Юридическая литература, 1986.

6. Шек О.С. Механизмы воспроизводства вторичного социального статуса инвалидов в СССР //Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 2. С. 241 – 250.

7. Шек О.С. Социальное исключение инвалидов в СССР // Нужда и порядок :история социальной работы в России, XX в.: сб. науч.ст. / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов: Научная книга: Центр социальной политики и гендерных исследований, 2005б. С. 375 – 396.

References

1. Basov N.F. Social security, protection and support of disabled people in Russia; Soviet period and modernity. Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University. Series 4: Pedagogy. Psychology. 2010. No. 19. P. 56 – 69.

2. State Archives of Ugra (SAYU) F. R. 11.

3. Zoritkueva A.V. Social protection of veterans of the Great Patriotic War as an object of public administration. Bulletin of the Buryat State University. 2010. No. 2. P. 116 – 120.

4. Stas I.N. The evolution of living conditions of the townspeople of the Khanty-Mansiysk Okrug in the 1960 s. Irkutsk Historical and Economic Yearbook. 299 pp.

5. Fogel Ya.M. Social services for disabled people. М.: Legal literature, 1986.

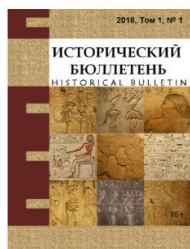
6. Shek O.S. Mechanisms for the reproduction of the secondary social status of disabled people in the USSR. Journal of Social Policy Research. 2005. Т. 3. No. 2. P. 241 – 250.

7. Shek O.S. Social exclusion of disabled people in the USSR. Need and order: history of social work in Russia, twentieth century: collection. scientific article. ed. P.V. Romanova, E.R. Yarskaya-Smirnova. Saratov: Scientific book: Center for Social Policy and Gender Research, 2005b. pp. 375 – 396.

Информация об авторе

Чижик К.В., преподаватель, Сургутский государственный университет, 628412, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, пр. Ленина, д. 1, Chizhik-kv@yandex.ru

© Чижик К.В., 2024

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2024, Том 7, № 1 / 2024, Vol. 7, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

УДК 327.5

Влияние частного коммерческого сектора на развитие кибертехнологий США

¹ Вахитов Р.Р.,

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: статья посвящена актуальной теме развития кибертехнологий в современном мире, а также влиянию частного коммерческого сектора на характер развития кибертехнологий в США. Отмечается, что США становится ключевым игроком по развитию кибертехнологий на мировом уровне, занимая при этом лидирующие позиции. В исследовании представляется общее определение кибертехнологий и производится попытка выделения производных, входящих в данное понятие элементов. В ходе анализа устанавливается, что в США большая часть коммерческого сектора кибертехнологий представлена в сфере услуг, а ключевое значение в инновационно-ориентированном развитии возлагается на активно формирующиеся стартапы. Выявляется, что крупнейшие компании становятся потенциальным источником разрешения глобальных и сложных проблем – на них возлагаются функции интеграции и обеспечения долгосрочного вектора развития кибертехнологий США.

Ключевые слова: кибертехнологии, США и кибертехнологии, частные компании в разработке кибертехнологий, международные отношения, кибербезопасность

Для цитирования: Вахитов Р.Р. Влияние частного коммерческого сектора на развитие кибертехнологий США // Исторический бюллетень. 2024. Том 7. № 1. С. 183 – 191.

Поступила в редакцию: 23 сентября 2023 г.; *Одобрена после рецензирования:* 25 ноября 2023 г.; *Принята к публикации:* 15 января 2024 г.

Impact of the private commercial sector on the development of USA cyber technologies

¹ Vakhitov R.R.,

¹ Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: the article is devoted to the actual topic of the development of cyber technologies in the modern world, as well as the influence of the private commercial sector on the nature of the development of cyber technologies in the United States. It is noted that the United States is becoming a key player in the development of cyber technologies at the global level, while occupying a leading position. The study presents a general definition of cyber technologies and attempts to identify derivatives included in this concept of elements. The analysis establishes that in the United States, most of the commercial sector of cyber technologies is represented in the service sector, and the key role in innovation-oriented development is assigned to actively emerging startups. It is revealed that the largest companies are becoming a potential source of solving global and complex problems - they are entrusted with the functions of integration and ensuring a long-term vector for the development of USA cyber technologies.

Keywords: cyber technologies, USA and cybertechnologies, private companies in the development of cyber technologies, international relations, cybersecurity

For citation: Vakhitov R.R. Impact of the private commercial sector on the development of USA cyber technologies. Historical Bulletin. 2024. 7 (1). P. 183 – 191.

The article was submitted: September 23, 2023; *Approved after reviewing:* November 25, 2023; *Accepted for publication:* January 15, 2024.

Введение

На современном этапе тема кибертехнологий остается одной из дискуссионных, а вопросы становления и развития данной области связываются со сложными политическими, экономическими, социальными и порой военными процессами. Несмотря на общую сложность и актуальность представленного вопроса, само понятие кибертехнологий остается малоизученным и в большей степени неопределенным, поскольку отсутствуют единые точки зрения исследователей на понимание сущности данного явления. В большинстве своем под термином «кибертехнологии» понимается продукт деятельности в области технической кибернетики, науки о создании систем управления, ориентированных на работу с информацией. Все технологии, разработанные с упором на кибернетические системы нацелены на передачу, хранение, переработку и модификацию информации с ориентацией на определенные заданные цели и их реализацию.

Важно подчеркнуть, что развитие кибертехнологий происходит параллельно становлению цифровой экономики, которая формирует новые вызовы для развития компаний и внедрения технологических решений в их деятельность; с этой позиции, кибернетические технологии представляются в лице тех цифровых инструментов и средств, которые базируются на операциях с информацией: интернет вещей, системы распознавания, искусственный интеллект и многие другие. Здесь стоит подчеркнуть, что одним из наиболее проработанных и ключевых с точки зрения общей значимости вопросов в области современных кибернетических технологий становится кибербезопасность.

Постановка проблемы. Актуальные научные исследования не позволяют установить наличие единой точки зрения отечественных авторов к раскрытию вопросов развития кибертехнологий и их распространения, определения теоретической сущности данного понятия, что становится одной из наиболее значимых проблем современной исследовательской практики. В этом контексте важно уточнить, что кибернетика взаимодействует с широким перечнем наук и научных дисциплин, может рассматриваться с позиции вопросов, не связанных с кибертехнологиями; это дополни-

тельно усложняет рассмотрение влияния и технико-технологического развития кибернетических технологий в условиях интенсивного научно-технического прогресса.

Актуальность рассмотрения развития кибертехнологий в США под началом частного сектора диктуется тем, что именно американская экономика занимает лидирующие позиции в определенных направлениях развития кибертехнологий, например, в области вышеупомянутой кибербезопасности. По данным издательства Crunchbase, только за 2021 год частные инвестиции США в кибертехнологии информационной безопасности составили более 21 млрд. долл. США, что делает её лидером общемировой статистики; динамика показывает, что за последние 10 лет суммарный объем инвестиций увеличился более чем на 900% [6]. Причем инвестиционная активность в данной отрасли характерна в той или иной степени для всех секторов экономики, в зависимости от уровня общей технологизации деятельности конкретной компании. Такое стечение обстоятельств в большей мере является закономерным, поскольку определяет реагирование частных структур на вопросы киберуязвимости, влияния киберугроз, а также повышения частотности наносимых атак с применением кибернетических технологий и систем. Так, согласно данным доклада «Global Risks Report 2020», риски кибератак являются вторыми по своей значимости проблемными элементами функционирования коммерческих компаний всего мира [15].

Анализ публикаций. Перед рассмотрением и раскрытием различных точек зрения отечественных и зарубежных исследователей в области кибертехнологий необходимо произвести контент-анализ публикаций.

Как показал проведенный анализ на базе elibrary.ru, вопросам развития кибертехнологий за период с 1990-2021 гг. посвящено более 500 публикаций в журналах (с упоминанием ключевого слова «кибертехнологии»), индексируемых в базах данных ВАК и РИНЦ, а динамика распределения исследований с упоминанием понятий «кибертехнологии», «кибернетические технологии», «CyberTech» и «Cyber Technologies» представлена на рис. 1, 2:

Рис. 1. Динамика научных публикаций в журналах ВАК и РИНЦ с упоминанием представленной тематики.
Fig. 1. Dynamics of scientific publications in journals of the Higher Attestation Commission and RSCI with reference to the presented topics.

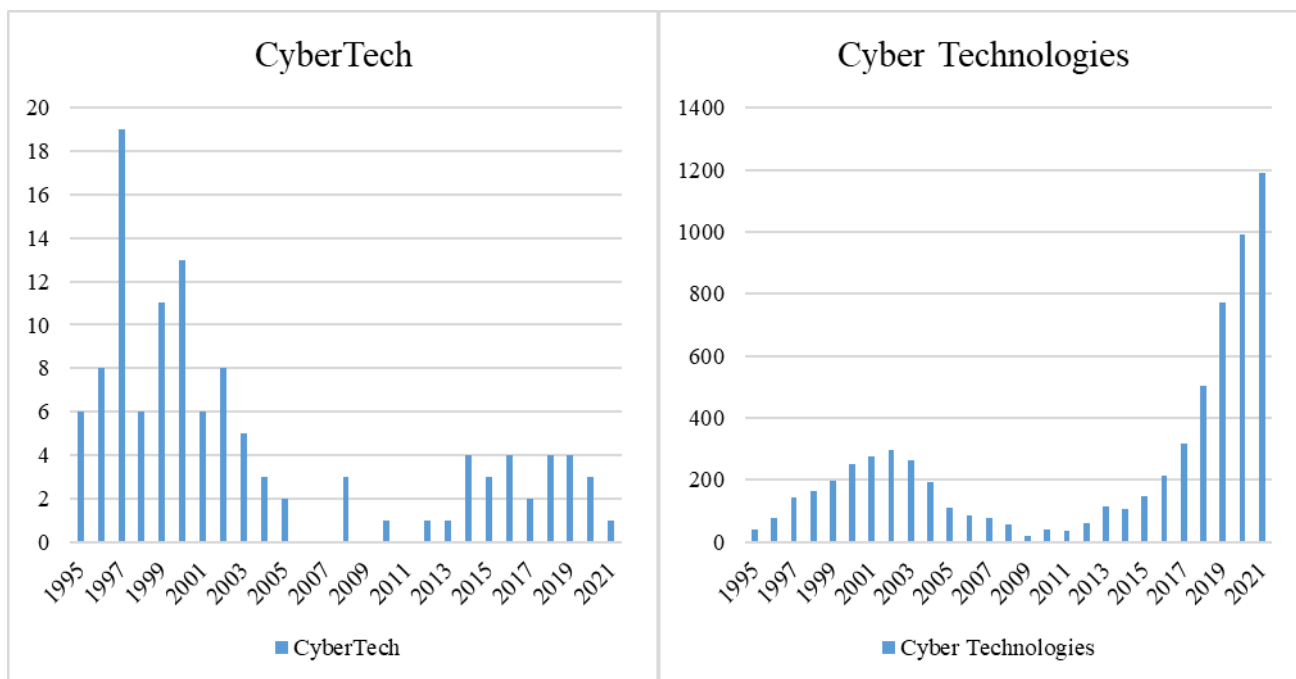

Рис. 2. Динамика научных публикаций в журналах ВАК и РИНЦ с упоминанием представленной тематики.
Fig. 2. Dynamics of scientific publications in the journals of the Higher Attestation Commission and RSCI with mention of the presented topics.

Обращаясь к рис. 1 и рис. 2 можно заметить, что в отечественной науке преобладающее число публикаций в области кибернетики приходится на период после 2012 года, а максимальную актуальность развитие данной тематики находит в 2021 году. Причем доля исследований с упоминанием словосочетания «кибертехнологии» или «киберне-

тические технологии» значительно уступает доли исследований с его англоязычным эквивалентом «Cyber Technologies» [7].

Анализ ряда исследований последних лет показывает, что наибольшую актуальность приобретает рассмотрение кибертехнологии с позиции законодательства, безопасности личности, общества,

разрешения этических вопросов и многих других (Е.В. Грибанов, Д.В. Пучков, О.И. Семькина, и др.) [3, 8, 9]. При этом, вопросам развития кибертехнологий посвящено достаточно малое количество работ; среди отечественных исследований отсутствуют работы, посвященные оценкам влияния частного коммерческого сектора на развитие кибертехнологий США. Причем если кибертехнологии США и рассматриваются исследователями, то в большинстве случаев речь идет об внедрении военных технологий, кибероружия и военных инновациях [2].

Таким образом, все это подчеркивает особую значимость и актуальность проведения исследований в области развития кибертехнологий и определения ключевых тенденций изменения состояния данного направления.

Материалы и методы исследований

Исследование базируется на открытой статистической и научной информации, а также данных средств массовой информации. Основными методами в проведении исследования стали: теоретический анализ и синтез, сравнение, обобщение, абстрагирование, сопоставление, контент-анализ.

Цель исследования – проанализировать вопросы влияния частного коммерческого сектора на развитие кибертехнологий США и выявить характерные тенденции течения данных процессов.

Результаты и обсуждения

Кибертехнологии, согласно данным журнала «International Journal of Advancements in Technology», представляют особую отрасль современных технологий, связанных с разработкой искусственных машинных систем или устройств, которые могут быть интегрированы в функционирование организмов или других структур [10]. С позиции деятельности частных коммерческих структур, кибертехнологии в большинстве своем рассматриваются как элемент, формирующий риски кибербезопасности, связанные с нарушением функционирования вследствие утечки конфиденциальной информации, представляющей особую ценность в структуре деятельности субъекта предпринимательства. Зачастую, кибертехнологии отождествляются с информационной безопасно-

стью на уровне внешних воздействий на коммерческие компании – в соответствии с этим, рассматривать развитие кибертехнологий в США необходимо с учетом данной тенденции.

Частный коммерческий сектор, чья деятельность направлена на развитие кибертехнологий, может быть представлен в виде двух направлений:

- коммерческие компании, для которых кибертехнологии не являются основой деятельности, что предполагает осуществление разработки внутренних кибертехнологических решений, формирование систем кибербезопасности, инвестирование в искусственный интеллект и прочие формы кибернетических систем управления информацией. В число таких компаний входят: банковские организации, страховые компании, инвестиционные фонды, компании сферы недвижимости, производственные предприятия и многие другие. Причем характер подобной инвестиционной активности, как показывают результаты исследования Хамида М.У. и его соавторов, не всегда оказывает позитивное воздействие на функционирование самой коммерческой структуры, что делает распространённую практику обращения к поставщику готовых услуг и кибертехнологий [12];

- коммерческие организации, преследующие своей целью разработку кибертехнологий, их продвижение и внедрение в деятельность других структур, предоставление услуг по обеспечению кибербезопасности и так далее. Сюда можно отнести частные компании в области военно-промышленного комплекса, организации в сфере информационной безопасности и реализации смежных услуг, а также структуры, осуществляющие обслуживание предприятий посредством разработки и внедрения кибертехнологий.

Важно отметить, что наибольший вклад в развитие кибертехнологии с позиции направления финансовых ресурсов осуществляют именно компании, предоставляющие услуги по обеспечению кибербезопасности и внедрению кибертехнологий в деятельность промышленных и иных предприятий, что обуславливается общей спецификой американской экономики – превалированием в структуре ВВП сектора услуг (рис. 3):

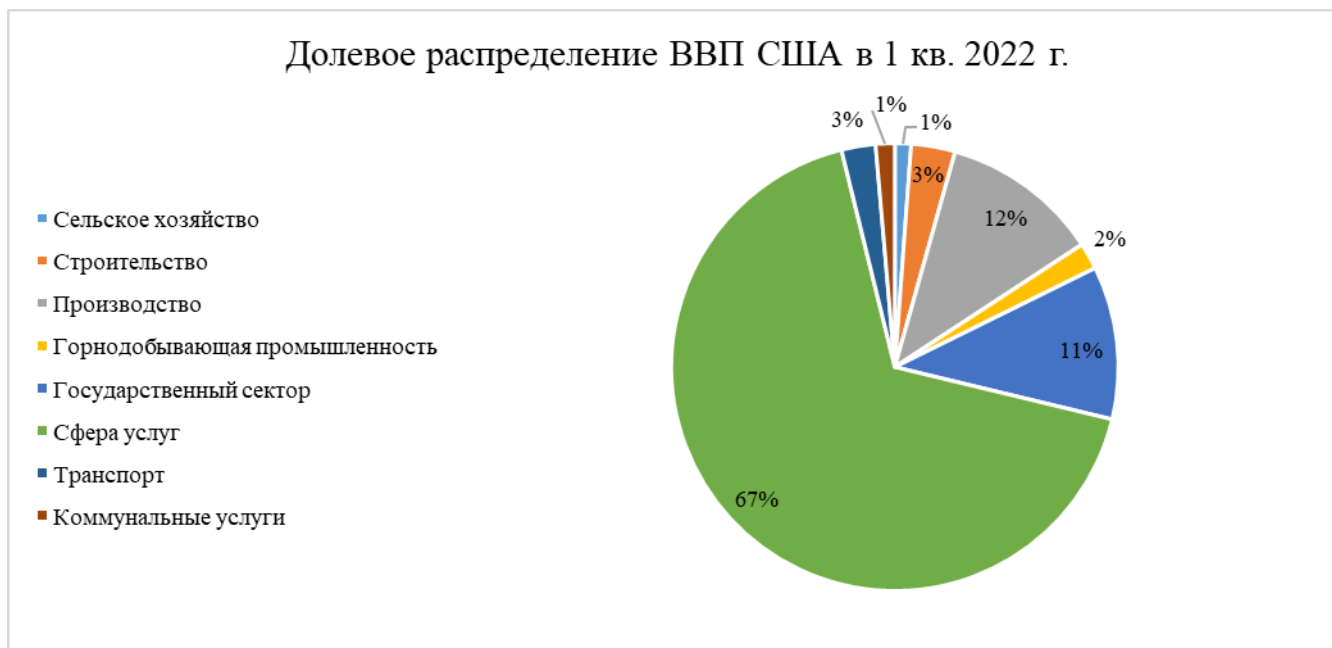

Рис. 3. Структура ВВП США по секторам по итогам 1 кв. 2022 г. [1].
Fig. 3. Структура ВВП США по секторам по итогам 1 кв. 2022 г. [1].

Обращаясь к рис. 3 необходимо подчеркнуть, что на сектор услуг в США приходится 67% от всего объема ВВП. Это отражает общее превалирование компаний сферы услуг в структуре эко-

номики США. Состав отраслей, ориентированных на возможную деятельность в сфере кибертехнологий представлен на рис. 4:

- Производство компьютерной и электронной продукции: NAICS 334**
 - Производство компьютерного и периферийного оборудования: NAICS 3341
 - Производство коммуникационного оборудования: NAICS 3342
 - Производство аудио- и видеоборудования: NAICS 3343
 - Производство полупроводников и других электронных компонентов: NAICS 3344
 - Производство навигационных, измерительных, электромедицинских и контрольно-измерительных приборов: NAICS 3345
- Информация: НАИКС 51**
 - Телекоммуникации: НАИКС 517
 - Обработка данных, хостинг и сопутствующие услуги: NAICS 518
 - Другие информационные услуги: НАИКС 519
- Telecommunications: NAICS 517**
 - Операторы проводной связи: NAICS 5171
 - Операторы беспроводной связи (кроме спутниковой): NAICS 5172
- Профессиональные, научные и технические услуги: НАИКС 54**
 - Проектирование компьютерных систем и сопутствующие услуги: NAICS 5415
- Обработка данных, хостинг и сопутствующие услуги: NAICS 518**
 - Обработка данных, хостинг и сопутствующие услуги: NAICS 5182.

Рис. 4. Отрасли, связанные с созданием кибертехнологий в США [13].

Fig. 4. Industries related to the creation of cyber technologies in the USA [13].

Представленный на рис. 4 детализированный список отраслей, связанных с созданием кибертехнологий в США, показывает, что в большинстве из них присутствует деятельность, связанная с оказанием всевозможных услуг по обслуживанию компьютерных систем, обработке данных,

поддержании сетей, хостингу, обеспечения коммуникации и так далее. Однако подобная классификация не позволяет определить характер и степень влияния отдельных отраслей и компаний на общие темпы развития кибертехнологий США.

В соответствие с этим, частные компании в области разработки кибертехнологий в США по мнению Захари Л. целесообразно разделять на следующие категории:

- лидер (IBM, Microsoft, Checkpoint). Становится разработчиком, осуществляющим воссоздание кибертехнологических решений по заданной проблеме (с целью её разрешения);

- восходящая звезда (развивающийся малый и средний бизнес). Ориентируется на лоббирование отдельных технологий и их внедрение во все большее число структур;

- стартап. Предлагает инновационный продукт, зачастую ориентированный на будущие «тренды» развития кибертехнологий [11].

При этом всем, как замечает автор, успешное развитие кибертехнологий связано с активным вовлечением в данную деятельность военных организаций и структур, в том числе и компаний, занимающихся разработкой военного оборудования и аппаратуры; отчасти сюда может относиться и космическая промышленность, входящие в неё частные игроки.

Эксперт отмечает, что бывшие военные достаточно часто обращаются в частный сектор с целью кооперации и интеграции, дабы избежать угроз «крупномасштабного промышленного шпионажа и нападения на критически важную инфраструктуру». Используя опытные образцы и военные разработки, коммерческий сектор США под руководством лучших разработчиков из ведущих частных компаний осуществляет машинное обучение, преследующее за собой обеспечение конфиденциальности и защиту данных, собираемых из всевозможных источников, их классификацию, корреляцию, каталогизацию, идентификацию и сущностное отражение в профиле с последующей аналитикой [11].

Состав кибертехнологий, задействующихся и активно развивающихся в частном коммерческом секторе США имеет следующий вид:

1. Системы киберпроектирования (прогнозные и воспроизводящие кибертехнологии).

- виртуальная и дополненная реальность;
- интерактивный и смарт-дизайн;
- внедрение инноваций в искусственный интеллект;

- синхронизация данных и облачные системы;
- системы поддержки и принятия решений.

2. Системы киберпроизводства (производственные кибертехнологии).

- системы беспроводного соединения;
- IoT датчики и системы машинного зрения;
- всевозможные сенсорные системы и RFID технологии, ориентированные на сбор информации, её обработку в реальном времени с последующей координацией и изменением действия механизмов;

- системы умного производства;
- системы дистанционного управления оборудованием, в том числе манипуляторные системы.

3. Системы киберобслуживания (обслуживание действия кибертехнологий, а также элементы обеспечения безопасности – защита от киберугроз).

- технологии мониторинга состояния систем;
- технологии целостности и непротиворечивости собираемой информации;
- технологии синхронизации информации [5].

Важно отметить, что сегодня, в период активной научно-кибернетической революции самоуправляющихся систем, теория и практика массового внедрения кибертехнологий малоразвита, что объясняется общей неразработанностью модернизационно-инновационных комплексов и сложности отнесения деятельности компании к разработке кибертехнологий (поскольку подобные классификационные основания отсутствуют на уровне открытых статистических данных). Однако несмотря на это, как отмечают Л.Е. Гринин и А.Л. Гринин, активная инновационная фаза развития кибертехнологий придется на 2030-2040-ые годы, а к 2060-2070-ым годам будут сформированы управляющие системы [4]. Учитывая данный факт, сегодня особое значение среди коммерческих структур развития кибертехнологий приобретают стартапы, направленные на обеспечение разработки отдельных элементов подобных систем или ориентированные на поддержание их состояния, внешнее обслуживание.

Активно развивающимися среди стартап-компаний последних лет становятся следующие коммерческие структуры рынка кибербезопасности США (табл. 1):

Таблица 1

Стартап-компании лидеры в направлении кибербезопасности [14].

Table 1

Startup companies are leaders in the field of cybersecurity [14].

Наименование компании	Капитализация	Направления развития кибертехнологий
CrowdStrike Holdings	43 млрд. долл. США	Дистанционные автоматические системы обеспечения безопасности устройств: ноутбуков, ПК и серверов, а также любых других устройств, подключенных к сети Интернет
Zscaler	24 млрд. долл. США	Программное обеспечение для защиты облачных систем и вычислений, мониторинга
Okta	17 млрд. долл. США	Система нулевого доверия по управлению идентификации и доступа к информации
Sentinelone	7,2 млрд. долл. США	Автоматическая система отслеживания кибератак и вероятности киберугроз
Palo Alto Networks	51 млрд. долл. США	Брандмауэрная защита устройств
Fortinet	48 млрд. долл. США	Облачная интернет-безопасность
Splunk	16 млрд. долл. США	Аналитика данных с последующим отслеживанием утечек информации
Datadog	34 млрд. долл. США	Облачные платформенные технологии, ориентированные на мониторинг, сбор, хранение и получение информации, аналитику данных с использованием искусственного интеллекта
Akamai	15 млрд. долл. США	Система безопасной доставки конфиденциальной информации, защита от программ-вымогателей

Табл. 1 показывает, что сегодня в большей части компаний США в области кибертехнологий вектор деятельности складывается в направлении развития дистанционных автоматизированных систем обслуживания, ведения деятельности, аналитики и мониторинга информации, работы с данными. Принимая это во внимание, компании фактически фокусируются на создании и продвижении собственных продуктов, связанных с возможностью дальнейшего построения и задействования на их архитектуре кибертехнологий.

Выводы

Таким образом, результаты проведенного анализа влияния частного коммерческого сектора на развитие кибертехнологий США позволяют выявить ряд характерных тенденций, свойственных частным структурам:

1. Ведущую роль в развитии кибертехнологий среди всех коммерческих компаний приобретают стартапы, поскольку они являются источником высокого инновационного потенциала.

2. Устоявшиеся игроки частного коммерческого сектора могут стать ключевым центром раз-

решения глобальных и сложных проблем – на них возлагаются функции интеграции и обеспечения долгосрочного вектора развития кибертехнологий США.

3. В деятельности по развитию кибертехнологий участвуют не только специализирующиеся на данном направлении субъекты предпринимательства, но и входящие в другие компании структуры, осуществляющие внутреннюю разработку и внедрение кибертехнологий. Тем не менее, все чаще частные компании обращаются к услугам других организаций, например, в области обеспечения кибербезопасности.

Перспективы дальнейших исследований в области проблематики исследования связаны с уточнением и детализацией представленных групп коммерческих отраслей и входящих в них структур с целью выявления ключевых игроков коммерческого сектора, определяющих вектор современного развития кибертехнологий в США, с последующим анализом их инвестиционной и научно-инновационной, технологической деятельности.

Список источников

1. ВВП США: объем, темпы роста, на душу населения, структура [Электронный ресурс]. URL: <https://take-profit.org/statistics/gdp/united-states/> (дата обращения: 19.09.2022)
2. Военные инновации. Оборонные технологии США [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/186244-voennye-innovacii-oboronnye-innovacii-ssha.html> (дата обращения: 20.09.2022)
3. Грибанов Е.В. Перспективные направления развития кибертехнологий предупреждения преступлений // Общество и право. 2021. № 4 (78). С. 21 – 27.
4. Гринин Л.Е., Гринин А.Л. Кибернетическая революция и шестой технологический уклад // Историческая психология и социология истории. 2015. № 1. С. 172 – 197.
5. Жаринов И.О. Оценка влияния кибертехнологий на распределение добавленной стоимости продукции в бизнес-системе индустрии 4.0 // Петербургский экономический журнал. 2021. № 4. С. 55 – 61.
6. Необратимый тектонический сдвиг: где оседают инвестиции в кибербезопасность [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/453055-neobratimyj-tektoniceskij-sdvig-gde-osedaut-investicii-v-kiberbezopasnost> (дата обращения: 18.09.2022)
7. По данным поискового анализа с использованием научной электронной библиотеки elibrary.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/defaultx.asp> (дата обращения: 20.09.2022)
8. Пучков Д.В. К вопросу взаимосвязи кибернетических технологий и уголовного права // Социально-политические науки. 2017. № 6. С. 130 – 135.
9. Семькина О.И. Противодействие киберпреступности за рубежом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 6 (61). С. 104 – 113.
10. Cyber Technologies [Электронный ресурс]. URL: <https://www.longdom.org/scholarly/cyber-technologies-journals-articles-ppts-list-369.html> (дата обращения: 18.09.2022)
11. Cybertech 2020: how to stay innovative in cyber? [Электронный ресурс]. URL: <https://keyrus.com/sea/en/insights/cybertech-2020-how-to-stay-innovative-in-cyber> (дата обращения: 19.09.2022)
12. Hamid M.D., Mollah S., Hakim B. Does CyberTech Spending Matter for Bank Stability? // International Review of Financial Analysis Forthcoming. 2020. DOI:10.2139/ssrn.3688512
13. Industries in Alphabetical Order [Электронный ресурс]. URL: https://www.bls.gov/iag/tgs/iag_index_alpha.htm (дата обращения: 19.09.2022)
14. Investing in Cybersecurity Stocks [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fool.com/investing/stock-market/market-sectors/information-technology/cybersecurity-stocks/> (дата обращения: 19.09.2022)
15. The Global Risks Report 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2020> (дата обращения: 18.09.2022)

References

1. US GDP: volume, growth rate, per capita, structure [Electronic resource]. URL: <https://take-profit.org/statistics/gdp/united-states/> (access date: 09.19.2022)
2. Military innovations. US Defense Technologies [Electronic resource]. URL: <https://topwar.ru/186244-voennye-innovacii-oboronnye-innovacii-ssha.html> (access date: 09/20/2022)
3. Griбанov E.V. Promising directions for the development of cyber technologies for crime prevention. Society and Law. 2021. No. 4 (78). P. 21 – 27.
4. Grinin L.E., Grinin A.L. Cybernetic revolution and the sixth technological structure. Historical psychology and sociology of history. 2015. No. 1. P. 172 – 197.
5. Zharinov I.O. Assessing the impact of cyber technologies on the distribution of added value of products in the business system of industry 4.0 // Petersburg Economic Journal. 2021. No. 4. P. 55 – 61.
6. Irreversible tectonic shift: where investments in cybersecurity settle [Electronic resource]. URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/453055-neobratimyj-tektoniceskij-sdvig-gde-osedaut-investicii-v-kiberbezopasnost> (date of access: 09/18/2022)
7. According to search analysis using the scientific electronic library elibrary.ru [Electronic resource]. URL: <https://www.elibrary.ru/defaultx.asp> (access date: 09.20.2022)
8. Puchkov D.V. On the issue of the relationship between cybernetic technologies and criminal law. Socio-political sciences. 2017. No. 6. P. 130 – 135.
9. Semykina O.I. Combating cybercrime abroad. Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2016. No. 6 (61). P. 104 – 113.
10. Cyber Technologies [Electronic resource]. URL: <https://www.longdom.org/scholarly/cyber-technologies-journals-articles-ppts-list-369.html> (access date: 09/18/2022)

11. Cybertech 2020: how to stay innovative in cyber? [Electronic resource]. URL: <https://keyrus.com/sea/en/insights/cybertech-2020-how-to-stay-innovative-in-cyber> (access date: 09/19/2022)
12. Hamid M.D., Mollah S., Hakim B. Does CyberTech Spending Matter for Bank Stability? International Review of Financial Analysis Forthcoming. 2020. DOI:10.2139/ssrn.3688512
13. Industries in Alphabetical Order [Electronic resource]. URL: https://www.bls.gov/iag/tgs/iag_index_alpha.htm (access date: 09/19/2022)
14. Investing in Cybersecurity Stocks [Electronic resource]. URL: <https://www.fool.com/investing/stock-market/market-sectors/information-technology/cybersecurity-stocks/> (access date: 09/19/2022)
15. The Global Risks Report 2020 [Electronic resource]. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2020> (access date: 09/18/2022)

Информация об авторе

Вахитов Р.Р., аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, r.vakhitow@mail.ru

© Вахитов Р.Р., 2024

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<http://hb-journal.ru>

2024, Том 7, № 1 / 2024, Vol. 7, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)

УДК 930:613.95(470.23-25) "18/19"

Историография детской санитарии в г. Санкт-Петербурге во второй половине XIX – начале XX вв.

¹ Гетьман Д.И.,

¹ Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Аннотация: в статье рассматриваются ключевые периоды отечественной историографии истории изучения детской санитарии в Санкт-Петербурге во второй половине XIX – начале XX вв. Автором прослежены основные тенденции в исследовании данной темы на соответствующих исторических этапах – дореволюционном, советском и постсоветском (современном). Помимо этого, дана характеристика периодам развития, особенности и специфика научных работ, а также выделены тенденции свойственные исследованию санитарного дела. В дореволюционной историографии изучались условия и факторы становления и развития санитарии. Выделялись причины рассмотрения детской санитарии как отдельной системы. Внимание уделялось обстановке, которая окружала ребенка как дома, так и в стенах школы. Обращалось внимание на физическое здоровье ученика, на организацию и проведение различных здоровьесберегающих мероприятий. Советская историческая наука уделяла внимание социально-классовым аспектам, поэтому в исследованиях большое внимание уделялось семьям рабочего населения. Помимо этого, исследователей интересует развитие школьной гигиены. В советской историографии историки стремятся к многофакторному анализу развития детской санитарии Санкт-Петербурга второй половины XIX – начала XX вв. В результате проведенного исследования автором выделены и охарактеризованы основные труды по изучаемой теме. В статье рассмотрены главные причины неудовлетворительной ситуации в столице в изучаемый период. В заключении исследователем был сделан вывод, что история детской санитарии Санкт-Петербурга второй половины XIX – начала XX вв. недостаточно изучена и нуждается в разработанности многих исторических аспектов, связанных с исследованием детской санитарии.

Ключевые слова: историография, санитария; гигиена; дети; Санкт-Петербург; историография; питание; доходные дома

Для цитирования: Гетьман Д.И. Историография детской санитарии в г. Санкт-Петербурге во второй половине XIX – начале XX вв. // Исторический бюллетень. 2024. Том 7. № 1. С. 192 – 202.

Поступила в редакцию: 23 сентября 2023 г.; *Одобрена после рецензирования:* 23 ноября 2023 г.; *Принята к публикации:* 15 января 2024 г.

Historiography of children`s sanitation in St. Petersburg in the second half of the XIX – early XX centuries

¹ Getman D.I.,

¹ Pushkin Leningrad State University

Abstract: the article considers the key periods of the national historiography of the history of the study of children's sanitation in St. Petersburg in the second half of the XIX – early XX centuries. The author traces the main trends in the study of this topic at the corresponding historical stages – pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet (modern). Besides, the characteristic of periods of development, peculiarities and specificity of scientific works is

given, as well as the tendencies peculiar to the study of sanitary business are singled out. In pre-revolutionary historiography, the conditions and factors of the formation and development of sanitation were studied. The reasons for considering child sanitation as a separate system were highlighted. Attention was paid to the environment that surrounded the child both at home and in the walls of the school. Attention was paid to the physical health of the pupil, the organization and implementation of various health saving measures. Soviet historical science paid attention to the socio-class aspects, so the studies paid much attention to the families of the working population. In addition, researchers are interested in the development of school hygiene. In the Soviet historiography, historians sought a multifactorial analysis of the development of children's sanitation in St. Petersburg in the second half of the 19th - early 20th centuries. The author highlights and characterizes the main works on the topic under study. The main reasons for the unsatisfactory situation in the capital during the period under study are considered in the article. In the conclusion the researcher concludes that the history of children's sanitation in St. Petersburg in the second half of the XIX – early XX centuries is not sufficiently studied and needs to develop many historical aspects related to the study of children's sanitation.

Keywords: historiography, sanitation; hygiene; children; St. Petersburg; historiography; food; income houses

For citation: *Getman D.I. Historiography of children`s sanitation in St. Petersburg in the second half of the XIX – early XX centuries. Historical Bulletin. 2024. 7 (1). P. 192 – 202.*

The article was submitted: September 23, 2023; Approved after reviewing: November 23, 2023; Accepted for publication: January 15, 2024.

Введение

Исследованию санитарии посвящено достаточно большое количество трудов в мире, однако изучение детской санитарии в России стало актуальным относительно недавно. Прежде чем исследовать вопрос детской санитарии, необходимо рассмотреть общее санитарное положение Санкт-Петербурга. Считаю необходимым провести историографический обзор научных работ, посвященных изучению детской санитарии в столице во второй половине XIX – начале XX вв.

Само понятие «санитария» включает в себя комплекс мероприятий и мер, обеспечивающих охрану здоровья людей и профилактику разного рода заболеваний.

Стоит отметить, что хронологические рамки выбраны не случайно, поскольку в обозначенный период происходил стремительный рост города и увеличение численности населения, что порождало массу проблем в санитарном отношении. Уплотнение городской застройки, заселение окраин города бедным рабочим населением, активный приток кадров разных профессий и специальностей, низкий уровень благосостояния большинства горожан приводили к ухудшению санитарного состояния столицы и быстрому распространению инфекционных заболеваний, что крайне отрицательно сказывалось на здоровье и численном составе детского населения.

Материалы и методы исследований

Методология исследования включает в себя совокупность подходов, используемых для изучения социальной истории. При рассмотрении истории детской санитарии в Санкт-Петербурге во второй

половине XIX – начале XX вв. необходим анализ исторических источников, что требует обращения к принципу исторического объективизма. При написании исследования использовался принцип научной объективности, который позволяет критически и всесторонне рассмотреть деятельность государственных органов и общественных деятелей на проблему детской санитарии.

Исходя из выше сказанного при написании данной работы была поставлена цель: изучить периоды развития отечественной историографии истории детской санитарии в Санкт-Петербурге во второй половине XIX – начале XX вв., а также стояла задача рассмотреть основные изменения, обусловившие степень научной разработки конкретной проблематики российскими учеными в советский и современный периоды.

Результаты и обсуждения

Отечественную историографию, посвященную санитарии детства Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX вв., можно разделить на три периода: дореволюционный (до 1917 г.), советский (с 1917 до конца 1980-х гг.) и постсоветский, или современный (с начала 1990-х гг. до настоящего времени).

Труды авторов дореволюционного периода многообразны, но практически все сводились к описанию антисанитарной обстановки города и отдельных ее составляющих, а также констатации халатного отношения населения к соблюдению элементарных санитарных требований. Нередко ученые врачи критиковали правительство за медлительность в принятии решений в крайне важных вопросах. Особенностью дореволюционного пе-

риода является тот факт, что большинство трудов написаны врачами-гигиенистами и публицистами.

В 1870-х гг. одним из первых авторов, кто начал разбираться в причинах смертности населения был Ю.Ю. Гюбнер [20]. В работах большое значение имеют статистические сведения, которые помогают представить сложившуюся обстановку в городе, и некоторые положения, выдвинутые автором с целью улучшения ситуации в Санкт-Петербурге в исследуемый период.

Активное изучение санитарного состояния города, а в особенности детской санитарии началось с конца 1880-х – начала 1910-х гг. Общую картину санитарного состояния города можно проанализировать в трудах Л.Б. Бертенсона [5], А.Н. Оппенгейма [43], В.П. Кашкадамова [33]. По мнению многих исследователей главными причинами неудовлетворительного санитарного состояния столицы являлись отсутствие правильной системы водоснабжения и канализации, несвоевременное очищение выгребных ям, неудовлетворительные жилищные условия, все это приводило к активному распространению инфекционных заболеваний, а также: недостаток квалифицированных специалистов и нехватка денежных средств тормозили развитие санитарного дела в Российской империи [33, с. 72].

Вопросы предупредительной медицины и школьной гигиены начинают свое развитие с середины XIX в. В трудах терапевтов: Г.А. Захарьина [25] и С.П. Боткина, а также педиатра С.Ф. Хотовицкого.

Вопрос детской гигиены был поставлен С.Ф. Хотовицким. В своем труде «Педиятрика» автор обращал внимание на то, что ребенок отличается от взрослого, поэтому необходимо в вопросах гигиены исходить из физиологических особенностей детского организма [55, с. 326].

С конца 1880-х гг. выходили труды, посвященные вопросам школьной гигиены и физическому здоровью учащихся. Причиной тому послужило несколько моментов: во-первых, высокая детская смертность в Российской империи. В 1886 г. смертность детей до 5 летнего возраста приходилась 59% от общей смертности, а в отдельных губерниях доходила до 79%, т.е. была очень высокой [56, с. 127]. Во-вторых, гигиена тесно переплеталась с развитием медицинских дисциплин, педагогических и технических наук, поэтому было важно обратить пристальное внимание на ее изучение. Правительством ставилась задача о сохранении и укреплении детского здоровья. В-третьих, гигиенистами был сделан вывод, что санитарная обстановка в учебном заведении напрямую влияет на

физическое и умственное здоровье учеников, даже в некоторой степени больше, чем жилищная.

Выделяются работы известных педиатров, которые важнейшее значение уделяли профилактическим мероприятиям. Н.А. Тольский, Н.П. Гундобин, А.А. Кисель.

Н.А. Тольский в своем труде «О влиянии школы на здоровье ее воспитанников» (1891 г.) показал все свои наблюдения за учениками, обнаружил среди учеников физические недомогания, нервные расстройства, искривления осанки и близорукость у большинства детей. Исследователь также был склонен полагать, что, зная условия, в которых проживает ребенок, можно вскрыть причины и характер болезни на ранних стадиях ее проявления [52, с. 26].

Большой вклад представляют исследования врачей-гигиенистов А.П. Доброславина [22], Ф.Ф. Эрисмана [56], Д.Д. Бекарюкова [4], А.В. Молькова [41]. и др. В материалах представлены основные гигиенические требования и положения к выбору правильного школьного участка и здания. Активно изучались: проблема загрязнения воздуха, правильное питание, а также решались вопросы по благоустройству и озеленению города.

Ф.Ф. Эрисман активно изучал проблему детской близорукости. Исследуя основные причины, ученый разработал мероприятия по предупреждению близорукости.

Немаловажна деятельность земского санитарного врача Золотавина Н.А. [26], который пытался распространить врачебно-санитарные истины среди народа через земских врачей.

Необходимо отметить деятельность врача-гигиениста А.С. Вирениуса. В своем исследовании «Санитарный отчет по шестнадцати учебным заведениям С.-Петербургского учебного округа» [19] дается подробная оценка ситуации, сложившейся в средних учебных заведениях, автор указывает какие недостатки были и какие требования, предъявлялись к средним учебным заведениям.

Автором, также написан ряд работ: «Организация санитарной части в учебных заведениях» [17], «Заразные болезни в учебных заведениях. Причины появления и распространения заразных болезней в учебных заведениях» [16] и «Основные положения школьной гигиены» [18]. В приведенных материалах отображены основные проблемы санитарной обстановки в школах, а также пути и способы их разрешения. Гигиенист обращает внимание на высокую загруженность учеников и предлагает включение разного рода физических упражнений в учебный процесс. Врач приводит ключевые положения гигиены и описывает, с ка-

кими болезнями сталкивались петербургские дети в конце XIX в.

В развитии детской санитарии оставила свой вклад Заволжская Ю.И. В ее монографии «Школьная гигиена» [23] подробно рассматривается вопрос школьного помещения и классовых комнат, автор определяет основные требования, необходимые для поддержания здоровья учеников. В исследовании отдельно посвящена глава детским заболеваниям, а также даются наставления по надзору за учебными заведениями в санитарном отношении.

Вклад врачей-гигиенистов в развитие санитарного дела был огромным. С их помощью происходило формирование гигиены как экспериментальной науки с дальнейшим преподаванием для врачей. В школах все большее внимание уделялось гигиене и внешнему виду учеников. Многие крупные ученые: П.Ф. Лесгафт, Н.В. Склифосовский, Н.П. Гундобин и др. придерживались мнения, что будущее стоит за предохранительной медициной.

Физическому воспитанию посвящены труды Ф.Ф. Клевезаля [35], П.Ф. Лесгафта [38], А.Д. Бутовского [6]. Авторы обращали внимание на то, что ведущей задачей школы является развитие ребенка как личности, а физические упражнения выступали как средство интеллектуального, эстетического, нравственного и физического развития ученика.

Известный ученый-гигиенист В.Е. Игнатьев [30] посвятил свои исследования области школьной гигиены, влиянию на ребенка питания, физических упражнений, свежего воздуха, солнечного света и классовых помещений.

В первой половине XX в. стоит выделить исследования женщины-врача М.И. Покровской [46]. Врач описывает условия, в которых жило рабочее население города. Покровской делается попытка воздействовать на читателей. Автор пишет о важности и пользе санитарных мер в жизни людей. В работах отражается взгляд и мнение женщины-публициста на проблему детской санитарии, чего не предпринималось еще в историографии дореволюционного периода.

Стоит отметить деятельность педагога Г.Г. Зоргенфрея и его труд «Вопросы современной школы» [28]. Автор обращает свое внимание на непроработанность в вопросе преподавания некоторых школьных предметов. Так, по мнению автора необходимо заменить гимнастику: «нынешняя бессмысленная шагистика должна быть заменена полезной работой на машинах и свободными детскими играми». Подмечалась важность ручного труда и необходимость каждой школы иметь собственную библиотеку. Уделил внимание педагог и

вопросу домашней работы. Педагог считал, что прежде чем нагружать ребенка домашним заданием, школьные врачи должны были провести осмотр и выявить какие физические недостатки есть у детей. Только в таком случае можно было сохранить здоровье учеников и получить от них качественные домашние работы [28, с.6].

Таким образом, в дореволюционный период можно отметить значительное количество работ, посвященных определенным аспектам санитарии и гигиене детства.

В советской исторической науке в основном темы были узко направленными и касались развития школьной гигиены или обстановки жилищных условий рабочего населения столицы. В советский период в целом наблюдается негативная оценка деятельности органов местного самоуправления. Обвиняется власть в бездействии решения вопроса санитарного благоустройства города.

Для развития общественной гигиены важную роль представляют труды: ученого-гигиениста Г.В. Хлопина и врача и основоположника социальной гигиены Н.А. Семашко. Авторы исследуют влияние окружающей санитарной обстановки на жизнедеятельность населения [53]. Помимо этого, Г.В. Хлопиным проводилась работа в области гигиены воды и водоснабжения, что имеет немаловажное значение для изучения санитарии.

Начиная с 1950-х гг. появляются труды ученого-гигиениста В.Н. Кардашенко [32], посвященные вопросам развития детской гигиены. Благодаря наблюдениям за здоровьем детского населения в России, было выявлено, что на здоровье ребенка влияют не только санитарно-гигиенические условия, но и уровень зрелости организма ребенка.

В монографиях Ю.И. Кирьянова [34] и Э.Э. Крузе в авторы подробно описывают какие типы рабочих помещений существовали в дореволюционный период и какие санитарные требования предъявлялись российским законодательством. Исследования ученых имеют огромное значение для историографии санитарии, поскольку в работах уделяется внимание заработной плате, питанию и жилищно-бытовым условиям рабочего населения столицы, а также проводится сравнительный анализ с уровнем жизни других слоев населения Российской империи [34, с.194]. На основании данных трудов можно представить, в каких условиях проживали дети рабочих.

Работы В.А. Базанова [2, 3] посвящены общим вопросам санитарии и гигиены в Петербургской губернии в исследуемый период. Автор отмечает роль земских врачей в вопросе становления надлежащей и прочной санитарной организации [3, с. 71].

В 1970-е – 1880-е гг. в историографии советского периода можно выделить труды К.С. Петровского [45], М.В. Антроповой [1], А.Ф. Листова [39] и О.Я. Ильминской [31]. В материалах ученых затрагиваются темы развития гигиенической науки, ее различные аспекты от основ гигиены детей, до правильного питания учеников. Можно проследить как со временем изменялись нормы школьного питания, а также общее состояние гигиены в России.

Таким образом, в советской историографии заметен прогресс в области школьной гигиены. Уделяется внимание профилактике заразных заболеваний, формированию элементарных гигиенических навыков у детей и их физическому воспитанию. В работах исследователей не просто выявляются санитарно-эпидемические недостатки, а также показываются пути их устранения.

В современной историографии на данный момент не имеется масштабных исследований, посвященных детской санитарии Санкт-Петербурга второй половины XIX – начала XX вв. Однако стоит отметить, что довольно активно изучаются отдельные санитарные вопросы, а именно: жилищно-бытовые условия, школьная гигиена, питание и вопросы технического устройства водоснабжения и канализации столицы.

Исследование санитарной обстановки Санкт-Петербурга второй половины XIX – начала XX вв. в современный период стало активно изучаться с 2000-х гг.

В постсоветский период можно выделить труды, посвященные доходным домам и жилищно-бытовым условиям Санкт-Петербурга. Необходимо выделить кандидатскую диссертацию Е.Д. Юхнёвой «Жилище как элемент бытовой культуры городского населения: На материалах Петербурга конца XIX века» [57] в которой исследователь подробно характеризует типы жилищ столичного населения, о его назначении и использовании различными социальными группами. В монографии «Петербургские доходные дома» автор в мельчайших подробностях воссоздает картину быта «барских» квартир, пытаясь погрузить читателя в период XIX века [58]. Стоит отметить кандидатскую диссертацию Д.М. Демидович «Доходные дома Санкт-Петербурга как социальное явление (1870-е гг. – начало XX века)». В ней автор рассматривает доходный дом как социальное явление второй половины XIX в. Исследователя интересуют общественные структуры доходного дома, действие домовладельцев и жильцов с коммерческими и государственными структурами [21, с.17]. Изучение вопроса детской санитарии в Санкт-

Петербурге второй половины XIX – начала XX вв. не могло быть полным без этих трудов.

Вопросы оздоровительного отдыха учеников затрагивались в статьях Д.Ю. Листопадова [40], К.В. Ладченко [37], В.А. Веремченко [11], Д.И. Быковой [7]. В исследованиях рассматривается вопрос физического развития детей. Авторы изучают структуру летних колоний и школьных дач, существовавших во второй половине XIX в. в Российской империи и сравнивают с устройством таких мероприятий в европейских странах. В материалах обращается внимание на недостатки летней оздоровительной системы детских колоний, а именно: непроработанность с педагогической точки зрения, поскольку в распорядке дня оставалось много свободного времени, в которое можно было чем-то занять учеников. И оставался не решенным организационный вопрос. Многие летние дачи располагались в крестьянских избах, не имея собственного здания.

Большой вклад в развитие детской санитарии внесла В.А. Веремченко. В статьях «Трудовое воспитание в дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX – начале XX в.» [13], «Физическое воспитание в дворянско-интеллигентской среде России второй половины XIX – начала XX в.» [15] «В здоровом теле – здоровый ум»: физическое воспитание и спорт в столичной дворянско-интеллигентской среде России во второй половине XIX – начале XX в.» [8], автором проводится анализ практики введения трудового и физического воспитания дворянских детей, т.к. данные темы были актуальными и интересовали врачей-гигиенистов и педагогов второй половины XIX в. Однако, исследователь также указывает на тот момент, что несмотря на активные попытки приобщения дворянских детей к физическому труду, это не нашло большого распространения в повседневной жизни детей.

В монографии В.А. Веремченко и А.Е. Жуковой «Воспитательные практики в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX в.» [9] на основе широкого круга источников дается подробное описание влияния деятельности дошкольных учреждений, трудового и физического воспитания на развитие детей дворян. Выявлены основные недостатки и сложности в реализации всех идей, поскольку на деле нередко случались расхождения теории и практики. Не все рекомендации врачей могли быть применимы на практике.

Необходимо обратить внимание на статьи, упомянутого ранее автора «Гигиена школьника в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX вв.» [10] и «Профи-

лактика инфекционной заболеваемости в средних открытых учебных заведениях России в конце XIX – начале XX в.» [12] в материалах описываются санитарно-бытовые условия учебных заведений Санкт-Петербурга. Приводятся различные гигиенические требования, направленные на предотвращение распространения детской заболеваемости в учебных заведениях столицы.

Вопросам гигиены и уходу за телом посвящена статья «Туалет и ванна: гигиена тела в городских дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX – начале XX в.» [14].

Вопросам детства посвящены труды И.В. Синовой [50, 51]. В статье «Дети трудящегося населения в городском социуме во второй половине XIX – начале XX вв.» [50] исследователь отмечает, что на социализацию детей рабочего населения влияли социально-экономические условия жизни этой семьи. В связи с постоянной загруженностью родителей дети были предоставлены сами себе, что приводило к раннему развитию молодого населения.

В статьях С.В. Зайцевой [24], О.А. Семеновой [49] рассматриваются вопросы деятельности воспитательных домов и благотворительных учреждений, помогавших бедным семьям в уходе за грудными детьми, а также в внедрении гигиенических и медицинских знаний в среду малообеспеченных семей.

К изучению гигиены внешнего вида гимназистов обращались О.А. Хорошилова [54], Т. Пашкова [44], В.В. Пономарева [47]. В исследованиях подробно показаны изменения, которые претерпевала форма гимназистов: от ее отдельных составляющих, до цвета и фасона. В работах можно увидеть отношение врачей, педагогов и самих гимназистов на изменение формы учащихся.

Таким образом, в историографии современного периода наблюдается интерес к изучению санитарной обстановки Санкт-Петербурга второй половины XIX – начала XX вв. Большое количество работ посвящено повседневной жизни рабочего населения столицы, в особенности быту и жилищным условиям того времени. В исследованиях заметно отношение государства и общественности на проблему становления санитарии и гигиены. Авторы своей целью ставят не просто описать обстановку города, а дать оценку сложившейся ситуации, найти основные причины неудовлетворительных условий и сделать соответствующие выводы.

Выводы

Можно сказать, что история детской санитарии г. Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX вв. тесно переплеталась с общим санитарным состоянием города. В своем развитии дет-

ская санитария успела пройти несколько исторических этапов, и каждый из них нес в себе свои индивидуальные особенности. В дореволюционный период можно условно выделить три хронологических этапа. Первый период – 1860-е – 1870-е гг., характеризуется появлением статистических материалов, что позволяет наглядно представить себе всю проблему санитарной обстановки, сложившейся во второй половине XIX в. в Петербурге. Особенности второго периода 1880-е – 1890-е гг., является активное вовлечение врачей и гигиенистов к изучению санитарно-гигиенической обстановки столицы. Все большее внимание уделяется развитию и формированию подрастающего поколения, сохранению и укреплению его здоровья. В этот период врачами-гигиенистами развивалась пропаганда физического развития населения. Третий период конец 1890-х – начало XX в., характеризовался качественными изменениями в повседневной жизни населения. Появление элементарных санитарных мер, таких как водопровод и канализация в отдельных частях города успели положительно повлиять на повседневную жизнь населения. Исследователи все чаще обращали внимание на необходимость распространения этих систем на всю территорию Санкт-Петербурга.

В историографии советского периода изучение санитарного состояния столицы посвящено небольшое количество работ. Можно выделить период 1970-1980-х гг. В это время наблюдается изучение развития и становления гигиены. Есть ряд работ, посвященных рабочему населению столицы их повседневной жизни. В советской историографии исследовательские работы писались в рамках марксистского подхода с идеологической направленностью, что отразилось в материалах, посвященных санитарной обстановке Санкт-Петербурга второй половины XIX – начала XX вв.

Говоря о историографии постсоветского периода можно отметить особую активность в период начала 2000-х – 2010-х гг. Исследования отличаются своим разнообразием и многогранностью различных подходов к изучению санитарии.

В представленных материалах история развития детской санитарии в Санкт-Петербурге представлена фрагментарно. Пока что не имеется обобщающих работ, посвященных подробному исследованию санитарного состояния столицы. Не имеется крупных исследований, посвященных вопросам здравоохранения петербургского населения, не выявлена деятельность и роль самих учителей в вопросах изучения гигиены. Мало работ, посвященных питанию и санитарным нормам.

Список источников

1. Антропова М.В. История гигиены детей и подростков. Москва: Медицина, 1977. 335 с.
2. Базанов В.А. Гигиенисты Петербурга и земская медицина // Гигиена и санитария. 1973. № 6. С. 66 – 69.
3. Базанов В.А. Пионеры земской медицины в Петербургской губернии // Советское здравоохранение. 1973. № 1. С. 68 – 72.
4. Бекарюков Д.Д. Как достигается и поддерживается санитарное благоустройство школы. Москва: Гор. тип., 1912. 9 с.
5. Бертенсон Л.Б. К вопросу о жилищах рабочих. Санкт-Петербург: тип. Я. Трей, 1897. 3 с.
6. Бутовский А.Д. Вопросы школьной гигиены и физического воспитания на международных конгрессах в 1910 г. Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1911. 68 с.
7. Быкова Д.И. Создание и организация школьных дач для средних учебных заведений Петербурга во второй половине XIX – начале XX в. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России. Материалы XI Всероссийской научной конференции с международным участием. Ответственный редактор В.В. Карпова. 2020. С. 206 – 211.
8. Веремченко В.А. «В здоровом теле – здоровый ум»: физическое воспитание и спорт в столичной дворянско-интеллигентской среде России во второй половине XIX – начале XX в. // История повседневности. 2022. № 3 (23). С. 82 – 102.
9. Веремченко В.А., Жукова А.Е. Воспитательные практики в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX в. Санкт-Петербург: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. 232 с.
10. Веремченко В.А. Гигиена школьника в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX вв. // История повседневности. Санкт-Петербург: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. № 2 (4). С. 79 – 105.
11. Веремченко В.А. Летний организованный оздоровительный отдых городских школьников в России на рубеже XIX-XX вв. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Санкт-Петербург: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. С. 51 – 57.
12. Веремченко В.А. Профилактика инфекционной заболеваемости в средних открытых учебных заведениях России в конце XIX – начале XX в. // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: сб. материалы междунар. науч. конф.: в 2-х тт. Санкт-Петербург: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. Т. 2. С. 163 – 169.
13. Веремченко В.А. Трудовое воспитание в дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: сб. материалы междунар. науч. конф. Санкт-Петербург: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. С. 361 – 370.
14. Веремченко В.А. Туалет и ванна: гигиена тела в городских дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2022. № 7-2. С. 18 – 30.
15. Веремченко В.А. Физическое воспитание в дворянско-интеллигентской среде России второй половины XIX – начала XX в. // Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем. Материалы Десятой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 7-10 сентября 2017 г., Архангельск: В 3-х томах. Москва: ИЭА РАН, 2017. Т. 3. С. 208 – 212.
16. Вирениус А.С. Заразные болезни в учебных заведениях. Причины появления и распространения различных болезней в учебных заведениях. Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1890. 206 с.
17. Вирениус А.С. Организация санитарной части в учебных заведениях. Санкт-Петербург: тип. В.С. Балашева, 1886. 62 с.
18. Вирениус А.С. Основные положения школьной гигиены. Санкт-Петербург: С.-Петербург. синод. тип., 1897. 83 с.
19. Вирениус А.С. Санитарный отчет по шестнадцати учебным заведениям С.-Петербургского учебного округа. Санкт-Петербург: тип. В.С. Балашева, 1879. 98 с.
20. Гюбнер Ю.Ю. Статистические исследования санитарного состояния С.-Петербурга: 1870 год. Санкт-Петербург: печ. В.И. Головина, 1870. 101 с.
21. Демидович Д.М. Доходные дома Санкт-Петербурга как социальное явление (1870-е гг. – начало XX века): автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук. Санкт-Петербург, 2021. 34 с.

22. Доброславин А.П. Гигиена. Курс общественного здравоохранения. Ч. 1. Санкт-Петербург: Н.Н. Цылов, 1882. 548 с.
23. Заволжская Ю.И. Школьная гигиена. СПб.: Издание журнала «Современная Медицина и гигиена», 1898. 192 с.
24. Зайцева С.В. Санитарно-гигиенические условия жизни женщин и детей из малообеспеченных семей Санкт-Петербурга на основе патронажных листов «Капли молока» // Домашняя повседневность населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции. Том 2. Отв. редактор В.А. Веремченко. Санкт-Петербург, 2022. С. 52 – 56.
25. Захарьин Г.А. Здоровье и воспитание в городе и за городом. Москва: Имп. Моск. ун-т, 1873. 29 с.
26. Золотавин Н.А. Беседа о дифтерите и о мерах против него. Санкт-Петербург: К.Л. Риккер, 1898. 18 с.
27. Зоргенфрей Г.Г. Вопросы современной школы. Санкт-Петербург: Типография Т-ва М.О. Вольф, 1907. 34 с.
28. Зоргенфрей Г.Г. Задавание уроков на дом. СПб.: Типография «Родник», 1913. 8 с.
29. Игнатъев В.Е. ... Гигиенические советы учащимся. Москва: тип. Борисенко и Бреслинг, 1899. 32 с.
30. Игнатъев В.Е. Санитарная оценка освещения классных помещения электрическим светом. Москва: тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, 1903. VIII. 114 с.
31. Ильминская О.Я. Гигиена питания школьников: (Метод. рекомендации). Санкт-Петербург: Лига, 1983. 144 с.
32. Кардашенко В.Н. Роль отечественных педиатров в развитии школьной гигиены: Автореферат дис. на соискание учен. степени канд. мед. наук / 1-й Моск. ордена Ленина мед. ин-т. Кафедра школьной гигиены. Москва, 1952. 16 с.
33. Кашкадамов В.П. Санитарное состояние города Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург: Городская типография, 1909. 74 с.
34. Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). Москва: Наука, 1979. 287 с.
35. Клевезаль Ф.Ф. Гимнастика для девиц в применении к различным возрастам для общественного и домашнего воспитания. Санкт-Петербург: печатня В. Головина, 1869. 128 с.
36. Крузе Э.Э. Условия труда и быта рабочего класса России в 1900-1914 гг. Ленинград: Наука. Ленингр. отделение, 1981. 143 с.
37. Ладченко К.В. Российские летние детские колонии второй половины XIX – XX вв. // Проблемы современного образования. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2018. № 1. С. 180 – 188.
38. Лесгафт П.Ф. Руководство по физическому образованию детей школьного возраста. Ч. 1. Санкт-Петербург: Т-во художественной печати, 1912. Ч. 1. 384 с.
39. Листов А.Ф. Неврозы детей школьного возраста. Санкт-Петербург: Лига, 1983. 127 с.
40. Листопадов Д.Ю. Летние детские колонии в С.-Петербурге (конец XIX – начало XX века) // Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI вв. Иваново: Ивановский государственный университет, 2018. С. 477 – 482.
41. Мольков А.В. Жилище, его значение и устройство: Меры к улучшению жилищ: (Попул. лекция); Ово рус. врачей в память Н.И. Пирогова. Комис. по распространению гигиен. Знаний. Москва: т-во "Печ. С.П. Яковлева", 1909. 30 с.
42. Никитенко В.П. Детская смертность в Европейской России за 1893-1896 год. Санкт-Петербург: Т-во худож. Печати, 1901. 135 с.
43. Оппенгейм А.Н. Краткий очерк современного состояния городского санитарного дела в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург: тип. П.Е. Ознобищева, 1903. 17 с.
44. Пашкова Т. Господа гимназисты (повседневная жизнь петербургских школьников первой половины XIX века) // История Петербурга. Санкт-Петербург: Нестор, 2007. № 4 (38). С. 20 – 32.
45. Петровский К.С. Гигиена питания. Москва: Просвещение, 1975. 400 с.
46. Покровская М.И. По подвалам, чердакам и угловым квартирам Петербурга. Санкт-Петербург: тип. П.П. Сойкина, 1903. 98 с.
47. Пономарева В.В. Быть в форме: костюм институтки как предмет одежды и идеологема. Часть II // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. Москва: МГУ имени М.В. Ломоносова. Издательский Дом, 2018. № 1. С. 133 – 142.
48. Семашко Н.А. Введение в социальную гигиену. Москва: изд-во «Работник просвещения», 1927. 52 с.

49. Семенова О.А. Попечение о матерях и младенцах в Санкт-Петербурге в начале XX в. на примере городской «Капли молока» // История повседневности. 2019. № 4 (12). С. 72 – 81.
50. Синова И.В. Дети трудящегося населения в городском социуме во второй половине XIX - начале XX вв. // Уральский исторический вестник. 2016. № 3 (52). С. 62 – 69.
51. Синова И.В. Повседневная жизнь детей трудящегося населения Санкт-Петербурга во второй половине XIX - начале XX вв. // Общество. Среда. Развитие. 2013. № 1. С. 207 – 211.
52. Тольский Н.А. О влиянии школы на здоровье ее воспитанников. Москва: Унив. тип., 1891. 47 с.
53. Хлопин Г.В. Методы санитарных исследований. Том 1. Ленинград: Госхимтехиздат. Ленингр. отделение, 1932. 186 с.
54. Хорошилова О.А. «Синяя говядина», «тонняги» и «корнеты». Форма гимназистов императорской России // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. Москва: «Новое литературное обозрение», 2012-2013. Вып. 26. 31 с.
55. Хотовицкий С.Ф. Педиатрика. Санкт-Петербург: тип. Э. Праца, 1847. 858 с.
56. Эрисман Ф.Ф. Курс гигиены. Москва: тип. А.А. Карцева, 1887. 237 с.
57. Юхнёва Е.Д. Жилище как элемент бытовой культуры городского населения: На материалах Петербурга конца XIX века: автореф. дис. ... канд. историч. наук / Ин-т рос. истории РАН. Санкт-Петербург, 2004. 29 с.
58. Юхнёва Е.Д. Петербургские доходные дома: очерки из истории быта. Москва: Центрполиграф, 2012. 379 с.

References

1. Antropova M.V. History of hygiene of children and adolescents. Moscow: Medicine, 1977. 335 p.
2. Bazanov V.A. Hygienist of St. Petersburg and zemsky medicine. Hygiene and sanitation. 1973. No. 6. P. 66 – 69.
3. Bazanov V.A. Pioneers of zemstvo medicine in the St. Petersburg province. Soviet healthcare. 1973. No. 1. P. 68 – 72.
4. Bekaryukov D.D. How the sanitary improvement of the school is achieved and maintained. Moscow: City Printing House, 1912. 9 p.
5. Bertenson L.B. On the issue of workers' housing. St. Petersburg: Y. Trey printing house, 1897. 3 p.
6. Butovsky A.D. Issues of school hygiene and physical education at international congresses in 1910. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich printing house, 1911. 68 p.
7. Bykova D.I. Creation and organization of school dachas for secondary educational institutions in St. Petersburg in the second half of the 19th – early 20th centuries. Capital and provinces: relationships between the center and regions in the history of Russia. Materials of the XI All-Russian scientific conference with international participation. Executive editor V.V. Karpova. 2020. P. 206 – 211.
8. Veremenko V.A. “A healthy mind in a healthy body”: physical education and sports in the metropolitan noble-intellectual environment of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries. History of everyday life. 2022. No. 3 (23). P. 82 – 102.
9. Veremenko V.A., Zhukova A.E. Educational practices in noble-intellectual families of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries. St. Petersburg: Leningrad State University named after. A.S. Pushkin, 2020. 232 p.
10. Veremenko V.A. Hygiene of a schoolchild in the noble-intellectual families of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries. History of everyday life. St. Petersburg: Leningrad State University named after. A.S. Pushkin, 2017. No. 2 (4). P. 79 – 105.
11. Veremenko V.A. Summer organized recreational recreation for urban schoolchildren in Russia at the turn of the 19th-20th centuries. Capital and provinces: relationships between the center and regions in the history of Russia: materials of the All-Russian scientific conference with international participation. St. Petersburg: Leningrad State University named after. A.S. Pushkin, 2018. P. 51 – 57.
12. Veremenko V.A. Prevention of infectious diseases in secondary open educational institutions in Russia at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. Private and public in the everyday life of the population of Russia: history and modernity: collection. materials int. scientific Conf.: in 2 vols. St. Petersburg: Leningrad State University named after. A.S. Pushkin, 2018. Vol. 2. P. 163 – 169.
13. Veremenko V.A. Labor education in noble-intellectual families of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries. Material factor and entrepreneurship in the everyday life of the Russian population: history and modernity: collection of articles. materials of international scientific conf. St. Petersburg: Leningrad State University named after. A.S. Pushkin, 2016. P. 361 – 370.

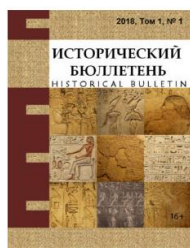
14. Veremenko V.A. Toilet and bath: body hygiene in urban noble-intelligentsia families of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries. Questions of history. 2022. No. 7-2. P. 18 – 30.
15. Veremenko V.A. Physical education in the noble-intellectual environment of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries. The power of the weak: gender aspects of mutual assistance and leadership in the past and present. Materials of the Tenth International. scientific conf. RAIZHI and IEA RAS, September 7–10, 2017, Arkhangelsk: In 3 volumes. Moscow: IEA RAS, 2017. Vol. 3. P. 208 – 212.
16. Virenius A.S. Infectious diseases in educational institutions. Reasons for the emergence and spread of various diseases in educational institutions. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich printing house, 1890. 206 p.
17. Virenius A.S. Organization of sanitary units in educational institutions. St. Petersburg: V.S. Balashev printing house, 1886. 62 p.
18. Virenius A.S. Basic provisions of school hygiene. St. Petersburg: St. Petersburg. synodal printing house, 1897. 83 p.
19. Virenius A.S. Sanitary report on sixteen educational institutions of the St. Petersburg educational district. St. Petersburg: V.S. Balashev printing house, 1879. 98 p.
20. Gubner Yu.Yu. Statistical studies of the sanitary condition of St. Petersburg: 1870. St. Petersburg: printed by V.I. Golovin, 1870. 101 p.
21. Demidovich D.M. Apartment buildings in St. Petersburg as a social phenomenon (1870s - early 20th century): abstract of thesis. ... Candidate of Historical Sciences: 07.00.02 / St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. Saint Petersburg, 2021. 34 p.
22. Dobroslavin A.P. Hygiene. Public Health Course. Part 1. St. Petersburg: N.N. Tsylov, 1882. 548 p.
23. Zavolzhskaya Yu.I. School hygiene. St. Petersburg: Publication of the magazine "Sovremennaya Medicine and Hygiene", 1898. 192 p.
24. Zaitseva S.V. Sanitary and hygienic living conditions of women and children from low-income families in St. Petersburg based on the "Drops of Milk" patronage leaflets. Home everyday life of the Russian population: history and modernity. Materials of the international scientific conference. St. Petersburg, 2022. Vol. 2. P. 52 – 56.
25. Zakharyin G.A. Health and education in the city and outside the city. Moscow: Imperial Moscow university, 1873. 29 p.
26. Zolotavin N.A. A conversation about diphtheria and measures against it. St. Petersburg: K.L. Ricker, 1898. 18 p.
27. Sorgenfrey G.G. Issues of modern school. St. Petersburg: Printing house M.O. Wolf, 1907. 34 p.
28. Sorgenfrey G.G. Assigning homework lessons. SPb.: Printing house "Spring", 1913. 8 p.
29. Ignatiev V.E. ... Hygiene tips for students. Moscow: Borisenko and Bresling printing house, 1899. 32 p.
30. Ignatiev V.E. Sanitary assessment of classroom lighting with electric light. Moscow: printing house of G. Lissner and A. Heschel, 1903. VIII. 114 p.
31. Ilminskaya O.Ya. Food hygiene of schoolchildren: (Methodological recommendations). St. Petersburg: League, 1983. 144 p.
32. Kardashenko V.N. The role of domestic pediatricians in the development of school hygiene: Abstract of thesis. for the scientific competition. Ph.D. degrees honey. Sciences. 1st Moscow. Order of Lenin med. int. Department of school hygiene. Moscow, 1952. 16 p.
33. Kashkadamov V.P. Sanitary condition of the city of St. Petersburg. St. Petersburg: City typography, 1909. 74 p.
34. Kiryanov Yu.I. Living standard of workers in Russia (late 19th – early 20th centuries). Moscow: Science, 1979. 287 p.
35. Klevezal F.F. Gymnastics for girls applied to different ages for public and home education. St. Petersburg: printing house of V. Golovin, 1869. 128 p.
36. Kruse E.E. Working and living conditions of the Russian working class in 1900-1914. Leningrad: Science. Leningr. branch, 1981. 143 p.
37. Ladchenko K.V. Russian summer children's colonies of the second half of the 19th – 20th centuries. Problems of modern education. Moscow: Moscow Pedagogical State University, 2018. No. 1. P. 180 – 188.
38. Lesgaft P.F. Guide to physical education for school-age children. Part 1. St. Petersburg: Art Printing Company, 1912. Vol. 1. 384 p.
39. Listov A.F. Neuroses of school-age children. St. Petersburg: League, 1983. 127 p.
40. Listopadov D.Yu. Summer children's colonies in St. Petersburg (late XIX – early XX centuries). State, society, church in the history of Russia in the XX-XXI centuries. Ivanovo: Ivanovo State University, 2018. P. 477 – 482.

41. Molkov A.V. Housing, its meaning and structure: Measures to improve housing: (Popular lecture); About Russian doctors in memory of N.I. Pirogov. Commission on the spread of hygiene. Knowledge. Moscow: Printing House S.P. Yakovlev, 1909. 30 p.
42. Nikitenko V.P. Infant mortality in European Russia for 1893-1896. St. Petersburg: Art printing company, 1901. 135 p.
43. Oppenheim A.N. A brief outline of the current state of urban sanitation in St. Petersburg. St. Petersburg: printing house P.E. Oznobishcheva, 1903. 17 p.
44. Pashkova T. Gentlemen high school students (everyday life of St. Petersburg schoolchildren in the first half of the 19th century). History of St. Petersburg. St. Petersburg: Nestor, 2007. No. 4 (38). P. 20 – 32.
45. Petrovsky K.S. Food hygiene. Moscow: Enlightenment, 1975. 400 p.
46. Pokrovskaya M.I. In basements, attics and corner apartments in St. Petersburg. St. Petersburg: P.P. Soikin printing house, 1903. 98 p.
47. Ponomareva V.V. Be in shape: a schoolgirl's suit as a piece of clothing and an ideologeme. Part II. Bulletin of Moscow University. Episode 23: Anthropology. Moscow: Moscow State University named after M.V. Lomonosov. Publishing House, 2018. No. 1. P. 133 – 142.
48. Semashko N.A. Introduction to social hygiene. Moscow: Publishing House "Worker of Enlightenment", 1927. 52 p.
49. Semenova O.A. Care for mothers and babies in St. Petersburg at the beginning of the 20th century. using the example of the city's "Drop of Milk". History of everyday life. 2019. No. 4 (12). P. 72 – 81.
50. Sinova I.V. Children of the working population in urban society in the second half of the 19th - early 20th centuries. Ural Historical Bulletin. 2016. No. 3 (52). P. 62 – 69.
51. Sinova I.V. Everyday life of the children of the working population of St. Petersburg in the second half of the 19th and early 20th centuries. Society. Wednesday. Development. 2013. No. 1. P. 207 – 211.
52. Tolsky N.A. About the influence of school on the health of its students. Moscow: University Printing House, 1891. 47 p.
53. Khlopin G.V. Methods of sanitary research. Volume 1. Leningrad: Goskhimtekhnizdat. Leningrad branch, 1932. 186 p.
54. Khoroshilova O.A. "Blue beef", "tonnyaga" and "cornets". Uniforms of high school students of Imperial Russia. Fashion theory. Cloth. Body. Culture. Moscow: "New Literary Review", 2012-2013. Vol. 26. 31 p.
55. Khotovitsky S.F. Pediatrics. St. Petersburg: E. Pratz typography, 1847. 858 p.
56. Erisman F.F. Hygiene course. Moscow: A.A. Kartsev printing house, 1887. 237 p.
57. Yukhneva E.D. Housing as an element of everyday culture of the urban population: Based on materials from St. Petersburg at the end of the 19th century – abstract of a dissertation for the degree of candidate of historical sciences / Inst. history of the Russian Academy of Sciences. Saint Petersburg, 2004. 29 p.
58. Yukhneva E.D. St. Petersburg apartment buildings: essays from the history of everyday life. Moscow: Tsentrpoligraf, 2012. 379 p.

Информация об авторе

Гетьман Д.И., аспирант, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, diana-g2man@mail.ru

© Гетьман Д.И., 2024

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2024, Том 7, № 1 / 2024, Vol. 7, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 930.253

Многобрачие ссыльных в Тобольской епархии во второй половине XIX в.: делопроизводство и наказания

¹ Спичак А.В.,

¹ Нижневартровский государственный университет

Аннотация: статья посвящена изучению особенностей проблемы супружеских отношений второй половины XIX в. как многобрачия ссыльных. Выявлены и проанализированы архивные дела фонда Тобольской духовной консистории в Государственном архиве в г. Тобольске и фонда Канцелярии Святейшего Правительствующего Синода в Российском государственном историческом архиве по теме исследования. Определены отличия законодательного регулирования, способов открытия дела, наказаний и последствий многобрачия от расторжения брака по иску одного из супругов. Рассмотрены этапы делопроизводства при рассмотрении случаев многобрачия ссыльных в Тобольской духовной консистории. Выяснено, что мотивом поиска нового спутника жизни обыкновенно становилось желание иметь помощника по хозяйству, а причиной нового венчания в Сибири являлось обычно отсутствие знания о том, что ссылка без лишения прав состояния не является поводом расторжения существующего брака. Усугубляла положение юридическая неграмотность приходских священников, отсутствие каких-либо инструкций при работе со светской документацией. Часто в таких делах имел место подлог информации или документов, ввиду низкой юридической грамотности населения. Таким образом, ссылка в Сибирь подталкивала людей на неумышленное нарушение норм брачного права.

Ключевые слова: Тобольская епархия, Тобольская духовная консистория, расторжение брака, развод, многобрачие, незаконный брак, ссыльные, наказание, делопроизводство

Для цитирования: Спичак А.В. Многобрачие ссыльных в Тобольской епархии во второй половине XIX в.: делопроизводство и наказания // Исторический бюллетень. 2024. Том 7. № 1. С. 203 – 212.

Поступила в редакцию: 28 сентября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 30 ноября 2023 г.; Принята к публикации: 15 января 2024 г.

Polygamy of exiles in the Tobolsk Diocese in the second half of the 19th century: proceedings and punishments

¹ Spichak A.V.,

¹ Nizhnevartovsk State University

Abstract: the article is devoted to the study of the peculiarities of the problem of marital relations in the second half of the 19th century like the polygamy of exiles. The archival files of the Tobolsk Ecclesiastical Consistory fund in the State Archive in Tobolsk and the fund of the Office of the Holy Governing Synod in the Russian State Historical Archive on the topic of research were identified and analyzed. The differences in legislative regulation, methods of opening a case, punishments and consequences of polygamy from divorce at the request of one of the spouses are determined. The stages of paperwork when considering cases of polygamy of exiles in the Tobolsk spiritual consistory are considered. It was found that the motive for searching for a new life partner was usually the desire to have a housewife, and the reason for a new wedding in Siberia was usually the lack of knowledge that

exile without deprivation of the rights of the estate is not a reason for the dissolution of an existing marriage. The situation was aggravated by the legal illiteracy of parish priests and the lack of any instructions when working with secular documentation. Often in such cases there was forgery of information or documents due to the low legal literacy of the population. Thus, exile to Siberia pushed people to unintentionally violate the norms of marriage law.

Keywords: Tobolsk diocese, Tobolsk spiritual consistory, dissolution of marriage, divorce, polygamy, illegal marriage, exiles, punishment, office work

For citation: Spichak A.V. Polygamy of exiles in the Tobolsk Diocese in the second half of the 19th century: proceedings and punishments. *Historical Bulletin*. 2024. 7 (1). P. 203 – 212.

The article was submitted: September 28, 2023; Approved after reviewing: November 30, 2023; Accepted for publication: January 15, 2024.

Введение

В изучаемый период (в середине XIX – начале XX в.), как и в настоящее время, в Российской империи православное население, согласно светским и церковным законам, не имело право состоять одновременно в двух браках. Однако, согласно архивным документам и отчетам обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода (далее – Синода), случаи многобрачия все же встречались. Причем, под многобрачием подразумевали не проживание одновременно с двумя женами или мужьями (термины «многоженство» или «многомужество» используются для описания, наоборот, разрешения такого сожительства в некоторых других верованиях), а фактическое покидание супруга без формального развода с последующим вступлением в брак с другим лицом и ведение совместной жизни только с последним.

Н.С. Нижник в 2011 г. были рассмотрены особенности правовой регламентации недопустимости многобрачия в Российской Империи в период с XIII – начала XX вв. и с того времени данная тема не нашла более глубокого рассмотрения, в том числе ее региональных особенностей [5].

По «Уставу духовных консисторий» 1841 г. (п. 3 ст. 217) «брачные сопряжения лиц, которые обязаны уже супружескими союзами, прекратившимися и нерасторгнутыми» [9, с. 248] считались незаконными. Данное правило повторялось в ст. 205 издания 1883 г. [15, с. 78-79] с отсылкой к ст. 37 т. 10 ч. 1. Законов гражданских 1857 г.: светским законом признавались незаконными и недействительными «брачные сопряжения лиц, которые обязаны уже другими законными супружескими союзами, не прекратившимися и законно не расторгнутыми духовным начальством их вероисповедания» [10, с. 6-7]. Из данных положений следовала необходимость проведения процедуры доказательства незаконности и расторжения таких браков. В синодальный период истории Русской Православной церкви (1700-1917 гг.) государственными учреждениями, решающими вопросы за-

ключения и расторжения брака, являлись духовные консистории – епархиальные учреждения, в функции которых входили также и судебные.

Материалы и методы исследований

Наличие прошлого не расторгнутого брака являлось основанием для расторжения нового союза, однако сам процесс и по законодательной основе, и по практическому исполнению отличался от развода по нормативно закрепленным причинам, какими были прелюбодеяние, ссылка с лишением всех прав состояния, безвестное отсутствие более пяти лет, неспособность к брачной жизни. Рассмотрим эти специфические черты более подробно.

Во-первых, многобрачие законодательно не было отнесено к разрешенным причинам расторжения брака («Устав духовных консисторий» 1841 г., гл. VI «О прекращении и расторжении браков»), и поэтому нормативно регулировалось отдельными статьями («Устав духовных консисторий» 1841 г. гл. V «О браках незаконных», п. 217, признание браков незаконными).

Во-вторых, для открытия в консистории дела о расторжении брака по указанным мотивам существовал только один возможный способ – подача прошения по установленной форме непосредственно в духовную консисторию (составлял слугитель со слов просителя) вместе с гербовым сбором и специфическими для развода по каждой отдельной причине доказательными документами. Дела о незаконности браков могли начинаться: 1) по отношениям гражданского начальства, 2) по донесениям подчиненных епархиальному начальству мест и должностных лиц, 3) по частным жалобам, просьбам и доносам [9, с. 248-250]. Случаи многобрачия же чаще всего открывались в процессе оформления документов в светских учреждениях, после чего дело расследовалось в суде и уже оттуда поступало в духовную консисторию, либо осужденного подавал прошение о расторжении брака епархиальному начальству, в результате чего выяснялось два факта: 1) развод невозможен

ввиду не лишения всех прав состояния, и 2) ссыльный вступил в новый брак [7, л. 6].

В-третьих, отсутствовал контроль реального раздельного жительства супругов после развода, осуществленного вследствие просьбы одного из них, так как в этом был заинтересован только сам проситель, а епархиальное начальство, наоборот, всеми силами сдерживало распад семьи, применяя такой метод примирения, как увещание приходскими священниками. Расторгнув же незаконный брак, духовная консистория, напротив, требовала от духовного правления проследить, чтобы произошел реальный расход обвиненных в многобрачии лиц. На практике расход был неизбежен, так как виновного ссылали (того, кто уже находился в ссылке, направляли как правило в другую губернию). Вероятно, имелось ввиду разлучение до приведения в действия наказания ссылкой и контроль за тем, чтобы супруг виновного не поехал за ним в место ссылки. При этом нами не было обнаружено применение каких-либо методов сохранения предыдущего брака. Обманутого супруга не уговаривали пойти на уступки, как это полагалось при желании развестись одного из членов семьи.

В-четвертых, наказание виновных в многобрачии производилось как светским, так и церковным судом, причем светское наказание (ссылка вступившего в повторный брак, арест или ссылка третьих лиц за подлог) являлось первостепенным, во вторую очередь осуществлялось духовное наказание (осуждение на «всегдашнее безбрачие», епитимия, разлучение супругов, отправление причта в монастырь на клиросное послушание).

Светское наказание регулировалось «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. Обвиняемого лишали всех прав состояния и в зависимости от тяжести преступления: ссылали «на житие» в Сибирь или отправляли в исправительные арестантские отделения по третьей или четвертой степени 31 ст. (ст. 1554), при намеренном сокрытии прежнего супружества – ссылали в Сибирь на поселение. В отличие от дел по искам просителей о разводе, в делах о многобрачии могли наказываться и третьи лица (причт и свидетели заключения брака и другие лица), что не редко становилось причиной открытия дела в суде. Начальству виновного и родителям молодоженов «за несправедливое показание дозволения на вступление в брак» грозил арест от трех недель до трех месяцев (ст. 1572). Сокрытие препятствий, предъявление заведомо поддельных или с умыслом измененных документов (ст. 1571) наказывалось в соответствии в ст. 1690 (умышленная переправка, подчистка и другие изменения в актах настоящих) лишением всех прав состояния и

ссылкой в Сибирь на поселение, или лишением всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и ссылкой «на житие» в Сибирь или отдаче в исправительные арестантские отделения по четвертной степени 31 ст.) [11, с. 600-604, 689-690].

За представление, для скрытия прежнего брака, документа (например, паспорта) с ложным обозначением в нем вдовства, на основании п. 1 ст. 152, ст. 1554, 1572 и 1691 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1866 г. лишали всех прав состояния и ссылали на поселение в Сибирь в места, не столь отдаленные [3, л. 1 – 1 об.].

Необходимость первоочередности вынесения решения по делу светским судом подтверждалась в синодальных определениях, например, в одном из дел Синода содержится приказ, «чтобы покаяние, расторжение брака согласно отзыву первой жены Тобольскому епархиальному начальству определить после того, как кончится дело по сему предмету в светском суде и консистории сообщены будут сведения о содержании решения уголовного суда» [6, л. 5 об. – 6].

Результаты и обсуждения

В фонде Тобольской духовной консистории (в Государственном архиве в г. Тобольске) было обнаружено 4 дела о многобрачии, в фонде Канцелярии Синода (в Российском государственном историческом архиве) на данный момент рассмотрено 3 дела за 1864–1881 гг. Общие черты их производства и оформления дают возможность сделать некоторые выводы. По сословной принадлежности и роду занятий в рассмотренных делах обвиняемыми являлись составили: 1 дворянин и 6 крестьян, почти все были ссыльными (в одном деле – жена ссыльного).

Обнаружение многобрачия ссыльных в рассмотренных делах происходило в светских учреждениях в процессе оформления различных документов, информация передавалась в суд, после проведения следствия, допросов всех участников преступления включая свидетелей и определения светского наказания, дело передавалось консистории для применения церковных санкций. Были случаи, когда, наоборот, супруг осужденного не желал следовать за ним в Сибирь и заводил вторую незаконную семью. Если супруга ссылали без лишения прав состояния, например, «на житие» по приговору общества, то виновного осуждали на «всегдашнее безбрачие» [8, л. 1-6].

Содержание этапов рассмотрения случаев многобрачия ссыльных было идентичным. Как правило, ссыльный обращался в Тобольское губернское правление с просьбой причислиться в другую губернию, либо же второй супруг желал найти

ссылки или развестись с ним, либо же отец жены просил светское учреждение или должностное лицо (например, окружного стряпчего) разыскать зятя для побуждения его к совместной жизни или доставлении средств на содержание, а он оказывался уже женат на другой.

Судебное учреждение проводило следствие, применяло санкции и передавало дело в духовную консисторию для наказания причта, венчавшего незаконный брак и расторжения последнего. Дело передавалось вместе с сопроводительным пись-

мом – отношением. Тексты отношений имели подобное содержание: «исполняя решение Тобольского губернского суда ... имеет честь препроводить в духовную консисторию дело о вступлении во второй брак, при существовании первого, для обсуживании [обсуждения] поступков священноцерковнослужителей ... и в отношении расторжения второго брака» (рис. 1) [1, л. 1 а – 1 а об.]. Отношения поступали также из судебного отделения областного правления.

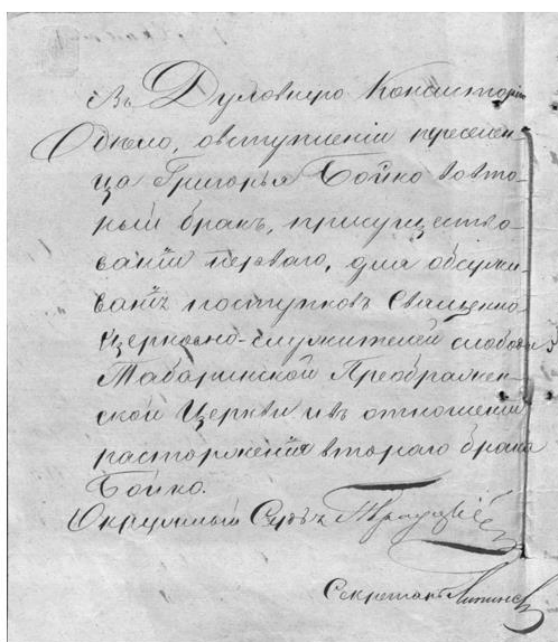
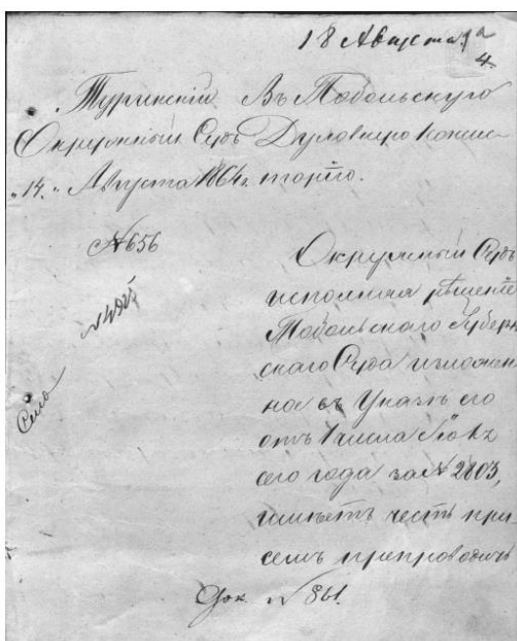

Рис. 1. Отношение Туринского окружного суда в Тобольскую духовную консисторию об отправлении дела о многобрачии от 14.08.1864 № 656.

Fig. 1. Relation of the Turin District Court to the Tobolsk Ecclesiastical Consistory regarding the sending of the case on polygamy dated 08/14/1864 No. 656.

Первоначально епархиальному начальству требовалось установить, подлежало ли рассмотрение дела ведомству именно Тобольской духовной консистории. Церковный суд производился в той епархии, в которой было совершено незаконное венчание. Тобольское епархиальное начальство не могло применить санкции к лицу, которое вступило в незаконный брак в другой епархии, за что было сослано в Тобольскую епархию, поэтому она пересылала дело той духовной консистории, в чьем ведомстве находились обвиняемые священно-церковнослужители [4, л. 2 – 2 об.].

В переданном консистории деле содержались решение Тобольского губернского суда и «обстоятельства», то есть, вероятно, результаты допроса и другие документы. Консистория «по миновании в означенном деле надобности» обязывалась «воз-

вратить таковое в суд», о чем сохранилась просьба суда в одном из дел [2, л. 1 а об.].

Согласно 34 ст. 10 т. ч. 1 «Устава гражданского судопроизводства» 1864 г. главным доказательством брачного союза являлись приходские метрические книги [14, с. 6] (по факту также и консисторские экземпляры). При этом проверялись записи как незаконного, так и предыдущего браков. Если дело о многобрачии открывалось в судебном учреждении, то последнее должно было запросить метрическое свидетельство у того епархиального начальства, в ведомстве которого был заключен каждый из браков.

В одном из рассмотренных дел Тобольская духовная консистория не обнаружила в деле метрического свидетельства о первом браке (были известны только год и место венчания), заключила, что она «на основании 253 ст. У.Д.К. [Устава ду-

ховных консисторий] не может приступить к расторжению второго брака» и составила отношение о спросе данного документа в Подольскую духовную консисторию, в ведомстве которой был заключен первый брак. Кроме этого, консистория послала отношения в Тобольский губернский суд и Тобольское губернское правление с очередным напоминанием, чтобы последние «подтвердили» окружным судам, градским и земским полициям о необходимости получения метрических свидетельств, так как «без сего главного доказательства первого брачного союза нельзя ни приступить к расторжению второго брака, ни судить виновных за второбрачие, по одним только голословным показаниям без фактов, указанных законом» [1, л. 3 об.].

При возникновении сомнений или отсутствии записи брака в метрической книге, доказать его совершение можно было с помощью обыскной книги, исповедных росписей, следственной документации или гражданских документов (если по ним было видно, что лица признавались супругами в присутственных местах и пользовались гражданскими правами и преимуществами, зависящими от законного супружества) (ст. 35 т. 10 ч. 1 «Устава гражданского судопроизводства») [14, с. 6].

О том, насколько редко приходилось епархиальному начальству рассматривать дела о многобрачии дополнительно свидетельствует отсутствие как у служащих, так и у самого архиерея знаний о некоторых правилах документооборота при решении данных вопросов. В 1864 г. преосвященный Варлаам Успенский на просьбу земского суда о предоставлении метрического свидетельства о заключении незаконного брака ответил: «земский суд имеет ли право требовать от Кри [консистории] метрических записей. Ведь это не его дело?» [1, л. 3]. Чтобы ответить на данный вопрос, коллегия составила справку, подтверждающую право судебных учреждений запрашивать данные из метрических и обыскных книг: «в делах подобного рода земских судах с консисториями. В 244-й ст. XV т. говорится: сношения об учинении справок из метрик и обыскных книг производятся с консисториями, а не с духовными правлениями и притом справки сии требуются единственно к производящимся уже делам» [1, л. 5 – 5 об.].

В процессе анализа архивных документов выдвигается гипотеза о том, что учреждения как светского, так и духовного суда, рассматривая конкретные случаи многобрачия, не имели представления о нормах решения вопросов друг друга. К примеру, Тобольское губернское правление, как видно, не знало в точности, какой из двух браков

следует расторгать («для расторжения одного из сих браков, предать на рассмотрение Тобольской духовной консистории») [2, л. 12 об.].

После подтверждения совершения обоих браков епархиальное начальство обязательно рассматривало следующие информацию и документы: брачный обыск незаконного брака (благочинный отправлял его при рапорте), отзыв оставленного супруга (спрашивали по месту жительства через полицейское управление или отправляли отношение в другую консисторию), сведения о месте ссылки виновного.

Согласно церковным законам, правомочность будущего брака устанавливалась в процессе проведения и составления брачного обыска, жених и невеста предоставляли предбрачные документы (паспорт, увольнительный билет, аттестат, в которых имелась запись о семейном положении и другие), причт проводил опрос как их самих, так и свидетелей.

В обязанности священно- и церковнослужителей входила обязательная тщательная проверка документов жениха и невесты, умение отличить подлинную надпись о семейном положении от исправлений, а также опрос свидетелей бракосочетания, которые должны были подтвердить отсутствие препятствий к заключению брака. Ссылным «для свободного проживания» из Тобольской экспедиции о ссылных выдавался билет. Как правило, в рассмотренных делах ссылными являлись мужчины. Женщины также предоставляли документ, подтверждающий их свободное семейное положение, например, билет из волостного правления или удостоверение бывшей тещи о том, что последняя не видит препятствий к совершению брака. Как свидетельствуют архивные документы, священники нередко упускали из внимания наличие очевидных подлогов.

В законодательстве подлог понимался как «непременное намерение ввести кого-либо в заблуждение ради личной выгоды виновного в подлоге, ибо неосторожного подлога быть не может, а подделка документов для шутки не составляет подлога» [11, с. 690].

Совершить подлог могло и постороннее лицо. К примеру, политический ссылный за участие в польском мятеже Иван Антонов Савицкий считал себя вдовцом после того, как его товарищ мещанин передал ему письмо от другого не знакомого жениху ссылного, написанное якобы братом его жены. Само письмо было утеряно и в последствии оказалось ложным. Указанный мещанин, таким образом пытался уговорить Ивана жениться (предположительно невестой была его родственница, либо он имел какую-то выгоду от ее замуже-

ства), и записал его в обыске холостым. Оба товарища солгали невесте о холостом состоянии жениха, таким образом, про первый брак больше никто не знал. Однако, их обоих освободили от наказания в подлоге, так как они не сознались в умышленном обмане. Причт не допросили, так как священник ко времени разбирательства был уже переведен за штат, а дьячок уволен из духовного звания. После венчания на момент разбирательства прошло 10 лет и первая жена, как выяснилось, уже умерла [2, л. 15 об. – 16].

Нередкими были случаи, когда причт, получив от жениха документ от его начальства или судебного учреждения, не перепроверял данные, хотя прямо не указывал на расторжение предыдущего и разрешение следующего брака, эту информацию можно было только додумать.

Консistorия требовала «обстоятельных объяснений» от причта, повенчавшего вторым браком при существовании не расторгнутого первого, о чем отправлялся указ через духовное правление. Как правило, священно- и церковнослужители сообщали консистории какие-либо сведения посредством рапорта, как подчиненные епархиальному начальству. Однако именно в подобных делах встречается наименование вида документа «объяснение», включающее причины, по которым был повенчан второй, считающийся незаконным брак. Документ начинался с показания указа духовного правления, на основании которого он был составлен, а после фразы-клише «сим имеем честь объяснить» перечислялись обстоятельства бракосочетания: фамилии, имена и отчества новобрачных, дата венчания, количество свидетелей с каждой стороны, указание на соблюдение «всех правил брачного обыска» (то есть исключения препятствий к браку в результате допроса и изучения документов).

За невнимательное рассмотрение предбрачных документов «без соблюдения 26 ст. 15 т. кн. 1 [Свода законов Российской империи] и без истребования о звании его надлежащих сведений, что было причиной вступления во 2й брак», на основании 200 ст. «Устава духовных консисторий» 1841 г. священника отправляли в один из монастырей в клиросное послушание на шесть месяцев, дьячка на три. Причт мог получить смягчение наказания, подав прошение от представителя (настоятеля, священника) Синоду, в случае положительного решения срок пребывания в монастыре сокращался вдвое. В этом случае, возвращая консисторский протокол, Синод предписывал епархиальному начальству взыскать в казну со священника гербовые пошлины за употребленную вследствие его просьбы на производство в Синоде

простую вместо гербовой третьего разбора бумагу (в рассмотренном деле количество листов составило шесть штук) [1, л. 22]. Освобождение от ответственности могла наступить при предъявлении документа, в котором четко фиксировалось холостое (вдовое) состояние жениха и невесты, например, «дозволения начальства на брак» или «сведения от волостного правления».

Встречались случаи, когда невнимательность священника была следствием его «не воздержанной жизни» (подразумевалось пьянство), из-за чего происходила «крайняя беспечность по службе и отважность при совершении браков до того, что совершал оные без всяких без документов». Такие клирики могли не раз уже находиться под судом за совершение незаконных браков, за что «во устранение злоупотреблений по пастырской должности» отрешались от места службы с запрещением священнослужения и увольнением на основании 205 ст. «Устава духовных консисторий» за штат с отобранием грамоты и прочих на звание священника документов и с дозволением проживать у родственников [2, л. 13 об. – 14].

Требование несения ответственности причтом, в большей степени священниками, чем церковнослужителями было оправдано тем, что провинциальные клирики зачастую были единственными грамотными людьми в населенном пункте, а также должны были знать и законы о браке, однако, на практике даже они показывали юридическую неграмотность. Согласно епархиальным отчетам тобольских архиереев, в епархии наблюдался дефицит образованных служащих, как в церквях, так и в церковных учреждениях.

На основании 222 ст. «Устава духовных консисторий» 1841 г. производилось «сношение» с уездным полицейским управлением по месту жительства оставленного супруга с целью спроса о желании остаться в брачном союзе. В случае отказа или смерти последнего, виновный в многобрачии осуждался на «всегдашнее безбрачие». Однако при содержании его в тюремном заключении срок епитимии сокращался вдвое до 3,5 лет.

Вступившего при жизни первого супруга во второй брак подвергали кроме «всегдашнего безбрачия» (при смерти оставленного супруга или его нежелании сохранить брак) на основании 77 правила Св. Василия Великого семилетней епитимии под надзором его приходского священника.

В одном из дел жених «устраиваясь домом и обзаведясь в ссылке всем хозяйством ... в 1860 году вздумал жениться» второй раз, предполагая, что жена стала бывшей в связи с его ссылкой, для чего подал прошение в Туринский земский суд. Последний обратился в аналогичное учреждение по

месту жительству прежней жены в Подольской губернии «о дознании: находится ли в живых жена его Аксиния Кирилова, если жива, то не вышла ли в замужество, если не вышла, то не согласится ли она для совместного жительства с мужем своим прибыть в Сибирь, в следствие чего она была спрошена Приставом 2-го стана» [1, л. 8-9]. Земский суд объявил через волостное правление, что жена к нему по болезни не приедет. Выяснение того, не вышла ли Аксиния замуж после ссылки мужа является подтверждением существования в изучаемый период такой проблемы, как заключение незаконных браков ссыльных и их супругов по незнанию законов.

Мужчина запросил документ, подтверждающий, как он думал, его холостое состояние. Согласно копии указа Туринского земского суда (в деле осталась копия с копии), «хотя она [Аксиния] в разлуке с мужем ... в замужестве доселе ни за кого не выходила и следовать в Сибирь к мужу для совместного жительства не согласна, как по дальнему расстоянию, так и по слабому здоровью» [1, л. 8-9]. Считая себя после этого вправе вступить в брак, он взял в волости копию с указа земского суда и по ней был повенчан [1, л. 15 об.]. Однако в данном указе не сдержалось само разрешение на вступление в брак, это являлось лишь предположением как жениха, так и причта, венчавшего его вторым незаконным браком, которые не знали о том, что причиной расторжения брачного союза являлась только ссылка с лишением всех прав состояния, а в данном случае такого лишения не производилось, так как «проситель сослан был в Сибирь не с лишением всех прав состояния, а с ограничением, в разряд выдворяемых рабочих и потому при жизни первой жены не имел права на брак в Сибири» [1, л. 15 – 15 об.].

Причт сетовал на земский суд, который должен был «отказать, а не вводить» их «в такое тяжкое искушение», а также на саму систему взаимосвязи светских и церковных законов при решении подобных вопросов: «мы замечали на стороне светских властей какую-то неопределенность и разнообразие форм в сведениях, и чрез это, как человек впали в тяжкий грех» [1, л. 7 – 7 об.]. Действительно, в законах отсутствовало указание на конкретные подтверждающие право на вступление в брак документы, причту не предоставлялись какие-либо инструкции, содержащие этапы работы со светской документацией при решении семейных вопросов, в том числе о многобрачии, консистории лишь обязывались предоставлять данные из метрических книг. Для того, чтобы избежать подобных ситуаций и не вводить в заблуждение юридически неграмотный причт, земскому суду и

другим учреждениям, выдававшим документы о семейном состоянии, следовало бы четко указывать наличие или отсутствие прежнего брака и права на следующее супружество.

Интересным в одном из изученных дел является решение Тобольского губернского суда, согласно которому обвиняемый «не скрывал первого своего брака и не зная по невежеству своему, что он как не лишенный всех прав состояния не имел права вступать во второй брак при существовании первой его жены, хотя и по собственной воле не согласившейся следовать за ним в Сибирь, счел выданную ему Волостным правлением копию с указа Земского суда достаточным основанием на право вступления во второй брак: то освободив его от наказания (Имеется ввиду ссылка с лишением всех прав состояния), определенного за двоебрачие, подвергнуть церковному покаянию по распоряжению епархиального начальства». По какой причине он был передан в Тобольский приказ о ссыльных «для ссылки далее в Сибирь в Енисейскую губернию» остается не известным. Получается, что не знание законов освобождало от ответственности, отсутствие факта подлога (обмана, исправления записи о семейном положении) переводило наказание в более легкую форму (виновный переводился в другую губернию, но не лишался всех прав состояния). При этом в другом деле неумышленное вступление во второй брак привело к ссылке в ближнюю губернию с лишением прав состояния.

Интересно, что согласно ст. 26 одним из последствий осуждения в ссылку на поселение была «потеря прежних прав семейственных и прав собственности», а в рассмотренных делах виновных называют именно «поселенцами» и читающие (слышащие) данный пункт лица могло решить, что ссылка в любом случае влечет за собой прекращение существующего брака. Чтобы понять смысл этого положения, следует ознакомиться с представленными в нормативном акте пунктами, где речь идет только о наказаниях, исполняющихся совместно с лишением всех прав состояния, в которые входили и семейственные [12, л. 3].

Многобрачие характеризовалось желанием виновного сохранить последний брак, в котором к моменту разбирательства уже как правило имелись совместные дети. Чувствуя свою ответственность за будущее новой семьи, мужчины подавали в духовную консисторию прошение о не расторжении брака, однако епархиальное начальство строго следовало букве закона и не только разводило, но и разлучало супругов.

Для того, чтобы в будущем исключить возможный еще один незаконный брак, духовная конси-

стория сообщала о наказании «всегдашним безбрачием» виновного тому епархиальному начальству, в ведении которого он окажется. Для этого консистории требовалось выяснить будущее место ссылки уже за многобрачие, для чего посылалось отношение в Тобольское губернское правление. В одном из рассмотренных дел согласно ответу указанного учреждения, обвиняемый был передан в Тобольский приказ о ссыльных для ссылки далее в Сибирь в Енисейскую губернию [1, л. 18 об.]. В судебных документах можно было встретить следующую формулировку «с преданием церковному покаянию по усмотрению и распоряжению епархиального начальства той губернии, в которой он будет водворен» [3, л. 1 – 1 об.], таким образом епархиальное начальство в любом случае должно было получить информацию о поступлении в их епархию ссыльного за многобрачие и назначить местного священника, ответственного за прохождения им епитимии.

В случае, если обвиняемый в многобрачии принадлежал к ведомству иной церкви, Тобольский губернский суд обязывал окружной суд, в котором рассматривалось дело, составить о нем выписку и направить документ в Тобольский приказ о ссыльных для уведомления соответствующего духовного начальства.

Новый супруг, вступивший в брак с лицом, не расторгнувшим прежнего союза, и не участвовавший в подлоге, строго не наказывался. Как свидетельствуют архивные документы, обманутому о холостом (вдовом) положении избранника или просто не знающему законы супругу назначалась епитимия без указания конкретного срока. В одном из дел, при наличии у последнего убеждения, что ссылка без лишения прав состояния автоматически делает ссыльного свободным от брачных уз – годовая епитимия. «По очищении совести исповедью пред духовником» разрешалось вступить в следующий брак, уже с лицом «беспрепятственным».

Консистория посылала указ в духовное правление об исполнении наказаний как нового супруга, так и причта, чтобы оно «распорядилось о понесении подсудимыми епитимии, в ... монастыре и о последующем, также, как и о взносе денег ... в казну ... консистории донесло» [1, л. 24 об. – 25].

Рассмотрение дел о многобрачии заканчивалось приказом духовной консистории «о признании брака ... недействительным сделать надлежащие отметки в метрических книгах ... как подлинной, хранящейся в консистории, так и в копии с

оной, хранящейся в церкви, о чем и дать надлежащие указы, как архивариусу консистории, так и благочинному над ... церковью» [2, л. 15 об.]. Виновному в многобрачии объявляли «заклучения об осуждении его на всегдашнее безбрачие», а его незаконному супругу выдавали «дозволительное свидетельство на вступление в новый брак» «чрез подлежащие начальства», которым обычно являлось полицейское управление. Судебное дело возвращалось в окружной суд, а определение духовной консистории на основании 223 ст. «Устава духовных консисторий» 1841 г. отправлялось на усмотрение Синода, причем решение могло находиться на утверждении до четырех месяцев (в изученных делах). Синод после рассмотрения дела выносил свое решение, которое фиксировалось в его определении (протоколе) и возвращал дело вместе с указом. В делах Синода сохранялись оригиналы рапортов архиереев, копии определений Синода и его приказы, повторяющие по содержанию определения. Копия указа Синода прикладывалась к делу духовной консистории. Оригиналы указов согласно консисторским описям дел хранились отдельно.

Выводы

Таким образом, среди обнаруженных дел о многобрачии в Тобольской епархии виновных составили ссыльные лица и в одном случае жена ссыльного. Причиной оставления имеющегося супруга являлся принудительный переезд и нежелание второго супруга следовать за осужденным, то есть, не смотря на некоторое сходство с делами о прелюбодеянии (измене), конкретно на рассмотренной территории заключение нового брака был следствием, во-первых, необходимостью в помощи по хозяйству и во-вторых, не знанием брачного законодательства, что усугублялось юридической неграмотностью священников, а иногда и их служебными проступками. К концу XIX в. стало ясно, что такое двойное ведение дел о многобрачии светским и духовным судом является неподходящей и неудобной моделью решения подобных вопросов, требовался пересмотр и изменение законодательства. Обилие разнообразных церковных и светских норм, отсутствие единого нормативного документа с четкими правилами, некоторая путаница в решении дел, необходимость постоянной обильной переписки, вкупе с неграмотностью населения, особенно на периферии Российской империи, не только усложняли процесс рассмотрения дел о многобрачии, но и рушили судьбы.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (Конкурс – МК-2022), проект № МК-1840.2022.2

Список источников

1. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГАТ). Ф. И-156. Оп. 11. Д. 769. Л. 1 – 42.
2. ГАТ. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1168. Л. 1 – 24.
3. ГАТ. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1170. Л. 1 – 39.
4. ГАТ. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1338. Л. 1 – 4.
5. Нижник Н.С. «Законною женою будь доволен одною»: вопросы многобрачия в бракоразводном праве Российской империи // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2011. № 4-1. С. 89 – 104.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 143. Д. 2595/17. Л. 1 – 7.
7. РГИА. Оп. 151. Д. 559. Л. 1 – 6.
8. РГИА. Оп. 154. Д. 488. Л. 1 – 6.
9. Россия. Законы и постановления. Полное собрание законов Российской империи: Собрание 2. СПб.: тип. 2 Отделения Собств. е. и. в. Канцелярии, 1830-1885. Т. 16: 1841: Отделение 1. От № 14141-14986. 1842. 924 с.
10. Россия. Законы и постановления. Свод законов гражданских: (1 часть X тома Свода законов Российской империи по изданию 1857 года), дополненный всеми позднейшими узаконениями и ссылками на статьи других томов свода, с алфавитным указателем. 2-е, испр. и доп. изд. СПб.: издание Жиркевича и Зубарева, 1867. 631 с.
11. Россия. Законы и постановления. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Тип. 2 отделения собств. е. и. в. канцелярии, 1845. 898 с.
12. Свод законов российской империи. Том. 15. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Раздел 1. О преступлениях, проступках и наказаниях вообще. Гл. 1. О преступлениях, проступках вообще и о степенях вины. Отд. 1. О преступлениях и проступках вообще. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire_iframe&bpas=303 (дата обращения: 10.09.2023)
13. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года: С доп. по 1 янв. 1876 г. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1876. 726 с.
14. Устав гражданского судопроизводства. 1864 г. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. 590 с.
15. Устав духовных консисторий: [Утв. 9 апр. 1883 г.]. СПб.: Синод. тип., 1883. 200 с.

References

1. State institution of the Tyumen region “State Archive in Tobolsk” (GAT). F. I-156. Op. 11. D. 769. L. 1 – 42.
2. GAT. F. I-156. Op. 11. D. 1168. L. 1 – 24.
3. GAT. F. I-156. Op. 11. D. 1170. L. 1 – 39.
4. GAT. F. I-156. Op. 11. D. 1338. L. 1 – 4.
5. Nizhnik N.S. “Be content with one legitimate wife”: issues of polygamy in divorce law of the Russian Empire // Historical and legal problems: a new perspective. 2011. No. 4-1. pp. 89 – 104.
6. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 796. Op. 143. D. 2595/17. L. 1 – 7.
7. RGIA. Op. 151. D. 559. L. 1 – 6.
8. RGIA. Op. 154. D. 488. L. 1–6.
9. Russia. Laws and regulations. Complete collection of laws of the Russian Empire: Collection 2. St. Petersburg: type. 2 Branches Own. e.i. V. Offices, 1830-1885. T. 16: 1841: Department 1. From No. 14141-14986. 1842. 924 pp.
10. Russia. Laws and regulations. Code of Civil Laws: (Part 1 of volume X of the Code of Laws of the Russian Empire according to the 1857 edition), supplemented by all later legalizations and links to articles in other volumes of the code, with an alphabetical index. 2nd, rev. and additional ed. St. Petersburg: publication of Zhirkevich and Zubarev, 1867. 631 p.
11. Russia. Laws and regulations. Code of Criminal and Correctional Punishments. SPb.: Type. 2 own branches e.i. V. chancellery, 1845. 898 p.

12. Code of laws of the Russian Empire. Volume. 15. Code on criminal and correctional punishments of 1885. Section 1. On crimes, misdemeanors and punishments in general. Ch. 1. About crimes, misdemeanors in general and degrees of guilt. Dept. 1. About crimes and misdemeanors in general. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire_iframe&bpas=303 (date of access: 09/10/2023)

13. Tagantsev N.S. Code on criminal and correctional punishments of 1866: With add. to 1 Jan. 1876 2nd ed., revised. and additional SPb.: type. M. Stasyulevich, 1876. 726 p.

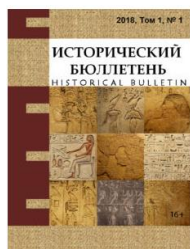
14. Charter of civil proceedings. 1864 М.-Berlin: Direct-Media, 2015. 590 p.

15. Charter of spiritual consistories: [Approved. Apr 9 1883]. SPb.: Synod. typ., 1883. 200 p.

Информация об авторе

Спичак А.В., кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0003-2223-8039>, Нижневартковский государственный университет, spichak-89@mail.ru,

© Спичак А.В., 2024

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2024, Том 7, № 1 / 2024, Vol. 7, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 327.527(470+569.4)

Сирийский конфликт: Россия как субъект процесса урегулирования

¹ Хаджиева Б.М.,

² Гациева Т.И.,

³ Бондарь И.А.,

¹ Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова,

² Чеченский государственный педагогический университет,

³ Ставропольский государственный педагогический институт

Аннотация: в статье рассматриваются основные аспекты процесса, направленного на урегулирование и стабилизацию сирийского вопроса, обозначаются интересы сторон-участников конфликта, а также определены методы анализа в урегулировании разнообразных политических конфликтов. Проследившая динамику конфликта, на основе оценок и прогнозов российских и западных экспертных сообществ, можно предположить, что процесс урегулирования в Сирии носит характер идеологического, что в некоторой степени затрудняет анализ конфликта в объективной форме. Роль России и её дипломатические начинания по рассматриваемому вопросу рассмотрены автором в качестве миротворческих инициатив, так как по своей сути Российская Федерация выступает за политические решения конфликта в соответствии со всеми нормами международного права, а также обозначена деятельность России в Сирийской Арабской Республике, направленная на закрепление мира и стабилизацию обстановки. Путём структурно-функционального метода были выявлены причины конфликта, а также его структуры, явившиеся основанием для начала процесса урегулирования и поиска оптимальных решений. Кроме того, был применён сравнительно-исторический метод на примере Женевского и Астанинского формата для анализа политических событий. Материалами для статьи послужили интервью участников, репортажи, некоторые журналистские расследования, а также заявления официальных лиц от стран-участниц процесса урегулирования.

Ключевые слова: Сирийский конфликт, Россия, урегулирование, гражданская война, социально-политические проблемы, переговорный процесс, стабилизация обстановки

Для цитирования: Хаджиева Б.М., Гациева Т.И., Бондарь И.А. Сирийский конфликт: Россия как субъект процесса урегулирования // Исторический бюллетень. 2024. Том 7. № 1. С. 213 – 221.

Поступила в редакцию: 8 ноября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 10 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 15 января 2024 г.

The Syrian conflict: Russia as a subject of the settlement process

¹ Hadzhieva B.M.,

² Gatsieva T.I.,

³ Bondar I.A.,

¹ A.A. Kadyrov Chechen State University,

² Chechen State Pedagogical University,

³ Stavropol State Pedagogical Institute

Abstract: the article examines the main aspects of the process aimed at the settlement and stabilization of the Syrian issue, identifies the interests of the parties to the conflict, and also defines the methods of analysis in the settlement of various political conflicts. Tracing the dynamics of the conflict, based on the assessments and forecasts of Russian and Western expert communities, it can be assumed that the settlement process in Syria is ideological in nature, which to some extent complicates the analysis of the conflict in an objective form. The role of Russia and its diplomatic initiatives on the issue under consideration are considered by the author as peacekeeping initiatives, since in essence the Russian Federation stands for political solutions to the conflict in accordance with all norms of international law, and Russia's activities in the Syrian Arab Republic aimed at consolidating peace and stabilizing the situation are also outlined. The structural and functional method was used to identify the causes of the conflict, as well as its structures, which were the basis for starting the settlement process and searching for optimal solutions. In addition, a comparative historical method was used on the example of the Geneva and Astana formats to analyze political events. The materials for the article were interviews of participants, reports, some journalistic investigations, as well as statements by officials from the countries participating in the settlement process.

Keywords: the Syrian conflict, Russia, settlement, civil war, socio-political problems, negotiation process, stabilization of the situation

For citation: Hadzhieva B.M., Gatsieva T.I., Bondar I.A. *The Syrian conflict: Russia as a subject of the settlement process. Historical Bulletin. 2024. 7 (1). P. 213 – 221.*

The article was submitted: November 8, 2023; Approved after reviewing: December 10, 2023; Accepted for publication: January 15, 2024.

Введение

В современном мире, как, впрочем, и за всё время существования человеческого общества, социальные конфликты являются частью социально-политической жизни. События в Сирии в начале XXI века являются тому примером. Война всегда предполагает жертвы, и зачастую конфликты такого масштаба представляют из себя угрозу регионального масштаба, что не может не вызывать реакции со стороны мировых держав, побуждая их принимать необходимые меры для восстановления мира и устранения возможных негативных последствий. Как показывает опыт, привлечение третьих сторон является наиболее приемлемым способом для урегулирования политических противоречий. Международные организации, такие как ООН, ЕС, а также созданная в феврале 2012 года в рамках неформального объединения ряда стран, так называемая «Группа друзей Сирии», в составе которой были США, Великобритания, Египет, Турция, Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар и

Иордания, предпринимали попытки для решения возникших противоречий. Мировое сообщество было заинтересовано в завершении конфликта в Сирии, так как он вызвал огромную волну беженцев в европейские страны, пытавшихся выжить и спасти свои семьи, что, несомненно, сказалось бы на социальном и экономическом положении ЕС. Кроме того, террористические группировки активизировались и стали представлять угрозу не только на Ближнем Востоке, и вероятность расширения их деятельности в других регионах была очень высока. Для России было наиболее актуальным этот вопрос, так как она больше других государств представляла мишень для террористов, поэтому, как никто другой, она была заинтересована в скорейшем завершении конфликта в Сирийской Республике.

Материалы и методы исследований

Если рассматривать сирийский конфликт как социальное явление, своего рода определённый тип социальных отношений, то можно

охарактеризовать его как форму борьбы отдельных групп и индивидов во всех сферах жизнедеятельности общества. Для решения возникших противоречий необходимо учитывать опыт предыдущих событий, повлиявших на ход истории. В борьбе за свои интересы воюющие стороны прибегали к различного рода способам, таким как принуждение, убеждения, обман, переговоры и прямое насилие. Необходимо учесть то, что причинами конфликта могут стать разнообразные факторы противостояния – идеологические, нравственные или же материально-экономические составляющие основы. Согласно Георгу Зиммелю, являющемуся автором термина «конфликт» и теории модели социального конфликта, общество в процессе своей жизнедеятельности проявляло двоякую сущность конфликта: «Предметом истории в самом широком смысле является эволюция культурных форм...Скрытый смысл упомянутой эволюции заключается в том, что жизненная стихия, беспокойная в своем вечном движении ведет постоянную борьбу с продуктами собственной деятельности, отверделыми ее остатками противящимися ее напору» [3]. Получается, что ни одно общество не может быть избавлено от конфликтов, так как именно они побуждают общество к развитию.

Для международной политической жизни в новом тысячелетии характерно активное развитие переговорных механизмов и интеграционных процессов в целом. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе является таковой (ОБСЕ), также, как и Организация объединённых наций (ООН), под наблюдением которых проводятся переговорные процессы. Эти организации являются международными межправительственными институтами, пользующиеся доверием у всех конфликтующих сторон. На начальном этапе участникам конфликта обычно предлагается начать процесс урегулирования и предоставить им место для проведения переговоров.

В сирийском вопросе очень важно выполнить условия, чтобы решить его: признать причины возникших противоречий и их неизбежность, а уже потом найти наиболее верный способ урегулирования, определив этапы в достижении мирных целей. Чтобы немного разобраться в сложившейся ситуации, отметим социально-экономическое состояние, демографические особенности и то, как соблюдались в последние десятилетия права человека в САР.

Сирия получает независимость от французского правления в 1946 году, но уже через

три года в стране произошли военные перевороты, и лишь в 1954 году в результате восстания против военного режима возрождается процесс демократизации. Попытка создания единого арабского государства по инициативе египетского руководства (Единая Арабская Республика просуществовала с 1958 по 1961 г.) привела к трансформации системы управления из парламентской в президентскую систему правления. На этом сирийские политические процессы не закончились: в 1963 году был совершен успешный военный переворот и к власти пришла партия БААС (ПАСВ) – партия арабского социалистического возрождения.

С марта 1971 года по 2000 год у власти в этой ближневосточной стране находился президент Хафез аль-Асад, принявший новый Основной Закон 1973 года, который стал причиной национального кризиса. В новой Конституции теперь не было обязательным для президента быть мусульманином, т.к. сам Хафез аль-Асад был алавитом. Это вызвало острое противоречие в сирийском обществе: массовые демонстрации с требованиями признать Асада «врагом Аллаха» и призывы к джихаду против него со стороны Братьев-мусульман. Большинство в Сирии исповедуют ислам суннитского толка, и их желание видеть своим главой суннита было вполне понятным. Чтобы сохранить контроль над страной в 1963 году власти издали закон о чрезвычайном положении, по которому права и свободы граждан ограничивались, введена цензура и проводилось наблюдение за личными связями. Лишь спустя 48 лет, в 2011 году этот закон был отменён новым президентом Башаром аль-Асадом, сменившим на этом посту своего отца в 2000 году. В начале своего руководства страной Башар Асад подвергся жесткой критике со стороны оппозиции, призывавшей к акциям гражданского неповиновения и проведению демократических выборов. Сам Б. Асад считает, что оппозиция состоит из джихадистов, стремящихся не просто свергнуть Асада, но и уничтожить светскую власть. Как мы помним, семейство Асадов относится к шиитской секте алавитов, составляющей меньшинство в Сирии. Примерное число сирийских мусульман – 74% и 13 % шииты, включая от 8 до 12 % алавитов, кроме того, в стране также проживает около 10 % христиан и 3% – друзы. Как видно из выше сказанного, социальный конфликт мог быть вполне обоснованным, исходя из предпочтений большей части населения, недовольной тем, что высокопоставленные должности занимают представители меньшинства и желающей видеть в

роли руководства своих идеологических единомышленников.

Существовала ещё одна проблема – социально-экономическое неравенство, ещё более усугубившееся после прихода к власти Башара аль-Асада. К концу 2010 года объём ВВП страны составил 2.878 \$, что является низким показателем, ниже, чем в большинстве развивающихся стран [13]. Уровень безработицы возрос, особенно среди молодёжи, длительная засуха привела к потерям сельхоз продукции, обострилась ситуация с беженцами из Ирака [12].

Ещё одним фактором, явившимся объектом критики для международных организаций, стал вопрос о несоблюдении в САР прав и ограничении свобод граждан в стране. Последствия авторитарного режима ещё имели место, так как органы власти сохраняли особые полномочия для ареста и задержания граждан [8].

Все выше рассмотренные факторы аккумулировали социально-экономическую базу для гражданской войны и ставшие объективными причинами для начала конфликта, ставшего неизбежным.

Результаты и обсуждения

Рассматривая этапы разрастания противоречий, вылившихся в апреле 2011 года в массовые демонстрации в Дараа, можно отметить, что власти приняли очень жёсткие меры для подавления выступлений, открыв огонь по участникам протеста, вызванного арестом несовершеннолетних подростков по причине сделанной ими надписи: «Народ хочет падения правительства». Подросток Хамза аль-Хатех был убит после пыток, которым он подвергся, как и его приятели. Правительство Асада, в свою очередь, заявило, что пыток не было, все домыслы и произвольные изложения событий исходят из средств массовой информации Катара [17].

Основными участниками разразившегося конфликта нужно считать: правительство Асада и его сторонники в лице России, Ирана и Хезболлы; силы «Умеренной оппозиции» («Свободная сирийская армия»); западная коалиция (США, Великобритания, Франция), Израиль, Турция); «Сирийские демократические силы» (курдское, туркоманское, арабское, ассирийское ополчение); Исламисты (Фронт аль-Нусра, Джабхат Фатех аль-Шам, Хайят Тахрир аль-Шам); «Исламское государство».

У всех участников конфликта были свои цели и задачи, которые каждый хотел реализовать в свою пользу. Правительство Асада было нацелено сохранить существующие порядки и довоенный порядок, где алавиты остаются главными

фигурами политической жизни. Асад не может допустить поражения своего режима, это чревато весьма негативными последствиями для правящей верхушки. То обстоятельство, что алавиты долгое время находились в качестве элитного и обеспеченного общественного слоя, ещё более усиливает негатив со стороны суннитов.

Относительно интересов России можно отметить, что здесь существует несколько моментов. Во-первых, отношения между двумя государствами закреплены документально договором «О дружбе и сотрудничестве» ещё в октябре 1980 года [7]. Во-вторых, на территории САР расположены российские военно-морские базы, обеспечивающие присутствие России в Средиземноморском регионе, гарантом существования которого выступает правительство Башара Асада. В-третьих, Россия заинтересована в том, чтобы террористические организации не смогли одержать верх над легитимным правительством Сирии, так как они представляют угрозу Российскому государству и обществу.

Религиозный характер интересов носят цели Хезболлы и Ирана – ещё в 1973 году ливанский имам и иракский аятолла признали алавитов как приверженцев одной из ветвей шиизма. После поддержки Асадом Ирана в Ирано-Иракской войне иранское духовенство также признало алавитскую общину.

Что касается «Свободной сирийской армии», то её можно рассматривать как вооружённое объединение, в состав которого входят в основном сунниты, стремящиеся свергнуть Асада и его режим, пользуясь западными идеями либерализма.

На севере Сирии проживают религиозные и этнические меньшинства. Вооружившись, они стремятся к установлению на территории их проживания светского государства с федеративной формой правления и демократическими основами [15]. Против «сирийских демократических сил» выступают все участники конфликта.

Отдельной группой стоят исламисты, использующие коранические тексты и фундаментальные основы ислама в своей политической борьбе. Их цель – создать халифат и ввести шариатское право, причём они в открытую высказываются о том, что представители других конфессий, не относящихся к единобожию, будут лишаться прав и подвергаться гонениям. Шииты для исламистов также являются врагами.

Исламское государство рассматривается отдельно от исламистов по той причине, что эта террористическая организация ставит целью уничтожение всех, кто не согласен с её позицией,

даже посредством нарушения всех исламских норм.

Ещё одним обстоятельством, которое нужно учитывать в сирийском вопросе, наличие курдских ополченцев, которые защищают свои территории проживания и занимающих нейтральную позицию. Как отметил Станислав Михайлович Иванов, российский востоковед, курды становятся важнейшим фактором в регионе, поэтому американское правительство в своих интересах хочет добиться своеобразного слияния курдских сил и «умеренной оппозиции». Но есть большая вероятность того, что курды могут стать марионетками в «большой игре», ведь их интересы не будут обозначены как первостепенные [5]. Следовательно, такая расстановка сил может усложнить миротворческую деятельность в Сирии со стороны Российской Федерации.

Не стоит забывать об американском проекте Дж. Кемпа и Р. Харкави «Большой Ближний Восток», согласно которому необходимо осуществить «демократизацию» региона, так как на территориях от Марокко до Афганистана у власти находятся недемократические режимы. Эта идея была изложена в монографии «Allies Divided: Transatlantic Policies for the Greater Middle East» ещё в 1997 году. Соответственно, здесь нужно осуществить идею экономической и политической интеграции по примеру Запада.

Уже после вторжения сил НАТО на территорию Ирака американский геополитик З. Бжезинский в своей работе «Ещё один шанс» предложил такой вариант: «начать процесс «демократизации» с Ирака, Сирии, Ирана, а затем и Саудовской Аравии» [1], т.е. применять насильственные методы по примеру Ирака. Тогда возникает вопрос: насколько демократична американская демократия и какой ценой она должна устанавливаться?

Что касается позиции Израиля в Сирийском вопросе, следует отметить, что она близка к идеям Западной коалиции, но он не поддерживает дружеских отношений ни с кем из местных участников возникшего конфликта. Для обеспечения своей безопасности Израиль ставит цель уничтожить всех сторонников Хезболлы и Ирана.

Провинция Хатай в Сирии, где проживают в основном турки, представляет особый интерес для Турецкой Республики, поэтому политика, проводимая Анкарой направлена на осуществление геополитики в своих интересах и стремлениях решить спорные территориальные вопросы с туркоманским населением, а также

ликвидировать на сирийской земле курдских повстанцев.

Рассмотрев позиции участников и заинтересованных сторон в сирийском конфликте, можно определить какую роль сыграла Россия в установлении переговорного процесса рассматриваемого конфликта на Ближнем Востоке.

После начала военного противостояния в Сирии ещё в 2011 году со стороны ЛАГ, ООН, Россией и странами Запада были предприняты попытки разрешить ситуацию, которые, к сожалению, не принесли результата. Тогда в январе следующего года, а затем и осенью 2013 года российское руководство предлагало сесть за стол переговоров в Москве официальному Дамаску и представителям Сирийской свободной армии. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан предложил свой план по решению проблемы, но он также не увенчался успехом, и в феврале 2014 года Женевская конференция по Сирии не изменила ситуацию. Ещё одна попытка была предпринята в октябре 2015 года странами ЕС, России, Китая, США и другими региональными державами.

Удачными можно считать переговоры, состоявшиеся в Астане в 2017 году, где в качестве переговорщиков участвовали все субъекты противостояния военного конфликта. Незадолго до этого события, была обозначена договоренность министров иностранных дел РФ, Турции и Ирана о встрече в Казахстане по вопросам Сирии, следствием которой с 28 декабря 2016 года на территории САР вводился режим прекращения огня. Хотя к переговорному процессу не были допущены представители от Исламского государства и Фронт Аль-Нусры, как это было и в Женеве, в этот раз удалось добиться перемирия с исламскими военными формированиями: Ахрар аль-Шам, Джайш аль-Ислам, Джайш аль-Муджахидин, Туллар Ахл аль-Шам, Файлак аль-Шам, Джейсх Идлиб и Джабха аль-Шамийя [10].

В январе 2017 года начинается следующий виток переговоров в Астане, завершившийся 24 января. Американские журналисты, освещая этот процесс, отметили, что Россия «перехватила» инициативу у ООН в качестве третьей стороны, к тому же в переговорах не участвовал Высший комитет по переговорам, созданный ещё в 2015 году после конференции в Эр-Рияде. По итогам переговоров между Россией, Турцией и Ираном было подписано соглашение о создании специального наблюдательного органа для обеспечения соблюдения сторонами Резолюции

ООН №2254 о создании режима прекращения огня [19].

Следующим шагом по урегулированию сирийского вопроса стала третья конференция в столице Казахстана 14/15 марта 2017 года, на которой все три государства, ранее заключившие соглашения, выступают теперь гарантами в переговорном процессе [14].

На последовавшей за этой конференцией 4 мая 2017 года, там же в Астане, был документально оформлен меморандум о создании четырёх зон деэскалации конфликта: Хомс, Идлиб, зона восточной Гуты и пограничный район между Сирией и Иорданией. Таким образом, с 6 мая 2017 года объявлялось о прекращении огня, открытии гуманитарных коридоров и приостановлении полётов военной авиации. С пунктами этого документа не согласилась оппозиция, так как считала, что правительственные войска смогли бы найти способ найти «лазейку» для своих действий [9].

Попытки достигнуть компромисса не прекращались, и уже пятая по счёту конференция в Астане прошла с 12 по 15 июля того же года. Представитель ООН по Сирии Стефан де Мистура оценил работу переговорного процесса как эффективную [18]. Не смотря на меморандум, в пограничных с Иорданией районах военные столкновения продолжались. На шестой конференции, состоявшейся 14 сентября 2017 года три стороны Иран, Россия и Турция договорились о решении вопроса деэскалации в этой зоне [11].

Следующим шагом стала седьмая конференция от 31 октября 2017 года. Теперь решались вопросы об обмене военнопленными, а также составлялись списки пропавших. Затем состоялась восьмая встреча глав трёх государств-гарантов, завершившаяся 22 декабря 2017 года [16]. Обсуждались вопросы о разминировании объектов и исторических памятников культуры, и наконец, было принято решение о том, что в г. Сочи намечено проведение Конгресса в рамках сирийского национального диалога. Присутствовали на этом мероприятии представители от «умеренной оппозиции», официальные лица правительства Сирийской администрации, уполномоченный ООН по делам Сирии и главы государств-гарантов. На повестке стоял вопрос о политическом будущем САР, о проекте новой конституции страны [2].

В середине мая 2018 года прошла девятая встреча в Астане по мирному урегулированию сирийского конфликта, по итогам которой были подтверждены основные установки: сохранении суверенитета Сирии, борьба с террористическими

группировками, и самое главное – возвращение жителей Сирии к мирной жизни и оказанию всевозможной гуманитарной помощи населению.

Десятая встреча в астанинском формате прошла в Сочи в конце июля 2018 года, затем ещё одна конференция, но уже снова в Астане в конце ноября 2018 года. Договориться участникам по основным вопросам не удалось, поэтому уже в апреле 2019 года «астанинская тройка» продолжает свою работу в столице Казахстана. На этой встрече впервые присутствовал новый специальный уполномоченный Генерального секретаря ООН Гейр Педерсен. Здесь прозвучали призывы к международному сообществу оказать помощь в добровольном возвращении беженцев в свои дома, осуществлять проекты по восстановлению базовой инфраструктуры страны, восстановлению – больниц, объектов электрического и водоснабжения, а также школ. В переговорный процесс в качестве стран-наблюдателей были приглашены Ирак и Ливан.

Затем последовал ещё ряд встреч: в августе 2019, когда в результате переговоров оппозиция и правительство пришли к соглашению по соблюдению перемирия в Идлибе; в декабре 2019 – подтверждение достигнутых договорённостей, согласно меморандуму от 22 октября 2019 года о стабилизации обстановки на северо-восточной части Сирии. Следующая встреча была намечена на март 2020 года, но она не состоялась по причине коронавирусной пандемии. Конференции вновь возобновляются в феврале 2021 года в Сочи, в июле 2021 – в Казахстане, где наблюдателями выступили представители от ООН, Иордании, Ливана и Ирака. В декабре 2021 года очередная встреча глав астанинской тройки состоялась по вопросам борьбы с терроризмом во всех его проявлениях, действия которого направлены на подрыв целостности и суверенитета САР, на уничтожение мирного населения и разрушения инфраструктуры страны.

Восемнадцатой по счёту конференцией по вопросам Сирии стала встреча глав государств в середине июня 2022 года вновь в Казахской столице. В очередной раз были подтверждены позиции стран-участниц о необходимости поддержания мира и спокойствия в регионе, а также прозвучали негативные высказывания в адрес Израиля за его военные действия, нарушающие международные правила. В ноябре 2022 года состоялась девятнадцатая встреча в Астане, где рассматривались моменты, связанные с активизацией боевых действий сепаратистских группировок в районе Заевфратья, с продолжающимися нападениями Израиля в

Сирии, назвав эти действия дестабилизирующими и усугубляющими напряжённость в регионе.

По итогам всех прошедших переговоров по вопросам урегулирования сирийского конфликта можно сказать, что Именно Россия является инициатором мирных решений и конструктивных предложений в переговорном процессе. Некоторые исследователи отмечают, что успех России в Сирии вызывает у Соединённых штатов некоторое оживление и возбуждение, что можно расценивать как, некоторого рода, признание. Но в то же время, Станислав Иванов замечает, что: «несмотря на разгром наиболее крупных террористических группировок исламистов в Сирии, предпосылок к началу мирного урегулирования сирийского кризиса пока явно недостаточно. К тому же страна остается «яблоком раздора» между различными региональными и международными центрами силы, каждый из которых хотел бы доминировать в послевоенной Сирии» [4].

Выводы

Так в чём же кроется успешность российской дипломатии по вопросу урегулирования сирийского конфликта? Главным аспектом является, прежде всего, мотивация России завершить его в то время, как страны ЕС и США ставили своей целью отстранить от власти Б. Асада даже путем затягивания всего процесса. Следующей составляющей, позволившей приблизить разрешение противоречий – это фактор силы, который привел за стол переговоров

«умеренную оппозицию», не расположенную к диалогу по Женевскому сценарию. Ещё один фактор, сыгравший немаловажную роль – участие стран-гарантов, где проживают сунниты (Турция) и шииты (Иран), а также Российской Федерации в роли арбитра. И самое главное, в Астанинском формате, в отличие от Женевского, удалось исключить из переговорного процесса присутствие радикалов-фундаменталистов, не желавших решать вопросы мирным путём.

Итак, третья сторона в любом конфликте может позволить найти приемлемое решение для всех сторон, поэтому необходимо четко представлять, что именно нужно решить в первую очередь, чтобы избежать тупиковых ситуаций; каким способом добиваться положительных результатов и каким будет выход из сложившейся ситуации, т.е. последствия конфликта. Благодаря значимой роли России в переговорном процессе, удалось достигнуть положительных результатов, причём для Сирийской Республики они оказались очень прогрессивными. Последние новости арабского мира свидетельствуют о том, Лига арабских государств призвала к восстановлению САР в качестве члена организации. В апреле 2023 года в Каире на внеочередном заседании глав МИД ЛАГ обсуждались вопросы, касающиеся возвращения Сирии в «арабское лоно», и что необходимо решить гуманитарный вопрос в стране [6].

По существу, только сирийский народ сможет сделать выбор: либо мирная жизнь, либо повторить судьбу Афганистана или Ливии.

Список источников

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы (Сборник): пер. с англ. О.Ю. Уральская. М.: АСТ, 2014. С. 702.
2. Болдырев О.А. Сирийский конгресс в Сочи: диалог без ясных результатов // BBC-русская служба [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-42882017/> (дата публикации: 31.01.2018; дата обращения: 22.05.2023)
3. Зиммель Г. Избранное. Т. 1. Философия культуры / Ред. С.Я. Левит М.: Юрист. 1996. 671 с.
4. Иванов С.М. Перспективы мирного урегулирования конфликтов в Сирии и Ираке // Зарубежное военное обозрение. 2018. № 1. С. 12 – 15.
5. Иванов С.М. Сирийский конфликт и роль внешних сил в нем // Зарубежное военное обозрение. 2016. № 11. С. 11 – 16.
6. РИА Новости, Главы МИД стран ЛАГ одобрили возвращение Сирии в организацию <https://ria.ru/20230507/siriya-1870313944.html> Дата публикации: 07.05.2023. Дата обращения: 01.06.2023
7. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов <https://docs.cntd.ru/document/420354345> (дата публикации: 22.05.2023; дата обращения: 22.05.2023)
8. Amnesty International: Syria [Электронный ресурс]. URL: <http://report2009.amnesty.org/en/regions/middle-east-north-africa/syria/> (дата публикации: 28.03.2014; дата обращения: 22.05.2023)
9. Barnard Anne: Russia Reaches Deal for Syria Safe Zones, but Some Rebels Scoff // The New York Times [Электронный ресурс]. URL: https://www.nytimes.com/2017/05/04/world/middleeast/russia-iran-turkey-syria-escalation-zones.html?smpr&_r=0/ (дата публикации: 04.05.2017; дата обращения: 22.05.2023)

10. BBC news: Syria conflict: Russia-Turkey brokered truce comes into force [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-38463021/> (дата публикации: 30.12.2016; дата обращения: 22.05.2023)

11. Ersan Mohammad: «Precarious calm» in southwest Syria amid cease-fire // Al-Monitor [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20170718125904/https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2017/07/jordan-south-syria-front-ceasefire-astana-talks.html> (дата публикации: 14.07.2017; дата обращения 22.05.2023)

12. Fountain Henri: Researchers Link Syrian Conflict to a Drought Made Worse by Climate Change // The New York Times [Электронный ресурс] URL: <https://www.nytimes.com/2015/03/03/science/earth/study-links-syria-conflict-to-drought-caused-by-climate-change.html/> (дата публикации: 02.03.2015; дата обращения: 22.05.2023)

13. Global Economic Data, Indicators, Charts & Forecasts: Siria GDP per Capita [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/syria/gdp-per-capita> (дата публикации: 22.05.2023; дата обращения: 22.05.2023) https://www.nytimes.com/2017/05/04/world/middleeast/russia-iran-turkey-syria-de-escalation-zones.html?smpr&_r=0/ (дата публикации: 04.05.2017; дата обращения: 22.05.2023)

14. Orazgaliyeva Malika: Kazakhstan welcomes results of Syria meeting in Astana // The Astana Times [Электронный ресурс]. URL: <https://astanatimes.com/2017/03/kazakhstan-welcomes-results-of-syria-meeting-in-astana-as-russia-iran-and-turkey-issue-joint-statement/> (дата публикации: 17.03.2017; дата обращения: 22.05.2023)

15. Reuters: Syrian Reuters: Kurdish groups, allies say approve blueprint for federal system [Электронный ресурс]-URL: <https://www.reuters.com/?edition-redirect=uk> (дата публикации: 29.12.2016; дата обращения: 22.05.2023)

16. Satubaldina Assel: Latest Syrian peace talks in Astana focus on humanitarian issues // The Astana Times [Электронный ресурс]-URL: <https://astanatimes.com/2017/11/latest-syrian-peace-talks-in-astana-focus-on-humanitarian-issues/> (дата публикации: 02.11.2017; дата обращения: 22.05.2023)

17. The Guardian: Syria [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/may/31/syria-unrest-teenage-victim-hamza> (дата публикации: 31.05.2011; дата обращения: 22.05.2023)

18. United Nations: Note to Correspondents: Transcript of the press conference by the UN Special Envoy for Syria, Staffan de Mistura [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/note-correspondents/2017-07-05/note-correspondents-transcript-press-conference-un-special/> (дата публикации: 05.07.2017; дата обращения: 24.05.2023)

19. Wintour Patrick: Sponsors of Syria talks in Astana strike deal to protect fragile ceasefire // The Guardian [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/jan/24/syria-talks-astana-russia-turkey-iran-ceasefire/> (дата публикации: 24.01.2017; дата обращения: 22.05.2023)

References

1. Brzezinski Z. The Great Chessboard: American Domination and Its Geostrategic Imperatives (Collection): trans. from English O.Yu. Uralskaya. M.: AST, 2014. P. 702.

2. Boldyrev O.A. Syrian Congress in Sochi: dialogue without clear results. BBC-Russian Service [Electronic resource]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-42882017/> (date of publication: 01/31/2018; date of access: 05/22/2023)

3. Simmel G. Favorites. T. 1. Philosophy of culture. Ed. S.Ya. Levit M.: Lawyer. 1996. 671 p.

4. Ivanov S.M. Prospects for the peaceful resolution of conflicts in Syria and Iraq. Foreign Military Review. 2018. No. 1. P. 12 – 15.

5. Ivanov S.M. The Syrian conflict and the role of external forces in it. Foreign Military Review. 2016. No. 11. P. 11 – 16.

6. RIA Novosti, Foreign Ministers of the Arab League countries approved the return of Syria to the organization <https://ria.ru/20230507/siriya-1870313944.html> Date of publication: 05/07/2023. Date of access: 06/01/2023

7. Electronic fund of legal and regulatory technical documents <https://docs.cntd.ru/document/420354345> (date of publication: 05/22/2023; access date: 05/22/2023)

8. Amnesty International: Syria [Electronic resource]. URL: <http://report2009.amnesty.org/en/regions/middle-east-north-africa/syria/> (date of publication: 28.03.2014; date of access: 22.05.2023)

9. Barnard Anne: Russia Reaches Deal for Syria Safe Zones, but Some Rebels Scoff. The New York Times [Electronic resource]. URL: https://www.nytimes.com/2017/05/04/world/middleeast/russia-iran-turkey-syria-de-escalation-zones.html?smpr&_r=0/ (date of publication: 05/04/2017; access date: 05/22/2023)

10. BBC news: Syria conflict: Russia-Turkey brokered truce comes into force [Electronic resource]. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-38463021/> (publication date: 12/30/2016; access date: 05/22/2023)
11. Ersan Mohammad: "Precarious climate" in southwest Syria amid cease-fire. Al-Monitor [Electronic resource]. URL: <https://web.archive.org/web/20170718125904/https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2017/07/jordan-south-syria-front-ceasefire-astana-talks.html> (date of publication: 07/14/2017; date of access: 05/22/2023)
12. Fountain Henri: Researchers Link Syrian Conflict to a Drought Made Worse by Climate Change. The New York Times [Electronic resource] URL: <https://www.nytimes.com/2015/03/03/science/earth/study-links-syria-conflict-to-drought-caused-by-climate-change.html/> (date of publication: 03/02/2015; date of access: 05/22/2023)
13. Global Economic Data, Indicators, Charts & Forecasts: Syria GDP per Capita [Electronic resource]. URL: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/syria/gdp-per-capita> (publication date: 22.05. 2023; date of access: 05/22/2023) https://www.nytimes.com/2017/05/04/world/middleeast/russia-iran-turkey-syria-de-escalation-zones.html?smpr&_r=0/ (publication date: 05/04/2017; access date: 05/22/2023)
14. Orazgaliyeva Malika: Kazakhstan welcomes results of Syria meeting in Astana. The Astana Times [Electronic resource]. URL: <https://astanatimes.com/2017/03/kazakhstan-welcomes-results-of-syria-meeting-in-astana-as-russia-iran-and-turkey-issue-joint-statement/> (date of publication: 03/17/2017; access date: 05/22/2023)
15. Reuters: Syrian Reuters: Kurdish groups, allies say approve blueprint for federal system [Electronic resource]-URL: <https://www.reuters.com/?edition-redirect=uk> (date of publication: 12/29/2016; access date: 05.22.2023)
16. Satubaldina Assel: Latest Syrian peace talks in Astana focus on humanitarian issues. The Astana Times [Electronic resource]-URL: <https://astanatimes.com/2017/11/latest-syrian-peace-talks-in-astana-focus-on-humanitarian-issues/> (date of publication: 11/02/2017; access date: 05/22/2023)
17. The Guardian: Syria [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/may/31/syria-unrest-teenage-victim-hamza> (date of publication: 05/31/2011; date of access: 05/22/2023)
18. United Nations: Note to Correspondents: Transcript of the press conference by the UN Special Envoy for Syria, Staffan de Mistura [Electronic resource]. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/note-correspondents/2017-07-05/note-correspondents-transcript-press-conference-un-special/> (date of publication: 05.07. 2017; date of access: 05/24/2023)
19. Wintour Patrick: Sponsors of Syria talks in Astana strike deal to protect fragile ceasefire. The Guardian [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/jan/24/syria-talks-astana-russia-turkey-iran-ceasefire/> (date of publication: 01/24/2017; date of access: 05/22/2023)

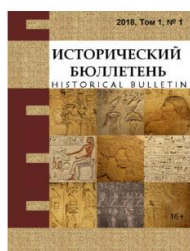
Информация об авторах

Хаджиева Б.М., преподаватель, Чеченский государственной университет имени А.А. Кадырова

Гациева Т.И., доцент, Чеченский государственной педагогический университет

Бондарь И.А., профессор, Ставропольский государственный педагогический институт

© Хаджиева Б.М., Гациева Т.И., Бондарь И.А., 2024

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2024, Том 7, № 1 / 2024, Vol. 7, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 930.85

Организация выезда за границу советских граждан в первой половине 1980-х годов по материалам Смоленской области

^{1,2} Иванов А.М.,
^{1,3} Купченко К.В.,
¹ Федоскин Н.Н.,

¹ Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

² Смоленский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,

³ Смоленская государственная сельскохозяйственная академия

Аннотация: данная статья посвящена деятельности комиссии по выезду за границу действовавшей при Смоленском обкоме КПСС в первой половине 1980 х годов. Авторы освещают на примере Смоленской области работу организации, которая контролировала выезд за рубеж советских граждан. Исследование проведено на базе архивных источников, хранящихся в Государственном архиве новейшей истории Смоленской области (далее ГАНИСО), многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Показываются недостатки и проблемы выезда, но делают вывод, что не смотря на все сложно случаев измены или отказов от возвращения на родину со стороны жителей Смоленской области не было.

Ключевые слова: взаимоотношения, граница, комиссия, Смоленский обком, туристические группы

Для цитирования: Иванов А.М., Купченко К.В., Федоскин Н.Н. Организация выезда за границу советских граждан в первой половине 1980-х годов по материалам Смоленской области // Исторический бюллетень. 2024. Том 7. № 1. С. 222 – 227.

Поступила в редакцию: 8 ноября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 10 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 15 января 2024 г.

Organization of travel abroad of Soviet citizens in the first half of the 1980s based on the materials of the Smolensk region

^{1,2} Ivanov A.M.,
^{1,3} Kupchenko K.V.,
¹ Fedoskin N.N.,

¹ Smolensk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

² Smolensk branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation,

³ Smolensk State Agricultural Academy

Abstract: this article is devoted to the activities of the commission for traveling abroad, which operated under the Smolensk Regional Committee of the CPSU in the first half of the 1980s. Using the example of the Smolensk Region, the authors highlight the work of an organization that controlled the departure of Soviet citizens abroad. The research was conducted on the basis of archival sources stored in the State Archive of Modern History of the Smolensk Region (hereinafter SAMHSR), many of which are being introduced into scientific circulation for the first time. Disadvantages and problems of departure are shown, but they conclude that despite everything difficult,

there were no cases of treason or refusals from returning to their homeland on the part of residents of the Smolensk region.

Keywords: relationships, border, commission, Smolensk Regional Committee, tourist groups

For citation: Ivanov A.M., Kupchenko K.V., Fedoskin N.N. Organization of travel abroad of Soviet citizens in the first half of the 1980s based on the materials of the Smolensk region. *Historical Bulletin*. 2024. 7 (1). P. 222 – 227.

The article was submitted: November 8, 2023; Approved after reviewing: December 10, 2023; Accepted for publication: January 15, 2024.

В Советском Союзе до конца 1980-х гг. выезд советских граждан строго контролировался, систематического туризма не было, только служебные командировки под контролем комиссии по выезду за границу действовавшей при Смоленском обкоме КПСС. Комиссия по выездам за границу строила свою работу в соответствии с постановлениями ЦК КПСС от 16 июня 1981 г. «О повышении требовательности к подбору и направлению советских граждан в заграничные командировки» и постановлением бюро Смоленского обкома КПСС от 10 августа 1981 г. по этому вопросу.

На заседаниях комиссии в 1982 г. были заслушаны информации секретаря парткома Смоленского завода холодильников и начальника отдела выездов и регистрации управления внутренних дел облисполкома о практике подбора лиц, направляемые в заграничные поездки. В ходе обсуждения были вскрыты серьезные недостатки в работе общественных организаций по направлению рабочих и служащих завода в заграничные поездки. За беспринципное отношение к подбору кандидатур для выезда за рубеж секретарь парткома строго был предупрежден. Была изучена деятельность ряда горкомов и райкомов КПСС, облсовпрофа и обкома ВЛКСМ по организации заграничного туризма, соблюдению требований подбора и направления граждан в заграничные командировки. О состоянии данной работы информировался секретариат Смоленского обкома КПСС. Вопреки организации туристических поездок советских граждан за рубеж систематически рассматривались в облсофпрофе и обкоме ВЛКСМ [1, л. 23].

Партийные комитеты больше внимания уделяли разъяснительной и пропагандистской работе среди туристов и лиц, выезжающих в зарубежные служебные командировки. Усиливалась подготовительная работа непосредственно в трудовых коллективах. В Смоленской области имелся ряд крупных предприятий, которые производили авиационную и дорожно-строительную технику, роботов и гибкие производственные системы, приборы и средства управления, мощные электрические машины и водогрейные котлы, минераль-

ные удобрения и холодильники, многие товары народного потребления. На ее территории находилось 5 высших и 27 средних специальных учебных заведений, 6 научно-исследовательских институтов, много исторических и архитектурно-художественных памятников, активно развивался советский и иностранный туризм [3, л. 73]. С каждым годом увеличивалось количество советских граждан, выезжавших за рубеж в служебные командировки и по туристическим путевкам. В 1985 г. за границу было направлено более 4 тысяч жителей Смоленской области, в том числе 566 специалистов, 3361 турист, 204 человека по частным приглашениям. Расширялось сотрудничество предприятий области с зарубежными организациями и фирмами, которое способствовало ускорению научно-технического прогресса в различных отраслях народного хозяйства, повышению производительности труда и качества выпускаемой продукции [2, л. 24].

Много интересного в этом плане имелось в научно-производственном объединении «Техноприбор», которое по поручению Министерства приборостроения СССР установило и развивало полезные связи с рядом иностранных фирм. С организациями Народной Республики Болгарии оно вело, например, разработку производственного участка с использованием промышленных роботов, экономический эффект от внедрения которой ожидался в сумме более 70 тысяч рублей. С финской фирмой «НОКИА» в объединении создавался участок сборки электроизмерительных приборов и совместно разрабатывалась тема по кооперативному производству сборочных центров, внедрение которых обеспечило экономическую выгоду в 11,7 млн. рублей [3, л. 73].

Специалисты этого объединения ежегодно направлялись в заграничные командировки на международные выставки и ярмарки, научно-технические конференции и симпозиумы. Там они знакомились с лучшими образцами мировой техники, изучали опыт зарубежных фирм во автоматизации производства и, как правило, добивались использования полученной информации на своем предприятии. С

начала 1980-х годов они побывали в Японии, Швеции, ФРГ, Франции, Великобритании, Финляндии, во многих странах социалистического содружества. По материалам этих поездок объединением было разработано восемь видов роботов и гибких производственных систем, советовавших лучшим мировым образцам. Внедрение только гибкого производственного модуля обеспечило народному хозяйству экономический эффект в несколько миллионов рублей.

Всесоюзной производственное объединение «Союзсчетмаш» с 1977 г. успешно сотрудничало с научно-производственным комбинатом ГДР «Роботрон». Внедрение в XI пятилетке (1981-1986 гг.) совместно разработанных тем обеспечило экономии в сумме 2,3 млн. рублей. Была утверждена двухсторонняя программа научно-технического сотрудничества и на XII пятилетку (1986-1990 гг.) Она предусматривала создание автоматизированной линии подготовки и монтажа интегральных схем, устройство оптического контроля и монтажа интегральных схем, устройство оптического контроля качества пайки печатных плат, автоматизацию транспортных операций и т.д. Только по этим видам работ расчетная экономия составила 3 млн. рублей. Кроме того, такое сотрудничество создавало хорошие предпосылки для повышения технического уровня и качества разработок, сокращая сроки внедрения их в производство [3, л. 74].

С 1964 года сотрудничал Смоленский государственный педагогический институт им. К. Маркса и Дрезденская высшая педагогическая школа им. К. Вандера. Их научные работники и преподаватели провели 12 научно-методических и практических конференций по проблемам развития общественных и психолого-педагогических наук, преподавания русского языка и литературы, было выпущено 10 наименований учебных пособий, 8 сборников научных статей, из которых значительный интерес представляли разработки по теории и практике коммунистического воспитания студентов педагогических институтов, патриотической и интернациональной работе с ними. В этих пособиях, активно использовавшихся студентами и преподавателями, широкое отражение получили материалы, пропагандировавшие советский образ жизни, достижения советского народа в коммунистическом строительстве. На курсах ускоренного обучения русского языка в смоленской пединституте за 1977-1985 гг. совершенствовались его знания более 5,5 тысяч студентов из ГДР [3, л. 74].

Выполняя рекомендации, высказанные в 1981 г. Центральной комиссией по выездам за границу, областная комиссия приняла меры по активизации информационно-пропагандистской работы делега-

ций, выезжавших в рамках партийных обменов и дружественных связей г. Смоленска с г. Тюль (Франция) и г. Хагена (ФРГ). Определенный опыт в этой работе накопил и областной комитет комсомола. С целью лучшей подготовки к беседам и дискуссиям за рубежом представители молодежных организаций Смоленской области, выезжавших в капиталистические и развивающиеся страны по линии БММТ «Спутник», готовили рефераты на общественно-политические темы. Они знакомились с достижениями страны и Смоленской области в экономическом и культурном строительстве, посещали исторические места города. Ежеквартально анализировались итоги заграничных поездок и в подготовку к ним вносились соответствующие коррективы.

Повысилась требовательность к качеству подбора людей в заграничные поездки. Комиссия периодически проводила семинары и совещания партийного, хозяйственного, профсоюзного и комсомольского актива, заслушивали на своих заседаниях соответствующие информации. По инициативе комиссии по выезду за границу была подготовлена памятка некоторых вопросах первичных партийных организаций по подбору и подготовке лиц, выезжающих за границу». Больше внимания по данному вопросу уделяли городские и районные комитеты партии, а также внештатные комиссии по предварительному рассмотрению характеристик. Кроме утверждения характеристик эти комиссии заслушивали сообщения и информации секретарей партийных организаций, кадровых работников предприятий и учреждений о постановке дела подбора и подготовки людей для выезда за границу, обобщали и распространяли накопленный опыт. Комиссия при Ленинском и Промышленном РК КПСС г. Смоленска готовили для бюро райкома партии вопросы по итогам заграничных поездок, а в необходимых случаях и об ответственности должностных лиц за выдачу необходимых характеристик. Так, в 1983-1985 гг. были наказаны в партийном порядке четыре хозяйственника и пять секретарей первичных партийных организаций за выдачу необъективных характеристик, слабый подбор людей в туристические поездки, неудовлетворительную подготовку воспитательной работы с выезжающими за рубеж. В этих райкомах партии имелись подборки литературы, необходимой для подготовки работников, направляемых за рубеж, в том числе и материалы по Смоленской области [3, л. 75].

Представители Смоленской области, как правило, добросовестно выполняли возложенные на них обязанности, достойно вели себя за рубежом. Часто просматривалась тенденция к снижению

количества случаев нарушения норм поведения за границей. В 1983 г. их было – 8, в 1984 г. – 7 и в 1985 г. – 3. За это же время более чем вдвое увеличилось число отстраненных от заграничных поездок. (в 1983 г. – 171, в 1984 г. – 131 и в 1985 г. 78). За период с 1981 по 1986 гг. не было отмечено ни одного факта досрочного откомандирования из-за границы и невозвращения на Родину [3, л. 75].

В Смоленской области была выработана действенная система реагирования на случаи несоблюдения норм поведения за рубежом. Все нарушения подвергались серьезным мерам партийного или административного воздействия (обсуждались в партийных и трудовых коллективах, получали строгие взыскания, переводились на низкие должности и т.д.). Практиковалась публикация в местной печати материалов о случаях нарушения норм поведения за рубежом. Вместе с тем анализ работы по организации выездов за границу свидетельствовал о том, что в Смоленской области отсутствовала четкая система борьбы за повышение эффективности международных связей. В первичных партийных организациях области был накоплен определенный положительный опыт работы по повышению результативности заграничных поездок, лучшему их использованию для решения задач интенсификации производства и ускорения научно-технического прогресса, активизации информационно-пропагандистской деятельности среди зарубежной общественности. Однако, комиссия должным образом не обобщала и не распространяла данный опыт. За 1983-1985 гг. не анализировалось выполнение планов и итогов командирования за рубеж специалистов, эффективность связей по линии местных партийных органов. Между тем, многие предприятия систематически не выполняли планы направления специалистов. Так, например, Управление строительством Смоленской атомной электростанции выполнило его в 1983 г. всего на 16 %, в 1984 г. – на 20 % и в 1985 г. – на 35 %; трест «Запэнергострой» - соответственно на 21 %, 66 % и 73 %; трест «Центроэнергомонтаж» - на 32 %, 52 % и 82 %. Не на всех предприятиях имелся резерв специалистов. На заводе «Измеритель» такой резерв был создан, однако должной подготовительной работы с ним не проводилось [3, л. 75-76].

Серьезные недостатки имелись в осуществлении сотрудничества предприятий Смоленской области с предприятиями Ченстоховского воеводства Польской Народной Республики (далее ПНР). Они были установлены только тремя организациями из пяти, предусмотренных Планом дружественных связей по линии местных партийных органов на 1984-1985 гг. В делегации, командиро-

ваемые на родственные предприятия ПНР, в основном включался административно-управленческий персонал, а специалисты с производства в них отсутствовали. Так, в составе делегации Ярцевского хлопчатобумажного комбината, выезжавшей в Польшу в 1985 г., например были директор, секретарь парткома, председатель профкома и секретарь комитета ВЛКСМ. Конкретная задача на данную командировку не разрабатывалась, вследствие чего поездка, как следует из отчета, оказалась чисто ознакомительной. В отчете делегации, уместившемся менее чем на полтора страницах, не была отражена проделанная работа и имелся только один вывод о том, что «польский народ не хочет войны» [3, л. 76].

Разумеется, что связи предприятий Смоленской области с иностранными партнерами могли быть значительно эффективнее, если бы горкомы и райкомы партии, партийные комитеты предприятий более внимательно их анализировали, выявляли имевшиеся упущения, обеспечивали лучший подбор предприятиям составов делегаций и тщательную подготовку перед ними задач, повышали спрос с руководителей за результатами заграничных командировок.

Для изучения передового зарубежного опыта плохо использовались поездки туристических групп однородного профессионального состава по специализированным маршрутам. Анализ показывал, что в их подборе и подготовке проявлялся формальный подход, ничем практически не отличался и инструктаж. Отчеты руководителей подобных поездок носили, как правило, общий характер. Значительное место в них занимало описание маршрутов, различных достопримечательных мест страны пребывания, уровня обслуживания туристов, но ничего не говорилось об изучении зарубежного опыта, отсутствовали конкретные предложения по его внедрению.

Все это говорило о недооценке облсовпрофом и комиссией важности использования данного канала международных связей для получения необходимой научно-технической информации, отсутствии должной инициативы в подобном деле со стороны руководителей тургрупп. Требовалась дальнейшее повышение пропагандистской эффективности международных связей. В Смоленской области не была введена в практику система, которая нацеливала каждого выезжающего за рубеж на активное участие в информативно-пропагандистской работе. Командировочными заданиями специалистов она зачастую вообще не предусматривалась, на нее слабо ориентировались и туристические группы, особенно по линии облсовпрофа. Многие из них направлялись за границу

без информационных материалов и не вели за рубежом никакой пропагандистской работы. Не случайно поэтому и в отчетах руководителей турпоездов данная сторона деятельности никак не освещалась. Комиссия по выезду за границу не принимала необходимых мер к исправлению сложившегося положения.

Имелись существенные упущения в работе по подбору и подготовке туристов для заграничных поездок, из-за недостаточного внимания к качественному составу туристических групп в 1983-1985 гг. намечались тенденции к снижению в них партийной прослойки. В 1983 г. членов КПСС в составе тургрупп было 25, 4 %, в 1984 г. – 25 %, в 1985 г. – всего 20, 1 %, что на одну треть было ниже среднего союзного показателя. Меньше, чем в среднем по СССР, выезжало из Смоленской области и рабочих [3, л. 77].

Облсовпроф комплектовал туристические группы с резервом, нередко достигавшим 100 % их основного состава, что излишне загружало партийные и другие органы работой по изучению представленных кандидатур. Несмотря на то, что комиссия вела работу по улучшению подбора и подготовки людей к заграничным поездкам, повышала требовательность к должностным лицам за ее постановку в организациях области. Нельзя не отметить, что комиссия все еще мирилась с фактами, когда некоторые партийные и хозяйственные руководители рекомендовали за рубеж недостойных работников, которые по своим политическим и нравственным качествам не могли там представлять страну. Этим объяснялось большое число отводов от заграничных поездок. В 1985 г. насчитывалось 78 таких случаев. В отдельных группах облсовпрофа их насчитывалось 5, 10, а иногда даже 16. Причиной большинства отводов являлось злоупотребление спиртными напитками и другими аморальным проявлением. Так, например, шофер колхоза им. Куйбышева Сафоновского района Науменок Н.П. в январе 1985 г. попал в медвытрезвитель, а в апреле был рекомендован в турпоездку в Италию. Шофер совхоза «Березовский» Холм-Жирковского района Романов Н.М. был рекомендован в заграничную поездку в Венгрию и Югославию, несмотря на то что он на почве злоупотребления спиртными напитками устраивал скандалы в семье. Его жена дважды обращалась к руководству совхоза с просьбой воздействовать на мужа. Гагаринская швейная фабрика положительно характеризовала столяра Сорокина Л.С., хотя до этого он был трижды судим за хищения государственного имущества и злоупотреблял спиртными напитками [3, л. 77].

В числе лиц, которым было отказано в выезде за границу, нередко встречались руководители. Среди них: Савостин А.В. – главный инженер Смоленского специализированного строительномонтажного управления, достававшегося в медвытрезвитель; Дмитриенко Н.Т. – помощник директора по кадрам Смоленского завода холодильников, задержанный во время командировки на одном из минских предприятий за незаконный вынос дефицитных деталей; Кокорева С.А. – начальник планового отдела Смоленского монтажного управления треста «Центрамонтажавтоматика», имевшая замечания морально-бытового характера. Комиссия по выезду за границу никак не прореагировала на перечисленные факты выдачи необъективных характеристик и не принимала к виновным в этом должностным лицам необходимых мер. Комиссией не была выработана система информации горкомов и райкомов партии о причинах отвода от заграничных поездок, в результате многие подобные случаи оставались без всестороннего, взыскательного рассмотрения в партийных организациях.

Допускались элементы формализма при обсуждении комиссией отчетов партийных комитетов о работе по подбору и подготовке людей к заграничным поездкам. Перед заслушиванием не производилось предварительного ознакомления на месте с постановкой этой работы, она достаточно серьезно не анализировалась, не выявлялись ее положительные и отрицательные стороны. Практически бралось на веру все то, что излагалось в сообщениях докладчиков. Подобные обсуждения заканчивались, как правило, принятием общих, никого ни к чему не обязывающих решений, с расплывчатыми рекомендациями, выполнение которых невозможно было проконтролировать. О деятельности таких решений, их заметном влиянии на положение дел говорить не приходилось [3, л. 78].

В 1983-1985 гг. комиссия по выезду за границу не информировала о своей деятельности обком КПСС и не внесла на его рассмотрение ни одного вопроса. Наблюдалось отклонение от установленного инструкцией ЦК КПСС порядка ведения делопроизводства. Некоторые письма-представления на выезд за рубеж не имели грифа «секретно» и не регистрировались в общем отделе обкома. Из-за нерегулярного проведения заседаний комиссии значительное число выездных дел рассматривалось с нарушением установленных сроков. На отдельных заседаниях принимались решения о выезде за границу 550 и более человек, что не способствовало обстоятельному и всестороннему рассмотрению каждой кандидатуры [3, л. 78-79].

Таким образом, можно сделать вывод что систематического выезда за рубеж у советских граждан не было. Данный процесс контролировала комиссия по выезду за границу действовавшая при Смоленском обкоме КПСС. Ее работа была направлена на контроль за выездом за рубеж советских граждан, но в основном это были руководители обкома, горкомов и райкомов, директора

предприятий, секретари парткома, председатели профкома и секретари комитета ВЛКСМ. Выезд и количество рабочих, колхозников и служащих строго контролировался, но не смотря на ряд недостатков случаев измены или отказов от возвращения на родину со стороны жителей Смоленской области не было.

Литература

1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее ГАНИСО). Ф.6. Оп. 59. Д. 58. Информации обкома партии о выполнении постановлений ЦК КПСС 1983 г. Л. 22 – 24.
2. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 65. Д. 66. Материалы обкома партии, направляемые в ЦК КПСС. 1985 г. Т. 1. Л. 23 – 27.
3. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 68. Д. 103. Материалы обкома партии направленные в ЦК КПСС. 1986 г. Т. 1. Л. 73 – 81

References

1. State Archive of Contemporary History of the Smolensk Region (hereinafter GANISO). F.6. Op. 59. D. 58. Information from the regional party committee on the implementation of the resolutions of the CPSU Central Committee of 1983, L. 22 – 24.
2. GANISO. F. 6. Op. 65. D. 66. Materials of the regional party committee, sent to the CPSU Central Committee. 1985 T. 1. L. 23 – 27.
3. GANISO. F. 6. Op. 68. D. 103. Materials of the regional party committee sent to the CPSU Central Committee. 1986 T. 1. L. 73 – 81

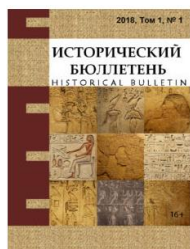
Информация об авторах

Иванов А.М., кандидат исторических наук, доцент, Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Смоленский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Aleks-I-82@yandex.ru, 8-910-763-94-25

Купченко К.В., кандидат исторических наук, доцент, Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Смоленская государственная сельскохозяйственной академия

Федоскин Н.Н., кандидат педагогических наук, доцент, Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

© Иванов А.М., Купченко К.В., Федоскин Н.Н., 2024

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2024, Том 7, № 1 / 2024, Vol. 7, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 355.930

Война за испанское наследство 1701-1714: обзор исследований

¹ Выгодин В.А.,
¹ Российский университет дружбы народов

Аннотация: в данной научной статье представлен обзор исследований войны за испанское наследство, проходившей в период 1701-1714 гг. Автор анализирует различные источники и научные труды, посвященные этому конфликту, а также архивные материалы, археологические находки и периодическую печать. В статье рассказывается о причинах и ходе войны, ее последствиях и влиянии на политическую карту Европы. Война за испанское наследство была испанским династическим конфликтом, начавшимся после бездетной смерти короля Испании Карла II. Трон Испании принадлежал Филиппу V Бурбонскому, внуку французского короля Людовика XIV, но страх многих европейских держав перед династическим союзом между Францией и Испанией заставил их поддержать эрцгерцога Карла Австрийского в его притязаниях на испанский престол. Династический конфликт перерос в ожесточенную международную войну, которая навсегда решила судьбы всей Европы. Этот конфликт ознаменовал конец позиции Испании как державы-гегемона в Европе, и с тех пор она стала державой второго сорта. Конфликт о престолонаследии также перерос в настоящую гражданскую войну между короной Кастилии и короной Арагона, которая привела к потере исторических арагонских и каталонских фуэрос. Исследование проводилось с использованием междисциплинарного подхода, который объединяет исторический, политический, военный и социокультурный анализ, что делает эту статью ценным ресурсом для исследователей, студентов и всех, кто интересуется военной историей. Наконец, в этой статье представлен всесторонний обзор исследований войны за испанское наследство 1701–1714 годов, представлены различные точки зрения и проанализирован широкий спектр материалов. Это способствует лучшему пониманию событий этого периода и оставляет вопросы для будущих исследований.

Ключевые слова: война за испанское наследство, Карл III, политическая карта Европы, Филипп V, Австрияцизм

Для цитирования: Выгодин В.А. Война за испанское наследство 1701-1714: обзор исследований // Исторический бюллетень. 2024. Том 7. № 1. С. 228 – 237.

Поступила в редакцию: 8 ноября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 11 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 15 января 2024 г.

The War of the Spanish Succession 1701-1713: research review

¹ Vygodin V.A.,
¹ Peoples' Friendship University of Russia

Abstract: this scientific article provides an overview of the research of the War of the Spanish Succession, which took place in the period 1701-1713. The author analyzes various sources and scientific works on this conflict, as well as archival materials, archaeological finds and periodicals. The article describes the causes and course of the war, its consequences and its impact on the political map of Europe. The War of the Spanish Succession was a Spanish dynastic conflict that began after the childless death of King Charles II of Spain. The throne of Spain be-

longed to Philip V of Bourbon, the grandson of Louis XIV of France, but the fear of many European powers of a dynastic alliance between France and Spain forced them to support Archduke Charles of Austria in his claims to the Spanish throne. The dynastic conflict turned into a fierce international war that forever decided the fate of the whole of Europe. This conflict marked the end of Spain's position as a hegemonic power in Europe, and it has since become a second-class power. The succession conflict also escalated into a real civil war between the Crown of Castile and the Crown of Aragon, which led to the loss of the historical Aragonese and Catalan fueros. The research was conducted using an interdisciplinary approach that combines historical, political, military and socio-cultural analysis, which makes this article a valuable resource for researchers, students and anyone interested in military history. Finally, this article provides a comprehensive overview of the studies of the War of the Spanish Succession of 1701-1713, presents various points of view and analyzes a wide range of materials. This contributes to a better understanding of the events of this period and leaves questions for future research.

Keywords: the War of the Spanish Succession, Charles III, the political map of Europe, Philip V, Austrianism

For citation: Vygodin V.A. *The War of the Spanish Succession 1701-1713: research review. Historical Bulletin. 2024. 7 (1). P. 228 – 237.*

The article was submitted: November 8, 2023; Approved after reviewing: December 11, 2023; Accepted for publication: January 15, 2024.

Введение

В истории каталоноязычных стран (Королевства Арагон) поворотным моментом является окончание Войны за испанское наследство. Еще до начала войны короны Арагона разработали собственное законодательство и политическую систему. Ни слияние корон в конце XV века, ни установление Габсбургской монархии не смогли остановить этот процесс. Напротив, различные государства Арагонской короны продолжали институционально развиваться в 16 и 17 веках. Произошло расширение социального и территориального представительства, а также увеличение полномочий и финансовых ресурсов представительных и парламентских институтов. В этот период эти институты также разработали свой собственный политико-правовой дискурс, который был особенно активен в Каталонии в последнее десятилетие шестнадцатого века. Однако эта тенденция внезапно прекратилась после поражения Каталонии в войне за независимость.

В этой статье мы анализируем участие каталоноязычных земель в Испанской войне за наследство, уделяя особое внимание факторам, которые привели к их вовлечению в войну, и последствиям, вызванным их поражением.

Следует также отметить, что основной целью исследований по данной теме является всесторонний обзор всех основных аспектов этой войны. Сюда входит анализ военно-политической обстановки, международных отношений, социально-экономических последствий и культурных аспектов в определенный период времени.

Корона Арагона и испанская монархия: историческая перспектива

Слияние корон, скрепленное браком Фердинанда II Каталонского и Арагона с Изабеллой I Кастильской в 1469 году, сохранило политический и институциональный суверенитет королевств [1]. Только иностранные дела (дипломатия и/или война) зависели от высшей власти, которую другие суды называли испанской или католической монархией. Как указывали несколько авторов [3, 5], слияние корон последовало за каталонско-арагонской моделью конфедерации, в отличие от кастильской версии, которая придерживалась более стандартизирующей, ассимилирующей модели. Такая модель политического управления в Каталонии представляла собой явную противоположность авторитарной системе кастильского правительства. В рамках этой модели была создана конституционная система, которая успешно функционировала в Каталонии до 1714 года и включала ряд гарантий. К ним относятся полное законодательное и финансовое самоуправление через парламент и суд по общим делам, судебная власть через Аудиенсию Каталонии, а также существование арбитражного учреждения, называемого Трибуналом по спорам или Конституционным трибуналом. Король и местные учреждения разделяли структуру этого трибунала. Трибунал разрешал институциональные конфликты, претензии, связанные с неконституционными действиями властей, и другие подобные жалобы [6]. Эти институты и возникшая из них правовая практика основывались на богатой политико-правовой литературе, закреплявшей политические ценности, среди которых в основе лежала идея пакта между королем и «страной» (пактизм), правления. закону, прави-

тельству, правителям и даже монархии приходилось подчиняться, а также особенностью контроля над государственным налоговым аппаратом со стороны представительных властей и учреждений, включая Женералитат Каталонии.

Полное осознание политической и финансовой мощи Женералитата помогает нам понять важную роль, которую этот институт сыграл в революционных событиях 1640, 1705 и 1713 годов. Со своей стороны, королевство Арагон первоначально имело более широкую свободу действий в области политического суверенитета. Этот факт был подтвержден знаменитой формулой, с помощью которой арагонский двор присягал на верность монарху: арагонские отделения или учреждения заявляли, что «мы стоим столько же, сколько вы, а вместе больше, чем вы», прежде чем объявить монарха «нашим». Формальный режим арагонцев был существенно изменен судом, созванным Филиппом II в 1592 году после того, как его войска подавили восстание в королевстве.

Международная война и внутреннее восстание

В период правления Карла II (1665-1700) Франция активно проводила военно-дипломатическую политику с целью вмешательства в вопрос испанского правопреемства испанских домов [10]. Чтобы разделить испанскую монархию с другими европейскими государствами, Франция оказывала все большее и прямое влияние на Мадридский двор, заключила несколько договоров и участвовала в военных конфликтах, демонстрируя свое военное превосходство, например, в Девятилетней войне (1689-1697 гг.). В рамках этого конфликта французские войска повторно оккупировали Каталонию, их флот захватил побережье Средиземного моря и подверг бомбардировке стратегические объекты, такие как Аликанте.

Стоит отметить, что первое правление молодого Филиппа Анжуйского, ставшего Филиппом V Испанским, вызвало уважение, но без энтузиазма. Это произошло из-за однородных и широкомасштабных изменений во всех королевствах, включая Каталонию. Известно, что Филипп V создал суд в 1701 году, принес присягу конституции и пошел на значительные экономические и политические уступки.

Особый интерес представляет период с 1700 по 1705 год, в течение которого отношение изменилось от дезорганизованных и демобилизованных антифранцузских настроений к формированию подлинной австрийской партии, желавшей свергнуть монарха и заменить его известным эрцгерцогом Карлом Австрийским. сторонникам испанской короны, таким как Карл III.

Создание такой партии осуществлялось самым секретным образом. Австрийская литература как в ранний период, так и в поздние годы изгнания подчеркивает внутренние причины такого изменения отношения. Кастильский австрийизм, до сих пор малоизвестный сегодня, считал, что смена династии означает подчинение ранее могущественной державы Франции. Воцарение Филиппа V положило начало упадку Испании [5]. Этот аргумент имел экономическую составляющую, поскольку испанская пропаганда в пользу Австрии напоминала о монополии французских компаний в торговле с испанско-американскими колониями, особенно в работоторговле, со времени прихода на престол Филиппа V. В документах также говорилось, что династическая смена приведет к замене кастильского правящего класса чиновниками и придворными Франции и Испании, низведенными до статуса колонии. Эти аргументы уже содержались в манифесте, который адмирал Хуан Кастильский подписал в Лиссабоне в 1702 году.

Томас Энрикес де Кабрера был первым видным деятелем Испании, выбравшим изгнание и прямую конфронтацию с Бурбонами. Почти дословно это можно реконструировать в политической речи Teatro de desdichas (Театр несчастий), опубликованной в изгнании в Милане в 1716 году. Каталонское австрийство, способное непрерывно генерировать собственный дискурс на протяжении всей войны, также подчеркивало внутренние причины разрыва. Нарсис Фелиу де ла Пенья, один из первых австрийцев, широко развил этот дискурс после своего заключения в тюрьму полицией Бурбонов в 1704 году. В 1709 году он опубликовал «Анализ каталонских анналов», который можно считать официальной историей Каталонии в эпоху эрцгерцога. Большую часть третьего тома он посвящает описанию ухудшения отношений между каталонцами и Филиппом V. Фактически главы этого произведения объясняют, как события после смерти Карла II вызвали гнев властей Бурбонов в 1714 году, который затем повлек за собой приказ о массовом уничтожении.

Однако Фелиу и каталонский австрийство в целом разработали свою собственную линию аргументации. Целью было описать перечень жалоб, злоупотреблений, неконституционных действий и подобных аспектов, которые характеризовали поведение Филиппа V и его министров за год до восстания 1705 года. Любой нелояльный поступок со стороны монарха, считал Фелиу, аннулировал бы клятву верности, которую Каталония дала перед Генеральным судом в 1701 году, и тем самым оправдал бы нарушение. Этот аргумент, кстати,

опровергал обвинения в мятеже, которые постоянно повторяла пропаганда Бурбонов.

Внимательное прочтение текста Фелиу, который был не только непосредственным свидетелем событий, но и активным их участником, показывает, что конфликт до 1704 года существенно не отличался от тех, с которыми столкнулись институты «страны» и королевские наместники в предыдущие годы правления [11].

Натан Кастельви, рыцарь, родившийся на Монблане (Конка де Барбера), одном из районов, где происходили репрессии Бурбонов, был одним из первых австрийцев. Он принял участие в последнем сопротивлении Барселоны и провел первый послевоенный период полузамаскированным. В 1726 году, через год после Венского мира, по итогам которого была объявлена вторая амнистия сторонникам Филиппа V и Карла III. (тогда Карл VI, император Священной Римской империи), Кастельви искал убежища в столице империи. Там он провел остаток своей жизни, более 30 лет, вплоть до своей смерти в 1757 году, посвятив себя написанию своей монументальной военной истории.

Ключевая роль союзных держав в формировании подъема австрийизма также является решающим фактором в двух важных политических текстах, опубликованных в 1734-1736 годах в контексте новой международной политики. Многолетняя война и последний наместник Карла II, позже сосланный Филиппом V он сыграл решающую роль в формировании Большого Гаагского альянса [18]. Вигатаны по сути были вооруженным крылом австрийской партии в Каталонии.

Однако ядро каталонского австрийизма составляла коммерческая буржуазия Барселоны. В области исследований, охарактеризованной Нарцисом Фелиу де ла Пенья метафорой «Феникс Каталонии», 17 различных коммерческих и промышленных секторов разработали модель экономического развития с целью превратить Каталонию в «Голландию Средиземноморья». класс буржуазии, открытый новому времени, распространяющий свое влияние через городские сети по всей стране и создающий во время войны множество торговых компаний для экспорта, таких как компания Нова де Гибралтар. Новый городской правящий класс также создал новые сферы культурного производства, такие как Acadèmia dels Desconfiats (Академия сомневающихся), и группы, которые участвовали в новой политической динамике, особенно заметной в сфере нотариата. В этом контексте Университет Барселоны стал важным центром деятельности, расшатывающим основы и вовлекающим как студентов, так и профессоров.

Третьим стержнем антибурбонского сопротивления была низшая жреческая община, особенно ордена Менди. Эта популярная группа сыграла важную роль в событиях 1930-х годов [12]. В своей наиболее известной форме каталонский австрийизм создал политический дискурс, основанный на защите пактизма и конституций. Большое внимание он уделял «земельным» институтам с точки зрения их компетенции и растущей социальной и территориальной репрезентативности. В более радикальных формулировках каталонский австрийизм ассоциировался с республиканизмом, воспринимавшимся как тенденция, ставящая общее благо выше династических соображений. С другой стороны, кастильский австрийизм, который требует дальнейшего изучения, развивает дискурс, основанный на сохранении монархии посредством законов страны и посреднической роли дворянства и церкви. Согласованная монархия в Каталонии и «умеренная» монархия в Кастилии контрастируют с абсолютной монархией, которую принесли с собой первые Бурбоны. В обоих движениях главным аргументом была также оппозиция Франции и всему, что она представляла в политическом и экономическом плане. Как видим, в обоих случаях Война за испанское наследство не имела на полуострове исключительно династического значения.

*От неудачной высадки к успешной
высадке (1704-1705)*

При анализе австрийизма, его социальных и идеологических характеристик следует учитывать и возрастной состав его приверженцев. По крайней мере, до 1704 года молодые люди, поддерживающие антибурбонскую оппозицию, не имели значительного присутствия в правительственных учреждениях страны. Это стало ясно после высадки союзников в Барселоне 28 мая того же года [13].

Очевидные факты показывают, что эта компания получила поддержку изнутри города. Однако было очевидно, что в конечном итоге он оказался слабым и деформированным. Институты «Страны», особенно Женералитат и Совет Сотни, находились под контролем герцога Веласко, вице-короля Каталонии при Филиппе V.

Городское ополчение, известное как Коронела, сыграло ключевую роль в защите города. Союзным войскам пришлось спешно покинуть город. Однако следует отметить, что несколько сотен заговорщиков воспользовались этим моментом, чтобы покинуть Барселону и присоединиться к флоту, захватившему Гибралтар несколько недель спустя. Эта первая группа каталонских изгнанников отправилась в Лиссабон, но небольшое количество

также направилось в Гибралтар, Геную (нейтральную республику и, по определению, базу шпионажа с обеих сторон) и даже Вену. Присутствие значительного числа изгнанников расширило международные контакты сопротивления, а также сеть, через которую могла передаваться корреспонденция союзников.

В любом случае несостоявшаяся высадка и вера во внутренний заговор привели к жестоким репрессиям как в Барселоне, так и по всей Каталонии. Интересно сравнить каталонские и придворные источники по этому вопросу. По словам Нарсиса Фелиу де ла Пенья, очевидно, что репрессии, организованные вице-королем герцогом Веласко, были беспрецедентными как по своим масштабам, так и по использованным методам. С другой стороны, репрессии в Мадриде склонны обвинять Веласко в том, что он слишком мягок и неспособен справиться с восстанием. Оба мнения по существу основаны на одном факте. Они указывают на качественный переход в конфликте между Каталонией и Филиппом V [7]. Этот переход ознаменовался переходом от традиционных, спорадических и во многом корпоративных конфликтов к новому, более распространенному деструктивному поведению, а также широким использованием некоторых символов неповиновения установленному порядку, таких как ношение желтых ленточек, ставших стандартными эмблемами австризма. Постепенно Карл III стал завоевывать сферу самовыражения и взаимодействия, и в то же время Ботифлёры, сторонники Филиппа V, чувствовали себя в меньшинстве.

Но даже при таких обстоятельствах Карл III не мог добиться успеха. Сами австрийцы считали возможным народное восстание с целью свержения Бурбонов. Совсем наоборот, австрийцизм, который был в значительной степени побочным продуктом международной войны, как мы видели, нуждалась в союзниках больше, чем когда-либо. И к концу 1704 года эта потребность стала взаимной. Большой Альянс вел двухлетнюю войну против двух коронованных Бурбонов, во имя династической борьбы. Однако в стране, где должен был решаться конфликт, серьезных вооруженных восстаний не произошло. Активизация портового фронта с прибытием Карла III в Лиссабоне закончилась неудачно. Морскую гегемонию союзников на иберийском побережье обеспечил только Гибралтар, который стал своего рода изоляционным блоком и отвернулся от внутренних регионов. Неудача союзников на испанских землях контрастировала с победоносной динамикой их войск на всех других фронтах.

Все эти факторы в совокупности могут объяснить совпадение действий внутреннего сопротивления и союзных государств, наиболее ярким проявлением которого стало подписание Генуэзского пакта 20 июня 1705 года. Этот пакт, в котором участвовали Англия и каталонские вигатанцы, выражал долгосрочное желание обеих сторон достичь соглашения. Послы, принимавшие его от имени внутреннего сопротивления, говорили о своем положении в изгнании с 1704 года.[15] 23-летний Антони де Пегер из Барселоны был одним из основателей Академии наук. Адвокат Доменек Перера был уважаемой фигурой в Вик-Плейнс. Митфорд Кроу, торговец, занимавшийся производством и экспортом алкогольных напитков, был полномочным послом королевы Анны. При этом он выполнил два условия: хорошо знал страну и был известен большинству правящего класса.

Кроме того, пакт гарантировал военную поддержку союзников в случае возможного восстания. И, что, возможно, более важно для победы над каталонским общественным мнением, пакт обеспечил приверженность Англии соблюдению каталонской конституции, независимо от исхода спора. Важность пакта подтвердилась событиями. 20 июня вигатаны разгромили силы Бурбонов и захватили графство Осона вдоль реки Бесос, одного из основных маршрутов снабжения Барселоны.

Месяц спустя, 22 августа, за городом высадились крупный флот союзников. Одним из его пассажиров был эрцгерцог Карл III из Австрии. Во время полуторамесячной осады сопротивление сыграло ключевую роль как у ворот Барселоны, так и в распространении восстания по всей стране. Поддержка Филиппа Бурбона явно преобладала среди населения Кастилии, в то время как королевства, входившие в состав Арагонской короны, отличались активной или пассивной антибурбонской позицией. Эта позиция стала особенно ясной во время двух осад Мадрида союзниками в 1706 и 1710 годах [6]. В обоих случаях власти Бурбонов заключили в тюрьму аристократов и епископов, подозреваемых в соотрудничестве с Карлом III. был обвинен, но способность австрийцев к мобилизации оставалась относительно слабой, и Филипп V получил поддержку благодаря этим мерам.

Эта реальность, связанная с ранним кастильским австрийцизмом, и преобладание его в мощных ядрах в значительной степени сформировали и определили испанскую культуру и язык в течение многих веков.

Карл III, король каталонцев: политика и война

7 ноября 1705 г., в день триумфального въезда Карла III в Барселоне международная война перешла в гражданскую. В Мадриде и Барселоне два

молодых иностранных принца учредили свои суды, а система правления включала советы и секретарей, которые по сути были копиями друг друга.

Так же, как его предшественник и соперник, Карл создал суд Каталонии и отнесся к нему с особой щедростью. Он повторил не только некоторые важные экономические уступки, такие как прямая торговля с Америкой и беспощинный порт Барселона, но и политические уступки, такие как создание конституционного суда. К мерам первого испанского Бурбона добавились новые, в том числе отмена королевского контроля над голосованием в Женералитате и Совете Сотни. Это фактически свело на нет последствия революции 1640 года. Также стоит упомянуть легализацию Conferència dels Tres Comuns (Конференция трех сообществ), которая объединила два учреждения и военное крыло. Очевидно, Филипп V запретил этот клуб, но он сыграл ключевую роль в окончательной обороне Барселоны во время осады 1713-1714 годов. Кроме того, были приняты целенаправленные меры по пропаганде местного австризма, включая присвоение почетных гражданских должностей, званий и назначений как в гражданском, так и в военном секторе.

В ходе осады Бурбонам удалось закрепить свою победу на военном, идеологическом и индивидуальном уровнях. Однако повседневное функционирование нового режима было непростым. Напряженность между королевской властью и институтами «страны» быстро росла и была особенно заметна с конца 1707 года, когда война докатилась до Каталонии с оккупацией Бурбонами города Лериды. В этом контексте возникли проекты авторитарной или абсолютистской направленности. Однако нельзя сделать никаких выводов о том, как сложилась бы судьба Карла, если бы конфликт закончился иначе. Следует также помнить, что правительство Барселоны постоянно страдало от войны и имело временный статус.

Это ощущение особого статуса было заметно на двух уровнях. Во-первых, Барселона не только осталась столицей княжества, но и стала столицей параллельного двора, в котором сохранились все архитектурные черты испанской Габсбургской монархии. Между 1705 и 1713 годами Барселона испытала социальную и символическую привлекательность королевского двора, и вам придется вернуться на несколько столетий назад, чтобы найти что-то подобное. В Барселону съехались послы и представители союзных и нейтральных государств, а также торговцы со всего мира. Были там и ведущие художники, приезд которых сразу повлиял на жизнь города.

Однако военная динамика на Пиренейском полуострове Сула всегда складывалась неудачно. Первое наступление на Мадрид закончилась поражением союзников в битве при Альмансе (1707 г.). Это имело огромные политические последствия, поскольку означало перенос войны в Каталонию и издание указа об отмене законов королевств Арагон и Валенсия. Наиболее видные австрийцы двух королевств были вынуждены искать убежища в Барселоне, в то время как новые власти Бурбонов инициировали массовые репрессии, характеризующиеся коллективными наказаниями, массовыми казнями и поджогами оплотов повстанцев. В конце концов правление Карла III продолжалось в Валенсии менее полутора лет – на несколько месяцев дольше, чем в Арагоне.

Республиканский период

Карл III потерпел поражение не на фронте Пиренейского полуострова, а на международной дипломатической арене. 11 апреля 1713 года был подписан важный Утрехтский договор, положивший конец международному конфликту. Чуть раньше, 19 марта, его жена Элизабет Кристина в сопровождении высокопоставленных придворных покинула Барселону и отправилась в императорские земли. Согласно статье 13 этого договора, были признаны усилия английской королевы Анны по обеспечению соблюдения каталонской конституции (хотя Генуэзский пакт, подписанный с каталонцами в 1705 году, прямо не упоминался) [20]. Однако королеву удовлетворило обещание Филиппа V гарантировать каталонцам «привилегии, которыми пользуются жители обеих Кастилий, наиболее преданные католическому королю из всех народов Испании». Конечно, этот текст отражает стремление первых испанских Бурбонов отменить каталонские конституции, пусть даже это было сделано с явным цинизмом.

Вывод союзных войск сопровождался параллельным наступлением армий обоих королевств. Эта стратегия, согласованная высшим военным командованием на Госпитальном съезде 22 июня, имела лишь три исключения: гарнизоны крепостей Кастельсютат и Кардона, контролируемые соответственно генералами Хосепом Морагесом и Мануэлем Девальесом, и, в частности, Барселона. В столице Каталонии главный консул от имени города осуществлял наблюдение за крепостью на Монжуике и верфями в Драссане, где хранились боеприпасы и военная техника союзных войск. Это нововведение стало отправной точкой для последующих событий. Пока генерал Штархемберг, последний вице-король Каталонии, осуществлял вывод имперских войск, генеральная депутация Генеральной хунты брака Каталонии создала со-

брание по согласованию с двумя другими общинами. Этот институт, также известный как каталонский парламент, имел еще более сильное социальное и территориальное представительство, чем суд, для которого характерно отсутствие монарха. На практике генеральный секретарь хунты был вызван только один раз, в 1641 году, в период, также отмеченный разделением и войнами. На этом основании сопротивление стало, по крайней мере на ранних стадиях, тактикой, основанной на политической осторожности. Благодаря присутствию Франческо де Кастельви в военном министерстве все его речи были написаны в политических целях и отличались настоящим красноречием [14].

Все указывает на то, что большинство присутствовавших на заседании Хунты де Брас высказались за капитуляцию. Учитывая это, предварительный текст был составлен в интересах справедливого представительства всех трех ветвей власти. Однако 9 июля Генеральная депутация опубликовала согласие хунты продолжать сопротивление. Это стало большой неожиданностью не только для европейских канцелярий, начиная с императорской, но и для значительной части каталонской общественности. Это стало результатом ряда факторов: решения церковной ветви не участвовать в голосовании и веры Примуса в то, что результат будет в пользу капитуляции; сильное предпочтение сопротивления со стороны королевской власти, представленной большими и малыми поселениями и вольными городами; и присутствие очень влиятельного, если возможно, меньшинства, которое также поддерживало сопротивление и заставило провести второе голосование после того, как города и деревни избрали эту позицию.

25 июля 1713 года город был окружен армией под командованием герцога Попули, объединившей силы двух корон. Большая разница в численности сил была очевидна. Большинство солдат принадлежало армии Бурбонов, которая могла набрать 100 000 человек, половина из которых была расквартирована по всему каталонскому городу. В то же время силы обороны Барселоны под руководством генерала Антонио де Вильярроэля насчитывали около 2000 профессиональных солдат.

Горные стрелки, возможно, присоединились к обороне города, а также к гарнизонам Кастельсугата и Кардоны. В Барселоне также находилось около 5000 мирных жителей, местных жителей и беженцев, которые сформировали Барселонскую коронель, или городскую милицию, во главе с главным городским советом. Город смог успешно противостоять осаде в первые несколько

месяцев, но, к сожалению, не смог распространить это сопротивление на всю страну.

Однако зимой 1714 года вспыхнуло восстание Квинзенадов, названное в честь нового налога, введенного режимом Бурбонов. Подавление этого движения было крайне жестоким и привело к массовым убийствам, пожарам и разрушениям городов. 22 мая 1714 года батарея Бурбонов заняла позицию и начала бомбардировку Барселоны.

Осада началась 6 июля и продолжалась около года. Хунта была официально создана 30 июня 1713 года и состояла из крыльев или ветвей власти. Хунта была легитимной и популярной в военных и правительственных кругах, поскольку церковная ветвь предпочла не участвовать в голосовании. Члены хунты обсуждали условия капитуляции или возможность сопротивления. По сей день история поддерживает доводы о неизбежности поражения и, следовательно, о необходимости предотвратить кровопролитие и гибель страны. Второй вариант аргументировался гордостью и историей отечества, неизбежностью утраты конституции и возможностью будущего изменения международной ситуации.

Управление военными делами Барселоны было поручено комиссии под названием «Гайная хунта» или «Тайный совет», в которую входили представители трех общин, представители правительства и сам Вер Неда. Члены Тайного совета встретились с генерал-губернатором Антонио де Вильярроэлем, который сменил своего короля на Карла III самое позднее с момента прибытия Вер Неды. чувствовал себя назначенным.

На протяжении всей осады сопротивление организовывало политическую пропаганду. Одной из важнейших пропагандистских речей стал текст «*Despertador de Catalunya*» (что примерно можно перевести как «Пробуждение Каталонии»). Этот текст был опубликован в Барселоне в ноябре 1713 года, а затем был переведен на итальянский язык и распространен в Неаполе. В отличие от пропаганды 1705-1706 годов, носившей династический характер, тексты последней осады Барселоны прославляли такие республиканские ценности, как свобода родины и главенство общего блага и интересов. Таким образом, это противоречило пропаганде Бурбонов, которая изображала каталонскую конституцию как набор привилегий, направленных исключительно на привилегированные слои населения.

Репрессии и декреты Новой Планты

Разгром 1939 года в Каталонии можно сравнить с разгромом 1715 года. Если посмотреть на цифры репрессий, расстрелов и высылки, то можно увидеть небольшие различия в зависимости от группы

населения в оба года [13]. Более того, в обоих случаях репрессии имели еще более серьезные последствия, особенно потому, что они серьезно затронули те социальные сектора, которые играли важную роль в стране и для ее будущего, учитывая различные социальные реалии и национальное многообразие. Помимо уничтожения лидеров, поражения в оба периода привели также к полному исчезновению политических и правовых институтов Каталонии и насильственному внедрению государственного строя, против которого боролась Каталония.

Режим, возникший в Каталонии через несколько месяцев после 11 сентября, был назван военным терроризмом несколькими авторами, начиная с Сальвадора Санпере и Микеля [имена авторов, исследовавших эту тему, в этом контексте неизвестны]. Фактически, эта модель, характеризующаяся систематической дискриминационной практикой и полной неприкосновенностью военных чиновников, уходит корнями в два более ранних исторических события. Первый прецедент, как уже упоминалось, произошел в Валенсии, особенно после битвы при Альмансе, и привел к разграблению и сожжению многих деревень. Второе событие произошло в Каталонии в начале 1714 года, вызванное восстанием против налогов Кинсенадо. В обоих случаях армия прибегла к схожим практикам, таким как: Например, неизбирательное коллективное наказание, массовые казни бойцов сопротивления, принудительная военная служба, конфискация имущества, тюремное заключение местных чиновников и введение дополнительных налогов на соседние города в случае неуплаты налогов. В целом можно сказать, что оба периода характеризовались жестоким и длительным государственным террором.

Изгнание и “стойкий австрияцизм”

Одним из главных последствий Войны за испанское наследство стала массовая потеря родины. Переписи после 1714 года позволяют по приблизительным оценкам число ссыльных составлять от 25 000 до 30 000 человек. Среди изгнанников были представители всех социальных слоев и всех королевств полуострова, но наиболее заметной группой были каталонцы [12].

Фактически изгнание происходило в несколько этапов. Первая волна произошла в июле 1713 года, когда большинство политиков и дворян покинули Барселону после гибели большого количества офицеров и солдат и членов их семей. Они отпра-

вились в Италию, где сформировали три кавалерийских и два пехотных полка. Вторая крупная волна изгнаний стала результатом поражения 1714 года. Гарнизон Кардоны организованно покинул город, поскольку сдача крепости дала жителям возможность покинуть страну. К этой группе присоединились и люди, перемещенные правительством. В Каталонии жили прихожане и выходцы из других королевств, которые также присоединились к большой группе изгнанников, отправившихся в изгнание. Эта группа продолжала расти, несмотря на возросшую опасность и несоблюдение закона. Число изгнанников также увеличилось в результате оккупации Бурбонами Майорки в 1715 году, Сардинии в 1717 году и демобилизации солдат Каррас-Кет после войны четырех держав в 1720 году. Последняя война по Венскому миру 1725 года официально положила конец конфликту и обеспечила взаимную амнистию, после чего большинство офицеров, находившихся в заключении с 1714 года, решили отправиться в ссылку.

Выводы

Война за испанское наследство, проходившая между 1701 и 1714 годами, является одним из наиболее значительных и влиятельных конфликтов в Европе XVIII века. Этот вооруженный конфликт имел огромное значение не только для европейского континента, но и для формирования международного порядка в целом. Исследования на тему войны за испанское наследство представляют широкое поле научной деятельности и привлекают внимание историков и исследователей всего мира. Они позволяют нам лучше понять причины, ход и последствия этого конфликта и его влияние на политическую карту Европы.

Одним из основных аспектов, изучаемых исследователями, является влияние Войны за испанское наследство на региональные и глобальные политические отношения. Конфликт вызвал серию союзов и конфронтаций между европейскими государствами, такими как Великобритания, Франция, Испания, Голландия и другие. Война создала новые границы и союзы, которые десятилетиями определяли политическую ситуацию в регионе.

Поэтому исследование войны за испанское наследство 1701-1714 годов является важным и значимым вкладом в понимание этого конфликта и его последствий. Они помогают нам понять глубину и сложность событий, а также дают нам возможность извлечь уроки из прошлого для настоящего и будущего.

Список источников

1. Ивонина Л.И. Маршал Виллар // Преподавание истории в школе. 2012. № 6. С. 32 – 39.
2. Ивонина Л.И. Битва при Мальплаке 11 сентября 1709 г. // Новая и новейшая история. 2010. № 1. С. 216 – 222.
3. Кутищев А.В. Военная кампания 1703 г. в Нидерландах по корреспонденции и воспоминаниям ее участников // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2022. Т. 21. № 1. С. 9 – 21. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2022-21-1-9-21>
4. Кутищев А.В. Итальянская кампания 1703 г. Борьба за контроль над бассейном р. По // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 7. С. 1360 – 1366. <https://doi.org/10.30853/mns210237>.
5. Кутищев А.В. Компаративный анализ Северной войны (1700-1721 гг.) и войны за испанское наследство (1701-1714 гг.): культурно-цивилизационный и военно-профессиональный аспекты // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 11. С. 81 – 90. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.11.16>.
6. Кутищев А.В. Герцог Мальборо и его время. М., 2012. 544 с.
7. Михневич Н.П. История военного искусства с древнейших времен до начала XIX столетия. СПб., 1896. 539 с.
8. Морозов Е.В. Захват Англией Гибралтара и его последствия // Исторический бюллетень. 2021. Т. 4. № 1. С. 97 – 99.
9. Agustí Alcoberro. “Presència i ecos de l’exili austriacista hispànic a la Tercera Guerra Turca. L’Epopèia panegírica de Vicent Díaz de Serralde (Nàpols, 1718)” // *Aguaites. Revista d’Investigació i Assaig.* 2007. № 24-25. P. 73 – 96.
10. Agustí Alcoberro. “Conseqüències de la Guerra de Successió en el patrimoni artístic i cultural: repressió interior i continuïtat a l’exili”, in *Immaculada Socias* (ed.) // *Conflictes bèl·lics, espoliacions, col·leccions.* Universitat de Barcelona, Barcelona 2009. P. 13 – 30.
11. See note 11. Agustí Alcoberro. Exili interior i exili exterior: una correspondència austriacista inèdita (1721-1724) // *Estudis Històrics i Documents dels Arxius de Protocols.* 2003. № xxi. P. 321 – 360.
12. Agustí Alcoberro. L’exili austriacista i la Nova Barcelona del Banat de Temesvar: teoria i pràctica // *Boletín de la Real Academia de Buenas Letras de Barcelona.* 2001-2002. № xlviii. P. 93 – 112.
13. Enrique Giménez López *Conflicto armado con Francia y guerrilla austracista en Cataluña (1719-1720) // Hispània.* 2005. № lxxv/2. 220. P. 543 – 600.
14. Lluís Roura *Subjecció i revolta en el segle de la Nova Planta.* Eumo, Vic 2006.
15. Agustí Alcoberro *Crisi i consolidació de la Nova Planta borbònica (1719-1725),* in Joaquim Albareda (ed.). *Una relació difícil. Catalunya i l’Espanya moderna.* Base, Barcelona 2007. P. 233 – 259.
16. Josep M. Torras i Ribé. *Felip V...*, op. cit. P. 77 – 109.
17. Regarding this matter, see particularly F. Xavier Hernández and Francesc Riart. *Els exèrcits de Catalunya (1713-1714). Uniformes, equipaments, organització.* Rafael Dalmau, Barcelona 2007.

References

1. Ivonina L.I. Marshal Villar. Teaching history at school. 2012. No. 6. P. 32 – 39.
2. Ivonina L.I. Battle of Malplaquet September 11, 1709. New and recent history. 2010. No. 1. P. 216 – 222.
3. Kutishchev A.V. Military campaign of 1703 in the Netherlands according to correspondence and memories of its participants. Bulletin of the Novosibirsk State University. Ser.: History, philology. 2022. T. 21. No. 1. P. 9 – 21. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2022-21-1-9-21>
4. Kutishchev A.V. Italian campaign of 1703. The struggle for control of the river basin. By. Manuscript. 2021. T. 14. No. 7. P. 1360 – 1366. <https://doi.org/10.30853/mns210237>.
5. Kutishchev A.V. Comparative analysis of the Northern War (1700-1721) and the War of the Spanish Succession (1701-1714): cultural, civilizational and military-professional aspects. Manuscript. 2019. T. 12. No. 11. P. 81 – 90. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.11.16>.
6. Kutishchev A.V. The Duke of Marlborough and his time. M., 2012. 544 p.
7. Mikhnevich N.P. History of military art from ancient times to the beginning of the 19th century. St. Petersburg, 1896. 539 p.
8. Morozov E.V. The seizure of Gibraltar by England and its consequences. Historical Bulletin. 2021. T. 4. No. 1. P. 97 – 99.

9. Agustí Alcoberro. “Presència i ecos de l'exili austriacista hispànic a la Tercera Guerra Turca. L'Épopèia panegírica de Vicent Díaz de Serralde (Nàpols, 1718)”. *Aguaites. Revista d'Investigació i Assaig.* 2007. No. 24-25. P. 73 – 96.

10. Agustí Alcoberro. “Conseqüències de la Guerra de Successió en el patrimoni artístic i cultural: re-pressió interior i continuïtat a l'exili”, in Immaculada Socias (ed.). *Conflictes bèl·lics, espoliacions, col·leccions.* Universitat de Barcelona, Barcelona 2009. P. 13 – 30.

11. See note 11. Agustí Alcoberro. *Exili interior i exili exterior: una correspondència austriacista inèdita (1721-1724).* *Estudis Històrics i Documents dels Arxius de Protocols.* 2003. No. xxi. P. 321 – 360.

12. Agustí Alcoberro. *L'exili austriacista i la Nova Barcelona del Banat de Temesvar: teoria i pràctica.* *Boletín de la Real Academia de Buenas Letras de Barcelona.* 2001-2002. No. xlviii. P. 93 – 112.

13. Enrique Giménez López *Conflicto armado con Francia y guerrilla austracista en Cataluña (1719-1720).* *Hispania.* 2005. No. lxxv/2. 220. P. 543 – 600.

14. Lluís Roura *Subjecció i revolta en el segle de la Nova Planta.* Eumo, Vic 2006.

15. Agustí Alcoberro *Crisi i consolidació de la Nova Planta borbònica (1719-1725),* in Joaquim Albareda (ed.). *Una relació difícil. Catalunya i l'Espanya moderna.* Base, Barcelona 2007. P. 233 – 259.

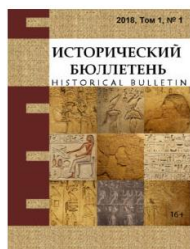
16. Josep M. Torras i Ribé. *Felip V...*, op. cit. P. 77 – 109.

17. Regarding this matter, see particularly F. Xavier Hernández and Francesc Riart. *Els exèrcits de Catalunya (1713-1714).* *Uniformes, equipaments, organització.* Rafael Dalmau, Barcelona 2007.

Информация об авторе

Выгодин В.А., аспирант, Российский университет дружбы народов, valentin-v@mail.ru

© Выгодин В.А., 2024

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2024, Том 7, № 1 / 2024, Vol. 7, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 930.23

Мишна Тора Маймонида и другие еврейские источники о европейской иудейской работорговле VIII-XI веков

¹ Иванов А.О.,
¹ независимый исследователь

Аннотация: мы анализируем еврейские источники – несколько параграфов из Мишна Тора, один текст из ответов гаонов и некоторые данные по иудейской ономастике в Центральной Европе с целью лучше понять структуру и контекст средневековой еврейской работорговли. Ключевыми являются два вопроса – ханаанейский статус рабов и кастрация рабов, осуществляемая еврейскими медиками. Мы показываем, что кастрация, категорически запрещенная в Талмуде, не была запрещена в Торе и активно практиковалась евреями в средние века. Полученные из еврейских источников сведения хорошо согласуются с информацией из латиноязычных и арабских летописей о поставках евреями кастрированных славян, ас-сакалиба, на рынки мусульманской Испании.

Ключевые слова: еврейская работорговля, ханаанейские рабы, кастрация, евнухи

Для цитирования: Иванов А.О. Мишна Тора Маймонида и другие еврейские источники о европейской иудейской работорговле VIII-XI веков // Исторический бюллетень. 2024. Том 7. № 1. С. 238 – 254.

Поступила в редакцию: 25 сентября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 27 ноября 2023 г.; Принята к публикации: 15 января 2024 г.

Mishneh Torah by Rambam and other Jewish sources about European Jewish slave trading of the 8th – 11th centuries

¹ Ivanov A.O.,
¹ Independent Researcher

Abstract: we analyze Jewish sources – a few paragraphs from the Mishnah Torah, one text from the answers of the Gaons and some data on Jewish onomastics in Central Europe in order to better understand the structure and context of the medieval Jewish slave trade. Two issues are important: the Canaanite status of slaves and the castration of slaves by Jewish physicians. We show that castration, strictly forbidden in the Talmud, was not banned in the Torah and was actively practiced by Jews in the Middle Ages. The information obtained from Jewish sources is in good agreement with information from Latin and Arabic annals about the supplies by Jews of castrated Slavs, as-Sakaliba, to the markets of Muslim Spain.

Keywords: Jewish slave trading, Canaanite slaves, castration, eunuchs

For citation: Ivanov A.O. Mishneh Torah by Rambam and other Jewish sources about European Jewish slave trading of the 8th – 11th centuries. Historical Bulletin. 2024. 7 (1). P. 238 – 254.

The article was submitted: September 25, 2023; Approved after reviewing: November 27, 2023; Accepted for publication: January 15, 2024.

Введение

Основным западноевропейским работорговым маршрутом в период VIII – XI веков были поставки порабощенных славян из района среднего течения Эльбы в ал-Андалус и Магриб, осуществляемые иудейскими негоциантами. Славянские юноши практически 100% кастрировались, поэтому арабский этноним «саклаби» в XII-XIII веках стал синонимом понятий «кастрат», «евнух», в арабских текстах того периода упоминаются даже негры-саклаби. Многочисленные данные из арабских и западноевропейских источников, характеризующие этот работорговый путь, приводятся и анализируются в монографии Д.Е. Мишина [27]. Однако, не смотря на то, что в этой книге приведена достаточно богатая информация по еврейской работорговле, в ней не используется информация из еврейских источников. В каком-то смысле настоящий материал можно рассматривать как дополнение к 1-й главе 3-й части монографии Мишина, посвященной источникам о средневековой работорговле славянами.

Выдающийся иудейский средневековый мыслитель Моше бен Маймон (1135-1204), обычно упоминаемый в литературе как Маймонид или Рамбам (**Рабби Мойше бен Маймон**), родился, вырос и учился в Кордобе и, соответственно, был посвящен во все дискуссии, происходившие в среде иудейских общин ал-Андалус. Халифат Кордовских Омейядов рухнул более чем за 100 лет до его рождения и распался на несколько десятков феодальных образований, **таифов**, последовавшее нашествие суннитских фанатиков Альморавидов окончательно похоронило ранее процветающую экономику, после чего дорогие евнухи-сакалиба стали невостребованы. Но торговля ими в течение нескольких столетий занимала настолько важное место в жизни еврейских общин ал-Андалус, что отголоски дискуссий о порабощении, о статусе этих рабов и об их кастрации нашли свое отражение в текстах Маймонида. Если основной труд его жизни, «Мишна Тора» (повторение Торы) исторически рассматривался исследователями как источник сведений по обычаям, законодательству и духовной жизни средневековых еврейских общин, то мы вводим его в научный оборот как источник сведений по работорговле и, в какой-то степени, по славистике.

2. Исторический контекст.

2.1. Иудейское рабовладение

Правила обращения евреев со своими рабами, сакрализованные в Торе, выглядят не просто гуманными, а гипертрофированно гуманными на фоне того, что мы знаем о статусе рабов в цивили-

зациях Месопотамии и Ханаана [9]. Евреи должны укрывать беглых рабов (Второзаконие 23:15 – *Не выдавай раба господину его, когда он прибежит к тебе от господина своего*). Напрашивается сопоставление с соответствующими статьями кодекса Хаммурапи: § 15. *Если кто-нибудь выведет за ворота дворцового раба или дворцовую рабыню, или раба вольноотпущенника или рабыню вольноотпущенника, то его должно предать смерти; § 16. Если кто-нибудь, укрыв в своем доме беглого раба, принадлежащего дворцу или вольноотпущеннику, не выдаст его на требование нагиру, то этого домохозяина должно предать смерти.* Евреи должны обеспечивать своим рабам отдых (Второзаконие 5:14 – *Не делай никакого дела, ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни раба твоя, ни вол твой, ни осел твой, ни всякий скот твой, ни пришелец твой, который у тебя, чтобы отдохнул раб твой, и раба твоя*). При получении некоторых травмы от хозяина (выбитый глаз или выбитый зуб) раб освобождался (Исход 21:26 – 21:27 – *Если кто раба своего ударит в глаз, или служанку свою в глаз, и повредит его, пусть отпустит их на волю за глаз; и если выбьет зуб рабу своему, или рабе своей, пусть отпустит их на волю за зуб*). Раб-нееврей поощрялся к принятию иудаизма и если соглашался, то на седьмой «юбилейный» год рабства автоматически получал свободу (Исход 21:2 – *Если купишь раба Еврея, пусть он работает шесть лет, а в седьмой пусть выйдет на волю даром; Второзаконие 15:12 – Если продастся тебе брат твой, Еврей, или Евреянка, то шесть лет должен он быть рабом тебе, а в седьмой год отпусти его от себя на свободу*). Продавать евреев другим этносам запрещалось (Левит 25:42 – *потому что они – Мои рабы, которых Я вывел из земли Египетской: не должно продавать их, как продают рабов*). Не очень ясно, насколько эта рабовладельческая идиллия соответствовала реальному положению вещей в течение I тысячелетия до н.э. [33], но гипотеза о том, что именно такое отношение к рабам привлекало к иудаизму новых адептов и позволило ему выиграть конкуренцию среди иных финикийских культов, представляется весьма вероятной.

После иудейских войн 70-х годов I в.н.э., после разрушения Второго Храма и после восстания Бар-Кобы 135 г. н.э. компактное проживание иудеев закончилось, еврейские общины массово рассеялись по территории Римской Империи и столкнулись с совсем другим подходом к рабовладению. Римский раб не был человеком в юридическом смысле, он был «говорящим орудием» (согласно трактату М.Т. Варрона, сельскохозяйствен-

ные инструменты делятся на говорящие, т.е. рабов, полуговорящие, т.е. быков, и немые, т.е. телеги [M.T.Varro, Rerum Rusticarum de Agri Cultura, 1-17].). Жизнь и здоровье римского раба принадлежали не ему, а его хозяину, ограничения по эксплуатации, побоям и убийству раба были только экономические – уставший, травмированный или убитый раб не окупал свою стоимость и не приносил прибыли.

Трудно сказать, когда еврейские философы и богословы четко осознали и сформулировали деление рабов на две категории. Но уже в Мишне, написанной рабби Йехудой ха-Наси (135-220 гг. н.э.), сформулировано понятие «хананейского раба», כַּנְאָנִי עֶבֶד, *кенан эвед*, раба второго сорта, раба в античном смысле этого слова, которого, в отличие от еврейского раба, עֶבֶד עִבְרִי, *эври эвед*, можно травмировать и он не подлежит освобождению на седьмой юбилейный год (Mishneh, Bava Kama, гл. 8 – *Тот, кто ранит своего собственного раба-хаанита, освобождается от всех штрафов*). Дальнейшее развитие этой концепции и анализ всевозможных юридических казусов между этими двумя типами рабов приводится в Талмуде, написанном в Вавилонии в период III – VI веков.

2.2. Иудейская работорговля

Согласно источникам, до нашей эры и в первые века нашей эры евреи практически не занимались торговлей и работорговлей, а тем более, международной торговлей и работорговлей. Разумеется, урбанизация и занятие ремесленничеством подразумевали торговлю – ремесленнику надо было как-то выменивать результаты своего труда на продукты питания. Но торговля явно не относилась к сколько-либо доминирующей деятельности еврейских общин в первые века нашей эры. Симеон Дубнов, анализируя хозяйственную деятельность евреев времен написания Вавилонского Талмуда, отмечает: ... *Талмудисты отмечали и отрицательную сторону торговли: склонность к наживе и обману (ироническое выражение ke'derech hótagarim - по приемам торгашей)*... [20, с. 239]. Но в V веке хозяйственная деятельность еврейских общин попала под влияние двух важных социально-экономических факторов. Во-первых, победившая христианская конфессия провела ряд императорских указов (см., например, кодекс Феодосия CTh 16.9.4 от 10 апреля 417 г. и CTh 16.9.5 от 09 апреля 423 г.), запрещающих евреям владеть рабами-христианами. Поскольку к этому времени абсолютное большинство населения империи, в том числе и рабы, уже приняло христианство, выполнение этих указов выдавливало евреев из производительного сектора экономики, из ремесленничества и сельского хозяйства,

где активно используется рабский труд, в торговлю и иные сферы деятельности. Во-вторых, полный демонтаж системы образования в Западной Римской империи привел к абсолютной безграмотности и высших и низших страт общества, но королям и нобилитету новых варварских государств, возникших на руинах империи, были нужны люди, умеющие писать, считать и обслуживать их торговые и финансовые интересы. И этой социальной группой стали евреи, традиционно учившие своих детей грамоте и счету начиная с 5 лет.

Церковные украшения, шелк, парчу, одежду на их основе и специи западноевропейская аристократия могла получить только из Византии, а в качестве товарообменного эквивалента стагнирующая экономика Западной Европы могла предложить рабов и только рабов. Поэтому еврейские негодянты вошли в латиноязычные летописи V-XI веков или как поставщики предметов роскоши к королевским дворам или как работорговцы.

Крах экономики Византии под ударами славян с севера, арабов с юга и иконоборцев изнутри, привел к переориентации еврейской работорговли во второй половине VIII века на новых глобальных покупателей рабов – Аббасидов, Аглабидов и Идрисидов, но в первую очередь на богатейший эмират Кордовских Омейядов. История распорядилась так, что еврейские общины еще с римского времени были расположены дугой от юга Иберийского полуострова до среднего течения Рейна. Такая географическая ситуация провоцировала и подталкивала евреев на организацию поставок язычников Северной Европы, саксов и полабских славян (торговля рабами-христианами была для евреев строго запрещена) в ал-Андалус. Когда после начала саксонских войн Карла Великого в 770 г на работорговые рынки арабских стран хлынули светловолосые рабы с нехарактерной для южных народностей внешностью, они имели не просто успех, а оглушительный успех. Они стали не трудовыми рабами, чья цена по всей территории халифата в тот период составляла 30-35 золотых динара [21, с. 169; 3, р. 674-675], а попали в luxury-сектор, где цены были не в разы, а на порядок и на порядки выше. Здесь уместно привести цитату из трактата арабского географа ал-Истахри, где есть раздел о товарообмене Магриба и ал-Андалус на рубеже IX и X вв.: *«Магриб или запад Африки, в основном замечателен черными рабами, это земля чернокожих. Белые рабы поставляются со стороны ал-Андалус, порабощенные красавицы (ал-джариа) и слуги-евнухи (хадэм) больших достоинств, например, продаются за тысячу динаров или более; мулы под седло; грубая шерсть, называемая Nemed Magrebi; кораллы, амбра, зо-*

лото, мед, шелк и шкуры» [6, р. 45], см. также [22, сноски #38]. Разумеется, далеко не каждый евнух-саклаби продавался за тысячу динаров, наши подсчеты говорят о том, что средняя цена светловолового и белокожего евнуха в Кордобе должна быть около 330 динаров [22, сноска #37]. Но учитывая, что средняя «закупочная» цена рабов на территориях ранних Каролингов составляла порядка 12 солидов [22, сноска #34], еврейским купцам хватало денег и на постой и кормление работорговых караванов, и на зарплату надсмотрщикам, и на оплату маркграфам транспортных пошлин, и на оплату общемульманского налога на экспорт *ushr* (десятина) [5, р. 128], и при этом они получали прибыль более 1000% годовых.

В 825 г. ряд еврейских коммерсантов получили от Людовика Благочестивого официальные императорские буллы-лицензии на продажу иностранных рабов «*infra imperium nostrum*» (*ниже нашей империи*), т.е. в ал-Адалус и Магриб [MGH Leges 1: Formulae Merovingici et Karolini aevi, s. 309-325]. Тот факт, что Каролинги помогали еврейской работорговле не только грамотами, следует из писем лионского епископа Агобарда – в послании коллеге из Нарбонны он сообщает, что на его многочисленные юдофобские послания императору прибыл специальный чиновник по делам евреев – *Iudeorum magister* [MGH Epistolae 5, s. 200]. Активно продолжающиеся после этого инцидента еврейская работорговля и эпистолярная деятельность Агобарда и его последователей показывают, что этот имперский чиновник встал на сторону евреев.

2.3. Кастрация и евнухи в иудаизме

Информация по кастрации в иудейских источниках очень противоречива и мифологизирована. Не смотря на многочисленные ссылки в Талмуде и других иудейских источниках средневековья, каких-либо запретов на кастрацию в Торе нет. Например, составители Талмуда ссылаются на фразу «*и в земле вашей не делайте сего*», приводимую в Левит 22:24 касательно целостности гениталий жертвенного животного. Но соседние этому параграфы в Левит 22 посвящены требованию отсутствия пороков у жертвенного животного, целостность гениталий перечисляется только как одно из требований:

Левит 22:19 – Левит 22:25:

19 то, чтобы сим приобрести благоволение от Бога, жертва должна быть без порока, мужеского пола, из крупного скота, из овец и из коз;

20 никакого животного, на котором есть порок, не приносите [Господу], ибо это не приобретет вам благоволения.

21 И если кто приносит мирную жертву Господу, исполняя обет, или по усердию, [или в праздники ваши,] из крупного скота или из мелкого, то жертва должна быть без порока, чтоб быть угодно Богу: никакого порока не должно быть на ней;

22 животного слепого, или поврежденного, или уродливого, или больного, или коростового, или паршивого, таких не приносите Господу и в жертву не давайте их на жертвенник Господень;

23 тельца и агнца с членами, несоразмерно длинными или короткими, в жертву усердия принести можешь; а если по обету, то это не угодно будет Богу;

24 животного, у которого ятра раздавлены, разбиты, оторваны или вырезаны, не приносите Господу и в земле вашей не делайте сего;

25 и из рук иноземцев не приносите всех таких животных в дар Богу вашему, потому что на них повреждение, порок на них: не приобретут они вам благоволения.

Никаких запретов на кастрацию других, не жертвенных животных, в Торе нет.

Поскольку Тора формировалась в тот период, когда основной хозяйственной деятельностью евреев было пастбищное скотоводство (вспомним конфликт детей Адама, «хорошего» овцевода Авеля и «плохого» ремесленника и земледельца Каина), кастрация большей части баранов, козлов и быков была обязательным элементом зоотехнологии. Некастрированные бараны своенравны и агрессивны, не слушаются пастуха, разбредаются кто куда, привлеченные их феромонами овцы следуют за ними, также разбредаются и теряются, пастух остается без стада. То же самое касается козлов и быков. В современных пособиях по овцеводству рекомендуется оставлять одного элитного барана-производителя для осеменения 30-40 овец [16, с. 294, 303], остальных баранов кастрировать и использовать как источник мяса и шерсти. Поскольку евреи благополучно пережили период кочевого пастбищного скотоводства, описанный в Торе, и перешли к оседлому плужно-пашенному земледелию, описанному в 1-й Книге Царств, значит они сохранили свои стада, а это возможно только при использовании рациональных методов работы со скотом, включающих обязательную кастрацию части поголовья. Здесь напрашивается сравнение хозяйственной деятельности «протонудейских» племен II тысячелетия до н.э., переходящих от кочевого скотоводства к оседлому пастбищному и стойловому скотоводству, с древними германцами. Хозяйственная деятельность племен Ясторфской археологической культуры также была основана на сочетании пастбищного и стойлового ско-

товодства. Osteологические данные показывают, что германцы кастрировали порядка половины своего скота [10, с. 16-17], причем это практиковалось с древнейших времен, еще с неолитических культур.

Но в Талмуде, написанном более чем через тысячелетие после перехода евреев от скотоводства к земледелию, присутствуют однозначные и категоричные запреты на кастрацию любых живых существ. В Вавилонском Талмуде запрет на кастрацию упоминается в нескольких параграфах, причем практически всюду со ссылками на текст Левит 22-24. Например:

Talmud – Mas. Shabbath 110a: «... если кастрировать того, кто уже кастрирован, то он [врач] виновен, потому что сказано: если его тестикулы разбиты или раздавлены или повреждены, или отрезаны ...»

Там же, 110b: «...откуда мы знаем, что кастрация человека запрещена? Из стиха - не делайте так в своей земле ...»

Talmud - Mas. Chagigah 14b: «Бен Зома спросил: разрешено ли кастрировать собаку? Он ответил: Не делай этого на земле твоей ...».

Нам трудно сказать, в какой момент высказывание из Левит 22:24, запрещающее жертвоприношение животного с поврежденными гениталиями стало трактоваться как источник запрета на кастрацию.

Евнухи и кастрация как наказание за сексуальные преступления были известны еще в Древнем Египте и в Ассирии [15, р. 354 – 355], но, судя по всему, уже в поздних ассирийских династиях, в Вавилонии и у персидских Ахеменидов, евнухи превратились в социальную группу, располагающую властными полномочиями, имеющую непосредственный доступ к царским особам и влияние на принятие ими решений. В Танахе достаточно часто упоминается наличие слуг-евнухов у Вавилонских и персидских царей – Даниил 1:3 – 1:18, Иеремия 39:2 и 41:16, Есфирь 2:15. В «Истории» Геродота, посвященной, в основном, греко-персидским войнам V в. до н.э., евнухи многократно упоминаются как особо доверенные слуги персидских царей. Также описывается процесс «производства» евнухов: «В завоеванных городах персы, выбрав наиболее красивых мальчиков, вырезали у них половые органы и обращали в евнухов» [Геродот, «История», 6:32]. Говорится, также, про оскотление детей самими греками на острове Хиос и про продажу их варварам [там же, 8:105].

Согласно самим еврейским источникам, отношение евреев к евнухам в период становления иудаизма, в период с последних веков II тысячелетия до н.э. по первые годы н.э., было весьма амби-

валентным. Сам факт кастрации мужчины настолько противоречил одной из базовых идеологием иудаизма (Бытие 1:28 – «Плодитесь и размножайтесь»), что в Торе сформулирован однозначный запрет на то, чтобы кастрат был евреем (Второзаконие 23:1 – *У кого раздавлены ятра или отрезан детородный член, тот не может войти в общество Господне*). Соответственно, в некоторых главах Танаха евнухи упоминаются как метафизического «пугало» (4-я Книга царств 20:18, Исайя 39:7). Но ряд других текстов Танаха достаточно убедительно показывают, что еще со времен Самуила (1-я Царств 8:15 – Самуил рассказывает евреям о налоговой политике их будущего царя: «и от посевов ваших и из виноградных садов ваших возьмет десятую часть и отдаст евнухам своим и слугам своим»), бывшего судьей в XI в. до н.э., евнухи присутствовали в окружении иудейских царей (4-я Книга царств 9:32, Иеремия 29:2 и 34:19). Более того, пророк Исайя в VIII в. до н.э. приглашает евнухов, почитающих иудейские законы, вступать в ряды еврейских общин:

Исайя 56:3 – 56:5

3 Да не говорит сын иноплеменика, присоединившийся к Господу: "Господь совсем отделил меня от Своего народа", и да не говорит евнух: "вот я сухое дерево".

4 Ибо Господь так говорит об евнухах: которые хранят Мои субботы и избирают угодное Мне, и крепко держатся завета Моего, -

5 тем дам Я в доме Моем и в стенах Моих место и имя лучшее, нежели сыновьям и дочерям; дам им вечное имя, которое не истребится.

Как согласуется этот тезис с имеющим более высокий статус в иудаизме тезисом из Второзакония 23:1 нам неясно.

Согласно Иосифу Флавию, евнухи были числе ближайших слуг царя Иудеи Ирода Великого (ориентировочно 74-1 гг. до н.э.) (Иоиф Флавий, Иудейские древности 16:8:1: «У царя были евнухи, которых он крайне любил за их красоту. Из них один исполнял обязанности виночерпия, другой служил за столом, а третий, как наиболее преданный, должен был заботиться о ложе царя. Влияние их на государственные дела было огромно.»).

Насколько нам известно, средневековые иудейские общины, расположенные в Византии и в исламских странах, в целом придерживались указаний Талмуда. Но экономические реалии ал-Андалус и приведенные выше примерные цены на евнухов-сакалиба, начиная со второй половины VIII века, существенно изменили подход испанских и германских евреев к кастрации рабов. Все арабские источники IX-XI веков, описывающие

работорговый маршрут «среднее течение Эльбы – Кордоба», однозначно указывают на иудеев, как на исполнителей кастрации. Дискуссионен только пункт кастрации – багдадский географ X в. ибн-Хаукаль полагает, что оскопление производится уже в Испании (*Известный предмет вывоза Андалусии – невольники: красивые девушки и юноши, порабощенные в стране франков (Ифранджа) и Галисии (Джилликийя), а также евнухи-сакалиба. Все скопцы-сакалиба в мире привозятся через Андалусию, а оскоряют их тогда, когда они приближаются к ней, делают это купцы-иудеи. Сакалиба – народ из потомства Яфета...* [27, стр. 76]), а его современник Ибрахим ибн ар-Ракик считает, что оскопление сакалиба происходит на территориях Каролингов (*Франки захватывают сакалиба в плен и продают этих невольников в Андалусию. Рабов-сакалиба там много. Иудеи, живущие под покровительством франков в их стране, а также в приграничных районах мусульман, примыкающих к их землям, оскоряют рабов-сакалиба для франков. Скопцы вывозятся оттуда в другие земли...* [27, с. 80]). Судя по всему, известному нам корпусу источников, кастрация проводилась медиками иудейских общин как в Священной Римской Империи, так в ал-Андалус. Уже в 781 г. в формуляриях Зальцбурга еврейские медики упоминаются как «специалисты по славянам» (...medicum Iudaicum, vel Sclavianiscum...) [MGH Leges 1: Formulae Merovingici et Karolini aevi, s. 448]. В середине X в. Лиутпранд Кремонский в ходе визита в Византию преподносит в подарок императору Константину Багрянородному четверых молодых евнухов, кастрированных в Вердене-на-Маасе: *«Преподнес я 9 отличных панцирей, 7 превосходных щитов с позолоченными буллами, 2 серебряных кубка с позолотой, мечи, копьа, дротики и 4-х хорезмийских рабов, которые для названного императора были ценнее прочего. Хорезмийцами греки называют молодых евнухов; купцы из Вердена ради огромной прибыли имеют обыкновение кастрировать их еще в детстве и вывозят в Испанию»* [25, стр. 108]. Арабский географ X века ал-Мукаддаси пишет, что в Испании славян доставляют в город *«находящийся позади Печины и населенный иудеями, которые и кастрируют их»* [26, стр. 285]. В этом городе угадывается Лусена, основанная выходцами из Иерусалима под именем אֱלִי הַשְּׁמֵנָה, *эль-осана*, «спасенные господом» – после восстания бар-Кобы евреям запрещалось жить в Иерусалиме.

Были ли это конкурирующие группы работорговцев, или они согласовано работали под управлением единого центра, нам неясно.

2.4. Евнухи в Римской Империи 2.5. в Китае и в исламских странах

Для того, чтобы лучше понять, кто такие представляемые евреями евнухи-сакалиба, представляется целесообразным сравнить потребности верхних страт социума Кордобы с другими подобными социумами, оставившими нам много исторической информации по использованию евнухов.

Достаточно очевидно, что социально-экономическая ситуация раннего принципата (ориентировочно 40-е гг. до н.э. – начало II в. н.э.) во многом схожа с ситуацией в ал-Андалус при правлении Омейядов. И там и там мы видим взлет экономики и культуры, верхние страты этих социумов купаются в богатстве и готовы платить большие деньги за предметы роскоши. Восприняв евнухов как часть культуры Греции и стран Ближнего Востока, римляне начали их активно использовать как красивых домашних слуг благодаря известному медицинскому факту – удаление тестикул у мальчиков, не достигших возраста полового созревания, приводит к гормональному дисбалансу и прекращению этого созревания. У молодых скопцов не растет борода, сохраняется тонкий детский голос и достаточно долгое время сохраняется детская «ангельская» миловидность: *Рабы-евнухи были популярным предметом роскоши и символом статуса* [12, р. 55]. *Когда рабские евнухи молоды, римские авторы представляют их так же, как и любого другого любимого раба. Их единственное физическое различие (помимо очевидного отсутствия тестикул) заключается в том, что их кастрация позволяет им сохранять свою молодую, юную внешность гораздо дольше. Желаемая в молодости женская мягкость и безволосость не отнимается в период полового созревания. Это искусственное продление их молодости и красоты является источником их ценности* [12, р. 62].

Кроме этого, римские евнухи, особенно в период раннего принципата, активно использовались в качестве субъектов (гомо)сексуальной эксплуатации. О «браке» императора Нерона с евнухом Спорусом и о других любовных отношениях с евнухами в среде имперской знати [12, р. 64-65, 119].

В Китае также активно использовали евнухов в качестве слуг, обслуживающих лично императора, императрицу и все их окружение, более того, согласно сохранившимся документам, во времена династии Цин только евнухи могли оставаться ночью в Запретном городе [31, с. 99]. По сравнению с Римом «декоративная» функция использования евнухов была несколько неясна и размыта из-за сформировавшихся тысячелетиями правил, ритуалов и церемоний. Противоречия между «декора-

тивными» использованием евнухов и церемониальными традициями видны на примере династии Цинн: «специальным императорским указом от 1792 г. «запрещалось использовать при дворе евнухов, которых оскотили уже после семнадцатилетнего возраста». Однако именно маленькие евнухи, где-то с пятилетнего возраста, особенно ценились при императорском дворе. Они использовались в качестве забавы или развлечения у придворных дам, которые держали маленьких скопцов до десятилетнего возраста, а затем их меняли, и те переходили в разряд обычных слуг во дворце. Маленькие евнухи до десятилетнего возраста имели свое особое имя «непорочные», они приравнивались к девочкам и прислуживали молодым дамам. С 10 до 15 лет их уже именовали просто «маленькими евнухами», которые были предназначены для службы по дому. Более старые евнухи назначались для пожилых и старых дам» [31, с. 113]. Зато гомосексуальная эксплуатация процветала вплоть до XX века [31, с. 185-189].

В Аббасидском халифате, судя по хроникам, во дворце использовались тысячи слуг-евнухов, ввезенных из-за пределов халифата. По свидетельству багдадского летописца Хилалу ас-Саби, при халифе ал-Муктадире (895-932) внутри дворца работало несколько тысяч слуг разного статуса и происхождения. «При ал-Муктадире би-ллах, да благословит его Аллах, по общему мнению, было 11 ты-

сяч слуг: из них – 7 тысяч чернокожих и 4 тысячи белых славян, 4 тысячи женщин, свободных и невольниц, и несколько тысяч гулямов-худжри Хилал ас-Саби», [30, стр. 25]. Все перечисленные слуги-мужчины, работающие внутри дворца, и негры и славяне и худжри (личная обслуга халифа) должны были быть скопцами. Согласно широко распространенной средневековой арабской байке, приписываемой египетскому летописцу Ибн Абд ал-Захиру, когда Саладин захватил дворец последнего Фатимидского халифа, единственным не евнухом из 12 тыс. мужчин во дворце был только сам халиф. Количество славян-сакалиба во дворцах эмира (с 929 г. – халифа) в Кордобе составляло, в соответствии с оценками различных источников, от 4 до 6 тыс. человек при общем количестве слуг порядка 14 тыс. человек [27, с. 196-197], но количество сакалиба в услужении у Кордовской аристократии оценить сложно [27, с. 206-207].

3. Мишна Тора Маймонида

3.1. Порабощение и статус ханаанских рабов

Практикуя кастрацию рабов, что, как мы показали выше, не запрещено в Торе, кордовские иудеи хотели убедиться, что их перципиентами являются именно ханаанские рабы. Дискуссии на эту тему нашли свое отражение в следующем тезисе Маймонида:

מלך עכו"ם שעשה מלחמה והביא שביה ומכרה וכן אם הרשה לכל מי שירצה שילך ויגנוב מאומה שהיא עושה עמו מלחמה שיביא וימכור לעצמו וכן אם היו דיניו שכל מי שלא יתן המס ימכר או מי שעשה כך וכך או לא יעשה ימכר הרי דיניו דין ועבד הנלקח בדינין אלו הרי הוא כעבד כנעני לכל דבר

Когда нееврейский король ведет войну, захватывает пленников и продает их, раб, купленный таким образом, считается ханаанским во всех отношениях. Также, если этим королем предоставляется разрешение другим или захватывать пленных в той стране, где он ведет войну, или поработать за неуплату налогов, эти пленники также являются ханаанскими рабами.

Rambam Mishneh Torah, Sefer Kinyan \ Avadim (Книга имущества\рабы) 9:4

Наш перевод с иврита, где мы даем фонетическую кальку «ханаанский раб = כנעני עבד» существенно более полезен для наших целей, чем очень корректный перевод «раб-нееврей», предложенный в издании 2019 г. [28, стр. 548]. В этом издании вышеприведенный абзац звучит как «Если нееврейский царь воевал, привел пленных и продал их [или] если он разрешил всем желающим пойти и выкрасть [людей] из воюющего с ним народа, чтобы привести их и продать для себя, или если он установил законы, продают любого, не уплатившего налоги, сделавшего то-то и то-то и не сделавшего [чего-то], то его законы имеют юридическую силу, и попавший в рабство в соответствии с этими законами становится рабом-неевреем во всех отношениях». Согласно логике

этого перевода, средневековые пражские евреи должны были называть окружающих славян не ханаанеями, а «ле-иудеями», от לא יהודי, «не еврей». Поэтому, считая издание «Мишна Тора» [28] чрезвычайно полезным и важным делом, мы вынуждены отказаться от его цитирования и в дальнейшем даем только свои собственные переводы с иврита.

Вопрос о ханаанском статусе здесь является ключевым – кастрируя ханаанских рабов, и, тем самым, нарушая Талмуд, который имеет в иудаизме более низкий статус, чем Тора, евреи отказались бы нарушать заповеди Торы и калечить собственных рабов. Разумеется, мы далеки от того, чтобы заподозрить андалусские еврейские общины в приверженности к секте караимов, которые

признают Священное Писание (Танах), но отвергают последующие тексты – Мишну, Талмуд, ответы гаонов и т.д. Внутренняя противоречивость иудаизма (а ее не может не быть у учения, формировавшегося тысячелетиями) в столкновении с экономическими реалиями приводит к естественным отказам от одних положений в пользу других. Но вопрос о том, какие войны и на каких территориях имеются ввиду, нуждается в комментариях.

За все время своего существования государство ал-Андалус практически непрерывно вело войны. Но мы сразу выводим из рассмотрения распри с Аглабидами, Фатимидами и внутренние усобицы – шариат запрещает обращать в рабство военнопленных мусульман, тот, кто стал рабом Аллаха не должен становиться рабом человека [24, с. 278]. Нет никакой уверенности, что это предписание соблюдалось жестко, иначе трудно объяснить наличие большого количества в мусульманской Испании рабов-берберов и рабов-негров – Северная Африка была исламизирована еще в VII-VIII веках. Но вряд ли бы евреи рискнули торговать такими пленниками – сами евреи имели в исламских странах неполноценный статус *ахл-аз-зимма*, и по решению любого имама или кади такие рабы-мусульмане могли быть конфискованы и освобождены, а работорговец-кафир казнен. Кроме этого, сложно предположить, что Маймонид мог объявить рабов-мусульман ханаанитами, подлежащими кастрации – кастрация мусульманина по шариату является преступлением и наказывается выплатой полного *диа*, штрафа за кровь [24, с. 156-157]. Согласно средневековому праву, полное *диа* составляет 100 верблюдов или 200 быков или 1000 баранов, что на порядок выше цены раба в тот период.

Рабы, полученные при стычках с северными христианскими королевствами, безусловно могут рассматриваться как ханаанские, более того, их поступления при Омейядах были настолько стабильны, что андалусские работорговцы и рабовладельцы четко отличали франкских рабов (*ифранджи*) и рабов из Галисии (*джиллики*) [27, стр. 17]. Но, несмотря на то, что евреи торговали и этими рабами [27, стр. 141], эти невольники попадали в сегмент дешевых трудовых рабов, здесь надо было выдерживать конкуренцию с мусульманскими работорговцами. Порог, с которого начинается налогообложение купцов, был установлен в 40 динаров для мусульман и в 20 динаров

для неверных, сама торговая пошлина составляла 2.5% для мусульман и 5% для неверных [18, с. 77]. Эти рабы не приносили много прибыли и, по видимому, в своей массе не кастрировались. Более того, тезис Маймонида о кабально-налоговом рабстве здесь явно неуместен – со второй половины VIII в. не мусульмане захватывали христианские территории и устанавливали там свои налоги, а наоборот, Леон и Кастилия, в ходе реконквисты отвоёвывали у мусульман север Иберийского полуострова. Поэтому вряд ли Маймонид имел ввиду этих рабов.

Поскольку основные деньги иудейские работорговцы явно делали на славянах-сакалиба, логично предположить, что этот тезис отражает именно ситуацию при войнах Каролингов в Северной Европе, в зоне франко-славянского противостояния. Но если это так, то здесь мы видим новую информацию, углубляющую наше понимание процесса порабощения славян – часть невольников вывозилась уже после военных действий, не как военнопленные, а в рамках «долгового рабства», за неспособность славянских общин выплатить наложенные Каролингами контрибуции. Если такая гипотеза верна, то мы имеем достаточно веский аргумент, объясняющий продолжительность и, в каком-то смысле, эффективность этого работоргового маршрута. У солдат купцы вынуждены скупать тех пленных, какие есть, какие случайно попали в плен, а в рамках кабально-налогового рабства сборщики налогов могут заранее намечать себе симпатичных детей и впоследствии забирать именно их – ведь внешняя привлекательность евнуха или наложницы однозначно коррелирует с их продажной ценой.

3.2. Кастрация

В том, что касается кастрации ханаанейских рабов, у Маймонида, несмотря на то, что в среднем его позиция близка к отрицательно-талмудической, приведены чрезвычайно противоречивые и взаимоисключающие положения. Складывается впечатление, что в иудейских общинах Кордобы одновременно присутствовали два идейных течения – талмудисты и прагматики, и если прагматики доминировали в IX-X вв., то с крахом Кордовского халифата и с прекращением поставок сакалиба их идеология потеряла актуальность и противники кастрации возобладали. С одной стороны, часть тезисов полностью соответствует Талмуду о недопустимости кастрации, например:

אסור להפסיד איברי זרע בין באדם בין בבהמה היה ועוף אחד טמאים ואחד טהורים בין בארץ ישראל בין בחוצה לארץ אע"פ שנאמר ובארצכם לא תעשו מפי השמועה למדו שדבר זה נוהג בכל מקום וענין הכתוב לא יעשה זאת בישראל בין בגופן בין בגוף אחרים וכל המסרס לוקה מן לוקה

Rambam Mishneh Torah, Sefer Kedushah \ Issurei Biah, 16:10

Но достаточно много положений, фактически разрешающих кастрацию. Дословно приводится

שלו עברי בעבד חבל. פטור שלו כנעני בעבד החובל חבירו של כנעני בעבד החובל. השבת מן חוץ ככולן חייב בסם ציערו ואפילו דברים חמשה נוטל עבד של רבו לרבו רפואתו כל הרי במהרה ונתרפא

Rambam Mishneh Torah, Sefer Nezikin \ Chovel uMazzik, 4:10

Следующие два тезиса, пожалуй, является ключевым для понимания вопроса о разрешении иудейским работарговымцам и медикам кастрировать рабов – несложная риторика на 180 градусов раз-

כיצד בראשי איברים המכה את עבדו ככוונה וחסרו אחד מכ"ד ראשי איברים שאינן חוזרין יצא לחירות וצריך גט שחרור אם כן למה נאמר בתורה שן ועין לידון מהן מה שן ועין מומין שבגלוי ואינן חוזרין אף כל מומין שבגלוי ואינן חוזרין יצא העבד בו לחירות אבל המסרס עבדו בביצים או החותך לשונו אינו יוצא לחירות שאינן מומין שבגלוי וכן המפיל שן הקטן אינו יוצא לחירות שהרי סופו לחזור

Rambam Mishneh Torah, Sefer Kinyan \ Avadim, 5:4

В этом и следующем параграфах Маймонида вступает в прямую дискуссию с соответствующими положениями Талмуда:

Talmud – Mas. Kiddushin 25a: ... *они спросили его: «Что, если тестикулы раба будут кастрированы его господином, это открытый недостаток или нет? <...> Что касается двадцати четырех кончиков конечности человека, то ни один из них не становится нечистым из-за сырой плоти. И*

Запрещается уничтожать репродуктивные органы у мужчин. Это относится как к людям, так и к животным, звери и птицы, как от кошерных, так и некошерных видов, в Эрец-Исраэль и в диаспоре, ибо говорится: «И вы не сделаете этого на своей земле». Согласно Устной традиции, мы узнали, что этот запрет применим во всех местах. Писание учит, что не следует поступать таким образом среди еврейского народа, как с их телами, так и с телами других.

разрешение из Мишны и Талмуда на причинение увечий ханаанскому рабу со стороны его хозяина.

Тот, который ранит своего ханаанского слугу, не несет ответственности. Если он ранит своего слугу-еврея, он несет ответственность за весь ущерб, за исключением простоя. Когда ранят чужого ханаанского слугу, владелец травмированного получает от виновника пятикратную компенсацию ущерба и лекарства для исцеления

ворачивает запреты Талмуда, подменяя достаточно гуманистическую идеологию раннего иудаизма требованием «внешней целостности» раба:

Как раб освобожден из-за потери его конечностей или органов? Если хозяин травмировал своего раба и тот потерял часть тела, которая не может отрасти заново, раб получает свободу. Если это относится к конечности, почему Тора явно упоминает зуб и глаз? Что характеризует потерю глаза или зуба? Это внешние недостатки, которые не могут быть восстановлены. Так и другие полученные внешние повреждения, которые не могут быть восстановлены, позволят рабу получить свободу. Если, напротив, хозяин кастрирует своего раба путем удаления тестикул или отрежет ему язык, рабу не предоставляется свобода, поскольку при этом не будет внешних недостатков. Точно так же, если хозяин выбивает молочный зуб молодому рабу, тот не освобождается, поскольку зубы еще будут расти.

это они: кончики пальцев рук и ног, кончики ушей, кончик носа, кончик члена и соски женщины; Р. Иуда сказал: <...> «За потерю всего это раб получает свободу». Раввин сказал: И за кастрацию тоже; Бен 'Аззай сказал: И за потерю языка. <...> Мастер сказал: «Раввин сказал: «За кастрацию тоже». Удаление члена? Но это то же самое, что и потеря члена. Следовательно, это, безусловно, означает удаление тестикул.

<p>אין יוצא בראשי איברים אלא עבדים שְמָלוּ וְטָבְלוּ שְהָרֵי יִשְׁנֵן בְּמִקְוֵת מְצוֹת אֶבֶל הַעֶבֶד שֶׁהוּא בְּגִיּוֹתוֹ אִינוֹ יוצא בראשי איברים. אלו הן ראשי איברים שאינן חוזרין. אֲצָבָעוֹת יָדִים וְרַגְלִים עֲשָׂרִים רְאֵשֵׁי הָאֲזְנוֹת וְרֵאשׁ הַחֹטֵם וְרֵאשׁ הַגּוֹיָה וְרֵאשֵׁי הַדָּדִין שֶׁבְּאִשָּׁה אֶבֶל הַעֵינַיִם וְהַשְׂנַיִם הָרֵי הֵן מְפָרְשִׁין בַּתּוֹרָה:</p>	<p>Единственные рабы, освобожденные из-за потери кончиков их конечностей или органов, – это рабы, которые были обрезаны и омыты в микве, поскольку они обязаны соблюдать некоторые из заповедей мицвот. Раб, который является прямым язычником, не освобождается из-за потери кончиков его конечностей или органов. Это кончики конечностей и органов, которые не будут регенерировать: 10 пальцев и десять пальцев ног, кончики ушей, кончик носа, кончик мужского органа, соски женской груди. Глаза и зубы не включены в этот расчет, потому что они явно упоминаются в Торе.</p>
--	--

Там же, 5:5

Таким образом, если в Талмуде кастрация лютого раба однозначно подразумевает его освобождение, то у Майонида это относится только к рабам, которых обрезали и совершили над ними обряд ритуального омовения, *микву*, т.е. к рабам, совершившим ритуал принятия иудаизма *гиюр*. Рабы-язычники, т.е. ханаанейские рабы, могут калечиться и кастрироваться по воле своего хозяина

כיצד הרי שבא אחד וכרת את הגיד ובא אחר וכרת את הביצים או נתקן ובא אחר וכרת חוטי ביצים או שבא אחד ומעך את הגיד ובא אחר ונתקן ובא אחר וכרתו כולן לוקין ואף על פי שלא סרס האחרון אלא מסורס בין באדם בין בבהמה היה ועוף והמסרס את הנקבה בין באדם בין בשאר מינים פטור

и это, в отличие от положений Талмуда, не приводит к их освобождению.

Отметим, что поиск компромисса между прагматиками и талмудистами все же был. У Майонида есть упоминание о другом, еще более изобретательном подходе преодолеть талмудический запрет на кастрацию – делать эту операцию в несколько стадий, руками нескольких медиков, тогда, формально, каждый из них не совершает всей процедуры:

<Эти действия для евреев наказуемы плетью> Один разрезал член, другой отрезал или оттянул тестикулы, а третий перерезал семенной тракт. Точно так же, кто-то прижал член, другой оттянул его, а третий отрезал его. Нельзя кастрировать мужское существо – человека, скот, зверя или птицу, которое уже было кастрировано. Человек, который кастрирует женское существо, будь то человек или другой вид – не несет ответственности

Rambam Mishneh Torah, Sefer Kedushah \ Issurei Biah, 16:11

Несмотря на то, что такие действия для Майонида, более чем через 100 лет после прекращения поставок сакалиба, уже являются преступными и наказуемыми, подробное и последовательное описание подобной операции говорит о том, что ранее она активно практиковалась.

Эти тексты Мишна Тора показывают, что испанские евреи применяли достаточно радикальный метод кастрации, ампутируя и член и тестикулы. Эта информация полностью подтверждается сведениями из летописи ал-Мукаддаси, где он спрашивает о подробностях операции самого евнуха:

«По поводу самой операции кастрации мнения были противоречивы: одни говорили, что отсекают сразу же и член и скротум, а другие - что отсекают скротум, извлекают тестикулы, подкладывают под член дощечку и затем отсекают его под самый корень. Я просил евнуха 'Ариба, правдолюбивого ученого: Учитель, расскажи мне про евнухов, ибо нет единого мнения в этом вопросе:

Абу Ханифа, например, приписывает им даже способность к брачному сожителю, приписывает даже и детей, которых рождают их жены. Это такой вопрос, когда сведения о нем можно получить только у вас самих. Он отвечал: Абу Ханифа прав. Во время кастрации взрезают скротум и извлекают тестикулы. Зачастую во время этой операции мальчик пугается и одна тестикула уходит вверх, ее ищут, однако найти сразу не удается, и опускается она потом, когда разрез уже зарубцуется. Если это левая тестикула, то у евнуха будет и либидо и сперма, если же это правая, то растет у него борода <...>. Когда их кастрируют, то в то место, откуда изливается моча, вставляют свинцовую палочку, чтобы оно не заросло, а во время мочеиспускания они эту палочку вынимают» [26, с. 285].

Отметим, что в Византии обычно применялся более щадящий метод, связанный с механическим разрушением тестикул или их ампутацией при сохранении члена, который явно давал меньший

процент осложнений и практически нулевой процент смертности после кастрации. В «Дневниках» Павла Эгинского, греческого хирурга второй половины VII века, мы видим описание техники кастрации, принятой в Византии:

«Целью нашего искусства является восстановление тех частей, которые находятся в неестественном состоянии, до их естественного состояния, с операцией кастрации все как раз наоборот. Но поскольку нас иногда заставляют выполнять эту операцию высокопоставленные лица, мы кратко опишем способ ее выполнения. Есть два способа сделать это: один с помощью сжатия, а другой с помощью удаления. При выполнении сжатия дети, еще нежного возраста помещаются в ванну с горячей водой, а затем, когда части размягчаются в ванне, тестикулы сжимают пальцами, пока они не исчезнут и затем больше не прощупываются. Метод эксцизии заключается в следующем: пусть кастрируемого человека поместят на скамью, а скротум с тестикулами схватят пальцами левой руки и оттянут. Затем делают два прямых разреза скальпелем, по одному около каждой тестикулы, и когда они покажутся, их нужно рассечь и вырезать, сохранив остальные связи в скротуме. Этот метод предпочтительнее сжатия; у тех, у кого проведено сдавливание, иногда возникают любовные желания, потому что определенная часть тестикул может избежать сжатия» [1, р. 379-380].

Вряд ли можно предположить, что евреи в тот период времени хуже разбирались в медицине чем греки – скорее всего речь идет о культурно-эстетических и функциональных предпочтениях заказчиков, мусульманского нобилитета. Достаточно общеизвестным в античности и средневековье был тот факт, что евнухи, у которых были удалены только тестикулы, вообще говоря, могли

סחר העבדים היה כרוך בקשיים מרובים, ביהוד כשהיו צריכים להעביד את העבדים דרך כמה ארצות, ובהן נוצריות ומוסלמיות, עד שיגיעו למחוז הפצם. באחת מתשובותיו של רב נטרונאי יסופר על "ישראל שנכנסו [לעיר או לנמל] ועמהן עבדים וסריסים קטנים ובא השלטון ונטל אותם ונתנו לו שוחד ופייסוהו והחזיר להן מקצת".

Сама неконкретность этой байки (в какой стране? мусульманской или христианской? в городе или порту? когда это было?) дает нам уникальную информацию – это взгляд «издалека», со стороны ближневосточных общин, их обобщенное представление о тяжелом героическом труде их соплеменников, западноевропейских евреев-

быть способны к совершению полового акта – тестостерон, гормон мужского сексуального возбуждения, вырабатывается не только в тестикулах, но и в коре надпочечников. Поэтому и в Китае и в исламских странах выработались правила, что те из них, которые служили во дворцах и контактировали с женами и наложницами хозяина, обязательно подвергались полной кастрации.

Этот факт многократно подтверждался медиками XX века, наблюдавшими за реципиентами, которые лишились тестикул или в результате травмы, или вследствие их удаления по медицинским показаниям – саркома тестикул и другие заболевания. В своем обзоре Эдвард Таибер приводит достаточно убедительную статистику, что не смотря на некоторое естественное падение либидо и потенции, многие реципиенты после потери тестикул продолжали вести относительно полноценную супружескую жизнь [13, р. 77-80]. В качестве курьезного подтверждения активной сексуальной жизни кастратов в этом обзоре приводится информация, что из 23 протестированных евнухов 10 были заражены венерическими заболеваниями [13, р. 80].

4. Ответы гаонов

Во второй половине I тысячелетия у иудеев активно практиковался институт обмена письмами «вопросов и ответов», *шеелот у-тишувот* – специально выделенные талмудисты из Вавилонии, гаоны, отвечали на культурно-религиозные и бытовые вопросы рассеянных по всему миру общин. В середине IX века, ориентировочно в 857-865 гг., гаоном от Сурской Академии был рабби Натронай бен Гелай [17, с. 392], уделявший большое время связям с общинами Испании и Франции. Мы приводим одну его притчу, которую, в своей работе по еврейской работорговле, опубликовал авторитетный исследователь этого периода Симха Асаф:

Работорговля была сопряжена с трудностями, особенно когда торговец должен провести рабов через несколько стран, в том числе христианских и мусульманских, пока не достигнет своей цели. В одном из ответов рабби Натронай повествует об «иудее, который пришел [в город или порт] вместе с рабами и маленькими евнухами, причем власти арестовали этот его товар и вернули, только когда он заплатил им взятку» [2, р. 100 – 101].

работорговцев. Разумеется, в иудейском тексте честного купца-еврея должны обижать вороватые ханаанские власти, без этого противопоставления еврейская идентичность размывается. Кроме этого, мы можем сделать следующие выводы:

- Уже к середине IX в. некий «обобщенный» еврей-работорговец со своим живым товаром стал

неотъемлемой частью ландшафта средневекового рынка;

- Этот «обобщенный» еврей из притчи торгует не только рабами (עבדים), но и маленькими евнухами (סריסים קטנים), т.е. именно такой набор товара был типичен для иудейских работорговцев IX века;

- Талмудисты-гаоны ничего не знали о происхождении евнухов, тот факт, что кастрацией занимались сами евреи, от них, скорее всего, скрывался. С. Асаф по видимому не был знаком с арабскими летописями, однозначно указывающих на евреев как на исполнителей кастрации. Поэтому, ориентируясь на Талмуд, он пишет: *«Следует отметить, что в соответствии с нашим законом запрещается кастрировать человека или зверя, и поэтому евреи могли покупать только евнухов, которые были осклоплены неевреем...»* [2, примечание # 62, p. 100].

5. Иудейская работорговая ономастика

Исследователи, занимающиеся средневековой работорговлей [14], уже давно заметили, что в конце IX в. источники начинают отмечать работорговое сотрудничество иудеев и венецианцев, а в X-XI веках на северных склонах Альп появляется ряд поселков с характерным названием Judendorf, дословно – «иудейская деревня». Транзит рабов через Альпы, судя по источникам, продолжался до начала XII века и был настолько интенсивен, что ряд альпийских перевалов по сей день сохраняет еврейскую топонимику. Дошедшие до сегодняшнего дня названия поселков долины австрийской реки Фушен-Ахе (Judendorf, Judenbichlalm, Alt-Juden) демонстрирует один из возможных вариантов еврейских торговых маршрутов.

Информация о поставках рабов венецианцами в VIII – XI вв. на исламские рынки не очень обширна, но мы можем сделать выводы, что до первой половины X в. основными покупателями были Аглабиды и Аббасиды, а затем, по мере экспансии исмаилитского халифата, Фатимиды. Из общеэкономических соображений, скорее всего евреи поставляли с помощью венецианского флота дорогих евнухов-сакалиба для службы у халифов и мусульманского нобилитета, а венецианцы дополнительно везли собственных дешевых трудовых рабов. Расстояние от среднего течения Эльбы до Венеции по прямой не очень велико, порядка 800 км. (до Кордобы – около 2500 км.), но если в Испанию караваны рабов шли по старым римским дорогам вдоль Рейна и Роны, то бездорожье Центральной Европы, леса таежного типа, болота и необходимость преодоления альпийских перевалов приводило к тому, что на этот путь уходило минимум 3-

4 месяца. Рабов и надсмотрщиков в течении этого времени надо кормить. Венецианцы, зная европейские, арабские и византийские цены на рабов и евнухов, примерно представляли прибыли иудеев от продажи ас-саклаби и явно завышали для них цены на перевозку еврейских рабов. Поэтому торговля обычными рабами из трудового сектора рабовладельческого рынка для евреев была бы не выгодна, привычную прибыль они могли получить только на дорогостоящих евнухах.

Достаточно многочисленные свидетельства показывают, что одним из базовых экономических видов деятельности живущих в глубине территории Моравии, Богемии и Польши иудейских общин была работорговля (см. [22 и 27]), а основным центром транзита славянских рабов в Венецию была Прага. Поскольку, как мы уже обсуждали выше, славянские рабы на перепродажу с точки зрения равнинистического иудаизма были рабами-язычниками, ханаанейскими рабами, в лексике проживающих в Богемии иудеев сформировалось понятие «Ханаан» для обозначения своего славянского окружения и славянских земель. Многочисленные ссылки на средневековые источники по этой теме приведены в работе [7, p. 145-155]. С точки зрения М.А.Членова, впервые понятие Ханаан по отношению ко всем славянским землям было использовано в книге «Сефер Йосиппон», произведении анонимного еврейского автора первой половины X века. Перечисляя потомков библейского Иафета, этот аноним упоминает ряд известных ему славянских народностей, но после этого делает замечание: *«...они то и называются Склави, а иные говорят, что они от сыновей Ханаана...»* [4, p. 17]. Иудейские источники того времени, связанные с западно-славянскими землями, утверждают, что по аналогии с библейской *эрец Ишрэл*, ארץ ישראל, землей Израиля, евреи там живут в *эрец Кенан*, ארץ כנען, в земле Ханаанской – ведь согласно Торе потомки Сима, семиты, не только будут властвовать над потомками Ханаана (Бытие 9:25 – *и сказал: проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих. 26 Потом сказал: благословен Господь Бог Симов; Ханаан же будет рабом ему; 27 да распространит Бог Иафета, и да вселится он в шатрах Симовых; Ханаан же будет рабом ему.*), но и над всей землей Ханаанской (Бытие 17:8 – *и дам тебе и потомкам твоим после тебя землю, по которой ты странствуешь, всю землю Ханаанскую, во владение вечное; и буду им Богом.*). Рассеянные средневековые еврейские общины всегда знали языки народностей, среди которых жили, и в быту общались именно на этих языках (иврит был языком синагогального богослужения), поэтому древнечешский язык богем-

ских евреев и они сами, и их единоверцы из общин других стран, называли *лашон Кенан*, לשון כנען, «ханаанским языком».

Несколько выходя за рамки иудейской ономастики, отметим, что в тексте Ибрахима ибн-Йакуба есть прямое упоминание об иудейском поселке на реке Зале («От крепости *Nob Grad* до еврейской Салины, также расположенной на реке *S°lawwa* тридцать миль» [8, s. 49]), притоке Эльбы, как раз на границе противостояния германских и славянских народностей.

Выводы

Представленные выше еврейские источники позволяют несколько по другому взглянуть на европейские работорговые процессы IX – XI веков и позволяют глубже понять кто такие ас-сакалиба как в ал-Андалус, так и в Багдаде, их происхождение, их порабощение, их кастрацию и их функциональное применение.

Текст Маймонида о порабощении за неуплату налогов демонстрирует, что у еврейских работорговцев на славянских территориях был выбор рабов и, скорее всего, они делали его, отбирая в качестве контрибуции наиболее симпатичных детей, юношей и девушек, за которых в исламских странах можно было получить максимальные деньги.

Если это так, то мы можем с определенной уверенностью провести параллели с использованием евнухов в ранней Римской Империи – евнухи были популярны как слуги с особенно красивой внешностью в среде римской знати I-III в.н.э. и как слуги с особенно красивой внешностью в среде кордовского нобилитета VIII-XI веков. Разумеется, гомосексуальная эксплуатация евнухов в Кордобе, в отличие от римского принципата и династического Китая, была невозможна, мускулиная ориентация исламской культуры накладывали на это табу. То, как поступали с гомосексуалистами, мы видим из известного трактата, описывающего нравы верхних страт ал-Андалус во второй половине XI в.: «... а Абу Убейда Мамар ибн аль-Мусанна упоминал имя сожженного и говорил, что это Шуджа ибн Варка аль-Асади, — его сжег огнем Абу Бекр Правдивый за то, что его познавали сзади, как познают женщину» [32, стр. 205-206]. Более того, конечные покупатели из ал-Андалус, как мы уже показывали выше, существенно доплачивали за нестандартный для Испании внешний облик евнухов и рабынь, за серо-голубые глаза и белокурые волосы. Увлечение Кордовских Омейядов и их родственников белокурыми наложницами привело к изменению их внешности – многие из них стали обладателями русой шевелюры и серо-голубых глаз. Ибн Хазм, описывая их потомков в середине XI в., пишет

«Мы их видели и видели тех, кто их видел, со времени правления ан-Насира и до сей поры, и все они русые, по сходству с их матерями» [32, с. 48].

Здесь необходимо сделать дополнение об антропологии славян с точки зрения иудейских работорговцев, поскольку славяне, в своем большинстве, не являлись и не являются блондинами. Это достаточно убедительно подтверждается этнографической зарисовкой Пркопия Кесарийского, который описывает свои впечатления от встречи со славянскими воинами в конце 530-х годов – «... все они высоки и очень сильны, телом же и волосами не очень светлые (λευκοί) и не рыжие (ξανθοί), отнюдь не склоняются и к черноте, но все они чуть красноватые (ύπερυθροί)» [29, с. 184-185]. Из общих соображений можно сделать вывод, что процент блондинов выше на севере славянских земель, среди прибалтийских вендов – славяноязычные шатены, мигрировавшие в VII-VII веках к Балтийскому морю с юга, метисизировались с местными автохтонами «нордического типа», издревле обладавших светловолосым обликом. Иудейские работорговцы, углубившиеся в X веке в поисках блондинов в глубину славянских земель, были разочарованы, о чем говорит известное замечание ибн-Йакуба («Характерно, что население Богемии смуглое, с черными волосами, и светлый цвет среди них редок» [8, s. 49]), действительно, светловолосые рабы в качестве евнухов для службы во дворцах мусульманского нобилитета продавались гораздо лучше, чем шатены.

Поэтому мы можем с новыми аргументами подойти к дискуссии о том, кто такие ас-сакалиба – только кастрированные славяне, или со временем так стали называть всех рабов, поставляемых с севера. Д. Мишин достаточно подробно излагает точку зрения авторитетных исследователей мусульманской Испании Р.П.А. Дози и Э. Леви-Провенсалья о том, что этот арабский термин, поначалу имеющий славянское происхождение, впоследствии стал обозначать «...всех иностранных невольников, вывезенных из Европы...» [27, стр. 8-10]. Можно достаточно уверенно утверждать о том, что в своей массе ас-сакалиба покупались и использовались именно с «декоративными» целями. Специфика западноевропейской работорговли в тот период времени состояла в том, что торговля христианами не поощрялась, а для евреев была строго запрещена. Поэтому светловолосые рабы, специально отобранные из соображений внешней привлекательности, могли быть получены только из среды язычников славян-вендов, находящихся в состоянии внутренних раздоров и перманентных войн с франкскими и немецкими феодалами. Все остальные этносы с подобной антропологией или

уже были христианизированы, либо (как скандинавы, финны и прибалтийские народности) недоступны еврейским работорговцам.

В ал-Андалус мы видим, что сам смысл термина «ас-сакалиба» фактически разбиваются на две категории. К первой категории относятся евнухи, выполняющие обязанности «декоративных» слуг и внутренней гвардии при дворцах халифов или исламского нобилитета. Ко второй категории мы можем отнести тех славянских евнухов, которые в силу личной одаренности сделали карьеру и поднялись от простых слуг до доверенных слуг и далее до высоких административных должностей. В монографии Д. Мишина приведены достаточно многочисленные случаи достижения ас-сакалиба должностей управленцев при Кордовских Омейядах. В самом начале периода поставок славян, евнух-саклаби Мансур погиб зимой с 801 на 802 г. при неудачном походе войск Омейядов на Кастилию [27, с. 190]. Уже к 852 г. ас-сакалиба имеют настолько значимую власть при дворе, что группа евнухов во главе с Хабибом-ас-саклаби самостоятельно решает вопрос о престолонаследнике после смерти халифа Абд-ар-Рахмана [27, с. 192-193]. В 961 г. при вступлении на престол халифа ал-Хакама II первый, кто приносит ему клятву верности, это евнух Джафар-ас-саклаби [27, с. 198]. В конце этого периода, в первые десятилетия XI века, группа высокопоставленных сакалиба пыталась предотвратить развал халифата и даже организовала свое феодальное образование со столицей в Альмерии во главе с Хайраном-ас-саклаби [27, с. 215-222]. Их славянское происхождение не имело особого значения при карьерном росте, но отразилось в никабах их имен, в летописи они вошли как **/арабское имя/-ас-саклаби**. Такое разделение позволяет объяснить внешне парадоксальные моменты в нарративах, приводимых Д.Мишиным, когда новый халиф вступает в конфликт с сакалиба из окружения старого халифа, но при этом продолжает активные закупки рабов-сакалиба для дворца [27, с. 204].

В мусульманские королевства северо-западной Африки и в эмират Аглабидов евнухи-сакалиба поставлялись из ал-Андалус, вопрос об объемах венецианско-иудейских поставок кастрированных славян неясен. Но, вообще говоря, согласно арабским летописям, мы видим массовые поставки не кастрированных этнических славян в Фатимидский и Аббасидский халифаты [27, с. 242-299], так что в этих землях исламского мира термин «ас-сакалиба» несет скорее обозначение этноса.

В этом плане хотелось бы сформулировать две гипотезы, не имеющие прямых документальных свидетельств, но имеющие ряд косвенных под-

тверждений – об участии евреев в поставках славян на византийские рынки начиная со второй половины X века и об участии евреев в перепродаже этих славян из Византии на исламские рынки.

Во-первых отметим, что согласно многим источникам, в Византию, начиная с первой половины X в. осуществлялись настолько массовые поставки рабов-славян, что этноним σκλάβος стал обозначать раба сначала в разговорных глоссах, а с 1061 г. стал употребляться в этом значении и в официальных документах [21, с. 54-99].

Во-вторых, начиная с середины X в. отмечается прекращение гонений на евреев со стороны византийского административно-государственного аппарата. Если с первых десятилетий V в. до периода правления Романа Лапкина евреи были изгоями и inferнальным пугалом для христианской конфессии, то с 945 г., с начала правления Константина Багрянородного ни одного императорского распоряжения, ущемляющего права евреев не издавалось. При этом антисемитизм церкви и низших страт византийского общества не вызывает сомнений. Исчерпывающий список цитат из византийских источников за период до крестоносного вторжения 1204 г. приведен в работе [23, с. 67-75]. Несмотря на агрессивную юдофобскую риторику представителей православной церкви, евреев в Византии никак не затронули антисемитские погромы, несколькими волнами прокатившиеся по Западной Европе с 1095 г. по конец XIV века. Более того, мы видим, что в XIV веке, когда практически все евреи в Священной Римской Империи уже были уничтожены, в Византии формируется относительно терпимое отношение к евреям: «Матфей Властерь – канон не осуждает тех, кто живет по-иудейски», «Алексей Макремволит – евреи ... человеколюбивы и милостивы» [23, с. 77].

В-третьих, как уже упоминалось выше, из источников начала X в. мы видим транспортную, торговую и работорговую активность, в том числе еврейскую работорговую активность, в верхнем течении Дуная. На юге Богемии, на реке Морава, впадающей в Дунай, стоит городок с красноречивым названием «Отроковице», что можно перевести с чешского как «поселок рабов» или «холопя слобода». Поскольку в X в. рабовладение в славянских землях еще не практиковалось, можно достаточно уверенно утверждать, что это был перевалочный пункт при работорговле из северо-западных славянских земель на юг.

Сочетание этих факторов позволяет предположить активное участие евреев в поставке в Византию важного и нужного товара – славянских рабов. В соответствии с первым параграфом Раффельштеттенского устава, где сказано об активном

использовании кораблей при торговле на Дунае [MGH Leges, Capit.Reg.Francorum, Bd. 2, s. 250], представляется естественным допущение, что сплав кораблей с рабами по течению до несудоходной дельты Дуная является одним из базовых путей поставки рабов-славян в Византию в X-XII веках. Этнографические зарисовки Вениamina Тудельского о проживании в Константинополе на вторую половину XII в. порядка 2000 рабанитов и 500 караимов, и о наличии среди них большого количества богатых купцов, не просто подводят к выводу [21, с. 117] о работорговле как источнике их богатства. Здесь явно видна зонально-географическая сегментация еврейской работорговли – рабы из Европы, где исповедуется равинистический иудаизм, поставляются в Византию через рабанитов, соответственно в причерноморской еврейской работорговле вполне возможно участие караимов.

Вторая гипотеза, о перепродаже евреями рабов-славян из Византии на арабские рынки, следует из того, что территориальная экспансия Македонской династии, отвоевавшей у арабов в 960-х годах Малую Азию и Сирию, а также экспансия Фатимидов, захвативших в 969 г. Египет и Палестину,

привели к тому, что Аббасидский халифат оказался отрезан от Средиземного моря и от традиционных каналов поставок рабов-сакалиба. Но славянские рабы при этом остаются по прежнему доступны мусульманам – согласно тексту ас-Саби за 978 г. мы видим слуг-сакалиба в ближайшем окружении халифа – «По обе стороны трона [стояли] старые слуги ал-Мути' из саклабов, среди которых [были] Халис, Тариф, Бадр, Ахиф, Сабур, Рийад, Мавахиб, Салаф и другие, с опахалами в руках» [32, с. 60]. По видимому в этот период именно еврейские купцы были теми политически нейтральными посредниками, которые могли покупать и продавать рабов и на греческих и на исламских торговых площадках. По-видимому, выплата 10% коммерциона, налога на внешнеэкономическую деятельность, была в глазах императорского административного аппарата более весомым благом, чем религиозно-геологические расхождения. Возможно, выплата этого налога не с 20 номисм, стандартной византийской цены трудового раба, а с 300 динаров, стоимости экспортируемого евнуха-саклаби, и была той ценой, которую византийские евреи платили за два с половиной века спокойной и благополучной жизни.

Список источников

1. Ægineta P., The Seven Book of Paulus Ægineta, ed. by F.Adams. London, 1846. Vol. II.
2. Asaf S., Slavery and Slave-Trade among Jews during the Middle Ages (from Jewish sources) // Zion, v. 2, p. 91, 1939 (на иврите)
3. Ashtor E., Prix et Salaires dans l'Espagne musulmane aux Xe et XIe siècles // Annales ESC/ 1965. T. 20. P. 664 – 679.
4. Clenov M.A., Кнааним – the Medieval Jewry of the Slawonic World // Кенааниты: Евреи в средневековом славянском мире / под ред. В. Московича и др., Иерусалим-Москва, Гешарим – Мосты культуры, 2014. С. 13 – 51.
5. Constable O. R., Trade and Traders in Muslim Spain, Cambridge, Cambridge University Press, 1994.
6. Abu Ishak al-Farisi al-Istakri, ed. M.J. de Goeje, Leiden, 1927 (на арабском).
7. Jakobson R., Halle M., The Term Canaan in Medieval Hebrew // For Max Weinreich on His Seventieth Birthday: Studies in Jewish Language, Literature and Society, ed. by Dawidowicz L.S. London, 1964. P. 147 – 172.
8. Kowalski T., Relacja Ibrahima Ibn Jakūba z podróży do Krajów Słowiańskich w przekazie Al-Bekriego, Monumenta Poloniae Historia, Krakow 1946.
9. Mandelsohn I., Slavery in the Ancient Near East: A Comparative Study of Slavery in Babylonia, Assyria, Syria, and Palestine from Middle of the Third Millennium to the End of the First Millennium, NY, Greenwood Press, 1978.
10. Müller H.-H., Die Haustiere der mitteldeutschen Bandkeramiker, Berlin, Akademie-Verlag, 1964.
11. Rambam Mishneh Torah – Mishneh Torah, edition and translation by Rabby Eliyahu Tauger, English/Hebrew texts. Тексты выложены в свободный доступ на www.chabad.org, (дата обращения: 11.09.2019)
12. Rowlands R. M., Eunuchs and Sex. Beyond Sexuality Dichotomy in the Roman World, A Dissertation presented to the Faculty of the Graduate School at the University of Missouri-Columbia, 2014.
13. Tauber E. S., Effects of Castration Upon the Sexuality of the Adult Male: A Review of Relevant Literature // Psychosomatic Medicine Journal of Biobehavioral Medicine v. 2, p. 74-87, 1940.
14. Verlinden C., Slavenhandel en Economische Ontwikkeling in Midden-, Oost- en Noord-Europa Gedurende de Hoge Middeleeuwen, Brussel, Paleis der Academiën – Hertogsstraat, 1979.
15. Wittfogel K., Oriental Despotism, A Comparative Study of Total Power., New Haven, YALE University Press, 1967.

16. Васильев Н.А., Целютин В.К., Овцеводство. М., «Колос», 1979, 384 с.
17. Броди Р., Гаоны Вавилонии и формирование средневековой еврейской культуры. Иерусалим-Москва, Гешарим – Мосты культуры. 2006. 437 с.
18. Гойтейн Ш.Д., Евреи и арабы. Их связи на протяжении веков., Иерусалим-Москва, Гешарим – Мосты культуры. 2001. 275 с.
19. Дубнов С.М.. История евреев в Европе от начала их поселения до конца XVIII века. В 3 томах. Иерусалим-Москва, Гешарим – Мосты культуры, 2003.
20. Дубнов С.М. История еврейского народа на Востоке. Т. 3. От падения Иудейского государства до упадка автономных центров на Востоке (I-XI вв.), Иерусалим-Москва, Гешарим – Мосты культуры. 2006. 447 с.
21. Иванов А.О., Слейв? Склавос? Сакалиба? Этюды рабовладельческой и работорговой лингвистики. Европейская работорговля славянами в IX-XIII веках. СПб, «Свое издательство», 2015. 217 с.
22. Иванов А.О. Евреи и Каролинги – сотрудничество, публичность, работорговля и административный ресурс // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 1 (111). URL: <https://history.jes.su/s207987840018804-3-1/> DOI:10.18254/S207987840018804-3
23. Иванов С.А., Антисемитизм в Византии? // Византийская культура и агиография. М.: ИД «Яск», 2020. С. 65 – 80.
24. Керимов Г.М., Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. СПб.: Издательство «ДИЛЯ», 2009. 409 с.
25. Лиутпранд Кремонский, Антаподосис, Книга об Оттоне, Отчет о посольстве в Константинополь: пер. и примечания И.В. Дьякова М.: НП ИД «Русская панорама», 2012. 191 с.
26. Мец А., Мусульманский Ренессанс. М.: «Наука», 1973. 473 с.
27. Мишин Д. Е., Сакалиба. Славяне в исламском мире в раннее средневековье. М.: Издательство «Крафт+», 2002. 365 с.
28. Рабби Моше бен Маймон. Мишне Тора. [Кодекс Маймонида]. Книга «Приобретение» / Под ред. Б. Горина, М. Яглома: пер. с иврита Шлепаковой М., М., ИД «Книжник», 2019. 592 с.
29. Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I – VI вв.), под ред. Л.А. Гиндина Г.Г., Литаврина М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. 472 с.
30. Хилал ас-Саби, Установления и обычаи двора Халифов (Русум дар ал-Хилафа): пер. с арабского, предисловие и примечание И.Б. Михайловой М.: «Наука», 1983. 142 с.
31. Усов В.Н., Евнухи в Китае. М.: Издательский дом «Муравей», 2000. 223 с.
32. Ибн Хазм Ожерелье голубки: пер. с арабского М.А. Салье / под ред. И.Ю. Крачковского М.: Издательство восточной литературы, 1957. 234 с.
33. Шифман И.Ш. Правовое положение рабов в Иудее по данным библейской традиции // ВДИ 1964 № 3. С. 54 – 80.

References

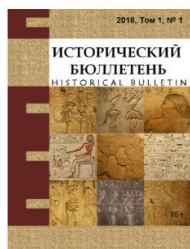
1. Ægineta P., The Seven Book of Paulus Ægineta, ed. by F.Adams. London, 1846. Vol. II.
2. Asaf S., Slavery and Slave-Trade among Jews during the Middle Ages (from Jewish sources). Zion. 1939 (in Hebrew). Vol. 2. P. 91.
3. Ashtor E., Prix et Salaires dans l'Espagne musulmane aux Xe et XIe siècles. Annales ESC/ 1965. Т. 20. P. 664 – 679.
4. Clenov M.A., Knaanin – the Medieval Jewry of the Slawonic World. Canaanites: Jews in the medieval Slavic world. ed. V. Moskovich and others, Jerusalem-Moscow, Gesharim – Bridges of Culture, 2014. P. 13 – 51.
5. Constable O. R., Trade and Traders in Muslim Spain, Cambridge, Cambridge University Press, 1994.
6. Abu Ishak al-Farisi al-Istakri, ed. M.J. de Goeje, Leiden, 1927 (in Arabic).
7. Jakobson R., Halle M., The Term Canaan in Medieval Hebrew. For Max Weinreich on His Seventieth Birthday: Studies in Jewish Language, Literature and Society, ed. by Dawidowicz L.S. London, 1964. P. 147 – 172.
8. Kowalski T., Relacja Ibrahima Ibn Jakūba z podróży do Krajow Słowianskich w przekazie Al-Bekriego, Monumenta Poloniae Historia, Krakow 1946.
9. Mandelsohn I., Slavery in the Ancient Near East: A Comparative Study of Slavery in Babylonia, Assyria, Syria, and Palestine from Middle of the Third Millennium to the End of the First Millennium, NY, Greenwood Press, 1978.
10. Müller H.-H., Die Haustiere der mitteldeutschen Bandkeramiker, Berlin, Akademie-Verlag, 1964.

11. Rambam Mishneh Torah – Mishneh Torah, edition and translation by Rabbi Eliyahu Tauger, English/Hebrew texts. The texts are freely available on www.chabad.org, (access date: 09/11/2019)
12. Rowlands R. M., Eunuchs and Sex. Beyond Sexuality Dichotomy in the Roman World, A Dissertation presented to the Faculty of the Graduate School at the University of Missouri-Columbia, 2014.
13. Tauber E. S., Effects of Castration Upon the Sexuality of the Adult Male: A Review of Relevant Literature. Psychosomatic Medicine Journal of Biobehavioral Medicine v. 2, p. 74-87, 1940.
14. Verlinden C., Slavenhandel en Economische Ontwikkeling in Midden-, Oost- en Noord-Europa Gedurende de Hoge Middeleeuwen, Brussel, Paleis der Academiën – Hertogsstraat, 1979.
15. Wittfogel K., Oriental Despotism, A Comparative Study of Total Power., New Haven, YALE University Press, 1967.
16. Vasiliev N.A., Tselyutin V.K., Sheep breeding. M., Kolos, 1979, 384 p.
17. Brodie R., The Gaons of Babylonia and the Formation of Medieval Jewish Culture. Jerusalem-Moscow, Gesharim – Bridges of Culture. 2006. 437 p.
18. Goitein S.D., Jews and Arabs. Their connections over the centuries., Jerusalem-Moscow, Gesharim – Bridges of Culture. 2001. 275 p.
19. Dubnov S.M.. History of the Jews in Europe from the beginning of their settlement to the end of the 18th century. In 3 volumes. Jerusalem-Moscow, Gesharim – Bridges of Culture, 2003.
20. Dubnov S.M. History of the Jewish people in the East. T. 3. From the fall of the Jewish state to the decline of autonomous centers in the East (I-XI centuries), Jerusalem-Moscow, Gesharim - Bridges of Culture. 2006. 447 p.
21. Ivanov A.O., Slave? Sklavos? Sakaliba? Sketches of slave-owning and slave-trading linguistics. European slave trade by the Slavs in the 9th-13th centuries. St. Petersburg, "Own Publishing House", 2015. 217 p.
22. Ivanov A.O. Jews and Carolingians – cooperation, publicity, slave trade and administrative resource. Electronic scientific and educational journal "History". 2022. T. 13. Issue. 1 (111). URL: <https://history.jes.su/s207987840018804-3-1/> DOI:10.18254/S207987840018804-3
23. Ivanov S.A., Anti-Semitism in Byzantium? Byzantine culture and hagiography. M.: Publishing House "Yask", 2020. pp. 65 – 80.
24. Kerimov G.M., Sharia: The Law of Muslim Life. Sharia's answers to modern problems. SPb.: Publishing house "DILYA", 2009. 409 p.
25. Liutprand of Cremona, Antapodosis, Book about Otto, Report on the embassy in Constantinople: trans. and notes by I.V. Dyakova M.: NP Publishing House "Russian Panorama", 2012. 191 p.
26. Metz A., Muslim Renaissance. M.: "Nauka", 1973. 473 p.
27. Mishin D. E., Sakaliba. Slavs in the Islamic world in the early Middle Ages. M.: Kraft+ Publishing House, 2002. 365 p.
28. Rabbi Moshe ben Maimon. Mishneh Torah. [Maimonides Code]. Book "Acquisition". Ed. B. Gorina, M. Yaglom: trans. from Hebrew Shlepakova M., M., Publishing House "Knizhnik", 2019. 592 p.
29. Collection of the most ancient written news about the Slavs. Volume I (I-VI centuries), ed. L.A. Gindina, G.G. Litavrina M.: Publishing company "Oriental Literature" RAS, 1994. 472 p.
30. Hilal al-Sabi, Establishments and customs of the court of the Caliphs (Rusum dar al-Khilafa): trans. from Arabic, preface and note by I.B. Mikhailova M.: "Science", 1983. 142 p.
31. Usov V.N., Eunuchs in China. M.: Publishing house "Ant", 2000. 223 p.
32. Ibn Hazm Necklace of the Dove: trans. from Arabic M.A. Salye. ed. I.Yu. Krachkovsky M.: Publishing House of Eastern Literature, 1957. 234 p.
33. Shifman I.Sh. Legal status of slaves in Judea according to biblical tradition. VDI 1964 No. 3. P. 54 – 80.

Информация об авторе

Иванов А.О., независимый исследователь, г. Санкт-Петербург

©. Иванов А.О., 2024

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<http://hb-journal.ru>
2024, Том 7, № 1 / 2024, Vol. 7, Iss. 1 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 930.85

Влияние русского языка и культуры на язык и культуру местных (других) национальностей в Синьцзяне в Китае

¹ Цзинь Вэйчжоу,
¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: после появления русских в Синьцзяне, у них возникло тесное взаимодействие с представителями других национальностей, проживающих в Синьцзяне. В ходе долгосрочного процесса культурного обмена другие местные этнические группы в Синьцзяне в разной степени впитали русскую культуру. Русский язык, литература, искусство, еда, одежда, архитектура и т.д. оказали весомое влияние на местные культуры, в следствие чего представители других национальностей включили некоторые элементы русской культуры в собственные традиционные культуры. В результате чего сформировалось уникальное культурное явление. В данной статье в основном анализируется влияние русского языка и культуры на языки и культуры местных других национальностей в Синьцзяне, раскрывается разнообразие местных национальных языков и культур в Синьцзяне, обусловленное влиянием исторического развития.

Ключевые слова: местные национальности в Синьцзяне, язык и культура, русская культура, русский язык, культурное многообразие, Синьцзян, культурная диффузия, культурный обмен

Для цитирования: Цзинь Вэйчжоу Влияние русского языка и культуры на язык и культуру местных (других) национальностей в Синьцзяне в Китае // Исторический бюллетень. 2024. Том 7. № 1. С. 255 – 261.

Поступила в редакцию: 25 сентября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 24 ноября 2023 г.; Принята к публикации: 15 января 2024 г.

Influence of Russian language and culture on the language and culture of Xinjiang local (other) nationalities in China

¹ Jin Weizhou,
¹ Kazan (Volga region) Federal University

Abstract: after the Russians appeared in Xinjiang, they developed close interaction with representatives of other nationalities living in Xinjiang. Through a long-term process of cultural exchange, other local ethnic groups in Xinjiang have absorbed Russian culture to varying degrees. Russian language, literature, art, food, clothing, architecture, etc. had a significant influence on local cultures, as a result of which representatives of other nationalities incorporated some elements of Russian culture into their own traditional cultures. As a result, a unique cultural phenomenon was formed. This article mainly analyzes the influence of Russian language and culture on the languages and cultures of local other nationalities in Xinjiang, revealing the diversity of local national languages and cultures in Xinjiang due to the influence of historical development.

Keywords: local nationalities in Xinjiang, language and culture, Russian culture, the Russian language, cultural diversity, Xinjiang, cultural diffusion, cultural exchange

For citation: Jin Weizhou Influence of Russian language and culture on the language and culture of Xinjiang local (other) nationalities in China. Historical Bulletin. 2024. 7 (1). P. 255 – 261.

The article was submitted: September 25, 2023; Approved after reviewing: November 24, 2023; Accepted for publication: January 15, 2024.

Синьцзян, Китай, расположенный в центре Евразийского континента, с древних времён был полиэтническим поселением и местом мультикультурного обмена. Сейчас в Синьцзяне насчитывается 56 национальностей, в том числе 13 национальностей (включая русских), живущих здесь поколениями. Таким образом, Синьцзян всегда отличался культурными характеристиками смешения нескольких этнических групп, разных религий и разных обычаев.

В ходе длинной реке истории культуры люди различных этнических групп в Синьцзяне влияли друг на друга, поглощались и смешивались друг с другом, но каждая из них сохранила особую, богатую и самобытную национальную культуру. Сохраняя и развивая свои собственные языки и традиционные культуры, люди всех этнических групп в Синьцзяне также изучают передовые культуры других этнических групп, что позволяет их собственным этническим группам добиться быстрого развития в культуре, образовании, экономике и технологиях.

Из новейшей истории Синьцзяна видно, что улучшение качества жизни населения всех этнических групп в Синьцзяне во многом связано с изучением русского языка, образованием и культурой. В современном развитии коренных этнических меньшинств Синьцзяна русский язык и культура сыграли роль в популяризации, особенно СССР оказал большое влияние на развитие родных этнических языков Синьцзяна, культуры, экономики, образования и других аспектов.

Способы воздействия

Синьцзян расположен на северо-западной границе Китая, а его географическое положение находится в центре Азии, и с древних времён он был местом, где встречаются восточная и западная культуры и экономики. По сравнению с местными этносами Синьцзяна русские, иммигрировавшие в Синьцзян, имеют разные языки и культурные типы. Поэтому, когда они общаются друг с другом, язык становится самым важным средством коммуникации.

Когда русские переезжали в Синьцзян партия за группой, они привозили с собой передовую науку и технологии, современную систему образования и образ жизни, а также некоторые другие новые вещи. Местные этнические группы в Синьцзяне начинают вступать в контакт с этими новыми вещами, и, чтобы лучше усвоить эти новые вещи, они должны начать изучать русский язык, что является первым шагом в культурном обмене и культурном поглощении.

У местных этнических групп в Синьцзяне имеется четыре основных пути изучения русского

языка. Первый – обучение в России или Советском Союзе; Второй – опыт совместной жизни с русскими на протяжении многих лет; Третий – общение с частью населения, длительное время контактировавшей с русской общиной, и испытавшей влияние её культуры; Четвёртый – изучение русского языка в школах, где есть курсы русского языка.

Студенты, обучающиеся за границей, являющиеся непосредственными носителями русского языка и культуры

Согласно историческим записям, в 1902 году (18-й год правления императора Гуансюя из династии Цин) посёлок Хуэйюань города Или впервые отобрал более 20 выдающихся учеников из народа сибиряков в маньчжурском лагере и отправил их в Верный, Российская империя (ныне Алматы, Казахстан) для изучения русского языка [1].

С ноября 1934 года по сентябрь 1937 года Департамент образования Синьцзяна последовательно отобрал 254 ханьских, маньчжурских, хуэйских, сибирских и уйгурских студентов для обучения на факультете административного права бывшего советского Среднеазиатского университета в Ташкенте, Средняя Азия. Изучаемые предметы включали русский язык, языки различных этносов (родные языки всех этносов, кроме ханьских студентов), математику и различные другие естественные науки, гражданское право, животноводство, статистику и другие предметы. Помимо основных курсов, было также несколько кружков продлённого дня, таких как музыка, танцы, спорт и так далее [2].

Вернувшись с учёбы, студенты стали активными деятелями на политической и дипломатической арене Синьцзяна, распространяя в Синьцзяне российские и советские политические идеи, русскую национальную культуру и передовые естественнонаучные знания, закладывая основу для развития и модернизации Синьцзяна. Более того, в качестве послов культуры они распространяли русский язык и культуру среди местного населения всех этнических групп Синьцзяна.

Люди, которые много лет находились в общении с русскими

В июле 1871 года царская Россия заняла Или (Кульджа). В течение более чем десяти лет оккупации Или (Кульджа) царской Россией местные жители всех национальностей жили с русскими, таким образом приобщаясь к культуре, и изучая русский язык.

Культурный обмен

Всего в Синьцзяне проживает 8935 этнических русских, территориально расположенных преимущественно в Или и Тачэне в Синьцзяне. Среди

них 3513 человек в Тачэне (Чугучак), 1460 человек в Или (Кульджа), 717 человек в Чанцзи, 577 человек в городе Карамай и меньше в других районах [3]. В этих местах, синьцзянские местные этносы и этнографические и субэтнические группы русских общались друг с другом в общей среде, изучая, таким образом, русский язык и культуру.

Изучение русского языка в школах

В конце 18 века русские ступили на Северо-Запад Китая. Для подготовки дипломатических кадров для ведения переговоров с Россией и удовлетворения потребностей на пограничной территории была открыта русская школа в Или, Синьцзян. Это положило начало преподавания русского языка и культуры в Синьцзяне.

К началу 20 века в Синьцзян въезжало большое количество этнических русских, большинство из которых проживало в Или, Тачэне, Алтае и Урумчи, местами образовывались русские деревни. В то время в некоторых местах относительной концентрации русского населения в Синьцзяне существовали школы, финансируемые русскими, с преподаванием на русском языке и по русским учебникам. Это было началом открытия этническими русскими собственных школ.

После революции 1911 года "Синьхай", русские в Или, Тачэне, Урумчи и других районах открыли новые школы и внедрили новую систему образования. Правительство Синьцзяна также начало открывать новые школы, большинство из которых были созданы по образцу российских и советских моделей обучения. Так, осенью 1924 г. в Синьцзяне было создано провинциальное «высшее учебное заведение» – институт политики и права с обучением на русском языке, преподавателями данного института также были русские. В институте преподавались следующие дисциплины: география России, история, классическая литература, протоколирование дипломатических переговоров на китайско-японской угольной шахте Фушунь, избранные российские газеты и т. Д [2].

В то время в Синьцзяне почти во всех колледжах и университетах, а также в большинстве школ преподавался русский язык, и подобная ситуация сохранялась до Культурной революции.

Сфера влияния

Местные этнические группы в Синьцзяне испытывали влияние русской культуры во всех областях в результате изучения и овладения русским языком. Воздействие русского языка и культуры на местный этнический язык и культуру Синьцзяна отчетливо проявляется в следующих аспектах:

Влияние языка и письменности

(1) Появление учебных материалов

Некоторые учёные нацменьшинств перевели и составили собственные учебники по филологии, математике, естествознанию, географии и т. д. со ссылкой на русские учебники, решив острую потребность в учебниках для национальных меньшинств в школах [5].

Например: учёный Узала Салачунь позаимствовал грамматику русского языка и в середине 1940-х годов составил и издал первую книгу по грамматике сибирского языка — «Грамматика сибирского языка».

(2) Заимствование русской лексики

В языках национальных меньшинств Синьцзяна много слов русского происхождения, в основном в уйгурском, сибирском, казахском и монгольском языках, среди проживающих в Или, Тачэне и других местах. Заимствованные слова относятся к разным сферам, например:

В уйгурском языке: *garmon* (гармонь), *mashina* (машина), *welispit* (велосипед), *kulub* (клуб), *rämidor* (помидор), *banka* (банк), *organ* (организация), *bolka* (булка), *aktip* (актив), *pilan* (план) и т. д. [9].

В Сибирском языке: *garman* (гармонь), *masina* (машина), *welosped* (велосипед), *kelup* (клуб), *ramidor* (помидор), *bank* (банк), *organ* (организация), *bulka* (булка), *ahtifu* (актив), *replan* (план) и т. Д [5].

Лексика, подобная вышеперечисленной, также существует и в других национальных языках, и относится к разным сферам: жизнь, технику, науку, образование и т.д.

(3) Реформа традиционной письменности на основе кириллицы и латиницы.

9 февраля 1957 г. газета «Ежедневный Синьцзян» опубликовала проект «новой письменности уйгурского, казахского, киргизского, монгольского и сибирского языков», основанный на кириллице. За исключением сибирской письменности, которая не используется и не распространяется, другие письменности продвигались и использовались в определённом диапазоне [4].

Позже из-за разрыва китайско-советских отношений план реформы письменности на основе кириллицы был остановлен, и был реализован план реформы письменности на основе латиницы. Однако после окончания Культурной революции традиционные письменности языков меньшинств были восстановлены.

Литература и перевод

Меньшинства в Синьцзяне, особенно татары, сибир и уйгуры, проживающие в районе Или, активно создают занимаются литературой, которая часто широко распространяется в виде рукописей.

В конце династии Цин и в начале становления Китайской Республики небольшая группа татар, сибо и уйгур, овладев русским языком, перевели большое количество произведений русских писателей. Это создало прецедент для ознакомления местных этносов Синьцзяна с русской пролетарской революционной литературой и способствовало развитию местной этнической культуры.

Например: "Чапаев. Железный поток. Как закалялась сталь" Фурманова Д. Серафимовича А. и Островского Н. и другие произведения были переведены на китайский и уйгурский языки [7]. Сибирский учёный Узала Салачунь перевёл такие русские литературные произведения, как «Дубровский», «Воскресение», «Мёртвые души» и многие другие известные произведения. А также иностранные стихотворения, переведённые и введённые Бай Сюэму, такие как «Паломничество Чайльд Гарольда» Байрона, «Евгений Онегин» Пушкина и «Письмо Татьяны к Онегину» и др [5].

Кроме того, уйгурские писатели в лице Лутпулла Муталлип вдохновлялись русской литературой советского периода и произведениями китайского писателя Лу Синя, а затем создали множество новых литературных произведений. Например, такие работы, как «Прилив водоворота» Лутпулла Муталлип, выражают его энтузиазм по поводу социальных перемен, заботу о будущем страны и надежду на подъем национального духа. Он также написал «Пушкин, верный сын русского народа» к 106-й годовщине смерти Пушкина, представляя Пушкина и полностью подтверждая демократический дух и патриотизм русской литературы [7].

Помимо литературных произведений, в 1941 году Ту Цичунь, местный учёный из Синьцзяна, перевёл советскую «Модель производственных отношений» (марксистско-ленинская теоретическая статья о советской «Правде») и «Основные принципы социализма». Эти статьи распространяли теоретическую информацию о марксизме-ленинизме среди всех этнических групп Синьцзяна [5].

Студенты и учёные различных этнических групп в Синьцзяне, получившие образование в Советском Союзе, благодаря навыкам перевода и владением русским языком познакомили с политикой, экономикой, культурой и наукой Советского Союза людей из всех слоёв общества в Синьцзяне, что оказало огромное влияние на местные этнические группы в Синьцзяне.

Искусство

(1) Музыкальные инструменты

Все этнические группы в Синьцзяне хорошо поют и танцуют, а синьцзянские пение и танцы хорошо известны в стране и за рубежом.

Традиционные музыкальные инструменты этнических меньшинств Синьцзяна: уйгурские музыкальные инструменты: дутар, гиджек (*ghijäk*), сатар, равап, дап, сунай и др.; казахские музыкальные инструменты: домбра, кобыз, сыбузыэ и др.; таджикские музыкальные инструменты: най (пикколо из костей орлиных крыльев), баланзкум (щипковая лира), бубен и др.; сибирские музыкальные инструменты: тростниковая флейта фецак, струны мокна, фетекна, чолун, дунбур, сыху, шаманский бубен имуцинь и др.; монгольские музыкальные инструменты: морин хуур, монгольский барабан, хобус, товшуур, яток, сыху, хуцзя и др.

По мере того, как русские переселялись в Синьцзян, местные этнические группы в Синьцзяне также находились под влиянием русского искусства, и многие западные музыкальные инструменты хлынули в культурную жизнь людей, наблюдался всплеск изучения игры на русских музыкальных инструментах.

Обычно изучались следующие музыкальные инструменты: пианино, орган, мандолина, гитара, баян/аккордеон/гармонь, губная гармошка, скрипка, балалайка, бандура, цимбалы и др.

В частности, местные этнические группы в Инине и Тачэне лучше играли на баяне, гитаре и мандолине. В праздничные дни люди устраивают различные посиделки и вечеринки, музыканты играют на мелодичном и весёлом баяне и громко поют, а девушки и юноши легко танцуют.

Музыкальные инструменты, принесённые этими русскими этническими группами, были приняты и поглощены различными этническими группами Синьцзяна, и в сочетании с традиционной музыкой они сформировали уникальную местную этническую музыкальную культуру. С помощью этих русских музыкальных инструментов было создано много новой этнической музыки

(2) Танцы

Миграция русских также принесла западные традиции танцев. Местные нацменьшинства в Синьцзяне научились танцам, таким как: краковяк, вальс, полька, чечётка, чардаш, мирка и др. Чечётка пользуется особой популярностью среди всех этнических групп в Синьцзяне.

Некоторые местные этнические танцоры Синьцзяна, беря за основу движения в русских народных танцах и русском балете, систематически совершенствовали свои собственные танцевальные трюки и модели танцевального исполнения.

Например, уйгурский танцор Қәмбәрхан Әмәт (قەمبەرخان ئەمەت / Qämbärhan Ämät / Камбархань Ама́т) – первый артист в истории этнических танцев в Синьцзяне, получивший формальное и систематическое танцевальное образование: когда-то она училась в Московской консерватории музыки и танца, специализируясь на этнических народных танцах, балете и связанных с ними теориях, и другие курсы теории искусств. Унаследовав уйгурскую танцевальную традицию, она широко использует и впитывает сильные стороны исполнения других этнических групп и зарубежного танцевального искусства, вводит новшества и развивает путь уйгурского танцевального искусства, добилась выдающихся достижений. Она известна как «первая танцовщица в Синьцзяне».^[6]

(3) Песни

① Песни, созданные путем наполнения русских мелодий текстами на других языках.

Например, уйгурская версия известной народной песни в Синьцзяне – «Сиганучига (siganuchiga)», а китайская версия – «Цзиэрла (吉尔拉)», которые на самом деле являются мелодиями русской песни «Коробейники».

② Частично адаптированные русские песни с текстом на других языках.

Например, песня «Река Или», написанная Узлой Яшкой, воспеваает горы и реки его родного города, а песня «Влюблённые глаза» выражает любовь между юношей и девушкой. Также русская песня «Два берега» переведена и изменена на китайскую песню «Одна река».

③ Русские песни, переведенные на другие языки.

Такие как «Уральская рябинушка», «В низенькой светёлке», «Ой, цветёт калина», «До свидания, мама», «Катюша» и т. д. были переведены на разные этнические языки: китайский, уйгурский, казахский, сибирский, монгольский и другие языки.

Эти песни вызвали большой резонанс среди местных этнических групп в Синьцзяне, и вскоре их полюбили, оценили и исполнили представители всех этнических групп. Прекрасные, трогательные и лёгкие для понимания песни удовлетворяют разнообразными потребностями людей в художественном восприятии. Эти популярные песни обогатили духовную и культурную жизнь людей всех этнических групп в Синьцзяне.

Культура питания

Культура питания всех этнических групп Синьцзяна имеет давнюю историю, в ходе длительного исторического развития их культура питания постоянно совершенствовалась и обогащалась, постепенно формируя свою самобытную

культуру питания. Она не только поддерживает прошлые традиционные пищевые привычки нации, но и показывает особенности взаимного обмена и взаимовлияния пищевых культур различных этнических групп.

Русская культура питания – это новый тип культуры питания для местных этнических групп Синьцзяна. Употребление пищи русской этнической группы сильно отличается от употребления пищи коренных этнических групп в Синьцзяне с точки зрения кулинарных навыков, обеденного этикета, пищевых привычек и самой пищи, которая внесла новые элементы в культуру питания Синьцзяна.

В Инине и Тачэне некоторые местные этнические семьи находятся под влиянием русских пищевых привычек: они едят хлеб, выпечку, пироги, суп, и т.д., пьют водку и пиво в повседневной жизни. Многие семьи других национальностей также варят русское пиво самостоятельно.

Каждый раз после сбора ягод и фруктов, в домашних условиях заготавливают варенье (из клубники, из яблок, из персиков, из абрикосов и т. д.), а также используют фрукты и сухофрукты для приготовления напитка компота. В праздники многие готовят русские выпечку и десерты, такие как медовик, торт «Наполеон», тирамису, бисквиты, пироги с вареньем и так далее.

Летом в Синьцзяне мы часто видим мороженое, приготовленное национальными меньшинствами, способ приготовления которого был передан из России. И на языках местных этнических меньшинств Синьцзяна слово «mározhni» также происходит от русского слова «мороженое». А «Kawas (квас)» можно увидеть почти в каждом городе Синьцзяна, поскольку квас стал одним из особых напитков Синьцзяна.

Архитектура

Русские архитектурные элементы часто вырезаны рельефными украшениями под карнизами и на стенах. Высокие каменные ступени и колоннады, длинные окна и красочные узоры демонстрируют славянский стиль.

Русские архитектурные особенности глубоко любимы людьми всех этнических групп в Синьцзяне. В Инине, Тачэне и других местах с большим русским населением дома других местных этносов также стали проявлять архитектурный стиль русских домов.

Например, снаружи дома окна с русскими узорами, внутри дома стены представлены белым цветом, красивый и ровный пол, а на стенах развешаны покрывала и ковры. Овощи, фруктовые деревья, цветы и так далее высажены перед и за домом. Русская традиция озеленения и благо-

устройства среды обитания повлияла на жизнь других этнических групп Синьцзяна.

Сегодня жилые дома на улицах Люсин, Казанчи (قازانچى) и других местах города Инин включают в себя многие элементы русской архитектурной культуры. Например: скатные крыши в русском стиле, печи, пилястры, карнизные кронштейны, молдинги, дверные и оконные перемычки и другие декоративные элементы широко используются в домах нацменьшинств в городе Инин [8].

Культура одежды

Одежда – уникальный культурный феномен человека. Культура одежды тесно связана с развитием материальной и духовной цивилизаций. В связи с частыми контактами между местными этническими группами Синьцзяна и русскими в различных областях, таких как язык, литература, питание, быт, торговля местные этнические группы Синьцзяна также претерпели некоторые изменения.

Русская культура одежды проникла в культуру одежды местных этнических групп в Синьцзяне, главным образом по причине открытия русскими магазинов одежды в Инине, Тачэне, Урумчи и других местах, что в определенной степени способствовало продвижению и популяризации западных стилей одежды.

Позже некоторые местные этнические группы Синьцзяна отправились в Россию для обучения портняжному делу в западном стиле. Например, Мукэдэн и Синлишань из Инина в феврале 1926 г. за свой счёт отправились в Россию, и в течение почти трёх лет изучали западный стиль пошива одежды, а после возвращения в Китай они набирали подмастерьев и обучали портняжным навыкам западного стиля, благодаря чему местные жители люди перенимали стиль русской одежды, и это стало модой [5].

В Синьцзяне, особенно в Инине, Тачэне, Урумчи и других местах на севере, мужчины стали носить галстуки, костюмы в русском стиле, брюки, бриджи, шерстяные пальто, фуражки, русские войлочные шляпы, русские кожаные сапоги с высокой талией, кожаную обувь. Женщины стали носить шерстяные пальто, русские платья, платки, шали и туфли на высоких каблуках. А в дома простых людей стали поступать всевозможные русские ткани.

Кроме того, некоторые местные этнические группы в Синьцзяне использовали русские национальные и современные костюмы в качестве основы и добавляли свои народные элементы и узоры на одежду, такие как традиционные узоры и традиционные цвета, для создания новых этнических костюмов. Например, уйгурские мужские этнические рубашки, женские этнические платья, костюмы и т.д.

Подводя итог, можно сказать, что местные этносы Синьцзяна изучают русский язык и рассматривают его как ключ к овладению научными знаниями, развитию национальной культуры и народного хозяйства. Это не только создаёт благоприятные условия для изучения и использования передовых научных знаний местными этносами Синьцзяна, но и позволяет локальным этносам Синьцзяна, впитывая русскую культуру, обогащать местную этническую культуру и делать ее более разнообразной. Таким образом, русский язык и культура сыграли определённую роль в развитии национальной экономики, укреплении и развитии национальной культуры, обеспечении процветания и развития региональной экономики, а также оказали большое влияние на историю развития современного образования в Синьцзяне.

Список источников

1. Официальная редакция. «Записи династии Цин. Коллекция материалов Синьцзяна. Том династии Сюаньтун. Том династии Гуансюй» / Сост., перераб. и доп. под ред. Чжоу Сюань. Урумчи: Издательство Синьцзянского университета, 2003. С. 480 – 520.
2. Ян Цзэнсинь Положения Министерства иностранных дел о Профессиональной школе русского языка права и политики / «Бу Го Чжай Вэнь Шоу», Ч. 3: Т. 1. Ланьчжоу: Издательство культуры Ганьсу, 1999. С. 15.
3. Национальное бюро статистики Китая: данные переписи населения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/sj/pcsj/>
4. Чэнь Юньхуа Обзор и очерки о реформе письма современных этнических меньшинств Синьцзяна. Национальная историческая сеть, 29 июня 2009 г. http://www.hprc.org.cn/gsyj/yjjg/zggsyjh_1/gsnhlw_1/sanguoshilxswj/2009_06/t20090629_12895_1.html
5. Хэ Лин Влияние современной русской культуры на народ Сибо // «Исследование Сичэн» / Синьцзянская академия социальных наук. 2001. Вып. 2. С. 106 – 111.
6. Цюань Гэньсянь Камбархань: сияющая жемчужина китайского народного танца [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hsw.org.cn/wzzx/djhk/jswx/2022-07-23/76593.html>

7. Турсунзян Байхети Анализ влияния русского языка на уйгурский язык и литературу // «Зерна коло-са». 2015. Вып. 489. С. 017 – 018.
8. Ли Вэньхао Особенности русской культуры в дверях и окнах уйгурских домов Или // Украшения – народные обычаи и народное искусство. 2014. Вып. 04. С. 114 – 115.
9. Азигули Абдурашити Краткий анализ русских заимствований в уйгурском илийском диалекте // Ино-странное общение. Вып. за апрель 2011. С. 54 – 55.

References

1. Official edition. “Records of the Qing Dynasty. Collection of Xinjiang materials. Volume of the Xuantonг Dynasty. Volume of the Guangxu Dynasty”. Compiled, revised. and additional edited by Zhou Xuan. Urumqi: Xinjiang University Press, 2003. P. 480 – 520.
2. Yang Zengxin Regulations of the Ministry of Foreign Affairs on the Professional School of the Russian Language of Law and Politics. “Bu Guo Zhai Wen Shou”, Part 3: Vol. 1. Lanzhou: Gansu Culture Publishing House, 1999. P. 15.
3. National Bureau of Statistics of China: population census data [Electronic resource]. Access mode: <http://www.stats.gov.cn/sj/pcsj/>
4. Chen Yunhua Review and essays on the writing reform of modern ethnic minorities in Xinjiang. National Historical Network, June 29, 2009. http://www.hprc.org.cn/gsyj/yjjg/zggsyjxh_1/gsnhlw_1/sanguoshilxswj/200906/t20090629_12895_1.html
5. He Ling The influence of modern Russian culture on the Xibo people. “Sicheng Research”. Xinjiang Academy of Social Sciences. 2001. Issue. 2. P. 106 – 111.
6. Quan Genxian Kambarkhan: the shining pearl of Chinese folk dance [Electronic resource]. Access mode: <https://www.hswb.org.cn/wzxx/djhk/jswx/2022-07-23/76593.html>
7. Tursunjiang Baiheti Analysis of the influence of the Russian language on the Uyghur language and literature. Grains of the Ear”. 2015. Issue. 489. P. 017 – 018.
8. Li Wenhao Features of Russian culture in the doors and windows of Uyghur houses Or. Jewelry – folk customs and folk art. 2014. Vol. 04. P. 114 – 115.
9. Aziguli Abdureshiti A brief analysis of Russian borrowings in the Uyghur Ili dialect. Foreign communication. Vol. for April 2011. P. 54 – 55.

Информация об авторе

Цзинь Вэйчжоу, Казанский (Приволжский) федеральный университет

© Цзинь Вэйчжоу, 2024